

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ
ИСТОЧНИКАХ СТАВРОПОЛЬЯ**

Хрестоматия

**Часть III
ПУБЛИЦИСТИКА**

Ставрополь
2011

УДК 016 : 882
ББК 91.9 : 83+83.3(2Рос-4)
А 72

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО Ставропольского государственного
педагогического института

Научный редактор

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е.Г. Пономарев

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Ю.Ю. Леденев*,
доктор исторических наук, профессор *И.В. Крючков*,
Заслуженный учитель России *Е.М. Шеронова*

Авторы-составители:

доктор юридических наук, кандидат филологических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е.Н. Атарщикова,
кандидат педагогических наук *А.В. Морозова*,
старший преподаватель *Н.С. Петрова*

**Антропологическая проблематика в исторических и лите-
ратурных источниках Ставрополя:** Хрестоматия. – Часть III:
А 72 Публицистика. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – 424 с.

ISBN 978-5-91090-095-4

Публицистические материалы хрестоматии подобраны в соответствии с национально-региональным компонентом государственного стандарта общего образования по литературе, осуществляемом на двухх ступенях общего образования: основном общем, среднем (полном) общем образовании.

Издание предназначено для учителей средних учебных заведений Ставропольского края, студентов гуманитарных специальностей педагогических вузов, родителей, учащихся.

Работа над хрестоматией выполнена сотрудниками ВНИК «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе» лаборатории «Антропология детства», финансируемой Правительством Ставропольского края.

УДК 016 : 882
ББК 91.9 : 83+83.3(2Рос-4)

ISBN 978-5-91090-095-4

© Ставропольский государственный
педагогический институт, 2011

*Публицистика – высший род журналистики.
Она выделяется тем, что всегда исполнена
полемики, спора, борьбы за новые идеи.
С его <публициста> творчеством не совместимы
робость и трафаретность мысли,
иллюстративность и несамостоятельность взгляда*

Краткая литературная энциклопедия, т.6, стлб.73.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время в российском обществе чрезвычайно остро стоит вопрос поиска той духовной опоры, которая позволит личности развиваться нравственно, эстетически, в соответствии с национальным характером, гуманистическими и национальными традициями.

В 1862 году Н.Х. Вессель в статье «Местный элемент в обучении» впервые высказался за введение в средней школе специального предмета «отчизноведение». В его содержание включалось изучение региональной истории, географии, естествознания, т.е. речь шла о необходимости изучения культуры региона, где ребенок проживает и которую может непосредственно воспринимать. Через год К.Д. Ушинский вводит понятие «отечествоведение», по своему значению и содержанию родственное отчизноведению. В этом курсе великий русский педагог видел важное средство образования и воспитания патриота и гражданина.

Прошли десятилетия, и введенное в 1914 г. на основе опыта предшественников и собственных исследований К.Н. Маньковым понятие «краеведение» стало рассматриваться уже более широко, вышло за рамки сюжетного обозрения и обрело черты педагогических принципов обучения. Таким образом сформировалось специфическое педагогическое явление, которое мы сегодня объемно называем региональным компонентом содержания образования. Дальнейшее развитие педагогической науки в России и мире приобрело отныне устойчивый вектор, направленный на углубленное изучение региональных особенностей территории местного социума.

Литературное краеведение является составной частью великой культуры России, многовековой истории страны. Важнейшие ее события получили отражение в произведениях художественной литературы, поэтических строках, историко-литературных исследованиях, публикациях.

Ключевыми позициями в современном школьном филологическом образовании являются воспитание глубокого, эмоционального, проникновенного, заинтересованного, бережного отношения к произведениям местных писателей, создание ценностной ориентации учащихся на их изучение.

Литературное краеведение – один из самых драгоценных камней в сокровищнице культуры Ставрополья. Коллектив ВНИК «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе» в рамках лаборатории «Антропология детства» СГПИ на основе регионального компонента государственного стандарта общего образования в течение шести лет разрабатывает учебно-методический комплекс «Литература Ставрополья», который направлен на повышение уровня образовательной и речевой культуры учащихся, приобретение умений и навыков коммуникации. Он призван расширить представления о малой Родине, помочь школьникам и студентам лучше узнать историю и культуру родного края, показывая красоту души и величие дел наших земляков.

При изучении курса «Литература Ставрополья» ученики увязывают эту область знаний с психологией, философией, этикой, религией, сравнивают общечеловеческие ценности с местным колоритом межчеловеческих, межнациональных отношений, с проблемами социально-исторического и этнокультурного процесса на Ставрополье. В курсе «Литература Ставрополья» учебная деятельность направлена на то, чтобы учащиеся умели читать, анализировать литературные произведения с учетом исторических событий. Кроме того, данный предмет должен активизировать деятельность учеников, направленную на развитие речи, знание элементов теории литературы.

«Литература Ставрополья» изучается как самостоятельный предмет и в старших классах, поэтому должны быть учтены знания учащихся по данному курсу, полученные в основной школе. Опора идет на общие требования к курсу литературы, определенные для 10-11 классов государственным стандартом.

Учащиеся знакомятся с краткой биографией, политическими взглядами писателей, изучают их роль в общественной жизни края, одновременно углубляют свои познания в области литературного языка, специфике диалектов, говоров южно-российского региона. В этом же курсе выделяются часы для обзоров по публицистике и литературной критике на Ставрополье.

Преподаватели литературы на основе изученных произведений писателей Ставрополья обращают внимание учащихся на процесс становления личности положительного героя, воспитывают подростков на примере жизни земляков, которые боролись за идеи свободы и независимости Родины, за процветание Ставрополья.

Учащиеся должны изучить разные жанры:

историко-литературные: история становления писательской организации на Ставрополье; краткие биографические сведения известных писателей края; сведения и статьи критиков и публицистов края; связь исторических событий на Ставрополье и их отражение в конкретном литературном произведении;

теоретико-литературные: сведения о том, к какому литературному направлению относится то или иное произведение местных авторов; обобщающие сведения об идейном содержании того или иного произведения.

Школьники должны усвоить основные теоретико- и историко-литературные знания о произведениях литературы:

обобщение знаний о художественном образе;

обобщение наблюдений над соотношением жизненной правды и художественного вымысла;

обобщение знаний об изображении внутреннего мира героя;

обобщение наблюдений над разножанровыми особенностями литературы;

обобщение знаний о внутреннем мире и строении художественного произведения (тема, идея, сюжет, конфликт, композиция, герои, роль изобразительно-выразительных средств);

биографические сведения о наиболее выдающихся писателях;

сведения о творческой истории наиболее значительных произведений;

представление об общественном значении литературы.

Молодые люди должны научиться анализировать произведения с привлечением необходимых теоретико-литературных знаний:

- характеризовать и оценивать героев эпического и драматического произведения (объяснять особенности их внутреннего мира и обусловленность их поведения обстоятельствами, в которых они действуют, учитывая особенности истории Ставрополя);

- понимать взаимоотношения героев и их группировку в эпических и драматических произведениях;

- определять основную проблематику эпического и драматического произведения и обнаруживать при этом понимание позиции автора, его историческую роль в жизни региона;

- обнаруживать художественно-речевые особенности стихотворного лирического произведения и давать ему личностную оценку на основе местных диалектов;

- объяснять основной способ выражения авторского сознания (автор – повествователь, лирический герой и др.)

- определять принадлежность изученных произведений к одному из литературных родов и жанров;

- сопоставлять изученные произведения Ставрополя, их проблематику, героев и жанровые особенности с учетом Российских или мировых аналогов;

- соотносить изученное произведение с литературным направлением; объяснять значение произведения для развития литературы;

- пересказывать устно и письменно эпические художественные произведения или их фрагменты с сохранением стилевых особенностей источника, отмечая связь с историей Ставропольского края;

- писать сочинения проблемного характера по литературным произведениям;

- писать рецензии на произведения литературы, кино- или телеискусства;

- составлять планы, аннотации, тезисы, конспекты статей и других материалов на литературные и публицистические темы;

- уметь сопоставлять изученные текстуально произведения, их проблематику и героев;
- составлять рефераты выступать с докладами и сообщениями на литературные темы;
- участвовать в диспутах и обсуждениях вопросов искусства и общественной жизни, составлять аннотацию на спектакль по произведениям авторов Ставрополя;
- писать очерки, репортажи и другие письменные работы литературно – творческого характера;
- выразительно читать художественные тексты, передавая индивидуальные особенности стиля писателя и собственное отношение к читаемому.

Завершая изучение данного учебного предмета, учащиеся должны понять ту роль, которую сыграла литература Ставрополя в общественной жизни, в отражении политических, экономических, гражданских событий нашего края.

В арсенале ВНИК «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе» в настоящее время имеются не отдельные учебные пособия, изданные с 2006 по 2010 годы, а целостный учебно-методический комплекс по изучению регионального компонента «Литература Ставрополя», в который входят:

1). Атарщикова Е.Н. Литература. Авторский проект регионального компонента государственного образовательного стандарта (2006);

2). Атарщикова Е.Н., Трёмбикова А.А., Халяпина Л.В. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: библиографический указатель (2008);

3) Атарщикова Е.Н. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть Й. Поэзия (2009);

4) Атарщикова Е.Н. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть ЙЙ. Проза.

Авторы-составители двух изданий получили дипломы лауреатов конкурсов, проводимых Фондом развития отечественного образования, за лучшие научные книги 2007 и 2010 годов (Сочи).

Настоящее издание представляет собой хрестоматию «Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Часть ЙЙЙ. Публицистика», дополняющую учебно-методический комплекс по изучению регионального компонента «Литература Ставрополя».

Его цель – познакомить и приобщить учащихся к богатствам публицистических произведений. Поставленная цель обуславливает следующие *задачи*: дать учащимся знания о важнейших событиях социально-политической, историко-культурной и культурно-литературной жизни Ставрополя и Северного Кавказа; расширить литературно-художественный кругозор школьников, координируя эту область знаний с психологией, философией, этикой, религией, сравнивая общечеловеческие ценности с местным коло-

ритом межчеловеческих, межнациональных отношений, с проблемами социально – исторического и этнокультурного процесса на Ставрополье; способствовать воспитанию молодежи на основе регионально-национального компонента в системе литературного образования; совершенствовать умения пользоваться источниками краеведческой информации.

Публицистика – жанр, исторически сложившийся как литературная форма, обладающая определенными устойчивыми признаками. Это одно из средств отражения объекта в жизненной ситуации, интересного факта, отражающая определенную идею или мысль. При этом творческая личность в рамках этого жанра всегда накладывает на публицистический материал свою неповторимую индивидуальность.

Публицистика – (от лат. publicus – общественный) – род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни и общества. Играет важную политическую и идеологическую роль как средство выражения плюрализма общества.

Публицистические материалы можно классифицировать на три основные родовые группы:

информационные объединяют между собой событийный повод для выступления. Они, как правило, оперируют простой, первичной информацией и идут по горячим следам события. Поэтому главная их цель – оперативно сообщить о факте, событии, явлении. В числе определяющих признаков информационных жанров, прежде всего, выделяется новизна;

аналитические объединяют глубокое исследование жизни и всесторонний анализ фактов. При создании этих материалов проводится анализ-синтез социальной действительности, расчленяя исследуемое явление на составные части, подробно изучая их, отделяя существенное от несущественного, главное от второстепенного, а затем делая выводы, обобщения и рекомендации;

художественно-публицистические характеризуются образностью, типизацией, эмоциональной выразительностью и насыщенностью литературно-художественными изобразительными средствами, языковыми и стилистическими особенностями. В них конкретный, документальный факт как бы отходит на второй план, для автора важнее умение подняться над явлением, над фактом в поисках типизации и обобщения тенденции развития.

Таким образом, можно сказать, что информационные материалы – констатируют, аналитические – осмысливают и обобщают, художественно-публицистические типизируют реально-документальную действительность.

Публицистические материалы имеют жанровую специфику. Жанр – категория сравнительно устойчивая, не теряющая своих формообразующих качеств на протяжении веков. Теория жанров публицистики отличается чрезвычайной сложностью, многоаспектностью:

заметка, интервью, отчет, репортаж (*информационные*);

статья, корреспонденция, версия, комментарий, журналистское расследование, открытое письмо, обозрение, обзор печати, рецензия (*аналитические*);

зарисовка, беседа, исповедь, очерк, фельетон, памфлет, пародия, эпиграмма, публицистическая сказка, публицистический рассказ (*художественно-публицистические*).

Наполняясь новым актуальным содержанием, жанр публицистики в настоящее время приобретает новые черты, хотя формальные, жанрообразующие признаки серьезных преобразований не претерпевают. Со временем новые видовые образования выкристаллизовываются в отдельные жанры, например эссе. Эссе-раздумья рождены интересом рассмотрения морально-этических, историко-политических и эстетических проблемы через персонификацию конкретной личности. Поэтому этот жанр – личностный, позволяющий наиболее полно высказать и обосновать авторское мнение, воплотить в нем личные чувства и личные эмоции. Ему одновременно присущи и философско-аналитический взгляд на предмет, и художественная типизация образа.

Специфика издания заключается в том, что авторы-составители избирательно отнесли к большому массиву публицистических материалов, квалифицируемых как информационные, аналитические и художественно-публицистические. В настоящую хрестоматию вошли преимущественно художественно-публицистические родовые группы, как-то: очерк, зарисовка, исповедь, проповедь, публицистическая сказка, мемуары, публицистический рассказ, эссе. Объясняется это желанием включить литературу не констатирующую, осмысливающую и обобщающую, а типизирующую реально-документальную действительность. Если художественная литература пользуется вымыслом, создавая никогда не существовавших героев, действующих в вымышленных условиях, то публицистика обязательно опирается на реальные факты. Ей может быть присущ авторский домысел, но только в рамках реальных фактов. Именно в этом определении мы видим специфику художественной публицистики; ее тематика в представленных произведениях оценивается с позиций актуальности общественной жизни и обязательной документальности в отражении фактов, событий и явлений.

Отдавая дань уважения патриархам публицистики на Ставрополье, мы сочли необходимым вначале рассказать о публицистах XIX – середины XX веков: Я.Абрамове, И.Бентковском, Д.Брянчанинове, Г.Прозрителеве, И.Сургучёве, а затем о наших современниках в алфавитном порядке.

В настоящую хрестоматию вошли материалы замечательного публициста, прозаика, журналиста, статистика, социолога, просветителя Якова Васильевича Абрамова (1858-1906), имя которого, к сожалению, почти не известно даже на Ставрополье – его «малой родине». А между тем идеи «работы в народе» Якова Абрамова оказали огромное влияние на общественное самосознание 1880-х”1890-х годов, вызвали широкий резонанс в среде демократической интеллигенции, «имевшей в виду народ и его нужды» (слова И.С. Тургенева). Якова Абрамова, «властителя дум» целого поколения, идеологи марксистского толка отождествили с деятелями либерального на-

родничества, с защитниками «теории малых дел», чем и вызвано долгое забвение его имени и его вдохновенных трудов на благо России. Среди коренных ставропольцев можно назвать лишь имена Германа Лопатина и Ильи Сургучёва, сопоставимых с Яковом Абрамовым по вкладу в историю культуры и общественной мысли нашей страны. Я.В.Абрамов доказывал, что в целях постепенного, мирного прогресса необходимо сосредоточить внимание и энергию на конкретных делах, на «великой культурной работе» – идти в учителя, земские врачи, способствовать «облегчению материальной нужды и духовному просветлению народа» («Малые и великие дела»).

Огромное публицистическое и художественное наследие Якова Абрамова практически не изучено, все мы в большом долгу перед этим мыслителем, писателем, известным общественным деятелем, много сделавшим для развития культуры, просвещения, экономики и социальной сферы России последних десятилетий XIX и начала XX века, в том числе для Ставропольского края и города Ставрополя. Это наследие активно функционирует в современном социокультурном контексте, художественное творчество Я.В. Абрамова-писателя изучается в средней и высшей школе.

Плодотворное развитие краеведения невозможно без привлечения к нему внимания в обществе, без объединения усилий научных учреждений, учебных заведений, общественных организаций, самых широких слоев краеведов: от ученых до школьников. В научно-исследовательской работе по формированию настоящей хрестоматии участвовали студенты и преподаватели историко-филологического факультета СГПИ, которые собирали материал в газетах и журналах, архивах и музеях, брали интервью у писателей или их родственников и коллег.

Авторский коллектив хрестоматии отобрал, унифицировал, систематизировал и обобщил представленные материалы. Авторы-составители выражают особую благодарность за помощь в сборе материалов, вошедших в хрестоматию, заместителю декана ИФФ по учебно-методической работе Снегиревой Наталье Александровне, методисту по педагогической практике Крупиной Оксане Викторовне, директору библиотеки СГПИ Мамедовой Элеоноре Музафаровне, а также студентам историко-филологического факультета.

Абрамов Яков Васильевич (псевдоним – Федосеевец) (02.11.1858 – 01.10.1906) – замечательный публицист, литератор, прозаик, журналист, статистика, социолог, просветитель и исследователь народной жизни; автор рассказов и очерков о судьбах крестьян в пореформенной деревне и жизни обитателей городских окраин. В 80-90-е годы XIX века был неутомимым и плодовитейшим сотрудником многих столичных и провинциальных журналов и газет.

Яков Васильевич Абрамов родился в Ставрополе-Кавказском в мещанской семье. В фондах Государственного архива Ставропольского края сохранились документы департамента полиции, содержащие сведения о том, что Яков Абрамов был постоянно под негласным надзором полиции с 1879 года (когда ему было чуть больше 20 лет) и до последних дней жизни. Вот только несколько моментов из его жизненного и творческого пути, который характеризуется кардинальными изменениями и неожиданными поворотами. Из шестого класса Ставропольской мужской гимназии юный Абрамов, не поладив с консервативно настроенными «наставниками», перешел в Кавказскую духовную семинарию. Окончив ее, уехал в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, где в 1878-79 годах, подобно тургеневскому Базарову, изучал естественные науки и «хотел держать на доктора». В рассказе «Механик» (1881), в котором, как и во всех художественных произведениях Якова Абрамова, много автобиографического материала, писатель поведал о том, что «голод и болезнь» заставили его покинуть академию и вернуться в Ставрополь. А в 1880 году он вновь приехал в Петербург и сразу же включился в литературную работу. Салтыков-Щедрин, бывший в то время главным редактором лучшего демократического органа – журнала «Отечественные записки», прозорливо разглядев в молодом писателе «талантливое», «толковое человека», предложил ему сотрудничество в своем издании.

Дальнейшая литературная работа Якова Абрамова в столичных журналах и газетах способствовала тому, чтобы внимание российского общества концентрировалось на самых важных, значительных для социального и культурного прогресса страны проблемах. О том, какое «глубокое впечатление» производили на читателей абрамовские статьи, брошюры и книги, исполненные «мыслей о народе... заботой и попечением о нем» можно судить по мемуарам Х. Алчевской «Передуманное и пережитое», где она вспоминает о большом успехе брошюры Абрамова «Частная воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще», представленной на Всемирной Па-

рижской выставке 1889 года, а также многие высказывания Льва Толстого и других столпов российской литературы и публицистики.

С середины 1880-х годов Абрамов Яков Васильевич начинает деятельную работу в «Неделе» и становится одним из главных выразителей течения, которое по его имени часто называлось «абрамовщиной»¹. В качестве главной своей цели он рассматривал изучение «воли массы», особенностей национального развития. «Будущность России» Яков Абрамов связывал с уяснением факторов развития народной жизни в условиях капитализма, усиливающегося расслоения русского общества, с познанием «силы и способности русского народного духа», «умственной деятельности русского народа», его способности «к творчеству новых форм жизни». В забытой сейчас статье «Малые и великие дела» Абрамов наметил целую программу работы интеллигенции, «посвятившей свою жизнь служению народу». Находясь под обаянием его идей, тысячи молодых людей шли работать народными учителями, деревенскими врачами, агрономами, техниками и т.д.

В 1890 году, находясь на пике литературной, публицистической и просветительской славы, Яков Абрамов возвращается в Ставрополь. Здесь он активно включается в работу Ставропольской городской думы в качестве гласного, постоянно печатается в газетах «Северный Кавказ» и «Приазовский край», поддерживает деятельность «Общества для распространения народного образования». При этом он продолжал публиковаться в столичной прессе, выпускал научно-популярные книги и брошюры. Много внимания Абрамов уделял также совершенствованию местного управления, привлекал внимание общества к вопросам внутренней и внешней политики. Как писал один из жандармских чинов в очередном донесении, Я.В. Абрамов «являлся руководителем всех антиправительственных проявлений».

Первая городская библиотека была открыта благодаря стараниям нашего земляка, который в журнале «Русская школа» вел в 1890-1905 годах «Хронику народного образования» и «Хронику народных библиотек». Такие же народные библиотеки стали открываться по всей стране. Абрамов является также одним из основателей (задолго до Горького) знаменитой серии «ЖЗЛ». Для этой серии он написал семь книг, пять из которых (о Стэнли, Колумбе, Фарадее, Франклине, В.Н.Каразине, Стефенсоне, Песталоцци, Фультоне, Франклине и других в «Биографической Библиотеке» Павленкова) находятся в Ставропольской краевой универсальной библиотеке имени Лермонтова.

Недавно ведущий археограф ГАСК Елена Громова обнаружила в фондах архива обращение граждан города Ставрополя, относящееся к 1909 году, в городскую думу с прошением об увековечивании памяти Якова Васи-

¹Это учение, совпадая с настроением общества, разочарованного, потерявшего веру в возможность совершения «больших дел», стало пользоваться успехом. Радикальные элементы повели горячую борьбу с «Неделей».

льевича Абрамова (82 подписи), а также документы, свидетельствующие о том, что Ставропольская городская дума и городская управа приняли тогда же положительное решение по этому вопросу. Однако до сих пор оно остается невыполненным.

Хотя сила художественных обобщений и жизненная правда в произведениях Абрамова были столь значительны и очевидны, что его книга прозы «В поисках за правдой» (на материале земли Ставропольской), была сразу же запрещена, а ее тираж уничтожен. Чудом уцелел один экземпляр, который находится в Санкт-Петербургской национальной библиотеке.

В последние годы жизни Абрамов Я.В. сотрудничал в «Русской Школе» и других изданиях. Как считал Салтыков-Щедрин, он был поистине властителем дум целого поколения русской интеллигенции. Умер в 1906 году совершенно забытым. Похоронен в Ставрополе. Не установлено и место захоронения Якова Абрамова: его могила затерялась на одном из старых ставропольских кладбищ, где он был похоронен ровно 105 лет назад – 18 сентября 1906 года.

* * *

Отрывок из книги «Новейшие успехи знания»

Популярные очерки

Из области психо-физиологии

Влияние духа на тело

Вопрос о влиянии различных состояний духа на физическую природу человека – вопрос не новый. Фактические данные, относящиеся к этой области явлений, были известны уже в глубокой древности, и уже тогда ими пользовались для практических целей. Но сознательное отношение к ним, а тем более научное изучение их – всецело достояние новейшего времени. Теперь накопилось уже столько данных, имеющих отношение к вопросу, что возникает целая наука о влиянии духа на тело. Пользуясь книгой Хек-Тюка, мы представим общий очерк этой любопытной науки, останавливаясь преимущественно на фактических данных.

Дух действует на физическую природу человека всеми тремя своими состояниями – сознанием, чувством и волею. Влияние на тело каждого из этих состояний духа крайне разнообразно и отражается на ощущениях, на деятельности мышц произвольного движения (т.е. мышц, которыми мы управляем по своему произволу), на непроизвольных мышцах и, наконец, на органических функциях (питание, выделение и т.д.). Некоторые из проявлений этого влияния, остаются для большинства совершенно неизвестными.

Всем известны факты усиления или ослабления ощущений под влиянием сосредоточения или отвлечения сознания. Кому, например, не приходится, задумавшись над чем-нибудь, не видеть предмета, мимо которого при-

шлось пройти и который находился в поле зрения? Кто не знает также, что сосредоточив внимание на чем-нибудь постороннем, можно ослабить, например, зубную боль или даже совсем не чувствовать ее, и наоборот, – сосредоточением внимания на той или другой боли чрезвычайно усилить ее? Паскаль однажды избавился от зубной боли тем, что усиленно принялся решать интересовавшую его задачу...

Из области техники

Господство электричества

Если наш XIX век по справедливости именуют веком пара, то нет сомнения, что следующий XX век еще с большею справедливостью будет именоваться веком электричества. Уже и теперь применение этой силы с каждым днем делается все более и более разнообразным. Электричество охватывает уже такие области, в которых применение его казалось доселе совершенно немислимым. Изобретательность электротехников превосходит положительно все доселе известное в истории изобретений. Каждый номер изданий, посвященный электричеству, приносит сведения о новых усовершенствованиях в электрических и новых применениях этой силы. Не успеваешь достаточно ознакомиться с новыми успехами в данной области, как уже являются другие, новейшие и вытесняют прежние.

Трудно перечислить все области, в которых применяется в настоящее время электричество. Электрическое освещение, передача на расстоянии письма и звуков, такая же передача рисунков, фотографирование на расстоянии, передача на расстоянии механической силы, перевоз с места на место запасов механической силы в виды электрической энергии, усиление звуков, электрическая суда, электрические железные дороги, разнообразные применения электричества к фабричной технике, электричество в сельском хозяйстве, применение электричества к медицине, служба электричества как сторожа, предупреждающего о начинающем пожаре или о появлении воров, электричество как счетчик – таков далеко не полный список областей, в которых электричество эксплуатируют...

Отрывок из биографического очерка «Иоганн Генрих Песталоцци. Его жизнь и педагогическая деятельность»

Песталоцци принято называть «отцом современной педагогики». Говорит это обыкновенно для выражения высокой похвалы этому великому человеку. Однако в настоящее время, когда многие и весьма многие начинают сомневаться в высоких достоинствах «современной педагогики», именовать Песталоцци «отцом» ее – еще не значит выразить то поистине великое значение, которое имел Песталоцци в истории человечества. Гораздо более будет соответствовать делу наименование великого педагога «отцом народного образования». На памятнике, воздвигнутом Песталоцци в 1890 году в

швейцарском городке Ивердоне, где столько лет работал он на поприще народного просвещения, очень предусмотрительно устранено указание на заслуги Песталоцци как отца современной педагогики и весьма справедливо отмечены его заслуги в качестве «спасителя бедных», «отца сирот», «основателя народной школы» и «воспитателя человечества». И действительно, для того, кто смотрит на дело без предвзятой мысли, заслуги Песталоцци собственно в области практической педагогики – и как учителя-практика, и как теоретика-методолога – кажутся весьма невысокими. Иное дело – Песталоцци как пропагандист идеи народного образования, как борец против господствовавшей до него (в значительной мере продолжающей господствовать и доселе) школьной рутины и как автор идеи о замене школьного обучения домашним: здесь Песталоцци действительно велик, и заслуги его перед человечеством неизмеримы. Нужды нет, что далеко, далеко не все, что проповедовал, чего желал Песталоцци, осуществилось, вошло в жизнь: в этом вина уже не Песталоцци. Идеи, высказанные им, остаются, живут и мало-помалу осуществляются в жизни. Уже один тот толчок, который он дал вопросу о народном образовании, привлекая к этому предмету внимание лучших элементов европейского общества, выяснивши все великое значение народного образования и возбудивши стремление к образованию в самой массе темного народа, – уже одной этой заслуги, имевшей такие обширные и важные практические последствия, совершенно достаточно для того, чтобы поставить Песталоцци в ряду истинных «благодетелей человечества».

Помимо крупного исторического значения жизни Песталоцци, для биографа она представляет особенно приятный предмет описания еще потому, что в истории человечества найдется немного людей, у которых дело в такой мере согласовалось бы со словом, жизнь – с убеждениями. На памятнике в Ивердоне вычеканены слова: «Все для других, ничего для себя», – и в этих словах – все содержание жизни Песталоцци. Личных целей, личной жизни у Песталоцци не было. Вся его долгая жизнь была отдана до последнего дня служению народу – служению идеально-бескорыстному. Трудно представить себе что-либо более трогательное, чем нижеследующее посвящение, поставленное на одной из книг Песталоцци, – посвящение, в котором он так характерно изображает побуждения и значение своей деятельности, и ту награду, которую он желал бы получить за долгие годы своих трудов и лишений. Вот это посвящение:

«Низшему классу населения Гельвеции» Швейцарии.

Я долго смотрел на твое жалкое, тяжелое положение, и сердце мое исполнилось скорбью. Дорогой мой народ, сказал я себе, я помогу тебе. У меня нет искусства, я не вооружен наукой, в этом свете я ничто, совсем ничто, хорошо знаю тебя и отдаю тебе все, что успел приобрести в течение моей трудовой жизни. *Я отдаю тебе всего себя.*

Читай, что я предлагаю, без предрассудка, и если кто-нибудь даст тебе лучшее, брось меня; пусть в твоих глазах я превращусь в то же «ничто,

каким я прожил всю мою жизнь. Но если тебе не скажет никто того, что говорю я, никто не скажет так доступно и пригодно, как говорю я, то подари мою память, мою жизнь, мою угасшую для тебя деятельность *слезою – одною только слезою»*.

В этих словах – весь Песталоцци. Жизнь *такого* человека не может не быть глубоко поучительной для всех и каждого. И действительно, жизнеописание великого народного печальника должно быть настольною книгою у всех – великих мира сего и малых, богатых и бедных, старых и юных. Здесь перед каждым пример поистине идеального самоотвержения, необычайной преданности избранному для себя делу и несокрушимой энергии, вытекавшей из глубочайшей любви к этому делу. Бедный до того, что он не мог быть уверенным в куске хлеба назавтра, занимая самое ничтожное общественное положение, непрактичный до того, что многие современники серьезно считали его безумным, мечтатель и фантазер, бесхарактерный Песталоцци сумел не только всю жизнь прослужить любимому делу, не только никогда не отступал ни на шаг от своих убеждений и правил, но и заставил весь мир признать справедливым и разумным то, что первоначально казалось всем окружающим его проявлением безумия. Жизнь Песталоцци наглядно учит нас, что любовь к делу и вера в него составляют такую силу, которая слабых превращает в титанов и помогает одному выстоять против всех и даже одержать победу. Полагаю, что жизнь человека, олицетворяющего такое поучение, действительно достойна внимания всех.

Детство и юность

Рождение. – Отец, мать и служанка Бабэль. – Первые годы жизни. – Влияние условий детской жизни на формирование характера. – Дядя и дед. – Горожане и сельчане. – Источник сочувствия к народу. – Начальное обучение. – Колледж. – Стремления молодежи. – Выбор должности. – Влияние Руссо. – Песталоцци – правовед, священник и земледелец. – Начало литературной деятельности

Песталоцци по происхождению был швейцарцем. В Швейцарии же прошла и вся его жизнь. Он родился 12 января 1746 года в Цюрихе. Отец Песталоцци был хирургом, а мать – дочерью зажиточного поселянина. И по отцу, и по матери Песталоцци был в близких отношениях с деревней. Дед его по отцу был сельским пастором, а один из дядей – сельским врачом. Оба они были истинно деревенскими людьми и имели большое влияние на развитие симпатий Песталоцци к деревне и простому люду. Родня по матери была уже чистою деревенщиной.

Отец Песталоцци имел довольно значительную практику, и семья считалась зажиточной. Она состояла, кроме отца, матери и сына Генриха, еще из другого сына и дочери. И отец, и мать Песталоцци были людьми добрыми, мягкого характера, и жизнь семейства складывалась самым благоприятным

образом. К несчастью, неожиданная смерть разрушила это счастливое положение и ввергла семью в крайнюю бедность.

Песталоцци было всего пять лет, когда умер его отец. Семья осталась с самыми скудными средствами. Положение было тем более печально, что мать Песталоцци, ставшая теперь во главе семьи, была совершенно не подготовлена к этой ответственной роли и отличалась крайней непрактичностью. Семью ожидали все бедствия нищеты, если бы ее не спасла самоотверженная личность, отдавшая всю свою жизнь попечениям о доброй, но бесхарактерной г-же Песталоцци и ее детях. На долю Песталоцци выпало с колыбели видеть возле себя пример безграничного самопожертвования и жизни для других, что, конечно, сильно повлияло и на развитие в нем самом того же качества.

Еще при жизни отца в семью поступила служанка, молодая деревенская девушка, по имени Бабэль. Она быстро привязалась к добрым господам и их детям. Ее трудолюбие, практичность и привязанность к семье Песталоцци привлекли, в свою очередь, симпатии к ней членов семьи. И вот когда отец умирал, он обратился к этой простой деревенской девушке с такими словами: «Бабэль, ради Бога, не бросай моей семьи. Когда я умру, она легко растеряется в куче предстоящих ей забот, и детям моим придется есть чужой кусок хлеба, целовать чужую руку». Бабэль отвечала: «Ладно, я не оставлю вашей жены и если до моей смерти буду годиться ей на что-нибудь, то не уйду от нее». И она, эта простая деревенская девушка, сдержала слово, данное умирающему: она слила всю свою жизнь с жизнью семьи Песталоцци и отдавала ей все свои силы до самой своей смерти.

В сущности, главою семьи после смерти отца была Бабэль. Г-жа Песталоцци, оставаясь госпожою внешне, во всем подчинялась практичной и внушавшей ей глубокое уважение Бабэль. Всю тяжесть мелочных материальных забот, которые так назойливы в бедных семьях, Бабэль взяла на себя и сделала то, что жизнь семьи Песталоцци, при всей скудости ее средств, была сносной.

Песталоцци вспоминает в своих автобиографических записках, веденных им в старости, в самых трогательных выражениях о доброй, великодушной девушке, отдавшей всю свою жизнь чужим детям и их беспомощной матери. Эта Бабэль была истинным ангелом-хранителем семьи не только потому, что она спасла ее от нищеты, но и еще более потому, что своим добрым влиянием, влиянием своей простой, благородной и великодушной личности, она способствовала развитию самых лучших душевных качеств в детях семьи.

О матери своей Песталоцци говорит с величайшей любовью. Вся ее жизнь была отдана детям. Она никогда нигде не бывала, оставаясь все время с детьми. Она отказывала себе в самом необходимом, чтобы только иметь возможность дать своим детям образование, которое она высоко ценила, несмотря на то, что сама была малообразованной.

Брат Песталоцци умер вскоре вслед за отцом, и любовь матери всецело сосредоточилась на Генрихе и его сестре. Он называет себя маменькиным

сынком» и говорит, что в детстве он «не выходил из-за печки». Действительно, обстановка детства, вместе с развитием в Генрихе лучших качеств души – доброты, мягкости, любви к людям и самоотверженности, повлияла и на развитие в нем бесхарактерности и непрактичности. Окруженный заботами двух женщин, души не чаявших в нем, Генрих не имел ни надобности, ни случая шагу ступить самостоятельно. Эта непривычка к самостоятельности, эта непрактичность дали о себе знать впоследствии, когда Песталоцци пришлось жить на свой страх, – и очень печальным образом. Уединенная жизнь, которую вела семья Песталоцци и при которой она почти не сталкивалась с посторонними, имела своим последствием то, что Песталоцци на всю жизнь остался каким-то дикарем, всегда стеснявшимся в обществе и крайне неловким и угловатым на людях. Но та же тесная, замкнутая семейная жизнь развила в Песталоцци глубокую любовь и своего рода благоговение перед семейными узами и отношениями. Семья, с ее радостями и горестями, с ее взаимной любовью, связующей членов, стояла для Песталоцци выше всего, и семейные отношения заняли главное место в системе его взглядов на воспитание. Нельзя не упомянуть еще и о том, что уютная семейная жизнь, где все так любили друг друга и во всем доверяли друг другу, сделала Песталоцци глубоко доверчивым, считавшим всех и каждого прекрасными людьми. Другого такого слепо-доверчивого и не способного разочаровываться в людях человека действительно трудно было найти, что послужило для Песталоцци источником и счастья, и многих несчастий.

Была еще весьма заметная черта в характере Песталоцци, развивавшаяся именно под влиянием условий детской жизни. В жизни семьи благодаря энергичному руководству Бабэль царил строгий порядок. Суровая с виду, хотя и глубоко добрая в душе, Бабэль терпеть не могла никакой беспорядочности и неаккуратности; чистота была предметом особого попечения этой воспитательницы Песталоцци. В домике семьи всегда все блестело и сияло – царила самая идеальная чистота; на детях всегда было чистое белье и платье. Малейшее отступление от этого порядка – какое-нибудь пятно на платье детей, разлитая вода, а тем более порванное платье, – выводило Бабэль из себя. И Песталоцци вынес в жизнь привычку к чрезвычайному порядку и чистоплотности. Здесь, быть может, кроется причина того высокого значения, какое Песталоцци придавал внешней порядочности, считая ее первой ступенью к достижению нравственного улучшения.

Печальнейшею стороной детства Песталоцци являлось полное устранение его от жизни. Это обстоятельство давало себя знать в течение всей его последующей жизни. «Я рос, – говорит по этому поводу Песталоцци, – под неусыпными взорами лучшей матери, маменькиным сыночком, более чем кто-либо другой; я видел свет только в небольшом пространстве комнаты моей матери, а потом в столь же ограниченном пространстве училищной комнаты; действительная человеческая жизнь была мне столь же чужда, как будто я вовсе не существовал в том мире, в котором жил».

Эта ограниченность сферы наблюдений развила в Песталоцци чрезвычайную сосредоточенность, привычку вдумываться в то, что приходилось видеть, стремление узнавать предмет со всех сторон.

Общество женщин, и притом женщин добрых, мягких, всю свою жизнь сосредоточивших на Генрихе и сестре, повлияло на развитие в Песталоцци чувства в ущерб сдерживающей силе рассудка. Эта черта ярко проходит через всю жизнь Песталоцци. Он всегда интересовался только тем, что затрагивало его чувство, а не тем, важность чего указывал ему разум. Точно так же в действиях своих он всегда руководствовался указаниями своего доброго сердца, как бы ни противоречили тому указания рассудка.

Сильное развитие чувства сделалось заметной чертою характера Песталоцци, которая выражалась в его необычайной чувствительности к чужому страданию. В детстве вид раздавленного червяка заставлял его плакать; встречаясь с нищим, он отдавал все, что у него было, и часто оставался голодным, относя свою обеденную порцию какому-нибудь бедняку. Эта чувствительность к чужому горю, к чужому страданию осталась в Песталоцци на всю жизнь.

Видное влияние на развитие характера Песталоцци – именно в смысле развития его симпатий ко всем бедным, обездоленным – оказали его дед и дядя.

Дед Песталоцци, как уже сказано, был деревенским пастором. Он как бы представлял предания первых времен реформатской церкви, тех времен, когда духовные лица выходили из среды самого народа и не разрывали с ним соединявших их ранее уз, продолжая жить не только среди людей, но и одной жизнью с ними. Отношения деда Песталоцци с прихожанами были самые близкие и задушевные. Вся жизнь старика была посвящена прихожанам и их нуждам. Он прекрасно знал все семьи своего прихода, знал «внешнее» положение каждой и «внутреннее» настроение, и потому всегда мог вовремя явиться к нуждавшимся в слове утешения, умиротворения или в иного рода поддержке. Дедушка-пастор не только свято выполнял свой долг, но и горячо любил село, сельчан и сельскую жизнь, относясь весьма скептически к городу и городским порядкам. Когда Песталоцци гостил у своего деда, последний, с удовольствием замечая, что внук его быстро сближается с крестьянскими детьми, охотно отпускал его в крестьянские дворы для игр или в поле для ознакомления с деревенскими работами, брал его нередко с собою при исполнении треб и любил беседовать с ним о достоинствах простого деревенского люда. Песталоцци всю жизнь сохранял воспоминания о днях, проведенных у деда, и именно с этого времени в нем начал утверждаться несколько оптимистический, быть может, взгляд на крестьян как на часть народа, отличающуюся особыми добродетелями. Вот что он писал по этому поводу уже в старости: «В нашем крестьянском населении того времени сохранились еще, хотя и значительно ослабевшие, воспоминания о прежних лучших днях. Оно в большей части деревень было честно, полно природного ума и понимания жизни. При своей простой, никому не вредящей деятельности, оно было воодушевлено, несмотря на свою необразованность,

истинною любовью ко всему честному и справедливому; откуда бы ни исходила ложь, несправедливость, отсутствие любви, черствость сердца, люди того времени, обитавшие в самых бедных хижинах, высказывались с беззаботною, ничем не стесняющеюся отвагою, с готовностью на сопротивление. Вялость и равнодушие ко всему, что справедливо или нечестно, хорошо или дурно, не успели еще пустить глубоких корней в тогдашнем населении».

Если симпатии деда Песталоцци к сельскому населению были более инстинктивны, и он мог в этом отношении воздействовать, главным образом, на чувства своего внука, то дядя последнего, медик Гётце, был уже сознательным сторонником сельчан, и его пылкие, горячие речи по поводу угнетенного положения, в котором тогда находились швейцарские крестьяне, не могли не подействовать на ум Песталоцци. Швейцария не знала крепостного права в узком значении этого слова. Здесь не было помещиков и принадлежавших им крестьян. Но зато эту роль помещиков по отношению к сельскому населению прекрасно выполняли города, и отношения, установившиеся между горожанами и сельчанами, делали последних, в сущности, крепостными первых. На крестьянах лежала вся тяжесть податей как кантональных, так и государственных, от которых горожане освободили себя. Крестьяне имели право заниматься только земледелием; торговля и ремесла составляли монополию горожан. При этом крестьяне могли продавать произведения своего труда только горожанам, а отнюдь не друг другу, и если крестьянин нуждался хоть в чем-либо из сельских продуктов, он должен был ехать за этим в город, а отнюдь не смел купить нужное у соседа-крестьянина, который мог бы продать ему втрое дешевле. Крестьянину разрешалось для собственной потребности выткать сукно или полотно из собственного сырья, но ни выбелить, ни выкрасить вытканное он не имел права, а должен был приглашать для этой цели городского красильщика. Крестьянин имел право дать взаймы деньги другому крестьянину не иначе как за проценты, и притом не ниже установленных высоких процентов: горожане, опутывавшие сельчан займами за высокие проценты, не желали, чтобы крестьяне могли иметь возможность занимать деньги за низкий процент. И так далее.

Такое бесправное положение крестьян возмущало лучших людей того времени. Гётце был особенно горячим противником ненормальных отношений горожан с сельчанами, и его пылкие речи по этому поводу, подкрепляемые повседневными фактами, которые маленький Песталоцци наблюдал во время пребывания у деда и дяди, не могли не оказать сильного влияния на мягкую душу будущего великого воспитателя. От природы глубоко справедливый и ненавидевший всякое притеснение, Песталоцци с детства начал сочувствовать угнетенному крестьянству и негодовать по поводу его бесправного положения.

Все изложенное на предыдущих страницах делает теперь для нас понятным то необычайное развитие любви к простому народу, к темной массе, кото-

рым отличался Песталоцци. Природная доброта и справедливость соединились здесь с происхождением Песталоцци от женщины из крестьянского сословия с влиянием второй матери, крестьянки Бабэль, воздействием примера деда, всецело отдавшего себя служению народу, с влиянием дяди, убежденного демократа, и, наконец, с непосредственным наблюдением бесправного, угнетенного положения сельчан. Неудивительно, что уже в том возрасте, когда Песталоцци был отдан в школу, он был истинным народным печальником.

Начальное образование Песталоцци получил сперва под руководством своего деда-пастора, а затем в одной из городских школ Цюриха. Учение у дедушки шло превосходно. Добрый старик отдавал все свободное время внуку и вкладывал всю душу в обучение. Песталоцци давалось все легко, и ученье шло быстро и успешно. Совсем по-иному получилось, когда Песталоцци поступил в школу. Здесь царили схоластические приемы преподавания; учащиеся относились к делу формально; самые предметы преподавания представляли для них весьма малый интерес. Какое влияние могла оказать на Песталоцци подобная школа, наглядно видно из того отзыва, который он сделал впоследствии относительно школ своего времени. «Школы, в сущности, не что иное, – писал Песталоцци, – как искусственные машины, которыми душат все следы силы и опыта, влагаемые в детей природой. Представьте себе на минуту весь ужас этого убийства! До 5–7 лет детей оставляют в полном наслаждении природой, делая доступным всякое впечатление: дети чувствуют силы природы, они уже далеко ушли в наслаждении ее непринужденностью и всеми ее прелестями, и свободный, естественный ход, которым идет в своем развитии счастливый дикарь, уже овладел ими совершенно. И вот, после 5–7 лет этой блаженной жизни, вдруг уносят от их глаз всю природу; тирански останавливают полное прелести, непринужденное, свободное развитие; скучивают их толпами, как овец, в душную комнату; неумолимо засаживают их на целые часы, дни, недели, месяцы и годы за жалкие, непривлекательные и однообразные буквы и заставляют их жить жизнью, совершенно противоположно всей их прежней жизни. Может ли удар меча, разрубающий шею преступника и ведущий его от жизни к смерти, произвести большее влияние на его тело, чем такой переход от прекрасного, полного наслаждения руководства природы к самому жалкому школьному учению – на душу детей?» Исходя из этого, Песталоцци, как увидим ниже, предлагал полное уничтожение начальных школ и замену их обучением в семьях. Продолжая характеристику современных ему школ, Песталоцци говорит о самом материале, служившем для обучения: «Сущность учения приносится в жертву путанице отдельных изолированных наук; выставляют на стол всякие блюда из крох истины, но умерщвляют дух самой истины; в человечестве гаснет сила самостоятельности, покоящаяся на истине». Приведенные слова как нельзя лучше характеризуют впечатления, вынесенные Песталоцци из школы, и делают понятным, почему он так рано стал задумываться над вопросами воспитания и обуче-

ния: «уже в самые ранние юношеские годы, – писал он в своих предсмертных воспоминаниях («Лебединая песнь»), – в моем сознании пробудилась мысль о том, чтобы сделать себя когда-либо способным принести свою лепту на улучшение народного образования».

Много горя пришлось вынести Песталоцци в школьные годы. С формальной стороны учение его шло крайне плохо. Богато одаренная душа Песталоцци не могла сосредоточиться в узких рамках предлагаемого школьным обучением материала; мысль его постоянно работала над вопросами, не имевшими ничего общего с тем, что происходило на классных уроках. Самые предметы обучения, в той форме, в которой они подносились Песталоцци, не возбуждали в нем ни малейшего интереса, и он относился к ним с полной апатией. Неудивительно, что он доставлял своим учителям весьма частые случаи упрекать его в невнимательности, небрежности и просто лени, учителей раздражало то обстоятельство, что Песталоцци, вместо того чтобы смиренно выучивать, что от него требовалось, искал разъяснения, зачем нужно предлагаемое ему для изучения, или рассуждал о том, что предлагаемые ему знания можно преподавать более доступным способом. Учителя смотрели на Песталоцци как на тупицу, решительно ни к чему не способного. И их укрепляло в этом мнении то обстоятельство, что он вынес из школы весьма мало и, например, на всю жизнь остался не владеющим тайнами орфографии, имея при этом смелость совсем не придавать никакого значения сей премудрости. «Главное в человеке – голова, – говорил по этому поводу Песталоцци, – а пудру можно купить в каждой лавочке». Что же удивительного, что в глазах учителей, которые и за человека не считали того, кто ошибается в *ятях*, Песталоцци был просто идиотом, как они и аттестовали его.

Со школьными товарищами Песталоцци долго не мог сблизиться. Нигде в мире нет такой надутой, чванной буржуазии, как в Швейцарии, где она так долго играла роль господ-помещиков по отношению к сельскому населению. Дети такой буржуазии, учившиеся вместе с Песталоцци, смотрели с пренебрежением на этого «мужика», родственные связи которого с деревней были им известны. Неприятные отношения, установившиеся между Песталоцци и его товарищами, еще усиливались благодаря тому, что он громко возмущался царившим тогда в школе взяточничеством и порождаемую им снисходительностью учителей к детям более зажиточных родителей. Вместе с тем Песталоцци вооружал против себя большинство своих товарищей: он всегда становился на сторону тех из соучеников, которые по каким-либо причинам (физические недостатки, происхождение от отцов-ремесленников, бедность) служили посмешищем для класса. Чувство врожденной справедливости заставляло Песталоцци восставать против этой травли несчастных, за что он, в свою очередь, сделался предметом самой грубой травли. Таким образом, уже в школе началась тяжелая, мученическая жизнь Песталоцци, полная неприятностей и преследований, продолжавшихся до самой его смерти. Вместе с тем

уже в школе обнаружили во всем блеске прекрасные стороны характера Песталоцци, и здесь произошло то же, что происходило потом в течение всей его жизни: все, кто имел случай близко узнать Песталоцци, неизбежно поддавались чарующему влиянию его натуры и начинали глубоко любить его. К концу пребывания Песталоцци в школе все товарищи полюбили его, а некоторые из них сделались его друзьями на всю жизнь.

Окончив городскую школу, курс которой в Швейцарии значительно шире курса наших прогимназий, Песталоцци поступил в коллеж. Курс коллеги заканчивал среднее образование и начинал высшее. Если городские школы оставались тогда еще вне влияния духа времени, то в коллеже уже вполне проявлялось влияние XVIII века. Состав преподавателей Цюрихского коллеги был как нельзя более по душе Песталоцци. Это были благородные мечтатели, думавшие воспитанием подрастающего поколения подготовить лучшее будущее для своей родины. «Независимость, самостоятельность, благотворительность, самопожертвование и любовь к отечеству были лозунгом нашего общественного образования, – говорит Песталоцци в своих записках. – Преподавание, которым мы пользовались в живом и привлекательном изложении, было направлено к тому, чтоб поселить в нас равнодушие к богатству и почестям. Нас учили верить, что бережливость и ограничение личных потребностей могут заменить богатство и что совсем не нужно большого состояния и высокого общественного положения, чтобы пользоваться и домашним счастьем, и гражданской самостоятельностью... Обладая только самыми поверхностными школьными познаниями о великой гражданской жизни Греции и Рима, мы мечтали насадить порядки этой гражданской ответственности в родном кантоне... Желание противодействовать нравственному упадку моего отечества было присуще каждому истинно благородному гражданину и исходило из сердца, полного любви к родине».

Таков был характер преподавания в колледже. Позднее, в старости, вспоминая годы обучения в коллеже, Песталоцци находил множество недостатков в постановке дела этого учебного заведения. «В той умственной пище, которую нам преподносили в эту эпоху, – писал Песталоцци, – недоставало простоты и самобытности... Дух преподавания в высокой степени способствовал развитию в молодежи мечтательного настроения и стремления к выполнению таких задач, сущность которых не была ею достаточно усвоена... При нашем умственном развитии мы не были способны основательно изучить и усвоить те практические знания, которые были необходимы для достижения этих высоких целей... Лично меня увлекала, так сказать, сущность предмета, и я никогда не задумывался над средствами к осуществлению того, чему я учился. У меня было желание видеть осуществленным то, что особенно действовало на мое сердце и мое воображение, но я совсем упускал из виду, что для практического осуществления нужны и практические средства...»

Это «мечтательное настроение», стремление к насаждению в Цюрихе греческих и римских доблестей, без мысли о путях и средствах к осуществлению

идеальных пожеланий, вызвали среди цюрихской (да и вообще швейцарской) молодежи очень оригинальное движение. Образовались тайные общества, в которых речь шла о том, какие добродетели нужно распространить в народе, какие прекрасные учреждения нужно создать. Члены обществ мечтали о своей будущей деятельности, полной добродетельных подвигов. Песталоцци принимал в этом движении самое деятельное участие, строя планы своей будущей деятельности и рисуя картины будущего благоденствия родины.

Как ни невинно было это движение, не шедшее дальше мечтаний, цюрихские власти смотрели на него косо, справедливо видя в нем одно из опасных проявлений духа времени. Бедные мечтатели были подвергнуты преследованию, и в их числе Песталоцци, который попал даже в тюрьму, где пробыл, однако, недолго.

Песталоцци в это время окончил курс коллежа, и перед ним вставал вопрос о выборе деятельности. Что эта деятельность должна быть всецело посвящена народным массам, должна состоять в служении народу – было понятно само собою. Но в какой форме должна была выразиться эта деятельность? В чем всего более нуждался народ? На каком поприще можно было принести наибольшую пользу этому народу? Таковы вопросы, которые предстояло решить Песталоцци. Разумеется, в том юном возрасте, в котором был Песталоцци, решение подобных вопросов не кажется слишком трудным, и он быстро решал их, причем, конечно, столь же легко и отказывался от одного решения в пользу другого. В конце концов он, однако, этим путем вышел и на настоящую свою дорогу.

Прежде всего Песталоцци задумал сделаться юристом. Мысль о том, сколько страданий выпадает на долю простого народа вследствие незнания им хитросплетений юриспруденции, сколько ущерба наносится благосостоянию народа путем злоупотреблений в этой области и какое обширное поприще открывается здесь для человека, который поставит себе целью защиту и охрану прав народа и помощь ему во всех случаях, требующих юридической защиты, – эта мысль соблазнила Песталоцци, и он поступил в особое учебное заведение, готовившее юристов.

Вскоре, однако, сухое преподавание юридической мудрости, напиравшее, главным образом, на изучение римского права, вызвало в Песталоцци полное разочарование: вся эта юридическая казуистика решительно не соответствовала его живой натуре, и нет сомнения, что он оставил бы и сам юридическую школу, если бы свершение этого шага не ускорило одним обстоятельством.

Во время пребывания в юридической школе Песталоцци поддерживал тесные отношения со своими бывшими товарищами по коллежу, оставшимися прежними пылкими мечтателями. Они все так же мечтали возродить общество путем распространения строгих нравственных правил и сурового образа жизни. Преобразование это они начали с себя и стали вести совершенно аскетическую жизнь. Они ели самую суровую пищу, ходили в са-

мых дешевых костюмах, спали на голых досках и т. д. Песталоцци настолько увлекся этой «подготовкой к правильной жизни», что пробовал даже питаться одной травой. Опыт этот привел к тому, что он дошел до полного истощения сил, после чего снова возвратился к обычной человеческой жизни. Гораздо дороже обошелся этот аскетизм лучшему другу Песталоцци, которого последний глубоко любил. Каспар Блунчли представлял собою в высшей степени выдающуюся личность как в умственном, так и в нравственном отношении. Он имел сильное влияние на друга, которое продолжалось и после смерти Блунчли, до конца жизни Песталоцци. Последний рассказывает, что в трудные минуты жизни, когда он не знал, как ему поступить, он воскрешал в своей памяти образ этого человека и задавал себе вопрос, как поступил бы в данном случае тот. Вот этот-то чуткий и последовательный Блунчли с таким усердием практиковал воздержание и упрощение жизни, что совершенно подорвал свое здоровье и умер на самой заре своей жизни. Умирая, Блунчли заклинал Песталоцци бросить занятия юриспруденцией, доказывая ему, что для юриста нужны находчивость, умение приладиться к людям и неразборчивость в средствах – качества, которыми Песталоцци отнюдь не блистал. Смерть Блунчли произвела сильное впечатление на Песталоцци. Он сам заболел и долго был в опасном положении. Оправившись, он немедленно распростился с юридической школой.

Но что же делать? Ответ был дан как самою натурою Песталоцци, так и новым подроспевшим влиянием. В это время общее внимание привлекал к себе Руссо, и его идеи нашли вполне подготовленную почву в душе Песталоцци. Да, только там, в деревне, на лоне природы, где люди живут естественной жизнью, свободной от всяких условностей, только здесь человек ищет, как развернуть свои силы и принести действительную пользу... Это вполне соответствовало всегдашним симпатиям Песталоцци к деревне и ее обитателям. С этого времени для него не остается сомнения в том, что он должен жить в деревне. Но в качестве кого он появится в деревне? Что именно он будет там делать? Здесь перед мысленным взором Песталоцци встал образ его покойного деда-священника. Он вспомнил все подробности жизни этого «друга людей», посвященной другим людям, вспомнил, как много этот старик делал для своих прихожан, какую громадную роль в их жизни он играл, – и ответ на вопрос был найден: Песталоцци решил сделаться священником.

Вскоре, однако, и это решение было оставлено. Реформатскому пастору необходимо быть проповедником ввиду того особого значения, которое имеет проповедь в реформатском богослужении. Но когда Песталоцци, готовясь к священническому служению, выступил впервые на церковной кафедре, дебют оказался совершенно неудачным. К этому присоединилась еще мысль о том, что для приобретения надлежащего влияния на поселян необходимо сойтись с ними самым близким образом, а для достижения этой цели необходимо сделаться самому поселянином-земледельцем. Таким образом, в конце концов Песталоцци решил «идти в деревню» и «сесть на землю».

Сделав выбор, Песталоцци начал готовиться к земледельческому поприщу самым серьезным образом. В это время по всей Швейцарии пользовался славой образцового хозяина некто Чиффели. К нему-то Песталоцци и отправился, и пробыл у него целый год в качестве простого работника. Этот год принес большую пользу Песталоцци. Прежде всего он укрепил его здоровье, слабое от рождения и еще больше расшатанное аскетическими экспериментами. Затем Песталоцци лично на себе испытал все прелести существования швейцарского сельского рабочего. Наконец он приобрел навык к физическому труду, которого предшествующая жизнь не могла в нем развить. Собственно же к сельскохозяйственной деятельности Песталоцци, и после годового пребывания в имении Чиффели, оставался столь же слабо подготовленным, как и до поступления туда. Горе состояло в том, что Песталоцци изучил в имении Чиффели не то, что и как здесь делается, а что и как *должно делаться*. Сам Чиффели, большой новатор, хотя и осторожный практик, был увлечен своим учеником и охотно поверял ему свои планы и соображения. Единственное, что вынес Песталоцци от Чиффели по части сельского хозяйства, – это мысль о необходимости коренного преобразования швейцарского сельского хозяйства и целый ряд смелых планов этого преобразования; что же касается практичности Чиффели, то Песталоцци меньше всего способен был усвоить ее.

Возвратившись от Чиффели, Песталоцци вскоре делается сельским хозяином, и с этого времени начинается новый период его жизни – начинается практическая жизнь. Вступление в этот период ознаменовывается фактом, имевшим громадную важность в жизни Песталоцци, – его женитьбой на Анне Шультгесс. Прежде чем перейти к изложению событий нового периода жизни Песталоцци, мы скажем еще несколько слов о первых опытах его в области писательства, имевших место уже во время его пребывания в коллеже.

Стремление излагать свои мысли письменно и делиться ими с другими явилось у Песталоцци очень рано, но он долго никому не решался показывать свои писания и рвал их. Однако еще 19-летним юношей мы видим его деятельным сотрудником журнала, который издавался наставниками коллежа, давшего Песталоцци образование. Статьи в этом журнале лучше всего характеризуют доброго, но непрактичного Песталоцци. Это не что иное, как длинный список добрых пожеланий. Самая форма статей своеобразна. Статьи так и начинались: «Желательно, чтобы» и т. д., и это «желательно» переполняло все статьи до конца. И какие наивные и подчас элементарно невинные пожелания высказывал будущий великий воспитатель! Он «желал бы», чтобы публично не распевались легкомысленные куплеты; чтобы не продавались соблазнительные картины; чтобы родители заботились о выборе товарищей для своих детей; чтобы были общедоступно изложены правила воспитания; «чтобы каждый человек потрудился образовать хоть одного такого же: ведь тогда число честных людей сразу удвоилось бы»; «чтобы на-

клонность к злословию и пустая завистливая болтовня были бы изгнаны из повседневных бесед»; «чтобы те, которые проводят время перед зеркалом в самонаслаждении своею красотой и величием, вдруг показались бы сами себе некрасивыми и не величавыми, и вследствие этого наполняли бы бесплодно утрачиваемые часы каким-нибудь другим, более дельным занятием»; «чтобы тем из тружеников, которые ведут строгий, уединенный, бережливый, независимый образ жизни, оказывалось то уважение, которого они заслуживают»; «чтобы все мои граждане знали свою отечественную историю и основные законы своей страны», и т. д. Наивный мечтатель серьезно полагал, что стоит только высказать побольше добрых желаний, чтобы люди прониклись ими и стали добродетельными. Понятно, что эти «литературные упражнения» вызвали только улыбку и злые насмешки над автором, что крайне удивляло и огорчало Песталоцци, и наконец заставило его надолго прекратить свои попытки писательства.

История духоборцев и молокан

Южная полоса центральной России издавна служила очагом возникновения и распространения крайне разнообразных сект и раскольничьих толков. Калужская губерния долго почти исключительно поставляла попов для рассеянных по всей России общин раскольников-поповцев; Орловская, Калужская и Тамбовская – были издавна гнездилищем хлыстовской секты, и здесь же впервые появилось скопчество; в Тамбовской губернии возникло молоканство и его отпрыски; в Калужской губернии возникли секты охонцев и поцелук, и т.д.. Словом, здесь как бы хранится таинственная лаборатория, производящая самые дикие идеи наряду с самыми рациональными и создающая наряду с изуверами-скопцами рационалистов-молокан.

Время возникновения духоборчества относится к середине прошлого столетия, молоканство возникло несколько позднее. Место первоначального появления духоборцев, за отсутствием исторических данных, а также личность основателя секты точно определены быть не могут; можно только с вероятностью предположить, что секта духоборцев возникла именно в Тамбовской губернии.

Некоторые (напр., проф. Новицкий) желают видеть в возникновении духоборства влияние западно-европейского квакерства, но мнение это не выдерживает критики и не опирается ни на один исторический факт, так что духоборчество, как и молоканство, могут быть признаны вполне самобытным явлением.

Относительно молоканства достоверно известно, что оно явилось впервые в Тамбовской губернии, и что начало ему было положено деревенским портным Семеном Уклеиным. Отрицательное отношение молокан и духоборцев к церкви, отвержение ими всей обрядовой стороны религии, а также одинаковый образ жизни подали повод правительству и народу смешивать эти две секты и считать их за одну. Народ и доселе во многих местах называет безразлично тех и других сектантов «молоканами», обозначая тем

же именем и многие новейшие секты. Правительство также долго называло представителей обеих сект безразлично то молоканами, то духоборцами и принимало по отношению к ним одинаковые меры. Обе секты, тотчас же по своем возникновении, стали быстро распространяться, и к началу прошлого столетия духоборство было распространено по всему югу России, а на севере поднималось вплоть до Новгородской губернии. Молоканство из Тамбовской губернии перешло в соседние Рязанскую, Пензенскую, Саратовскую и Воронежскую, проникло далее в Симбирскую и Самарскую, спустилось в Астраханскую губернию, на Дон и на северный Кавказ.

Сначала о существовании и распространении новых сект не знали даже ближайшие к народу власти, светские и духовные, и потому сектанты были свободны от преследований. Но уже с 1779 года правительство обращает внимание на распространение новых сект и начинает преследовать их приверженцев. Такие преследования усилились к концу царствования Екатерины II и особенно стали жестокими с вступлением на престол Павла.

Сектантов ссылали на фортификационные работы в Азов, в Ригу, на о. Эзель, в финляндские крепости, на Соловецкие острова, в Екатеринбург в рудники и в Сибирь; их беспощадно секли, клеймили, рвали им ноздри.

Известный Лопухин писал в 1801 году по поводу гонений на духоборцев, которых он не отличал еще от молокан, следующее: «Никакая секта до того времени не была столь строго преследуема как духоборцы, конечно не потому только, что они всех вреднее. Разными образами истязали их, целыми семействами ссылали в тяжкие работы, заключали в самые жестокие темницы. Некоторые из них сидели в таких, где ни стоять во весь рост, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мне сказывал, хвалясь своим распоряжением, один из начальников тех мест, в коих они содержались. Всякий генерал-прокурор вследствие губернаторских представлений объявлял именной указ о ссылке их целыми семействами в разные места на поселение и на каторгу, и сослано их таким образом не одно сто». И действительно, дело дошло до того, что стоило только быть уличенным в принадлежности к гонимым сектам, чтоб быть отправленным, на каторгу.

Распространение сект этими жестокими гонениями не останавливалось. Сектанты то и дело открывались и притом на различных концах России: то в Архангельске, то в Херсонской губернии, то в Тверской, то на Кавказе.

Со вступлением на престол Александра I, отношение высшего правительства к новым сектантам резко изменилось. Помимо общего либерального направления политики первой половины царствования Александра I и его личной терпимости, духоборцы и молокане улучшением своего положения в значительной мере обязаны вышеупомянутому Лопухину, сенатору и доверенному лицу Александра. Командированный государем для обозрения Слободско-Украинской губернии, Лопухин познакомился здесь с духоборцами, при самых печальных условиях для последних. Незадолго перед тем,

при самом вступлении на престол Александра I, высочайшим указом освобождено было множество духоборцев и молокан из Сибири, причем было повелено водворить их на родине и оставить в покое. Согласно с этим повелением, харьковские духоборцы возвратились из ссылки в августе 1801 г.

Тотчас же, вопреки высочайшему повелению, к ним были отправлены для «увещевания» два священника и заседатель земского суда с командою. – Эти «увещатели» совершенно ожесточили разоренных, полуголодных духоборцев, не успевших еще устроиться на пепелищах своих прежних жилищ. Произошел «бунт» состоявший в том, что духоборцы, не признающие никаких обрядов, на вопрос о том, что они думают о коронации, не дали удовлетворительного ответа, а на вопрос о том, будут ли платить подати и давать рекрутов, отвечали: «Мы нищие: чем нам платить подати! какие от нас рекруты? Остался старой, да малой, да изувеченный. Мы прежде служили государю, как и другие, а теперь, власть его, мы не можем».

Как ни оригинален был этот «бунт», но местные власти взглянули на него всерьез и начали принимать надлежащие меры. Однако Лопухин и его товарищ сенатор Мелединский-Мелецкий, узнав, в чем дело, остановили пыл ревнительных властей и приказали, чтобы „весь этот мнимый бунт приписан был недоумению и неискусству увещателей, чтобы всякое следствие и розыск были тотчас пресечены, чтобы по этому делу никому не было чинено стеснения и если кто взят под стражу, то немедленно был бы освобожден». Вместе с тем сенаторы донесли обо всем государю. Последний, одобрив распоряжение сенаторов, благодарил их и, в изданном по этому случаю указе, выразил мысль, что для того, чтобы сектанты «лучше почувствовали обязанности их к правительству, прежде всего нужно было бы дать им самим приметить, что оно об них печется», чего достигнуть император и поручал слободско-украинскому губернатору. Между тем распространившиеся слухи о человечности сенаторов собрали к ним духоборцев как харьковских, так и из Екатеринославской губернии. В это-то время Лопухин лично ознакомился с духоборцами и вынес самое лестное мнение о них.

Между прочим, духоборцы выразили Лопухину мысль о том, что распоряжение высшего правительства не спасут их от притеснений мелких властей, и что для избежания этого они желали бы особое поселение, где бы они могли жить отдельно от православных. Желание это было оформлено в прошении, поданном духоборцами сенатором, и последние сделали в этом смысле представление императору. В ответ на это последовал указ об отводе для поселения духоборцев местности по р. Молочной, Мелитопольском уезде, Таврической губернии.

Опасения духоборцев о возможности преследований со стороны низших властей, вопреки распоряжениям высшего правительства, оправдались в самом непродолжительном времени. В начале 1803 года тамбовский губернатор доносил государю об открытии духоборцев в пределах вверенной ему

губернии; в изданном по этому поводу указе государь рекомендовал относиться к духоборцам возможно осторожнее, не стеснять и не отягощать их ничем, не судить и не обвинять их «по единому смыслу их ереси». Но через несколько же времени по получении этого в высшей степени гуманного указа, в той же Тамбовской губернии заседатель Фон-Меник, обобравши всячески духоборцев, несколько из них засек до смерти, и когда началось по этому делу следствие, то оказалось, что «наказание духоборцам дано соразмерное и умерли духоборцы, вероятно, от ядопринятия (чтобы, значит, своею смертию подвести под суд заседателя!), от какого могли произойти и синебагровые пятна и иные знаки на спине и животе наказанных». Дело это кончилось тем, что оставшихся в живых духоборцев еще раз посекали и затем сослали в ...ский уезд Архангельской губернии удивительно, что от таких порядков духоборцы и молокане массами устремились на Молочные воды, где они надеялись найти хоть некоторый покой.

Переселяться на Молочные воды сначала предоставлялось всем желающим молоканам и духоборцам. На каждую переселившуюся душу отводилось по 15 дес. земли. Переселенцам предоставлялись разные льготы: так, они освобождались на пять лет от податей; на подъем выдавалось каждому семейству по 100 рублей, при чем уплата их рассрочивалась на 30 лет. Впрочем, эти льготы предоставлялись лишь первым переселенцам, а последующие пользовались только двухлетней льготой от податей. Указом о переселении воспользовались, прежде всего, духоборцы. Затем, когда прибыли партии молокан, духоборцы не захотели принять их в свои общества, и тогда-то правительство узнало, что дотоле оно принимало две секты за одну.

Молоканам были отведены земли отдельно от духоборцев, в некотором расстоянии от них. В последующие годы прибывали новые партии переселенцев, хотя правительство ставило уже ограничения и препятствия этой иммиграции, а в 1824 прямым запрещением положило ей конец. Духоборцы, сравнительно мало распространенные, почти все перебрались на Молочные воды, тогда как молокане, гораздо более распространенные, могли выделить лишь часть общего числа членов секты. К концу царствования Александра I на Молочных водах было более 15 деревень, населенных сектантами, и общее число их здесь превышало 20 тыс. человек.

Между тем, в то время как молокане и духоборцы отовсюду собирались на Молочные воды, в других местах преследования против них продолжались по-прежнему. Одним из указов Александра I, очень либеральным вообще, определялось, что сектанты могут быть преследуемы только в случае «явных соблазнов» и притом «по законам на нарушителей общего благочиния поставленным». Но при желании под категорию «явного соблазна и нарушения общего благочиния» можно было подвести все, что угодно. Запорил молоканин православным о вере – вот уже и явный соблазн»; собрались духоборцы, спели свои псалмы – соблазн еще и вот мы видим, что

в течение либерального царствования Александра I идут непрерывные суды над духоборцами и молоканами, ссылки в Соловецкий монастырь, в Колу, в Сибирь, ссылки на каторжные работы, отдача в солдаты, наказания кнутами и т.д. И все это за то, что «начали открыто рассеивать свое учение», что «неоднократно повторяли, что беседуют с Богом», что «произвели возмутительные действия явным разглашением своих толков», словом за то, что «производили явный соблазн».

От этих преследований духоборцы и молокане разбегались во все стороны: одни из них стремились, как мы видели, на Молочные воды; другие переселялись на Кавказ, где духоборцы поселились в Елисаветпольской губернии, а молокане в Елисаветпольской, Тифлисской и Бакинской, и на северном Кавказе – в Терской, и Кубанской областях; некоторое количество духоборцев переселилось в Сибирь; еще больше отправилось туда молокан, которые впоследствии осели на Амуре.

Наконец, однажды духоборцы сделали попытку заселить своими единоверцами устья Дуная. Именно в 1811 г. два поверенных от духоборцев Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Астраханской и Оренбургской губ., всего от 4000 душ мужского пола, подавали прошение о дозволении поселиться на завоеванных тогда у Порты устьях Дуная. Местность эта была давно известна духоборцам, так как сюда бежали многие из них от гонений при императоре Павле и впоследствии возвратились на родину. Ходатайство духоборцев, однако, было отклонено.

На Молочных водах сектантам сначала жилось не дурно. Хозяйство их было в очень цветущем состоянии, благодаря обилию земли, трудолюбию и восприимчивости к сельскохозяйственным усовершенствованиям. Земли приходилось на каждую душу более, чем по пятнадцати десятин. Недалеко от сектантов жили менониты-колонисты, и дуоборцы и молокане переняли от своих хозяев много полезных сельскохозяйственных сведений. У немцев же они переняли костюм и способ постройки домов. У духоборцев ко всем этим благоприятным условиям присоединилось еще то обстоятельство, что первое время они вели все полевое хозяйство общими силами всей общины.

Благодаря всему этому молоканские сектанты скоро разбогатели, развели многочисленную стада скота и в особенности овец, покрыли степь красивыми деревьями и цветущими нивами и вообще обратили пустынный до толе край в один из уютнейших уголков России, благодаря взаимопомощи и устройству запасных магазинов, они могли безбоязненно переносить временные бедствия, вроде засух и неурожаев.

Кроме земледелия, они занимались и другими отраслями промышленности, например, производством шерстяных поясов, шапок и т.п. У духоборцев, в их главном селении был выстроен сиротский дом, в котором призревались бедные, престарелые и сирые.

Нравственность сектантов, по отзывам всех официальных лиц, посещавших молоканские поселения, была примерная. По отношению к правительству они являлись исправными плательщиками податей и повинностей и обнаруживали полную покорность.

Казалось бы, все условия благоприятствовали дальнейшему процветанию сектантской колонии. В действительности, однако, вышло совсем другое. Уездные и губернские чиновники с завистью смотрели на богатеющих сектантов и изыскивали все способы, чтобы сорвать с них что-нибудь. На сцену выступили обвинения сектантов в совращении православных в свою ересь и в укрытии бродяг. Стали делаться набеги на колонию, обыски, аресты, заключения в тюрьмы, дознания. И хотя к концу концов никакого «совращения» не оказывалось и никаких бродяг не отыскивалось, сектанты, измученные арестами и тюремным заключением, давали выкуп, что собственно и требовалось.

Много от этих злоупотреблений натерпелись сектанты, которых иногда арестовывали по несколько сот сразу. Но в это время они все-таки находили защиту в лице Александра I, который сдерживал злоупотребления чиновников и, вообще, покровительствовал колонии; однажды он даже посетил духоборческое село Терпение, остался очень доволен приемами велел освободить многих из арестованных и сосланных духоборцев. Но с восшествием на престол императора Николая I отношение правительства к раскольникам и сектантам резко изменяется, и теперь можно было валить на молоканских сектантов, все, что угодно.

В 1832 году, кстати, вышло исследование г. Новицкого (тогда студента, а после профессора) о духоборцах, где об этих сектантах наговорены всевозможнейшие ужасы. И хотя при втором издании своей книги, через 50 лет после первого, в 1882 г., Новицкий сознается, что дал в первом издании совсем неверные сведения, тем не менее, в то время книга эта служила единственным источником для знакомства с духоборцами и под ее влиянием духоборцы были зачислены в категорию особенно вредных сект рядом с хлыстами и скопцами. Сюда же попали и молокане, которых и г. Новицкий, и правительство ошибочно (в чем опять-таки профессор великодушно сознается через 50 лет), рассматривали как отпрыск духоборчества.

Благодаря такому взгляду на молокан и духоборцев, как на особенно вредных сектантов, на них посыпался целый ряд запрещений. Прежде всего, последовал указ о том, чтобы им не только не выдавать паспортов для заработков, но не позволять даже и на малое время отлучаться от своих селений иначе, как с ведома земской полиции. Затем женам сектантов поступающих в военную службу, повелено не выдавать рекрутских паспортов; приказано не допускать „публичного оказательства учения и богослужения сектантов», воспрещено им приписываться в городские общества всех местностей России, кроме Закавказья; скоро и этого оказалось не достаточно, и из всех за-

кавказских городов сектанты получили право жительства только в 7 – Нухе, Шемахе, Кубе, Шуше, Ленкорани, Нахичевании и Урдубате; затем закавказским сектантам запрещены отлучки во внутренние губернии; воспрещено духоборцам и молоканам приобретать в собственность земли далее 30 верст от места их водворения; запрещено им нанимать православных работников и прислугу, и т. д., и т. д. Но все это казалось недостаточно. Был поднят вопрос о выселении всех молоканских духоборцев куда-нибудь на окраину России, где нет православного населения. Такою окраиною сперва была избрана Сибирь, но потом по переписке оказалось, что там нет нужных для этого земель (!), и потому решено было сослать духоборцев в Закавказье.

Этот проект ссылки нескольких селений, жители которых были виноваты только в том, что веровали по-своему в Бога, был представлен еще в царствование Александра I одесским генерал-губернатором Ланжероном, который, будучи католиком, очень много заботился о том, чтобы духоборцы не сворачивали православных.

Дикий проект был с негодованием отвергнут императором. Теперь этот проект не только не вызвал негодования, но еще был приведен в исполнение. Из всех государственных людей того времени, только один генерал Ермолов находил проект выселения духоборцев в Закавказье неудобным на том основании, что «область границ и недавний пример некрасовцев могли повести к новой потере для России полезных и трудолюбивых людей».

Но голос Ермолова остался буквально гласом вопиющего в пустыне, и в 1839 г. состоялось высочайшее повеление о том, чтобы и все духоборцы были переселены из Молочных вод и водворены в закавказской провинции. Духоборцам было объявлено, чтобы они или немедленно продавали все свое имущество и шли в Закавказье, или, если хотят оставаться на месте, принимали православие.

2 тысячи духоборцев решили идти в неведомый край, и только 27 человек перешли в православие и остались на Молочных водах вместе с молоканами, которых на этот раз миновала гроза. Оставляя родную землю, столько лет кормившую их духоборцы припадали к ней грудью, целовали ее, рыдали, простирали руки к небу и пели скорбные псалмы. Но и земля, к которой они так горячо припадали, и люди, которые должны были их слышать, все было глухо. Эти, недавно еще богатые люди, теперь разоренные, продавшие за бесценок все свое имущество, нажитое многолетними трудами, бросившие жилища, нищими были переселены в Закавказье.

Здесь духоборцы были поселены в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии, вокруг Топорованского озера. На этой местности было расположено 7 духоборческих селений – Богдановка, Спасское, Терпение, Ефремовка, Гореловка, Троицкое и Радионовка. Местность, отведенная духоборцам, представляла собою плоскость в 25 верст длины и 10 ширины, расположенную среди снеговых хребтов имеющую 7000 футов высоты над уровнем моря.

Климат здесь чрезвычайно суровый. Почва не приносит никакого плода, несмотря на то, что по составу своему представляет чистейший чернозем; лишь только в короткий промежуток двух летних месяцев здесь можно встретить альпийскую растительность. Если ко всему этому присоединить еще то обстоятельство, что духоборцы, отвергающие употребление оружия, подвергались здесь постоянным нападениям горских племен, а также терпели притеснения кавказского чиновничества, то будет понятно, в какие ужасные условия попали духоборцы.

Долго они бедствовали здесь, но благодаря своему истинно-русскому терпению, благодаря необыкновенному трудолюбию и, наконец, благодаря своей общинной сплоченности, они побороли все невзгоды и притеснения, и Духоборье стало одним из богатейших уголков Закавказья.

*«Животисная Россия» 1905 года №№ 23 и 24.
Издание т-ва М.О.Вольф, г. Москва.*

Бенджамин Франклин Его жизнь, общественная и научная деятельность

Биографический очерк

Несколько вступительных слов

Описание жизни Бенджамина Франклина представляет собою одну из самых поучительных биографий, несравненно более поучительную, нежели большинство биографий, вошедших в “Жизнеописания” Плутарха. Будучи обязан, как и многие другие выдающиеся американцы, своим высоким умственным развитием и общественным положением исключительно самому себе, своей честной, правдивой натуре, своему обширному уму и непоколебимой энергии, Франклин имел счастье оказать своей родине услуги, подобные которым удается оказывать своему отечеству лишь немногим. Родившийся и выросший в период формирования новой нации из разнородных элементов, населивших Северную Америку, Франклин принял самое близкое участие в процессах этого формирования и своим нравственным и умственным влиянием придал этим процессам форму, наиболее благоприятную для создания великого народа, каким являются ныне североамериканцы. Важнейшей заслугой Франклина должно быть признано то обстоятельство, что он более чем кто-либо другой содействовал развитию среди своих соотечественников общественной самодеятельности. Ниже мы увидим, как много Франклин поработал в этом направлении. Благодаря этому он, с одной стороны, сильно поднял в своих соотечественниках чувство национального достоинства, давшее им смелость восстать против притеснений метрополии и силы выдержать неравную борьбу с последней, а с другой -положил прочные основы той автономности, которая резко проявляется в Соединенных Штатах в отношениях отдельных штатов к целому союзу,

графств, входящих в состав штата, к этому последнему, общин – к графству и, наконец, отдельных личностей – к союзу, штатам, графствам и общинам. Если что может быть признано важнейшей причиной того высокого культурного и материального благосостояния, какого достигли Соединенные Штаты, то, без сомнения, такой причиной является не что иное, как именно этот дух самостоятельности, эта проникающая все отношения автономность, – и Франклин, всего более содействовавший развитию *такого* духа, уже одним этим заслужил тот культ, предметом которого является его имя в Соединенных Штатах. Но он работал не только для своей родины. Многое из того, что он создал в своем отечестве, сделалось достоянием всего цивилизованного мира, а сверх всего этого он оказал бесценные услуги в области, безраздельно принадлежащей всему человечеству – в области науки, своими бессмертными исследованиями относительно электричества. *Такая* жизнь, начавшаяся на нижней ступени общественной лестницы и окончившаяся на вершине общественных почестей – в стране, где эти почести достаются только людям истинно высоких качеств и за истинные заслуги перед обществом - не может не быть глубоко назидательной для людей всех возрастов, начиная с детей и кончая стариками, -и всех общественных положений, начиная с людей, находящихся на той общественной ступени, с которой начал свою карьеру Франклин, и кончая сильными мира сего. Каждому описание его жизни даст что-либо ценное, каждого оно научит чему-нибудь, а всем вообще покажет, как много может сделать человек, когда в нем к хорошим стремлениям присоединяются правильно настроенный ум и сильная, хотя и спокойная, энергия.

Бентковский Иосиф Викентьевич (19.03.1812-15.08.1890) – известный ученый-краевед, публицист, статистик.

Иосиф Викентьевич Бентковский родился в семье знатных, но небогатых дворян Брескульского уезда Варшавского герцогства Викентия Бентковского и Жозефины Бентковской, урожденной Рудницкой. Среднее образование получил в Влоулавске, а потом в Плоуке. После польского восстания 1830 года оказался на Кавказе, где принял пра-

вославие и вступил в казачье линейное войско.

Дослужился до звания офицера, казачьего сотника, начальника Михайловской станицы, заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного войска.

Выйдя в отставку и поселившись в селе Безопасном, посвятил себя сельскому хозяйству и торговле и смог вплотную заняться историко-литературными трудами. Стал действительным членом Ставропольского статистического комитета². Будучи с 1871 года секретарём комитета, он переехал в Ставрополь и всецело занялся учёной деятельностью.

Умер Бентковский Иосиф Викентьевич в 1890 году.

* * *

Ставропольская старина

Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе

Первые поселенцы Ставрополя, начиная с основания крепости, находили в обширных окрестных лесах в избытке строевой лес и потому, вероятно, весьма долго не обращали никакого внимания на другой строительный материал – камень, не менее обширные залежи которого занимали Ставропольское плоскогорье, состоящее из двух ярусов третичной (моллосовой) формации: нижнего и верхнего. Первый образовался из мергелей и темно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины; верхний

²Главнейшие сочинения: «Материалы для статистико-экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 г.», «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», «Обзор коневодства на северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии», «Статистика населенных мест и поземельная собственность в Ставропольской губернии»; «Материалы для истории колонизации северного Кавказа. Ч. I. Ногайцы», «Ставропольский губернский статистический комитет. Первое XXV-летие с 1858 – 1883 годов».

же ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса моллосовой формации и состоит из песчаника, связанного известковым цементом, преимущественно же из мактра и венус. Камень этот на возвышенных местностях города находится в обнаженном состоянии, а в низменных частях покрыт почвою от фута до сажени и более толщиною.

Каменоломни, которым так обязана щеголеватая наружность Ставрополя – говорит г. Барбот де-Марни – лежат в самой черте города. Камень – известковый ракушник – является прямо из-под чернозема, на глубине $\frac{1}{3}$ – 3 аршин. Цвет камня белый, но большей частью желтовато-серый и иногда красноватый. Камень очень мягок, хотя местами и представляет кремнистые разности, дающие искры. Раковины являются преимущественно в виде ядер.

Пласты породы имеют от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ арш. толщины и представляют совершенную горизонтальность, весьма редко они слабо изогнуты и трещиноваты. Для добычи строительного камня выбираются места, где пласты имеют одинаковую толщину, около аршина. При добыче делают ряд вертикальных врубов на расстоянии 10 вершков. Работа эта ведется наваренными сталью железными кайлами (клеваками). Потом горизонтально вбиваемыми железными клиньями отделяются брусья, которые уже прямо идут на постройки.

Одnodневная перепись 18 декабря 1872 г. насчитала в Ставрополе (кроме 9 церквей, которые все каменные) 8426 разного назначения зданий, и в том числе 3858, или 46% каменных, придающих городу ту щеголеватую наружность, замеченную г. Барбот де-Марни, которая приятно бросается в глаза многим, в первый раз приезжающим в Ставрополь.

В 1798 г., как мы уже говорили, в Ставрополе не было еще ни одного каменного дома, так точно, как и в городском лесу, быть может, не было уже ни одного строевого дерева. По крайней мере в 1805 г., при отмежевании городу двухверстного выгона, показано на плане 821 дес. 894 саж. дровяного лесу.

Нужда заставила тогдашних жителей обратиться к другому строительному материалу, более прочному и, так же как и лес, сподручному – камню, на который они, да и первые строители Ставропольской крепости, в течение четверти столетия не обращали никакого внимания. Первый пример каменных построек показал городской ратман ктац Волков, как это видно из предложения Астраханского губернатора Захарова Ставропольскому магистрату от 2 января 1800 г. за № 7.

Губернатор пишет: «Ставропольский городничий Зервальд рапортом мне доносит, что посредством тамошнего купца Волкова выписаны из города Черкаска каменщики, коими найдено, что из находящегося в Ставропольском уезде ломового камня можно производить строения с малым превышением цены против деревянного, не истребляя леса на сжение кирпича. Приняв такое изобретение с уважением, Ставропольскому магистрату предлагаю объявить о том сего горо-

да обывателям, внушив при том им, что будут таковое благое изобретение употреблять они в свою пользу, то не только получают сами выгоду, но городу дастся украшение, которое отнесется к славе и похвале его обитателей».

Отсюда ясно, да и предание подтверждает, что купец Илья Волков первый начал постройку каменного дома в 1799 году. Что же касается внушения обывателям, то оно не скоро вошло в их сознание, так как в 1834 г. мы нашли в Ставрополе казенных и частных домов и нежилых строений не более 30. Тем не менее под руководством каменщиков, выписанных Волковым из Черкаска, ставропольцы начали «бить камень», и в 1808 г. специально уже занимались этим промыслом 1 купец и 1 мещанин.

Одновременно с постройкой в Ставрополе первого каменного дома возникла мысль о построении в городе каменной церкви, без сомнения, тогда по строительному материалу первой на Северном Кавказе.

Троицкого собора протопоп и благочинный Илья Тимофеев, 1800 г. июня 21 № 177, писал следующее Ставропольскому городничему титулярному советнику Зервальду: «Астраханская духовная консистория от минувшего мая № 711 предписала мне понудить жителей Ставропольского уезда и священников тех селений, которые не имеют выстроенных церквей и отправляющих в молитвенных домах и часовнях священнослужение, дабы присылали к высокопреосвященному Платону архиепископу Астраханскому и Моздокскому о дозволении строить в их селениях церкви через доверенных прошенных и старались бы вообще построить оные через год непременно; а как в г. Ставрополе церковь, хотя и не в давнем времени выстроена, но весьма непрочным делом, так что в рассуждении постройки к оной приделов, подвержена опасности к скорому падению и от случающихся в зимнее время метелей проходит сквозь стены снег, а в летнее время бывает от дождей великая течь, так что важнейшие церковные вещи, яко-то: престол и антиминс часто бывают намоченными и все церковные утвари, парчи, что весьма противно церковным правилам и государственным узаконениям, в том случае, вследствие упомянутого указа, сообщаю вам и прошу г. Ставрополя жителей, долженствующих быть в приходе Троицкого собора, к выстройке вновь прочнейшей церкви понудить; в случае же их к тому несогласия, то по данной мне благочиннической инструкции, в рассуждении непрочности о запрещении священнослужения в оной церкви не премину представить его высокопреосвященству Платону, что последует к вящему всех здешних прихожан неудобству».

Обыватели Ставрополя, в числе 18 купцов и 24 мещан, бывших в общественном собрании 12 августа 1800 г., по прочтении им в городском магистрате отношения благочинного Тимофеева № 177, приговорили: «На место состоящей в Ставрополе, на мещанском форштате деревянной соборной Св. Троицкой церкви, выстроить желаем каменным зданием, а пока она созиждена будет, ту, деревянную, дабы течи не могло быть, также и другую ветхость, должны исправить лучшею прочностью».

Желание жителей, столь похвальное могло, однако ж, по не зависящим от них причинам осуществиться нескоро... новый каменный собор во имя Св. Троицы освящен был только в 1819 году. Медленность в постройке предположенного каменного собора происходила от многих условий и более всего от местных интриг и парализующего влияния тогдашнего режима. Распоряжение Астраханского архиепископа Платона о представлении ему на утверждение планов строящихся церквей через доверенных от общества и за отдаленностью Астрахани и по малонаселенности губернии, а более всего по военным обстоятельствам края, в то время весьма тревожным, тоже не могло благотворно влиять на успешность церковных построек. Между тем тогдашнее Ставропольское общество делало все зависящее от него. Так, 12 февраля 1801 г. приговором купечества и мещан избраны для сбора добротных подаяний на вновь строящийся каменный собор во имя Св. Троицы купцы Никита Деревщиков и Василий Полежаев, а попечителями постройки церкви купцы Моисей Ефремов и Гордей Анненков.

Добротные подаяния, вероятно, шли успешно, потому что уже в 1804 г. епархиальное начальство сделало распоряжение об освящении места, где имела быть выстроена церковь, а общество в следующем году приискало подрядчика для означенной постройки; как вдруг вмешалась в это дело местная полиция, и постройка собора оттянулась на несколько лет...

Городничий Зервальд 10 августа 1805 г. донес губернскому правлению, что «купец Федор Деденев при сборе общества рядился построить каменную церковь Св. Троицы за 12900 р., но окончательно не сторговался, и что магистрат без переторжки отдал постройку церкви за ту же цену купцу Акиму Чернову; между тем Деденев хотел было понизить эту цену до 12000 р.». По этому рапорту губернское правление предписало магистрату донести: на какую сумму общество предпринимает постройку церкви – церковную ли или собранную с общества? С чьего разрешения собиралась сумма? Есть ли на постройку церкви план и кем утвержден? Городничему же Зервальду предписало не вмешиваться в общественные дела.

Что отвечал магистрат на это предписание в делах, из которых заимствуем исторические сведения о г. Ставрополе, мы не нашли, но мы нашли другой интересный документ, из которого видно, что собранная на постройку сумма заимообразно расходовалась на другие общественные нужды. Так, купечество и мещанство в собрании своем 1 ноября 1805 г. единогласно приговорило: «как во время обойдения выгону здешнему городу земли, употреблено немалое количество церковной суммы на разные общественные расходы, то на пополнение оной и еще впредь касаться могущих быть таких же надобностей, собрать с нас с платежного в казну рубля по 35 к., которые деньги должны мы вносить при объявлении на 1806 г. капитала, с мещан в числе подушных безнедоимочно, которые должен принимать от нас и в расход употреблять городской староста».

Между тем, соборный протопоп Илья Тимофеев в 1806 г. опять отнесся в магистрат, прописывая, что еще 25 августа 1804 г. последовал указ бывшего Астраханского архиепископа Платона, по прошению Ставропольского градского общества, от церковного поверенного купца Ефремова, коим предписано было (ему, Тимофееву) по желанию общества в том же 1804 г. в августе месяце посвятить место, где имеет быть выстроена каменная церковь Св. Троицы, вместо существующей деревянной, которая пришла уже в такую ветхость, что угрожает падением, чего (он) до сих пор не исполнил, хотя неоднократно обращался о том с просьбою к бывшему городскому голове купцу Волкову. Почему он и просит ускорить дело и приступить к постройке церкви, так как заготовленный в достаточном количестве материал приходит в ущерб.

Вероятно, вследствие этого купец Чернов представил лично в Георгиевск план церкви на рассмотрение, а губернское правление указом 10 марта 1806 г. предписало магистрату в присутствии всего благородного, купеческого и мещанского общества произвести новые торги, назначило сроки и велело о вызове желающих публиковать по всей губернии.

Постройка собора, очевидно, затягивалась, так сказать, не по существу дела, а по интригам, выясненным в общественном приговоре купцов и мещан 1 мая 1807 г., в котором сказано, что по их желанию предположено было выстроить в Ставрополе вместо деревянного каменный собор во имя Св. Троицы, к чему с 1803 г. приготовлено немалое количество материала и что о посвящении места по прошению старосты, купца Ефремова, бывший Астраханский архиепископ Платон в августе месяце 1804 г. дал протопопу Илье Тимофееву указ и грамоту прислал, что для постройки собора был обществом подряжен купец Аким Чернов, коего старанием был сделан на тот собор план и бывшим губернатором Гольденшольдом утвержден, согласно которому общество и желает построить собор. Но бывший городской голова Илья Волков своими происками предлагает рядчиками купцов Созонта Медведева и Федора Деденева, которых общество допустить к той постройке не желает, потому что Волков льстит себя надеждою участвовать с ними в постройке. За такими происками Волкова (говорится в приговоре) постройка собора не начата, в приготовленных материалах происходит ущерб, а между тем деревянный собор угрожает падением, почему и духовное начальство может запретить в нем священнослужение. Купец же Деденев объявил на том сходе, что сделанный старанием купца Чернова план на собор отдан им губернатору Николаю Михайловичу Картвелину, почему общество тем же приговором уполномочило гражданского старосту через магистрат ходатайствовать о возвращении плана и о разрешении постройки собора.

На такое ходатайство губернатор Картвелин предложением на имя городского головы Архундаки дал знать, что план каменной церкви отдан им купцу Плотникову для некоторых исправлений.

Пока план собора странствовал таким образом и переходил из рук в руки, ничего не смыслящая в архитектуре шестигласная дума приговором 18 мая 1808 г. постановила: на постройку собора с каждой наличной души купцов и мещан собирать по 10 аршинных тесаных камней и по одной четверти известки, а если кто не вывезет, то на его счет нанимать с платою по 3 к. за камень и по 20 к. за $\frac{1}{4}$ известки. А буде кто не вывезет, с того взыскать по 20 к. за воз. При постройке церкви попечителем был купец Моисей Ефремов – он же был и гласным.

В том же году 3 августа купеческое и мещанское общества добровольно согласились, чтобы на вновь строящийся собор, как то: на алтарь и трапезу, на нижние полы и потолки купить соснового лесу и полосового железа для связи на деньги, которые будут собраны с общества; да сверх того на кумпол, или на что потребуется лесу, вырубить в казенном лесу хотя с платою попенных денег.

Сколько было собрано добротных пожертвований и окладных на постройку собора по 1808 г. включительно, кто был строителем собора, когда происходила закладка и освящение собора, – о том в старых делах городской управы сведений не нашли. Но в наших руках были две шнуровые приходно-расходные книги, из которых видно, что церковным попечителем Моисеем Ефремовым с 21 февраля 1809 г. по 1 марта 1819 г. собрано от разных источников церковной суммы 64676 р. 22. к. Можно поэтому предполагать, что в 1819 г. собор постройкою окончен и освящен. Такое предположение получает тем более вероятности, что в сентябре того же 1819 г. епархиальною властью разрешено городу продать старую деревянную церковь на молитвенный дом и деньги записать в церковную сумму.

Между тем, пока продолжалась постройка каменного собора, Калужской губернии помещик прапорщичьего чина, комиссар Андрей Семенов Богданов, возвращаясь больной из Кавказских горячих вод, умер в Ставрополе 12 февраля 1816 г. и духовным завещанием пожертвовал 10000 р. на устройство иконостаса во вновь строящейся церкви, с тем чтобы из денег этих часть употреблена была на сооружение над могилою его памятника. Калужский приказ общественного призрения деньги эти, за исключением пересылочных в пользу почт, но с наросшими на них процентами, всего 10312 р. 98 к. в 1819 г., препроводил в Кавказское губернское правление, которое передало их в распоряжение городской думы для употребления по назначению завещателя.

Суммы этой, конечно, было недостаточно, так как в освященном уже соборе, кроме иконостаса, оставалось еще многое устроить и с возможным благолепием отделать; а потому городское общество из среды своей выбрало нового попечителя гласного думы Андрея Харичкина и выдала ему шнуровую денежную приходно-расходную книгу. Из этой книги видно, что Харичкиным записано в приход с 4 февраля 1821 по 1824 г. 21759 р. 1 к. Главными источниками поступлений на этот предмет были: доходы с двух ярмарок – Троицкой и Ива-

новской, кошелевый сбор от того же Троицкого собора, добротные пожертвования граждан и деньги, вырученные от продажи старой деревянной церкви, которую купило общество села Успенского (что ныне станица Кубанской области) за 2900 р. Сумма, поэтому, на устройство нового иконостаса в соборе и прочего простиралась к 1824 г. до 32071 р. 99 к. Средства эти значительно увеличили купцы Игнатий Волобуев и Корней Чернов тем, что вся живопись для иконостаса заказана ими была в Москве на собственный их счет.

Ставропольское же тогдашнее купеческое и мещанское общество воспользовалось поездкою в разные российские города по своим делам купца Никиты Плотникова и приговором 14 декабря 1819 г. уполномочило его приискать и нанять мастеров для поделки и постановки иконостаса в соборе. На основании такого полномочия купец Плотников 19 марта 1820 г. заключил в Москве с вечноцеховым мастером позолотного дела Аполлоном Башкаревым условие, которым Башкарев обязался за 13700 р. выполнить всю столярную и позолотную работу собственными материалами и окончить в июле 1821 г. Причем приличное содержание мастеров квартирою, продовольствием и отоплением, а равно издержки их, переезд из Москвы в Ставрополь и обратно падали на счет городского общества. Для резных же иконостасных работ Плотников нанял в Арзамасе тамошнего мещанина Климента Ламскина, но за какую цену, в делах, из которых черпаем эти сведения, мы не нашли.

За такое похвальное усердие и деятельность в благолепном украшении нового храма высокопреосвященнейший Платон, архиепископ Астраханский и Кавказский, ставропольскому обществу и его выборному купцу Никите Плотникову преподал архипасторское свое благословение. В то время городское общество на свой счет содержало соборный певческий хор. Регент, которым тогда был отставной подпоручик Григорий Иванов, получал 500 р. в год; даже певчие и те получали жалование.

Приделы к собору Св. Троицы были уже пристроены впоследствии; но о них пока мы никаких сведений не имеем.

Отрывок из исторического дневника 1-13 января.

«Суворов встречает 1779 год в крепости Ставропольской»

Северный Кавказ в 70-х годах прошлого столетия представлял для нас еще темную и неопределенную, в смысле прочного обладания, страну. Правда, наши предположения и расчеты на этот край созрели уже в то время; но они могли осуществиться и нет: все зависело от счастья оружия и, конечно, от деятельности наших полководцев. Тогда, как известно, вся Кубанская сторона, т.е. бывшая Черномория и Закубанье, была еще занята разными кочующими ногайскими племенами, подвластными крымского хана и союзниками России, что, однако же, нисколько не мешало им быть нашими врагами. Такие отношения к соседям, при неопределенности государственных границ с этой стороны, привели нас к необходимости учредить Моздок-

Азовскую линию основанием 10 крепостей, в том числе и Ставропольской.

Владимирский драгунский полк, под командою полковника Шульца, занял место для построения этой крепости 22 октября 1777 года, а построение ее производил полковник Ладъженский в 1778, 1779 и 1780 годах.

Суворов в Ставропольской крепости встречал новый 1779 год, а на другой день имел свидание с преданным России сераскиром Аслан Гиреем, причем выдал ему 3000 р. и обещал сменить генерала Рейзера за оскорбления, нанесенные им сераскиру. Заметим, что время занятия Моздоко-Азовской линии и построения крепостей было самым бедственным временем на Северном Кавказе. Совершенный неурожай хлебов и трав в 1779 и 1780 годах простирался до самого Дона, необычайно снежные и суровые зимы продолжались целое трехлетие, по 1781 год включительно. Семь Донских полков, возвращавшихся с Кавказа в декабре 1779 года, от великих метелей и недостатка корма наполовину лишились своих лошадей; многие из казаков явились домой пешие, озлобленные, с отмороженными частями тела. В следующем году погибло на Дону от неурожая и жестокой зимы до полумиллиона штук рогатого скота, лошадей и овец. Наконец, появилась и чума, занесенная из Турции.

Значит, сто лет прошло со времени основания Ставропольской крепости, этой родоначальницы г. Ставрополя. Что же это за крепость была в фортификационном отношении, можно судить по ее плану.

6 января 1790 года генерал-поручик Бибиков, начальник Кавказского корпуса, в отсутствие графа Салтыкова, предпринял поход в Анапу, не имея на то разрешения, и потребовал от Кавказского губернатора для своего отряда 10000 шуб, и когда это не могло быть исполнено в короткое время, приказал – солдатам отнимать шубы у хозяев квартир.

Епископ Игнатий (в миру **Брянчанинов Дмитрий Александрович**) (05.02.1807-30.04.1867) – известный русский подвижник и духовный писатель XIX века, публицист, святитель, настоятель Троице-Сергиевой пустыни в Санкт-Петербургской губернии, епископ Кавказский и Черноморский.

Получив хорошее домашнее образование, он в 1822 г. поступил в Петербургское главное инженерное училище и, обратив на себя внимание генерал-инспектора инженеров великого князя Николая Павловича, был зачислен пенсионером его супруги и в продолжение всей своей жизни пользовался вниманием своих высоких покровителей. В 1824 году переведен в нижний офицерский класс (ныне Николаевская инженерная академия) и 13 декабря произведен в инженер-прапорщики. По окончании курса решил поступить в монастырь, о чем думал с детства, и только вмешательство самого Государя удержало его от этого шага. В январе 1827 г. он был назначен в динабургскую инженерную команду; откуда после тяжелой болезни был уволен с чином поручика. После выздоровления отправился в Александро-Свирский монастырь. Около четырех лет проходил он различные послушания в Площанской пустыни Орловской губернии, в Оптиной Введенской пустыни Калужской губернии, в Кирилло-Новоезерском монастыре Новгородской губернии, в Семигородной пустыни Вологодской губернии и в Глушицком Дионисиевом монастыре. 28.06. 1831 г. он принял пострижение в монашество с именем Игнатия и 25 июля рукоположен в сан иеромонаха, а 6.01.1832 г. он был назначен в Пельшемский Лопотов монастырь Кадниковского уезда строителем; за возобновление и благоустройство Лопотовой обители 28.05. 1833 г. был возведен в сан игумена. Государь в конце декабря 1833 г. велел переместить его настоятелем в Сергиеву пустынь с Производством (1.01. 1834 г.) в архимандрита. Около 24-х лет управлял он этою пустынью, при нем обитель была возведена в число первоклассных. С 22.06. 1838 г. состоял благочинным всех монастырей Санкт-Петербургской епархии; 27.10 1857 г. посвящен епископом в г. *Ставрополь кавказский*, 5.08. 1861 г. по расстроеному здоровью, после натуральной оспы и горячки, он уволен на покой в Николо-Бабаевский монастырь с пенсией в 1500 рублей; там он и скончался.

По образу жизни преосвященный Игнатий был в полном смысле слова аскет. Автор шестимного сочинения «Аскетические опыты»; «Аскетическая проповедь»; «Приношение современному монашеству – правила наружно поведения для новоначальных иноков и советы относительно душевного

иноческого делания» и других. Его сочинения, изданные еще при жизни Святителя, привлекают внимание глубоким знанием Священного Писания и творений Святых Отцов Православной Церкви, творчески переработанных и осмысленных применительно к духовным запросам современности.

* * *

Письма к мирянам

*Жизнь изменчива, как море
Любовь к ближнему – величайшее наслаждение,
благодарение Богу за дар дружбы*

В тихом уединении, на берегу величественной Волги часто вспоминаю вас, благословенная чета! и вы – на берегу пространных вод, на берегу моря, которое по временам бывает тихо, бывает чисто, как зеркало, а по временам, встревоженное бурей, покрывается мутными волнами, седой пеною. Такова наша жизнь! В ней тишина и буря сменяют одна другую; а время уходит, уходит, стремится погрузиться в бездну вечности. Блажен тот пловец житейского моря, который часто устремляет взоры к небу. По светилам небесным он направляет путь свой, не унывает при бурях, не доверяет и тишине моря: оно – так изменчиво! Взоры, для которых доступно небо – вера; ею мы усматриваем духовное небо: учение Христово. На этом небе сияет Евангелие, как солнце, Ветхий Завет, как луна, – писания святых Отцов, как звезды.

Пишу к вам прямо из сердца, пишу то, что внушилось ему сказать вам. Мое сердце – с такою же сладостною простотою к вам, как и ваше ко мне. Такая отношения – истинное сокровище. Любовь к ближнему – величайшее наслаждение! А то утешает меня особенно в моих отношениях дружеских, что причина этих отношений – Бог. Он, – как говорит Писание, – святая и освящаяй всяческая; Он источник всякого истинного блага, всякого истинного, чистаго наслаждения. Он сохранит меня в вашей памяти, а вас в моей. Он даст нам усугубить талант дружбы, полученный от Него же. Вот чего я желаю: желаю, чтоб при вступлении в вечность мы сподобились в сонме благих и верных рабов предстать Господу, сказать Ему: “Ты даровал нам прекрасный талант дружбы, приносим Тебе приобретенный на него другой талант: -талант драгоценный спасения”.

Описание Николо-Бабаевского монастыря

Друзья – благословение Божие

Пишу к вам из уединенной пустыни, в которую, наконец, после продолжительных разъездов я прибыл, и где начинаю лечиться. Дорогу совершил с большим утомлением; два раза возвращалась ко мне петербургская болезнь моя, т.е. отнимались ноги. Теперь идет из них сильнейшая испарина и

чувствую некоторое облегчение. Скажу вам о Бабаевском монастыре, что он мне чрезвычайно нравится во всех отношениях. Местоположение прелюбое. Какой воздух! Какая вода, какая кристальная, ключевая вода! Бьют, кипят из горы и в таком количестве, что было бы их достаточно, думаю, для всего Петербурга. Какая роща с дубами! с вековыми дубами! какая поляна! какая Волга! какая тишина! какая простота! Раскрываю книгу аскетического писателя, читаю ее, – вижу, что здесь можно исполнить советы ее на самом деле, между тем, как в Петербурге можно исполнять их только в воображении и желании. Словом сказать: для земного странствования моего, в эту минуту, не желал бы другого, лучшего приюта.

С сердечною приятностию вспоминаю моих друзей петербургских; вспоминаю их с признательностию, призываю на них благословение Божие. Другой мне дал Бог: эту мзду принял я от Всесвятой десницы Его за мысль самоотвержения, которой последовал с дней юности моей. Уже самый опыт убеждает в евангельской истине, повелевающей оставить все, чтоб наследовать все. Евангелие лишает человека того, чем он владеет неправильно. Из тихаго пристанища, из дальней пустыни повторяю то же, что говаривал из пустыни близкой: “не увлекайтесь шумным, бурным потоком мира!” Да будут уши сердец ваших внимлюще гласу моления моего!...

Христос с вами!

Наставление новобрачным: земная жизнь – путешествие

Из моего уединения, с живописных берегов Волги, величественной и великолепной Волги, поздравляю вас с благополучным совершением начатаго дела в семействе вашем, которое для родительскаго сердца вместе и так радостно, и так трудно.

Благословение Божие да осенит новобрачных! благословение обильное, такое, чтоб вы ясно его видели, утешались, и за него благодарили Бога. Он тем, кого любит, посылает скорби, а в след за скорбями -утешения. То, что скорби сменяются утешениями, а утешения скорбями, рождает веру к Богу и мертвость к миру. Вера, взяв человека за руку, поставляет его пред Богом. -Такой человек возносится превыше мира: под ногами его -мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных. Так под ногами того, кто взошел на вершину высокой горы: облака, утесы, пропасти, шумящие и скачущие по скалам водопады.

Земная жизнь -ни на час не прерывающееся путешествие. Идем, идем: внезапно отворяются врата вечности, и мы теряемся в ее невообразимом пространстве. Как прекрасно говорит святой Давид: “Пришлец аз сьмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоя!” Точно: закон Христов -нить, по которой мы выбираемся из мрачнаго лабиринта земной жизни в блаженную вечность.

Будьте здоровы, благополучны!

Добродетель нуждается в терпении

Среди глубокой, мрачной ночи уныло тянутся звучные отклики часовых, прерывают ея священную тишину. Ободряет, утешает часового голос его товарища: на душу его действует благотворно та мысль, то чувство, что есть человек в одинаковой с ним доле, в одной участи.

Утешителен, отраден для христианина голос его собрата в этой тьме и сени смертной, в которой мы совершаем наше земное странствование, шествуя к небу. Что скажу вам с отдаленной моей стражи? какую мысль утешительную понесут к вам мои звуки? -Услышите то, что и мне доставляет особенную пользу; услышите слова Спасителя, предложенныя Им для общего сведения, назидания, подкрепления всех странников земли: “В терпении вашем стяжите души ваши” (Лук. 21, 19).

Ах! Нужно нам помнить это наставление Спасителя, нужно держаться за него непрестанно, как держится слепец за руку путеводителя; потому что скорби, то и дело, передают нас одна другой, как волна волне, – перепродают нас одна другой, как жестокий господин продает невольника другому господину, столько же или более жестокому. И когда уже душа и тело истончатся скорбями, соделаются слабыми, ничтожными подобно паутине, - принимает нас гроб!..

Для преодоления иной скорби нужно мужество; для изшествия из другой -мудрость; для избавления от третьей -смирение. Но во всех скорбях, при всех прочих добродетелях, непременно нужно терпение. Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтоб пребыть добродетелию, нуждается в терпении. Кто же поколеблется в добродетели, не претерпит в ней до конца, тот теряет свою добродетель. Господь сказал о благоугождающих Ему, что они плод творят в терпении (Лук. 8, 15), повелел душу свою стяжать в терпении (Лук. 21, 19), возвестил, что спасется только претерпевый до конца (Матф. 24, 13).

Вот отклик мой на ваш призыв из моего уединения! Да проникнет он во внутреннюю храмину сердца вашего, да раздастся в ней, да прольет в ней кроткое утешение, утешение, которое подают небесное слово и небесная надежда. Это – голос вопиющего из пустыни, молчащего в пустыне!..

И опять погружаюсь в мое молчание, в мою даль, в мою неизвестность, темная, вдохновенная, как ночь глубокая. Так молчит часовой, вытянувший свой урочный, заунывный отклик!

Христос с вами.

**Мы – странники. – Черты лица забываются, душа – нет.
– О терпении**

Письмо ваше мне очень понравилось; действия ваши внушенные любовью к ближнему – очень понравились; совет ваш – очень понравился, ко-

торый и исполняю, как вы видите по приложенному письму в Париж. Наконец – вы мне очень понравились; в письме вашем вы так мирны, так спокойны. Не люблю я, чтоб странники земные были безумно веселы: это нейдет странникам, изгнанникам, которых ждет смерть, суд, двоякая вечность, блаженная или горестная. Люблю, чтоб они были спокойны: спокойствие – признак, что странник с благословенною надеждою в сердце.

Я живу уединенно и лечусь; действие лекарства спасительно, но вместе сильно, от чего лежу по целым дням. Из моих окон прекрасный вид на Волгу, который я хвалю, но на который взгляну редко, редко, мимоходом. Как помню себя с детства – телесныя чувства мои не были восприимчивы, слабо действовал на меня посредством их вещественный мир. Я был нелюбопытен, ко всему холоден. Но на человека никогда не мог смотреть равнодушно! Я сотворен, чтоб любить души человеческия, чтоб любоваться душами человеческими! За то и оне предо мной – какими Ангелами! – предстают взорам сердца моего так пленительно, так утешительно! Вот зрелище, картина, на которую гляжу, заглядываюсь, снова гляжу, не могу наглядеться. И странно! Лице, форму, черты, тотчас забываю, душу помню. Много душ, прекрасных душ на моей картине, которую написала любовь, которую верная память хранит в целости, в живости колорита. Этот колорит от уединения делается еще яснее, еще ярче. На моей картине и вы с вашим братцем. Часто смотрю на вас! Душа моя наполнена благими желаниями для вас.

В пышном ли наряде, или в немудром платьишке, – что до того? – Совершим наше земное странствование, неся светильник веры правой, веры живой. Этот светильник введет нас в вечное Царство Божие, пред входом куда снимается одинаково и рубище и пышный наряд. И самый пышный наряд в сравнении с светлою одеждою духовною – не что иное, как презренное рубище.

В терпении вашем стяжите души ваши, – сказано странникам земли: потому что путь наш узок и прискорбен, а мы слабы. Сила Божия в немощи совершается, – опять утешительно наставляет нас Писание. Благодарю братца вашего за приписанныя строки! Еслиб у моего письма были глаза, то я завещал бы им взглянуть на братца вашего пристально, продолжительно и так дружелюбно, чтоб этот безпрерывный страдалец невольно, приятно улыбнулся.

Христос с вами.

Бегайте греха! – О страшном суде

Вы в Париже! Волны житейского моря разнесли нас в разные стороны. Я витаю на уединенном берегу Волги: вы брошены в Париж, столицу моды, столицу образованного мира, и можно сказать, в столицу тьмы и греха. В столице тьмы и греха охранитесь от помрачения, охранитесь от греха. Где больше опасности, там нужно больше осторожности. Если необходимыя обстоятельства заставят быть в городах, где свирепствуют чума или другая заразительная болезнь, то надо стараться кончить там дела, как можно ско-

рее, и уехать, как можно скорее. Тем больше так должно поступить относительно города, – столицы греха. Кто знает -не нанесет ли всезлбный грех какой раны? Кто знает – какую он нанесет рану? Он может нанести и смертельную рану, неисцельную?

Приезжайте скорее назад, окончив ваше дело. Здесь ждет вас важное дело. Вы обязаны внимательно заняться вашей душой. Не промотайте ее. А это можно сделать – и как многие делают! Вспомните, что и вам надо выдти дверью гроба из этой жизни, предстать на суд пред Господа, на суд, страшный и для Святых Его, и для тех, которые провели всю жизнь в благоугождении Ему. Там будут судимы не только грехи, но и правды человекoв; там многия правды их осудят правдою Всесовершенною. Это засвидетельствовал Сам Спаситель. «Аще правда ваша, – сказал Он, – не избудет паче правды книжник и фарисей, не внидете в Царство Небесное».

О! когда бы милосердый Господь даровал мне возрадоваться о спасении вашем и моем в этот и будущий век. Ныне день вашего Ангела: да соблюдет вас в совершенном благополучии Святыи Ангел, хранитель ваш.

Странники и пришельцы. – Духовное бдение

Благополучно ли вы совершаете ваше земное странствование? Случается человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам; – ему кажется: шествие его к вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем, -не останавливаемся ни на минуту.

Страннику земному на трудном пути его, чтоб он не заблудился, воспевается духовная песнь. Содержание ея: «Воля Божия, святейшия заповеди и веления Божии». «Пета бяху мне оправдания Твоя на месте пришельствия моего», – сказал вдохновенный Давид. Так в здешних краях, когда кто заблудится в лесу, – в соседних селах звонят в церковный колокол -и по звуку колокола заблудившийся выходит из темного леса.

А что? Обширный, многолюдный город имеет в некотором отношении сходство с обширным лесом: в нем, как и в лесу, можно заблудиться... Пусть будет голос мой из моего уединения подобен благодетельному звону колокола церковного: всегда он отдавался в душе вашей, всегда находил в ней приют. И ныне да услышит его душа ваша! Услышав, да исполнится истинного утешения! Думаю: человек не может ничем истинно утешиться, как только воспоминанием о Боге. Помянух Бога, -говорит святыи Давид, -и возвеселихся.

Как верно то, что мы все должны умереть! что эта жизнь в сравнении с вечностию -ничего не значущее мгновение! Никто из человекoв не остался бессмертным на земле. А между тем живем, как бы бессмертные; мысль о смерти и вечности ускользает от нас, делается нам совершенно чуждою. Это – ясное свидетельство, что род человеческий находится в падении; души наши связаны каким-то мраком, какими-то нерушимыми узами самообольщения, которыми мир и время держат нас в плене и порабощении. Нужно усилие,

постоянное усилие, борьба с собою, чтоб выплыть из ужасной темной пропасти; нужно терпение, чтоб великодушно перенести все невидимыя душевныя бури. Испытание в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами. «Бдите и молитесь, – сказал Господь, – да не внидете в напасть». Бдеть над собою можно только при свете Нового Завета. Свет, при котором совершается духовное бдение, изливают из себя и писания святых Отцов. Божественное Писание и Отцы непрестанно напоминают нам Бога, Его благодеяния, наше назначение, будущность вечно блаженную и вечно несчастную, обличают коварство мира, его козни, показывают средства, как избежать этих козней и войти в пристанище спасения.

Пребудьте в служении Богу краткое время земной жизни -и наследуете вечность полную радостей и непрерывнаго наслаждения духовнаго. Надо же наследовать вечность!.. Не унывайте от преткновений, непогрешительность – несбыточная мечта! Преткновения свойственны всем человекам, которым, по этой самой склонности к падениям, повелено: «В терпении вашем стяжите души ваши. Претерпевый до конца, той спасется».

Благословение Божие да почиет над вами!

Аскетическая проповедь

Поучение на Богоявление

Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте

Таков был глас предвечнаго Бога Отца к человекам о предвечном Боге Сыне, когда Сын, по воле Отца, действием Духа, вочеловечился от Девы, и совершал спасение погибшего человечества. Братия! Окажем послушание Сыну Божию, как того желает от нас Бог, да почиет на нас Божественное благоволение.

Может быть, кто-нибудь скажет: и хотелось бы мне послушать Сына Божия, но как достигнуть этого, когда уже протекло около двух тысяч лет с того времени, как Господь наш Иисус Христос пребывал на земле плотию, и проповедывал Свое всесвятое учение?

Достигнуть того, чтоб быть нам постоянно со Христом, непрестанно слышать сладчайший глас Его, питаться животворным учением Его – очень удобно: Господь Иисус Христос и доселе пребывает с нами. Он пребывает с нами во святом Евангелии Своем, пребывает с нами при посредстве святых церковных таинств, пребывает вездесущим Своим и всемогуществом, пребывает всеобильно, как приличествует пребывать неограниченному, всесовершенному Богу. Пребывание Свое с нами Господь явственно доказывает освобождением душ от греховнаго плена, раздаянием даров Святого Духа, знаменьями и чудесами многими.

Желающие приступить к Господу и присовокупиться к Нему всеблаженным совокуплением навеки, должны начать это святое дело с тщательнейшего изучения слова Божия, должны начать с изучения Евангелия, в кото-

ром сокровен Христос, из которого говорит и действует Христос. Слова Евангелия *Дух суть, и живот суть*. Они плотского человека претворяют в духовного, и душу, умерщвленную грехом и житейскою суетностью, оживотворяют. Они – *Дух суть и живот суть*: охранись великое слово Духа объяснять твоим разумом, пресмыкающимся по земле, охранись слово, преисполненное страшной Божественной силы, объяснять так, каким оно легко может представиться мертвой душе твоей, мертвому сердцу твоему, мертвому уму твоему. Слово, произнесенное Святым Духом, и объясняется только одним Святым Духом.

Желающие приступить к Господу, чтоб услышать Его Божественное учение, Им оживотвориться и спастись, приступите, предстаньте Господу с величайшим благоговением и святейшим страхом, как предстоят пред Ним Его светлые ангелы, Его херувимы и серафимы. Вашим смирением соделайте землю, на которой вы стоите, небом. И возглаголет к вам Господь из святого Евангелия Своего, как к возлюбленным ученикам Своим! а святые Отцы, истолковавшие святое Евангелие по дару Святого Духа, да будут для вас руководители к точному и непогрешительному разумению святого Евангелия.

Бедственно приступать к Евангелию, к живущему в Евангелии Господу Иисусу Христу, без должного благоговения, с дерзостью и самонадеянностью. Господь приемлет одних смиренных, преисполненных сознания своей греховности и ничтожества, преисполненных покаяния, а от гордых отвращается. Отвращение лица Господня от дерзкого искусителя – так называю неблагоговейного, легкомысленного и холодного слышателя, – поражает искусителя вечною смертью. Возвестил богодохновенный старец Симеон о воплотившемся Боге – Слове. *Се лежит. Сей на падение и на восстание многим во Израили, и взнамение пререкаемо*. Слово Божие – камень, камень безмерной величины и тяжести, – *и падый на камени сем, сокрушится* сокрушением неисцельным.

Братия, будем благоговейными и деятельными слышателями Слова Божия! Окажем повиновение Отцу Небесному, Который сегодня возгласил к нам из святого Евангелия о всесвятом Своем Слове: *Сей есть Сын мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте*. Того послушаем! Того послушаем! и благоволение Отца Небесного почует над нами во веки веков. Аминь.

Прозрителев Григорий Николаевич (16.03.1849 – 21.11.1933) – видный общественный деятель, исследователь Северного Кавказа, просветитель, архивист, музейный работник, археолог, публицист, краевед, основатель Ставропольского краеведческого музея (ныне – Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе). Автор более 200 научных и научно-популярных работ, журнальных статей. Редактор “Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии” (8 выпусков), “Памятной книжки Ставропольской губернии”.

Григорий Николаевич Прозрителев родился в Ставрополе в семье безземельного дворянина. Родители занимались благотворительностью и общественной деятельностью. В 1873 году Прозрителев окончил юридический факультет Московского университета. В качестве домашнего учителя три года провел за границей (Швейцария). С 1877 по 1880 участвовал в народническом движении, вел пропаганду в казачьей станице Старопапавловской Терской области. В 1880 года «хождение в народ» закончилось арестом и заключением в Ставропольский тюремный замок. С 1881 по 1916 гг. Прозрителев исполнял обязанности присяжного поверенного (адвоката) Ставропольского окружного суда. Он вел многие дела калмыков, ногайцев, туркмен, чем заслужил среди них большой авторитет и был удостоен звания “Почетный житель Большедербетовского улуса”. В 1916 – 1918 гг. возглавлял Кавказскую археографическую комиссию в Тифлисе. В 1920 – 1927 гг. заведовал музеем Северного Кавказа в городе Ставрополе, одновременно являясь председателем Ставропольской этнолого-археологической комиссии. Состоял членом более 30 благотворительных обществ. По его инициативе в Ставрополе создана первая в регионе частная газета “Северный Кавказ” (1884). Организатор первых краеведческих выставок в г. Ставрополе. Инициатор создания Ставропольского музея Северного Кавказа (1903), Ставропольской ученой архивной комиссии (1906). Участник археологического съезда в г. Владимире (1906). С 1916 – председатель Кавказской археографической комиссии. Создатель Ставропольской этнолого-археологической комиссии. Активный участник краеведческого движения, член-корреспондент Центрального бюро краеведения, действительный член Северокавказского бюро краеведения. Разработал программу краеведческих исследований Ставропольского края.

Умер он в городе Ставрополе на 85-ом году жизни в 1933 г., похоронен на Успенском кладбище.

Посмертно удостоен звания “Почетный гражданин города Ставрополя” (1990). В 1993 имя Г.Н. Прозрителева присвоено Ставропольскому кра-

еведческому музею. Обширный архив (более 200 работ по истории г.Ставрополя, Ставропольской губернии, Северного Кавказа) Прозрителева хранится в Ставропольском государственном краеведческом музее имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

* * *

Александр II в Ставрополе-на-Кавказе

Царь-Освободитель посетил Кавказ три раза: в 1850 году, когда он был еще Наследником престола, и в 1861 и в 1870 годах – уже Императором.

В первый свой приезд он из Тамани направился на Тифлис, и на обратном пути из Тифлиса удостоил и наш город своим посещением.

О пребывании в Ставрополе Александра II сохранилось очень мало данных.

По собранным мною данным в местных архивах и из рассказов современников-очевидцев, можно установить необыкновенное воодушевление и радость местного населения, когда стало известно, что должен приехать Наследник.

Крутое время царствования Николая I, особенно тяжелые условия жизни на Кавказе, обуславливавшиеся в значительной степени военным положением края и его отдаленностью от центральных учреждений, делали кавказского обывателя особенно беззащитным.

Естественно, что во всех своих обидах, претерпеваемых «от начальства», неустройства края в административном отношении и нескончаемой судебной волокиты, обыватель все упование возлагал на верховную власть, и в данном случае на Великого Князя Наследника, слух о доброте которого и необыкновенной приветливости шел отовсюду.

Все в один голос говорили, передавали мне современники – и между прочим отец мой, в то время уже бывший чиновником, – что «Наследник – ангельской доброты, любит простой народ, стоит за всех обиженных и угнетенных».

Замечательно, что никто из современников не связывал в это время с именем Наследника мечты об освобождении крестьян, или, по крайней мере, мне ни от кого не приходилось об этом слышать.

В этом отношении я едва ли ошибаюсь, так как такие современники, как И.В. Бентковский и генерал И.Д. Попко, с которыми мне приходилось много раз беседовать, никогда не останавливались на этом обстоятельстве.

Под особенной тайной передавался слух, что будто бы Наследник не ладит с отцом и что будто бы за свою любовь к народу попал даже на гауптвахту по приказу своего грозного родителя.

Все это еще больше выдвигало Наследника в глазах населения, и окрыляло надежды всех и каждого.

При таких условиях пришла и в Ставрополь весть, что Наследник уже на Кавказе и должен быть и в Ставрополе.

«Долго ожидал наш город прибытия Августейшего гостя, потому что слух о посещении Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем здешнего края предупредил официальное известие об этом счастливом событии, когда же Его Высочество изволил проезжать в окрестных местах, сердца с увлечением следовали за ним в путешествии, о котором сообщаемые в местных газетах сведения каждый носил в сердце, как отрадную весть».

Так пишет обозреватель местной жизни в Ставропольских Губернских Ведомостях.

И автор был в данном случае совершенно искренен, и даже скромно передавал общее восторженное настроение.

Путешествие по Кавказу Наследника началось 14 сентября 1850 г.; в этот день он высадился в Тамани, 15 был в Екатеринодаре, а затем по дороге в Тифлис проезжал по станицам вблизи Ставрополя.

Такая близость Царственного гостя крайне волновала наших горожан, и хотя за отсутствием газетных известий – не могли знать о времени проезда, но стоустая молва не только осведомляла город о месте нахождения Наследника, но и передавала все подробности его пребывания в том или другом пункте.

Празднества Тифлиса по поводу приезда Наследника еще более подогрели ставропольцев.

И, между прочим, в Ставрополе таинственно передавали друг другу надпись, сделанную в Тифлисе на одном из транспарантов с вензелем Наследника, надпись гласила: «Ты обращаешь оживиши ны и людае твоя возвеселятся о тебе».

Условия жизни того времени были таковы, что обо всем происходящем в крае при отсутствии газет можно было узнавать путем личной переписки или путем слухов. И до Ставрополя дошел этот слух.

Надпись толковали в смысле *ожиданий на обновление русской жизни*. А так как в то время и надежды такие были преступны, то и надписи этой придавали особенное значение, и находили ее необыкновенно «смелой» выходкой.

Это было единственным обстоятельством, где пробилось, так сказать, наружу внутреннее чувство страха и надежды на будущее, которое было в душе у всего населения...

Приезд в Ставрополь был назначен на 29 октября. Тот же автор-современник говорит: «Наконец настал и радостный день 29 октября, день, назначенный для приезда Государя Наследника. До того погода стояла пасмурная и дождливая, но в этот незабвенный день природа будто покорилась общему желанию; небо прояснилось, стих осенний ветер, и воскресенье 29 октября было великим праздником для ставропольцев. Еще с утра вся Большая улица, начиная от Тифлисской заставы до дома командующего войсками, представляла движение необыкновенное. Здесь должен был проезжать Наследник Цесаревич, и в пестрых толпах, наполнявших эту широкую улицу, нельзя было не заметить нетерпеливого ожидания. Все знали, что Его Высочество должен *прибыть поздним вечером*, но многие пришли навстре-

чу желанному далеко до заката солнца, с приближением же сумерок толпы густели, движение становилось живее, выражая явное нетерпение. Но вот заблестали огни иллюминации, облившей всю Большую улицу с окружающими ее возвышениями ярким светом, и торжественный звон колоколов возвестил, что ожидание Августейшего виновника торжества будет непродолжительно. Тогда все взоры вперились в сумрачную даль, все сердца устремились ему навстречу, говор умолк, и это благоговейное безмолвие было предвестником шумных восторгов, потому что, когда весть о въезде Его Высочества в городские ворота, подобно прочим значительным зданиям великолепно иллюминированные, как электрическая искра коснулась народа, восторженные крики «ура» загремели в воздухе. Толпы заволновались и понеслись вслед за экипажем Его Высочества с таким соревнованием, что даже дамы в своих длинных нарядах нередко обгоняли мужчин.

По рассказам современников, в Старой Марьевке встретила Государя Наследника сформированная помещиком Устиновым (бывш. владельцем нынешнего сел. Кононовки) конная сотня казачьих девушек в полном казачьем вооружении, которая и сопровождала экипаж Его Высочества до Ставрополя.

По обычаю того времени, вдоль дороги были расставлены горящие смоленые бочки, освещавшие путь.

Для остановки и ночлега высокого гостя был назначен дом командующего войсками, ныне дом бывшего юнкерского училища, на углу Вельяминовской и Александровской площади. Насколько нам известно, дом этот с тех пор не перестраивался.

«До самой глубокой ночи дом этот, говорит тот же автор, был окружен почти всем населением Ставрополя; тысячи глаз были прикованы к окнам этого дома, жадным взором ловили светлый образ гостя за двойными окнами и, увидав, обрадованные выражали свой восторг потрясающим криком «ура», который вторился далеко в толпах не имевших возможности протесниться к дому».

Из дел Ставропольского дворянского депутатского собрания видно, что к приезду Цесаревича в Ставрополе предполагалось устроить выставку «всех произведений и изделий фабричной, заводской, ремесленной и другой промышленности Ставропольской губернии».

Сообщая об этом 27 июля, Ставропольский гражданский губернатор просит предводителя дворянства пригласить дворян к участию.

К сожалению, не имеется никаких указаний, осуществилось ли это предположение и где была устроена выставка.

Но надо думать, что выставка не была устроена, так как у того же цитируемого нами автора нет ни малейшего указания на посещение ее Наследником, хотя он точно указывает, где именно Александр II был в Ставрополе днем 30 октября.

Вероятно, последовавшая отмена первоначально назначенной более продолжительной остановки в Ставрополе изменила намерение местного на-

чальства относительно устройства выставки, хотя в указанной бумаге было даже назначено, чтобы экспонаты были доставлены к половине августа и все дворяне были оповещены.

Тогда же гражданский губернатор отдельным письмом уведомлял предводителя дворянства: «Милостивый государь, Герасим Степанович, из полученных сведений положительно известно, что Государь Наследник изволит прибыть в Тамань 15 сентября и оттуда будет продолжать путь свой по Кавказской линии. Поспешая уведомить о сем ваше превосходительство, я, согласно личного приказания г. управляющего гражданскою частью в Ставропольской губ., имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, пожаловать в Пятигорск для личных совещаний относительно встречи Его Императорского Высочества. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности А. Волоцкой. Пятигорск 27 июля 1850 года».

Странно, что в архиве дворянского депутатского собрания нет дела об участии дворянства во встрече Александра II, между тем из указанного письма несомненно, что приготовления, очевидно, были, а, следовательно, должно быть и постановление относительно участия тех или иных дворян в представлении, но по этому обстоятельству мы не имеем никаких сведений.

Сохранилось указание относительно заготовки из имений ставропольских помещиков лошадей, необходимых для проезда.

Отсутствие указанного дела в архиве тем более странно, что, несомненно, в представлении Государю Наследнику участвовал губернский предводитель дворянства, так как сохранилась копия рапорта его, представленного Его Высочеству со сведениями о числе дворян в Ставропольской губ. и количестве крепостных и земли в их владении.

Из приложенного к рапорту списка видно, что всех дворянских фамилий было 380.

В то время к Ставропольской губернии принадлежали и уезды Кизлярский и Пятигорский.

Всей земли было во владении дворян 391714 дес. удоб. и неудоб. и 5788 душ крепостных.

Утром 30 октября Его Высочеству представлялись генералы и другие высшие чиновники города, в числе которых был и губернский предводитель дворянства, и городской голова с гражданами поднес Его Высочеству хлеб-соль.

В это время во главе губернии и города были: управляющий гражданскою частью в губернии генерал-лейтенант Н.С. Заводовский, гражданский губернатор А. Волоцкой, губернский предводитель дворянства Г.С. Колантаров, епископ Кавказский и Черноморский Иоанникий, полицеймейстер майор Я.М. Шаликов и городской голова Плотников.

После представления и осмотра войсковых частей, поставленных на «Татарском базаре», нынешней Александровской площади, Государь Наследник отправился в Кафедральный собор, где «у западных дверей, – говорит тот же

наш автор, – будучи встречен Преосвященным Иоанникием и сонмом духовенства с крестом и святою водою, при собрании военных и гражданских чиновников после произнесения долголетия Государю Императору и всему Августейшему Дому, изволил приложиться к кресту и местным иконам».

Затем Его Высочество был в заведении Св. Александры, нынешней Александровской гимназии, в мужской гимназии и военном госпитале.

Мужская гимназия в то время помещалась в доме Плотникова, ныне дом Меснянкиных, на углу Николаевского прос. и Варваринской ул., а заведение Св. Александры в доме Серовой, ныне Чеглокова, на углу Николаевского пр. и Европейского переулка. Это учебное заведение было только что открыто 12 октября 1849 года.

Между прочим, современник-очевидец Н.С. Мокин передавал мне, что он видел, как Государь Наследник шел по соборной каменной лестнице; Н.С. Мокин в то время был десятилетним мальчиком. Если допустить точность этого свидетельства, то надо думать, что Его Высочество из собора направился в мужскую гимназию.

Основываясь на статье того же нашего автора, надо признать, что рассказы об обеде от города и просьбе горожан, обращенной к Наследнику, являются вымыслом, так как после посещения указанных учреждений Его Высочество, говорит наш автор, «изволил отбыть в дальнейший путь по дороге к Новочеркаску, напутствуемый благословениями всех сословий города и восторженными криками ура. На Московской станции в 30 верстах от Ставрополя Его Императорское Высочество удостоил принять завтрак, изготовленный усердием наказного атамана Кавказского казачьего линейного войска и полковых его командиров». Следовательно, Его Высочество выехал из Ставрополя утром 30 октября, или, во всяком случае, до полудня.

Из Ставрополя сопровождали Государя Наследника командующий войсками генерал Заводовский и гражданский губернатор Волоцкой.

В это время известные нам: И.Д. Попко был ближайшим адъютантом генерала Заводовского, а И.В. Бентковский был начальником Михайловской станции, ныне с. Михайловское, и оба были ближайшими очевидцами пребывания в Ставрополе Его Высочества: первый по своей обязанности при Заводовском, последний в числе других начальников станиц и волостных голов был вытребован в Ставрополь к приезду Его Высочества.

Вечером 30 октября Его Высочество был уже в Медвежьем, «где изволил, говорит наш автор, принимать *вечерний стол* и в милостивых выражениях благодарить генерала Заводовского по всем вверенным ему управлениям».

Затем Государь Наследник уволил генерала Заводовского и гражданского губернатора Волоцкого от дальнейшего сопровождения и изволил направиться далее, по дороге к Новочеркаску. Статью свою наш автор заканчивает следующими словами: «Впечатление, произведенное в нашей губернии этим счастливым событием, невыразимо и долго-долго останется в народной памяти.

«В изъявление благодарения Господу Сил за счастливое окончание путешествия Государя Наследника по здешнему краю 3 сего ноября епархиальным Преосвященным совершено было соборне молебствие при собрании всех военных и гражданских чиновников в полной парадной форме».

Нельзя не отметить для характеристики того времени, что статья нашего автора о пребывании Государя Наследника в Ставрополе могла появиться в Ставропольских Ведомостях только 15 ноября, т.е. чрез 16 дней по отъезде Наследника.

В ознаменование посещения Ставрополя Государем Наследником испрошено было разрешение наименовать вторую улицу и площадь Татарского базара, где были представлены войска, *Александровскими*, а Большую улицу, ранее называемую Черкасскою, *Николаевской* в память приезда в 1837 году Николая I.

С именем Александра II ставропольцы должны соединять и воспоминание об освобождении их от крайне тяжелой и разорительной постоянной повинности *натурою*, вызывавшей массу недоразумений и тяжелых огорчений для горожан. Вслед за проездом Государя Наследника, именно 13 декабря 1850 года, последовало Высочайшее повеление о замене этой повинности денежными взносами, и ставропольцы избавились *от постоя*, о чем до того времени так долго хлопотали.

В это же время возникла мысль о постановке в Ставрополе памятника бюста Его Высочества.

Мысль эта почему-то не получила осуществления, но затем при вторичном посещении Александром II Кавказа в 1861 году снова заговорили о постановке в Ставрополе этого памятника, но и на этот раз Ставрополю не повезло: памятник Александру II был поставлен на месте, где он отдыхал во время пребывания в Нижнефарском отряде, близ станицы Царской, в урочище Мамрюк-Огой Кубанской области.

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном интересном деле, также относящемся к приезду Александра II в Ставрополь, которое нам удалось найти в нашем губернском архиве.

Дело это содержит прошения, поданные разными лицами Наследнику Цесаревичу. Несмотря на все строгости того времени и принятые меры, двенадцать прошений все-таки достигли Наследника.

Лица, подавшие эти жалобы, видимо, уже потеряв всякую надежду добиться удовлетворения своих ходатайств обыкновенным путем у местного начальства, решили прибегнуть к Монаршей милости и воспользовались пребыванием Наследника.

Все возлагали на путешествие Наследника по Кавказу огромные надежды и, безусловно, верили, что все будет исполнено, как только «Цесаревич Александр Николаевич» узнает. «Трудно жить, начальство обижает, а потому только, что Наследник ничего об этом не знает». Эти слова слышались

от каждого, говорил мне один старик, бывший очевидцем приезда Александра II в Ставрополь. Несомненно, было много жалоб и разного рода прошений, но, к сожалению, до нас дошло только 12.

26 января 1851 года все эти жалобы канцелярия наместника препроводила управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии генерал-лейтенанту Заводовскому *на его заключение*.

Жалобы, как видно из пометки на них, поданы 29 и 30 октября в Ставрополе, следовательно, в дни пребывания Государя Наследника в нашем городе.

Крайней наивностью и несерьезностью отличаются почти все эти прошения.

Трудно допустить, чтобы у населения не нашлось более важных вопросов и более серьезных нарушений его прав, нежели те обстоятельства, которые указаны в этих жалобах. Несомненно, такие вопросы и нарушения были, но, вероятно, такого рода прошения не проникли чрез дозор и не достигли рук Наследника.

Данные же жалобы, естественно, не давали Наследнику возможности увидеть изнанку местной жизни и скорее могли вызвать только улыбку, нежели гнев на местное начальство, чего, как уверяют, ожидали современники.

Моздокский армянин Иван Соловьянов просит освободить его от платежа податей и общественных повинностей по старости и бедности: он находился 18 лет в плену у турок и, возвратившись, прожил в Моздоке до 77 лет, платя все подати. «Буду воздавать о здравии Вашего Высочества молитвы Всевышнему и ожидать милостивого разрешения». Подписал за неграмотного просителя Губ. Сек. Дмитрий Собачкин.

Отставной Коллеж. Регистратор Дементий Михайлов, писец Губернского Правления по найму, «потеряв остроту зрения», просит дать ему штатное место. «До конца жизни буду молиться Всевышнему о Благоденствии и долготии Царственного Семейства Вашего».

Крестьянин Владимирской губ. Степан Мокин просит взыскать с купца Кириллы Сойнина 542 руб. 47 коп. заработанных денег, которых он не получает с 1849 года, «терпит убытки и продовольствует своих работников съестными припасами, стоящими ему сверх этой суммы 25 руб.».

Крест.сел. Новоселицы Марфа Проскурякова, утомившись ожидать ответа на свои прошения с 1846 года наместнику и гражданскому губернатору Волоцкому, пишет: «Ваше Императорское Высочество, внимлите молению бедствующей вдовицы, находящейся в плачевном положении, повелите кому следует согласно всемилостивейшим узаконениям о вдовицах меньшего моего сына Сергея, находящегося при мне, записать в податное состояние для прокормления меня». Повергает свою просьбу в милостивое воззрение Наследника «яко царя царей» и ожидает благотворной резолюции.

О том же просит и кр. Харитон Гладков, жалующийся на сельского голову, отбирающего у него сына. «Забыт Святой Закон Августейшего Твоего Родителя, но Ты ниспослан нам возвратить его».

Кр. Ефим Фокин не получил с комиссариатского чиновника Осипа Антоновича Крупинского 28 руб. за шпукатурную и печную работу, и «хотя Крупинский был оштрафован гауптвахтным содержанием», но все же денег не платит... «Проживая здесь с чувствительными издержками и почти не в состоянии платить Государственные и земские повинности», Фокин «просит помиловать верноподданных Всероссийского Престола». Прошение даже не подписано.

Еще нелепее прошение уволенного от службы подпоручика Александра Яковлева Криворучкова, который припадает к стопам Его Высочества «как я обиженный остаюсь от здешнего начальства с женою моею и малолетними детьми шестью, которые остаются без должного воспитания, и взыскано с меня невинно по делу обоюдному об обиде на письме, якобы обида была моя с братом родным моим подпоручиком Василием Криворучковым

Надворному Советнику Михайле Суходольскому и взыскано как с меня и брата моего по решению Ставропольского Уголовного и Гражданского Суда с каждого в пользу Суходольского по 560 р. и 70 коп. (всего 1121 р. 40 коп. серебром) и это дело состояло до Милостивейшего Манифеста 1841 г., а с нас взыскано с прошлого 1849 г., а по жалобе моего брата Подпоручика Василия Криворучкова принесенному жалобу Сенату по 7 Департаменту, где он сказал буквально: «Не следовало тому месту и принимать таковые жалобы». Это вопреки сделано бывшим Председателем Ставропольского Уголовного и Гражданского Суда Статским Советником Петром Пышненко». (Следует подпись).

При чтении этих жалоб невольно закрадывается мысль, что не являются ли они своего рода искусственным показателем, что благоденствие населения ничем не нарушается и все довольны и счастливы, а если и есть недовольные начальством, то *вот каковы* их претензии.

Не верится, чтобы у населения нового края не было обид и горя более серьезного, которым они хотели бы поделиться с наследником престола, на которого были все упования.

Такая мысль подкрепляется тем суровым режимом, который был в правлении Заводовского, и тем положением крепостных, какое обнаружилось в 1853 году в знаменитом деле о бунте крестьян помещика Колантарова в сел. Маслов-Кут, окончившемся кровавой расправой.

Борьба эта крестьян с помещиком, как обнаружилось, тянулась 60 лет; были, несомненно, и глубокие нужды, но они устранены «мудрым управлением».

Несколько более серьезными являются жалобы кр. помещика Жукова на разные притеснения и обиды, и они просят освободить их от рабства на волю, на что «у Жукова нет никаких документов, хотя они и куплены им», но обид и притеснений не перечисляют.

И жалоба кр. Василиссы Сазоновой, жалующейся на то, что ее с мужем и ребенком держат в тюрьме за то только, что она оспаривает владение ею со стороны помещицы Рымкевичевой, от которой она с мужем бежала.

Но оказалось, что в том и другом случае у помещиков имеются надлежащие на них документы, правильно совершенные купчие крепости, и обиды со стороны Жукова не подтвердились, а Сазоновых взяли под арест для пересылки к помещице.

Словом, и тут ничто не могло угрожать начальству.

Единственно серьезной жалобой было прошение крест.с. Привольного, вновь поселенного, обращавшее внимание на злоупотребления по переселенческому вопросу и расхищение земли, но среди остальных «неправых» жалоба эта потонула.

Но надо сказать, что и эти жалобы, явившиеся, очевидно, после тщательной фильтрации, получили разрешение не «милостивой резолюцией Наследника», а все они от Наместника, как сказано выше, посланы были к Заводовскому, а тот на каждое дал свое заключение, и 12 сентября 1851 года Наместник пишет Заводовскому: «Соглашаясь с вашим заключением на жалобы, поданные Его Высочеству Государю Наследнику, предоставляю вам объявить просителям», что и было буквально исполнено.

В деле имеются по каждой жалобе заключения Заводовского, сводящие все жалобы к полной неосновательности их.

В то же время нет никаких следов, чтобы они были в руках у Наследника.

Таким образом, и этого слабого голоса обывателя и верноподданного Наследник не мог услышать, и уехал он с Кавказа с убеждением, что там если и льются слезы, то только слезы благодарности.

11 ноября 1850 года последовал на имя Наместника Высочайший Рескрипт.

Князь Михаил Семенович. Из полученных Мною известий от Вселюбезнейшего Моего Сына, Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, Я с особенным удовольствием усмотрел, что вами приняты были все возможные меры к удобнейшему Его путешествию на Кавказе и к осмотру Его Высочеством всего в том крае достопримечательнейшего, как в военном отношении, так и по гражданской части; засвидетельствование Его Высочества удостоверяет Меня, что все отрасли вверенного вам управления, видимо, достигают главнейшей цели Моих желаний: пользы и благосостояния всех и каждого, и что войска отдельного Кавказского корпуса, всегда отличные своею храбростью, доведены до необходимого и должного фронтового образования. Относя столь удовлетворительное положение края попечению вашему вверенного непосредственным трудам вашим, а все распоряжения по путешествию Его Высочества вашей особенной личной заботливости, Мне приятно возобновить вам изъявление Моего постоянного благоволения и душевной Моей признательности за вашу достохвальную службу Мне и отечеству. Пребываю к вам навсегда благосклонный. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано Николай.

В дороге. По Ставропольской губернии в 1914 году

...В высшей степени интересно заглянуть в настоящее время в наши села.

Мне пришлось сделать очень большой объезд по нашей губернии ранней весной настоящего года и теперь, после возникновения военных действий. То и другое наблюдение разделяются всего четырьмя-пятью месяцами, а какая громадная разница: едешь в данный момент и не верится, что это те же села, те же люди; все стало иное до неузнаваемости.

Приходится сталкиваться с самыми разнообразными людьми по положению и достатку.

- Здравия желаем, барин! – встретил меня знакомый сторож В... волостного правления. – Вы опять «архиву» следствовать приехали... Теперь сняли ее с чердака, сделали вам удовольствие... Да только время сейчас скрутное, не до ней... Тут одни бабы в осаду взяли...

- Почему?

- Да жалованье получают, ну с утра и до вечера с ними и крутимся.

Для того чтоб совершить свой длинный путь через четыре уезда, придется прибегать к разным способам передвижения: и на почтовых, и на земских (обывательских), и на «вольных», и частью по «чугунке».

Всего менее интересные встречи на железной дороге, так как здесь публика сплошь довольствуется газетами, и настроение стоит в зависимости от той или другой газеты или прочитанной телеграммы.

Деревня совсем иное, в особенности места наиболее удаленные от центров. Сюда хотя и доходят телеграммы, рассылаемые земством, но все это с значительным опозданием и, конечно, не охватывает всей массы населения. В некоторых селах издаются даже собственные телеграммы, получаемые непосредственно от агентства, но тоже являются достоянием интеллигентной и более грамотной части села, а масса по-прежнему остается в значительной степени неосведомленной и довольствуется слухами.

Газеты также не пополняют сведений, так как они прежде всего малопонятны по своему содержанию и утомительны для малограмотного по своему объему.

- Мудрено, барин, пишут в газетах. Начнешь читать, собирается нас человек десять, а там такие слова, что и не выговоришь.

- Запнешься раз, другой; соврешь иное, что и сам не поймешь.

- Ну вот, компания и говорит: «Нет, ты, брат, Тарас, брось читать, а расскажи нам словами».

А чего же расскажу, когда я сам не разберу.

Пошли мы с одной газетой к писарю. Ну, он почитал, почитал себе под нос и говорит: «Это – перевод с иностранного, все равно не поймете». Так мы и ушли.

А больно было интересно написано.

Так говорил мне мой приятель, крестьянин очень толковый и развитой, но, к сожалению, малограмотный.

Да, надо признаться, что, несмотря на обилие газет, они мало проникают в массу благодаря своему языку, малопонятному для малограмотной части населения.

А интерес к печатному слову невероятный, даже среди самой темной массы. И не только интересуются тем, что касается их, но обсуждаются все вопросы внутренней и внешней политики: финансовый, экономический, рабочий вопросы, – словом, настоятельное желание сознательного отношения к явлениям государственной жизни.

В высшей степени разумное, трезвое и вполне сознательное отношение к военным событиям, требующим громадного напряжения и громадных жертв со стороны населения. Поражаешься той стойкости, с которой выносятся бремя войны, тому необычайному подъему и гордому сознанию участия в великих мировых событиях.

Я хорошо помню войну 1877-1878 годов и тот порыв, который тогда охватил русское общество. Но то одушевление не может даже идти в сравнение с настоящим настроением, с настоящим величайшим проникновенным откликом всей, так сказать, толщи населения.

Это можно только объяснить сознательным отношением к переживаемому великому моменту.

У всех горе, но ни у кого нет слез, а слышно только: «надо прогнать», «надо идти», «надо пособить».

Народное самолюбие уязвлено, народ чувствует себя оскорбленным. И войска дерутся с ожесточением и самоотвержением, выражая гнев пославшего их народа:

- Не отдадим Варшавы, – кричали солдаты, идя в бой, и то же в умах всего населения от мала до велика в отношении Варшавы и всей России: прогнать немца – это приказ народа!..

Нельзя слушать без умиления размышления на эту тему даже самых заурядных представителей села...

Конечно, не без курьезов и среди такого общего разумного понимания.

Изучая памятники местной старины, осматриваю старое кладбище. Старая церковь, на паперти группа странников, больше женщины. Ожидают звона к вечерне.

Подхожу: оживленный разговор о войне. В руках у странника лубочная «боевая» картинка.

- Зачалась она с немца, – говорил наставительно странник, которого называли Яша.

Он, очевидно, возражал кому-то.

- У его заготовлена была вся снасть, даже мосты с собою возил и войска переправлял, а тут эти самые летуны – куда хочет, туда и войска доставит...

- Да с чего она зачалась, Яша?!

- А вот нам читали, что «она возгорелась», – запальчиво заговорила старушонка с котомкой за плечами.

Слушатели насторожились, и все в один голос заговорили:

- Кто возгорелась?!

- Да кто же?! Она самая и есть: Агельма ихняя, – так же запальчиво продолжала первая.

Это заявление произвело сильное впечатление на странников, и они даже ближе придвинулись к старушонке, повернувшись спиной к Яше.

Я заинтересовался.

Группа была человек в десять. Как видно, шли издалека.

Старушонка утерла края своих губ двумя пальцами и, помахивая в такт левой рукой, медленно продолжала:

- Как наш царь Александр Николаевич...

- Николай Александрович, – не вытерпел Яша и сердито поправил рассказчицу.

- Ты погоди, Яша, я сама дойду, – не смущаясь, ответила старушонка.

- Не перебивай! – сердито заметили Яше остальные странники.

- Как наш Царь, державный батюшка, – продолжала старушонка, – прикрыв казенку; не дам, говорит, водки, ни в жисть, ну «ей» конец и пришел... Как немцу без водки быть?

Она, Альгельма ихняя, и... загорелась... Так и читали: «возгорелась и стала война». Нутро у нее, значит, загорелось: «Давай, говорит, водки!».

А наш Батюшка: «Ни в жисть, ни капельки!»

Все слушатели облегченно вздохнули, видимо, довольные данным разъяснением.

Но Яша не мог успокоиться.

- Вильгельм ихний царь, а не Альгельма. Он войну и зачал.

Но Яшу не слушали, и каждый из слушателей стал припоминать случаи, как люди загорались от водки.

- Мой свекор, – говорила довольно молодая бабенка, – пил запоем, все, бывало, до нитки пропьет. А мамушка плачет. А ей бабки и скажи: «Не дай ты ему, да и все».

Она его и заперла. А он кричит: «Дай, горит у меня...». А она, – никак не дам, – говорит. – Ну он и помер – загорелся.

- Да, сразу никак нельзя оторвать – загорится, – подтвердили все в один голос.

Старушонка, видимо, торжествовала, а посрамленный Яша свернул картину и пошел в сторону.

- А далеко ли путь держите, люди божие? – спросил я.

- В Ерусалим, – ответила первая старушонка, – за время, пока турка войну не начал.

Раздался звон к вечерне, и вся компания двинулась в церковь, а я пошел смотреть каменного покойника, стоявшего на кладбище.

II

Неузнаваемо стало село с закрытием «казенки». Нет водки, и нет того пьяного разгула, той бесшабашности, какая бросалась в глаза при поездке по селу.

- На 80 процентов сократилось число всяких озорничеств и протоколов, – говорил мне урядник богатого села.

Сократилось число преступлений, даже имущественного характера, так как среди них была масса краж, совершенных молодыми парнями на выпивку на посиделках и под влиянием все того же опьянения.

Недаром говорится, что пьяному море по колено.

- Дозвольте покурить, барин, – обратился ко мне мой ямщик, когда тройка земских поднималась по крутому подъему дороги.

Нам навстречу спускались огромные воза с сеном. Сидевший на одном из них приветливо поздоровался с моим ямщиком.

- Вот, барин, человеком стал...

- Почему?

- Да все от водки, пропился дотла; окоротили «казенку» – хозяином стал. На работу он – огонь. Теперь все завел.

Да, водка нашего брата обмывала...

У нас стало теперь вот как: иди ночью, никто тебя не тронет, а то, бывало, не пройдешь.

На Здвиженье у нас престол. Так что тут было, один страх: шум, песни, ругаются, дерутся, ножами порежуются.

Урядник ничего не делает, присыпала, бывало, стражников, и им влетало...

А сейчас пришло, что и уряднику нечего было делать – тишина, как будто другой народ.

Самые «питухи», и те теперь говорят: «вот были дураки, куда деньги бросали».

Ох, проклятое это зелье!

У меня тесть пил и сладу с ним не было. Пропил два надела, а третий продал под векселя. Упросили его – он и раздал векселя детям. Так вот житья не было: как придет моя жена к матери, так он ее за косы: «давай вексель», – и других тоже. А ему пропить... Хотели уже отдать, чтоб избавиться. Так тут Бог дал, прикрыли водку. Что же вы думаете: другой человек стал. Теперь и векселя у него, а ничего. Жалеет, что землю продал... И хозяйство пошло, ровно кто помогает со стороны...

- Ну, а бабы ваши как теперь живут?

- Бабы не нарадуются: «другой свет стал, равно мы теперь народились». Одна бьется, бывало, с детишками, а мужики в пивной.

А теперь не то: мужик дома, работает. Благодарят... Стыд стал в народе без водки. Да вот, к примеру, я: то же жалование, та же езда, а теперь у меня и деньги есть, и вот тепло одет, а то, было, дрожись здесь на передке, как пес на морозе, и дома ничего нет.

Чудо, как все это случилось!

- А правда, барин, что министр не хотел прикрывать казенку: пусть, говорит, пьют?!

- Это неправда, – поспешил я ответить.

- Да, как же супротив царского указа...

И благодарит народ, дай Бог здоровья, – ямщик снял шапку и перекрестился.

Да, действительно, жизнь совершенно изменилась с прекращением продажи спиртных напитков.

Теперь уже все боятся, как бы не вернулось старое: ужасом веет от недавнего прошлого.

- Да вы теперь и калмыка не узнаете: водки нет, и другой человек стал, – говорил мне приятель-крестьянин в селе, прилегающем к улусу.

- Поживут так – и воровать перестанут. А пили они до бесчувствия...

- Может быть, они и теперь достают водку?

- Нет, водки нет. А вот немцы тем пользуются, из околонка продают свое поганое вино, да лупят по 6 р. за ведро. Берут калмыки по 5-6 ведер и пьют. А там чего только нет, в этом вине. Тащат и тихонько пьют.

Бывало, приедет калмык, и спросишь: «Ну, как, Овше, праздник был?»

- Карош был праздник, очень карош, драка была большой, за виски тягались, водка много пил.

- А сегодня приехал, спросил: «Ну что, как праздник? – Плохо, бачка, водка нема... ровно, скучно».

Набор у нас прошел на диво: тихо, скромно, ровно и не те «гожие». А прежде, за два месяца до призыва уже начинают гулять. И чего они только не делают, все в страхе, а ночью пройти нельзя.

Пьют и дебоширят.

Это общий отзыв жителей.

- Ну что, призыв у вас был? – спрашиваю своего возницу, молодого парня.

- Меня забрали, – весело и с улыбкой отвечает новобранец, – 74 человека взяли из нашего села. Льготы нынче нет, всех берут...

- А как прежде?

- Прежде брали 15, не больше.

- А как идут ребята?

- Весело, с охотою. Один, как забрали, вышел и заплакал... Все затюкали его. А другой голый выскочил на мороз и кричит «гож»; в ладошки бьет.

- Чему же он так обрадовался? – поинтересовался я.

- Да как же теперь оставаться дома: у нас и девки на войну хотят...

III

Война и особенно исключительные условия, в которых она ведется, вызвала отклики в самых низинах народной массы, слышно общее негодование: «не по правде воюет».

- А как жели кончать раненых, так этаким манером и мы их ни одного не оставим!.. Бейся, да по закону.

А раненого... Бог судил.

Такова краткая, но вполне ясная философия войны.

И с этой заповедью уважения к раненому русский человек идет в бой, бьется насмерть, но не помнит зла к пленному и раненому.

Величайшим уважением проникаешься к этому серому, неграмотному философу, слушая его размышления на самые острые темы. И в основе всех суждений лежит жалость к слабому, обиженному и желание правды в отношениях...

Явились поэты, «певцы войны», совсем малограмотные, но порою с удачной рифмой и звучным стихом.

Несколько таких импровизаций удалось записать, и, к удивлению, авторы их совсем почти не обучались в школе, и впервые проснулось в них дарование под влиянием настоящих событий.

-А что, поют у вас новые песни? – спрашиваю своего ямщика.

- Нет, стихи баптисты поют.

- А насчет войны?

- Да, у нас один ловко «скажет», ладно так выходит.

Этого «одного» мне на обратном пути удалось повидать и записать его «пустяк»:

*Как грянули барабаны,
Раздалось наше ура,
Побежали, как бараны,
Врассыпную кто куда.*

*Ну, мы дали им в три шеи,
Снова стали удирать.*

*Все бежали без оглядки,
Побросали сапоги...*

*Как засели все в траншеи,
И зачали в нас стрелять...*

*Видны были только пятки –
Каковы наши враги!*

Автор оказался грамотным, был в школе, ревностный посетитель чайной, где постоянно читает газеты.

Встретил и другого такого певца войны. У него оказалась целая тетрадь его творений, записанных собственноручно, совершенно безграмотно. В конце тетради приписка: «моему стихотворению нет конца, бумаге конец – негде писать». Автор без всякого образования.

Все стихотворения проникнуты верой в несокрушимость России и безусловную ее победу над немцами, Вильгельма автор поносит бранными словами и переходит даже в нецензурные сравнения. Для автора Вильгельм – что-то вроде Вельзевула.

Приведу некоторые из его творений с сохранением орфографии. Озаглавлено: «фильтон тараса».

*Как уздумалось немцам
Всю Европу покорить
Захотелось чертям диким
У расеюшки побыть*

*Ты не думай черт паршивый
Как расеюшкой шутить
Вить Россия смертоносна
Она грудь твою пронзить*

*Разоритель божьих храмов
И хулитель ты икон
И зовут тебя вильгельман
Настоящий ты дракон*

*Эх немецкая лапатка
Вить не будет тебе сладко
Тогда посмотри,
Дослужился до гиены
Мы отправим на елену
На остров святой*

*У нас русские народы
У нас много и свободы
Дружно постоим,
Разузнаете россию
Как она лиха
До берлина доберется
У вас пиво не плоха*

*Вить мы смирныя такяя.
А вояки мы давно.
Мы мамаев всех побили
И батыя все равно*

*Чингисхана, тимучина
Тамирлана все одно
Мы за Австрию возьмемся
До гирманцев доберемся
Поразделим вас.*

*Эх нечистая ты сила
Ты второй наполион
Ты порезал мужчин мирных
Ты добрался и до жон*

*Вить ты тигра и безбожник
Настоящий лютой змей
Чесных девушек порочил
Ни щедил никак детей*

*Ты пословицу послушай
Говорится что у ней:
У симействи задерутся
Ты не липни братец к ней.*

*В чужу кашу не мешайся
Не просили же мы вас
Наша каша пирсалена
Угостили же мы вас*

В последних двух строфах автор отмечает дошедшие до него газетные сообщения, что Вильгельм хотел воспользоваться нашими внутренними волнениями.

Далее автор продолжает:
*Верой русской православной
Наш гордится весь народ
А немецкой вашей хари
Мы воткнем копьё у рот.*

*У нутри нас врагов многа
Ты гляди же брат сирега
Ни давайся им...*

*Здесь германец виш старался
До росии добирался
Он шпионов нанимал
Прокламацыи кидал*

*Вить вильгельм давно тут бьется
Над царями он смеется
На съезды всегда спешил
Усех наскрость протомил*

В последней строфе заключается указание на участие Вильгельма в со-
вещаниях правителей Европы по поводу революционного движения:

*На республику взгляните
У китайцев возотьня
И у турок и у персов
Там идет давно резня.*

IV

В следующем стихотворении автор очень трогательно описывает положе-
ние детей, оставшихся после ушедшего на войну отца. Озаглавлено оно так:

«Вроде фильтона как у нас прощались мобилизация, с детьми расстава-
лись»:

*Вы прощайте мои детки
Поцелуйти вы меня
Нидаждетесь сиротки
Ксебе роднаго отца*

*Остались горемыки
Ни кому вы ненужны.
Усяк скаже – чьи такия
Оборванцы попршили.*

*Вы усомните цыплятки
На руках вас как держал
Отвернулся со слезою
И сам горько зарыдал.*

*Люди ждуд святой день пасхи
Все кобединки идуд
А как нам горьким сиротам
Горьку весточку несуд.*

*Прощай маменька родная
Дорогой ты мой отец
Прощай милая супруга
Распадися наш венец.*

*Ваш папаша у больницы
Весь израненый лежит
Перед ним стоял там доктор
«Видно нечего тужить».*

*Раступись земля сырая
Скрой ты зглаз моих сирот
Горько горько я заплакал
Как прощался у ворот.*

*«Умирай же воин сильнай»
Доктор речь ему сказал
А сам скорыми шагами
Из больницы побежал.*

*Когда будете молится
Пред иконою святой
То усердния просите
Серебристою слезою*

*Генералу доложил он
«Умирает наш больной».
Тут полковники сбежались
«Где же воин наш герой».*

*Генералы тут сказали
«Видно нечего тужить
На груди его высокой
Крест с медалию лежит».*

Далее автор говорит, что проводить умершего собрались «милосердные сестрицы» и доктор, который сказал «речь» о положении оставшихся детей.

*Ты кому же мой касатик
Своих деток приручил
Отца матерю старушку
Ты во гроб их положил.*

В этой «речи» говорится о «несчастной сиротской доле» и отмечено безучастное отношение к детям окружающих, что особенно тяжело чувствуется в большие праздники. Люди идут в церковь...

*Они горько сидят плачут
Под родительским окном.
Бувало наш папашечка
За ручку возьмет
И нас малых деточек
К церкви поведет.*

Это стихотворение, несмотря на свою длину и недостатки, производит сильное впечатление на слушателей, и мне удалось присутствовать на одном таком чтении автора, когда все присутствовавшие плакали, и многие горькими слезами.

Надо сказать, что автор охотно читает свои произведения своим односельчанам, его уже знают и идут «послушать».

Стихотворение заканчивается следующими словами:

*Вышла на Росеюищу
Долюшка така
Сирот понаделала
Видно сдалека...*

Все стихотворения написаны с очень малыми помарками, и, очевидно, автору очень легко дается размер и рифма, и он пишет набело.

V

Отвратительная осенняя погода заставила заночевать раньше, не добравшись до знаменитой скалы села N-...ского, где начертана пленными поляками 1813 года интересная надпись.

Я открыл эту надпись и сфотографировал ее еще раньше, но в эту поездку хотелось кое-что дополнить.

Завернул на «заезжий», где приветливо уже светился огонь.

При входе в «комнату» обратил внимание на громкий разговор, доносившийся в отворенную дверь с «хозяйской» половины.

Слышалось: «наши», «немцы»...

Я невольно прислушался и остановился у отворенной двери.

Визгливый женский голос оборвался.

Из-за стола, с шумом отодвигая стул, выдвинулся среднего роста человек и страстно, запальчиво заговорил, сильно размахивая руками.

- Да, великое свершилось. Завеса, плотно закрывавшая от глаз наших истину, раздвинулась, и мы во всем великолепии, в лучезарном сиянии увидели любовь... Вечную красоту жизни, дыхание мира, покоя, радости. Мы увидели, что только при ней нет ни крови, ни пожаров, ни убийств, ни посягательств...

И завесу эту раздвинул он, этот скромный русский человек, солдат, умирающий за далекого обиженного и разоренного брата. Он выполнил святой завет Того, Кто любовь ставил выше собственной жизни и пришел смертью победить зло, и открыть путь к добру, к светлому и чудному будущему. Великий Боже, ты вложил дух твой в сердце русского и святы дела... И путь его огнем сожжет исчадия сатаны и охранит сирых и убогих...

Я, как очарованный, слушал это страстное, вдохновенное излияние, открыв немного дверь.

Собеседников было четверо: женщина, чиновник в тужурке, по виду «землеустроитель», небольшого роста средних лет человек, стоявший на середине комнаты, которому и принадлежат приведенные слова, и батюшка.

- Любовь должно не всякого, – прервал оратора «устроитель»

- Жизнь создается не одним чувством... Государство не может...

- Сила создает право, – перебила запальчиво женщина. – Распыляться в «общей» любви, значит это создавать неустойчивость, слабость... Куда-то, зачем-то!.. За других!.. А у себя – розы?.. Прежде дома, а потом к людям... – так же запальчиво и скороговоркой продолжала женщина, красивая интеллигентная брюнетка.

Собеседники были увлечены и не обращали внимания на мое появление.

Вся эта сцена заняла несколько минут и, к сожалению, была прервана хозяйкой, заявившей:

- Иван Петрович, Вас домой зовут, скорей. Пылкий оратор быстро схватил шапку и, не прощаясь, стремительно ушел в двери.

Собеседники поднялись и стали расходиться.

- Как он изменился, – заговорил «устроитель», обращаясь к батюшке и нахлобучивая барашковую шапку.

- Да, – протяжно произнес батюшка. – Эта война многому дала совсем другое освещение... Люди как будто проснулись. Такие люди, как Иван Петрович, это... золотое сердце.

Ушли.

В ушах моих ясно звучали слова пылкого Ивана Петровича.

- Чай-сахар, Ваш? – послышался голос хозяйки. – Самоварчик готов.

- Да, давайте, пожалуйста.

- Я, кажется, помешал Вашим гостям?
- Нет. Они – свои.
- Здешние?
- Это докториха наша.
- Лечит?
- Да, очень такая славная. Детишек уж больно крепко любит. Ночь-полночь, идет... Дай Бог ей здоровья.
- Давно?
- Нет, как бы Вам сказать...
- А Иван Петрович?.. – перебил я.
- Это учитель... Вот не было американца... Я изумленно смотрел на хозяйку.
- Да он – наш, а в Америке был.
- У нас много ездили туда. Вот Иван... – хозяйка стала перечислять ездивших в Америку и, видя, что я удивленно смотрю на нее, пояснила.
- Вернулись, хорошо заработали. Женщины ездили с швейными машинами, в Канаде были... До войны вернулись.
- Ну как там?
- Ничего, цена хорошая, а все домой тянет, одно слово, родина...
- Может, Вам газетку? – прибавила хозяйка.
- Пожалуйста, принесите.
- Хозяйка принесла «Русское Слово», «Биржевые Ведомости».
- Газеты оказались уже читанные мною, и я приступил к чаю, рассчитывая пораньше улечься, тем более что «карвать» не обещала покойного сна.
- Благодарю, читал уже, – обратился я к хозяйке, возвращая газеты.
- Да, у нас «Отделения» нет, а чрез волость, ну чрез неделю и читаем... хорошо еще как не застрянет... Так и письма... Просили «Отделение», да все нет.
- А пишут с войны?
- Да, как же, очень нуждаются бедные. Бабы носят к нам читать.
- Может, почитаете солдатские грамотки?..
- Очень буду рад, пожалуйста.

Из истории города Ставрополя

I

В 1910 году работами губернском архиве мне удалось установить время возникновения нашего родного города, и мы в торжественном заседании в 125-летнюю годовщину отметили 5 мая как день начала Ставрополя, так как указ Екатерины II об образовании в Кавказском наместничестве Ставропольского уезда и уездного города Ставрополя дан был 5 мая 1785 г. День этот постановлено ежегодно отмечать торжественным нашим собранием. В своей брошюре к 125-летию города Ставрополя я касался, главным образом, установления момента возникновения Ставрополя как города и предшествовавшего его положения.

В настоящем моем сообщении я намерен познакомить вас с следующими моментами его исторической жизни.

Другим памятным днем для Ставрополя является 15 февраля 1786 года, когда возникли в Ставрополе городские учреждения.

Став из обыкновенного населенного пункта, и притом случайно возникшего, центром гражданской жизни, Ставрополь, естественно, мог развиваться только с того момента, когда в нем получили основание учреждения, охраняющие права жителей в отношении внутреннего распорядка.

Создание, таким образом, гражданских учреждений является фактом в высшей степени важным, и день 15 февраля 1786 года должен быть признан днем знаменательным в нашей жизни, когда торжественно были открыты первые учреждения, первые присутственные места.

В настоящее время, благодаря разбору губернского архива и архива, найденного при переделке пожарных конюшен и перенесенного мною в колокольню, мною собран обширный материал для истории Ставрополя, но все-таки считаю долгом и в настоящий момент помянуть добрым словом наших первых работников по ставропольской старине, И.В. Бентковского и вместе с ним архитектора Архипова, собравшего ценные данные в этом направлении еще ранее Бентковского.

В указе 9 мая 1785 года Павлу Сергеевичу Потемкину, генерал-поручику, правящему должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, об устройстве Кавказской губернии повелено было строить вблизи горских народов города, вводя в них городское управление 21 апреля 1785 года.

Так как этот указ широко затрагивал вопрос переселенческий и внутреннее устройство края, то он порождал многие недоразумения в отношении осуществления мероприятий на месте; поэтому, вероятно, введение управления в Ставрополе и замедлилось.

Только 31 января 1786 года Кавказское наместническое управление дало распоряжение об открытии присутственных мест в Ставрополе.

В то время все управление сосредоточивалось в Астрахани, и оттуда был командирован председатель Уголовного суда подполковник Пирогов для открытия присутственных мест в городах Кавказской губернии (Указ.Кавк. намест. управ. 31 января 1786 года).

В Ставрополь был отдельно послан надворный советник Зряхов.

Из донесения Пирогова видно, что открытие в Ставрополе состоялось 15 февраля 1786 года (Указ № 68 – 1786 года бургомистру Яковлеву) с молебным пением в церквах и преподаванием священником благословения открываемым учреждениям.

В Указе Наместничества указан был порядок открытия, которое должно начаться чтением Высочайшего манифеста, и добавлено, что в каждое присутственное место опущены: законы, сукно на стол и на первый случай на расходы деньги, бумаги, чернила и проч.

Что касается денежных сумм, имеющихся на местах, то за отсутствием еще Казначейств, они должны храниться на руках у того, у кого они были до прибытия казначея, но с тем, чтоб о них было доложено Казенной палате.

В том же указе говорится и об открытии Кавказской казенной палаты.

Мне удалось найти в наших архивах эти исторические книги «законов», присланные тогда в ставропольские присутственные места.

В настоящее время они представляют библиографическую редкость, а для Ставрополя они являются тем знаменем правды, под которым он впервые начал свою гражданскую жизнь. Были присланы следующие книги:

1. Указы Екатерины II-й 1765-1766.

2. Указы Екатерины II-й 1766 (за 1/2 года).

3. Указы 1767 г. (по 1 июля).

4. Воинский Устав, напеч. 1780 г. (Петра I-го).

5. Регламент Коллегии, напеч. 1731 г.

6. Словарь юридический ч. II-я с 1755-1775 г. Начинается указом 24 января «о учреждении в Москве университета и двух гимназий: одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей».

Под некоторыми указами – ссылка на другие по тому же предмету.

Создание нового города и введение в нем гражданского управления вместо управления, которое прежде относилось «единственно к военному начальству», было весьма крупным событием для всего края, нуждавшегося в упорядочении отношений внутренней жизни обывателей и проявлении их самостоятельности.

В правительственных сферах также придавали большое значение этому новому направлению в политике в отношении далеких окраин и хотели обратить внимание всего населения края на подобные мероприятия.

Екатерина II собственноручным письмом от 25 февраля главнокомандующему в Кавказской губернии Павлу Сергеевичу Потемкину выражала свое удовольствие по поводу открытия присутственных мест и поручила объявить об этом дворянам и горским князьям и удостоверить каждого в искреннем её желании, чтобы новый образ правления послужил к утверждению их спокойствия и благополучия. Новым городам было отпущено в пособие в ссуду 100000 р. А для удостоверения, как прочно налажено новое дело в крае, повелено было сенаторам графу Александру Романовичу Воронцову и Алексею Васильевичу Нарышкину обревизовать новооткрывшуюся губернию и созданные присутственные места. И 3 марта 1786 года сенаторы уже были в Екатеринограде, тогда губернском городе. Необходимо отметить, что край, а вместе с ним и наш Ставрополь, переменной в порядке управления обязан Павлу Сергеевичу Потемкину, который в своих представлениях Екатерине II указывал на необходимость развития гражданской части в крае и больших облегчений для обывателей. Суровый военный режим связывал обывателя и отдавал его в зависимость от личного усмотрения того

или другого начальника гарнизона, который в свою очередь был связан строгостью военных законов, которыми часто прикрывались и злоупотребления.

Несмотря на то, что всего несколько лет прошло со времени массового водворения переселенцев на Кавказ, накопилось много разного рода недоразумений, жалоб, и потому в создании гражданского управления краем была существенная необходимость. Этим, вероятно, и вызывалась сенаторская поездка П.С. Потемкин добился этого изменения, как и преобразования крепости № 8 в город Ставрополь. Ему же обязаны и наши села в том, что получили разрешение строить церкви и иметь свой причт, хотя и с ограничением, чтоб было не менее 500 душ в селе, чего они прежде тщетно добивались.

Хотя отдаленность Кавказа и военные обстоятельства и пугали, но все же кавказский простор привлекал поселенцев, а тяжелые условия жизни внутренней России только способствовали этому негласному заселению: все, что укрывалось от помещичьего гнета и терпело притеснения во внутренних губерниях, уходило на Кавказ и здесь создавало свою собственную новую жизнь. Естественно, что район каждой существующей уже крепости тянул к себе поселенцев, и создававшиеся вольные (невоенные) поселения, слободки, требовали внутреннего управления и «расправы» по возникавшим между жителями недоразумениям. Жители слободки занимались промыслами, мелкой торговлей, сначала для потребностей крепости, а затем постепенно расширяли свои операции, и было крайне необходимо регулировать создавшееся положение. Надо было узаконить такие поселки и создать для них управление взамен царивших всяких случайностей при улаживании споров.

Такое поселение при Ставропольской крепости известно с 1782 года, но несомненно, что при самом построении крепости в 1777 году уже было положено начало такому поселению женами солдат, строивших крепость, и отставными солдатами. Это тем более верно, что присутствие населения «невоенного» в самой крепости еще до образования города подтверждается самим планом крепости 1778 года, где в пределах крепостной стены показаны «обывательские строения».

В отношении существования слободки при Ставропольской крепости имеется вполне достоверное свидетельство, которым является переписка Нижнего земского суда с городовым Ставропольским магистратом по поводу отыскания семи человек мещан, значащихся по четвертой ревизии в числе мещан при Ставропольской крепости и записанных в мещане в 1782 году, которых не оказалось в 1786 году. В числе мещан в 1782 г. значился Иоаким Нечаев, вольноотпущенный оренбургского помещика. Запись в мещане велась в 1784 году, и в этом году там проживал купец Яковлев, а в 1785 году зачислены в мещане Калина Скоморохов и Иван Ртищев.

Жизнь вызывала необходимость признать существование вольных поселений при крепостях и тех правоотношений, какие возникали между жителями их. Естественно, что в этом случае одно военное начальство крепости

могло санкционировать гражданские сделки и так или иначе регулировать течение невоенной жизни. И вот из сохранившейся копии протеста векселя видно, что обязанности нотариуса по протесту векселей возложены были на полковое начальство. Купец Кузьма Яковлев, торгующий в Ставро. крепости, предъявил к протесту вексель, выданный ему 24 февраля 1784 г. отставным подпоручиком Федором Фостиковым, и протест «к сохранению вексельного права» был совершен за неимением публичного нотариуса в полковой канцелярии Астраханского драгунского полка, подписан адъютантом Феодосием Раевским. К протесту приложена печать полка, свидетелем при протесте был отставной казак Донского войска Столяров.

Таким образом, гражданские сделки совершались еще за три года до открытия присутственных мест, и санкционировались они военным начальством полка, который составлял гарнизон крепости.

Протест был выдан на руки Яковлеву. Надо заметить, что протест был совершен вполне правильно, почти в тех же выражениях, как и ныне.

Городовое управление по указу 21 апреля 1785 г. делало город самоуправляющимся во всех делах хозяйственных путем выбора достойнейших лиц, и это, конечно, являлось громадным толчком к развитию собственных сил населения.

А потому открытие органов самоуправления было буквально торжеством для жителей вновь созданных городов, после бесправной и зависимой жизни от военного начальства крепости.

Первоначально в Ставрополе были открыты из числа присутственных мест: Городовой магистрат и Нижний земской суд; уездные суды находились в Моздоке и Георгиевске, куда относился и Ставропольский уезд.

Учреждена была должность публичного нотариуса и назначен городничим.

Первым нотариусом в Ставрополе был курский дворянин отставной прапорщик Калугин, а первым городничим прапорщик Стефан Яров.

По закону городской магистрат состоял из двух бургомистров и 4-х ратманов, но первоначально был только один бургомистр и один ратман. Первым бургомистром был Кузьма Яковлев, а первым ратманом – Карп Колесников.

Только 17 января 1787 года дело наладилось, был избран полный состав и приведен к присяге. Первые же выборы 15 ноября 1786 года не были утверждены, так как по недостатку грамотных не мог быть избран полный состав присутствия.

Небезынтересно указать, что из числа первых деятелей городского управления уцелело только несколько фамилий, а остальные, бывшие во главе города, не появлялись впоследствии и почти все вымерли.

В общественном приговоре 15 ноября 1786 года участвовали Антон Руднев, Яков Тарасов, Назар Голиков, Антоний Камарик, Алексей Стрежигов, Тимофей Катасонов, Иосиф Ртищев, Василий Бы-канов, Андрей Волобуев, Петр Акулинин, Козьма Руцкий, Петр Пашков, Никита Черкеменин, Петр Воробьев, Григорий Неделика и Иван Чернышев.

Из числа этих фамилий удержались в настоящее время только две: Ртищевы и Рудневы, – представители которых состоят в несомненном родстве с первыми деятелями городского управления.

Среди дел указанного архива в колокольне являются весьма ценными протоколы заседаний Городового магистрата, где имеется ежедневная запись как состава присутствия, так и рассмотренных дел.

Население города было очень польщено новым законом и созданными учреждениями и с достоинством носило звание мещанина, получив в нем расширение прав обывателей сравнительно с крестьянским сословием. Мещанин приобретал гражданские права и назывался гражданином.

Времена были тяжелые, на Руси царил крепостное право при полном бесправии личности.

Легче жилось государственным крестьянам, но и это податное сословие не было избавлено от телесного наказания.

Архивы сохранили по этому вопросу и за более позднее время интересные документы.

Звание мещанина спасало, выводило из бесправия, и новый город стал быстро наполняться записывавшимися в число его обывателей. Благотельная мера, объявленная в высочайшем манифесте о ссудах городам из заемного банка, встречена была несочувственно, она очень напугала новых горожан той ответственностью, которая возлагалась на городские общества, и все города, как и наш Ставрополь, на запрос Наместнического правления уклонились от получения ссуд, ссылаясь на неурстройство общества и недостаточное число лиц, вошедших в состав купцов и мещан города. Из мнения Ставропольского магистрата видно, что в 1787 г. 4 июня было в Ставрополе только 162 мещанина... В конце концов Наместническое правление решило представить все на усмотрение правящего должность Кавказского губернатора.

II

В развитии города Ставрополя огромную роль сыграли казаки Ставропольской станицы. Теперь только в названиях улиц в нижней части города: Казачья, Хоперская, Станичная улицы – осталось воспоминание об этом казачьем поселении, да небольшая часовня на нижнем базаре указывает на место, где стояла казачья церковь. В 1825 году станица была упразднена, и казаки переселены на Кубань в станицу Суворовскую.

Ставропольская станица возникла на несколько лет раньше Ставрополя и связана с проведением Азово-Моздокской линии.

Предположенная постройка крепостей по линии от Азова до Моздока, несомненно, требовала охраны от набегов горцев, и вот в том же 1777 году, когда приступлено было к устройству линии от Моздока до Азова, двинуты были для поселения на ней с Дону хоперские казаки. О них в наказе, данном на имя князя Потемкина, упомянуто таким образом: «Хоперскому ка-

зачьему полку, расположенному в 27 верстах от Донских станиц, и следовательно в ненужном месте, велено в этом же 1777 году перейти на линию наступающей весною, под командою войскового старшины (потом подполковника) Конона Устинова, а для содержания форпостов нарядить из Донского войска пристойное прикрытие».

По прибытии казаков в Ставропольской крепости для них тотчас же под поселение тведен был участок земли к с.-в. от крепости, по скату возвышенности и по равнине. Здесь-то собственно и началось первое население нынешнего города, постепенно распространявшегося дальше и дальше к востоку и югу по равнине. Пришедшие казаки поставили деревянные незатейливые постройки, которые не отличались своей красотой, но военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, и некогда было думать о красоте и удобстве своих жилищ; они старались только как бы скорее заложить их основание и потом приняться за свое главное дело – оружие. Но тем не менее протянулись улицы, обстроились, и в 1780 году казаки соорудили церковь во имя Казанской Б. М. Станица строилась довольно быстро, потому что казаки не имели недостатка в материалах и свободно пользовались лежавшими вокруг них лесами. Окопали казаки свое жительство валом, огородили и начали заниматься садоводством, составлявшим, как кажется, главный предмет тогдашней их хозяйственной деятельности.

Хоперцы прибыли к Ставропольской крепости 22 октября, и потому построенная ими церковь заложена в честь Казанской Божьей Матери. Остальные казаки хоперского полка образовали станицы: Михайловскую, Старую Марьевку, Надежду, Бешпагир и др.

Вот под прикрытием этих станиц и возникало при крепости поселение вольных людей, слободка, которые, не принадлежа к казакам и часто являясь, может быть, и не с безупречным прошлым, селились подальше от казаков. Да и сами казаки недружелюбно встречали новых поселенцев, вероятно, по той же причине.

На это обстоятельство указывают и протоколы Городового магистрата, из которых за 1787 год видно, что уже были мещане, избалованные «в неоднократных продерзостях (воровстве) и подлежащие отдаче в солдаты». Как бы то ни было, но казаки даже отгородились от новых поселенцев плетневым забором, проведенным от базарной площади к востоку до конца возникавшей улицы новых поселян, называвшейся Большой Черкасской, ныне Николаевский проспект. Забор этот существовал до тех пор, пока казакам не повелено было идти на Кубань и станица упразднена. В то время как о мещанах слободки имеются неодобрительные отзывы, казаки оставили по себе добрую славу.

В первый же год по своем водворении казаки выдержали нападение скопищ черкесов и кабардинцев, отстояли крепость и спасли от разорения и гибели жителей слободки. Это было в мае 1779 г.: 200 хоперцев разбили партию в 1500 человек напавших закубанцев. В следующем 1780 году Став-

ропольская крепость снова подверглась нападению закубанцев, но снова была спасена удалством горсти казаков, которые даже взяли в плен предводителя горцев Аслан-Гирея.

Таким образом, город на самой заре своего существования многим обязан казакам-хоперцам, и ставропольцы должны быть признательны первым поселенцам Ставропольской станицы и чтить их память.

Как крепость, так и станица тесно связаны с жизнью слободки и являются первыми свидетелями зарождения будущего города и его хранителями, а потому в истории города им должно быть отведено почетное место. К сожалению, в этом отношении имеется пока очень скудный материал, так как архивы Ставропольской крепости и станицы до сих пор не найдены и приходится довольствоваться теми данными, какие встречаются в переписке по разным делам в других учреждениях и архивах.

Но тем не менее можно дать точную характеристику хоперцам и казакам Ставропольской станицы и признать за ними беззаветную храбрость, отвагу, домовитость, уживчивость и усердие к церкви. Несмотря на то, что они были, так сказать, первыми хозяевами места, занятого близ крепости, они с возникновением города скоро почувствовали притеснение со стороны мещан, и в архивах сохранились жалобы их даже на то, «что мещане со всем их от церкви оттерли».

Жители захватили их пастбища и сенокосы и вообще смотрели на прилегающие земли как на городские, ссылаясь на какие-то распоряжения, и не признавали прав казаков. Целый ряд недоразумений и хозяйственных столкновений обострил отношения между казаками и жителями, и обиженными оказывались казаки.

Дело дошло до того, что жители города стали оспаривать даже право казаков на церковь, доказывая, что она построена на общие средства и преимущественно на средства жителей. Власти, видимо, становились на сторону горожан, и спор настолько осложнился, что казакам не позволили взять церковь при переходе их на новые жительства, и только через 12 лет им удалось осуществить свое право и увезти свою церковь.

Казаки чувствовали себя крайне обиженными и самым переселением, и предпочтением, которое отдавалось жителям, и несправедливостью, допущенною в отношении прав их на церковь.

В архиве удалось найти интересное дело о споре жителей с казаками о правах на церковь. А тут присоединились неудовольствия и ряд столкновений городских обывателей с станичниками из-за базара, из-за водопоя в горе (нынешняя Соборная гора), из-за камыша, росшего по горе и по речке Ташле, и пр.

В связи с этим стоял и вопрос земельный, наделение города землею, чего при существовании станицы сделать было нельзя.

Архив нам сохранил и споры духовенства той и другой церкви между собой из-за совершения треб. Духовенство Троицкого собора неоднократно

но жаловалось в консисторию на то, что причт казачьей церкви совершает требы между городскими жителями и тем уменьшает их доходы. Были случаи личного столкновения духовенства между собой.

Дело в том, что долговременное совместное сожительство городских мещан с казаками породило родственные и дружеские отношения между ними, что имело значение и для духовенства казачьей станицы. В силу тех или других причин это духовенство приглашали к себе горожане, обращаясь к нему, как более доступному, нежели «соборяне», и за требами.

Вот тут и начались недоразумения и пререкания. А так как духовенство казачьей церкви было в ведении военного начальства, то оно и имело у себя значительную поддержку. Казаки станицы, видя в жителях соперников, не шли на возвышенность, а наоборот, подавались больше на север и запад и постепенно стали расселяться по р. Ташле и Мамайке, разбрасываясь хуторами и образуя как бы две станицы. На левом берегу р. Ташлы мне удалось найти кресты и каменные плиты бывшего когда-то кладбища.

Много крестов расхищено, и о надписях судить нельзя, но на одном кресте удалось прочитать «иерей», а остальное стерто.

Привольные места и земельный простор значительно способствовали благосостоянию, а трудолюбие сделало из казаков хороших хозяев. Крепко жились они с своими новыми местами, и тяжело было им узнать весть о переселении на Кубань.

Но в 1826 году, когда город намечался областным, окончательно было решено переселить казаков, что и было поручено князю Горчакову.

Князь Горчаков был первым начальником Кавказской области, учрежденной в 1822 году.

Трудное дело выпало на долю Горчакова, но хорошее знакомство с казаками и умение дали ему возможность выйти из затруднительного положения и наладить переселение казаков без особых осложнений. Зная казаков, Горчаков не вдруг приступил к исполнению поручения, а сначала путем убеждения и общений сумел создать в среде казаков сторонников новой меры, а затем склонил казаков заблаговременно продавать свои дома горожанам и находил покупателей. Задача заключалась в том, чтобы казаки не ломали своих домов и, уходя, не оставили бы пустого места. Еще в 1795 году в станице было 300 казачьих дворов, а к этому времени число их значительно возросло. Небольшая часть, действительно, успела продать свои жилища, но ввиду того, что в городе было меньше жителей, чем казаков, и притом они не располагали средствами, продажа не имела успеха.

Добровольная продажа построек в станице, хотя бы и по низкой цене, имела громадное значение для казаков, так как правительство не находило возможным давать казакам при переселении вознаграждение за их дома в станице и, так сказать, выкупать их. Князь Горчаков добился только Высочайшего повеления в том, чтобы за казачьи сады и мельницы с землей под

ними было выдано казакам вознаграждение по справедливой оценке, обратив эти обзаведения в число государственных имуществ для извлечения из них пользы. Таким образом, продажа домов в станице являлась прямой выгодой для казаков. В приложении мы приводим означенное распоряжение, явившееся благодаря благожелательности к казакам князя Горчакова.

Закончить переселение выпало на долю другому начальнику области, генералу Эммануэлю, который повел дело уже не с той постепенностью, как Горчаков.

Весною 1827 года, поломав свои дома и уложив на подводы, потянулись казаки со своим скарбом на новые места, ближе к неприятелю, для новой борьбы с ним. За бесценно сбыви казаки свое добро горожанам, радовавшимся удалению своих соперников.

Ставрополь после этого выселения мог свободно расширяться и распространяться во все стороны. Гражданам не с кем было теперь вести споров за земли и усадьбы: «Казаки все оставили в их полное владение», – говорит Архипов.

Необходимо заметить, что за время своего пребывания казаки значительно обезопасили жителей от нападения как калмыков, так и закубанцев, а в первое время казаки должны были выпускать свой скот только на ружейный выстрел от крепости, и то под охраной конного наряда.

Крепость Ставропольская с своими 13 пушками сыграла в этом деле видную роль, являясь серьезной угрозой непокорным, если бы возникли волнения при переселении. После удаления казаков и упразднения станицы настала очередь и крепости уступить свое место обывателю, который скоро стал растаскивать по камешкам ее стены.

Что касается крепости Ставропольской, то существует некоторое разногласие относительно года ее построения: в 1777 году или в 1778 году, – но это обстоятельство не имеет значения для самого города, а потому не будет погрешностью, если мы годом ее основания будем считать 1777 год, тем более что весною следующего года выступили с Дона хоперцы и осенью были уже у Ставропольской крепости, а это было в 1778 году.

Предложенная Потемкиным военная линия должна была пройти от крепости Маздока через реки Золку, Куму, Карамык, Тамузлов, Буйволу, Калас, мимо Темного леса вниз по реке Большому Егорлыку до Маньча и Дона – до крепости Св. Дмитрия, лежавшей у устья Азовского моря, почему и линия получила название Азово-Моздокской линии.

Близ нынешней ст. Темнолесской и теперь еще видны развалины крепости, а близ Ставрополя был пост № 8, и близ него было повелено заложить крепость Владимирскому драгунскому полку. Выбор и пал на нашу возвышенность. Не останавливаясь здесь на вопросе, почему избрано было это место и как строилась крепость, мы все-таки можем установить, что первым строителем был полковник Ладыженский. Имя его должно быть сохранено в памяти ставропольцев как первого создателя будущего города.

Из приложенного плана видно, что крепость была невелика по пространству, но для того времени, при 13 пушках, это было серьезное сооружение, под охраной которого можно было жить в безопасности.

Скоро, как мы видели, было оценено русским человеком значение этого укрепления, и он пошел к нему со всех сторон.

Здесь, кстати сказать, что Суворов не строил Ставропольской крепости, и на карте, составленной им в 1778 году, ее нет, а намечен Темижбек, и в Ставрополе Суворов не был.

Крепость строилась быстро.

Теплая и бесснежная зима 1777-1778 года способствовала и постройке крепости, и приливу поселенцев к ее стенам.

В настоящее время, т.е. в 1915 г., сохранились от крепости только два столба, сложенных из тесаного камня, составлявших ворота внутреннего двора крепости, чрез которые шла дорога из станицы.

Жизнь крепости протекала довольно однообразно и мирно, так как постройка Суворовым ряда крепостей на Кубани вплоть до Кавказской и Темижбека составила большую преграду закубанским племенам и отрезала их при посредстве Азово-Моздокской линии от с.-в. части Северного Кавказа.

Настало значительное успокоение, тем более что преграждался и калмыкам доступ в прикубанские степи.

Вблизи Ставрополя в 30 верстах стояла крепость Московская, а с юга Темнолесский рентраншамент, и потому Ставрополь был в полной безопасности и ему не угрожало даже нападение Шейха-Мансура в 1785-1789 гг. Хотя движение распространилось до самой Анапы и знаменитый шейх мечтал захватить Ставрополь. Близость станицы и возникновение слободки создавали возможность общения, и крепость не была отрезанной, хотя сообщение и совершалось при посредстве «оказии», т.е. под прикрытием военной команды и при одной пушке. Судя по отметкам на бумагах сохранившихся в архиве дел о времени посылки и получения, сообщение было налажено хорошо, и почта доставлялась с удивительной быстротой, хотя, конечно, это надо отнести к казенным бумагам, а не к частной переписке.

Сообщение велось при посредстве верховых казаков, и эстафета доставлялась с изумительной быстротой.

Вести из России не были часты, и письмо было большой редкостью.

Если принять во внимание прилив переселенцев и то, что военное начальство должно было входить в их нужды и принимать участие в их правоотношениях, то можно утверждать, что в крепости было большое оживление и жизнь шла бойко.

Что касается внутренней жизни, развлечений, то главным удовольствием было чаепитие, спиртные напитки (водка) были только для праздников, в самом ограниченном количестве, а виноградное вино было недоступно. Таким образом, пьянства на первое время совсем не было. Охота на кабанов, медведей

была большим развлечением, а обилие птиц, в особенности перепелов, стрепетов и фазанов, сделало охоту любимым отдыхом и создало обычай.

Грамотность была очень слабо развита, школ не было, но начало им положено было в казачьих станицах учреждением полковых школ.

Книга была редкостью, хотя и встречаются книги 1785 года как светские, так и церковные, привезенные из России.

Встречаются рукописи и «наставления» в жизни.

Бумага была только в казенных учреждениях, и письменные принадлежности составляли принадлежность писца. Писали гусиными перьями, а чернила приготавливались из чернильных орешков. Надо сказать, что бумага и чернила того времени прекрасно сохранились.

Сургучев Илья Дмитриевич (27.02.1881-19.11.1956) – известный русский прозаик, драматург, публицист.

Илья Дмитриевич Сургучёв родился в Ставрополе. Родители, мечтавшие видеть сына священником, определили его в духовное училище, а затем в Ставропольскую духовную семинарию. Далее предстояло продолжить духовное образование в Московской академии. Но он поступает в Санкт-Петербургский императорский университет на восточный факультет. Ему легко давались иностранные языки. Кроме ряда

восточных, он хорошо владел французским и немецким.

Литературная биография Ильи Сургучева началась еще в годы учебы в университете. Писал рассказы, главным образом в «Журнале для всех», «Вестнике Европы» Ковалевского. Первые рассказы он опубликовал в ставропольской газете «Северный Кавказ».

Возвратившись в Ставрополь в 1907 году, после окончания восточного факультета, Сургучев прожил здесь почти 12 лет, временами выезжая в Москву или Петербург для устройства литературных дел. Он искал приложения не только своим творческим, но и общественным интересам; вместе с местными литераторами основал художественный альманах «Наш край». Земляки выбрали его гласным Ставропольской городской думы; он был председателем комиссии по проведению к Ставрополю железнодорожной ветки Армавири-Туапсинской железной дороги.

Сюжеты его рассказов, а также повестей «Губернатор» и «Мельница», пьес «Осенние скрипки» и «Торговый дом» были навеяны подлинными событиями, произошедшими в Ставрополе. Пьесы Ильи Дмитриевича с большим успехом ставились в лучших театрах России: Александрейском – в Петербурге, Малом и Художественном в Москве, а также в Ставрополе, Одессе, Ростове-на-Дону и за рубежом. Его имя ставили наравне с такими известными писателями как Бунин, Андреев, Куприн.

Резко отрицательно восприняв большевистский переворот, И.Д. Сургучев примкнул к Белому движению и в 1919 году уехал за границу. Жил в Константинополе, Праге и Париже, где Сургучев прожил до конца дней своих. Много лет он был сотрудником таких парижских газет и журналов как «Парижский вестник», «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки».

Илья Дмитриевич Сургучев умер в 1956 году, похоронен в русском пантеоне-кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В последние годы творчество писателя вновь востребовано. Опубликованы его дореволюционные рассказы и повесть «Губернатор», а также напи-

санные в эмиграции повесть «Детские годы императора Николая II», роман «Ротонда», пьеса «Реки Вавилонские», доброжелательно встреченные читателями. Его пьеса «Осенние скрипки» поставлена в театрах Москвы, Киева, Иркутска и Ставрополя.

* * *

Письмо о Ставрополе

У Чехова есть село, в котором дьячок на похоронах всю икру съел. Наш же Ставрополь известен тем, что когда-то, принимая у себя великого князя, одного из Михайловичей, угостил его на славу да и сам, в лице своих представителей, угостился всласть, а на утро, по здравом размышлении, почтительно представил князю счет за все съеденное и выпитое.

- Вчера, Ваше Высочество, кушать изволили, а сегодня прикажите получить. Город, Ваше Высочество, бедный, сам еле-еле с кваса на хлеб перебивается.

И роскошный, с разлитым морем обед влетел великому князю в тысячу-другую.

Обед же воистину был роскошный.

- Селедки дышали! – восторженно рассказывал мне старый официант, «специалист по закуске», как он сам рекомендовал себя на купеческих свадьбах: в желе свечка горела. Пирамида из леденцов была, и тоже в середине свечка горела. Так насквозь, как изумруд, и светилась.

А Император Александр II, которому ошеломленный Михайлович показывал счет, сказал, смеясь:

- Жирно, брат, кушаешь!

И с той поры влиятельный князь возненавидел Ставрополь и отомстил: рельсы Владикавказской железной дороги, которая тогда только строилась, легли на Армавир, обойдя Ставрополь на шестьдесят верст, и с тех пор Армавир, жалкое черкесское гнездо, разросся в огромный промышленный центр, а Ставрополь из цветущего городка постепенно превращался в старую деву: захирел, опустел, оброс, как репьями, какими-то старыми чиновниками-пенсионерами, съезжавшимися сюда из всех концов России на дешевую жизнь; просторные провинциальные улицы застроились приземистыми домиками в 4 комнаты с кухней, – и только сады, чудесные ставропольские сады, которым тут – большой простор, густо завили город зеленью и превратили его в сплошную уютную беседку, глядя на которую издали, дух радуется.

Жизнь здесь начала замирать в восемь часов вечера, газетки выходили два раза в неделю, в «общественном» клубе какие-то старые развалины резались до часу ночи в рамс – и стал с той поры наш город походить на еще один, тоже очень типический российский губернский город: на Симбирск.

Их было два таких в России. Так и говорили:

- Симбирск и Ставрополь. Пара пятак, в базарный день – три копейки.

Симбирск – дворянское гнездо, Ставрополь – мешанское. Только и разницы.

Ставрополь, очевидно, был той благоприятной средой, в которой, как бактерии, особенно густо размножался, всегда цвел и цветет мешанин матерый, – хочется сказать: густо-псовый. В старину, по необходимости, по торговым обстоятельствам, он записывался во «временные» купцы первой или второй гильдии – но непременно во «временные».

И, если калужане аршином тесто меряли, а рязанцы – огурцом телушку резали, то «наши», подававшие счет великому князю, – блюли свое гнездо с большой любовью и аккуратностью.

Быжиги, сквалыжники и алтынники великие, – они часто, однако, бывали и большими поэтами.

Доказывает же нелицеприятный Вазари, что Тициан был форменным сквалыгой.

Вот вы, нынешние, – нут-ка?

Кто почувствовал красоту наших веселых площадей и построил на них фонтаны – настоящие итальянские, так мелодично в лунные ночи журчащие фонтаны?

Старики.

Кто выбрал место и построил колокольню, самую изящную в России, после Троице-Сергиевской?

Старики.

Прелестной узорчатой каменной оградой, которую теперь немилосердно разрушают и которую так тонко и непередаваемо прекрасно запечатлел на одном из своих этюдов здешний старый художник Смирнов, – кто обнес ею рощу и Барятинский парк?

Старики.

Кто давал работу и лелеял архитектора Воскресенского, построившего такие здания в стиле знаменитого когда-то «губернского ампира», как, например, Старая Гимназия? Кто построил прелестную рядскую церковку с дорийским порталом, которую теперь нужно было бы поставить под стеклянный колпак?

Старики.

И кто эту прелестную, полную настроения церковку разрушил, кто уничтожил дорийские колонны и вместо них «выбухал» что-то необычайно пузатое, беременное, перепоясанное, почему-то алебастровыми поясками? Кто построил на этой новой церкви две главы, из коих одна напоминает того, кто ест геркулес, а другая – того, кто оного геркулеса не ест?

Это сделали нынешние, теперешние, уже не записывающиеся во «временные» купцы, а хватающие выше.

Те самые, которые загадили тихий скромный город постройками, похожими на торг; те, которые на своих мизинцах носят весьма сомнительные бриллианты и, оттопыривая оные, читают на благотворительных вечерах:

- Как чуден Днепр при тихой погоде!

И часто, глядя на наш, все-таки прекрасный город, думаешь:

- Эх, если бы встали из своих могил старики, подававшие великому князю обеденный счет!

Они выровняли бы нашу думскую площадь, срыли бы все эти буераки, которые так безобразят центральные места города – вымостили бы ее новыми плитами и, с этими журчащими фонтанами, с белым кружевом ограды, – с лестницей, напоминающей одесскую лестницу к морю, с старым, рассаженым по горе садом, – это была бы одна из самых красивых площадей России.

А наш чудесный, почти двухверстный бульвар, наша несравненная в центре города растущая каштановая роща, где в России есть еще что-нибудь подобное?

Наши пригороды и окрестности: Подгорное, в старину справедливо именовавшееся Швейцарией; Павлова дача; Холодный родник; Архиерейский лес, Бибердов сад.

И вот в это старое, тихое гнездо, где десятками лет с такой любовью, по особым заповедным, наследственным рецептам, культивировались всякие наливочки, употребляемые во благовремени, всякие моченые яблочки, самоварчики, соленые огурчики, рассольники для похмелья, настойки доктора Эрнеста для долголетней жизни, пуховые перинки и подушечки, неразглаженные сюртучки для праздничных визитов, – в это гнездо, мещанское, теплое, обсиженное, облеженное, редко куда трогавшееся, ничего не читавшее, ничего на свете, кроме своих четырех углов, не выдавшее, не имевшее среди стотысячного населения ни одной картины, ни одной известной статуи, – сюда ввалилось в этом году чудовище обло, позорно и лаяй, ввалился «пришедший хам», о котором давно уже прорицали все пророки, – ввалился с ножом и винтовкой и начал устанавливать новые законы и «действовать».

Но об этом пусть расскажут другие.

Отрывок из книги «Большевики в Ставрополе»

С октября 1917 года начались «громы и молнии» октябрьской революции. Не работала почта. Не работал телеграф. Люди сидели, как на островах во время наводнения. И все-таки, несмотря на это, в тихом, уютном, «богоспасаемом» Ставрополе, от которого ни до какого государства не доскачешь, хоть двадцать лет скачи, – в этом Ставрополе люди почти все знали, что делалось там, на севере, ходили по улицам тревожные, взволнованные и общались друг другу такие известия:

- Зимний дворец разбит.
- Эрмитаж уничтожен.
- К Николаевскому мосту подошла «Аврора» и обстреливает город.

Откуда, как, какими путями, но эти слухи в основе своей оказывавшиеся почти всегда верными, приходили и сюда, с далекого севера на юг, тревожили умы и сердца, заставляли с ужасом и трепетом догадываться, какую смертельную тоску и беду переживает родная русская земля.

И вот в это время мне удалось пронаблюдать одно весьма любопытное явление. Казалось бы: нет пределов человеческой фантазии. Многие слухи, доходившие до нас, впоследствии оказывалась явно вздорными. Но, все-таки, самое пылкое человеческое воображение не могло бы выдумать и одной сотой доли того, что создавала и предьявляла в свое время повседневная жизнь и русская действительность.

Все можно было предполагать. На все, кажется, можно было рассчитывать: Россия – страна неограниченных возможностей. Но если бы, например, в те тихие и молчаливо тревожные дни сказать:

- Керенский предаст Корнилова, – никто не поверил бы. Каждый ставрополец сказал бы:

- Вы плетете ерунду.

И жизнь аккуратно карала недоверчивых.

..В Ставрополь, по дальности расстояния, все прикатывает последней волной. Когда в Петрограде уже в марте солдаты, отравленные проклятой памяти приказом № 1, не отдавали чести офицерам, – в Ставрополе, еще в июне, строго соблюдались все обычные правила военного, рыцарского взаимного уважения и чинопочитания. Офицерам, по-прежнему козыряли; перед генералами, шеголяя выправкой, становились во фронт.

Где-то там, на севере, заводились какие-то странные, непонятные, непривычно дикие для слуха «совдепы» и «совнаркомы», а в Ставрополе, еще целых два месяца, ноябрь и декабрь, у власти стояли комиссары Временного Правительства.

Но времена меняются... Наступили и здесь времена, когда солдаты уже перестали отдавать честь офицерам, а проходившим генералам, часто седым героям Карса, покорителям Шамиля, демонстративно пускали в глаза папиросный дым.

Наступили времена, когда и здесь сначала начали поговаривать о «совдепах» и «совнаркомах», а затем уже понемногу и приступать к их осуществлению.

Однажды по улицам города в ясный воскресный день прошла демонстрирующая небольшая толпа. В ней почти совсем не было ставропольцев. Шли какие-то солдаты, какой-то матрос с папиросою в углу рта, какие-то неизвестные молодые люди.

Впереди всех шел тщедушный человек небольшого роста, в черном пенсне, и нес красное знамя, на котором было написано белыми печатными буквами:

- Долой Временное Правительство.

Этого человека звали так: А. А. Пономарев. Он служил в ставропольском губернском земстве и был заведующим статистическим отделом. Слыш он за чиновника строгого, исполнительного и старозаветного. Когда, например, к нему в отдел случайно заходил по какому-нибудь делу член управы, то он завел такую дисциплину: все служащие должны были вставать.

И теперь Ставрополь немало удивился, когда увидел его с красным знаменем в руках, с призывом свергать Временное правительство.

И тут же местные всезнайки стали поговаривать:

- Хе-хе. Понимаю, в чем дело. Пошел в большевики потому, что баллотировался в председатели продовольственной управы. А его не выбрали. А словно на смех выбрали дьякона Никитина. Ну, вот человек и рассердился. Тогда же обещал доказать.

Началась, видимо, обычная русская история. Кто-то кому-то за что-то собирался «доказать». В воздухе запахло панской дракой и многие, предчувствуя недоброе, бессознательно уже приглаживали свои чубы.

И, действительно: с этого ясного, осеннего воскресного дня начались необычайные, кошмарные ставропольские дни. Началась страстная седмица ни в чем неповинного мирного города и его благословенной, плодоносной губернии.

II

Ставрополь – город тихий и мирный. Фабрик и заводов в нем почти нет. Пришлого рабочего люда тоже нет. Если и есть рабочие, то все больше местные: сапожники, портные, шорники. Город дешевый, плодами земными весьма обильный. Улицы в нем широкие, сады – фруктовые и каштановые. Климат, хороший, здоровый. Щедрое, горячее южное солнце.

Говорят, что здесь даже чахотку можно вылечить, если захватить ее в начале. Живут здесь не в небоскребах, как в больших городах, а особнячками. Три-четыре комнаты, свой двор, свой сад, своя скамеечка перед домом, свой колодезь.

Как и все в России, город весьма взволновался, когда в феврале месяце 1917 года пришли первые известия о революции: шумел, как улей, и по всем поводам: удобным и неудобным, – пел марсельезу.

Председатель земской управы, шагая по снегу в глубоких калошах и отдавая честь левой рукой, принимал на Соборной площади воинские парады. Нотариусы, надев сапоги бутылками, ездили арестовывать жандармов. Управляющие банками разбирали архивы охранного отделения. Адвокаты учреждали милицию, прежних полицейских уже без страха величали фараонами и перестали раскланиваться с бывшим полицмейстером.

Все говорили громко, суетились на митингах, отправляли Родзянко приветственные и поздравительные телеграммы и, когда пришли выборы в местную городскую думу, то по всем правилам всеобщего избирательного права послали туда социалистический блок:

- Номер третий.

Есть на земле три логики.

Есть логика ума. Есть логика сердца. И есть логика вещей. Теперь, после двухгодичного опыта, выяснилось, что в русском человеке весьма слабы виды двух первых человеческих логик.

Если русскому человеку залезет в голову такая, например, мысль:

- Вот стоит толстая, каменная стена. Трахну в нее лбом – может быть, прошибу, – то никакими доводами ума, никакими доводами сердца («пожалей жену, детей») вы его не убедите.

Он делает свое дело. Он начнет громить эту стену своим лбом и поверит уму и сердцу только тогда, когда череп даст трещину, а стена останется нерушимой. Это и есть логика вещей, столь близкая и понятная российскому человеку. Хорошим патроном и покровителем России был бы святой апостол Фома, и я не понимаю, почему его не рисуют на наших знаменах.

Если бы в те времена, на выборах в городскую думу, начались разговоры о том, что в социалистическом блоке сидят люди, прежде всего чуждые городу, люди неизвестно откуда пришедшие, люди, никогда и никаким городским хозяйством не занимавшиеся и представления о нем никакого не имеющие; люди, способные только плести целыми днями и ночами бесконечное, нудное словесное мелево, – все равно город ничего не послушав бы и, все равно, на городские кресла посадил бы все тот же: – Номер третий.

Но когда «Номер третий» посидел в думе и месяц, и другой, и третий и когда гражданин сначала послушал, потом посмотрел, а потом и почесал за ухом, то в конце концов пришлось раскинуть умом:

- А где же то волшебное «все», что обещал ему этот социалистический блок?

И понял. Понял, что в стенку-то он лбом трахнулся, и здорово трахнулся, непонятно даже, как Господь Бог лобовую кость сохранил, – но стенка-то стоит по-прежнему, та же самая: каменная, крепкая, толстая и даже штукатурка не обваливалась.

И когда он это понял, то в нем заработала единая, данная нам, россиянам, на потребу логика вещей. Обжегшись на молоке, человек стал дуть и на воду. И когда пришло осеннее время выборов в Учредительное Собрание, то гражданин, выслушав на митинге все речи номера третьего, в избирательные ящики начал опускать, все-таки, иной список:

- Уже номер пятый.

III

Ставропольская губерния – богатейшая русская губерния. Почва – пересортная, чернозем. Про почву здесь говорят:

- Не земля, а хлеб с маслом.

Есть уезды, полные вина и винограда. Народ здесь – зажиточный, домовитый, с южной ленцой, слегка неповоротливый. Зимой одеваются в крепкие тулупы, да не в один, а в два. Бабы ходят в ярких платках. Девкам к свадьбам покупали огромные кованые сундуки с расписными розами. Венчались люди в прекрасных церквах, в венцах шли до самого дома и долго пировали, а потом три дня ходили по улицам, все в лентах, высоко подбрасывали красную подушечку, тянули вино прямо из горлышка и пели веселые, невольно заставляющие приплясывать песни:

- Ой, журушка, журавель, журавель! Или:

- Бил заюшку горностаюшка.

Приданое возили во двор к жениху возами. И земли имели по 8-10 десятин на душу. И была не губерния, а вот как бывает хороший, хозяйский двор: полная чаша.

И вот сюда пришли какие-то люди, которых никто никогда не знал, которых нигде никогда здесь не встречал, и сказали эти люди, и им сразу поверили:

- Сейчас у вас, товарищи, по 8 десятин. Будет по сорока.

- Голосуйте за нас в Учредительное Собрание.

Привезли из Петрограда бывшего волостного писаря Оникко, некогда пропившегося у ставропольского губернатора в становые пристава, и говорили:

- Вот Оникко. Он вам то же самое скажет.

Помещик Безменов свою землю заложил и перезаложил. Так как процентов он в банк не платил и земля его все равно пошла бы на торгах с молотка, то он, с досады, начинал объявлять окрестным мужикам:

- Вот, братцы, я помещик Безменов, не хочу больше пользоваться своей землей. Бог с ней. Берите и пользуйтесь. Она, матушка, ничья, Божья. Только голосуйте за номер такой-то.

За это Безменов получил, по уговору, пост председателя Земской управы. Прекрасный выход из тяжелого положения.

И доверчивые крестьяне, как и все и вся на Руси, начали благословлять лбом в стену.

Казалось бы: чего больше нужно людям? Все «отходило» к ним: и земля, и инвентарь, и скот, и вода, и мельницы, и зерно. Казалось бы: бери, пользуйся, береги, куй свое счастье, создавай свое благосостояние.

Не тут-то было: народ рассуждал не здоровым, а больным умом. Племенной скот, выводившийся не годами, а десятками лет, начали убивать, тонкорунных испанских овец, за которыми нужен такой же тщательный и нежный уход, как за малыми детьми, начали резать в суп. Начинало явно пропадать все, чем был богат и гордился край.

И получилось со ставропольскими крестьянами все то, что бывает иногда с человеком, когда он вдруг ни с того ни с сего заболевает тяжелой душевной болезнью и начинает рубить топором мебель, бить об пол посуду и поджигать собственный дом.

IV

Но бывает и так. Изрубит топором мебель, разбив всю посуду и поджегши собственный дом, человек, в припадке безумия, убивает жену, душит своих детей и, наконец, кончает с собой.

Такой случай, между прочим, был недавно в Ставрополе. В октябре 1918 года, в ужасе перед пришествием большевиков, жена прокурора Ставропольского окружного суда В. М. Краснова (социал-демократа, меньшевика) задушила двух своих детей и потом покончила с собой.

То же случилось и с русским человеком. Заболев страшной психической болезнью, он начал сквернить свою землю, жечь свои храмы, убивать сво-

их родных людей и, случилось, что оружие, поднятое им на брата, обращалось на него же самого.

Война, – худо ли, хорошо – окончилась. Приходил солдат в село, – приходил снова к своему дому, к отцу, к родному очагу. В этом доме все от мала до велика и день и ночь думали о нем, пока он был там под страшными неприятельскими пулями, день и ночь молились за него и теперь, всплескивают руками, бросаются ему на шею, готовы бесконечно целовать ему глаза, руки, волосы, не придумают, в какой угол посадить его, каким ковром покрыть табуретку.

Но что случилось с ним, – с ним, которого так долго ждали? Он не снимает шапки и стоит, как в кабаке, с покрытой головой. Он не кланяется старому отцу, он не целует руки матери. И взгляд у него какой-то новый, незнакомый, неприлично тяжелый и насмешливый. На все он смотрит как-то особенно прищуренными глазами. И только винтовку, или, как здесь ее зовут, «свечу», – только одну свою бережно ставит в угол и, кажется, что к ней одной он чувствует еще какую-то нежность.

Понемногу все замолкает вокруг него, стихают восторги, не так уж горят глаза. Все ждут с замиранием сердца, предчувствуют, что что-то должно случиться неприятное и тяжелое. И этот момент наступает.

- А это у вас что? – развалившись с ногами на скамейке и показывая на иконы, спрашивает солдат.

Тогда, смутно уже догадываясь, в чем дело, к нему, спокойный, подходит отец и отвечает:

- Это у нас иконы. И не стать бы тебе, сынок, сидеть вот этак-то в шапке... И лоб перекрестить-то не грех.

В ответ сын начинает гоготать на всю избу и говорит:

- Ну, родитель, это – старый режим. Вы сидите здесь и ничего не знаете, а с этим делом теперь уже делают все так. Теперь мы – большевики.

И он с каким-то необычайным и непонятным раздражением, с каким-то особым и страшным наслаждением начинает рушить святой, заветный дедовский угол и те самые иконы, у которых из рода в род его деды и отцы просили милости и заступничества перед Богом, – теперь он выбрасывает их в окно, разбивает стекла, ломает киоты, крушит под ногами те наивные, из тонкого сусального золота сделанные розы, которыми крестьяне так любовно украшают свои образа.

Ясно было, что с фронта пришел просто больной человек. Но где и кто в деревне поймет это?

Дело было зимой. Старик позвал соседа. Общими силами навалились на солдата, связали веревками и выбросили его на снег. Он стонал, плакал, просил, – но тверды были в своей суровости оскорбленные люди.

Солдат всю ночь пролежал на морозе и, конечно, застыл.

Это случилось в селении Кугульте, Ставропольской губернии.

Русский большевизм и сыпной тиф имеют очень много общего. Человек едет по железной дороге, сидит в тракторе или кинематографе, беспечно гуляет в толпе. К нему заползает какая-то серая незаметная вошь, жалит его, и человек две недели после этого, ничего не замечая, живет, как ни в чем не бывало. Он, по-видимому, совершенно здоров: так же, как и прежде. Ест, пьет, ходит по улицам, но где-то, в крови, уже идет разрушительная работа. Проходит срок, и он начинает чувствовать, что у него кружится голова, хочется лечь в постель, к вечеру его знобит; дальше – больше – температура поднимается до сорока градусов, человек уже впадает в бессознательное состояние, начинается горячка, бред, больной вскакивает с кровати, бежит на двор, стремительно мчится куда-то по снегу... Наконец, сердце не выдерживает и наступает смерть.

Серенькая, противная на вид, незаметная вошь сделала свое дело.

Так и большевизм.

Ясно, что большевизм, как учение социал-демократическое, ничего общего не имеет с тем, что сейчас на Руси именуется большевизмом. Большевизм – это само по себе, а то, что сейчас делается на Руси, – само по себе. Никакого большевизма у нас ни одной минуты не было.

Просто мы сейчас больны душевной болезнью. Нас укусила вошь, привезенная, как в колбе, в германском запломбированном вагоне.

К здоровым и, в сущности, к хорошим и добрым людям, приняв человеческий облик, вкрадчиво вползает это существо и начинает человеческим голосом говорить такие вещи:

- Товарищ! Все, что было до тебя, все люди, украшавшие землю, строившие соборы, писавшие книги, высекавшие из мрамора статуи, – все эти люди – ничто. Ибо сами они буржуи и работают для буржуев. Учитель народной школы, который за тридцать рублей в месяц учит твоих детей, – тоже буржуй и пьет твою кровь. Почтальон, который носит тебе письма, тоже буржуй, потому что – смотри: на нем панская фуражка с синими шнурами. Все они – буржуи, твои враги. Помни, что выше твоего живота и желудка нет ничего на земле. Ты должен жить в раю, как можно меньше работать и как можно больше получать. Твоя сытость – выше всего, – выше родины, выше отцов и дедов, выше Бога. Пусть твой ночной горшок будет самым святым предметом для тебя: в нем пищу ты себе варишь.

Вошь жалит ядом, а человек, не подозревая ничего, смеется.

Он яснее ясного знает, что уж кто-кто, а учитель и почтальон – не буржуи. Они живут рядом с ним, на его глазах. Какой уж тут буржуй, когда каждый месяц, к концу, с голоду подыхает, кашляет, сапоги с дырявыми подметками бессменно носит?

Человек посмеивается и не знает, что дело сделано, что кровь-то его уже отравлена, что он уже заболел, и теперь, – только выжди срок, – а дело свое вшивый яд сделает. Не выбранный в председатели продовольственной управы чиновник-статистик А. А. Пономарев, в пику дьякону Никитину, «доказал».

Что такое Россия?

Еще давно, в начале революции, один француз сказал:

- Россия? Это – пустопорожнее место, густо заселенное дураками и мошенниками.

Ставропольскую губернию незаметно, по всем правилам искусства, укусил этот самый А. А. Пономарев.

Начиная с октября, северная Россия кипела в бурях совдепов и совнаркомов.

Мы же, Ставропольская губерния, укушенные осенним воскресным утром, о котором я говорил в первой главе, еще целых два месяца переживали так называемый инкубационный период. Весь ноябрь и декабрь у власти стояли комиссары Временного Правительства. Но к концу декабря отрава уже сказалась, и губерния начинала глухо волноваться.

Тогда губернский комиссар Временного Правительства, член последней Государственной Думы Старлычанов, чтобы толково уяснить себе, чего же теперь хочет только два месяца тому назад голосовавшая за правых эсеров губерния? – решил создать губернское народное собрание. Комиссар решил:

- Пусть выскажется народ.

Была образована особая комиссия по выборам, которая разработала выборные нормы на самых, конечно, демократических началах – и собрание состоялось 31 декабря, под самый новый, 1918 год.

Батурина Татьяна Петровна (род. 13.01.1928) – российский критик, литературовед, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РСФСР, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, лауреат премии Союза писателей СССР и Госкомиздата СССР, лауреат Всероссийской православной литературной премии имени Александра Невского 2007 года. Автор 8 книг и около 200 статей по вопросам русской литературы XX века в различных периодических изданиях. Пишет преимущественно о современных русских прозаиках и поэтах.

Татьяна Петровна Батурина родилась в городе Баку в семье юриста. С 1941 г. проживала в г. Ставрополе. В 1945 г. поступила в Московский государственный университет имени Ломоносова, а затем в аспирантуру при кафедре советской литературы. В 1954 году защитила кандидатскую диссертацию о циклах рассказов М. Горького «Сказки об Италии» и «По Руси».

Возвратившись в 1954 году в Ставрополь, работала в газете «Ставропольская правда», а затем в педагогическом институте – старшим преподавателем, позже доцентом кафедры русской литературы. Значительное внимание уделяла литературной критике и актуальным проблемам современного литературоведения. Вела активную общественную деятельность, являясь в разное время членом редколлегии альманаха «Ставрополье», затем членом редакционного совета Ставропольского книжного издательства.

Т.П. Батурина опубликовала большое количество статей в местной печати, в журналах «Дон», «Молодая гвардия» и других изданиях. В 1970 г. вступила в Союз писателей СССР, в настоящее время член Союза писателей России. Около двадцати лет была сначала членом комиссии о критике, а с 1980 г. – членом Совета по критике при Союзе писателей РСФСР. В 1976 г. написала книгу «Факел в сердце», посвященную общим проблемам развития советской литературы. В 1979 году вышел сборник статей Т. Батуриной литературной направленности «Приглашение на стеклянную гору», посвященный анализу творческой деятельности писателей, живущих в Ставропольском крае. В книгу 2008 г. «Ратоборцы слова» вошли литературно-критические статьи, посвященные современным русским прозаикам и поэтам.

С 1990 года Татьяна Петровна Батурина проживает в Петербурге.

* * *

Отрывок из книги «Ратоборцы слова»

Из окна видна Россия (о поэзии Олега Чупрова)

Недавно поэту Олегу Чупрову была вручена премия имени Александра Прокофьева. Весьма престижной премии не надо было долго искать своего героя. Поэзия Чупрова, который, кстати, создал текст гимна Петербурга, – в высоком смысле слова – народна. Это важнейшее свойство поэзии, – а оно присуще далеко не каждому поэту, – определяется, прежде всего, вместимостью мира и характером направленности мыслей и чувств поэта.

В стихах Чупрова есть многократно повторенный и многозначный образ – окно из той избы, которая представляется поэту его житейским обиталищем. Одно из стихотворений так и называется «Окно». Из малого мира («В избе мерцает ночничок, звенит за печкою сверчок...»), из окна, открывается тот мир, что вдали, мир духовного бытования его поэзии, его души, существующий в своём пространстве и времени.

Его пространство – постепенно открывающаяся земная даль: «Куст бузины и бересклет. Вдали – стога в тумане...» И наконец, «сквозь окошко» «видна навеки русская страна». И снова уточнение в другом стихотворении:

Мой фрегат,
 плывущий средь простора,
Днём -
 окном выходит на Неву,
Ночью -
 из него видна Печора.

Так пространство поэтического мира Чупрова то расширяется до всей «навеки русской страны», то сужается до Усть-Цильмы, северного селения, где он родился, которое занимает в его сердце огромное место, не меньшее, чем Петербург, город, в котором он живёт более сорока лет.

А поэтическое время у Чупрова – то, в котором существует природа, родная земля, каждый из нас, – естественное, земное время. «В окне бледнеющий рассвет...» «А через час, совсем не зря, в окно врывается заря».

«Не зря» – потому что наступает утро, а вместе с ним пора творчества.

Беру тетрадку поутру,
Чтоб разгорелось на ветру
Из Божьей искры – пламя!

Обозначается источник поэзии – не столько в церковном, сколько в общепризнанном философском смысле. А в конце стихотворения «Окно» представление о поэзии, о пространстве и времени, в которых она существует, объединяется в единый общечеловеческий, и в то же время национальный, поэтический образ.

И сквозь окошко, где видна
Навеки русская страна,
Я различаю вскоре,
Как в зыбком мареве, вдали,
Проходит Пушкин с Натали
К моей родной Печоре...

Пословесное прочтение стихов вообще-то едва ли целесообразно, так как дробит производимое стихотворением целостное впечатление. Но иногда такое прочтение необходимо. И не только для того, чтобы почувствовать подлинную глубину отдельного поэтического слова. Оно помогает понять общую направленность творчества поэта.

Вдумаемся в словосочетание «Навеки русская страна». Сколько возникло, ещё совсем недавно, прожектов «разработанных» многоумными мыслителями, – расчлнить Россию на множество маленьких государств! Слово НАВЕКИ – как удар по всем этим прожеткам. А рядом упоминание о Пушкине. И тоже не случайное. В последнее время в некоторых устных и письменных выступлениях стала проползать мыслишка, что, мол, устарела привычная формула «Пушкин – наше всё»... Но Пушкин действительно и навсегда, и наше всё. Через окно, которое Петр Великий прорубил в Европу, Пушкин выбрал не только духовные традиции всех европейских культур, но и пряный аромат таинственного Египта. Пушкин даже об американской демократии сказал своё слово («Джон Теннер»). Не опасаясь ошибиться, можно сказать, что он предопределил главные пути развития русской культуры, являясь средоточием этих путей. Естественно, что, говоря о «навекі русской стране», Олег Чупров почувствовал образное воплощение этой мысли именно в Пушкине.

Главное же, конечно, что окно из обиталища поэта открывается в «осенний сад души» (строка из недавно написанного стихотворения «Листва редет золотая»), что «миллион колокольцев при дуновеньи ветерка звенит под солнцем и в оконце втекает воздуха река!» и тогда поэт становится «сердцем зорок, предчувствиями опалён» (ещё одно новое стихотворение) и всё: впечатления, чувства, ощущения, мысли – превращается в чистое золото поэзии, складывается в слова ёмкие и точные.

А каково же отношение поэзии Чупрова, земного времени, в котором она существует, ко времени историческому, в котором страдает, корчится от боли, стремится выбраться из неё наше неблагополучное общество? Лет десять назад я писала о сборнике стихов Олега Чупрова «Новолуние» (СПб, 1997), который объединял почти всё, написанное к тому времени поэтом. Я отметила тогда публицистичность некоторых стихов поэта, в которой, однако, как мне казалось, заключены были и некие зёрна возможного творческого развития.

Сейчас же я пишу о сборнике «Светлое небо над жизнью моей» (Сыктывкар, «Эском», 2007), соотносящемся с тем отрезком времени, когда поэт получил премию им. А.Прокофьева. Тут-то я и обнаружила то новое, о чём

десять лет назад могла лишь догадываться. Публицистичность, столь явная прежде в некоторых стихах, обнажённость чувств и мыслей, исчезли. Но почему же мы ощущаем в стихах трепет сегодняшних волнений и тревог? Почему? Поэт сам отвечает на этот вопрос.

Не с луны ли
ты, часом, свалился?
Что – стихи,
если всё кувырком!
Век сегодня
как будто взбесился
И грозит -
сам себе! -
кулаком!

День прошёл.
Ночь тиха и безлунна.
Лист бумаги.
Свеча в полутьме.
Вся политика
нынче безумна.
Лишь поэзия –
в здоровом уме!

В поэзии Чупрова сейчас отсутствует публицистическая конкретность. Но его мировосприятие, его отношение ко всему, что происходит, существует в каждом стихотворении – в глубине текста, оно скрывается в плоти каждого слова, оно выражается метафорически. Как мы почувствовали в стихотворении «Окно».

Или в стихотворении «Вновь молчанием горло светло...», обращённом к поэтам российских провинций, которые, «устав от обид, умирают беды не осия». Трагедия поколения, гибель целого пласта культуры, огромность беды метафорически выражена в концовке: «И над ними навзрыд голосит одинокая баба – Россия! (Хотя поэт говорит – в другом стихотворении, – что ему «не до метафор», но они рождаются сами, естественно и органично).

А вот как выражена убеждённость поэта, что власть чистогана порабощает душу, которая утрачивает чувство прекрасного. Хозяйственный человек «время даром не губил», «деревья начисто срубил и дом – в два этажа – отгрохал». А ночью он не спит, боится забыть «с капустой завтра засолить звезду, упавшую в кадушку...» А в другом стихотворении «Хозяин» подобный персонаж смотрит на любимую собаку и думает, какую отличную шапку он из неё сделает. Ещё одна, характерная для нынешнего времени фигура – человек, который превратил свою религиозность в фактор бизнеса. На груди, как на выставке носит «крест массивный, литой, золотой» и лишь однажды припомнит, что «у матери – крест деревянный от дождя и от ветра поник...»

У Чупрова совсем немного стихов, о которых хоть в какой-то степени можно было бы сказать, что они «на злобу дня». Но зато большинство его стихов, если перефразировать предшествующую идиому, – «на доброту дня». День, в котором живёт человек, прекрасен. Потому что «по радуге» можно «войти в небо». И плыть на лодке, опустив вёсла, «в никуда». Потому что, когда разгорается заря, можно сесть за стол и склониться над листом бумаги и писать «сказку сердца своего». Потому что много хороших людей и прекрасных женщин. Да просто потому, что «белый свет на радость дан птице, зверю, человеку». «И так странно лицо холодеет от любви ко все-

му, что вокруг!» И смысл жизни, о котором поэт часто размышляет – «У меня была – трава в росе, пусть в зелёном детстве, но была ведь! Не прельщаяся золотом-серебром, выстрадал награду – быть собою! Счастлив тем, что есть надёжный дом, женщина, мне ставшая судьбою!»

Нет, он не забыл про войну, ему и луна порой представляется «мёрзлой картошкой». Не забыл про то, как гордился отцовским протезом, как после смерти отца мать припадала лицом к этому протезу. Но и эти страдания были во имя счастья, во имя любви. Храм, в котором существует душа поэта Чупрова – «храм – на Любви». Оттого мир его просторен: ведь тесным мир делают злоба и зависть, когда кажется необходимым расталкивать других, чтобы урвать «своё», а доброта и любовь раскрывают человеку невиданные просторы.

Оптимизм поэта лишён идиллических восторгов, он основан на объективном восприятии действительности, на убеждённости, что «не распалась связь времён!». Эта связь может исчезнуть лишь в нашем измученном, исстрадавшемся сознании. Силу же поэту придаёт, что вовсе и не странно, сознание причастности к вине за произошедшее, сознание собственной ответственности.

И в стихотворении о том, как бульдозером уничтожили воинское кладбище и поставили на этом месте клуб, звучит местоимение «мы»: «Спешим от совести в кусты, в самодовольный быт... А мы? Мы предали страну – танцуем на гробах!» И о церкви, превращённой в клуб: «Я сам в той церкви хохотал на фильме «Волга-Волга!» А когда он сетует о судьбе деревни, с грустью говорит: «Распроштался когда-то легко я с деревенской родною избой» («Я стою над Печорою-рекою») и не исключает себя из числа тех, кого он называет «урбано-деревенские мутанты». («Ну, сколько можно ковыряться в пашне?»).

И всё-таки деревня для Чупрова не только одинокие, заброшенные старушки, не только «тётка Матрена, вся в заботах с утра и до вечера», что «к ночи, присев на порожке, вскинет к Богу глаза воспалённые», о которой он сказал:

Вот – Россия моя! Не матрёшки, Не ансамбли краснознамённые... (ст. «Деревенька у мшистого склона...») Деревня – родная природа; она – источник вдохновения, душевной чистоты, силы духа и оптимизма, она – сама поэзия и красота.

Сяду где-нибудь на камень,
Зачерпну воды руками
И умоюсь не спеша,
Чтоб очистилась
душа...

Запоёт гармонь напевно,
Песня вырвется в полёт.
И деревня,
как царевна
К моему плечу прильнёт!

У Чупрова много стихов о матери, о русских женщинах, о любви. Полон женственности образ «зеленоглазки», той, что «поднесёт последний стакан воды» и «над скорбной плитой уронит слезы серебро». Но сердце его вмещает все женские судьбы. «Сколько женщин! И каждую хочется видеть с блестящим счастливым в очах, чтоб не стыли от одиночества, от постылого – в зим-

них ночах!.. Столько женщин! И каждую хочется приласкать... ну хотя бы строкой!» Поэт заключает в душе ощущение счастья и готов поделиться, всем раздарить его. Не случайно, в его стихах так много солнца!

Сам Чупров называет свой стих «аскетическим», свои стихи «простыми». Но это та простота, что достигается большим трудом и большим напряжением души. Души, которая способна воспринимать и воспроизводить земные ритмы. Эти ритмы бывают не только благие, но и жёсткие, подчиняющие, убивающие «печальную музыку души». Он видит признаки такого оскудения в молодом поколении и борется с этим. Стихи Чупрова легко входят, даже влезают, в сердце, в память, они напевны. Стихотворные размеры, которые он применяет, – традиционны, но он весьма искусно использует облегчение стих безударностью слогов, планомерно сокращая количество ударных, что свойственно народной песне. Огромное количество его стихов положили на музыку известные композиторы: Д. Тухманов, А. Кальварский, Г. Портнов, А. Морозов, Я. Дубравин... Песни его исполняли Б. Штоклов, И. Богачева, Э. Хиль, С. Захаров, Э. Пьеха, М. Боярский...

Сам поэт признаётся, что особенно волнуют те случаи, когда к его стихам, которые принимаются за народные, слагали музыку и начинали петь непрофессионалы и делали это просто для радости души. Как, например, врач из Новой Ладogi Борис Дмитриевич Ковалев, или баянист Николай Попов из деревни на Печорском Севере... Признаться, мне кажется, что спеть можно любое стихотворение Олега Чупрова. И это – не только из-за народности формы, но прежде всего – содержания.

Старая яблоня

В этом человеке меня поражала незлобивость, он умел прощать и забывать зло, храня в сердце то доброе, что связывало его с людьми. В горячее споров, которых было так много в писательской организации в начале 60-х годов, споров, отражавших общие процессы, совершавшиеся в советской литературе, рождались и у нас порой очень острые и не всегда справедливые суждения. Помню, как на одном из бурных собраний я довольно резко высказалась о последних стихах Андрея Максимовича. Независимо от того, насколько эта оценка была правильной, она была неприемлемой по форме.

Тогда я еще не понимала, что только гении способны развиваться и совершенствоваться беспредельно, – и честь и хвала человеку, если за свою жизнь он сумел совершить то, что будет служить людям и после его физического исчезновения.

Однако молодость, которой всегда свойственна прямолинейность суждений, не помешала мне почувствовать собственную бестактность, хотя, как ни странно, никто меня не упрекнул: все мы в те годы не щадили друг друга. Как же я была благодарна Андрею Максимовичу, когда увидела, что он не сердится на меня. Он чуть-чуть склонил голову под ударом, принял его

и простил, не затаив в тайниках сердца обиду. Он словно бы знал, что что-то такое, о чем мы, молодые, не догадывались, о какой-то неведомой нам высшей человеческой мудрости. Это шло не от книг (книжником он никогда не был), а от самого существа его натуры.

Как и все люди, Андрей Максимович Исаков не был лишен обычных человеческих недостатков. Некоторые из них мешали более ему самому. Но о нем, как ни о ком другом, всегда хотелось сказать – хороший человек! Бывало в нем что-то чрезвычайно русское – та добрая широта души, которую испокон веков воспитывает наша литература. Кто из нынешних наших поэтов не помянет Андрея Максимовича благодарным словом! Это он их пестовал – Кашпурова, Гнеушева, Марьинского и многих других. Его сердце и его дом были для них всегда открыты.

Теперь многие из них давно уже сами опекают молодых, а иных уже и нет на свете...

Андрей Максимович пережил взлет известности, когда вся страна пела его песни. Сумел не сгорбиться, тогда минула эта пора, забвение не погасило его жизнелюбия. Само время воспитало в нем это ценнейшее человеческое качество.

Как поэт Исаков сложился в тридцатые годы, впитав навсегда их мажорный настрой, их жизнеутверждающий дух. Поэзия его сильна пафосом строительства новой жизни, пафосом первозданности этого строительства. Это была пора пятилеток, когда вырастали заводы-гиганты среди нехоженых лесов, когда созидались характеры, когда многое пришлось людям вынести на своих плечах.

Поэтическая судьба Исакова знаменательна и типична для тех лет. Родился Андрей Максимович в бедняцкой семье в одной из тех казачьих станиц, что и сейчас привольно раскинулись на богатой земле Краснодарского края. С девяти лет стал батрачить. В 1917 году ему исполнилось пятнадцать, Андрей уже понимал, что для таких, как он, революция - великое благо. Оттого и ушел добровольцем на гражданскую в двадцатом. Вернувшись с фронта, в станице прожил не долго, тянуло на быстрину жизни, уехал, стал рабочим.

Типичная биография, в ней все было благостно для молодого таланта. Нужен был только толчок, который направил бы его жизнь в необходимое русло. Таким толчком стала встреча с известным ученым О. Ю. Шмидтом. «И вот однажды, – вспомнил Андрей Максимович (это было 18 февраля 1931 года. Этот день он запомнил навсегда), – в ущелье приехал на охоту из гагринского санатория ЦИК Отто Юльевич Шмидт, и в жизни моей наступила новая, самая счастливая пора». Ночью у костра молодой рабочий, вызвавшийся быть проводником в живописном бзыбском лесу, что на берегу Черного моря, читал стихи будущему герою челюскинской эпопеи. Три года спустя Исаков пишет стихи об этом человеке, которого запомнил на всю жизнь:

На хрупкой дрейфующей льдине
Работа науки кипит,
А черную бородою иней,
Как будто шутя, серебрит.

Строки написаны еще неопытной рукой, когда Андрей Максимович учился в педагогическом институте в г. Орджоникидзе. Туда помог ему поступить О. Ю. Шмидт. Я не раз слышала, с какой благодарностью говорил Андрей Максимович о нем. Он гордился этой страницей своей биографии. Так тепло, с особенной какой-то ласковостью вспоминал он только о родной станции, о которой он написал в поэме «Медына»:

Родниковская станция
Славится водою,
Как копытом конь ударит,
Там вода струёю.
Ключевою, холодною
Родники налиты. . .

Там он жил ребенком, там познал и тяжесть отцовской реки и ее редкую, забываемую нежность, там узнал, как сладко в минуту обиды спрятать голову в большие корявые руки деда, там уверовал, что нет на свете ничего достойнее и прекраснее, чем труд земледельца. Вспоминания о детстве слилось в целостный образ, выбравший в себя представления о добре, питавший долгие годы поэзию Исакова, - образ родного края. Не она ли, старая яблоня, стала символом этого края, доброго сердцу.

Припоминать сам могу едва ли,	Плодов на яблоне моей!
Но если верить старику-	Она поила щедро соком
Под ней в тени	Всех с нашей улицы детей.
Меня качали,	
Пристроив зыбку на суку.	Прошли года, и мы расстались-
	Она была в расцвете сил. . .
И было много	
Краснобоких	

Оттого, вероятно воспоминания, о Шмидте жили в душе где-то рядом с воспоминаниями о родной станции, что это были истоки его поэтической биографии.

Его стихи впервые были опубликованы на страницах студенческого сборника, изданного литкружком. Первый поэтический сборник появился в 1937 году, потом – много других. Назову некоторые из них: «Песни о победе»(1946), «Стихи и песни» (1938), «Кавказская сторона»(1950), многие другие и, наконец, последний, изданный при жизни, – «Земля зовёт»(1970).

В 30-годы героика социалистического строительства становится основным источником поэтического вдохновения, особенно для таких поэтов, как Исаковский и Твардовский, глубоко народных, связанных накрепко с фольклорной традицией, открывших героизм и богатство души скромных тружеников, руками которых творится жизнь. В небольшой рецензии и сборник стихов М. Исаковского «Провода в соломе» Горький отметил новое для того времени качество его поэзии:

«Поэт... прекрасно чувствует чудеса будних дней».

Андрей Исаков – один из тех, кто шел по стопам поэтов такого склада. Ощущение советской нови определило облик его поэзии. Крестьянин по происхождению, казак по крови, он пел о родной земле, именно пел («я пою о вас, мои поля...»), а не писал. Пел простодушно и естественно, как поет птица на заре. Пел о полях, об их зеленом и золотом раздолье, о новой советской деревне. Да, это была именно советская деревня со всеми его характерными особенностями, со всеми приметамы родного Ставрополя. Это светлый мир, где «золотые нивы», и хлеба, «колхозная слава» – «стоят, как море», где всегда «греет солнце», а ветер «шелестит травами», где цветут «душистые вишни» и «с восхода до заката не смолкают песни», где «черноносая девчонка» верно ожидает своего «казаченьку, что служит на границе» («конь веселый кабардинский, звонкие копыта, черкесочка казацкая пулями прошита»). Об этом мире не скажешь иначе, чтобы создать ощущение тишины:

Веет поле тишиною

Не плывет комбайн по хлебу;

Только тучки разметались

По синему небу...

Комбайн стал столь характерной принадлежностью сельского пейзажа, что даже упоминание о том, что он «не плывет по хлебу», создает определенное впечатление. Поэт старается уловить то, что преобразует деревню, меняет ее облик, быстро превращаясь в уже привычный призрак этого ее нового облика. Он отлично чувствует естественную красоту природы.

Вечер. Прохлада, Тишь.

Робко шумит камыш.

Легким ударом крыл

Лебедь луну разбил.

Небо упало в пруд,

Тучки по небу плывут.

Сверкает веселый пруд.

Парни с баяном идут.

В воду, вниз головой,

Бросился клен молодой

Песня спугнула тишь,

Пляшет в воде камыш.

Клювом тупым в пруду

Селезень ловит звезду.

Но для Исакова картина была бы неполной, если бы он не написал последних шести строк:

Вдруг над ночным прудом

Стало светло, как днем.

Это включила свет

В нашей станице ГЭС.

Лебедь в камыш – и нет.

Тени бросает лес.

(«Вечерний пруд»).

Осень для поэта – это, прежде всего, пора урожая. Оттого обязательные ее приметывы и только «тихий клен», что, «склонившись на плетень», «в саду осеннем золото считает», но и «груженные зерном» машины, едущие «и ночь и день, устали не зная». (Осень).

Сейчас многие стихи Исакова читателю, знакомому с поэзией А. Вознесенского, Л. Мартынова, Э. Межелайтиса, покажутся слишком простыми.

И действительно, поэзия Исакова не поражает глубиной открытий, острой переживаний, она не проникает в истоки жизненных противоречий. В его стихи, не мудрствуя, вошла радость нового бытия. Это была радость приобщения к строительству новой жизни, к культуре, к творчеству. Вчера еще неграмотный человек, он чувствовал, какие великие возможности открывают перед ним жизнь.

В очерке «Откуда повелись советские писатели» А.С. Серафимович вспомнил, что в первый год после Октябрьской революции буквально рулоны стихов завалили редакции, словно кто-то вдруг взорвал плотину, закрывавшую путь народному творчеству. Они были безграмотны и корявы, эти стихи, но само время говорило их языком. «Я ахнул, – пишет Серафимович. – Да ведь это же не стихи! Это неуправляемый, неостанавливающийся вопль... Неугасимый голос слез, ужаса, и вместе радости счастья, безмерности надвигающегося. Это – радостный крик людей, глянувших из сырой задыхающей могилы, – и вдруг блеснул просвет чуть приоткрывшейся судьбы». В тридцатые годы авторы этих стихов были уже грамотными людьми, и многие из них уверенно входили в литературу. Это было великое чудо преобразования! Память о нем должна быть священна. Разве не отзвуки того времени в этих стихах А. Исакова:

В сердце моем расцветал сад.
Я сидел и писал вдохновенные строчки.

Я был как мальчишка, и весел и рад
Даже тому, что умел
Расстанавливать правило точки.

Ведь хозяева меня били кнутом,
Называли «голодранцем горьким».

В наши дни не только грамотность, но и материальное довольство кажется чем-то обязательным, привычным. И потребности наши стали многообразнее, сложнее. Нам сейчас не придет в голову воспевать электрический свет или ликовать от сознания, что мы умеем расставлять знаки препинания. Нам уже и космические полеты стали привычными и стихами нас трудно удивить. А было время, когда обыкновенную электрическую лампочку народ называл лампочкой любви Ильича, потому что видел в ней одной из первых осуществление своей мечты о светлой доле. То самое время, когда и ликвидация безграмотности была актуальнейшей задачей.

Конечно М. Исаковский в своем знаменитом «Вдоль деревни» написал о том, как свет пришел в деревенскую избу, когда масштабнее, чем Исаков, но ведь на большой реке и плавают теплоходы, и маленькие парусники.

Разве вина поэта, что он присущей ему искренностью, затратив лучшие силы своего таланта, широко, всенародно сумел отразить лишь то явление, что само оказалось недолговечным? И даже когда не пели гремевшую еще недавно «Казачью думу», написанную в 1936 году, поэт по-прежнему воспринимал, чувствовал те стороны бытия, которые раз и навсегда определили содержание его поэзии.

Он, по его словам, пишет «историю дней». Именно историю. Его волнуют не столько потребности, сколько эпическое содержание повседневности. Его герои – простые люди. Это виноградарь, чабан, девушка – почтальон, комбайнер, совершающие свое повседневную работу.

Но эта повседневная работа кажется ему самым великим деянием. Оттого, как и другие поэты такого склада, особенно пристрастен он был к жанру поэмы, самому подходящему для воплощения великих деяний.

Свою первую поэму «Медына» задумал Исаков в 1937 году, завершил он ее после войны. Война ему, прошедшему многие фронты: Кавказский, Южный, Третий Украинский, Волховский, Ленинградский, Третий Прибалтийский, писавший не раз о героизме земляков – ставропольцев, словно бы заново открыла историческое значение человека, не наделенного ни историческим именем, ни особой славой. Для него такие, как старый партизан гражданской войны Медына, – «былина живая». Продолжение этой былины он увидел в героях Великой Отечественной.

Пожалуй, самая значительная из поэм Андрея Исакова – «Ставропольская быль» (1947). Она посвящена излюбленной теме поэта – великому делу орошения ставропольских степей. Этой теме он посвятил и многие стихи, и сказку для детей «Былиночка».

Чтобы создать образ главного героя поэмы Ивана Матвейча Кондры, надо было хорошо знать душу крестьянина. Вот он перед нами, «рослый», «Узловатый», сорок лет поливающий землю крестьянским потом. Всем своим естественным он «понимал шуршащий тихий шепот».

Молодой пшеницы в дни налива
Бережно поглаживал рукою
Колосков колючую щетину.
И, бывало, просто, по-крестьянски,
Кондра поведет в селе беседу:
- Поле, братцы, все равно, что лошадь,
Холь его – и сразу залоснится.

Только поэт, познавший с детства крестьянский труд, может так естественно сравнить поле с лошадей, увидеть, как «губами берегов высоких пили воду жаждающие степи», подслушать, как «серебристый сын полей – ковыль» заводит «разговор с ветрами».

Не у изяшных муз просит поэт вдохновенья. Его он ждет от старого Кондры.
Дай мне руку, пахнущую ветром,
Дай мне руку в полевом загаре.
Проведи, мудрец, меня садами
К родникам живого вдохновенья Исаков чувствовал главное в этом герое
недавнего прошлого.

Рядом с экскаватором-громадой
Жилистый, сухой, неугомонный,
Будто соревнуясь с целым светом,
Ломом бьет сухую землю Кондра.
В зное дня и в грохоте моторов
Слышатся ему иные звуки,
Чудится желанный шелест влаги,
Радостные песни струй канала.

В поэме «Ставропольская быль» – живая история нашего края.

Незадолго до смерти Андрей Максимович написал свою последнюю поэму
«Сто мудрецов и чаша вина». Мне кажется, эта поэма была ярким свидетельством
тех возможностей поэтического дарования Исакова, которые, к великому
сожалению, почти не успели проявиться. Прежде всего, это, конечно, юмор,
так весело засверкавший в ученой беседе мудрецов о происхождении вина. И
как-то совсем незаметно веселая шутка оборачивается серьезной проблемой,
достаточно актуальной и при жизни Андрея Максимовича и сейчас.

О вине писали быль и небыль.

Это знают все, и знаю я:

Для кого, скажи мне, чашу неба

Наполняет по утрам заря?

На кого так пристально и строго

Юный месяц посмотрел в окно?

Почему из золотого рога

Только звездам можно пить вино?

Не води, Гаврилович, плечами, -

Не тяни, ко лбу, старик, ладонь.

От кого стальными обручами

Оковал ты мудрости огонь?

Перед правдой никогда не струшу,

И тебя ни в чем не обвиню:

Научи, как уберечь мне душу,

Прикасаясь к твоему огню?

Накопил ты опыта немало,

В труд немало доброты вложил,

Чтоб огонь твой, дремлющий в подвалах,

Только радость людям приносил.

Сама биография сроднила Исакова с народным творчеством. Следует говорить именно о родстве, а не влиянии. Оно во всем: в напевности стихов (многие из них превратились в песни), в размеренно-спокойной интонации, в ритме, в стиле, в образной системе. Традиционные для фольклора образы, поэтические приемы, стихотворные размеры не нужно искать. Открой любую страницу – вот они перед тобой, живая плоть стиха.

Повсюду разбросаны привычные для фольклора сравнения, эпитеты, метафоры. Казака поэт сравнивает с соколом, белых бандитов с черным вороном. Леса у него – темные, поля – широкие, косы – шелковые.

Часто встречаются в стихах повторение двух близких по значению слов: тоска-горе, завещанье-письмецо, друг-приятель, бархат-атлас, правда-быль, даль-дорога. То и дело возникают образы-параллели:

Распустилась вишенка,
Расцвела пушистая,
Нарядилась девица,
Душа ненаглядная.

И в только что приведенном отрывке о вине тоже спокойная, мудрая простота народного творчества. Чаша неба, зарей наполняемая по утрам; золотой рог месяца, источающий вино звездам; дремлющий в подвалах, окованный стальными обручами огонь вина, – здесь чувствуется, пожалуй, и что-то есенинское. Влияние этого поэта, как и многие другие пишущие о деревне, Исаков не избежал.

...При жизни Андрея Максимовича я не раз заходила к нему. Вот и недавно побывала в его доме... Передо мной пожелтевшие вырезки, письма, фотографии. Есть и свежие... Письмо из Якутии. Рабочие совхоза имени Эрилина Эрисмана просят Андрея Максимовича прислать его книги. Пишущие не знают, что Андрей Максимович умер, и обращаются к нему, как к живому.

Вижу и другую, недавнюю, вырезку. Из невинномысской газеты «Химик». Под портретом молодого человека, разительно напоминающего Андрея Максимовича, сообщение, что рабочий Александр Андреевич Исаков – победитель соцсоревнования в 1975 году; он почти вдвое перевыполнял свои сменные задания.

Магической силой обладает бумага, испещренная черными типографическими знаками. Мне начинает казаться, что вот-вот тихонько скрипнет дверь, и в комнату войдет сам Андрей Максимович, как всегда гостеприимно улыбающийся. Но дверь молчит...

Глаз легко охватывает все в этой скромной, просторной комнате. Нет, она вовсе не велика, эта квартира поэта – всего две небольшие комнаты. Просто в ней мало вещей, ничего лишнего. И в то же время мне казалось, что чего-то в ней не хватает. Глаз шарил по стенам, глаз искал то, к чему привык. Да, не хватало обилия книг. Никогда он не был книжником, не из книг черпал идеи образы для своих стихов, а из окружающей жизни. И когда я

думаю о том, что мог бы сделать этот талантливый человек, не исчерпавший себя в своем творчестве, я всегда вспоминаю эти стены, тоскующие по книжным полкам. Человек большой внутренней культуры, он все же не успел насытиться тем, без чего трудно быть современным поэтом.

...Главным в его поэзии было постоянное присутствие доброго, дружественного людям сердца. Незаметно подошла старость, в сердце поселилась тихая грусть. Вспомнилась старая яблоня.

Считай, полвека не встречались.

И вот ее я навестил.

Опалена грозой верхушка.

Стоит, чуть горбясь у плетня,

Стоит, как древняя старушка,

Под тень свою зовет меня.

На ветках хрупких

И замшелых

Плоды румяные висят.

Все также соком

Яблок спелых

Старушка балует ребят.

Шумит листвою

Перед восходом,

Дождинок ловит серебро.

Хотел бы я в такие же годы

Дарить друзьям моим добро.

Он жил и писал, как эта яблоня, – все, что делал, отдавал людям.

...Те изумительные светлые чувства

Жизнь человека, в общем-то, коротка. Не успеет он еще и молодостью как следует распорядиться, а уж старость в глаза ему заглядывает. Отвернется он от нее, а она с другого бока подошла. Большую надо иметь спокойность, чтобы не пасть духом от неожиданных ее ударов. Неожиданных, потому, что человек не успевает за свою короткую жизнь постареть, стареет ее облачка, а душа за отведенные судьбою годы только и успевает вступить в пору зрелости.

Карп Григорьевич Черный умеет не стареть. Силы для этого не черпает, очевидно, от окружающей молодежи. Вспоминается и не такое уж давнее, но уже успевшее стать прошлым, время – начало 60-х годов. Время интенсивного развития советской литературы, источником которого были причины общественного характера. Ими же объяснялось и оживление Ставропольской писательской организации. В нее тогда влились молодые силы. Хочется, и вспомнить и назвать несколько имен. Вадим Чернов, начавший свой путь литература стремительно, Игорь Романов, неистовый секретарь альманаха и т. д.

Многих утратит то, что степени не видно конца. Это будет потом. А тогда все верили в реальность своих надежд.

В центре этого бурления был Карп Григорьевич Черный. Старше других, образованней и мудрее, он, естественно, возглавил тогда краевое отделение Союза писателей.

Всегда поражало в нем умение радоваться появлению нового литературного дарования. У нее какое-то особое чутье на талант. Помню, прислал неизвестный автор в альманах «Ставрополье» рассказ «Три встречи», Карп Григорьевич сразу же заинтересовался автором, послал ему письмо, привлек к активному участию в альманахе. Так у нас в крае начал печататься Михаил Грешнов.

Сразу же дружески был встречен в альманахе тогда еще неизвестный Андрей Губин.

Нет, я вовсе не хочу в этом очерке передаваться идилическим воспоминаниям.

Недавно один уже немолодой литератор, не лишенный талант, но не избалованный удачами, в силу причин, о которых сейчас просто нет времени говорить, высказывал мне свои упреки и претензии, свои обиды. Обвинял он всех, кроме себя.

Всю жизнь отдавший служению обществу, он требует этого служения и от других. Оттого он и непримиримый враг лени. Он убежден, что талант обретает общественную жизнь, лишь неустанно трудясь. Эту убежденность он вынес, вероятно, детства.

Крестьянский сын, Карп Григорьевич привык в труде видеть источник всего сущего на земле. Своими глазами видел он, как революция изменила жизнь на Кубани. Ее совершили люди с огрубевшими от труда руками. О них он написал повесть «Бабы», которую опубликовал еще в Ростове, будучи студентом Краснодарского пединститута.

Вскоре после этого, в 1929 году, Черный был приглашен на съезд крестьянских писателей. «Более великолепного настроения невозможно было придумать. За плечи у меня была молодость и первая изданная книжка», – писал он о своем состоянии.

Там, на съезде, он увидел Горького. Встреча с великим писателем укрепила убежденность в состоянии литературного труда. Он увидел Горького таким, каким и мог увидеть любимого писателя человек, вышедший из трудовой среды.

В очерке «Живой Горький» Черный рассказал об этом сильнейшем впечатлении своей жизни. «Его речь сопровождалась часто повторяющимся жестом. Он поднимал сразу обе руки над головой, словно широкие крылья, и я чувствовал, как много несут в себе красоты эти сильные, не похожие ни на какие другие, руки. Руки, которые пекли хлеб, капали землю, сажали деревья». Из уст Горького Черный услышал о том, что его особенно волновало тогда, – о сложности литературного труда. Вершины мастерства казались недосыгаемо высокими... «Тогда, – Вспоминает Карп Григорьевич, – мне казалось, что писать можно только так, как писали Толстой, Горький...»

Долгие годы были отданы литературоведению и педагогической деятельности. Знакомая мне женщина, которые в тридцатые годы училась в пединституте, рассказала, что на лекции Черного бегали студенты других факультетов. Предметом его исследований становится Пушкин, о котором – многие его статьи. В душе, по-прежнему, жила мечта о самом непосредственном и откровенном общении с читателем, которое, как ему казалось, дает только проза.

Беликов Герман Алексеевич (род. 10 февраля 1933) – историк, старший научный сотрудник Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, член Союза писателей России, известный учёный-краевед, писатель, автор более двадцати книг, сотни статей в краевых газетах, посвященных географии и истории края. Почётный гражданин Ставрополя.

Герман Беликов родился в 1933 году в городе Ставрополе. Его род по отцу уходит корнями в середину XIX века. Предки Беликова поселились в Ставрополе на новом Форштадте. От них будущий краевед с раннего детства слушал рассказы о жизни и быте ставропольцев в старые времена. От отца, Алексея Максимовича, известного учителя истории, Герману досталось увлечение краеведением.

С детства Герман начал посещать краеведческий кружок. В 1952 году Беликов поступил в Ставропольский педагогический институт. За время учебы Беликов побывал во многих научных экспедициях, собирал документы и реликвии, выяснял подробности и обстоятельства исторических событий. Окончив вуз, Беликов в течение семнадцати лет руководил в Доме пионеров краеведческим кружком. Результатом его деятельности стали книги «Мои друзья и зеленый рюкзак», «Занимательное путешествие». Много лет Герман Алексеевич проработал доцентом Ставропольского государственного педагогического института.

Помимо книг краевед активно публикует свои статьи практически во всех ставропольских газетах. Значительной вехой в творчестве Беликова стала его книга «Дорога из минувшего». Не менее успешной оказалась летопись истории города «Ставрополь – врата Кавказа», выпущенная к 220-летию краевого центра.

Пользу родному городу Герман Алексеевич приносит не только своими научными изысканиями, но и педагогической и литературной деятельностью. Без его усилий сегодняшний облик Ставрополя был бы гораздо беднее архитектурными и историческими памятниками. По его инициативе были воссозданы Тифлисские ворота – вековой символ города-крепости, установлен бюст генерала Ермолова, памятник Никифораки, предотвращён сноса ряда исторических зданий.

В Ставропольском государственном архиве создан именной научный фонд Г.А. Беликова, включающий в себя более тысячи уникальных документов. В Ставропольском государственном музее-заповеднике создаётся ещё один научный фонд, в который Герман Алексеевич передал сотни бесценных для краеведения экспонатов.

* * *

Помнят улицы твои

Многое «помнят» улицы Ставрополя: пронёсшиеся здесь события и имена сыновей России, оставивших свои следы на их брусчатке. Вслед за Лермонтовым мы называем имена других русских поэтов и писателей, на жизненном пути которых стоял Ставрополь. И первыми среди них назовём Грибоедова и Пушкина. Они бывали в Ставрополе. Пушкин здесь бывал неоднократно.

Со Ставрополем связано и имя Льва Сергеевича Пушкина, родного брата поэта.

По улицам Ставрополя любил бродить опальный Александр Бестужев.

Как правило, все писатели и поэты попадали в ссылку в Ставрополь, но им он запоминался своей красотой.

В начале марта 1839 года в Ставрополь прибыл близкий к декабристам В.И. Соколовский, он был известен среди передовой прогрессивной молодёжи России.

Ставрополь хранит память и о великом русском писателе Льве Николаевиче Толстом. В Ставрополе он оказался в конце своего пребывания на Кавказе -22 января 1854 года. Тогда он был уже достаточно известен. В память о пребывании Толстого в Ставрополе бывшая Театральная улица в конце века была названа его именем.

Улицы Ставрополя помнят таких знаменитых людей, как: Коста Хетагуров -знаменитый осетинский поэт, Илья Дмитриевич Сургучёв – ставропольский писатель, Ширяев также наш земляк, Оболенский, Леонид Соловьёв...

Любители изящных искусств

В разное время в Ставрополе останавливались известные музыканты, композиторы и дирижёры, сыгравшие немаловажную роль в развитии музыкальной культуры города.

В середине 1816 года в Ставрополе несколько дней провёл поручик А. А. Алябьев. Здесь он написал «Черкесскую песню». В Пятигорске написал романс «Тайна». В Ставрополе Алябьева посетил Михаил Глинка в 1823 году. Под впечатлением пребывания на Кавказе он работал над увертюрами и первой своей симфонией.

В 1826 году в Ставрополь прибыл известный русский композитор, дирижёр и пианист М.А. Балакирев, возглавлявший так называемую «Могучую кучку». Здесь он начал работу над первой частью концерта для фортепиано с оркестром.

К 200-летию Ставрополя Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия» выпустила диск, посвящённый городу, музыку для которого написали Н. Зинченко, Н. Конев, Д. Генделев, А. Злобин, а стихи – ставропольские поэты – В. Ащеулов, Г. Фатеев и другие. 2 октября 1986 года в Ставрополе состоялось торжественное открытие отделения союза композиторов России.

В 1989 году в Ставропольском книжном издательстве вышла знаменитая книга Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Вслед за ней планировалось – еще

до выхода «Архипелага ГУЛАГ» в «Новом мире» – издание книги Александра Солженицына «Август 14-го». И это в то время, когда партийно-советское чиновничество крепко держало в руках поводки писательских упряжек!

Разразился скандал. «Возмутитель спокойствия», заместитель главного редактора книжного издательства Евгений Панаско, потерял работу.

Изгнанный, но не сломленный журналист пишет Александру Солженицыну полное горькой иронии письмо, которое до адресата не доходит.

Много лет спустя мне в руки попала копия того послания. Думается, что история, рассказанная опальным журналистом, актуальна и сегодня – как документ нашего недалекого прошлого, когда подавлялась всякая неугодная власти творческая инициатива. И как память об одном из порядочных и талантливых наших земляков, Евгении Викторовиче Панаско.

Как в правде жить...

Первым учебным заведением в Ставрополе было приходское училище, открытое в 1804 году. Учителем здесь был некто Полянский, получивший из общественной казны «жалованье 50 рублей в год с правом дополнительно взимать с учеников взносы». Затем, с 1811 года, его сменил отставной вахтер Свирид Извозчиков.

В 1811 году открывается уездное училище с учителем И. С. Горским, которого через 5 лет сменил П. Е. Чернявский. «Петр Чернявский, – сообщают документы, – приобрел себе крайнее уважение и доверие граждан, воспитывая ежегодно, при всей малограмотности населения города и великих предрассудков жителей его, до 100 учеников в год».

Уездное училище располагалось в старом двухэтажном доме (у первого базара), подаренном городу купцом Курепиным, где в нижнем этаже находились...пожарные лошади. «Во время сырой погоды и ветра, – жаловался в думу Чернявский, – ученики в классе едва в состоянии выносить тяжелый воздух». Лошадей вскоре убрали, зато поместили арестантов, подобранных на базаре, «которые своей руганью весьма часто возмущали учебный процесс».

На недавно обнаруженном плане Ставрополя за 1815 год дом купца Курепина отмечен на месте сегодняшнего «Пассажа» со стороны бывшей Большой Черкасской. Вскоре дом этот из-за ветхости ломают, а училище перебирается в дом майора Похваснева, находившийся в стенах Ставропольской крепости: «...о пяти комнатах, двух кладовых, флигеле и др.». Но уже в 1836 году училище вновь меняет свой адрес, обосновавшись в огромном трехэтажном доме интендантского комиссионера Серова на Большой Черкасской улице. Через год уездное училище было преобразовано в первую на Северном Кавказе мужскую гимназию.

Устройство на Северном Кавказе первой мужской гимназии связано с именем Николая I, который говорил: «Люби и распространяй просвещение, ибо оно сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просве-

щения – есть народ без достоинства». Кстати, это были не только слова. В период царствования императора в Москве и Петербурге были открыты Технологический институт, Горный институт, университет Св. Владимира, в Киеве – Лесной институт, а также институт Гражданской инженерии в Москве, Межевой институт, училище Технического рисования, Военная Академия, десятки гимназий во всех губерниях центральной России.

На торжествах открытия мужской гимназии, первой на Северном Кавказе, присутствовал император Николай I со свитой, прибывшие сюда из Тифлиса по пути в столицу. Здесь же были командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал – лейтенант А. А. Вельяминов, граф Орлов, барон Розен, гражданский губернатор Ольшевский. Кстати, в это же время в Ставрополе находился М. Ю. Лермонтов со своими друзьями – декабристами и, вполне возможно, что они были свидетелями открытия этого среднего учебного центра.

В книге М. Краснова «Просветители Кавказа», изданной в Ставрополе в 1913 году, сообщаются подробности открытия гимназии: «18 октября 1837 года в одиннадцать часов началось торжество, на котором присутствовал сам император Николай I. Государя вместе со свитой встретил у парадного крыльца исполняющий обязанности директора М. Ф. Беляев. В его сопровождении Николай I отправился обозревать помещение. Поднимаясь по лестнице, он поинтересовался численностью учащихся гимназии и в области. «Всего учащихся 483. В гимназии налицо 53, не прибывших из городов 12, имеется в виду более 20 человек », – последовал незамедлительный ответ. «На первый раз достаточно», резюмировал император...

Гости вошли в класс.

– Здравствуйте, дети! – произнес государь.

– Здравия желаем Вашему императорскому величеству.

– Поздравляю вас, дети, с открытием гимназии, – сказал Николай I, осмотрев учащихся.

– Покорнейше благодарим, Ваше императорское величество.

– Желаю, чтобы плоды занятий вы употребили с пользою и сделались достойными чиновниками!

– Будем стараться!

Взглянув на детей и заметив слезы на глазах большей части из них, царь тихо произнес: «Jolisenfants» – «Милые детки».

Затем Николай Павлович осмотрел классы, библиотеку, книжный магазин, где было отмечено недостаточное количество литературы, пансион для учащихся. Его величество одобрил расположение комнат общежития, но повелел не спешить с открытием гимназии, а принять меры к окончанию ремонтных работ.

В целом Николай I выразил удовлетворение состоянием гимназии. После этого гости покинули здание.

Таким образом, в городе Ставрополе состоялось открытие Кавказской областной гимназии». (Сегодня в здании, занимаемом гимназией по проспекту К. Маркса, на пересечении с ул. К. Хетагурова находятся магазин и Бюро по трудоустройству.)

Арендванный дом, обходившийся городу в 8 тыс. годовых, был мало приспособлен под гимназию. Кстати, первый директор гимназии М. Беляев «за дорогостоящий контракт получил выговор и умер от нервной горячки». Новый командующий войсками Кавказской линии тогда же докладывал в Петербург: «Необходимо приобрести для гимназии и пансиона собственный дом. Помещение их в доме наемном сопряжено с большими трудностями».

10 лет спустя Ставропольская мужская гимназия переехала в новое здание, возведенное в 1847 году купцом Никитой Плотниковым по проекту известного ставропольского архитектора Ткаченко. Дом был в два этажа с мезонином, занимая угол Большой Черкасской, позже переименованной в Николаевский проспект, и улицы Варваринской, сегодня – Р. Люксембург. Плотников сдавал этот дом под гимназию с пансионом сроком на 20 лет по 4 тыс. рублей серебром в год.

Жизнь и смерть генерала Мачканина

О жизни и смерти генерала Мачканина нужно сказать подробно, ибо он не только заслуживает этого, но и то, что произошло с ним, поможет лучше понять то страшное, что несла с собой советская власть.

... Как сообщают архивные документы, в марте 1838 года в Троицком соборе Ставрополя был крещен нареченный Павлом первенец полковника Русской армии Александра Мачканина.

Прекрасное домашнее воспитание и обучение в Ставропольской мужской гимназии прервалось для юного Павла Мачканина самым неожиданным образом. И дело было не только в отцовской библиотеке, где наряду с французскими романами и западными энциклопедическими изданиями имела прекрасную подборку книг по Кавказской войне, в том числе с произведениями Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского, которыми зачитывался подросток.

Сама жизнь губернского Ставрополя с военными парадами, где блистали формой и выправкой «кавказцы», с не менее захватывающими конными скачками на прилегающей к их дому Александровской площади (сегодня пл. Ленина), встречами и проходами именитых военачальников с обязательными гуляньями и фейерверками в Вельяминовской и Воронцовской рощах, торжественными молебнами в многочисленных соборах города по случаю побед русского оружия. Вся эта пьянящая военной романтикой атмосфера и привела к тому, что, не закончив гимназического курса, Павел Мачканин бежал в Чечню с проходящей через Ставрополь воинской частью и в 16 лет был произведен в унтер-офицеры знаменитого Новонганского полка. Затем

уже в чине прапорщика в составе 73-го пехотного Крымского Его Императорского Величества полка участвовал в разгроме мюридов в урочище Гуниб и пленении имама Шамиля. Тогда же мундир подпоручика украсил орден Св. Анны с надписью «За храбрость».

В послужном списке Павла Александровича Мачканина после сражений в Чечне и Дагестане, начиная с 1877 года, значатся схватки с турками у Капаруси и Кадора, взятие Сухума и Ардагана, кровопролитные бои на Очемчирской линии, у Моквы, Маркульки, Ольгы, Хуцибали, Илоры, преодоление укреплений Поджарского перевала и выход к крепости Карс. В дореволюционном журнале «Военный вестник» рассказывается о раненном в обе ноги подполковнике Мачканине, который, сидя на полковом барабане, руководил своим батальоном в составе русских войск, штурмовавшим неприступный Карс. За тот подвиг он был награжден именной саблей с надписью «За храбрость».

К окончанию Кавказской войны полковник 76-го пехотного Кубанского казачьего полка Павел Александрович Мачканин имел 48 боевых наград, в том числе и на двух Георгиевско-Александровских лентах. За участие в военной экспедиции в Туркестан был награжден усыпанным бриллиантами орденом эмира Бухарского. Имел и Серебряный крест за распространение христианства на Кавказе.

С окончанием Кавказской войны Мачканин наконец вернулся в родной Ставрополь, в старый отцовский дом с мезонином на Семинарской улице (ул. Пушкина, 5). Здесь, в Ставрополе, его назначают командиром 1-го резервного батальона, затем начальником Ставропольского гарнизона и, наконец, начальником Ставропольского военного госпиталя. Здесь он получил еще одну награду – Международный Красный Крест – в полфунта весом золотой крест, покрытый красной эмалью.

В соборе Св. Андрея Первозванного Павел Александрович обвенчался с Марией Иакимовной, дочерью героя Кавказской войны полковника Худобашева. Своих детей Николая, Михаила, Софью и Нину генерал-майор в отставке Мачканин и его супруга воспитывали в традиционном для русской интеллигенции духе – трудолюбии, умеренности в потребностях, нравственной строгости и христианской морали и добродетели. К окончанию обучения в гимназиях дети Мачканина, в совершенстве владея русским, французским и английским, а также латинским и древнегреческим языками, могли в подлинниках читать шедевры мировой литературы из огромной дедовской библиотеки.

Особую роль в жизни семьи Мачканиных сыграл ставропольский композитор, дирижер и хормейстер Василий Дмитриевич Бенеvский. Дело в том, что Павел Александрович в приданое своим дочерям приобрел соседний одноэтажный кирпичный дом, который надолго предоставил семье Бенеvских. В этом доме и родилась затем известная всей России песня «Плещут холодные воды», или «Варяг», которую впервые исполнил импровизированный хор детей Бенеvских и Мачканиных. В дальнейшем дочери генерала за-

кончили в Петербурге Николаевский институт благородных девиц. Старшая Нина затем стала известной оперной певицей, а младшая Софья – профессиональной пианисткой. Сын Николай учился в Москве у Комиссаржевской, стал театральным режиссером. И лишь младший Михаил продолжил семейную традицию, закончив Петербургское артиллерийское Михайловское училище, мундир которого в годы Первой мировой войны украсили многие ордена России, в том числе орден Св. Георгия 4-й степени.

Павел Александрович на склоне лет лишь внешне в мундире еще напоминал «кавказца». Тихий и добрый, он все время возился в своем саду и палисаднике с цветами, где у него росло до 60 сортов роз. Являясь предводителем ставропольского дворянства, почетным мировым судьей, председателем ряда благотворительных обществ, за исключительную честность, справедливость, внимание к нуждам простых людей он завоевал всеобщую любовь и признательность горожан.

Летом все дети Мачканиных слетались в отчий дом. Это было типичное для российской интеллигенции семейное гнездо, где понятия чести и долга при всех превратностях судьбы были священными, где добродетель считалась естественным проявлением духовности, как и религиозные чувства, а труд для своего народа и Отечества – наиглавнейшим назначением жизни...

Между тем привычный ритм жизни семьи Мачканиных, как и миллионов других граждан России, нарушил октябрьский переворот. Дети Мачканиных вновь приехали в Ставрополь, предчувствуя надвигающийся шквал, в огне которого уже сгорел любимец отца – сын Михаил. Близкие и друзья старого генерала предлагали ему покинуть город.

- Почему? Что я сделал плохого своей Родине? – искренне удивлялся тот. И не знал вчерашний «кавказец», что уже мчался со товарищи из Леницкого Медвеженского уезда в губернский центр бывший унтер-офицер, а теперь новоиспеченный волостной военный комиссар Дмитрий Спиридонович Ашихин, вскоре ставший начальником Ставропольского гарнизона и «по совместительству» – главным палачом ЧК. Здесь его уже ждали с распростертыми объятиями матрос Игнатъев со свирепой наружностью Малюты Скуратова, такой же садист Якшин и некто Промовендов – «сомнительный революционер с уголовным прошлым», как характеризовал его внук Германа Лопатина Павел.

«Когда матросы пришли арестовывать дедушку, – писала автору этого материала из Новосибирска внучка Павла Александровича Мария Васильевна Мухай, – дома были мама и дядя Коля, который в это время жил в Ставрополе, оставив сцену Москвы из-за грудной жабы. Работал он каким-то мелким служащим в банке. Мама говорила, что дома дедушку не били, хотя словесно издевались. Ордена его хранились в стеклянных коробках, он завещал их, а также свое именное оружие ставропольскому музею. Это знали и дети, и все близкие друзья. И вот на его глазах и на глазах детей ворвавшиеся

стали разбивать все коробки и вытряхивать «побрякушки», как они их называли. А именную саблю, которой дедушка был награжден за храбрость, сломали на его глазах... Мама говорила, что она видела дедушку плачущим два раза в жизни: когда умерла бабушка и когда сломали его саблю...

Потом его увели. Мама с дядей Колей бегали везде, хлопотали о его освобождении, говорили, что ему 79 лет. Мама вспоминала, что многие, с кем приходилось говорить, смущенно отводили глаза. Дедушка к тому времени уже был замучен. Через несколько дней кто-то прибежал и сказал, что Павел Александрович и еще четыре старых генерала лежат у Холодного родника. Мама с дядей Колей побежали туда. К тому времени весть о преступлении уже разнеслась. Кто-то с Форштадта пригнал телегу, дедушку на нее уложили и привезли домой. Собралась огромная толпа, люди шли за подводой и кричали: «Где же ваша правда, если вы старика Мачканина убили?!»

Он был зверски замучен. Из кожи были вырезаны погоны, лампасы, несколько штыковых ран в груди и отрублена голова, которая чуть держалась на коже. Но мама говорила, что лицо было спокойное. Когда дедушку привезли домой, маме запретили его хоронить, так как боялись народного бунта. Мама бегала по всем инстанциям, и когда была у Промовендова, ей пришла мысль просить разрешения похоронить дедушку в саду. Он ей сказал: «Черт с тобой, хорони». И кинул ей бумажку с разрешением. Вот почему дедушка был похоронен в саду, а не на кладбище. Хлопотала обо всем мама, так как дядя Коля уже не было. Когда привезли дедушку, положили на стол, дядя Коля стал пришивать ему голову. Но в это время пришли его арестовывать. Мама очень плакала, говорила, что уже одна жертва в доме есть, зачем же еще? Тогда тот, что пришел за дядей, сказал маме: «Вот у тебя висят иконы. Твоим Богом обещаю привести его назад».

Дядя домой не вернулся. Через несколько дней маме сказали, что Николай Павлович лежит убитый в Кругленьком лесу. А дело было так. Его допросили, и тот человек, который за ним приходил, уже стал выводить его со двора. В это время в ворота въезжал Ашихин. Он спросил: «Кто это?». Ему ответили: «Сын генерала Мачканина». Он выгащил револьвер и трижды в упор выстрелил ему в грудь.

Ашихин был истинным садистом. С малых лет я у Бенеvских слышала, как он гасил папиросы о глаза людей, издевался над ними и лишь потом убивал... В подвалах байгеровской аптеки были обнаружены трупы женщин и стариков, которых просто заморили голодом.

Кто именно мучил дедушку, мама не знала. Ордер на арест и казнь подписала «красная девочка» Вальяно – так говорила мама. После всех пережитых ужасов у мамы началась горячка...» (Из письма внучки Мачканина автору книги).

То, что генерала Мачканина не позволили похоронить на кладбище, было не случайно. Обычно трупы загубленных людей выбрасывали на свалку или

в окрестные леса. Когда сестра полковника Пеньковского просила разрешения у Коппе похоронить тело брата, он страшно кричал на нее, топал ногами и грозил расстрелять.

«...Самое тяжелое и мучительное, что особенно охотно позволяли себе красноармейцы – это без всяких причин, без всяких поводов в семьях, которые никакого отношения к контрреволюции не имели и не могли иметь, они не позволяли хоронить покойников, – писал И.Д.Сургучев.

Стояла жара, июнь месяц, мертвец быстро разлагался, заражал дом нестерпимым запахом гниения. Люди не могли оставаться в комнате рядом с ним, священники отказывались служить панихиды, а ежедневно, утром и вечером, являлся красноармейский нарочный, проверял через окно, на столе ли труп, и насмешливо спрашивал:

- Ну, как они, дела-то?

И только тогда, когда люди, рыдая и целуя пыльные сапоги комиссаров, уже не просили, а молили о разрешении предать труп земле, только тогда это разрешение пренебрежительно давалось, причем позволяли хоронить только ранним утром, когда еще не взошло солнце. Погребальная церемония обставлялась так. Приходили солдаты и командовали:

- Ну, черт с вами, с буржуазами... Хороните вашу падаль.

И когда четыре человека выносили на полотенцах покойника, им вслед командовали:

- Стой! Смирно!

Люди ожидали команды, как удара бича, останавливались.

- Ну? – гремел дальше командир, выждав соответствующую паузу:

- Ать, два-а... три! Процессия послушно трогалась.

- Рысью лети, чертовы куклы, а то назад вернем, – раздавалось дальнейшее повеление.

И обезумевшие от страха люди, падая от усталости, обливаясь слезами от неслыханных оскорблений и мук, бегом волокли покойника.

А сзади, крепко, обеими руками зажимая рты, чтобы не вырвались из них страшные накопившиеся проклятия, бежали за гробом родственники и близкие люди.

За ними, корчась от смеха и, как над лошадьми, пощелкивая плетью, попевали комиссаровы понятия»...

Трагедия семьи Мачканиных не кончилась с убийством генерала и его сына. Внучка Павла Александровича Мария Мачканина в своем письме рассказала, что было дальше: «...Уехали мы с мамой из своего ставропольского дома в начале 30-х годов в Москву к тете Нине. А через несколько дней после нашего приезда тетя Нина была арестована. Началась первая волна арестов «врагов народа». До сих пор помню запах Бутырки, где мы с мамой стояли целыми днями, чтобы сделать передачу тете Нине. Затем ее, оперную певицу, сослали на лесоповал в Архангельскую область. Вернулась она в 37-м году с кро-

вохарканьем и через месяц умерла. Протокольное постановление для ареста и последующей ссылки было таким: «Виновность не доказана, но не исключается возможность контрреволюции ввиду происхождения».

Мы с мамой перебрались в Ленинград, но перед войной из-за моего плохого здоровья родители отправили меня на лето в Ставрополь, на родину. Началась война, и я надолго застряла у тети. Весной 42-го я ходила с мокрыми ногами, после чего заболела крупозным воспалением легких. Будучи при смерти, попала в больницу. Нужно было усиленное питание, а где его тогда было взять? И вот однажды заходит санитарка и спрашивает: «Кто здесь внучка Мачканина?». Я была очень удивлена, но сказала, что я. Она начала выкладывать на тумбочку сметану, яйца, масло, молоко, какие-то булочки... Я спрашиваю: «От кого?» – «Просили сказать, что с Форштадта», – ответила медсестра. Чуть ли не каждый день мне поступали передачи, питалась которыми вся палата. Но, как я ни пыталась узнать, кто именно носит передачи, мне это сделать не удалось. Сестры говорили, что это были все разные люди, которым когда-то помог мой дедушка... »

Заканчивая повествование о жизни и смерти генерала Мачканина, добавлю: в конце августа 1918 года, после изгнания большевиков из Ставрополя, в старые казармы Крымского переулка (прозванного в честь Крымского пехотного полка, где служил генерал Мачканин – Г. Б.) вернулся знаменитый Самурский полк. А уже 2 сентября тело генерала Мачканина было переложено в усыпанный цветами гроб и на орудийном лафете траурная процессия из «самурцев», представителей других соединений Добровольческой армии, общественности и жителей города, под звуки скорбных маршей трех оркестров, проследовала к Успенскому кладбищу. И там старому русскому генералу после отпевания в церкви Св. Успения были оказаны последние воинские почести.

И последнее. На месте предполагаемого захоронения генерала Мачканина, разрушенного большевиками, рядом с возрожденным надмогильным памятником первому атаману Терского казачьего войска – генералу Х. Е. Попандопуло, в 2008 году общественностью города был установлен скромный обелиск.

Палачи

Долгое время в Ставрополе именем Ашихина величалась площадь, где сегодня разместился студенческий городок медицинского колледжа, технологического техникума и колледжа связи. Площадь застроили, почему и исчезло ее наименование. А небольшая улочка с тем же именем Ашихина осталась. И мало кто из горожан знает, что названа она в честь садиста и палача, возведенного советскими историками в ранг борца за народное счастье.

«Что ж они, эти люди, шедшие под знаменем социализма, кричавшие о братских, пролетарских лозунгах, что же они делали, эти люди? – вопрошал Илья Дмитриевич Сургучев. – Вот главный их работник, мастер, вдохновен-

ный маэстро, товарищ «социалист», приносящий на землю, как золото, ладан и смирену, братство, свободу и равенство. Фамилия его Ашихин.

... Перед ним ставили живого, молодого, совершенно голого человека. Сначала Ашихин долго глазом знатока смотрел на него, словно примерялся, и соображал:

- Много ли с этим будет возни? Каким инструментом лучше отработать его? И с какого места начать? И потом, словно для пробы, брал одну из лежащих перед ним сабель, взвешивал ее в руке, ловчился, прищулив левый глаз, и сразу мгновенным ударом отсекал человеку ухо. Потом тем же приемом отсекал ему руку. Человек падал на землю. Стон, кровь, проклятия, мольбы убить сразу не действовали на Ашихина...»

«Его революционная карьера имеет громадный диапазон, – писал об Ашихине современник Тимофей Ольбинет. – До октябрьского переворота – каторжник, амнистированный правительством Керенского. В советские дни – начальник Ставропольского гарнизона, вождь карательного отряда, правая рука диктатора Коппе, специально выписавшего его из села Летницкого Медвеженского уезда.

В наружности Ашихина – ничего зверского. С виду типичный крестьянин. Обыкновенное русское лицо, рыжеватые волосы, жестко торчащие на маленьком подбородке и немного выпяченной верхней губе. Уклончивый взгляд серо-голубых выцветших глаз. Когда смеялся, а это случалось редко, были видны желтые, неправильной формы, прокуренные табаком зубы.

Только в руках его было что-то страшное. Длинная мягкая кисть, как будто немного припухшая, очень подвижный большой палец почти без ногтя, остальные пальцы одинаковой длины, слегка согнутые. Этими руками удобно было впиваться в человеческое горло... Но недурно управлялись они с эфесом шашки, рубившей головы и тела.

Ашихин был скромен. Он не щеголял своей властью, как это делали молодые красноармейцы, ухарски разгуливавшие по городу, вооруженные с головы до ног. Ашихин был человеком дела. Кровавого дела. По целым часам без отдыха работал в своем коридорчике-застенке во дворе юнкерского училища.

Кто видел Ашихина во время «работы», удивлялся его спокойствию и молчаливости. Это не то, что юнец Коваленко, который, рубя головы, страшно ругался, приговаривая за каждым ударом: – Раз!.. Два!.. Три!.. Получай, сукин сын!..

Ашихин же молчал. Только лицо кривилось гримасой сладострастия, когда страшные пальцы выковыривали перочинным ножичком «кадетские» глаза, по кусочкам отрезывая уши, носы, выскабливали десны.

Местом казней команды Ашихина более чем из 40 человек был Юнкерский сад со старыми постройками, ранее Вельяминовский сад при доме командующего (сегодня – стадион «Динамо» – Г.Б.). Там работали «заплечных дел мастера». На стволах деревьев сохранились следы шашечных ударов, кровь, прилипшие волосы. Некоторых из жертв, прежде чем рубить, привя-

зывали к деревьям. В углу юнкерского сада в сыром узком коридоре, образованном двумя стенами, помещалась мастерская главного палача Ашихина, стены которой забрызганы кровью и мозгами казненных. Над коридором – несколько перекладин, на которых подвешивали казнимых для пыток.

Двадцатилетний палач Коваленко в короткий промежуток отдыха от пыток, на глазах у ожидающей очереди смертников, беззаботно ел черешни и курил папиросы, пачкая их окровавленными чужою кровью пальцами.

Среди палачей были зеленые юнцы, некоторые не достигшие двадцати лет.

Орудием казни служила главным образом шашка. В дни убийств хорошо заработали точильщики, точившие шашки, затупившиеся в кровавой работе.

Промовендов, часто присутствовавший при казнях, иногда для разнообразия прибегал к револьверу, чтобы покончить с тем или другим «кадетом». Ашихин, помимо рубки, любил также вешать... Большинство жертв умирало спокойно, в том оцепенении, которое часто наступает перед неминуемой смертью.

Геройски держался перед казнью генерал Росляков. Выпрямившись, со скрещенными руками он, не падая, выдержал несколько шашечных ударов...

Здесь же, во дворе, в старой башне, где теперь помещается прачечная Добровольческой армии и починочная мастерская (здание не сохранилось – Г.Б.), содержалась часть арестованных, ожидавших своей участи.

На стене одной из камер до сих пор сохранилась карандашная надпись, сделанная одним из приговоренных к смерти. Жуткие отрывистые строчки: «22 июня. Арестован. Жду, что будет. 23 июня. Сижу. Благополучно. Поручик Гилеев. 24 то же. 25 жив».

А внизу под датой 27 июня другим почерком, безграмотной рукой когонибудь из палачей нацарапано многозначительное слово – смерть! Только один выход был из башни: в «мастерскую» Ашихина...

Тела казненных или бросали во дворе, или увозили за город. Трупы пяти казненных долго валялись у Холодного родника...»

Между тем из Ставрополя красный террор перекинулся в уезды губернии, в том числе на территорию проживания калмыков, владевших тысячными головами крупного рогатого скота, огромными отарами овец, табунами лошадей.

«Из города террор перекинулся на уездную территорию, – писал прокурор В. М. Краснов. – Производившееся позднее обследование показало, что калмыцкая территория Больше-Дербетовского улуса, село Безопасное, Петровское и станция Карамык Прикумской железной дороги были очагами наиболее жестокого проявления его...

В одном из родов, осквернив храм, уничтожив и залив нечистотами изображения Будды, изображение на шелку Бурханов, священные книги и другие предметы культа, с таким трудом добываемые калмыками из Тибета, предводимая большевиками толпа, узнав, что в ограде храма покоится чтимый буддистами прах ламы, извлекли из могилы останки, разрубив и раздробив их, выбросили кости на дорогу, в могилу же зарыли зарубленную свинью.

А потом предъявили к женщинам натуральную повинность, причем некоторым несчастным после изнасилования были вырезаны половые органы...

Внешне уцелел наиболее богатый хурул (храм – Г.Б.) второго Багауктунова рода, величественно возвышающийся своей причудливой буддийской архитектурой над Приманычскими степями. Но внутри храм, представляющий, в сущности, усыпальницу богатого когда-то подбора изваянных ревоплощений Будды и шелковых полотеникон, был изуродован разрывными выстрелами, прикладами, сабельными и штыковыми ударами. Здесь же среди груд разбитого стекла валялись изрубленные церковные барабаны, маски, трубы и богослужебные книги, перемешанные с конским навозом. В такой же мере пострадали школы, читальни и общественные здания. В них уничтожалась не только обстановка, книги и пособия, но и сносились потолки, выламывались полы, оконные и дверные проветры.

Имущество частных жилищ безжалостно уничтожалось. Гурты красного калмыцкого скота, косяки лошадей, отары овец или сводились с территорий улуса, или уничтожались совершенно зря, без всякой нужды в этом.

Но самую кровотокающую рану нанесло большевистское владычество калмыцкому народу, надругавшись над женщинами, квалифицированно жестоко казня духовных лиц, избивая население, уродуя подростков. Ко мне приводили детишек с отрезанными ушами и испорченным на всю жизнь слухом и зрением. Многие женщины после произведенных над ними насилий утратили возможность материнства, а некоторые из них остались калекками после произведенной над ними чудовищной операции...

Не меньше, если не больше количества жертв, чем в Ставрополе было зафиксировано в селе Безопасном. Там правил суд и творил расправу «товарищ» Трунов, впоследствии командир отряда Красной армии. Избрав своим застенком сельскую тюрьму с. Терновского, Трунов вызывал в коридор приводимых из окрестных сел арестованных и беседа его с арестованными сводилась к одной и той же стереотипной фразе:

- Покажь руку! Раздеть!

(Если рука человека была без мозолей, его ждала казнь – Г.Б.)

С узника срывали одежду, толкали к выходу. Там подхватывали на штыки и выбрасывали тело в ямы, сохранивших название «чумного база» после чумной эпидемии на рогатом скоте.

В селе Петровском, свалив зарубленные жертвы с крутого берега Калауса, красноармейцы тешились, насилуя учениц находящейся в Петровском женской прогимназии, истязая при этом их.

В селе Безопасном погиб мученической смертью священник, пользовавшийся особым уважением крестьян... Это не помешало потом им же схватить священника, возить его по селу на подводе, полной упившимися парнями и бабами, и под звуки гармошки оповещать прохожих, что сейчас «по бате некому будет служить панихиду». Наутро труп священника был найден его семьей среди других многочисленных жертв.

Вдова местного дьякона, заливаясь слезами, рассказывала мне, как на глазах детей ее насильовали по очереди красноармейские стражники, набивая ей рот, глаза и уши конским навозом.

Обследованием установлен исключительно большой процент жертв, павших на православных священнослужителей и лиц духовного звания. Почти каждое село насчитывало такие жертвы. Исключительный по своей жестокости эпизод произошел на станции Карамык, где были сосредоточены и долго томились от жары, голода и жажды в раскаленных зноем железнодорожных пакгаузах жертвы, свезенные из окружающих сел. Вытащив находившегося там престарелого священника, красноармейцы долго волокли его за волосы по шпалам к месту расстрела заключенных. Когда же священник, благословив приговоренных к казни, застыл в молитвенном экстазе и некоторое время стоял и после сделанного по жертвам выстрела, один из красноармейцев с испуганной бранью сорвал с него одежду и, надругавшись над старцем как мужчиной, рассек священнику череп сабельным ударом...»

В станице хоперских казаков Суворовской, бывшей Карантинной, в 1902 году на месте старой деревянной церкви во имя св. иконы Казанской Божией Матери, некогда стоявшей в Ставрополе, был возведен пятикупольный каменный храм размерами чуть ли храма Христа Спасителя в Москве. В 1918 году станица подверглась разгрому красноармейцами, которые попутно изрубили и изгадили внутреннее убранство храма, сам собор разрушили позже, а на его место поставили памятник новому пролетарскому богу – Ленину, а затем, отправляясь на разбой в казачью станицу Боргустанскую, захватили с собой и священника храма.

При этом батюшку привязали к стволу пушки и непрерывно палили из нее «для устрашения казачья». Обожженного раскаленным стволом орудия, потерявшего слух от оружейного грохота, настоятеля храма все же вернули в родную станицу, где он от перенесенных издевательств вскоре умер. Все это рассказали старожилы села и местные краеведы в газете «Кавказский край» № 28 от 18 июля 1998 г.

А вот еще эпизод, произошедший в станице Сенгилеевской под Ставрополем. Туда с отрядом красногвардейцев был направлен 40-летний командир Федор Иванович Озерецковский. Сразу после установления в Ставрополе советской власти он некоторое время являлся его комендантом. На его счету было немало пущенных в расход офицеров, в том числе полковник Новроцкий, подпоручики Гаврилко и Гельвиц. Прибыв в станицу Сенгилеевскую, красноармейцы и матросы схватили скрывавшихся здесь двух офицеров – Рыльева и Ямцева и без суда тут же зарубили. Затем начали «чистить» казачьи дворы, благо там были одни бабы да старики. Не обошли стороной и местную церковь, куда загнали коров, принарядив их в парчовые ризы. Затем начали «венчать» старого священника с лошадью комиссара Озерецковского – водя их по храму и пьяными голосами «Исайя ликуй» со-

трясая его своды. Притащили ведро с водой и заставили священника пить из него воду вместе с лошастью... Накуражившись и нагнав на людей страх, отправились в Ставрополь продолжать революционные «преобразования».

В соседней Терской области творились не менее кровавые расправы над невинными людьми. Так, только в Пятигорске большевиками было зарублено более 100 заложников – самых уважаемых людей России.

Об этом преступлении писал И. Деникин в своей книге «Вооруженные силы России»:

«...В одном белье, со связанными руками повели заложников на городское кладбище, где была приготовлена большая яма... Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шею. Вслед за этим наносились удары шашками... Каждого заложника ударяли раз по пяти, а то и больше. Некоторые стонали, но большинство умирало молча. Только один матрос рубил умело, и обреченные просили его, чтобы он, а не кто-нибудь иной нанес им смертельный удар. Всю эту партию красноармейцы свалили в яму. Наутро могильщики засыпали могилы. Вокруг стояли лужи крови. Из свежей, едва присыпанной могилы слышались тихие стоны заживо погребенных людей. Эти стоны донесли до слуха Обрезова, смотрителя кладбища и могильщиков. Они подошли и увидели, как «из могильной ямы выглыбывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник (священник И. Рябухин) и умолял вытащить его из-под гряда наваленных на него мертвых тел... По-видимому, у Обрезова и могильщиков страх перед красноармейцами был настолько велик, что в душах их не осталось более места для других чувств – и они просто забросали могилу землей... Стоны затихли».

Среди казненных были такие выдающиеся люди России, как генералы Н. Рузский и Н. Радко-Дмитриев. Несколько слов о них.

Никола Радко-Дмитриев с 1913 года был полномочным министром Болгарии в России. Затем перешел на сторону Российской империи и скоро был поставлен Николаем II во главе Третьей армии, сражавшейся с немецкими войсками под Перемышлем. Именно тогда А. А. Брусилов сказал о нем: «Я составил о нем представление как о человеке чрезвычайно решительном, сообразительном, честном и доблестном воине».

За проявленный героизм и организаторские таланты Никола Радко-Дмитриев получил звание генерала от инфантерии и орден Св. Георгия 3-й степени.

Род Николая Владимировича Рузского связан с именами рода Лермонтовых. Юношей участвовал в русско-турецкой войне. В войну с Японией возглавлял полевой штаб Маньчжурской армии. В 1912 году он стал автором «Полевого устава», тогда же принятого в Русской армии. В Первую мировую войну вместе с частями армии Брусилова в Галицинском сражении участвовал в разгроме австро-венгерских и германских войск. Тогда же грудь генерала украсил офицерский орден Георгия 2-й степени. В дальнейшем он командовал Северо-Западным и Северным фронтами Русской армии. Он

первый предложил императору Николаю II отречься от престола... В апреле 1917 года Рузской вышел в отставку и обосновался в Кисловодске на лечение. Как писал А.И. Деникин: «...Сохранился рассказ последнем разговоре генерала Рузского со своим палачом (Атарбековым – Г.Б.).

- Признаете ли вы теперь великую российскую революцию?

- Я вижу лишь один великий разбой!»

И вот 18 октября 1918 года на старом пятигорском кладбище пьяные матросы и красноармейцы кромсали шашками старых русских генералов, полковников и штабс-капитанов, экс-министров, бывших членов Государственного совета, сенаторов, священников и просто патриотов Великой России. Одних генералов было порублено 27! Был и контрадмирал Капнист; князя – три брата Урусовых; граф Бобринский – верный помощник легендарного генерала Брусилова; князь, генерал-лейтенант Александр Ираклиевич Багратион.

Прокурор В. М. Краснов по поводу кровавого разгула большевиков на Северном Кавказе писал:

«Но что могут прибавить эти кошмарные отрывочные воспоминания к общему зрелищу поруганной и распятой России, все еще кровоточащей своими отверзлыми ранами? Наше дело – творить своею рукою точно пророческие знамения апокалипсиса и в жизни людей, и в жизни народов – загадочные, полные ужаса, письмена, ни смысла, ни необходимости которых не поймет человеческий ум.

Быть может, только отдаленные потомки наши поймут и оценят, для кого и почему нужны были все эти муки, и воздадут позднюю справедливость жертвенно-опустошенной жизни нашей.

И если в мире ничего не исчезнет, если от каждой жизни, ушедшей из земной оболочки, останется хоть огонек, мерцающий в пространстве времен, пусть дошедшее до его лучей позднее понимание хоть тогда озарит уютom и лаской все загубленные, насильственно потушенные души.

Имена же всех их – Ты, Господи, один веши».

Белоконь Сергей Владимирович (1952-2000)

-известный ставропольский журналист, писатель, литературовед. Писал в разных жанрах: репортажах, фельетонах, очерках.

Сергей Белоконь родился в 1952 году в селе Преградном Красногвардейского района в семье сельских учителей. Мать преподавала в школе математику. Отец – учитель труда, изобретатель, имел десятки медалей ВДНХ.

Окончив школу, в 1970 году Сергей Белоконь поступил на филологический факультет Ленинградского государственного университета. Сергей Владимирович увлекался творчеством М. Лермонтова, изучал творчество по-

чти неизвестного писателя Д. Андреева.

После окончания университета работал в Семипалатинске по распределению, затем с семьей вернулся в Ставрополь, где сначала работал в Обществе охраны памятников истории и культуры, затем в газете «Молодой ленинец» корреспондентом, потом главным редактором, ответственным секретарем журнала «Агитатор Ставрополя», заместителем главного редактора «Ставропольской правды». Его книги: «Неизбежный жребий» о дуэли М. Лермонтова, «Синий магистр» о Я. Неверове, директоре Ставропольской гимназии середины девятнадцатого века, сборник очерков «Время таянья ледников», многочисленные публикации в местной и центральной, стали явлением для литературы не только Ставропольского края. Он реализовал себя как журналист, как писатель и как пылкий исследователь, и во всем был талантлив. С. Белоконь писал и стихи, думал издать свой поэтический сборник, но не успел.

Умер Сергей Владимирович Белоконь в 2000 году.

* * *

Миг и вечность истории

Так или иначе, война зацепила черным своим крылом судьбу каждого из нас, ныне живущих. С возрастом начинаешь понимать тяжесть и невозможность утрат, а в детстве как нечто само собой разумеющееся воспринимались скверная фоторепродукция с единственной фотографии деда, сгнувшегося где-то на фронтовых дорогах, рассказы бабушки о том, как в дни оккупации она прятала красноармейцев в сухом колодце и чуть не поплатилась за это жизнью, как после войны ездила искать дедушкину могилку «в Маривуполь», да так и не нашла. Война – это заросшие травой бомбовые воронки у нас в огороде, россыпи пуль, оставшиеся в них с сорок вто-

рого, это плешь на цветущем лугу в пойме Егорлыка – место, где сгорел советский самолет. Сегодня здесь стоит обелиск, увенчанный пропеллером. «Неизвестным советским летчикам...». И место для фамилий.

Теперь война связана для меня еще с именем Николая Николаевича Кудинова – учителя истории, директора Медвеженской средней школы № 6, моего земляка – преградненца. Почти два века село носит такое имя – Преградное. Многие села за свою не такую уж длинную историю по два, а то и по три раза меняли названия. А это осталось. Наверное, потому что само слово Преградное напоминает о трудной судьбе России.

Николаю Николаевичу я предлагал написать о поисковой работе в школе, он отвечал: «Надо бы, да времени маловато...». А теперь поздно.

У него было обостренное чувство долга перед павшими, перед живущими, которое стало стержнем его характера. В школе он выделил классную комнату под музей боевой славы, вел обширнейшую переписку с участниками войны, садился вечерами за статьи, десятки раз переправлял написанное, уточняя детали и факты.

Смерть пощадил его на войне. Если хотите, он выжил чудом, ибо уцелеть в боях, в которых он участвовал, практически было невозможно. В 1975 году он отыщет на берегу Днепра, у Канева, свой окопчик и соберет осколки в радиусе нескольких метров. Их около килограмма.

Войну Николай Николаевич начал в августе сорок второго на Северном Кавказе, а победу встретил в Берлине.

Позднее, формулируя свое жизненное кредо, он напишет: «Это было почти сорок лет назад. Но чем дальше те бои, тем отчетливее встают перед глазами фронтовые друзья. И я, оставшийся в живых, должен тянуть ниточку связи между поколениями. Мне некогда отдыхать, я должен выполнить свою главную боевую задачу: рассказать моим ребятам, рассказать всем живущим о том, ради чего мы шли на смерть и победили».

...Я добрался в зерносовхоз «Медвеженский» к вечеру. Анна Поликарповна Кудинова провела меня коротким путем к школе. Некоторое время ей никак не удавалось справиться с ключами, потом входная дверь распахнулась, и мы поднялись на второй этаж в музей боевой славы. Анна Поликарповна показывала экспонаты, давала короткие разъяснения: «У нас есть свои экскурсоводы – Саша Подольский; Володя Ключин, Света Павленко... В музее Николай Николаевич проводил на 23 февраля и 9 мая уроки Памяти...». Потом она молча остановилась перед небольшой витриной, где стояла фотография его «а и на красных подушечках лежали его боевые награды. Самая, пожалуй, скромная из них – медаль «За оборону Кавказа»...

Из воспоминаний Н. Н. Кудинова: *«Злые астраханские ветры оставляют на губах горький привкус полыни. Пески. Подводки с эвакуированными медленно продвигаются пыльными проселками на Кизляр. У моста через какую-то речушку, в преддверии Терека, пропуская людей, усталые сол-*

даты, механически спрашивали: «Добровольцы есть? Становись в строй... Добровольцы есть?». Я соскакиваю с подводы. Мать в голос: «Сыночек...». Подвода теряется в нескончаемом потоке, а я остаюсь в строю таких же шестнадцати- и семнадцатилетних ребят, вчерашних школьников. Получаем оружие: винтовки, патроны, гранаты – две пехотных, одну противотанковую. Куда-то движемся, еле вытаскивая ноги из песка, занимаем полузасыпанные окопы.

И почти сразу появляются немцы. Видны издалика. С десяток мотоциклов с колясками. То мчатся, растягиваясь на твердых участках дороги, то сбиваются в кучу в песчаных ямах-ловушках. Выталкивают машины на твердое, помогая друг другу. Вот они – враги. Не сон. Очень близко. С закатанными рукавами. Вижу, как напрягаются руки пулеметчика, и в то же время передо мной поднимаются фонтанчики песка. Чего же я наблюдаю? Ведь стреляют по мне. Хотят убить. Приклад винтовки сильно отдаёт в плечо. Больно. Эта боль приводит в себя, мы увлекаемся боем и не замечаем появления танков – легких, вертких, быстрых. Они или веером и стрельбу по нашим окопам открыли издалика.

Кто-то командует: «Приготовить противотанковые гранаты!».

Граната у меня есть, но как ее приготовить? Я не думаю, куда спрятаться, как бросить гранату, я мучаюсь одним: как приготовить ее к бою... Еще я знаю, что надо лечь на дно окопа и пропустить танк над собой. Правда, невероятно, что окопчик с зыбкими песчаными стенами удержит такую машину. А танки шли на нас, юнцов, и в непрерывном грохоте боя те, кто остался в живых, буквально за несколько часов прошли курс молодого бойца.

В одну из ночей мы услышали шум большой колонны. Я говорю – одну из ночей, потому что не знаю, сколько их было до этого. Приготовились к бою. Оказалось – наши, выходят из окружения. Пока разобрались, чуть огонь не открыли. Из колонны требуют нашего командира. «Иди, – говорят ребята, – будешь за него». Помню, вопросы мне задавал генерал со звездочкой Героя Советского Союза, спросил мою фамилию. «Хорошо, – сказал, – я тебя запомню, солдат...».

Это сводное подразделение не значилось ни в одних списках. Возможно, о нем не знало даже командование. Школьники, по сути, еще дети, встали на переднем крае обороны и не пропустили врага, задержали на несколько дней. А в то лето несколько дней решали многое.

Так началась война для Кудинова. Тогда, лежа в песках с винтовкой, он и предположить не мог, что генерал, с которым беседовал, всего за несколько дней до этого вел кровопролитное сражение с врагом под его родным Преградным. Не знал он и того, что после войны именно он, Кудинов, станет одним из летописцев этого боя.

Вряд ли возможно сегодня установить, когда именно попал Кудинов на 88-й километр по трассе Ставрополь – Ростов и что пережил он при виде

братской могилы с вкопанным рядом стволом 122-миллиметровой гаубицы под заводским номером 4154. Сам фронтовик, он не мог смириться с существованием безымянных могил. Начало поисковой работы было, таким образом, естественным. Вскоре удалось выяснить, что ствол пушки закопал по своей инициативе у братской могилы житель села Дмитриевского Иван Еремеевич Крамаренко, участник войны, артиллерист. Он же нанес в 1948 году на ствол гаубицы предположительную дату боя – «3 августа 1942 года. Здесь похоронены артиллеристы».

Привлекала внимание дата – 3 августа. Какие части вели бои в четырехугольнике Преградное – Дмитриевское – Безопасное – совхоз «Медвеженский», когда враг уже был на подступах к перевалам Кавказа? Неужели так и останется безвестным подвиг солдат, отдавших свои жизни на этой земле?

Опрос жителей, переписка с участниками здешних боев позволили кое-что уточнить. Поиски приводят Кудинова в Казахстан, на Украину. Результаты – в нескольких скупых строках: «Бои в районе «Пушки» проходили 2, 3, 4, 5, 6 и 7 августа 1942 года. Это была полоса отступления на Ставрополь 37-й армии, 4-й стрелковой дивизии 12-й армии и других частей. Точно установлено, что последний бой здесь вела 7 августа 4-я стрелковая дивизия генерала И. П. Рослого, прорываясь из окружения. Прорыв прикрывал 40-й арtpолк. Расстреляв весь боезапас, артиллеристы по приказу И. П. Рослого взорвали орудия, чтобы они не достались врагу. По сообщению Рослого, командиром арtpолка был Калинин, комиссаром – Колечко, батареей 122-миллиметровых гаубиц командовал старший лейтенант Зверев».

Нелегко дались эти сведения. «Все эти годы искал я конкретных людей, переписывался с ними, рылся в архивах, сверялся с документами. Но родственники погибших не приезжали и не откликались, имена и фамилии не находились, а очевидцев – единицы...».

До какого-то момента, начав поисковую работу, он считал, что это только его дело, только его долг. Позднее пришло сознание, что его долг и в том, чтобы привлечь к поиску как можно больше людей.

Однажды, придя в класс на урок, он скажет: «Будем создавать школьный музей боевой славы. Задание первое: запишите воспоминания участников Великой Отечественной войны. Вашего отца, дедушки, соседа. И помните: нет неинтересных людей, нет событий, фактов, не существенных для истории».

Да, считал Кудинов, история только тогда становится источником нравственной силы, когда она пропущена через сердце. Бесхитростные воспоминания участников войны, очевидцев по-иному раскрыли для ребят прошлое, заставили пережить его как нечто личное. Они поняли, что победа рождалась не только в грандиозных сражениях. Все они – питомцы Кудинова – назовут сегодня точную дату боев у «Пушки» (такое название получил в народе скромный памятник у братской могилы), имена своих земляков – участников войны, расскажут о подвигах местных жителей, спасших не одну

сотню советских воинов. Они расскажут вам, как помогли участнику сражения 7 августа 1942 года Василию Афанасьевичу Шутенко отыскать людей, которым он обязан жизнью.

Теперь поиск вел не только учитель, но и десятки, сотни ребят под руководством школьного штаба при музее. А душой всей работы оставался Николай Николаевич Кудинов.

Торжественную линейку, посвященную тридцатилетию Победы, решили провести у «Пушки». Рождалась традиция. Можно представить радость юных следопытов, узнавших, что в торжестве примет участие и Шутенко.

Поисковая работа «набирала обороты». Шире стал круг переписки, целенаправленной – поиск.

«Уважаемый Николай Николаевич и юные следопыты! – отвечала, к примеру, Пелагея Гетманова на просьбу рассказать о событиях августа 1942 года. – После боя около хутора к нам завезли тяжелораненого бойца и попросили оставить его у нас. К сожалению, фамилию его забыли, знаем, что звали Ваней, житель Ворошиловграда. Работал там на трикотажной фабрике. Потом его отправили в больницу села Безопасного. Там он умер. Документов нам никаких не отдавали, раненого привезли бойцы, возможно, одной части. У нас была яма из-под свеклы, где они что-то закопали. Еще сообщили о том, что на хуторе у Василия Ивановича Лебского оставили легкораненого. Он к нам иногда приходил, проводывал Ваню, но скоро ушел из хутора. Фамилию его знаем: Сергей Николаевич Уфанов, москвич».

А вот записанная следопытами история одной фотографии.

Ворвавшись в середину наших боевых порядков, фашисты устроили неподалеку от хутора имени Доватора Красногвардейского района настоящую охоту за ранеными. Один танк в упор расстрелял пулеметной очередью санитарную бричку с медсестрой и тяжелораненым. Гитлеровский офицер даже запечатлел на память эту страшную картину. Снимок позднее обнаружили в танке, подбитом неподалеку во время отступления фашистов...

Как металл закаляется в огне, так и ребята приобретали новые качества в поиске.

Своеобразной кульминацией стала поездка в Одессу к генерал-лейтенанту в отставке Ивану Павловичу Рослому, руководившему боем в степи 7 августа сорок второго года.

Мы знали, что Рослый вывел наши части из окружения, – рассказывала мне участница этой поездки Татьяна Черкасова. – Знали, что Рослый дошел до Берлина, руководил войсками, штурмовавшими ратушу, имперскую канцелярию, гестапо. Что ему было поручено на Параде Победы в сорок пятом командовать сводным полком 1-го Белорусского фронта. Иван Павлович часто писал нам, делился воспоминаниями, давал адреса для поиска. Но мы и не думали, не могли предположить, что рядом не менее удивительный человек – Николай Николаевич Кудинов.

Он не любил рассказывать о себе, почти никогда не надевал свои награды. Ребята ахнули, когда однажды он пришел на праздник Победы при всех своих воинских регалиях.

Итак, солнечная Одесса. Улица Гоголя. Встреча с Рослым.

«На пороге гостинной стоял Иван Павлович. Высокий, седой, широкоплечий. Кудинов?»

Так точно, товарищ генерал.

Не надо, сынок. Спасибо, что приехал.

Долго стоим, обнявшись. Молчим.

А ведь помню тебя, Кудинов, фамилию твою помню.

Ничем она не приметная, Иван Павлович. Подвигов не совершал. Солдат.

Рядовой?

Большей частью рядовой. Уже после войны капитана присвоили.

А сводный полк в песках в августе сорок второго помнишь?»

Так судьба свела их во второй раз. И этот короткий диалог стал для ребят лучшим уроком мужества.

Хотя о многих эпизодах фронтовой биографии своего учителя они так и не узнают. Никто теперь не узнает. Записать в свое время не догадались, а сам Николай Николаевич писал больше о других. Так что все, чем мы сегодня располагаем, – это воспоминания о боях под Берлином да некоторые отрывочные сведения, рассыпанные по публикациям в районной газете.

Кажется, теперь самое время сделать небольшое отступление и задумать-ся. О том, как удивительно подчас складывается человеческая жизнь. Внешне вроде бы незначительная и неприметная, она, тем не менее, часто таит в себе ответ на многие вопросы, разгадку многих загадок.

Лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» – правильный лозунг. Но чтобы он не остался простым набором слов, нужна каждодневная кропотливая работа – подобная той, которую вели Кудинов и его ученики. В этом же Красногвардейском районе мне довелось встретиться с одним из братьев Гуровых, воевавших в составе семейного минометного расчета. Он был последним, оставшимся в живых. Успели ли следопыты записать воспоминания ветерана? Сохранилась ли семейная реликвия Гуровых – фотография, запечатлевшая братьев у миномета? Кто знает...

Очень важно, чтобы ниточка связи, о которой писал, которую тянул между поколениями Кудинов, не прерывалась. И нужно спешить. Нельзя откладывать на завтра, потому что завтра может оказаться поздно.

Вернемся, однако, в школьный музей боевой славы и подойдем еще к одному экспонату.

Солдатскую эту шинель Николай Николаевич получил в сентябре 1944 года. В ней форсировал Вислу, участвовал в боях за Варшаву, штурме Померанского вала, взятии Берлина. Долго служила она ему и после войны, и всякий раз, прикасаясь к грубому сукну, Кудинов вспоминал свой последний бой

под Берлином. Каким-то внутренним зрением так ясно видел тот вешний день, что казалось: было это не десятилетия, а неделю-другую назад. Он видел своего друга Рюрика, фашистские танки, скрывающиеся за бронетранспортерами с ранеными, молоденького нашего танкиста, доверчиво идущего навстречу вражеской колонне, лицемерно прикрывшейся белым флагом с красным крестом... И щемило, щемило в груди.

Из воспоминаний Н. Н. Кудинова: *«В майские дни сорок пятого наш контрольный пост из трех связистов 47-й армии расположился на загородной даче в лесу за Берлином... Три-четыре больших дома красивой, необычной для нас архитектуры. Зеленая аккуратная лужайка. В углу двора подвал-бомбоубежище. Трансформаторная будка, высоковольтная линия, широкая просека через лес. Автотрасса.*

Все здания забиты мирными немцами: женщины, старики, дети. Три-четыре сотни человек. Берлинские беженцы. Их загнал сюда страх. На территории двора рвутся и рвутся снаряды.

Измученным, испуганным людям кажется, что лучшее спасение – в стенах зданий. Словно ажурные деревянные перегородки, застекленные балкончики – такая уж преграда снаряду. Осколками выбивает стекла. Слышны детский плач, вскрики и стоны раненых.

Мы не сразу замечаем эту картину, нам некогда: в трансформаторной будке устанавливаем свой пост. Удивительная вещь – солдатская находчивость! В Берлине во время уличных боев мы использовали для связи городские подземные коммуникации. А здесь подключаем аппараты к высоковольтной линии. Она идет через занятые врагом территории. В суматохе боя немцы не догадываются, что над ними работает наша связь. Нам только часто приходится кабелем соединять линию там, где ее рвут осколки. Иногда и в расположении немцев. Накинешь пятнистую трофейную плащпалатку-и пошел. Рискованно, конечно. Но без риска войны не бывает.

Четыре человека – половина отделения – идут по линии дальше, чтобы дать связь на НП. Нам, оставшимся, нужно обеспечить ее на этом участке.

Наконец связь установлена. Вдвоем с Рюриком идем знакомиться с обстановкой. Первым на пути – подвал, собственно, не подвал, а бомбоубежище. Открываем дверь – никого. Смотрим: даже водопровод подведен. Пить хочется давно. Но воды в кране нет: в сотне метров перебита труба, целое озеро в этом месте.

- Немцы! – кричу я.

Рюрик бросается на землю; щелкает затвор автомата. Мне деваться некуда: связь, что бы ни случилось, есть связь. От нашей ниточки зависит судьба тысяч людей. А она рвется как раз в момент артподготовки, бомбежки. Как всегда, в самый неподходящий момент. Пехотинцы – в окопах, щелях. Связист – в самой гуще взрывов. Связь во что бы то ни стало! Ценою жизни. Да и что такое жизнь одного в сравнении с жи-

ню тысяч? Друзья мои, военные связисты, сколько людей вам обязаны жизнью, того не ведая!

...Танки, самоходные орудия обходят справа и слева остановившиеся бронетранспортеры с ранеными, устремляются к перекрестку. Люки наших двух танков открыты, стволы их орудий чуть не упираются в передний бронетранспортер. Солнце бьет в глаза нашим танкистам. Один из них спрыгивает с танка и с поднятой рукой идет к бело-красному флагу.

А зашедшие с флангов фашисты в упор расстреливают танки: снаряд за снарядом, снаряд за снарядом, хотя в этом уже нет необходимости. Танкисты не успели даже выскочить из горящих машин... А могли бы ударить прямо волеь дороги, смести бронетранспортеры, закупорив путь остальной колонне. Не поднялась рука – по красному кресту, по раненым.

Осколки снарядов режут воздух вокруг меня. Воздушная волна качает опору, толкает, рвет меня с верхотуры.

Тяжелые «тигры», столкнув коробки бронетранспортеров в кювет, проскочили мимо чадающих наших танков.

Кровавое месиво. Раненые ползут, ползут, оставляя за собой кровавые следы.

В бессилии срываю автомат. Но пули отскакивают от бронированных чудовищ.

Катушка кабеля больно бьет меня по боку. (Мне и сейчас кажется, что к боку больно прикоснуться, хочется сбросить эту проклятую катушку, безостановочно бьющую меня. Всю жизнь, всю жизнь...). Остался один пролет. Бегу что есть силы, задыхаясь. Катушка бьет и бьет по боку. Мешает телефонный аппарат. Скорее, скорее! А «тигры» идут и идут.

И тыкаю штырь провода заземления, лезу вверх по опоре. Наконец соединяю провод, включаю аппарат. Работает!

Ноль пять, дайте ноль пять...

Я – ноль пять.

Седьмая. Немецкие танки сбили заслон. Более сотни машин. Квадрат...

Понял.

Все. Обессилено повисаю на перекладине опоры. Сверху хорошо видно, как впереди всколыхнулась земля: артиллеристы били в упор. Внизу прошел последний немецкий танк. На скорости. Туда, к своей гибели.

Солнце опять прячется в тучи. Бросаюсь на помощь Рюрику. Раненые с проклятиями ползают по кюветам; на шоссе – кровавые лужи.

Бинты! Давай бинты!

Пакеты бинтов, разбитые ящики медикаментов... Перевязываем наско-ро, как умеем.

-На линию! – кричит мне Рюрик.

Включаю аппарат. Работает.

Сообщил о раненых. Ни черта мы тут не справимся.

Через полчаса приходят наши санитарные машины.

У бесформенной груды металла, что осталась от наших танков, не сговариваясь, снимаем пилотки.

Мы похоронили останки танкиста у подножия высоковольтной опоры. Телефонным кабелем укрепили дощечку от разбитого ящичка, на которой Рюрик химическим карандашом написал: «Неизвестный русский танкист. Погиб, спасая раненых немцев».

От той дощечки, конечно, ничего не осталось. Но все эти годы, что я живу, в кошмарных снах она нет-нет да и всплывет снова, отдастся острой болью в груди. И, наверное, будет всплывать, пока не уйду из жизни».

13 марта 1982 года он приехал из райцентра с какого-то совещания. Почувствовал себя плохо.

Смерть пощадила его на войне. Но война все же не пощадила...

Боглачев Сергей Васильевич (род. 1954) – современный исследователь в области краеведения, писатель, публицист, коллекционер старинных открыток с видами КМВ, кандидат технических наук.

Сергей Васильевич Боглачев родился в в Ленинграде. В 1967 году переехал в Пятигорск, где окончил среднюю школу № 19. Затем учился в Ленинградском институте авиационного приборостроения, служил в армии, занимался научной работой, закончил аспирантуру.

С 1995 г. он занимается историей Кавказских Минеральных Вод и Санкт-Петербурга, печатается в различных периодических изданиях («Невский архив», «Немцы в России», «Коломенские чтения», «Новый журнал», «Адреса Петербурга», «Альманах Фонда им. Д. С. Лихачева», «Записки Санкт-Петербургской Театральной Библиотеки», «Ставропольский хронограф», «Кавказская здравница» и др.), выступает с докладами на различных научных конференциях Петербурга и КМВ. Консультировал и участвовал в съемках кинофильма «Русский Ковчег» (2001г.; реж. А.Н. Сокуров). Принимал участие в создании сборников «Швейцарцы в Петербурге», «Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею», «Юбилейный путеводитель по КМВ, «Первовосхождения на Эльбрус» и др., а также в историко-церковной энциклопедии «Святые Санкт-Петербурга», юбилейной энциклопедии «Санкт-Петербург. К 300-летию» и «Энциклопедии Санкт-Петербурга: Деятельный век».

Автор книг «Архитектура старого Пятигорска», «Архитектура старого Кисловодска», «Площадь академика Лихачева», «Персидские трагедии» и «Архитектура старых Эссенуков». Написал тексты для ряда открыток из серии «Памятники архитектуры и искусства КМВ».

В настоящее время готовятся к печати книги автора «Архитектура старого Железноводска», «Тайны эссенуковской старины» и монография о колонии Каррас.

Живет в Санкт-Петербурге, работает в крупнейших библиотеках и архивах города, часто бывает в Пятигорске.

* * *

Ресторан «Замок коварства и любви»

Современный ресторанный комплекс «Замок коварства и любви» находится в живописном, привлекательном в природно-ландшафтном отношении ущелье р. Аликоновки, на расстоянии 5 км к юго-западу от центра Кис-

ловодска, в границах городской черты. Прогулочные поездки к выразительному скальному мысу, напоминающему развалины древних башен и стен, у слияния Аликоновки с одним из ее правых притоков – речкой Мокрой, проводились еще в первой половине XIX века. Тогда начали распространяться рассказы и легенды, связанные с оригинальной скалой. В них было немало вымышленных сюжетов, но для части повествований, по всей вероятности, существовала определенная историческая подоснова. Так, само ныне существующее название реки стало использоваться только в середине XIX столетия и было связано с небольшим абазинским Аликоновским аулом, располагавшимся в начале века в северной равнинной части долины. Документы и карты сохранили и старинное местное название Аликоновки – «Эмнока». Пристав Кабарды Афанасий Ураков по личному распоряжению Екатерины II составил в 1785 г. описания земель в верховьях Кумы и Подкумка, подвластных российской короне. В нем он, в частности, дал этимологию раннего названия – «Гроза ущелий».

Хорошо известна сегодня в целом ряде вариантов красивая легенда о трагической любви доверчивого пастуха и княжеской дочери, жертвенности юноши и коварстве красавицы, последующей каре богов и т.д. Это предание могло быть связано с жителями аула Аликонова, но в романтическом виде изложено лишь в конце XIX века. В это время на фотографиях этой кисловодской достопримечательности и появляется подпись – «Замок коварства и любви». В последующем легенда была подхвачена, домыслена и дополнена проводниками и экскурсоводами, сопровождавшими посетителей скалы и загородного ресторана. При этом все они точно показывали высокую столбообразную скалу, с которой влюбленные хотели броситься вместе, но прыгнул (или упал, сраженный кинжалом коварной красавицы) только джигит Али Конов.

И только в середине 1950-х годов стало известно, что скала, похожая на старинный замок, была местом нахождения древних поселений и укреплений. Археологи открыли в районе «Замка» целую группу историко-культурных памятников. Постоянные обитатели на скальном мысу появились много веков назад. Уже в V-IV тысячелетиях до нашей эры здесь существовал поселок «медно-каменного» века. Затем жизнь в этом районе не прекращалась вплоть до позднего средневековья. В VI-X вв. на скальном шпиле располагалась крепость местного правителя с крупным башенным комплексом. Не с этим ли временем связаны истоки легенды о любви и коварстве? Кстати, об историчности, отраженного в легендах, землетрясения и камнепада («божья кара»), свидетельствуют, помимо старого название реки, крупные каменные блоки в ущелье, отвалившиеся от возвышенных скальных террас в разное время, в том числе, возможно, и около X века.

Существовали и другие рассказы о любви и коварстве, увязываемые с данным районом. В журнале «Кавказские курорты» (1913 г.) описывалась

история, якобы происшедшая в начале 1820-х годов. В это время среди отдыхающих на Кислых Водах находился абхазский князь Шервашидзе. Ему приглянулась красивая молодая княжна Татьяна Голицына, за которой ухаживали многие мужчины из «водяного общества», нередко ссорившиеся между собой. Во время отсутствия князя в Абхазии появился новый претендент на княжеский престол – Аслан-бей, который решил на убийство законного правителя. Пробравшись с отрядом к Кисловодску, Аслан-бей стал следить за князем Шервашидзе, поджидая удобного случая. Однажды абхазский князь с княжной Татьяной, группой отдыхающих и охраной направился на прогулку к скале «Замок». В Аликоновском ущелье их поджидала засада. Во время стычки князь был смертельно ранен, а княжна Голицына упала в обморок. И только помощь подоспевших казаков, вызванных одним из охранников князя, предотвратила дальнейшую трагедию.

В конце XIX века скала «Замок» как местная достопримечательность вошла в путеводители по КМВ и Кисловодску. Она была очень похожа на подобное скальное сооружение, называемое Старый замок («Alte Schloss»), при знаменитом немецком курорте XIX века – Баден-Баден. Экскурсии к кисловодскому «Замку» совершались на конных колясках, верхом и пешком. Извозчики выступали в качестве способных и знающих гидов. На удобных площадках у подножия скалы расположились сначала временные приспособления для проведения пикников, а также угощения посетителей различными кавказскими блюдами и закусками. Весной 1898 г. здесь появилось первое постоянное заведение, состоящее из нескольких навесов-беседок и прямоугольного здания с двускатной крышей, где находилась кухня, хозяйственные помещения и жилье для работников. С января 1898 г. по декабрь 1915г. землю с постройками при «Замке» арендовал предприимчивый кисловодский ресторатор Василий Дзлиев с компаньонами, которые платили по 650 р. в год обществу Кисловодской (а затем – Николаевской) слободки. За это время при «Замке» было произведено арендаторами построек на сумму свыше 10 тысяч рублен. Заведение получило романтическое название «Замок коварства и любви» («Le Chateau Astice et l'Amour»).

Одним из посетителей «Замка» этого времени стал ростовский писатель Даниил Мордовцев, описавший свои впечатления в рассказе с красноречивым названием «Кисловодск – это рай!». Автор прошел вместе со своими героями по Аликоновскому ущелью, где увидел «величественный и грозный замок из природных скал, нагроможденных одна на другую; над гигантским массивом этой нерукотворной крепости высятся к небу две прямые скалы, необыкновенное подобие прямых, высоких башен». При этом Мордовцев заметил, что напрасно назвал «капризом природы создание этого замка, потому, что природа сама повинуетя таинственным, управляющим ею и всею вселенною законам». Писатель приводит и легенду о любви мужественного пастуха и прекрасной княжеской дочери, считая девушку не коварной, а бо-

язливой и предлагает назвать достопримечательное место «Замком любви и трусости». У подножия живописных скал персонажей рассказа встретили навесы для гостей, приветливо расставленные столики и повара, способные приготовить шашлык, яичницу и другие закуски. На высоких флашштоках, укрепленных на столбообразных скалах, развевались трехцветные российские флаги. К ним можно было подняться по скалам, держась за специальные тросы и веревки. Трассы подъема для восходителей запечатлены и на дореволюционных открытках. Смелчаки, взбиравшиеся на крутые обрывистые террасы, часто писали свои имена на скалах и в гротах.

В ресторане было печное отопление и кухня с внутренней варочной печью. Путеводитель по Кавказским Минеральным Водам 1901 г. сообщал, что при «Замке коварства» построен ресторан, в котором можно укрыться от дождя и получить чай, молоко, шашлык и прочее. Позже у здания за невысоким каменным забором был образован небольшой сад с открытыми навесами и беседками. Как место живописное, романтическое и популярное для курортных прогулок представляется «Замок» в других дореволюционных изданиях, посвященных КМВ.

Второе, более изящное, ресторанный здание появляется в начале 1900-х годов на правом берегу р. Аликоновки у места ее слияния с речкой Мокрой непосредственно у легендарной скалы. Путеводители стали говорить о ресторане «у подошвы скалы» с несколькими кабинетами, в котором гостей кормили на «туземный и европейский лад... в славянско-восточном вкусе». При ресторане выступал кавказский музыкальный ансамбль – «сазандари». Его громкие мелодии привлекали всеобщее внимание, хотя и не всем нравились. Сигурд О. Патурссон и Киркюбэ, описавший свою поездку к «Замку коварства и любви» летом 1910 г., назвал эту музыку «визгливой, неприятной и дикой». «Потомок норвежских королей» также высокомерно написал о ресторане – «более тут пребывают разные особы из нефтепромышленников, армян и татар кавказского и персидского происхождения, и разного рода мнимые князья, поддельные графы, бароны... Именитые гости с аристократической осанкой мало заглядывают сюда».

«Правобережный» двухэтажный ресторан под низкой четырехскатной крышей был квадратным в плане. На втором этаже фасада была широкая открытая терраса, опирающаяся на столбы. На них можно было подняться и по боковой лестнице. Прямоугольные окна имели прямое рельефное обрамление. Два входа были устроены с северной стороны. Деревянные стены были окрашены в светлые тона. Многочисленные открытки и фотографии с видами «Замка» демонстрируют изменение количества окон на верхнем этаже. По-видимому, окна имели плотные ставни или вообще забивались при ненадобности. Ресторан так же имел печное отопление. Вокруг здания продолжали существовать и использоваться площадки и беседки.

На торгах и январе 1916 г. право аренды ресторана «Замок» получил А. Ананьев предложивший за пятилетний срок плату в 3505 Р. Он также принял на себя электрическое освещение ресторана и ежегодный ремонт дороги к нему. Вскоре техник Войдецкий и глава Николаевской слободы осмотрели помещения ресторана и предложили новому арендатору провести ряд ремонтных работ. Прежнее строение на левом берегу реки было снесено и площадка расчищена. Затем на ней было возведено два двухэтажных здания под невысокими четырехскатными кровлями. Основное сооружение ресторана с отдельными кабинетами и номерами было квадратным в плане. На втором этаже с различных сторон располагались балконы. Лицевой фасад был обращен к северу. Над центральным балконом крыша имела дополнительное треугольное возвышение. Два угловых входа с этой стороны имели придверные площадки с расположенными углом перилами. В здании имелись печи. Второе здание имело хозяйственное назначение. У него были маленькие узкие окна и несколько дверей с северной стороны. Возможно, что часть комнат в здании являлась жилой.

Ряд небольших сооружений размещался выше по склону, и к ним вели дорожки. На среднем уровне находился вытянутый прямоугольный одноэтажный дом с большим количеством прямоугольных окон. Непосредственно под скалами на террасе сооружена обширная многоугольная, примыкающая к природной стене деревянная беседка «Ласточкино гнездо» с ажурным резным оформлением.

Большая часть построек у скалы «Замок» была разрушена в годы Гражданской войны. В советское время на старом месте были возведены новые одноэтажные постройки, в которых был устроен небольшой загородный ресторан, а на склонах скалы поставлен ряд деревянных беседок. Сооружения пострадали во время Отечественной войны. Около 1950 г. было сооружено оригинальное здание нового ресторана в виде средневекового каменного замка с массивной башней, который в конце XX века был признан памятником архитектуры местного значения. Предполагают, что автором этого проекта был старейший кисловодский зодчий Павел Еськов (1888-1967). На правом берегу действовало кафе в виде крытой галереи с кухней, а в 1970-е годы здесь было возведено капитальное каменное стилизованное двухуровневое строение – загородное кафе «Сакля». После приватизации комплекса и 1998 г. была проведена масштабная реконструкция всех построек (арх. С. Курусь), создано декорированное каменное ограждение с металлическими решетками, возведены новые строения. В таком виде ресторан действует и ныне.

Расположенный вблизи «Замка», известный с дореволюционных времен источник Нарзана, был благоустроен в конце 1960-х годов, и на нем появился художественно оформленный каменный каптаж.

Отрывок из книги «Архитектура старого Кисловодска»

Свидетели Эльбрусской экспедиции

Во время военно-научной экспедиции генерала Г.А. Емануеля «для обозрения ближайших окрестностей Эльбруса» летом 1829 года было произведено первое официально зарегистрированное восхождение на вершину Эльбруса. Его совершил 10 июля проводник экспедиции – кабардинец Хилар Хаширов. В честь этого события Емануель в конце июля 1829 года распорядился отлить две чугунные плиты в рост человека (165 X 90 см), которые надлежало установить на месте базового Эльбрусского лагеря (урочище Ирахик-Сырт), где на скале уже была сделана первая надпись. Кстати, указанная на плите высота Эльбруса в 16 330 футов (4976 м) была определена на основе барометрических измерений в 1829 году неверно; высшая точка Эльбруса, по исследованиям в начале XX века, составляла 18 470 футов (5628 м).

Заказывались плиты на Луганском литейном заводе, ближайшем литейном производстве к Горячим Водам. Этот завод имел прочные связи с Северным Кавказом, ибо отливал новые пушки для Кавказской линии. Кроме того, в Эльбрусской экспедиции участвовал заведующий Луганским литейным заводом, обер-гиттенфервалтер 8-го класса Глеб Григорьевич Вансович, который занимался поисками железных руд. Он и принял заказ генерала Емануеля на изготовление чугунных памятных плит.

Предполагалось эти плиты установить на месте базового лагеря, но трудности, связанные с доставкой плит, снаряжением нового военного отряда, и удаленность этого места от поселений подсказали идею установить эти плиты на Горячих Водах, соорудив нечто, связанное с Эльбрусом. Так родилась идея проекта искусственного грота с немецким торжественно-величавым именем «Эльборус» (Elborus). Искусственный триумфальный грот в форме горы Эльбрус по проекту зодчего Джузеппе Бернардацци был сложен из рваного машукского камня к лету 1831 года. Внутри его, по обеим сторонам от входа, поместили две чугунные памятные плиты, доставленные с Луганского завода в 1830 году – Над гротом собирались сделать из белого камня двуглавую вершину Эльбруса и высечь на ней имена главных участников экспедиции. Однако это сделать не удалось, и генерал Емануель приказал именовать незавершенное сооружение гротом Дианы. Согласно древним мифам, богиня Диана предпочитала в жаркие дни после купания отдыхать в тенистых гротах. Столь романтическое название подсказало близкое соседство с дамской половиной Николаевских (ныне – Лермонтовских) ванн. Перед гротом разбили большую полукруглую площадку со скамейками, акациями и кустами роз. По указанию Емануеля в 1830 году были также сделаны две большие каменные (мраморные) плиты, на которых был вырезан вышеуказанный текст на русском и арабском языках, окрашенный бронзовой краской. Вероятно, что текст на каменных плитах вырезал Джованни Бернардацци, как и текст арабского автографа персидского принца Хосрова-Мирзы на его машукском монументе

(1829). Видимо, генерал Емануэль все же планировал установить в скором времени один комплект плит на месте базового лагеря. Однако тяжело раненный в сражении у крепости Внезапная Емануэль осенью 1831 года был вынужден навсегда оставить Кавказ. Каменные плиты по указанию нового командующего на Кавказской линии генерала А. А. Вельяминова были выставлены в залах ожидания новых Николаевских ванн.

Воспитанник Виленского дворянского института Э. Прозор, посетивший КМВ около 1837 года, написал: «В одном из коридоров Николаевских ванн находится мраморная плита, на которой бронзовыми буквами означены имена лиц, участвовавших в экспедиции на Эльбрус». А посетитель Вод Аркадий Андреевский, описывая грот Дианы в июле 1841 года, указывал, что находящаяся там «скромная доска, отлитая на Луганском заводе, передает память о восхождении на Эльбрус, почитавшийся неприступным».

Известный антрополог-археолог Николай Керцелли в июле 1877 года писал: «При входе в грот Дианы по обеим сторонам стоят чугунные доски с надписями об экспедиции на Эльбрус». А на старинной фотографии, сделанной И. Ланге в конце XIX века, видно, что у наружных стен грота Дианы стоят две доски: слева – чугунная, с русским текстом, а справа – каменная, с арабским текстом. Вероятно, они оказались там после ремонта и перестройки ванн и грота.

В июне 1905 года на КМВ лечился начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, генерал-майор Василий Александрович Потто (1836-1911), который одновременно по поручению наместника Кавказа собирал сведения обо всех исторических памятниках на КМВ. В их число Потто внес и памятные плиты при гроте Дианы. Эта регистрация памятников производилась с целью их дальнейшего поддержания, на что из казны собирались отпустить необходимые средства. А в июле 1909 года генерал-майор В. А. Потто, будучи снова на КМВ, обратился с настоятельной просьбой к директору КМВ С. В. Тиличеву отправить на «вечное хранение» в Военно-исторический музей («Храм славы») Тифлиса две исторические доски (чугунную и каменную) с начертанным на них описанием похода Емануэля, которые находились при гроте Дианы. По решению Управления КМВ в местной литейной мастерской с чугунной доски с русским текстом была оперативно сделана бронзовая копия, которая и была оставлена в Пятигорске. Около 20 августа 1909 года две оговоренные старинные доски были отправлены в Тифлисский военно-исторический музей. В 5-м издании «Путеводителя по Кавказскому военно-историческому музею» (Тифлис, 1915) указывались два экспоната периода генерала Емануэля: чугунная доска с русской надписью о восхождении ученой экспедиции на гору Эльбрус и каменная доска с той же надписью на арабском языке. Как известно, с установлением советской власти на Кавказе Военно-исторический музей в Тифлисе был уничтожен, и многие его экспонаты пропали бесследно.

Мемориальные доски, повествующие о славном походе видного царского генерала Емануеля, были убраны в музейные подвалы и укромные места, подальше от пристального взгляда сталинских идеологов. Лишь в конце 1950-х годов, при комплексном исследовании эпиграфических памятников Кавказа на арабском языке, стало известно, что в павильоне Музея Грузии, в селении Армазисхеви, хранится большая каменная плита (165 X 90 см) с арабской надписью об Эльбрусской экспедиции. А другая подобная арабская надпись была обнаружена на чугунной плите, находящейся в фондах Краеведческого музея Пятигорска. В 1962 году были сняты эстампы с каменной плиты в Армазисхеви исследовательницей Н. Г. Волковой и с чугунной доски в Пятигорске ученым-арабистом Л. И. Лавровым. Оказалось, что обе арабские надписи обеих плит, повествующие об Эльбрусской экспедиции Емануеля в 1829 году, абсолютно совпадают. А в 1960-х годах журналист Е. Д. Симонов обнаружил бронзовую «эльбрусскую» плиту с русским текстом у старого каптажа источника за Академической галереей. Ныне Пятигорский краеведческий музей располагает двумя памятными досками об Эльбрусской экспедиции Емануеля – бронзовой (с русским текстом) и чугунной (с арабским текстом). А историческая чугунная плита с русской надписью, перевезенная из Пятигорска в Тифлисский музей, ныне находится в Нальчике и установлена у здания НИИ Кабардино-Балкарии. Каменная же «эльбрусская» плита с русским текстом, находившаяся в Пятигорске, ныне считается утраченной.

Отрывок из книги «Первовосхождения на Эльбрус»

Бойко Сергей Павлович (21.07.1932 – 2008) – известный ставропольский писатель. Член Союза писателей России, ответственный секретарь альманаха «Ставрополье». Автор тринадцати книг.

Сергей Павлович Бойко родился в Казахстане, городе Семипалатинске в большой семье потомственных интеллигентов. Дед по материнской линии Иона Дмитриевич Туренский, историк, автор многих монографий по истории церкви. Отец Павел Константинович Бойко – сын дворянина. Тётя Валентина Ионовна Туренская – известная ставропольская писательница.

ропольская писательница.

В 1934 г. семья переехала в Ставрополь, где и прожил Сергей Павлович всю свою жизнь. По образованию он, как и его дед, историк. В студенческие годы увлекался археологией, участвовал в раскопках, а стал писателем.

Первый рассказ был опубликован в 1951 г. в многотиражной газете Ростовского университета, где Сергей Бойко учился на историко-филологическом факультете. Друг, поэт Александр Екимцев, посоветовал ему писать для детей научно-популярные книги. Так, по словам самого писателя, Александр Екимцев определил его «голос»: темой творчества Сергея Павловича стал непростой и редкий жанр научно-художественной литературы для детей.

С 1966 г. Бойко С.П. – преподаватель кафедры истории в Ставропольском сельхозинституте. Здесь он получил возможность изучить много научно-популярных журналов, материалы из которых легли в основу будущей огромной картотеки журнальных и газетных статей, созданной писателем. Благодаря постоянно пополняемой информации, чтению научно-популярных книг, собственной любознательности и литературному дару Сергей Павлович начинает издавать книги: «Загадки древних страниц», «Первобытные архимеды» «Что за прелесть эти сказки», «У истоков великих открытий», «Корона императора Тиберия» и другие.

Бойко открыл в детской литературе новый жанр. Книги Сергея Павловича изданы в Ставрополе, в Москве, в прибалтийских республиках, в Париже. Бойко С.П. много ездил по краю и с удовольствием выступал перед детьми. Имя Сергея Павловича Бойко тесно связано со Ставропольской краевой детской библиотекой им. А. Екимцева. Он был гостем на многих библиотечных мероприятиях, на которых рассказывал о том, как рождаются его книги, читал отрывки из своих произведений, отвечал на вопросы юных «почемучек». Не стало этого удивительного человека – сказочника с детской душой – в 2008 году.

* * *

Волшебное окно

В небольшом городке Богучарове было мало высоких домов. Совсем не было заводов и фабрик. Зато много было торговцев и ремесленников. И еще много было сказочников. Или так казалось Саше? Ему рассказывали сказки и родные, и дворовые. Он слышал сказки от стариков и старух, что грелись на завалинке за воротами...

Еще совсем маленьким он узнал про Марию Моревну и злого Кощея, про Царевну-лягушку, Ивана-царевича и Серого волка, про Бабу-Ягу.

Под Богучаровом росли могучие леса, и Саша был уверен, что там живут все эти персонажи, очень боялся ездить через лес – всегда прятался под медвежью полсть и не выпускал из пальцев отцовскую руку.

Когда Саша подрос, он попросил отца почитать ему сказки и был страшно удивлен, услышав, что в доме таких книжек нет.

- А на улице? – спросил Саша, имея в виду тех разносчиков книг, которых видел на базаре.

- И на улице нет, Саша, сказки еще никто не записывает и не печатает.

- Почему? – удивился мальчик.

- Считается, что это баловство, и нельзя на них тратить бумагу.

- Но ты мне однажды читал сказки!

- Нет, малыш, то были не сказки, а книга для детей «Зеркало добродетели», там есть чуть-чуть и сказок. Одна-две, и не такие красивые, как тебе рассказывает няня.

Так мальчик впервые узнал странную вещь: сказки можно рассказывать на завалинке, а печатать в книге – нельзя. И он решил вырасти и исправить эту несправедливость.

Александр Афанасьев сдержал свое слово, как великий Шлиман, который в восемь лет сказал отцу: «Я вырасту и раскопаю Трои!».

У деда на мезонине стояли шкафы с книгами. Там мальчик тайком от отца (мама его умерла рано) листал страницы книг, отыскивая сказки. Но так ни одну и не нашел. Зато прочел много интересного.

Чтобы выполнить свою цель, – понял Саша, – надо очень много знать. С радостью пошел в церковноприходскую школу, где, впрочем, ничего не почерпнул, запомнил лишь, как его за пустую провинность ставили на колени, били по рукам линейкой, оставляли без обеда, драли за волосы...

В Воронеже отец устроил его в гимназию. Саша старался хорошо учиться, много читать, но и от семи лет гимназии у него остались большей частью безотрадные, тоскливые воспоминания.

И только в Московском университете, куда он поступил в 1844 году, Александр встретил настоящих мыслителей-педагогов и как губка впитывал знания из уст К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, С. П. Шевырева, О. М. Бодянского. Особенно сильное впечатление произвели на него

лекции профессора Ф. И. Буслаева, который ввел юношу в таинственный, манящий с детства мир фольклора.

- Фольклор, – говорил профессор, – это огромный мир забытых поверий, обрядов, преданий. Он обладает какой-то магической силой: кто хоть раз всерьез заглянет в него, будет покорен неизведанными глубинами и захочет их освоить... Ах, сколько талантливых людей пытались разгадать его тайну, но так и остановились на пороге ее. И думалось, что никогда уже не удастся нам заглянуть в души умерших людей и понять, зачем они огораживали свои поселения черепами животных на шестах, зачем сжигали предков в ладье вместе с вещами, зачем наряжались в шкуры зверей...

Но осталось окошечко в далекое прошлое; окошечко это – волшебные сказки. Узенькое это окошечко, и оно затуманено, и таинственный мир волшебной страны виден еще смутно, и не ясно. Но придет, придет время, господа, когда мы разгоним туман, протрем волшебное стекло и заглянем в дальние дали это страны. Когда придет это время? Когда найдется смельчак, сильный и храбрый, кто не побоится опасностей трудного пути и решит посвятить себя изучению мира древних преданий. Может быть, это будет кто-то с вашего курса. Благословляю вас!

Эти слова потрясли Афанасьева. Это же к нему обращается профессор, это от него он ждет подвига!

В студенческие годы Саша пишет интересные работы фольклору. По окончании университета ему хотелось полностью отдаться труду над славянской мифологией и сказками, но надо было зарабатывать на «хлеб насущный», и он поступает на работу в Главный архив иностранных дел. Лишь вечерами и долгими ночами мог отдаваться любимому труду. Медленно, мучительно, преодолевая усталость, Афанасьев читает и читает древние славянские предания и осмысливает их в своей бессмертной книге «Поэтические воззрения славян на природу», где объясняет, как пришли в нашу мифологию великаны и карлики, нечистая сила, огонь и вода, колдуны и ведьмы.

И едва ли не каждый день – в Москве или в дальних командировках – А. Афанасьев старается расшевелить людей и услышать от них новую сказку. Через несколько лет у него уже набралась их пухлая пачка.

Однажды к нему пришел Даль, который в это время занят составлением Толкового словаря русского языка.

- Александр, – сказал он Афанасьеву. – Тебе жизни не хватит собрать все сказки.

- Что же делать?

- Попросить сказки у тех, их давно собирает, – ответил Даль и тут же вручил ему большую связку бумаг – сказки, которые он сам успел собрать и записать.

Подарили свои собрания русских народных сказок П. И. Якушкин и несколько оставшихся безвестными собирателей, понимавших, что Афанасьев лучше справится с задачей.

В 1851 году он стал готовиться к изданию.

Первые «Народные русские сказки» выходили отдельными выпусками с 1855 по 1863 год (8 выпусков). Это было самое полное издание сказок – более шестисот – не только в России, но во всем мире. Книги произвели сенсацию: впервые в печати появилось подлинное народное слово, без искажений и сюсюканья

Российская Академия наук присудила А. Н. Афанасьеву за это издание Демидовскую премию, а Географическое общество – золотую медаль.

Второе издание вышло уже после смерти Афанасьева – в 1872 году – и с тех пор много раз переиздавалось, и до сегодняшнего дня остается самым полным собранием русского сказочного фольклора.

Наследники Пугачева

Время основания села Маслов Кут установили крестьяне: «... селение наше заселилось с ведома здешнего начальства в казенное ведомство с 1774 года, о том старожилые наши старики, пришедшие еще на траву и поселившиеся на оной Алексей Ноземцев, Евгений Малачков, Петр Гордеев, Савелий Шевченко утверждают».

Одиннадцать лет поселенцы не знали ни барщины, ни оброка. Потому и называли они свое село Привольное. Урочище Маслов Кут, от которого и пошло название села, было богато водой, лесом, зверьями.

В 1775 году владельцем урочища стал князь Потемкин, получивший в подарок от императрицы тридцать тысяч десятин земли по обе стороны реки Кумы. На крестьян он пока не претендовал. И они еще 20 лет жили в мире и покое, считаясь государственными крестьянами и исправно выполняя все свои обязанности.

«... А как Потемкин тот, не выдавший ни селения, ни мельницы, ни земли оной и не владевши ею никогда в 1792 году помер, то оная земля оставалась по отводу тому неизвестности беспредельною, а когда родственники его, Потемкина, в 1793 году делили между собою оставшимся имением после дележ, то оная земля в числе прочего имения досталась пустопорожнею и наследстве генерал-майору Высоцкому».

Сохранился и документ, с которого, собственно, и начинается вся эта история столетней войны крестьян одного села против всей царской администрации, мы его находим в материалах все той же следственной комиссии: «1794 года марта 20 дня армии генерал-майор и ордена Святой Анны кавалер Николай Петров сын Высоцкий в роде своем не последний продал я Ея императорского величества камердинеру из Санкт-Петербургской губернии помещику Захару Константиновичу сыну Зотову... в вечное и потомственное владение обмежеванную в Моздокском уезде по обе стороны реки Кумы при Масловом Куте лежащую землю...»

Ловкий делец, умевший делать деньги, Зотов заплатил всего шесть тысяч рублей, потому что купил землю «пустопорожнюю», без крестьян. А за-

тем упросил императрицу подарить ему и мужиков, живших в урочище Маслов Кут. 30 сентября 1795 года о том последовал императорский указ.

Вскоре в село отправился первый управляющий Аглаимов. Он объявил крестьянам, что с сего часа они уже являются не государственными, а крепостными и принадлежат помещику Зотову. Мужики заявили, что под помещиком быть не хотят, и Аглаимову едва удалось унести ноги.

Четыре года (1795-1798 гг.) крестьяне бунтуют, отказывается подчиняться царскому указу о продаже их помещику Зотову. Ни угрозы, ни зверства местной организации не помогают. 31 января 1799 года в село входит с отрядом солдат в 30 человек георгиевский уездный земский исправник. Он требует покаяния, но крестьяне, пишет он, «... не внемля никаким речам не причитают их несправедливыми, все толпой кричат, что они не принадлежат Зотову».

Бесславно покинул село земский исправник, ушли солдаты, и тогда против непокорных была направлена регулярная воинская часть во главе с генерал-майором Тучковым-вторым. Здесь уже крестьяне были бессильны.

Страшную расправу устроил генерал на площади села. Троих руководителей восстания палач засек насмерть, семь человек прогнали сквозь строй и сделали вечными инвалидами, а тридцать четыре человека были избиты батогами нещадно, им вырвали ноздри и выжгли на лицо клеймо.

После этой расправы крестьяне некоторое время ничем проявляли своего «строптивого характера», но когда в 1825 году сын Захара Зотова продал село «не служащему нигде, не имеющему ни по силе жалований благородному российскому дворянству грамоты 64 статьи, свободного права на владение толиким числом российского народа Кизлярскому армянину Калантарову», крестьяне снова взбунтовались. Они отказались работать на Калантарова, повиноваться ему, платить барщину. Они заставили нового управляющего трусливо бежать из села. Они обращаются к царю с просьбой дарования им воли. Им кажется, что сейчас наступил очень благоприятный момент для освобождения их из рабства. Царь, очевидно, не знает, кто Калантаров -не дворянин, и почему крестьяне имеют законное право не подчиняться Калантарову. В 1825 году они дважды пишут императору. Около десяти писем в 1825-1829 годах направлено крупным чиновникам.

А губернские власти между тем пытаются успокоить крестьян. Третьего января 1826 в село вели роту солдат «для приведения крестьян в повиновение законному помещику Кулантарову». Три месяца солдаты пыгались утихомирить крестьян. Не удалось. Девятнадцатого марта в село пришла сотня казаков Волгского полка с одним орудием. И это не утомило крестьян. Восстание разрасталось. Мужиков пороли розгами, били палками, но они отказывались повиноваться.

В январе 1830 года в Маслов Кут вошли три батальона Крымского пехотного полка под командой капитана Новицкого, 9-я мушкетерская рота и пятнадцать казаков.

Тяжело читать страницы следственных дел, на которых рассказывается о подавлении восстания. Около ста человек были подвергнуты жесточайшей экзекуции, двадцати двум из них вырвали ноздри, клеймили, после чего сослали в Сибирь. И это в то время когда следственная комиссия выяснила правоту жалобщиков. Начальник Кавказской области вынужден был донести императору Николаю I, что в расследовании этого дела «...видны пристрастные действия чиновников и противозаконные решение суда, при котором не только не получили крестьяне никакого удовлетворения, но и некоторые из них были наказаны и сосланы в Сибирь».

В 1834 году в село Маслов Кут вновь входит воинская команда, изменение численности которой хорошо говорит об ее «успехах». Вначале в команду входило около 100 казаков, затем их число сократилось до 25, в 1835 году -50, затем казаков сменила артиллерийская рота.

Какие еще села в России могут гордиться таким пренебрежением к воинской силе? И она, эта сила, бессильна заставить крестьян смириться со своей участью.

В следственном деле по восстанию крестьян села Маслов Кут 1853 года десятки тысяч страниц. Перелистаем некоторые. Заднюю часть телеги направили в реке Куме. Догадались: утонули ехавшие на ней двое крестьян, справили по ним панихиду. А крестьяне между тем были живы – здоровы и, запутав следы, шли в Петербург к императору.

Да, масловокутцы были детьми своего времени. Они ненавидели чиновников, помещиков, но свято верили в царя. Шесть писем было отправлено ими российским императорам, и каждое письмо полно веры в царя-батюшку. «... О, царь! Ты наш владыка, ты наш покровитель, ты наша надежда и упование, ты наш отец и благодетель, мы к тебе пришли, к тебе припадаем, тебя просим и призываем, сожалейся, умиლოსердись, реши наше дело здесь в Сенате и не отсылай нас обратно на горькое истязание в лютую тюремную смерть к незаконному помещику армянину Калантарову», – писали они 15 мая 1844 года Николаю I.

Но разве помещик передаст своего же брата помещика? Конечно, нет. И на все письма масловокутцев российские императоры отвечали отказом. А ходяков, конечно, не без ведома «доброего» царя, избивали до крови, до потери сознания.

И тогда отправлялись новые ходатаи, «... а как по отправлении оных за общественным нашим делом остались у них жены, дети и все хозяйственное обзаведение, до дабы оно без бытности их не могло прийти в какое-либо упадок или самое разорение, то с общего нашего единогласного согласия положили: ... делать оставшимся женам и детям их необходимое пособие, а какие следуют с них подати, повинности и оброки, не требуя от жен и детей ничего, и не тревожа в том оных сполна обществом уплачивать и отбывать безуговоренно».

А что же Калантаров? Этот себя чувствует превосходно. В наглых письмах свих высшему начальству он снимает с себя всякую вину за происходящие в селе события: «... Я и ныне не думаю, чтобы хотя один из них, крестьянин, мог жаловаться в чем либо на меня лично, ибо кроме добра ничего другого для них я не делал».

И ему верили. В 1844 году Герасим Калантаров был избран губернским предводителем дворянства. По статусу своей должности он обязан был вместе с губернатором следить за порядком в губернии, за тем, в частности, чтобы дворяне не превышали своих прав в отношении крепостных. Однако следственная комиссия, которая глубоко изучила причины восстания крестьян в 1853 году, вскрыла такие вопиющие нарушения законности, что пришла к выводу: «В сельском маслокутском управлении существовало зло, которое не может быть оправдано ни законом, ни местными обычаями края».

Все, что было самым характерным для крепостничества, все самые страшные его черты проявились невероятно ярким образом в этом ставропольском селе. Помимо тяжелой барщины Калантаров заставлял крестьян выплачивать большие денежные платежи, отбирал их личные имущество. Нещадно эксплуатировал не только взрослых крестьян, но и беременных женщин, и малолетних детей. И когда дети не могли выполнить слишком больших уроков, их в зимнее время оставляли ночевать в лесу и в поле, где некоторые замерзали.

В издевательствах над крестьянами Калантаровы превзошли, наверное, и средневековых феодалов. Вот отрывки из материалов следственной комиссии:

«... Крестьянка Лукерья Никитина Васильченкова объявила, что года три тому назад в поле приказчик Яков Заико наказал крестьянку Анну Седакову так жестоко, что она на другой день умерла.

... Крестьянка Екатерина Заикина показывает, что назад тому 5 лет перед Петровым днем она вышла на барский покос грести, а писарь Степан Зернов, приехав туда, спросил ее, «почему она не пошла на скотник». Она сказала, что беременна, и как там таких не принимают, то и не пошла. Зернов, взяв ее за руку, начал бить жестоко плетью по животу и спине, вследствие чего спустя месяц она разрешилась от бремени преждевременно младенцем, который не прожил и часа».

Эти страшные свидетельства крепостной поры можно продолжать и далее. Их много. За сто лет от побоев скончались около тысячи крестьянин.

Много раз крестьяне поднимались на помещиков, совершали на них покушения. В 1853 году накал борьбы достиг критической точки. Нужен был только повод, чтобы началось мощное восстание. И такой повод нашелся. Зимой 1852 года крестьяне должны были заготавливать лед для господских ледников. Работа эта тяжелая, опасная и сложная. И крестьяне отказались выполнять это поручение. И когда господские холоуи бросились на них с плетью и палками, связали их и заперли в холодном погребе. И решили больше не выходить на работу, уничтожить своих мучителей и избавиться раз и навсегда от крепостничества.

Они стали готовить восстание.

В материалах следственной комиссии указывалось, что крестьяне были настолько едины в своем стремлении к свободе, что не нашлось ни одного предателя, который бы выдал хозяину план восстания.

Старые сельские начальники были упразднены, вместе них были назначены новые. Атаманом стал Кикоть, он же и главный руководитель восстания. Два «выборных», более 20 человек «стариков», составлявших совет при атамане и выборных. Вокруг атамана Кикотя сплотились его верные единомышленники, смелые и талантливые организаторы восстания: Ф.И. Шелест, П.П. Бабаченко, Г.Ф. Прасолов и другие. Они провели целый ряд совещаний, на которых тщательно продумали план восстания, в том числе и его военную сторону. По совету отставного солдата лейб-гвардии Семеновского полка Филиппа Васильевича Шелеста, на площади был выстроен укрепленный оборонительный лагерь.

Несколько дней пять писарей составляли списки лиц, которые желают примкнуть к восстанию. Все они давали торжественное обещание «скорее погибнуть всем», но помещику проклятому, который их угнетает, не повиноваться».

Восстание разворачивалось по заранее продуманному плану. Сначала нужно было расправиться со своими мучителями. Если бы на площадь сразу высыпалась тысячная толпа, они бы разбежались. Поэтому атаман Кикоть поручил небольшой группе крестьян, составленных из самых здоровых и крепких молодых выти на площадь, и пугать во всеулышание помещика.

Лишь к вечеру 2 января 859 года – первого дня восстания -толпа на площади увеличилась до трехсот человек.

Помещик сбежал из села сразу после расправы с его слугами. В селе стало действовать самоуправление во главе с атаманом Кикотем. Он решил заручиться поддержкой крестьян соседних сел и превратить восстание в мощную крестьянскую войну. Способные ораторы из мужиков были посланы в село Федоровку, Александровку, Удельное, Отказное. Сам Кикоть выезжал в село Нины.

Однако поднять другие села не удалось. Лишь некоторые крестьяне из соседних деревень явились в село Малов Кут. А о том, чтобы поднять мятеж у себя, и речи не было. Профессор В. А. Романовский, который провел глубокое исследование восстания, писал: «Восстание это могло вылиться в грандиозное крестьянское движение, если бы руководители его выдвинули лозунги способные объединить крестьянские массы. Такие лозунги были у Разина и Пугачева. В самом деле, что мог предложить вождь восстания Кикоть, когда он со своими товарищами совершал агитационную поездку в село Нины перед трагическими событиями 12 января 1853 года? Масловокутцы заявили и раньше, и под картечными залпами усмирителей: «Мы хотим воли! Да здравствует воля! Ура!» Ну что это конкретно означало для масловокутцев? В переводе на понятный для них язык это означало: « Долой Калантарова! Мы хотим быть свободными государственными крестьянами!»

Но ведь жители окрестных сел уже были государственными. Поднять восстание ради того, что они уже реально имели, было бессмысленно».

Событие в самом селе между тем развивались следующим образом. 4 января в село прибыл земский исправник с двумя заседателями и стряпчим. Однако они сразу поняли, что имеют дело с организованным и сплоченным народом, который не пойдет ни на какие уступки. И земский суд вызывает войска.

О том, насколько было напугано местное начальство, говорит сама численность вызванных войск. 11 января в село прибыли 900 человек солдат и офицеров при четырех орудиях во главе с генерал – майором Принцем. На следующий день прибыл генерал – майор Волоцкий – ставропольский гражданский губернатор.

Бурмистров Федор Петрович (род. 1917) – крупный партийный деятель Карачаево-Черкесской автономной области и Ставропольского края, депутат Верховного Совета СССР 1970 и 1974 гг., заместитель председателя президиума совета Ставропольского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции, орденом «Знак Почета» и 6 медалями:

«За победу над Германией», «За победу над Японией», «50 лет Вооруженных сил СССР», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.)», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Федор Петрович Бурмистров родился в селе Асники Захаровского района Рязанской области. В 1938 году окончил сельскохозяйственный техникум Ленинского района Московской области. Работал агрономом в Иркутском областном управлении сельского хозяйства. В 1938-1945 – служба в Советской Армии. В 1942 году вступил в член ВКП (б). После войны работал в Астрахани инструктором обкома, вторым, первым секретарём райкома КПСС.

С 1951 года живет в Ставропольском крае. Исполнял обязанности первого секретаря Степного райкома КПСС Ставропольского края.

С 1952-1955 – слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС в г. Москве. В 1960 годы – первый секретарь Зеленчукского райкома КПСС Карачаево-Черкесской автономной области, секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС, первый секретарь Пятигорского горкома КПСС, 1970 годы секретарь, второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС. С 1968-1975 – первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС.

Бурмистрова Ф.П. всегда отличала активная жизненная позиция, неугасающий патриотизм и желание быть полезным обществу. В 1980-х Федор Петрович Бурмистров возглавил Ставропольское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Усилиями членов организации на территории края восстановлено и отреставрировано немало мемориалов и памятников, открыта галерея пейзажей заслуженного художника России, почетного гражданина города Павла Моисеевича Гречишкина.

* * *

Чувство Родины в сердце каждого

В старом и тенистом парке орденоносного ставропольского колхоза «Коммунистический маяк» установлен на невысоком каменном пьедестале гипсовый бюст Александра Сергеевича Пушкина.

Строго говоря, неказист этот скромный памятник: при ближайшем рассмотрении отливка производит впечатление составленной из многочисленных, словно мозаика, отдельных гипсовых частей неправильной формы. И дефект этот не в состоянии скрыть даже наслоения краски, которой для данных целей в колхозе явно не жалеют.

Немало гостей прославленного на всю страну колхоза бывало в парке, стояло у этого памятника великому русскому поэту, и некоторые, честно говоря, не выдерживали.

- Ведь колхоз ваш, – вежливо осведомлялись они, – миллионер? Неужели так трудно раздобыть новый бюст взамен этого?

- Можно, конечно, – отвечают в таких случаях хозяева, – но дело тут, понимаете ли, не в деньгах...

И дело действительно совсем в другом. В том, что почти полвека назад приобрел этот памятник поэтому колхоз, в ту пору еще не имевший ни ордена на знамени, ни миллионов на счету в банке. Было предвоенное, трудное и сложное время, и скромные колхозные доходы, что называется, было куда вложить. Но средства выкроили, памятник, как могли, соорудили. Понимали: помимо материальных, нужно создавать и накапливать для людей духовные ценности.

А тут и война. Пришли в старый парк оккупанты. Полоснула по бюсту русского поэта немецкая автоматная очередь, чужие солдаты сбросили его с пьедестала. И разлетелся памятник на куски.

- Закопать! – распорядился офицер.

Осколки зарыли в землю. А когда спустя несколько месяцев наши воинские части выдворили оккупантов со ставропольской земли, солдаты увидели: в парке, на стареньком пьедестале вновь стоит гипсовый Пушкин. Заботливые людские руки (жаль, не знаем мы – чьи именно) в одну ночь вырыли из земли осколки, склеили их, умело подогнав один к другому, и поставили на свое законное место.

Потом, спустя время, бюст подремонтировали, но и до сих пор хорошо видны на нем сколы, оставленные четыре десятилетия назад пулями гитлеровцев.

Так и стоит в колхозном парке гипсовый Пушкин. И все, кто знает эту старую историю, невольно останавливаются возле него: люди в волнении смотрят на Пушкина, Пушкин, загадочно улыбаясь, – на людей.

И как не вспомнить здесь слова, сказанные поэтом при жизни: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим... Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».

В истории с памятником великому поэту нет случайного. Отношение советских людей к культурному наследию воспитано политикой и практикой Коммунистической партии и Советского государства.

Памятники Отечества. Забота о них всегда была делом особым и сугубо важным для советской власти. Одним из первых ее декретов был декрет «О памятниках Республики», принятой Совнаркомом 12 апреля 1918 года и составляющий основу ленинского плана монументальной пропаганды.

На основе ленинских указаний об охране памятников искусства и старины, увековечивших славу, доблесть, труд народа, память о его творцах, создавших шедевры мировой культуры, во все последующие годы Советской власти шла большая творческая работа по обобщению и приумножению культурного наследия советского народа.

В развитии этой деятельности в 1966 году было создано Общество охраны памятников истории и культуры, а в 1976 году принят всесоюзный Закон, утверждающий, что Советское государство, следуя ленинским принципам отношения к культурному наследию, создает все условия для сохранения эффективного использования памятников в интересах коммунистического строительства.

Это наглядно можно видеть на примере нашего Ставропольского края. В результате большой работы Советов народных депутатов, органов культуры, общественности в городах, станциях, селах и аулах выявлено и взято на государственный учет более 1300 памятников истории и культуры.

Под руководством партийных организаций в крае создана и действует широкая сеть организаций Всероссийского общества охраны памятников. Первичные организации Общества ныне объединяют около полумиллиона человека. Около двух тысяч предприятий, колхозов, совхозов, других организаций являются коллективными членами Общества. Энтузиасты-краеведы активно участвуют в выявлении, учете и охране памятников, их пропаганде.

В общественно-политической жизни трудовых коллективов памятники истории и культуры стали занимать активную роль. Они способствуют усилению нравственного, эстетического воспоминания людей, их приобщению к истории, духовным ценностям, красоте родного края.

Не иссякает поток людей к памятникам Владимиру Ильичу Ленину, к обелискам на братских могилах воинов – героев гражданской и Великой Отечественной войн. Ежегодно около двухсот тысяч человек приходит в мемориальный музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске, расширяется день ото дня плодотворная работа в музеях художника Н.А. Ярошенко и осетинского поэта и просветителя К.Л. Хетагурова.

Вокруг памятников идет благотворный процесс складывания новых обычаев, церемониалов, закрепления накопленного опыта в воспитании подрастающего поколения: прием в пионеры и комсомолы, принятие военной приписки, к ним приходят в свой первый день совместной жизни молодожены.

Митинги, собрания трудящихся, ветеранов войны, молодежи, уроки мужества у братских могил... Все это не выдумано нами, не насаждается искусственно, а рождается в гуще народной, становится традицией.

Мы обязаны гордиться этими традициями, способствовать их развитию и закреплению. Ведь только врагам социализма выгодно, чтобы дети наши предали забвению подвиги известных и безымянных героев. Но из памяти народной они никогда не уйдут! И сегодня вместе с нами они находятся в строю.

За околицей станицы Беломечетской Кочубеевского района с давних времен стоит скромный, отлитый из старого чугуна памятник, венчающий курган братской могилы. Здесь захоронены казаки, погибшие за честь Отечества и за спасение от кабалы народов Кавказа в жарких схватках с турками, предводимыми грозным, но тем не менее разбитым Батал-пашой. Монумент этот ухожен, вокруг аккуратная оградка, на доске - имена погибших русских воинов. Всюду видны следы заботливых человеческих рук. И не случайно пионер, кладущий к подножию холма букет скромных полевых цветов, с гордостью говорит нам, указывая на фамилии давно павших героев:

- Видите: Гречкин? А я – тоже Гречкин!

И мы понимаем: безмолвный памятник вдохнул в ребячью душу гордость своим далеким предком, отдавшим жизнь за свободу Родины; он сделал то, чего не в состоянии сделать многие десятки речей и проповедей.

А ведь когда-то, еще после войны, таких памятников на Ставрополье было немало. Теперь остались единицы. А остальные? То ли ушли они в трудные годы на переплавку, то ли стали жертвами небрежности и глумления нерадивых людей. К сожалению, мы и поныне нет-нет да и сталкиваемся в своей практике с некими, ставшими притчей во языцех, «Иванами, не помнящими родства».

Это их бестрепетными руками учиняются на памятниках культуры различного рода надписи, порой даже неприличные, ломаются ограды, наносится ущерб ландшафту охранной зоны.

Одних запрещений, досок с указанием «Охраняется государством» недостаточно. Надо, чтобы вокруг фактов хулиганского или безответственного отношения к памятникам создавались нетерпимое общественное мнение, а при необходимости хулиганство разбиралось и в народных судах.

Мало соорудить памятник – надо постоянно содержать его в образцовом техническом и эстетическом состоянии. В свое время, к примеру, на средства, собранные по инициативе краевой комсомольской организации, был сооружен в селе Величаевском памятник героям-подпольщикам. Сейчас вокруг памятника – запустение, а сам он нуждается в серьезном ремонте.

Подобная судьба постигла многие обелиски, воздвигнутые на перевалах Кавказа в честь героев, попавших в боях с немецкими захватчиками. Ставили их, как правило, участники туристических походов без необходимых технических расчетов, из местных материалов. Ныне они также ждут к себе внимательного отношения со стороны шефов.

Все это говорит о том, что повсюду необходимо создать атмосферу уважительного отношения к тому, что создано трудом и талантом поколений. Известно, что Закон «об охране и использовании памятников истории и культуры» предусматривает строгие санкции к тем, кто нарушает правила содержания памятников. И местные органы, вся наша общественность должны более активно использовать предоставленное им право.

Уважение к прошлому своей страны, преклонение и даже, если хотите, благоговение перед ее полной тревог историей и подвигами ее героев – совершенно необходимая черта всякого культурного советского человека.

«Чувство Родины, – подтверждает в своей замечательной книге «Воспоминания» Леонид Ильич Брежнев, – у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины, которая в дни опасности и больших испытаний вся от края до края становится вдруг до боли близка и дорога».

В самом деле, трудно представить себе человека, сердце которого не вздрогнет и не захлебнется счастьем от одного вида той сельской улицы, с которой не встречался несколько десятилетий; от взгляда на пожелтевшую и хрупкую фотографию матери, сделанную в тот период, когда была она еще не привычно тихой старушкой, а молодой и красивой девушкой; от чтения старых газет, страницы которых сохранили для нас, ныне живущих, тревоги и волнения давно отшумевших лет. Наверное, все это и есть чувство Родины, которое живет в каждом сердце, но некоторое, тем не менее, надо развивать и воспитывать.

В связи с этим хотелось бы сказать о музеях как собирателях и хранителях эпохальных ценностей. Производственное оборудование, предметы быта морально стареют и обесцениваются. Экспонаты – наоборот, со временем дорожают, представляют большой интерес. Музеи краеведения или, как их называли прежде, «родиноведения», ценны не только сами по себе: они являются действенными средствами патриотического воспитания.

Вот почему в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981 -1985 годы и на период до 1990 года» записано: «Улучшать работу музеев, охрану и пропаганду памятников истории и культуры».

На Ставрополье сейчас более двухсот музеев, комнат революционной, боевой и трудовой славы. Рожденные памятью народа на самостоятельных началах, они играют большую воспитательную роль в коллективах.

- Нужно вспомнить любовь к Родине, – говорит учитель Пелагиадской средней школы В.Г. Кагарлицкий, – не как к чему-то отвлеченному, но как к родному, окружающему нас, реальному... Чтобы было нам мило наше степное Ставрополье, нужно его ценить, а ценить можно то, что знаем. И это не только слова. Владислав Григорьевич вот уже пятый год выступает в добровольной роли хранителя Памяти. Энтузиаст по складу характера, он вдохновил учащихся на благородные дела по сбору, учету и хранению драгоценных документов, реликвий, предметов труда и быта, народного творчества.

Дирекция совхоза, сельский Совет выделили помещение. Сейчас в школьном музее числится около 10 тысяч экспонатов. Он превратился в действенный очаг культуры на селе. Среди посетителей музея не только школьники, а и рабочие, специалисты совхоза, жители соседних сел района.

Отрадно отметить, что жизнь музея основана на самостоятельном творчестве самих учащихся. Все это увлекает их, дает возможность соприкоснуться с историей, культурным наследием народа.

Как важно, чтобы подобных приемов было больше! К сожалению, в ряде мест наблюдается недооценка благородного подвижничества краеведов, поисковой работы. А ее, поисковую, следопытскую работу, следует расширять и множить. На степных пространствах Ставрополья и поныне немало осталось от Отечественной войны могил безвестных воинов. Но безымянных воинских захоронений вообще-то не существует. Это суровые законы войны их делают таковыми. У каждого погибшего воина были родители, фамилия, имя, отчество. Но погибли они за честь, свободу и независимость Родины, за наше счастье живущих. А поэтому мы призваны установить их добрые имена, воздать им должное, обессмертить.

Вот почему краеведы, участники поисковых, следопытских отрядов должны получать всюду поддержку, внимание. К сожалению, это не везде делается. Порой они годами стучатся в хозяйственные органы с просьбой выделить помещение или хотя бы уголок для музея. И вроде бы никто не смеет им возразить. Но никто и не горит желанием помочь поскорее.

Непонятное равнодушие.

Музеи, даже только начинающие жизнь, – важные очаги культуры, способствуют расширению и углублению знаний по вопросам истории родного края, развивают любознательность, закрепляют и развивают лучшие традиции трудовых коллективов, прививают молодежи с раннего возраста любовь и уважение к славным делам старших поколений. Все это диктует необходимость расширять музейный показ, использовать под цели экспозиции памятники, а также дома культуры и клубы.

Ныне много пишут о памятниках старины, и это нельзя не приветствовать. Старина, как выразился писатель Д.Гранин, «необходима современному человеку не только ради украшения жизни. Она возбуждает особую любовь к Родине, она противоядие от всеобщей стандартизации, в ней есть еще какой-то необходимый нравственный витамин».

Но что и как охранять?

В.И. Ленин говорил: «Всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства, это само собой, но и как памятники быта и жизни народа».

Наша цель – сохранить для нынешнего и грядущих поколений, прежде всего, памятники, которые являются действительно историческим и культурным наследием, несут в себе большой запас познавательного, художествен-

ного, эмоционального воздействия, неразрывно связаны с задачами воспитания нового человека.

Это нелегкая задача. Повсеместно идет бурное строительство, перестройка городских кварталов, сельских населенных пунктов. В этих условиях сочетания нового строительства с сохранением и восстановлением исторических кварталов, улиц, площадей, создавать в городах и селах такую среду, которая бы рождала эстетическое наслаждение, радость, гордость за красоту своего родного села, города, всего Отечества.

Не секрет, что любое неудачное осуществленное предложение по реконструкции остается на столетия, исправить его трудно или просто невозможно. Свидетельством тому – Дом офицеров в Ставрополе. Здесь в ходе «реконструкции» исчезли со стен уникальные лепные фрески, украшавшие здание со времен, когда в нем размещался первый на северном Кавказе русский драматический театр. Померкла лепка, придававшая редкостное своеобразие фасаду дома, в котором ныне размещается краевой институт усовершенствования учителей.

Давайте же задумаемся: простят ли нам наши потомки беззаботность, с которой все это допускается, сочтут ли они «уважительной причиной» наши ссылки на отсутствие сотни-другой рублей, которые необходимы были для сохранения художественной выразительности?

Ответ может быть один: нет.

Красота наших городов, станиц и сел не только поднимает их престиж, но и способствует коммунистическому воспитанию людей, укреплению их любви к родной истории, к созидательной, творческой деятельности. Одна из важных сторон в этом деле – выявление и включение в жизнь населенных пунктов сохранившихся исторических памятников и памятных мест, являющихся частью их трудовой летописи.

Памятники истории и культуры представляют наше огромное национальное, духовное богатство. Ежегодно многие тысячи советских людей, соприкасаясь с культурным наследием, углубляют свои знания по истории нашего Отечества, повышают свою культуру. А это помогает лучше трудиться сегодня, воспитывает в людях гордость за свою страну и ее успехи.

Но все это не может быть достигнуто только охраной памятников. «Охрана» – понятие пассивное. Ведь то, что нужно охранять, следует запретить на замок и спрятать подальше ключ. Вряд ли это верно. Главное в этом деле – заставить памятники действовать, возвышать душу, агитировать за новое, за наше будущее.

А у нас, к сожалению, зачастую памятники нашей культуры, нашей истории молчат. Виной этому проявление безразличия, равнодушия. Этим в известной мере можно объяснить неоправданно затянувшиеся работы по реставрации архитектурно-исторического памятника – комплекса X века в Нижнем Архызе в Карачаево-Черкесии, первой гидростанции «Белый уголь».

В Ставрополе в первой половине прошлого века по инициативе прогрессивных деятелей России был выстроен самый крупный по тому времени военный госпиталь. Он был опорным медицинским учреждением для всех лазаретов Северного Кавказа. Госпиталь неоднократно посещал выдающийся общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии Н.И. Пирогов.

Разве этот исторический факт не заслуживает того, чтобы его отметить мемориальной доской или каким-либо другим знаком? Помимо эстетического воздействия, они работали бы на наше новое время. Воспитывали бы у молодого поколения чувство гордости за славное прошлое русской медицины.

Но чем, как не равнодушием, объяснить, что это событие никак не отмечено? Мимо этого знаменательного здания каждый день равнодушно проходят тысячи людей, не обращая на него внимания, потому что не знают об истории этого здания и его значении отечественной медицины.

Как-то повелось в последние десятилетия, что главной, почти единственной формой увековечивания событий стал монумент. Конечно, монументы важны и нужны. Но почему забыли мы о традиции, родившейся еще в Киевской Руси? В память важного события воздвигалось здание общественного значения, в тех условиях – храм. А позже не храм, а Тургеневская, Пушкинская, Некрасовская и другие библиотеки, Ломоносовская школа в его родном селе.

Думается, что эту традицию нужно развивать. Школа, больница, детский сад, ПТУ, дом культуры с барельефом, фреской или мемориальной доской, говорящей о том, в честь какого события или какого славного сына народа они сооружены, возможно, с комнатой, выставкой, музеем. Ведь это были бы замечательные памятники.

Чувство патриотизма – это чувство гордости за Родину, а чтобы гордиться, нужно знать, чем и за что гордиться. К патриотизму нельзя только призывать. Его нужно заботливо воспитывать. И начинать эту работу с юных лет, со школы. Улучшать пропаганду исторических знаний, создавать в школах кружки по истории. Расширять пропаганду знаний о культурном наследии через широкую сеть культпросветучреждений.

Комсомол Пятигорска еще в 1974 году у мемориала «Огонь вечной славы» открыл пионерско-комсомольский пост. Обращаясь к членам этого поста, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л.И. Брежнев писал: «... Свято храните и умножайте боевые и трудовые традиции ваших отцов и дедов. Учитесь у них преданности высоким идеалам коммунизма... По-отечески вас обнимаю. От всего сердца желаю вам здоровья, счастья, успехов в учебе и труде, в ваших патриотических делах».

Эти теплые слова Леонида Ильича, подобно хорошему семени, дали прекрасные всходы. Сейчас пионерско-комсомольские посты у монументов славы действуют во всех городах, многих районах центрах края. Они объединяют более 50 тысяч юношей и девушек.

Все это говорит об огромных возможностях нашей работы среди школьников, пионеров и комсомольцев, всей молодежи. Мы располагаем тысячами энтузиастов, историков, которые бескорыстно, побуждаемые лишь любовью к Отчизне, ведут большую и полезную работу. Важно искать и находить пути к таким людям, всячески поддерживать их добрые дела.

Значительный вклад в дело улучшения пропаганды памятников истории и культуры призваны вносить экскурсионно-туристические организации. В краевом совете по туризму числится более 700 экскурсоводов. Следует больше проявлять заботы о совершенствовании их знаний по вопросам культурного наследия. Добиваться, чтобы экскурсовод не допускал примитивизма, подходил к оценке и пропаганде памятников с классовых, партийных позиций, раскрывал роль народа в создании произведений искусства и архитектуры. В основе показа памятников должны лежать точность идейных оценок, глубина социального анализа, эстетическая взыскательность. Это особенно надо иметь в виду сейчас, когда все народы нашей страны готовятся отметить 60-летие образования СССР. В юбилейный год серьезно возрастут и туристическо-экскурсионные потоки. Наше Общество готовится к своему очередному IV съезду. За 15 лет своего существования оно превратилось в массовую общественную организацию. Накоплен ценный опыт, сформировался многочисленный актив подлинных энтузиастов, боевых помощников партийных организаций на важном поприще охраны и пропаганды художественных, исторических и культурных сокровищ народа.

Подготовка к съезду – хорошая основа для дальнейшей активизации работы по учету, охране и пропаганде памятников.

Культурное наследие всегда вызывало интерес у народа, у его творческой интеллигенции.

Дело писателей, журналистов, учителей-историков искать и находить те простые и высокие слова, которые могли бы донести до каждого человека все то прекрасное, героическое, замечательное, что связано в нашей истории с каждым древним и новым памятником.

Такие слова, конечно, не могут быть найдены равнодушным автором. Должно стать великой честью для писателя, поэта, журналиста найти и написать самые вдохновенные и высокие слова о русской, о советской славе, вроде слов поэта Сергея Орлова:

«Его зарыли в шар земной,

А был он лишь солдат...»

Повседневное участие партийных и советских организаций, всей нашей общественности в деле охраны историко-культурного наследия, активная жизненная позиция советских людей в сохранении памятников, всенародность этого дела – главный залог успешного выполнения исторических решений XXVI съезда КПСС.

Бутенко Владимир Павлович (род. 30.05.1952) – врач, заведующий терапевтическим отделением краевой стоматологической поликлиники, известный ставропольский писатель, журналист, главный редактор альманаха «Литературное Ставрополье», лауреат литературной премии им. С.Бабаевского, лауреат Всероссийской премии «День Победы», дважды лауреат Премии губернатора Ставропольского края, член Союза писателей России. Автор 5 книг и более 30 публикаций.

Владимир Павлович Бутенко родился в хуторе Дарьевка Родионово-Несветайского района Ростовской области в семье сельских учителей. Окончил Ставропольский медицинский институт. Когда с семьей переехал в Ставрополь, серьезно увлекся литературой. Уже первые литературные пробы стали успешными. Позже в Ставрополе вышли книги «Зимний костер» (стихотворения и поэма), «Хуторские колодцы» (рассказы и повести), «Ожидание друга» (повести). Романы В.Бутенко «Казачий алтарь», «Любить навек», «Властелин и раб» позволили более внимательно взглянуть на роль казачества в летописи Великой Отечественной войны. Высокую оценку роману дали известные писатели А. Знаменский и А. Губин. В феврале 2007 г. вышла книга Владимира Павловича о трагических судьбах казачьего сословия во времена коллективизации на Северном Кавказе. «Мать атамана».

Владимир Бутенко – автор многих песен, сам пишет музыку и стихи. С сольными концертами он выступал в Москве, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Черкесске, Волгограде. Принимал участие в фестивале «Славянский базар», в Днях Российской культуры в Париже. Выпустил три сольных альбома «Вино любви», «Соловьиная ночь», «Ночной Париж».

* * *

Я верю в книгу

Семья наша ютилась в двух комнатках, отведенных для жительства учителя еще при строительстве хуторской школы в 1905 году. За полвека Дарьевка немного изменилась. Разве что вместо куреней возвели земляки-донцы добротные дома. Но по-прежнему на краю бывшего майдана прочно стояло ладное кирпичное здание, особой – на известке – кладки, под железной крышей, с высокими оконными рамами.

Были сени с парадного крыльца, просторный зал, из которого открывались двери в два класса. В начальной школе для удобства преподавания существовало разделение: мама вела первый и третий класс, отец – второй и четвертый. К слову, школа считалась в районе одной из лучших. Отца отметили званием «Отличник просвещения РСФСР». А мама в партии не состояла, поэтому удостоивалась одних благодарностей. Но ведь самое трудное – научить чтению, правописанию и счету несмышленного первоклашку – выпадало на ее долю. Этому, конечно, она научила и меня.

Помню свои первые книжки: «Латышские народные сказки», «Конек-Горбунок», «Чипполино». Пристрастился к чтению незаметно, вышло это как бы само собой. Разгадка, пожалуй, в том, что застекленные шкафы с полками, – школьную библиотеку, – я воспринимал как свою собственную, ибо родители, сами любившие читать, никогда не ругали, что подолгу рылся, разглядывал книги и географические атласы, а наоборот поощряли. И вот поочередно, – каждый в свой час! – в мою отроческую душу вошли Пушкин со стихами и поэмами, Тургенев с «Записками охотника», Толстой с «Казакami», Чехов-рассказчик. И самый непостижимый и таинственный среди них – длинноволосый Гоголь. Нередко зимними ночами, прислушиваясь к вою бурана на дворе, когда, мнилось, вот-вот сломится поскрипывающий осокорь за окном от жуткой качки, представлял я Всадника из «Страшной мести», бьющегося с бесовской нечистью, или относил непогоду к проделкам какого-нибудь горбатого колдуна, живущего по соседству с нашим хутором, вполне похожим на Диканьку. В самом деле, от Дарьевки до украинской границы по прямой – километров тридцать... Эти грезы, несомненно, развивали способность к сочинительству. Лет в девять придумал я стишок, а с шестого класса стал юнкором «районки». И приобрел определенную известность: хуторяне мои заметки воспринимали как чудачество!

Дальше затянул вихрь приключенческой романтики: «Два капитана», «И один в поле воин», «Белый клык», повести о юных патриотах Великой Отечественной. И, конечно, фантастика – «Аэлита», «Человек-амфибия», «Затерянный мир». С не меньшим упоением усвоил всё, что раздобыл про Шерлока Холмса... Когда настала пора юной влюбленности, потребовала душа того, что волновало сильнее всего. И я оказался во власти Есенина! А кто из моих сверстников в конце шестидесятых не родился с его поэзией? По крайней мере, наши сердца наполнились светлыми чувствами, озарились любовью к Руси и ко всему живому...

Потом, уже в выпускном классе, пришло увлечение Толстым, Тургеневым и Лермонтовым. Начитавшись их, я пытался и в жизни походить то на князя Андрея, то на Печорина, то на Базарова. Теперь, с временной дистанции, даже желание совместить в себе этих трех героев, непохожих ни в чем, мне кажется до глупости наивным. Тем не менее верх взял Базаров, и я отправился за тридевять земель поступать в медицинский институт...

Многое в моей судьбе определил первый год студенчества. Оказавшись в Ставрополе, в отрыве от родителей и семейного уюта, непросто входя в институтский мир, я повзрослел довольно быстро. И столько раз перечитал «Герой нашего времени», что знал его, поди, наизусть. Печорин, наделенный необыкновенной силой духа, помогал мне, стеснительному пареньку, укреплять волю, – это ощущал буквально физически! С ним становилось и уверенней, и не так одиноко... Наконец, выпросил все тома «Тихого Дона». И обнаружил невзначай, что это был во многом иной Шолохов, нежели тот, которого любил по роману «Поднятая целина», понятному и незамысловатому. Необъятный размах исторических событий, обилие героев, трагедия казачьего люда, и – особый наш говор, хуторской уклад сродни дарьевскому, милая донская степь, – всё, знакомое до боли, ощущалось на страницах эпопеи и вращало в мое сердце. А как восхитил образ Григория! К трем уже названным любимым героям добавился и Мелехов!

После первой сессии, снежной зимой приехал я в Дарьевку уже гостем, с «отл.» в зачетке. В тот же вечер заглянул в домик бабушки и дедушки. Они мне обрадовались, а после обстоятельного разговора впервые доверили почитать им вслух Евангелие. С трепетом душевным взял я в руки фамильную святыню – старинную, закапанную воском, источающую особый волнующий запах, присущий церковным книгам. Только начал читать громко и чуть нараспев, чтобы старики разбирали слова, как смятение и благодатная растерянность вдруг обьяли меня, подчинили, и Христа я ощутил простым и родным мне, дивясь доброте Его и вбирая поучения не рассудком, но сердцем... С тех пор Библия стала для меня главной книгой!

Однако наутро, со свойственной молодости горячностью, наметил для саморазвития прочесть что-то из классики. Содержать сына в институте, хотя ничем среди однокурсников я не выделялся, уже тогда учителям было чрезвычайно непросто, и мама подрабатывала библиотекарем в клубе. Там разыскал я трехтомник Куприна в бледносиней твердой обложке. Страницу за страницей глотал с неудержимым интересом и восторгом. Помню ощущение духовного подъема, которое испытал, закрыв последний том. Проповеди Христа, прежде озарив мою душу неведомой силой, как бы упорядочили окружающую жизнь, а на этот душевный фон своевременно и благотворно наложилось творчество Куприна. Ему во многом обязан я становлением характера, осознанием своего места в жизни. А это уже не юношеские, а мужские качества!

Как-то весенним днем забрел я в универмаг, где купил шампунь «Солнышко», оттуда – в Дом книги. Довольный покупкой, сунув томик Бунина в портфель, уселся в сквере. Трезвонили синички, проливалась небесная синь до самой земли, проходили мимо скамьи лучистоглазые девушки. А я сочинял нечто трагическое: о разлуке с любимой, о своей покинутости... Хватился запоздало. Пробка шампуня дала течь и приторно-душистая жидкость пропитала часть листов... Эту книгу я храню до сих пор. Ибо навек запомнил, как открыл ее и наткнулся на рассказ «Антоновские яблоки». С первых

же слов услышав неизъяснимой красоты и силы бунинскую музыку, всем существом войдя сквозь пелену строк в погожее осеннее утро, забыл, где я... Вполне объективно могу сказать, что в тот час пережил одно из самых больших и прекрасных потрясений! Мне открылось: Бунин, венчая «золотой век» литературы, достиг в изобразительности божественной мощи, его творчество сопоставимо разве что с волшебством!

Позже, став уже врачом, майскими зорями снова зачитывался я рассказами Ивана Алексеевича. И «Деревня», и «Веселый двор», и «Ночной разговор» оставили ощущение, будто всё это пережито лично мною. Неповторимое, запредельное счастье переполняло душу! Я отстранял вишневого цвета томик и во все глаза смотрел на него, как бы желая убедиться, что это наяву... А за окошком, в гущине сирени, устало цокал соловей, росистое степное утро наполнялось голосами, стуком, грохотом молочных баков. Я собирался в поликлинику, разговаривал с женой, а в душе не меркло блаженство от гениальных строк!

Немало прошло лет. Уже далеко не молодым оказался на Сент-Женевьеве-де-Буа в Париже. Не стану лукавить, отправился я туда, чтобы поклониться кумиру. И вот нашу делегацию водят по печальным местам, от одной могилы великого к другой, а я с колотящимся сердцем озираюсь по сторонам, ищу знакомое по фотографиям надгробье... И вдруг слышу: «А здесь похоронены Бунины». Два спаренных креста, скорбная простота. Сверху нависают ветви сосны. Шишку, лежащую на песчаной дорожке, я поднял и забрал с собой...

Нет, сколько бы ни твердили мудрецы о значении книги, о том, что она дает знания и формирует личность, ее цели и характер, всего об этом величайшем человеческом создании не скажешь. Но я всё-таки попытался объяснить, каким образом книги влияли на мой жизненный путь.

Подытожу. Тургеневский Базаров «помог» мне выбрать профессию. Пушкин и Есенин научили обостренности восприятия мира. Гоголь показал, на что способно писательское воображение и сказанное не всеу замашистое слово. Толстой раскрыл неограниченность интеллекта и таланта. Чехов, Кулприн и Бунин воспитали меня, как писателя. От Шолохова перенял любовь к отчему краю. И по праву повторяю хрестоматийные слова классика, что всем лучшим во мне обязан книгам. Оттого втройне горько, что умная книга в нынешней России в загоне. Плодится новое – обескниженное – поколение. Притом, что масскультуровской халтурой забиты магазины! А телевидение кишит бандитско-гламурными сериалами и можно представить, кого они «воспитают». В том же направлении действуют «клубовские» и «аншлаговские» юморюги, дивя публику безмерными возможностями пошлости и уродствами языка. Сверх того, иные чиновники, – невежды в галстуках, – с презрительной усмешкой поучают: книги не нужны. Кто хочет, пусть читает в Интернете...

Да, лихомерно опутала книгу «всемирная паутина». Наряду с пользой, Интернет принес страшные издержки, отнял ночи и дни у миллионов людей

для бесплодного времяпрепровождения. Развелись в виртуальном пространстве и поэты. Есть якобы среди них даже «великие». Какое заблуждение... Поэзия существует только во плоти и духе. Только в книге! Страница – зеркало души. А электронный междусобойчик, когда эти «великие» восхищаются один другим, – пустая забава взрослых людей, зараженных тщеславием. Особенно это наглядно, когда интернисты-модернисты и прочие «самовыраженцы» без тени смущения и даже с эпатажем, – нате вам! – публикуют в своих тощеньких сборниках нечто подобное:

Заря брызжет рыжим маслом

В сковородке раскаленной.

Две коровы в белых масках

У крыльца стоят влюбленно...

Мы-то полагали, что поэт обязан каждой строкой отвечать перед вечностью, а не просто фиглярничать, издеваться над словами в самовлюбленном трансе.

И всё же я верю в книгу, в её мощь и живучесть! Велик и уникален духовный запас русской культуры и словесности. Как велики небо, океан, солнце. И только Господь да «могучий, правдивый и свободный русский язык» могут спасти нас от бездушия...

Гнеушев Владимир Григорьевич (02.10.1927 – 28.07.2011) – поэт, писатель-документалист, журналист, член Союза писателей России, первый лауреат краевой награды в области литературы и искусства – премии им. Героя Советского Союза Александра Скокова. Автор 16 поэтических и 10 прозаических книг.

Владимир Григорьевич Гнеушев родился в селе Кевсала Ипатовского района Ставропольского края. Рано оставшись без родителей, Владимир Гнеушев беспризорничал, поэтому хорошего школьного образования не получил. До 1944 года, когда призвали в армию, рабо-

тал в родном колхозе, на Махачкалинском консервном заводе, на Ставропольской городской электростанции. Воевал в годы Великой Отечественной войны, дошел до Берлина, затем служил в Польше, в 1946 года попадает на флот.

На литературное поприще пришел в 1951 году. По рекомендации Союза писателей Ленинграда поступил в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве, который закончил в 1955 году. Возвратившись в Ставрополь, Владимир Григорьевич работал в редакции краевой молодежной газеты «Молодой ленинец», при которой организовал литературное объединение любителей словесности и занимался с начинающими писателями. Первая книга стихов «В дальних морях» была издана в 1954 году. В соавторстве с А. Попутько вышли многими изданиями в Ставрополе и в Москве книги: «Тайна Марухского ледника», «Дыхание лавин», «Партизанский заслон».

В 1958 г. Владимир Григорьевич вернулся в Москву, работал в редакции журнала «Сельская молодежь», затем корреспондентом газеты «Комсомольская правда», писал очерки и короткие заметки. В 1960 году в Элисте выходит сборник переводных произведений калмыцких авторов «Калмыкия моя».

Человек яркой творческой одаренности, Владимир Григорьевич с самых первых шагов привлек к себе внимание литературной критики. Помимо ставропольской краевой печати, отзывы на его работы появлялись в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Литература и жизнь», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Советская Россия», в журналах «Коммунист», «Дон», «Нева», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Литературное обозрение». Рецензии и вступительные статьи к работам В. Гнеушева писали Р.Рождественский, Е.Евтушенко, Ю. Мориц, Ю. Друнина, Н. Старшинов, В.Шошин, Н.Капиева и другие.

В последние годы Гнеушев Владимир Григорьевич жил в Москве, печатался в газетах «Ветеран» и «Литературная Россия».

Гнеушев Владимир Григорьевич умер в 2011 году, похоронен на Никола-Архангельском кладбище в Новокозино.

* * *

В снегах Ак-Мола

Безбрежные степи, укрытые тяжелыми дикими травами, пологие взгорки, сияющие попеременно то тюльпанами, то застенчивой ржицей. Убегающие за горизонт широкие ложбины, усеянные круглой земляникой, похожей на стриженные мальчишечьи головы под зелеными тюбетейками. И на сотни километров во все четыре стороны ни души человеческой, ни конского всхрапывания, ни заносчивого петушиного крика в рассветной тишине.

Сказывают: в давние времена пробирался некий конный путник с юга казахской земли на север. И через какое-то время прибыл он к пределу, от которого начиналась степь безлюдная, а значит – мрачная. Только что упал на нее первый снег. «Как называется та земля? – спросил путник. «Ак-Мола» – ответили ему. «А что это значит?» – спросил он. «Белая могила» – ответили ему, глядя на него с жалостью и страхом. «Значит, – сказал путник в задумчивости, – эта дорога не для трусливых. Я хочу изведать ее...» И тронул поводья коня. И пропал навеки в неоглядном пространстве. Ак-Мола, Акмолинск, Целиноград и нынешняя Астана – это лишь немногие из множества имен-символов, бросающих слабый и все еще загадочный свет на происхождение земли и народов. Но об этом – в другое время. Сегодня же – о Целинограде...

В начале 60-х годов прошлого века по инициативе Центрального комитета комсомола была сформирована группа журналистов из молодежных изданий, в основном из «Комсомольской правды», и послана в Целиноград, где создавалась в то время газета «Молодой целинник». От журнала «Молодой колхозник», впоследствии «Сельская молодежь», был послан я, тогдашний разъездной корреспондент журнала.

Осталось ощущение от той поездки, как от огромного, всеохватывающего события, похожего на великое переселение народов, но не трагического, а скорее карнавального, только без масок. Все в натуральной обстановке и все-таки, как в кино, но под руководством грандиозного режиссера. Вот такое осталось и до сих пор впечатление. Постараюсь в правдивой неполноте предьявить здесь несколько эпизодов, которые, надеюсь, помогут читателю представить общую картину событий через их частности.

Целинограде, куда мы прибыли ранним, пасмурным и снежным утром, царил сумрак. Не толпы, а именно множество групп народа непонятного назначения пересекали площадь в разных направлениях. Где-то шла переключка, кто-то кого-то настойчиво окликал, но смысл переключек и окликов не улавливался, не пробивался сквозь плотный сумрак. Мы искали такси, но

их нигде не было. Какая-то женщина с тремя детьми мал-мала-меньше и с двумя грузными чемоданами растерянно оглядывалась вокруг. Тоже, видно, искала такси. Оглядевшись, она подняла два чемодана, старший сын взял на руки лег трех девочек, второй малыш ухватился за пальто старшего, и так они начали пересекать площадь. И тут мы увидели, как, буквально разбрасывая сугробы ногами, бежал им навстречу мужчина. Кто-то сказал: «Пропал, чайник!» Коля, художник из «Комсомолки», флегматично определил: «Ага. Ну, сейчас она его разбудит...»

Одетые по-московски легко, мы вернулись в помещение вокзала, уже и без нас набитое до отказа, чтобы согреться. Согревшись и потеряв надежду отыскать встречающих, решили добираться хотя бы пешком, но выйти оказалось труднее, чем войти. На всех обнаруженных нами дверях висели трагические надписи: «Нет выхода». Сами двери взяты на тяжелые скобы. Выходом и входом являлась лишь одна половинка одной двери. Мы попытались открыть еще хотя бы одну дверь, но были остановлены грозным окриком: «Куда лезешь!» Пришлось нашему старшему показывать удостоверение. С его помощью была отворена вторая дверь.

На улице опять-таки снег и ветер, как справедливо отмечалось в известной песне Пахмутовой. Но наблюдалось и большое скопление санитарных машин. Тут раздался хрип вокзального громкоговорителя: «Внимание! Граждане, прибывшие на совещание отоларингологов! У выхода из вокзала вас ждут санитарные машины. Повторяю...»

- Интересно, – сказал наш художник ближнему шоферу, – все санитарки города здесь. На чем же вы тут больных возите?

- А они у нас ходячие, – гордо ответил шофер...

Кое-как добрались до редакции. Обстановка там была почти фронтовая. Редактор, Валя Осипов, встретил нас намеренно сурово, чтобы сразу отвести все претензии, которые мы, конечно, и не собирались предъявлять.

- Значит, так, – сказал он. – На гостиницу не надейтесь. Жить будете здесь, в редакции. Столов много и все они широкие. Тут достаточно тепло, так что пальто свои пижонские можете использовать вместо подушек...

Так началась наша прифронтовая жизнь на целине. Она действительно смахивала на прифронтовую, потому что комсомол в те годы был на самом деле боевой организацией, способной делать очень многое и это очень многое делавшей.

Мы окунулись в работу по созданию новой газеты, и, надеюсь, Валя Осипов и нынче на нас не в обиде...

Помню одну свою поездку во вновь созданный совхоз. Он выросал в нескольких десятках километров от Целинограда и наполовину был еще палаточным.

Ехал на лошадях в широких санях-розвальнях. Возница, веселый молодой парень из города Кропоткин, почти земляк, потому и запомнил. Еще четверо саней, груженных продуктами, уехали раньше, а он, Петр Иващенко, за-

держался в поисках подарка для своей девушки, которая «может и невестой станет». В подтверждение своих слов он достал из-за пазухи полушубка сверток с чем-то очень ярким -то ли платье, то ли большой платок. Перед выездом за город мы выпили с ним по стакану водки, чтоб веселее было в степи, а мне он сказал: «Ты лезь под полсть, а то замерзнешь, тут ветра сильнющие. Там и ружье лежит на ящиках с колбасой. Стрелять умеешь? Вот, бери патроны, они картечные». Я поинтересовался, мол, а в кого и зачем стрелять. «Да в этих степях волков, знаешь сколько? – засмеялся Петр. -В ноябре они гнались за нашими ребятами, чуть не догнали, а то б конец им был. Лошади спасли, да колбаса. Лошади вот эти самые, что сейчас у нас...»

Я с уважением поглядел на низкорослых, мохнатых «киргизов», что бодро несли наши сани по крепкой, накатанной, но все время припорошиваемой дороге в непроглядную даль. «Ну, лошади, это понятно, – сказал Петр. -А колбаса при чем?» А при том, что ее не только люди любят, – внушительно сказал Петр. – Как стали волки сани догонять, это уже недалеко от поселка было, километров с десять, лошади понесли, хоть и усталые уже. Волки посвежее, они всегда возле поселков крутятся, надеются на удачу. Видит возница, что не уйти. Бросил вожжи, скинул на дорогу полсть с ящиков, она колбасой пропахла и волки вокруг нее какое-то время повозились. Потом опять догонять стали. Пришлось один ящик в расход пустить. Сломал дощечки, пару кругов кинул, волки там драку подняли, некоторое время возница выиграл. Потом повторилось все. Еще пару кругов кинул. Но лошади начали сбиваться с ходу. Догадался возница. Сунул руку в мешок, где пачки с перцем молотым лежали, достал их, разорвал, густо колбасу посыпал и скинул на дорогу всю. Больше он тех волков и не видел. А тут и поселок показался. Веришь, поседел возница с того разу. Так теперь мы с ружьями и ездим...»

Может, волки тоже каким-то образом узнали о вооружении возниц, но сколько я ни вглядывался в снежную мглу и позади саней, и с боков, и спереди, хищников степных так и не увидел. А может, их и не оружие отвратило от нападения, подумал я, когда мы уже въезжали в поселок и все опасения остались позади, а просто перченую колбасу они невзлюбили...

Задание редакции я выполнил и дня через два возвращался в Целиноград уже на грузовой машине и из другого поселка, в теплой от мотора кабине. Шофер был пожилой украинец, молчаливый и усталый. Чтобы как-то его поддержать в бодрствующем состоянии, я рассказал ему про случай с волками и колбасой. Он промолчал, даже не улыбнулся и ничем не выдал, что услышал меня вообще. Я тоже более не стал донимать его разговорами. Ну, мол, характер такой у этого хохла. Бог с ним.

Километров за двадцать до города заприметили мы на обочине дороги человеческую фигурку, отчаянно махавшую руками и шапкой, сдернутой с головы. Шофер остановился. Парень открыл дверь кабины с его стороны, выдохнул: «Довезите...» Шофер спросил его: «Тикаешь?» Парень промол-

чал, опустил голову, пнул для чего-то небольшой фанерный чемодан, тот заскользил, зашуршал по снегу. Шофер вздохнул: «Ладно, сидай, бо змернешь навик, маты плакать буде...» Парень быстро подхватил чемоданчик, оббежал машину, держась за капот, словно боялся, что она уедет без него. Я отворил ему дверь и подвинулся. Шофер сказал: «Ось, дывысь, цей хлопец корреспондент з Москвы. Як напише про тэбэ, шо ты дызертыр, шо ты дома скажешь?» Парень глянул на меня настороженно, но ответил как бы и со злостью: «Пускай сам попробует...»

До самого Целинограда мы все молчали. Недалеко от вокзала парень попросил остановиться. Достал из кармана какую-то денежную единицу, сунул через меня шоферу. Тот, косо глянув, махнул рукой, иди, мол. Вскоре и мне было время уходить. Шофер двигатель не стал выключать, но когда я поблагодарил и попрощался и уже за ручку двери взялся, вдруг повернулся ко мне и заговорил: «Та хто ж его знае, може и вправде волки за ими гнались. Их тут як шкодлых котят у хати. А може и сами ковбасу зьылы, та на волков скинули. Ты про то не пиши. Дурне дило не хитрое...»

Широко улыбнулся мой добрый хохол, мы крепко пожали друг другу руки, и я вышел из кабины. Шофер вдогонку сказал, помрачнев: «И про цього хлопца не пиши. Бо не от доброго життя вони бегуть...»

Про волков я тогда действительно не стал писать -слишком торжественный настрой гудел в душе. Да и других тем интересных было полно. Кроме того, в Целинограде ожидался приезд самого Хрущева, и редакция на ухах стояла, добывая факты необходимые, а не те, что под руку попадались.

Сейчас в Ставропольском краеведческом музее лежит на хранении мое корреспондентское удостоверение, подписанное Валею Осиповым, бывшим редактором бывшего «Молодого целинника», в создание которого толику вложили и мы, журналисты комсомольских, молодогвардейских изданий. Щедро подписанный на срок аж до двухтысячного года. В шестьдесят первом году эта щедрость была всего лишь забавной, а сейчас выглядит весьма грустно. Но не будем грустить, а лишь с пониманием и улыбкой кивнем головой над временем, которое пролетело над нашими судьбами, как сладостный, невозвратимый сон.

Ставропольская правда, 2004 г.

Жизнь измеряется дружбой

В 1963 году в городе Черкесске увидела свет книга «Тайна Марухско-го ледника». Она вышла небывалым для провинциального издательства тиражом 120 тысяч экземпляров и разошлась практически мгновенно на огромной территории страны. В адрес авторов и издательства пошли потоки писем, в которых читатели просили и требовали продолжения расследования событий, происшедших во время Великой Отечественной войны на высокогорных перевалах Большого Кавказа. Конечно, по случай-

ному, но тем не менее странному совпадению, этим событиям к тому времени исполнилось ровно 20 лет.

Главным энтузиастом издания книги и развития последующих действий стал первый секретарь обкома партии Николай Михайлович Лыжин. Сам бывший активный участник партизанского движения в Белоруссии, руководивший подпольным обкомом комсомола. И к бывшим фронтовикам он относился, я бы сказал, свято. Неудивительно, что именно он стал инициатором и главным организатором массового подъема на Марухский перевал представителей молодежи страны в том же 63-м году. На восхождение прибыли более двух тысяч молодых людей и несколько десятков бывших высокогорных воинов, не о каждом из которых думалось, что через 20 лет после ледовых сражений они смогут подняться туда. Но они поднялись все, даже безногие, опираясь на сильные молодые плечи детей и внуков.

Один, можно сказать, личный эпизод мне запомнился особо, потому что связан он с Андреем Лаврентьевичем Попутько.

Мы решили идти вместе со всеми до самого Сухума, но в разных отрядах, чтобы больше завести знакомств. Но до перевала, пока всем не до разговоров, двигаться рядом, чтобы в случае нужды помочь друг другу. Горы высокие, а годы беспощадные.

Николай Михайлович план наш одобрил, добавив, что колонну ведут опытные альпинисты. Врачами восходители тоже обеспечены.

Солнце уже скатилось с вершины Марух-Баши, когда колонна форсировала горную речку Аксау и начала штурмовать крутой подъем к Марухскому леднику. Штаб решил поднять людей как можно выше к леднику, чтобы на следующее утро пересечь его и штурмом взять перевал. Режим был не слишком щадящим, и я, поглядывая на Андрея, видел, что он порой слишком жадно вдыхал воздух, а лицо вытирал мокрым платком. Но помалкивал, чтобы не дать ему расслабиться еще сильнее. Так и шли, прислушиваясь к спокойным командам инструкторов, которые сновали вдоль тропы. Когда начало темнеть, прозвучала команда к привалу. Инструкторы с автоматической сноровкой стали воздвигать палатки для ветеранов, возле которых решили и мы поселиться, как вдруг Андрей сказал:

- Володя, ты иди дальше, а я вернусь, буду ждать тебя в Черкесске.
- Может, врача позвать? – спросил я.
- Не надо, валидол у меня есть, а вниз идти не тяжело, успею до темноты. . .

Я знал, что в горах темнеет непредсказуемо быстро, но отговаривать не стал, только сунул ему электрический фонарь с немецким рефрактором, специально приобретенный в Москве для этого похода. Андрей посопровтивлялся, но фонарь взял. Все так же трудно дыша, он медленно двинулся вниз, опираясь на толстую палку.

- Куда это вы, Андрей Лаврентьевич? – спросил знакомый по Домбаю инструктор.

- Да по личным делам, – успокоил я инструктора. – Скоро он вернется. Я его тут подожду.

Инструктор ушел. Я присел на ближний камень, который уже успел остыть от дневного тепла. И сидел, размышляя о быстротечности времени, даже не подозревая, что обещание, данное инструктору, исполнится столь не-ожиданно.

Я все сидел на камне, хотя меня уже дважды звали, соблазняя походным ужином. Планировал, с кем буду разговаривать завтра в первую очередь. Несколько человек прошли мимо меня, ведя приглушенный разговор и посвечивая фонариком на тропу. Вдруг самый большой из них, светя мощным рефрактором, отделился от группы, подошел к нашей палатке и громко спросил:

- А Гнеушев здесь?

- Да где-то здесь был, – ответили ему.

Голос вроде Андрея, но слишком бодрый, слишком свежий для него. Ведь совсем недавно, вот здесь, задыхаясь и держась за сердце, сидел он.

- До девчат, видно, подался, – отозвался кто-то из палатки. – Вон они как песней заливаются.

Метрах в 30 девчата из Зеленчукского райкома комсомола действительно довольно выводили «Бьется в тесной печурке огонь».

- Андрей, – кинулся я к нему. – Что случилось? Почему вернулся?

- Сейчас расскажу, сейчас, – весело сказал Андрей. – Вниз я спустился довольно быстро, хотя в нескольких местах и на пятой точке пришлось скользить. Страшноато было. Но видны костры внизу, там люди, есть кого позвать на помощь. Это поддерживало. Я ведь первый раз в горах шел в одиночестве, неуютно себя чувствовал, честно говоря. За этими опасениями перестал обращать внимание на сердце. Вспомнил о нем уже на ровном месте, у реки. Прислушался: стучит, но боль ушла. И тут прямо на Николая Михайловича напоролся. Он страшно удивился:

- Ты почему здесь? Что случилось?

- Да вот, сердце забарахлило, видно, не судьба мне идти со всеми.

- Не судьба-а-а! – протянул Николай Михайлович вроде бы сочувственно.

Но я ведь его хорошо знаю: это как молния перед громом.

-А у них – судьба? – одной рукой он вцепился в куртку, а другой махнул в сторону ледника, где еще немало ребят подо льдом лежат.

- Ты же фронтовик, Андрей! – говорил он тихо. – Ты же боевых братьев сейчас покинул. Они там насмерть оборону держали. А ты, не дойдя до них, назад повернул. Знаешь, как это называется?

И замолчал. И веришь, Володя, у меня даже хлынули слезы. Николай Михайлович все понял. Приобняв меня, сказал: «Возвращайся! Вот эти парни пойдут с тобою. Ты будто бы за ними спускался. Ясно?». Он подозвал парней и сказал им: «Вот с Андреем Лаврентьевичем пойдете». Те молча кивнули.

* * *

Когда стало ясно, что характер болезни Андрея Лаврентьевича стал предельно серьезным, мы с телефонных звонков перешли на письма. Незадолго до смерти я отправил ему в меру шутивное послание. К письму приложил фотографию, на которой сижу в обнимку с бульмастифом по имени Макс. На обороте поместил небольшое стихотворение также шутивного содержания. Оно-то и привело А.Л. к некоторому улучшению духовного состояния, что видно из его ответного письма.

«С подбитыми тобой итогами жизни нашей согласен. А также и с тем, что прожить обязаны по возможности без обиды на судьбу. Спасибо за предложенную помощь. Друзья меня не оставляют, часто заходят и звонят. В первые дни нового года пожаловал ко мне поэт Сергей Рыбалко с женой, с гитарой, с новыми книгами стихов и даже с поллитрой. Поставили столик возле кровати и отмечали Новый год, а я глотал слюнки. Часто звонят ставропольцы, не говоря уже о пятигорчанах.

Обнимаю тебя крепко. Привет семье. Андрей».

...Многие приметам не верят, а ведь они часто говорят правдиво, если не разуму, так душе. В день похорон Андрея погода внезапно весьма круто изменилась: стало сумрачно, почти темно. Полетел густой, мокрый, необходимый для наступающей весны снег. Небо плакало. Но как только гроб скрылся под землей, тучи разошлись, выглянуло и засияло воистину весеннее солнце, согревая для новой жизни прекрасную нашу землю.

Жизнь коротка, даже если она длится долго. Потому, наверное, вспомнилась мне там, над раскрытой ямой, горская поговорка: «Земное бытие наше нужно измерять не годами жизни, а часами дружбы». Это сказано справедливо. Ибо только при таком условии мы можем рассчитывать на действительно долгую память.

«Ставропольская правда», 16 марта 2004 г.

Как раскрывалась тайна

Сообщения газет о гибели защитников Марухского перевала – трагической истории двадцатилетней давности – глубоко взволновали читателей, вызвали большой интерес к этим событиям. Во все газеты пошел поток сердечных и взволнованных писем. Отозвались сотни людей, и не только участники боев, но и те, кому что-либо известно о битве на леднике.

Следы жестоких и кровопролитных боев на Марухском леднике были обнаружены раньше, до работы Государственной комиссии.

В карачаево-черкесской областной газете «Ленинское знамя» еще в 1960 году промелькнула информация о иаходках на Марухском перевале. руппа студентов Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева, совершая зачетный альпинистский переход, нашла на леднике останки воинов. Альпинисты с почестями, как могли в тех условиях, захоронили безымянных солдат. Молодые альпинисты Виктор Любушкин, Давид

Гольдцман, Владимир Лебедев, Михаил Колчушин и Евгений Шуров прибыли сюда на следующий год и в своих рюкзаках подняли в горы сборный обелиск, который и установили на леднике. На одной стороне обелиска сделали надпись: «В память советских воинов, погибших в боях за перевал в 1942 году», – а ниже привели слова из альпинистской песни, которая была очень популярна в дни войны:

*День придет, решительным ударом
В бой пойдет народ в последний раз.
И тогда мы скажем, что недаром
Мы стояли насмерть за Кавказ.*

Об очень интересном рассказал нам и конструктор Ялтинской киностудии Валерий Павлотос: – Летом 1959 года Московская школа инструкторов горного туризма под руководством мастера спорта С. Н. Болдырева совершала переход по Западному Кавказу. 162 участника перехода были разбиты на пять отрядов, каждый из которых двигался по своему маршруту. Поздно ночью, закончив переправу через многочисленные рукава реки Аксаут, наш отряд заночевал на крутом и неудобном склоне левого берега. Наутро к нам подошел еще один отряд. Двумя отрядами, пройдя севернее Кара-Кая, мы вышли на Северный Марухский ледник. День был на исходе, заночевать пришлось на боковой морене ледника под Марухским перевалом. Вечером кто-то обнаружил около лагеря кости. Находке не придали значения. Но наутро, по мере подъема на перевал кости начали встречаться чаще. Всюду были разбросаны стреляные гильзы, неразорвавшиеся гранаты, осколки мин и снарядов.

Еще в Москве, при подготовке к походу нам рассказывали о следах жестоких боев на Марухском перевале. Но то, что мы увидели здесь своими глазами, невозможно представить, нельзя передать словами. Многие из нас впервые столкнулись с такой неприкрытой жестокостью войны. Подавленные увиденным, в скорбном молчании бродили мы между скал, отыскивая все новые следы боев, шедших здесь семнадцать лет назад. Тут же обнаружили скелеты трех человек. По ржавым пуговицам с пятиконечной звездочкой в одном из них удалось определить красноармейца. В останках другого был найден значок с изображением В. И. Ленина.

Вскоре над общей могилой погибших за Родину красноармейцев вырос большой холм из камней. У подножия памятника букет свежих рододендронов. В воздух ушли ракеты траурного салюта. Склонив головы, вокруг свежей могилы стояли мы в торжественном молчании. Кто-то запел альпинистскую песню «Барбарисовый куст», песню о погибшем в боях за Родину солдате. Шестьдесят голосов подхватили песню. Ветер разнес над седыми вершинами слова:

Мне не забыть той долины;	Ветер тихонько колышет,
Сложенный тур из камней,	Гнет барбарисовый куст,
И ледоруб в середину	Парень уснул и не слышит
Воткнут руками друзей.	Песни прощальную грусть.

Поиски продолжались. Ниже перевала наши товарищи обнаружили развалины немецких блиндажей, множество пустых консервных банок.

Пока шли поиски на перевале, группа, в числе которой были Герман Петров, я и еще один наш товарищ, имя которого, к сожалению, забыл, вооружившись ледорубами по крутому снежнику, поднялись на юго-восточную высотку, господствующую над перевалом и ледником.

То, что мы увидели здесь, надолго останется в памяти каждого из нас.

Вся высота была усеяна гильзами, гранатами, осколками мни и снарядов. В окопе лежали скелеты бойцов. У одного череп проломлен огромной глыбой, отброшенной, вероятно, взрывом мины.

Над самым обрывом Герман с товарищем обнаружили сложенный тур.-нем оказалась винтовочная гильза, наполовину съеденная ржавчиной. В гильзе – остатки записки. Написано карандашом, на сохранившейся части: «Иван... Мешков инженер из Баку. з 42 г.2

Там были еще отчество и месяц, но их, к сожалению, я забыл. Фамилии остальных трех солдат были написаны в верхней, истлевшей части записки.

Рядом с туром – окоп, в котором мы нашли много деревянных самодельных ложек. Бродя по высоте, среди глыб я обнаружил патронташ. От прикосновения он рассыпался, и из него полетели обрывки тетрадного листа. Разбирая огромные глыбы, мы по клочку, стараясь не потерять ни одного кусочка драгоценной находки, собирали это письмо, написанное; очевидно, перед последним боем. Написано было синими чернилами на грузинском языке. Сложив обрывки непонятно кем и зачем изорванного письма, мы увидели сверху листа текст, а под ним фамилии. Против последней фамилии стояла цифра «43». А скелетов на вершине всего пять. Где же остальные? Может быть, когда кончились боеприпасы, красноармейцы предпринимали отчаянную попытку пробраться к своим, и темной ночью, оставив тех добровольцев (чью записку нашли в туре) прикрывать отход, спустились по отвесным скалам на юг, в Грузию.

Или бойцы поднялись в последнюю атаку и, сметая все на своем пути, ринулись вниз на головы наступающих немцев, полегли в неравном бою на склонах перевала?

Через несколько дней мы были в Сочи. Отсюда я уезжал домой, в Ялту, у меня продолжались каникулы. Записки передал ребятам с просьбой отвезти их в Москву в институт криминалистики. Приехав в Москву через месяц, я узнал, что записки попали по назначению...

И еще. В память о жестоких боях за Кавказ храню привезенные с перевала гильзу крупнокалиберного пулемета и стабилизатор от мины. Вместе с осколками снаряда из Севастополя они всегда будут для меня символом воинского героизма и верности Родине...

Мы побывали в Московском институте криминалистики, где подтвердили все, о чем рассказывал Павлотос. В институте долго исследовали полуистлев-

шие обрывки записок. Полностью расшифровать текст не удалось, но с помощью химиков ясно проявились фамилии воинов на грузинском языке.

Вот они, эти фамилии: Мосуладзе, Аргвадзе А., Чихинадзе С. Ч., Ревашавили, Микадзе, Джанджгава, Закаришвили, Джалагания, Саркисян, Тусенян, Девадзе.

Кто они? Какова их судьба? Может быть, кто из них остался в живых, – пусть откликнется и раскроет эту тайну.

Долго ничего не давали о себе знать семьи Иванченко и Розенберг, письма которых были обнаружены на леднике. Обнаружив во льду неотправленное письмо Иванченко к жене Татьяне Петровне, мы считали, что он погиб и его последнее письмо так и осталось при нем на леднике. Мы ждали письма от Татьяны Петровны, и вдруг прислал письмо сам Артем Прохорович Иванченко. Он, наперекор тяжелой солдатской судьбе, остался жив, с достоинством прошел все тернистые тропы войны и теперь работает там же, где и до войны, – на Бакинских промыслах. Мы побывали в Баку, встретились с высоким крепким седым человеком с глубокими морщинами на лице. Тогда, в войну, ему было 39 лет, а сейчас еще двадцать следует прибавить. Живет он в Баку с 1930 года. Артем Прохорович во всех подробностях рассказал нам о боях на Марухском перевале:

«В армию меня призвали сначала 22 сентября 1941 года, но потом вернули. Однако в ноябре меня снова призвали, и вместе с другими моими товарищами я сел в эшелон. На четвертые сутки мы выгрузились. Вскоре нас начали обмундировывать. Прибывало все больше людей. В декабре нас распределяли с учетом воинских специальностей. Так я попал в 810-й стрелковый полк.

А вскоре наш полк перебросили в район Сухуми, поместили в хороших казармах, и началось наше обучение, по четырнадцати часов в сутки занятия. Так продолжалось до середины марта сорок второго года, когда начались налеты фашистских самолетов, и нас рассредоточили по разным местам. Мы снова много занимались боевой подготовкой, изучали матчасть, рыли траншеи по берегу Черного моря. Пятнадцатого августа полк получил приказ выступать. Поздно вечером мы прошли мимо села Захаровки и остановились на ночлег в долине с редким кустарником. Это был последний наш отдых, а затем двое суток готовились к боям: получали боеприпасы, лошадей, ишаков, вьючные седла для них. Получили сухой паек – по несколько килограммов сухарей, по 800 граммов селедки и 300 граммов сахара на человека. Нам сказали, что это на десять суток. Уже через несколько суток припасы кончились, и каждый питался тем, что находил в лесу и на полянах.

Но еще хуже пришлось нам, когда взойшли на лед. Дышать тяжело – воздух разреженный, холодно, голодно. Ноги у всех потертые. Английских хваленых ботинок с толстыми подошвами едва хватило на этот переход: кожа подошв была гнилой, как пробка, и разваливалась на глазах. Многие из нас остались в одних портянках, так как снабжение в те первые дни еще не было налажено.

Перевал встретил нас сурово. Темно, кругом голые камни, костры не развесишь, нет и еды. Шинели и пилотки уже не грели. Выставили караул и стали коротать

время до утра. На другой день нам повезло: какой-то чабан из местных жителей, фамилии его сейчас не помню, пригнал к нам отару овец, которую ему чудом удалось спасти от немцев. Он сказал, что при этом погибли три его товарища.

Нам выдали по килограмму или полтора баранины. Варить или жарить было негде, ели сырое мясо. Утром первого сентября мы пошли за перевал. Нас, минометчиков, распределили по подразделениям – по два расчета в каждом. Ледник перешли уже затемно и расположились на возвышенности – вероятно, на той самой, где после были найдены наши письма и документы. Немцы не стреляли, и поначалу мы думали, что их и вообще на этом участке нет.

Но когда рассвело, то обнаружилось, что через лошину от нас, выше по гребню хребта с красными скалами, находятся их ячейки. Начался бой, в котором многие товарищи наши погибли, но паники не было, и мы тоже крепко дали фрицам из минометов и пулеметов. Приготовились даже атаковать их, не смогли: люди ослабели, а рубеж надо было брать крутой и высокий.

Мы несли потери, а подкреплений с перевала не было, как не было и продовольствия, и боеприпасов. По-прежнему лежали мы среди голых камней в своих тонких шинелишках, под которыми было лишь летнее обмундирование. А дожди со снегом шли каждую ночь. Одним словом, от наступления нам пришлось отказаться.

Командиром минометного расчета в прикрытии был я. Наводчиком – Семен Розенберг, веселый и храбрый одесский парень. Заряжающим был грузин Картозия, а установщиком – химинструктор сержант Тучков. Фамилий стрелков и пулеметчиков я не помню.

На леднике погибли мои товарищи – Картозия и Розенберг.

По мне начал пристреливаться немецкий пулеметчик. Одна очередь ударила по краю шинели и по брюкам. Я упал, отлежался, пока внимание его отвлеклось от меня, потом быстро пробрался по леднику вверх – где ползком, где на четвереньках, а где и в рост.

Теперь надо снова спуститься ближе к противнику, под большую скалу, откуда начиналась тропа, ведущая на перевал. Выйдя из камней, я сел на шинель и быстро съехал прямо на ту скалу. Там уже собрались человек тридцать солдат, в большинстве мингрелы. Чуть погода, в наступавших сумерках мы тронулись на перевал, но вышли на него, помню, не все. Многие упали в пути и подняться уже не смогли.

Утром нас отправили вниз, к лесу, где собирались подразделения нашего полка. Я сильно ослабел. Через каждые пятнадцать-двадцать шагов падал, снова вставал, шел и опять падал. Километра через четыре, как раз возле тропинки, расположился продовольственный склад – мешков десять сухарей и еще что-то. Я попросил у часового хоть что-нибудь.

– Ты что? – сказал часовой. – Это же для всего полка!..

Я заплакал и пошел дальше. Метров через пятьдесят упал и тут увидел листочки щавеля и ягоды черники. Подкрепился. Еще километра через два

увидел водопад. Начали встречаться бойцы, но не нашей роты. Потом я увидел командира нашей роты. Не могу рассказать, как мы обрадовались, встретившись друг с другом.

– А где остальные ребята из прикрытия? – спросил он.

– Там, – ответил я, махнув рукой в сторону перевала. Больше я не мог говорить... Он повел меня туда, где были остатки нашей роты, в том числе и установщик из моего расчета Тучков. Помню фамилии некоторых – наводчик Аникин из первого взвода, два командира отделений из третьего взвода – Морозов и Матвеев...

Разожгли костер, получили паек, поели, а отдохнуть не удалось. Связной вызвал нашего командира в штаб, где ему приказали занять высоту, расположенную километрах в пяти вверх по склону. Часов в шесть мы вышли, уже в девять заняли ее. Все-таки было теплее, чем на леднике.

Через три дня 810-й полк получил приказ занять перевал. Выступили утром, а часам к четверем подошли к перевалу. Вел нас майор Кириленко. Вскоре поднялась ожесточенная стрельба из всех видов оружия. Выбрав удобные позиции, мы дали сильный встречный огонь. Немцы не выдержали и отступили на перевал, окопались. Наши подразделения заняли оборону по ущелью выше водопада и держались там до подхода подкреплений. Здесь я открыл свой счет за погибших товарищей.

Мы лежали в ущелье на правом фланге и наблюдали за противником. Солнца садилось. Я видел, как от реки вышла группа немцев, числом около десяти, и стала продвигаться по кустарнику в нашу сторону. Слово бы хотая обойти с фланга. Я доложил об этом командиру роты Андрею (фамилию его не помню). Он посмотрел в бинокль и сказал:

– Подпустим их поближе.

Чуть погода окликает меня и говорит:

– Твой – хвост группы, а моя – голова. Команды не жди. Как останутся – огонь.

Так мы и сделали. С первого залпа голова и хвост были отбиты. Противник в замешательстве. Еще два выстрела – и еще двух фрицев нет...

А наутро разыгрался ожесточенный бой, длившийся несколько суток. Немцы не выдержали натиска и отступили на гребень перепала, где у них были сильно укрепленные позиции. Мы тоже подошли к самому перевалу и окопались, закрепив свои рубежи. Так продолжалось еще несколько дней. Потом повалил снег и закрыл все горные тропинки.

К этому времени наш полк получил пополнение и технику. У нас появились в достатке продукты, дрова, боеприпасы. Всем нам выдали теплые полушубки, валенки, шапки, башлыки. Жили так: неделю – на передовой, неделю – во втором эшелоне...

Однажды, когда мы отдыхали во втором эшелоне, вызвал меня командир роты и приказал собираться по-полному, боевому, объяснив, что тяжело ранен командир второго взвода и убит начальник боепитания.

Часа в три дня мы вышли. В лесу повстречались нам бойцы, которые несли комвзвода и начальника боепитания. Вскоре я заболел. Поднялась высокая температура, и меня 27 декабря отправили вниз, во второй эшелон. Там врач осмотрел и приказал немедленно отправить в полевой госпиталь.

Кажется, 31 декабря – об этом я узнал уже в госпитале – немцы начали сильный обстрел наших позиций, но большого вреда не причинили. Наши части были подняты по тревоге – ожидалось наступление, – но к утру стрельба стихла, а потом разведка донесла, что немцы оставили свои укрепления и ушли с перевала. Видно, поняли, что дело их безнадежное, да и на других участках фронта наши войска поддали им огонька. В госпитале я пролежал около месяца, а потом попал в другую часть, так как полк наш перебросили куда-то далеко. Прослужил до августа 1945 года, демобилизовался и с той поры снова работаю на нефтепромыслах, в ста пятидесяти километрах от Баку. По все это – уже другой рассказ...

На Марухе хваленая отборная горнострелковая гитлеровская дивизия, отлично оснащенная, тренированная для войн в горах, мечтала о кавказских виноградниках и дачах на берегу Черного моря. Получила навеки в осень 1942 года «березовую рощу», что с северной стороны Марухского перевала, которую тогда же перевели на кресты намогильные для самих себя.

Я горжусь своей Родиной и Советским правительством. Горжусь ленинской партией и еще тем, что мне и моим однополчанам, моим близким товарищам – Семену Розенбергу, Картозия, коренастому, широкоплечему крепышу, с шапкой черных волос на голове, мастеру на веселую шутку и песню, братьям Буадзе – Василию и Валико, Андрею, командиру нашей роты, кубанскому казаку, и многим, многим другим – выпала трудная доля – остановать на Марухском леднике злобного врага нашего...»

Артем Прохорович не только «открыл» себя, но и пролил свет на судьбу своего товарища по оружию Семена Розенберга. По его словам, он был веселым компанейским парнем, любил петь, но умел и хорошо сражаться. Стали известны обстоятельства гибели – он попал в ледяную щель.

Но где же мать и братья, которые писали воину на Марухский перевал такие трогательные, патриотические письма, морально поддерживали воина в период больших испытаний? Ответа из Махачкалы, откуда в 1942 году ему приходили письма, не было. Значит, родные переменили свое местожительство.

И вдруг в «Комсомольскую правду» пришло маленькое письмо из г. Фрунзе от матери Семена Розенберга:

«...Вы просите меня рассказать о нем подробнее. Я исполняю вашу просьбу. Биография его была очень короткой, так как жить ему пришлось всего 18 лет. У меня было трое детей. Семен, мой старший сын, родился 6. X – 1923 года в г. Одессе и провел там все свои годы. Там же закончил 10 классов. В школе учился неплохо и больше всего на свете любил море. Заветная его мечта была стать моряком. Но ей не суждено было сбыться.

10-й класс он закончил в 1941 году. Как раз началась война. Нам пришлось эвакуироваться в г. Махачкала. Мне, как и всем в то время, очень трудно было с тремя детьми. Как раз в то время был набор в Ленинградское мореходное училище. Семен поступил в него, но вскоре заболел воспалением легких и его положили в больницу. Когда его выписали, то в училище он опоздал и в марте 1942 года ушел добровольно на фронт.

Письма нам он писал очень часто, волновался, как я живу с детьми, просил о нем не беспокоиться и вселял в нас веру, что война скоро кончится, все будет хорошо и мы опять будем все вместе.

Писем было много, и все они примерно одинаковы. Он очень скучал за нами.

Последнее письмо я получила от него в августе месяце 1942 года. Он писал, что им выдали новое обмундирование – «красивые желтые английские ботинки альпинистов».

С тех пор мы потеряли связь навсегда. Мне очень тяжело писать вам. Да все и не опишешь! У меня к вам убедительная просьба, сообщите мне, пожалуйста, когда будет открытие памятника. Я обязательно приеду.

Сейчас мое здоровье пошатнулось. Я неважно себя чувствую и не могу посмотреть могилу моего сына и его товарищей. Но я обязательно приеду. Высылаю вам его фотокарточку. Это он снимался на паспорт. У меня других, кроме детских, фотокарточек нет ни одной. Если необходимо, я увеличу этот снимок.

Вот пока все. Пожалуйста, пишите мне.

С глубоким уважением к Вам Мария Розенберг и мои сыновья Ляня и Рудик.

19 декабря 1962 года». Когда здоровье Марии Семеновны поправилось, она прилетела из Фрунзе в Черкесск и посетила братскую могилу в станице Зеленчукской, где покоится прах ее сына Семена.

Так стала известна судьба еще одного участника боев на Марухском перевале. Как видите, ключом к разгадке явились конверт и открытка с адресом, найденные на леднике.

Вы, наверное, помните один такой «ключ» – надпись на баночке. Члены Государственной комиссии извлекли изо льда останки бойца, в левой руке которого была крепко зажата винтовка. В патроннике – один патрон, второй – в магазине. За плечами через лед отчетливо просматривался вещмешок. Когда ледорубами и лопатами вещмешок был открыт, в нем обнаружили хорошо сохранившийся боезапас, комплект парикмахерских принадлежностей, полустлелшая записная книжка и маленькая гофрированная баночка, на которой нацарапано: «Андронов».

Эти скудные данные о неизвестном герое Марухской битвы упоминались в статьях, напечатанных в октябре в «Ленинском знамени» и «Комсомольской правде». Мы начали искать Андропова. И вот он нашелся, и притом не один...

Были найдены пять русских солдат, пять Андроновых – Николай Федорович, Иван Дмитриевич, Михаил Трофимович, Тимофей Иванович и Филипп Ива-

нович. Потом пришли еще четыре письма от Андроновых. Из Уфы пишет Андропова В. А. о своем муже, Андропове Федоре Антоновиче. Из г. Жигулевска Куйбышевской области – Андронов М. В. о своем брате, Андропове Павле Васильевиче. Из Верхоянского района Якутии – Валентина Грушина о своем дяде, Андропове Михаиле Александровиче. Из воинской части солдат Андронов Б. С. пишет о своем брате, Андропове Василии Филипповиче.

И уже несколько позже мы получили письмо из Херсона от Зильберман Полины Исааковны. Она не без оснований предполагает, что найденный в леднике солдат с комплектом парикмахерских принадлежностей был ее муж Исаак Абрамович Зильберман. Он житель Баку, работал там до войны в коммунальной парикмахерской. Она получала от него письма с адресом полевой почты 1451 (808-й стрелковый полк). В конце августа 1942 года Полина Исааковна получила от мужа последнее письмо, из которого можно понять, что он находится на перевале. Больше писем не было, и на ее запрос в штаб полка она получила ответ:

«Ваш муж Исаак Абрамович Зильберман пал смертью храбрых на Марухском перевале Главного Кавказского хребта,

Начальник штаба капитан Дасаев. Помначштаба лейтенант Гапонов.

31 октября 1942 года».

Полина Исааковна далее пишет, что ей удалось еще в дни войны встретиться с раненым однополчанином мужа, который рассказал, что муж был связным и что при нем всегда были парикмахерские принадлежности. По его рассказам можно судить, что Зильберман попал в щель.

«По всей вероятности, баночка с надписью «Андронов», – пишет Полина Исааковна, – была не его. Но чует мое сердце, что это был он. Очень прошу вас, членов Государственной комиссии, вспомните его внешность. Ведь вы видели его труп, извлеченный из ледника. У него был высокий лоб, рост средний, нос с горбинкой, за ухом родинка. Ему тогда было 40 лет». И действительно, осмотр трупа походит на описание Полины Исааковны, но утвердительно сказать, что «Андронов» – это Зильберман, трудно. Загадка с надписью на баночке так и осталась неразгаданной. Многие могла открыть записная книжка, но, к большому сожалению, несмотря на все старания экспертов ее расшифровать так и не удалось. За двадцать лет пребывания во льду время сделало свое ничем не поправимое дело.

Были обнаружены на леднике другие предметы с надписями. Так, на одной самодельной деревянной ложке вырезано ножом слово «Гамза». Это имя очень распространено в Дагестане. И не случайно в редакцию «Дагестанской правды» пришло письмо, которое очень заинтересовало нас:

«Я не помню своего отца Гамзаева Мирзу, не знаю, где и как он погиб. Мы получили бумагу, что он пропал без вести. Но вот я прочитал статью «Витязи ледяной крепости». Там говорится, что найдена ложка, на которой вырезано «Гамза». Меня зовут Гамза. Моя мать и другие говорят, что отец

любил вырезать на мисках и ложках мое имя... Не мой ли отец погиб на Марухском перевале?»

Письмо это прислал сотрудник Хивского отделения милиции Гамза Гамзаев.

Получили мы письмо и от студента Московского текстильного института Б. Н. Гамзы. Он пишет, что приехал домой на каникулы и мать рассказала ему про историю с ложкой. Из ее рассказов, пишет студент, я понял, что эта ложка принадлежит моему дяде А. Г. Гамзе. Мать сама видела, как он вырезал свою фамилию на этой ложке. Это было летом, когда он направлялся на фронт и по дороге заехал к нам. К концу войны нам сообщили, что он без вести пропал. Так, может быть, это мой дядя?

Мы были уверены, что откликнутся и оставшиеся в живых, и вот однажды вечером нам позвонил старший уполномоченный комитета госбезопасности по Карачаево-Черкесской автономной области майор Яковенко Евгений Максимович и сообщил, что есть еще один свидетель описываемых событий – Подкопаев. Он проживает в станице Кардоникской и сейчас пенсионер.

– Вы не знаете части, в которой он служил тогда?

– Восемьсот десятый стрелковый полк, – сказал Евгений Максимович.

Вот и начали исполняться наши надежды. Мы немедленно выехали в Кардоникскую.

Отрывок из книги «Тайна Марухского ледника»

Головко Вячеслав Михайлович (род. 1944) - теоретик и историк русской литературы, литературный критик, публицист, доктор филологических наук, педагог, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный профессор Ставропольского государственного университета; действительный член Schopenhauer-Gesellschaft (Германия); почетный член Ставропольского регионального отделения Союза писателей России; государственный стипендиат Президиума РАН; медаль им. Лермонтова. Автор двенадцати книг и более 200 научных и литературно-критических статей, опубликованных в академической, центральной, региональной и зарубежной печати. Лауреат общероссийских и региональной литературных премий Всероссийского конкурса «Профессиональная команда страны». Заведующий кафедрой истории русской и зарубежной литературы СГУ, доктор филологических наук, профессор. Член Союза российских писателей.

Вячеслав Михайлович Головко родился в поселке завод-Северский на Урале. Дед Олимп Попов был священником в приходах Екатеринбургской губернии, писал духовную музыку и песни. Отец – филолог, закончивший в конце 1920-х годов Киевский университет, был знатоком русского и украинского языков. Родословная семьи отца пересекалась с потомками рода, из которого вышел Тарас Шевченко. Жил, учился, работал в Майкопе, Елабуге, Москве, Ульяновске, Омске. С 1967 по 1968 – завуч Чистоозерной средней школы №1 Новосибирской области; 1968-1971 – ассистент Елабужского государственного пединститута; 1974-1976 – старший преподаватель Ульяновского государственного пединститута; 1976-1979 – доцент Омского государственного университета; 1979-1985 -декан филологического факультета Калмыцкого государственного университета. В Ставрополе с середины 1980-х. С 1985 – доцент, профессор, заведующий кафедрой истории русской и зарубежной литературы СГУ.

2002 – член авторского коллектива научного проекта «Классика жанра» (МГУ); 2003 – член Научного совета энциклопедии «Великая Россия. Имена» (Москва).

В Москве встречался и дружил с А.С. Эфрон, А.И. Цветаевой, комедиографом Н.Г. Винниковым, писательницей А.Д. Коптяевой, вдовой блистательного художника Роберта Фалька А.В. Щекин-Кротовой. Научная деятельность связана с исследованием творческого наследия И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, А.И. Герцена, А. Шопенгауэра, многих писателей XIX и XX веков. Первая книга В.М. Головко о любимом писателе Тургеневе вышла в 1989 году в

Екатеринбурге. В последнее десятилетие тесно сотрудничал с выдающимся русским поэтом Виктором Боковым, с самобытными ставропольскими писателями Вениамином Ащеуловым, Вадимом Белоусовым, Витиславом Ходаревым и многими другими.

* * *

Нас ветер времени ожег...

Шептало сердце – в строчках не лукавь...
Витислав Ходарев

Художественный мир эпически масштабного поэта Витислава Ходарева неразрывно связан с историей и современной жизнью Ставрополя, в которой чувствуется дыхание народной России. Витислав Ходарев благодарен своему «часу», «хорошему дню», возвестившему приход поэта в мир:

*Хороший день
Мне нарекли астрологи,
И как они все знают обо мне?
Что с Девами случится в Омске, в Вологде
И здесь, у нас, на Терской стороне.
И час настал,
Обычно и непрошенно,
Друзья пришли, и сердце ритм нашло.
Астрологи мне нарекли – хорошее,
И, вправду, мне сегодня хорошо.*

2000

Но творческий процесс – это всегда тайна художника. Неизменно только одно – вдохновение, особый подъем созидательных сил, особое волнение и душевное состояние. Марина Цветаева садилась за письменный стол, как рабочий становится к станку. Она посвящала ему – рабочему столу! – настоящие оды. Виктор Боков «дымится от стихов» в моменты «светлого состояния духа», когда, подобно раннему жаворонку, «звенит заутреню словами». Витислав Ходарев в состоянии поэтического восторга записывает все то, что своей чуткой душой воспринимает как общезначимое, существенное и необыкновенно важное для современной жизни.

Есть такие писатели, которые преданно служат одной теме или проявляют себя наиболее ярко в каком-то одном жанре. Витислав Ходарев к ним не относится. Его творчество – будучи отражением личностных качеств увлеченного, талантливого художника – удивительно разнообразно. Поэт написал немало лирических стихотворений, песен, поэм, он известен еще и как прекрасный переводчик, собиратель фольклора, хранитель народной мудрости. Выходец из среды терского казачества, он, благодаря труду и редкостному чувству слова, стал – поистине! – его «полпредом» в нашей литературе, представил во всем поэтическом блеске его историю, духовный мир и культуру.

И все-таки есть одно существенное свойство, которое проявляется во всех произведениях Ходарева. Я бы определил его как живое ощущение связи прошлого и настоящего, как художественное утверждение непреходящего значения Памяти-Совести для нравственного обновления человека и общества.

Тургенев как-то сказал в одном из писем: «Вся моя биография – в моих произведениях». К роду таких писателей относится и Витислав Ходарев. Читаешь его лирику и хорошо чувствуешь, что тревожит поэта, чем он живет, о чем болит его сердце.

*Четыре вагона
Прикрыли собой роковую беду.
Четыре вагона – « боли, и стоны,
Четыре вагона а чеченском аду.
О них умолчал и.
Они не кричал и.
Россия моя!
Как случиться могло?..
Солдаты тебя, словно мать, защищали.
Здесь болью усопших мне душу свело.
Проклятья вам шлю, генеральские звезды,
И трижды тебе – той поры Президент.
Как лихо ребят вы бросали под Грозный!
Ребят этих нет...
И поминок им нет.
Родные о них у икон голосили.
Стою и молчу.
(Крик в душе не унять).
Четыре вагона солдат из России
Забыла страна!
Как такое понята?*

(«Вместо реквиема», 2000

Мог ли поэт промолчать, когда узнал о том, что четыре всеми забытых рефрижераторных вагона с останками российских солдат, погибших в Чечне в 1994-1996 годах, обнаружены были в промышленной зоне на окраине Грозного в 2000 году. Такие стихи – это уже больше, чем факт творчества.

Чеченская трагедия я еще и потому невероятно тягостна, что не ясен ответ на вопрос, за что и во имя чего страдают люди, брошенные на произвол судьбы не только при жизни, но и после смерти? Этот вопрос застыл на выдохе гнева и сострадания автора стихотворения.

Память рода, память истории, любовь к малой родине и России, духовные связи прошлого и настоящего – все это запечатлено в произведениях Витислава Ходарева, и обо всем он говорит от имени поколения, осмысливая время, помогая юным «сократить опыты быстротекущей жизни».

О том, что поэт чутко улавливает каждую фальшивую ноту в симфонии быта и бытия, можно судить по типологическим параллелям, обнаруживаемым в его собственном творчестве и в стихах других художников слова, например, Виктора Бокова. Роднит их многое: «многослойные раскопки истории» (Виктор Боков), обостренное чувство современности, философские раздумья и утверждение приоритета нравственных ценностей. Переключки фиксируются даже на уровне поэтики названий: «Стихи про моего отца», «Стонет природа родная», «А любовь все жива», «Что мы припомним внукам своим...», «В гостях у жаворонка» В. Бокова – «Об отце», «Природа просит: – Пощадите!», «А я в любовь земную верую», «После разговора с внуком», «Я рад сегодня встрече с перепелкою» В. Ходарева. А порою стихи двух поэтов звучат как «диалог в унисон»:

В. Ходарев:

*Притих народ.
Наверно, от испуга.
Нежданно налетела злая вьюга -
И на куски, и вдребезги Страна. -
А ведь была могучею она...
Мне жаль Страну.
Забывать ли нам ее?
Летит, летит над нами воронье.
(«Над нами воронье», 2000).
В. Боков:
Россия! – говорит писатель.
И верю – в этом нет вранья,
Он прав, когда кричит: – Спасайте
Ее скорей от воронья!..*

«Россия! – говорит священник...», 1993

Даже медитативная лирика поэтов передает общее, родственное «состояние духа»:

*И я умру, и ты умрешь,
И наши близкие умрут!
Ты эту тему не тревожь,
Напрасный труд!
Все знают, что бессмертья нет,
Для всех кончается дорога.
Мне главное, что я поэт,
И каждая строка от Бога.
(В. Боков, 1993)*

*Мы все уйдем.
Отсветят звезды нам.
Кто раньше чуть,*

*а кто попозже сроком...
Я жизнь свою сужу судом души.
Без оправданий,
честно и сурово -
Сумею ль все, что надо, завершить
До той поры,
до сна, до векового?.*

В. Ходарев, 2000

Два современника, относящиеся к разным историческим пластам жизни, творящие в разных концах страны, движущиеся по разным поэтическим орбитам, думают об одном, и высокий градус поэтического пафоса определен единым, в сущности, нравственным камертоном.

А он, в свою очередь, обусловлен народностью творчества поэтов. Забытое, непопулярное в современной критике и публицистике понятие! А ведь в нем заключено все самое сокровенное: народный дух, тип культуры, сущность национального характера, наконец, этническая идентификация и ментальность.

Витислав Ходарев вплотную приблизился к тому духовному истоку, из которого каждый человек черпает нравственные силы. На протяжении многих лет поэт собирал, составлял, создавал единственную в своем роде антологию устного народного творчества – «Станичные суеверия». Он обобщил опыт многих поколений южнорусского казачества. Богатый материал взят автором из устных и письменных источников, из истории, фольклора, этнографии, мифологии ставропольских казаков.

Привлекает духовный, научный, историко-культурный потенциал этого удивительно редкого по жанру издания. Удивительно, что «предания старины глубокой», содержащиеся в нем, вовсе не безмолвные, а живые и действенные! Их и не хочется относить к разряду «суеверий» – скорее, к области народной философии, народной мудрости. Автор отделяет себя от тех, кто видит в станичных «суевериях» лишь рецидивы культурной «отсталости».

В преданиях и поверьях, в этих сгустках духовного и жизненного опыта, видятся не явления прошлого, а то наследие, которое имеет огромный воспитательный, нравственный и эстетический заряд. «Когда сидишь «нога за ногу», не качай ногой – беса качаешь» или «Нельзя плевать – на том свете сковородку лизать будешь» – какие поучительные и образные иллюстрации к этическим нормам поведения! Как народ оберегал себя такими примерами категорического императива от вульгарности, развязности, от всего непривлекательного! А вот сюжет, где мифологическое абсолютно вытесняется нравственным: «Если наступишь одновременно одной ногой на икону и хлеб – станешь ведьмой». Ведь и в самом деле: осталось ли что-нибудь человеческое в том (той), кто попирает самые высшие ценности из духовного и материального мира человека разумного? Языческое здесь тесно переплелось с традициями христианской, православной культуры.

Не спасает от предательства, от духовной измены даже крест: «Если из обручального кольца сделать крест и повесить его на шею мужа или жены, то супруги непременно разойдутся». А вот и гигиенические нормативы, действующие гораздо эффективнее разных санплакатов и казенной риторики: «Вытирать одним полотенцем руки одновременно двум или нескольким людям нельзя – будет ссора между ними».

Да, многое подмечено, акцентировано в станичных преданиях и «суевериях». Фиксируются закономерности в природном и социальном мире, в быте и человеческих отношениях. Даже метеорологический опыт вылился в форму лапидарных и запоминающихся сентенций («Красный закат – к ветру», «Воздух дрожит – к дождю»).

Совершенно очевидно: во многих народных «суевериях» не столько прагматизма, сколько поэзии! Эстетическое всегда неразрывно связано с этическим – такова диалектика человеческого осознания мира.

К мифосимволике фольклора южнорусского казачества не остались равнодушными писатели-классики, побывавшие в нашем крае. Глубинные, порождающие идеи-образы его бытийных художественных концепций стали источниками философского символизма многих литературных произведений. Вот один, но очень выразительный пример.

Издавна существовал у казаков обычай: когда ребенку исполнялось пять лет, мать обязательно вела сына ясной звездной ночью в степь и говорила, что звезды – это «глаза предков, которые всегда следят, как ведет себя человек на земле, и каждый его поступок либо осуждают, либо благословляют». Где же встречается этот образ, где мы могли прочесть о вере людей в то, что их жизнь сопровождает этот «взгляд предков»? Ну, конечно же, в самой загадочной и в то же время ключевой повести философского романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – «Фаталист». Этот образ составляет сердцевину монолога Печорина: «Я возвращался домой пустыми переулками станицы...», и до сих пор он не прокомментирован ни в одном из собраний сочинений писателя, ни в специальных работах, посвященных роману.

При сопоставлении фрагмента книги Витислава Ходарева с монологом Печорина возникает обоснованное предположение, что автор «Героя нашего времени», работая над повестью «Фаталист», вспомнил это предание станичных казаков! Печорин, глядя на звезды, которые «спокойно сияли на темно-голубом своде», невольно задумался над тем, что «наши предки» верили, будто «целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!...». В черновом варианте этого монолога героя связь с поверьем станичников проявляется еще более отчетливо. Не случайно и действие в «Фаталисте» происходит не где-нибудь, а именно в казачьей станице. Любопытно и очень существенно для изучения творческой истории «Фаталиста» то, что в основу сюжета повести положено подлинное происшествие, случившееся с Хастатовым в станице Червленной. Об этом писал

в свое время известный биограф Лермонтова П.А. Висковатов. Кстати, поэтический сюжет «звезды – это глаза предков» бытует и записан был в станицах Червленной и Александрийской. А по версии В. Х. Хохлакова, в «Фаталисте» запечатлено событие, участниками которого были сам М. Ю. Лермонтов и его друг А.А. Монго-Столыпин. Благодаря «Станичным суевериям» устанавливается один из источников романа Лермонтова.

А сколько еще таких возможностей таит в себе книга! Ведь «станичные суеверия» в виде аллюзий, реминисценций оживают на страницах многих других произведений писателей XIX – XX веков, биографически связанных с нашим краем (в прозе Якова Абрамова, например). Обнаружим мы их в собственных сочинениях поэта:

*И вспомнил я поверие веков:
Что с неба предки смотрят, наблюдают...
И понял я, что терских казаков
Они на светлый путь благословляют.
«Казачьи сны»*

С устным народным творчеством поэзия Витислава Ходарева связана крепко-накрепко: там ее истоки и начало.

Фольклорное многоцветие и многозвучие буйствует в исторических поэмах Витислава Ходарева. Они составляют своего рода поэтический триптих: «Казачий круг» (1989), «Казачья любовь» (1997), «Казачьи сны» (1995-2000).

В истории развития жанра эти поэмы занимают особое место, поскольку являются конкретным выражением очень существенной тенденции – стремления современных авторов к эпическому освоению исторической тематики, к философскому осмыслению быта и бытия. Ставропольский поэт выбирает песенно-эпический способ воспроизведения жизни гребенского казачества, укрупняя тем самым масштаб художественного изображения исторических судеб русского народа южных пограничных рубежей.

Эти крупные стихотворные произведения совмещают черты повествовательного и лирического сюжета, что в исторической поэме встречается нечасто. Безусловно, все произведения триптиха сохраняют свою генетическую связь с древней и средневековой эпопеей, от которой происходит современная поэма. Проявляется это в том, что, во-первых, картины из жизни казачества отражают события исторического значения, то есть имеют отношение к судьбам народа, страны или южнорусского региона (кавказские войны, освоение Юга России, защита ее границ, «рассказывание» в XX веке, политические репрессии 1930-1940 годов и т. д.), а во-вторых, сюжет каждой из них предстает как цикл сказов, сказаний, лиро-эпических песен, «снов». Поэма «Казачий круг» – это цикл «сказов» казачьих станиц, объединенных темой утверждения высокой героики и духа терского казачества, в жизни которого все было подчинено служению Отчизне. Каждый из героев поэмы может сказать о себе:

*Все из того, что с Россией случилось,
В сердце моем и доньше осталось.
«Казачий круг»*

Вместе с тем каждая из поэм Витислава Ходарева имеет свою жанровую доминанту. «Казачий круг» – это героико-трагическое повествование сказового типа, «Казачья любовь» – разновидность лирико-психологической поэмы, в «Казачьих снах» традиционная форма обогащена социально-философской проблематикой.

Здесь во всем чувствуется внеканоническая инициатива автора. Сопоставишь казачий триптих с произведениями этого жанра других поэтов – и невольно убедишься в правоте сказанного. Скажем, в поэмах Василия Каменского («Иван Болотников»), Николая Грибачева («Воевода Шеин»), Виссариона Саянова («Слово о Мамаевом побоище»), Константина Симонова («Ледовое побоище», «Суворов») в противовес вальтерскоттовской традиции героем повествовательного или лирического сюжета избирается реальное историческое лицо, крупная историческая личность, а течение сюжета как бы определяется самим ходом истории (их не случайно называли поэмами с «бытом и фабулой»). А Леонид Мартынов в цикле исторических поэм второй половины 1930-х годов, Дмитрий Кедрин («Зодчие», «Конь»), Павел Васильев («Соляной бунт», «Автобиографические главы») воссоздавали историю не героев, а будничных и одновременно значимых народных свершений.

У Витислава Ходарева мы наблюдаем своеобразное воплощение патриотической темы. Он буквально взрывает структуру традиционной исторической поэмы-биографии и сюжетной поэмы типа «Емельяна Пугачева», «Суворова», «Ледового побоища» и т.д., создает новый тип этого жанра. В его поэмах в равной мере функциональны образы исторических деятелей, таких, как казачьи генералы Николай Слепцов, Бекович, и тот коллективный образ народа («марьинские амазонки», казаки, жертвы террора и ГУЛАГа, участники войны в Чечне и т.д.), который является полноправным героем, а вовсе не «человеческим фоном»: и рядовые казаки, и прославленные герои это подлинные участники исторического процесса. В поэме «Казачий круг» прошлое воссоздано поэтом в образах, жизненная основа которых по законам былинного повествования обогащается вымыслом (на казачьем круге предводительствует не просто атаман, а сам Терек Горыныч!). Однако не в мифологизированном образе Терека предстает русское богатырство. Идеино-композиционную роль традиционного былинного богатыря играет здесь собирательный образ русского казачества. Это масштабный образ, и он является воплощением народного идеала силы, мужества, справедливости, любви к родной земле.

Этими же качествами наделены и «безвестные» герои в поэме «Казачьи сны».

Мы затронули вопрос о сущности авторской концепции истории и о специфике ее художественного воплощения в триптихе Витислава Ходарева. Развитие им жанровых традиций определено задачами поэтического ос-

мысления сложнейших исторических противоречий как прошлого, так и настоящего России. Это надежно оберегает автора от иллюстративности, хроникальности, поверхностного описания событий, от легковесного «скольжения», не предполагающего проникновение в суть исторических конфликтов. Поэт поднимается до высот художественного историзма в изображении повседневной героики и трагических судеб южнорусского казачества, судеб, в которых преломились общие закономерности социального развития страны.

Своеобразна и сюжетика поэм Витислава Ходарева: в каждой из них крупным планом выделяются отдельные – вершинные! – события, потому что история казачества изображается в моменты ее наиболее драматических проявлений. В «Казачьих снах» все восемь глав посвящены таким поворотным историческим событиям.

Но история воссоздается не бесстрастно эпически. Крупные сюжетные «кадры» фиксируют постепенное углубление конфликтов исторического масштаба, столкновений, раскрываемых в результате взаимодействия эпического и лирического начал в художественном мире этих произведений. Лирическая стихия безраздельно господствует во всех частях триптиха. Это связано с особым положением образа автора-повествователя в поэмах Витислава Ходарева. Именно в сфере автора-повествователя осуществляется не только поэтизация прошлого, уклада жизни, нравственности и культуры русского казачества, но и отрицание того зла – геноцида казачества, – которое привело к уничтожению веками накопленной культуры, социально-нравственных, духовных и эстетических ценностей. Для возрождения казачества этический критерий Памяти-Совести имеет первостепенное значение: без этого невозможно восстановление исторической справедливости и погранных идеалов демократизма и гуманизма:

*Буду здесь я казачьего духу просить,
Чтоб на нашей земле
Этот дух воскресить...
И послышалось рядом:
- Я память искал.
Но всего не нашел.
Расказачен и я.
Обездолена наша казачья семья...
«Казачий круг»*

Если в исторической поэме XX века авторское начало в лучшем случае проявлялось в лирических отступлениях (поэмы Бориса Корнилова, Виссариона Саянова), то у Витислава Ходарева эпическое и лирическое сливаются органически, все события раскрываются через воспоминания, восприятие бытия, внутренний мир автора-повествователя. Это принципиальная эстетическая установка поэта:

*Приходит прошлое во сне
То доброй, то печальной явью.
То я на Терской стороне,
То вдруг иду по Прикубанью.
А то из буйной старины
Услышу песню за рекою,
Былое нашей стороны
Незримо следует за мною.*

«Казачьи сны»

Такая «субъективность» способствует лирическому освоению эпической темы. Благодаря этому история предстает в ее философском осмыслении, раскрывается эмоционально, взволнованно через авторское переживание или судьбу героя (в поэме «Казачья любовь»)

Для современной поэмы характерна тенденция к выражению лирического «я» автора. В триптихе Витислава Ходарева она проявляется особенно ярко. Этим обусловлено и усиление философской рефлексии. В поэме «Казачья любовь», например, хорошо просматриваются черты лирико-драматического повествования. На первый взгляд, тема этой части триптиха вовсе не героическая (так сказать, не тема поэмы!). Но в том-то и заключается новаторство поэта, что в его произведении тема любви является столь же важной, глубокой, значительной, как и национально-историческая. Идея личности раскрывается здесь в свете культурной антропологии. Автор достигает органического синтеза нравоописательного и лирического при изображении своих героев, романтизируя трагически-обыденное в целях поэтического утверждения идеи ценности каждой отдельной человеческой жизни.

Философское осмысление истории в поэме с «бытом и фабулой» способствует появлению символического плана, который создает высокий уровень художественного обобщения. Уже самой поэтикой «снов», «видений», стилистикой эпического выражения создается такая символика.

Символическое обогащение повествовательного сюжета для современной поэмы второй половины XX века опять-таки явление характерное. Вспомним поэмы Леонида Мартынова, «Суд памяти» Егора Исаева, «Кровь и пепел» Юстинаса Марцинкявичуса и др. Но не забудем, что, говоря о произведениях Витислава Ходарева, мы имеем дело с исторической поэмой. На фоне развития такой жанровой разновидности художественные искания ставропольского поэта предстают во всей их эпохальной значимости. Многие здесь обусловлено благотворным воздействием на автора казачьего фольклора и вообще устного творчества русского народа. «Казачья любовь» является даже сюжетным воплощением известной, распространенной приметы: «Если конь, на котором сидит казак, споткнется в пути или подвернет ногу, хозяина ожидает несчастье». На одной из страниц «Станичных суеверий» мы найдем такое поверие.

Мифопоэтическая символика, образы, интонации народного творчества вовсе не декоративны в поэмах, посвященных ставропольскому казачеству. Торжественно-патетическая экспрессия многое определяет в симфоническом звучании этих произведений. Поэт воскрешает формы орнаментального былинного стиля, использует приемы фольклорной поэтики – зачины, повторы, образы-лейтмотивы, причеты, молитвы и т. д.

Фольклорная стилевая доминанта является безошибочно найденным художественным приемом, фиксирующим особенности эстетического мироощущения поэта. В исторических поэмах Витислава Ходарева «былое нашей стороны» воссоздается с большой любовью, бережно, даже трепетно. В них народное и личностное в такой же мере не противостоят друг другу, как история и современность. Причем современность далеко не всегда является проявлением исторического прогресса. Чеченская война, окрасившая в черные тона отечественную историю конца XX века, вызывает у поэта («Казачьи сны») сходные по своему нравственно-философскому смыслу раздумья о противоестественности таких явлений, что и у Всеволода Гаршина («Четыре дня») или у Льва Толстого («Война и мир»). Боль и горе чеченской войны определили трагическую тональность эпико-онтологической стилевой доминанты.

«Былое» интересует поэта не только как явление прошлого. Всему лучшему в жизни, быте, культуре русского казачества, по художественной логике триптиха Витислава Ходарева, суждено будущее. Он невольно вступает в полемику с известным советским поэтом тридцатых годов Павлом Васильевым, автором ряда поэм о русском казачестве, который, стремясь осознать себя в водовороте исторических событий, в духе своего времени писал о косности казачьего быта, об ограниченности идеалов и мировоззрения русского казачества («Автобиографические главы», 1934 год), о несовместимости «былого» с новой жизнью, устремленной в будущее. Такого «расчета» с прошлым нет и не может быть у Витислава Ходарева. Более того, он показывает, что без всего лучшего, что создано казачеством, новую жизнь не построить, поскольку без прошлого нет настоящего и будущего.

Ставропольский поэт приходит к очень существенным философским обобщениям, постигая исторические закономерности, казалось бы, на «местном» материале, а его художественные достижения показывают, что нет как таковой «региональной литературы», а есть единая национальная культура, развитие которой осуществляется усилиями талантливых художников слова России.

В поэмах Витислава Ходарева история и современность предстают в едином концептуальном выражении. Песня поэмы «Казачьи сны» четко очерчивает «зону контакта» художественного мира произведений с нашими днями. В творчестве поэта прошлое и настоящее – это не парадигмальная оппозиция, а целостный образ времени, данный в бытийно-диахронном аспекте. Этот образ создают не только оригинальные произведения, но и поэтические переводы. Две книги – «Слез на ветру» (1998) и «Доброе эхо» (2000)

– составили переводы лирики и поэм болгарских авторов. Они настолько самобытны, что в них сохраняют характерные приметы идиостиля Витислава Ходарева: метафоричность, ассоциативность, углубление содержания за счет образных сопоставлений, сближений и столкновений и т. д. В этих книгах запечатлен образ поэта-переводчика, создающего метатексты, новые варианты художественного смысла.

В эпоху всеобщего обособления ностальгически вспоминаются прежние времена, когда звонкое поэтическое слово, будучи связующим началом разных национальных литератур, благодаря звучанию на русском языке объединяло людей, сближало народы и культуры. Ныне даже поэты бывшего Союза, пишущие на родном языке, порою оказываются в состоянии «внутренней эмиграции», поскольку многочисленные родники творческого духа далеко не всегда сливаются в общий поток, пополнявший некогда российскую словесность не без участия мастеров художественного перевода.

Но, с другой стороны, давние добрые традиции дружбы между писательскими организациями городов-побратимов Ставрополя и Пазарджика и – шире – взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур еще не канули окончательно в реку забвения... Об этом напоминают нам книги поэтических переводов Витислава Ходарева и стихотворение «Счастливым миг», в котором фиксируется общность исторической судьбы русского и болгарского народов и собственная нравственно-эстетическая позиция поэта-переводчика:

*Нас ветер времени ожёг,
Но ныне поутру
Я этот ветер перевозю
Слезою на ветру...*

С Болгарией Россию связывают вековые братские отношения. Многие роднило эти славянские народы в прошлом, много общего обнаруживается и теперь. Когда-то облик болгарина Катранова настолько поразил И.С. Тургенева своим соответствием насущным задачам русской общественной жизни, что писатель воскресил его черты в образе Инсарова – носителя в романе «Накануне» идеи объединения всех здоровых национальных сил, идеи, которая и сегодня представляется нам едва ли не самой злободневной! В исторической, духовной жизни другого народа великий романист обнаружил то, что было искомым в его стране. Но в то же время Тургенев, актуализируя идею единения всех народных сил, поддержал Болгарию в глазах России и Европы в ее борьбе национальное достоинство, национальную независимость. Как важно вспомнить об этом сейчас, когда болгарский поэт Райко Алексиев с горечью констатирует:

*Один болгарин – болгарин,
Два болгарина – партия.
Три болгарина – раскол.*

Если вместо слова «болгарин» поставить «россиянин» – смысл не изменится... Прошлое может многому научить нас, если не забывать его уроки!

Однако здесь сама собою напрашивается такая аналогия. Обращаясь сегодня к опыту осмысления болгарской литературой современных общественных коллизий, Витислав Ходарев как бы расширяет постсоветское пространство, возвращая нас к тем закономерностям, которые отражаются в судьбах разных народов. Многие в стихотворениях болгарских поэтов нам до боли знакомо по собственной жизни.

Кричим: «Демократия!»

А анархия – с нами.

Бедная наша нация –

По шее в хламе.

Стефан Йотов

А вот прошлое с его авторитарным диктатом, упорно живущее в настоящее:

Нам громко диктовали – как нам жить.

Диктовщики!

И было нам неловко,

Когда учили нас, кем надо быть...

Иван Есенски

Сколько таких примеров можно привести! Суть аналогии в том, что теперь болгарские поэты невольно поддерживают в глазах мирового сообщества Россию, что одни и те же «горя-злочастия», узлы неразрешимых противоречий переживаются сейчас разными народами. Это удел не только России, это следствие тех систем, одна из которых ушла в прошлое, а другая захватывает историческую арену, укрепляя процессы расчеловечивания. Поэт-переводчик обращает нас к осмыслению этой реальности, захватывающей в свой водоворот целые страны, нации, народности.

На этом фоне особо выделяется единственная среди лирических, сатирических и прочих стихотворений поэма Ивана Есенски «Холм», проблематика и жанровая форма которой делают ее в переводах Витислава Ходарева акцентным, программным произведением. Именно здесь история перерождения человеческой души, вызванного разрушительными социальными сдвигами, и неизбежного возвращения к истокам, началам, к истинным духовным ценностям, выработанным вековым опытом народной жизни, приобретает поистине символическое, философское звучание.

Я роль души лишь ныне осознал

Среди земных

Открытых переломов... –

так формулирует эту мысль лирический герой поэмы Ивана Есенски, человек со «сломанной душой», внутренний мир, которого стал средоточием вселенского конфликта между сокровищами небесными и земными, между правдой и ложью, добром и злом, свободой и своеволием. Емким обра-

зом деформированной души становится такое самоопределение человека по отношению к детерминантам настоящего:

Сегодня – я квадрат от лицемерия...

Но само постижение сути происходящего в современном социуме, его неистинности – симптом пробуждения, возвращения на стезю добра и человечности:

С тобой, душа, мы истину искали.

И цену сотворенного тобой

Мы по зубам

Оставшимся считали...

Я не согнусь

От яростных обид

Перед напастями в затишье не укроюсь...

Создав книги переводов, Витислав Ходарев познакомил читателя с современной жизнью и искусством страны, близкой нам по культуре и по страстному желанию залечить ожоги недобрых «ветров времени».

Три встречи: литературно-критические очерки

Три поэта, три судьбы, три встречи... Творчество каждого из них – яркое явление, вошедшее в историю литературы, а значит, – длящееся во времени.

Мы с полным правом называем классиками тех писателей, создания которых привлекают многие поколения читателей, а потому сопряжены эстетическим тенденциям постоянно обновляющегося социокультурного контекста. Когда присутствие художника необходимо в литературе движущихся эпох, – это значит, что он перешел из статуса исторического во вневременной.

Марина Цветаева перешагнула эту грань еще при жизни, хотя многие осознали это совсем недавно.

Бессмертие поэзии Виктора Бокова обусловлено ее эквивалентностью духовной сущности русского народа.

Укорененность произведений Витислава Ходарева в глубинных пластах национальной культуры обеспечивает их жизнь во времени...

Выдающиеся произведения русской литературы XX века много лет хранились в семье поэтессы Ларисы Васильевой. Как и другие образцы «возвращенной литературы» цикл этих стихов опубликован только в начале 1990-х годов. Это стихи такой нравственной безупречности, такого гражданского мужества, что за них, действительно, «могла Россия поручиться».

Даже огромная национальная трагедия для настоящего большого художника – источник поэтического жизнеутверждения:

...И, однако, я пел Россию,

Был готов ей во всем помочь.

Если рухну и руки раскину,

Я не буду ее ругать.

В цикле «Сибирское сиденье» остро поставлен вопрос о нравственном смысле исторического прогресса. Несмотря на трагические ошибки истории и кривизну ее дорог, время предстает в этих стихотворениях как главный воспитатель человека. Опыт прошлого не только важен для понимания причин трагедии всего народа, но и для определения путей возрождения человека и общества на основе общечеловеческих моральных норм. Лирический герой цикла идеалы гуманизма утверждает тем настойчивее, чем сильнее они попираются тоталитарным режимом; он одерживает нравственную победу над системой произвола и бесчеловечности. Утверждающее начало в произведениях цикла связано с высокой оценкой тех, кто меряет жизнь «мерой мужества», думая не о том, как прожить, выжить, а во имя чего жить. Такие герои Виктора Бокова свободно совершают нравственный выбор, со всей необходимостью ведущий к трагическому столкновению с ложью эпохального размаха. Онтологическая концепция автора создается в «Сибирском сиденье» максимальным выражением противоборства личности и репрессивной системы, а также обращенностью к коренным воззренческим вопросам о смысле жизни и целесообразности человеческого бытия, о том, что «перерабатывается в будущее» (А.И. Герцен), а что обречено на исчезновение. Общество, построенное на антигуманных началах, порождающие узлы неразрешимых противоречий социального и человеческого, отрицается здесь с позиций, близких к традициям «гуманитаризма», выработанным русской культурой в процессе многовекового развития. В современной литературе «Сибирское сиденье» Виктора Бокова, с одной стороны, и «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, с другой, создают «бинарную оппозицию», придающую системный характер произведениям, посвященным теме ГУЛАГа. Такая системность определяется особенностями их пафоса и устанавливается на основе их корреляций по этому признаку. Идее абсолютного и необратимого расчеловечивания в условиях геноцида и лагерного произвола «Колымских рассказов» противостоит утверждение силы и несломленности духа в цикле «Сибирское сиденье».

*...Как наша жизнь богата палачами,
И как робки глашатаи добра
На что надеешься, помятый стебель вики?
Никто тебя не хочет охранять.
О как твои усилия велики -
Раздавленную голову поднять!*

Масштабность историко-философских концепций обусловила значительность художественных открытий Виктора Бокова. В лирическом цикле «Сибирское сиденье» ярко проявляется эпопейное начало. Лирическое и эпическое сомкнулись здесь в поразительном единстве. В мировой и русской поэзии трудно найти примеры подобного прецедента. Цикл вбирает в себя качества крупной эпической формы. Обновление жанровой проблематики является основой новаторства в

области поэтики. Общезначимый характер изображаемого и своеобразная монументальность формы, раскрытие сущностных, кардинальных коллизий и явлений национально-исторической жизни являются факторами, определяющими появление эпопейного начала в лирическом цикле. В нем воссоздается четко ограниченное время-пространство, но вместе с тем представлен сам ход истории, а герой показан как носитель исторической памяти и созидательной идеи жизнеутверждения. «Идейные задачи» автора цикла «Сибирское сиденье» определили поэтику стиха, «объем вобранности мира... силу, стезю мысли и чувства».

Процессы структурно-стилевого обогащения в результате синтеза жанрово-родовых начал показательны с точки зрения творческой эволюции поэта. Путь развития Бокова-художника – это движение от разговорной интонации, ритмической виртуозности, музыкальной полифонии, через усиление социальности, граждански-учительного пафоса поэзии 1960-х-1970-х годов -к философской обобщенности, эпичности, внутренней масштабности стиха, к мощной многоголосное™. В ранние стихи Виктора Бокова ворвалась живая разговорная речь, музыка трудовой жизни народа, голоса природы. Поэт превращает разговорную речь в «золото» художественного слова:

Из дому я уходил. В узелок Мать положила Родительской соли. Слезы прощальные, крики: – Сынок!» Счастья тебе! Полной чаши и доли!

Симфония звукописи буйной ритмики и многозвучия, многоцветия речевого поэтического потока – характерная особенность художественной манеры Виктора Бокова периода его творческого самоопределения:

*Сильная, вороненая,
Ни дождем, ни ветром не роненая;
На Ивана Купалу
Не помялась, не упала,
Вызрела, выстояла,
На показ себя выставила,
На показ, на виденье,
Как невеста на выданье...*

«Загорода»: 1, с.20

«Разговорная поэзия» берет начало в самой жизни. Она является результатом органической связи с культурой и бытом русского народа. «В детстве я любил ходить по свадьбам, – пишет Виктор Боков. –...Свадебна! символика была великой поэзией, выращавшей из быта... «Стихотворную форму своей молодости поэт нередко использует и в стихах последнего времени. По его словам, «форма эта -цепная разговорная интонация, пословичность, лад русской речи, расположенной к рифме. Есенина это «Эй вы, встречные, поперечные!» в начале «Песни о великом походе». Да, пожалуй, никто к этому больше не прикладывал руку, – продолжает поэт. – Это не раек... это народное красноречие - оперенное близкой рифмой и музыкой скороговорки. Воздействие ее на живого слух очень большое» (из Переделкино от 19 июля 1997 г.).

*Мой хлеб – слова,
Не роняй со стола,
Не клади с сухарями,
Храни его в храме!
Тебе колечко,
А мне словечко,*

*Тебе платьице,
А у меня свое счастьеще,
Тебе яркая ягода,
А мне яркая радуга.
Тебе прошвы и занавески,
А мне рожи да перелески!»
(«Петух звонарь...» 19 июня 1997)*

Разговорная форма, живая интонация была, по сути, введена в поэзию XX века Виктором Боковым. Этим он отличается от своих предшественников и современников, близких ему по типу творчества, – от Кольцова, Некрасова, Есенина, Твардовского. Безусловно, прав В. Костров, утверждая, что «критика наша унылым образом чаще всего анализирующая понятийную, логически-смысловую стихотворную речь, Бокова не понимала, не ощущала... А поэт выстраивал свое звание по Некрасову, Кольцову, Есенину, Северянину, Клюеву. По современникам – Мартынову, Сергею Маркову, Тряпкину. Но и наособинку». При этом чаще всего имеется в виду языковое мастерство Виктора Бокова, то, что он, по сравнению с предшественниками, «более подвижен, менее уловим и определен», что «словарь его куда менее очерчен и ограничен» и вообще «он независимее от выработанного стиля и, зачастую, неожиданнее». Но неповторимость поэтического образа, его неожиданность – это важнейший критерий художественности, которому в самой высокой мере соответствует искусство Виктора Бокова.

В его творчестве мы обнаруживаем философию народного опыта, улавливаем ценностные представления и нравственные императивы, сложившиеся в трудовой среде, ощущаем особенности художественного мышления народа, чувствуем красоту и богатство его языка. В «школе» народной жизни формировался поэт, в процессе познания и отражения этой жизни набирал силу его талант.

*... Мои стихи звучат в застольях,
Где рядом вилки и ножи.
Писал я их в той самой школе,
Которая зовется – ЖИЗНЬ!*

Из этой школы жизни поэт вынес все то, что составляет суть его художественной аксиологии.

*Три травы во мне растут.
Как одна трава – терпенье,
А другая – доброта,
Третья – музыка и пенье
И земная красота.*

Природа, родина, труд, счастье, доброта, строгость внутренней чистоты, любовь – это непреходящие ценности в его поэтическом мире.

Лирически исповедальная поэзия Виктора Бокова отличается открытостью авторской позиции, страстным утверждением жизни, созидания, справедливости.

Большому художественному наследию Виктора Бокова, которое стремительно пополняется за последние годы, присущи качества органического единства. Это единство определяется стержневыми проблемами его творчества. Человек и природа, личность и история, добро и зло, духовность и прагматизм, творческое мироотношение и любовь к Родине – эти доминантные темы раскрываются в свете народных нравственно-эстетических идеалов, с высоты исторического опыта уходящего столетия.

Русский фольклор, который досконально знает Виктор Боков, является основой его эстетики. В этом не раз признавался поэт. «Люблю Есенина, люблю Маяковского, люблю Пастернака, последнего даже знал хорошо, но моими учителями были не они. Первым и главным учителем был и остается фольклор – песня, частушка, сказка, пословица, загадка». Очень рано в нем пробудилась «любовь к слову», с 14 лет он записывал «названия лесных урочищ и земельных угодий... частушки и присловья». Поэт прошел прекрасную школу научного изучения русского фольклора будучи учеником известного фольклориста академика Ю.М. Соколова. Наука о фольклоре, но его словам, глубоко запала ему в душу. В 1950 году в серии «Библиотека поэта» вышел том «Русская частушка», собранный и составленный Виктором Боковым. Это было первое систематическое издание русской частушки. Еще в 1939 году поэт выступил на страницах популярного тогда журнала «Литературный критик» со статьей о частушке, защищая чистоту жанра и выступая против его фальсификаций. В те же годы Виктор Боков осуществил еще один свой творческий замысел: он записал в Карелии руны «Калевалы», и в 1949 году в его переводе свод эпических свадебных, заклинательных текстов -карело-финский эпос «Калевала» – был опубликован. Поэт Николай Асеев и самого Виктора Бокова называл «творцом фольклора».

*Ох, не растет трава зимою,
Поливай, не поливай,
Ох, не придет любовь обратно,
Вспоминай, не вспоминай!*

В таких стихах в унисон звучат голос народа и слово поэта. И сегодня Виктор Боков с гордостью говорит о том, что всегда учился и учится у частушки, что в произведениях устного народного творчества находит примеры «богатырского словесного всплеска».

Фольклоризм творчества Виктора Бокова – это чрезвычайно плодотворная научная, культурологическая проблема. Народно-поэтические, мифологические традиции играют огромную роль в его произведениях самых разных жанров. Именно ими создается глубина текста, многомерность поэтического образа, философско-ассоциативный контекст лирического переживания. Выявле-

ние роли традиций устного народного поэтического творчества в формировании эстетических взглядов Виктора Бокова, в раскрытии авторской позиции, исследование функциональной роли фольклорных источников, национальной специфики художественно-образного мышления, ярко раскрывающейся в творчестве поэта, – все это относится к области изучения творческой индивидуальности Бокова-художника. Традиции народного искусства проявляются в музыкальном строе его стихотворений, в их ритмической организации, в поэтическом языке и т.д. «Знакомство с трудом и бытом родной деревни многое определили в характере моей поэзии, – пишет о себе поэт. – Музыка и ритм работы глубоко запали в душу». Но ведь в фольклоре – та же музыка и тот же ритм!

С поэтическими воззрениями славян на природу связана художественная натурфилософия Виктора Бокова. Поэт воспринимает жизнь природы как непрерывный творческий процесс. Он сам, как и его герои, буквально вписан в мир природы. Она одушевлена, воплощает в себе начала меры и целесообразности. Это не философский пантеизм (как сказал бы Михаил Пришвин – «пантеизм далеко позади!»), не отождествление «живого» и «сущего», характерное для гилозоизма. Это, условно говоря, высокое повторение на новом витке спирали человеческого развития «языческого» синкретизма, мировосприятия, основанного на понимании органической взаимосвязи всего, составляющее живое целое природы.

*Родничок для иволги
Песню запекает,
Иволга ответную
Песню затевает!*

*Все взаимосвязано,
Это чья же истина?
Это где-то сказано,
Кажется,
У Пришвина.*

«Всех живых земля связует...». Ощущение целостности, взаимосвязи всего в природе рождает у художника «поэтическое чувство друга» (М.М.Пришвин), является выражением свободного жизнетворчества:

*Лесное волхование
Само собой творится,
Здесь нет согласования –
Природа не боится!*

Имя М.М. Пришвина не случайно органически вплетается и в стихотворную строку Виктора Бокова, и в размышления об изображении отношений человека и природы в его произведениях. XX век здесь удивительно гармонично уживается со славянской мифологией. Между натурфилософией таких крупных художников, как Михаил Пришвин и Виктор Боков, с одной стороны, и, например, концепцией антропокосмизма выдающегося ученого и мыслителя нашего столетия Владимира Вернадского, с другой, есть соприкосновения, есть много общего, хотя все они друг на друга вовсе не похожи. Общие закономерности развития культуры XX века проявляются в научном и художественном познании гармонической целостности бытия.

Высокая поэтическая культура Виктора Бокова оказывает огромное влияние на современную литературу, на эстетическое чувство как читателей, так и его собратьев по перу. Об этом сейчас говорят многие деятели российской литературы и искусства -Егор Исаев, Лариса Васильева, Евгений Матвеев, Владимир Костров, Алексей Пьянов, Людмила Зыкина, Михаил Рожков и многие, многие другие. Его школу поэтического мастерства прошло не одно поколение поэтов. А в этой школе, действительно, есть чему поучиться. Ведь именно Виктор Боков сформулировал важнейшую идею, высказал удивительную мысль: «Думая о форме поэтической, я пришел к выводу, что форма - это состояние духа». Виктор Боков особо настроен на музыку, мелодию стиха: «Слух для поэта не менее важен, чем для музыканта..., – пишет он. – Слышать для меня так же важно, как думать и видеть... Напев, ритм, размер стиха часто приходят из музыки природы, из живой речи». От «живой речи» и «полифония формы» поэмы «Свирь», в которой «размеров много, а ритм один, он все связывает в органику, в одно созвучие эпического полотна», и «естественные новации» поэмы «Авдотья-рязаночка», представляющей собою «вольный образец былины, переходящей на летопись (начало), то на песню, то на поговорку, то на разговорную ладовость». На фоне таких жанровых и стиливых открытий обнаруживает свою реминисцентность или однообразие ритмическая организация даже таких поэм, как «Возмездие» Блока и «Василий Теркин» Твардовского. Поэтическая форма произведений Виктора Бокова никогда не является подавляющим началом, в ней живет душа стиха, его живой ритм-дух. Это образный эквивалент мысли, это в самом точном смысле слова -образное мышление. Виктор Боков – антипод представителям интеллектуального формализма в поэзии, авангарда прошлых лет, постмодернизма современности. В его творчестве все является подлинным, истинным, настоящим, высоко духовным. Россия потому и запела «Оренбургский пуховый платок», что людей глубоко тронули тепло души, нежность, искренность, то, чем они всегда дорожили и дорожат. В условиях научно-технического прогресса, утверждения прагматизма и девальвации нравственных ценностей, характерных для нашего времени, поэзия Виктора Бокова, воспевающая идеалы красоты, добра, гармонии с миром, на пороге XXI века воспринимается как духовное завещание грядущим поколениям.

*...Круглосуточно живу
И друзей к себе зову,
Чтобы счастьем поделиться.
А оно -любовь моя
К людям, к зверям,
К малой птичке,
К токованию ручья,
К ликованию луча
На моей простой рубашке!*

«Состоянием духа» нашего современника – выдающегося поэта Виктора Бокова – обусловлена «музой жизни», звучащей в его поэтических сборниках последних лет – «День днем...», «Стою на своем!», «В гостях у жаворонка», «Что думалось и пелось», «Любовь моя, Россия!», «Боковская осень», «Россия в сердце не случайна». Это его книги девяностых годов. Творческая жизнь восьмидесятирехлетнего поэта поражает своей интенсивностью. В книгах Виктора Бокова последних лет воссоздается эстетический образ нашего времени во всех его противоречиях, со всеми его достижениями и потерями. Как художник-мыслитель, он не абсолютизирует, не укрупняет искусственно какие-либо отдельные его тенденции. Но нравственные ориентиры поэта остаются столь же определенными, четкими, позволяют ему «стоять на своем» даже тогда, когда вроде бы все убеждает в том, что

...История стихия,

В ней чаще все наоборот!

(«Никто не знает, что будет завтра...»).

«Жизнь живая» остается основой творческого бытия Виктора Бокова, и в познании ее диалектики он поднимается на высоту философского виденья, вбирающего в себя духовный опыт великого народа, который поэт представляет в современной мировой культуре.

Жизнь – ужасная штука,

Если о ней помыслить:

То захотят повестить,

То захотят повесить,

То тебя в генералы,

То тебя в рядовые,

То тебе гонорары,

То тебе чаевые.

То тебя в Гамбург и в Дрезден,

То тебя наоборот:

Сунут в какую-то бездну

К жабам полесских болот.

И все-таки: жизнь – это чудо!

А чуда не запретишь.

Да здравствует амплитуда:

То падаешь, то летишь!

Виктор Федорович Боков остается «неподкупным Пименом» нашего времени. В стихах большого художника всегда живет правда, за которую он готов – «хоть на костер!»

Поиски правды Якова Абрамова

Яков Васильевич Абрамов (1858–1906) вошел в историю общественно-литературного движения последних десятилетий XIX – начала XX века как

вдохновенный публицист-просветитель, всецело подчинивший себя и свое творчество целям мирного прогресса России. В отечественной историографии имя знаменитого ставропольца, культуротворческая деятельность которого стала явлением общенационального значения, традиционно и далеко не всегда оправданно связывается с социальными программами правого крыла либерального народничества 1880-х–1890-х годов, оказавшегося в результате напряженной борьбы с теоретиками марксистского толка на обочинах исторических магистралей и забытого на долгие годы.

Та же участь постигла и Якова Абрамова: он практически неизвестен абсолютному большинству людей даже на его малой родине. В Ставрополе нет ни улицы, носящей его имя, ни мемориального знака, увековечивающего память о человеке, оказавшем большое влияние на общественное сознание одной из самых сложных, «переходных» эпох русской истории, ни дома-музея писателя... Затеряна могила Я. Абрамова: она исчезла вместе со старым Варваринским кладбищем, где он был похоронен в 1906 году.

А между тем современники писателя высоко ценили его вклад в социокультурное развитие России и Северо-Кавказского региона, маркируя его именем одно из направлений в русской общественной мысли, которое мы назвали бы сегодня течением демократического просветительства. В контексте большого исторического времени наглядно проявляются подлинные масштабы личности Якова Абрамова как литератора и общественного деятеля, равного которому среди вошедших в историю страны и ее культуры коренных ставропольцев не так уж и много: Герман Лопатин, Илья Сургучев, да, пожалуй, и все.

Жизненный и творческий путь Якова Абрамова характеризуется кардинальными изменениями и неожиданными поворотами.

Их можно объяснить как особенностями его гражданского темперамента, так и тем состоянием «внутренней эмиграции», на которое он обрекал себя, всегда отстаивая собственную точку зрения на важнейшие проблемы русской жизни.

Все то, что предшествовало появлению имени Я. Абрамова на страницах ведущих петербургских журналов и газет в начале 1880-х годов, казалось бы, не предвещало его такой яркой и неординарной судьбы: ведь он стал поистине «властителем дум» целого поколения русской интеллигенции, «имевшей в виду народ и егонужды».

Из шестого класса Ставропольской мужской гимназии юный Я. Абрамов, не поладив с консервативно настроенными «наставниками», перешел в Кавказскую духовную семинарию. Окончив ее, уехал в Петербург для продолжения образования в Медико-хирургической академии, где в 1878–1879 годах, подобно тургеневскому Базарову, изучал «естественные науки» и «хотел держать на доктора». В рассказе «Механик» (1881), в котором, как и во всех художественных произведениях Я. Абрамова, много автобиографического материала, писатель поведал о том, что «голод и болезнь» заставили его покинуть

академию и вернуться в Ставрополь. В фондах Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) сохранились документы департамента полиции, содержащие сведения о привлечении Я. Абрамова еще в бытность его студентом Медико-хирургической академии «к дознанию политического характера» (1879 год). В них имеются сведения и о том, что 23 июля 1880 г. он «был подвергнут аресту на 6 недель за хранение нелегальной литературы». Было установлено, что Я. Абрамов «принимал участие в деятельности обнаруженного в Ставрополе тайного кружка, занимавшегося распространением революционных изданий» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 5, д. 285, л. 15). Судя по этим материалам, уже в те годы Яков Абрамов состоял под негласным надзором полиции, как и многие деятели эпохи «хождения в народ».

Имя начинающего литератора, приехавшего вновь из Ставрополя в Петербург в 1880 году и сразу же активно включившегося в литературную работу, очень быстро стало известно в России. М.Е. Салтыков-Щедрин, предложивший ему сотрудничество в самом лучшем в то время демократическом органе – журнале «Отечественные записки», прозорливо разглядел в молодом писателе «талантливое», «толкового человека».

Непосредственное окружение Я.В. Абрамова в редакциях петербургских журналов и газет 1880-х годов, казалось бы, должно было способствовать его укреплению на позициях либерального народничества. В «Отечественных записках» он работал вместе с Н.К. Михайловским, Г.З. Елисеевым, А.М. Скабичевским, С.Н. Кривенко, С.Н. Южаковым и другими предшественниками и теоретиками народничества; в газете П.А. Гайдебурова «Неделя» оказался в среде журналистов, ратовавших за мирное культурничество, утверждавших необходимость личного усовершенствования, активно пропагандировавших «теорию малых дел». Его публицистику чаще всего и рассматривали как выражение программных положений сторонников таких идей.

В широко известном «Русском биографическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Ефрона сообщалось, например, что Я. Абрамов стал «одним из главных выразителей течения, которое называлось “абрамовщиной”». Абрамов доказывал, что обществу нужно оставить стремление к “большим делам”, к пересозданию общественного строя; оно должно сосредоточить внимание и энергию на “малых делах”, на “тихой культурной работе” – идти в учителя, земские врачи, бороться с кулачеством и т.п.). Как видим, в сознании многих современников имя Якова Абрамова прочно связалось с лейблом «теория малых дел», никто и не подозревал (как, впрочем, многие и сейчас), что в этом отношении с идеологами либерального народничества – В.П. Воронцовым, И.И. Каблицем-Юзовым, С. И. Кривенко, С.Н. Южаковым, А.С. Пругавиным и др. – его многое не только сближало, но и разводило, нередко даже в противоположные стороны. В забытой сейчас статье «Малые и великие дела» (1896) Я. Абрамов наметил целую программу работы интеллигенции, «посвятившей свою жизнь служению народу», определял цели и

пути реализации «задач человеческой цивилизации» и отказывался от авторства «самого термина “малые дела”». То, что Я. Абрамов работал и печатался в петербургских периодических изданиях разных направлений («Отечественные записки», «Дело», «Устои», «Северный вестник», «Неделя», «Слово», «Наблюдатель», «Русская школа», «Детское чтение», «Русский курьер», «Новое слово», «Сын Отечества» и др.), говорило не об отсутствии определенности в жизненных и творческих позициях, а о широте его взглядов и максимальном использовании возможностей для воплощения целей «просветления сознания народа» («Малые и великие дела»).

Неизученностью теоретического, художественного и публицистического наследия писателя-мыслителя объясняется живучесть многих стереотипов, которые не пересматривались в течение целого века. Одним из них является низведение идей демократического просветительства Я. Абрамова до уровня «абрамовщины». После резкой критики «теории малых дел» Н.В. Шелгуновым, В.И. Лениным и др. деятельность либерального народничества «почвеннической» ориентации, осуществлявшего эту программу, оценивалась только отрицательно, хотя и в 1880-х годах, и в начале 1900-х было немало сторонников у тех, кто осознавал «необходимость работать в народе» (Г.И. Успенский), «считал основной задачей современной государственной жизни России энергичную работу на помощь народу в его трудной борьбе с доморощенным кулачеством и быстро нарождающейся... русской буржуазией» (С.А. Венгеров).

Такие цели ставил перед собою и Я. Абрамов. Но его общественно-политические и эстетические взгляды далеко не во всем совпадали с методологическими основами народнического мировоззрения, и собственно литературное творчество этого замечательного прозаика и публициста является ярким тому подтверждением.

В его художественной прозе мы не найдем призывов к радикальным переворотам в духе идеологов крестьянского демократизма, выражения веры в особый уклад, в общинный строй русской жизни, которая поддерживалась либеральными народниками-почвенниками. В ней нет идеализации «деревни» и самой крестьянской общины. Более того, с иронией говорил писатель о тех, кто «идеализировал» «книжный народ» или «восхищался всем строем деревенской жизни». Нет в его произведениях и проповеди идей субъективной социологии народнических теоретиков. Гораздо больше в наследии Я.В. Абрамова точек соприкосновения с идеологами демократического просветительства (И.С. Тургенев, Л.А. Полонский, М.М. Стасюлевич, К.Д. Кавелин и др.), которые, говоря о большом историческом значении «скромной деятельности» «помощников», «народных слуг», имели в виду осуществление программы «постепеновства снизу». Она рассматривалась ими, как и Я. Абрамовым, не в качестве универсальной формулы общественного прогресса, а как деятельность, определенная конкретно-историческими условиями эпохи, когда «всепереверотилось и только укладывалось» (Л.Н. Толстой).

Уже первые оригинальные произведения Я.Абрамова «Бабушка-генеральша», «Мещанский мыслитель», «Механик», «Среди сектантов» (1881), «Корова», «Ищущий правды», «Как мелентьевцы искали воли», «В степи», «Неожиданная встреча», «Хлудовщина» (1882), «Босая команда» (1883) и др., печатавшиеся на страницах демократических («Отечественные записки», «Дело») и либеральных изданий («Устой», «Слово»), свидетельствовали о том, что писатель, относящийся к «образованному и работающему классу», который «вербует» из народа, в качестве главной своей цели рассматривал изучение «воли масс» (Л.А. Полонский), особенностей «национального развития». Именно эти идеи «носились в воздухе» в тот переломный исторический период, когда двадцатидвухлетний Я. Абрамов, приехавший в столицу из далекой южнорусской провинции, определял свое место в общественно-литературной жизни, когда наблюдения над условиями труда и бытом народа, почерпнутые на его малой родине – в Ставропольской губернии, становились объектом его теоретической рефлексии, оформлялись в концептуальном отношении, способствовали определению его мировоззренческих позиций.

«Будущность России» Я. Абрамов связывал с уяснением факторов развития народной жизни в условиях капитализма, усиливающегося расслоения русского общества, с познанием «силы и способности русского народного духа», «умственной деятельности русского народа», его способности «к творчеству новых форм жизни» («Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве», 1881 г.). В рассказе «Ищущий правды» «мировой человек» Афанасий Лопухин идет «по Руси», чтобы убедиться: в условиях жизни «не по совести, не по-Божески» только самоотвержение может помочь человеку обрести веру в силу «любви, объединяющей людей».

Литературные и художественно-документальные произведения писателя-ставропольца, создававшиеся в первой половине 1880-х годов, показывают, что он обратился к почти научному, художественно-социологическому анализу «итогов» первых пореформенных десятилетий, обнажая конфликты времени во имя поисков путей к преодолению «всеобщей неправды». И в этом он был не одинок. Более того, он развивал традиции демократической беллетристики 1860-х годов (Н. Успенский, В. Слепцов, М. Воронов, А. Левитов, Н. Помяловский, Ф. Решетников и др.), шел в одном направлении с писателями-народниками (Н. Каронин-Петропавловский, П. Засодимский, Н. Златовратский, Н. Наумов и др.) и близкого к ним Г. Успенского. Все эти прозаики были самобытными художниками слова, которых объединяло то, что они сосредоточили свое внимание на противоречиях между потребностями общенационального развития (а значит, народа) и существующим строем социальных отношений. Еще критики XIX века называли их реализм «социальным» или «народным». Я. Абрамов, как и эти писатели, стремился художественными средствами анализировать процессы разрушения старых патриархальных норм общественного быта и нравственности («Бабушка-генеральша», «Ищущий

правды», «В степи»). Он показывал расслоение в деревне, формирование «типа деревенского кулака» («коммерсанта»), обнищание «обираемых мужиков» и городской бедноты, «разорение и закабаление населения» («В степи», «Как мелентьевцы искали воли», «Корова»), усиление власти денег, капитала, появление «культы золотого тельца» и утрату «чистой совести», «гуманных привычек». Тип «деревенского кулака», «коммерсанта», «капиталиста», недавнего крестьянина-общинника, воссозданный в таких произведениях Якова Абрамова, как «В степи», «Ищущий правды», «Неожиданная встреча» и др., характеризуется отсутствием всякой «гражданской ответственности»: его «деятельность» подчинена одной цели – «наживе», и с этой целью он «эксплуатирует все отрасли народного труда», занимается «ростовщичеством и торговой эксплуатацией», скупает «пожалованные... военным и чиновникам земли», «прибирает к рукам “мир”» («В степи»).

В своих художественных созданиях Я. Абрамов запечатлел разложение общины, «сельского общества» («В степи»), выявлял причины вынужденной миграции крестьян, бывших крепостных, описывал условия их труда, нередко опасного для жизни («Неожиданная встреча», «Как мелентьевцы искали воли»). В появлении различных сект – «духоборов», «шалапутов», «штундов», «скопцов» и др. («В степи», «Ищущий правды», «Секта шалапутов», «Среди сектантов», «К вопросу о веротерпимости») – писатель усматривал закономерный итог поисков более совершенных, чем крестьянская община, форм самоорганизации народной жизни.

Круг проблем художественных произведений Якова Абрамова, который начал свой творческий путь поистине необыкновенно, был весьма широк. «Невероятность», «фантастичность» пришедшей в движение русской жизни в его произведениях приобретают характер всеобщности, несводимости к быту: герои Абрамова выбиты из «наезженной колеи», из привычной системы ценностей, их «больно мучает деревенская неправда» («Ищущий правды»), они видят, что «мир во зле лежит» («Мещанский мыслитель»), что люди перестали «жить по добру» («Бабушка-генеральша»), что рушатся устои «мира», «общества» («Ищущий правды»), распадается патриархальная семья. При этом надо не забывать, что и «прошлые времена», когда крестьяне находились в «крепостной зависимости», описывались Абрамовым в такой же обличительно-реалистической манере («Как мелентьевцы искали воли»).

Писатель зафиксировал появление первых симптомов сознательного протеста, пробуждения чувства личности. Его художественное творчество в полной мере отвечало задаче «открытия значения личности на почве значения массы», сформулированной в те же годы В.Г. Короленко. Изображение «подъема чувства личности», обусловленного разложением «старого строя жизни», он осуществлял не средствами психопозитики, а в формах публицистического анализа истоков и причин поступков героев, их реакций на все происходящее в стране. Чувство собственного достоинства в каждом из них

проявляется по-своему, принимая иногда эксцентричные (Михаил Зацепин из рассказа «Механик»), болезненные (безымянный мужик-крестьянин в рассказе «Неожиданная встреча», Савчук, Иван Отче-наш, «шалапуты» из повести «В степи») и даже трагические (герои рассказов «Мещанский мыслитель» и «Ищущий правды») формы.

«Работа мысли» всех героев Абрамова, «ищущих правды», приводит их к выводам о том, что «так жить нельзя», к уяснению причин укрепления «новых порядков», увеличения «численности босой команды», «голоштанников» (по словам разоренного крестьянина, героя «Неожиданной встречи»), то есть тех, кто составляет «особый класс людей, дошедших до последней ступени бедности, на какой только может существовать человек». «Громадные массы» людей, – пишет Абрамов в статье-очерке «Босая команда», – находятся в таком положении, что «ум отказывается верить, воображение – представить, чтобы было возможно подобное ужасное существование». Лучшие герои писателя ищут ответы на вопросы, почему невозможно жить «по дружбе, по любви, по совести».

Программа мирного постепенного прогресса Якова Абрамова, строго говоря, не сводилась к «теории малых дел». В своих публицистических статьях он раскрывал перед «образованным классом» идеалы «служения народу». «...Надо, наконец, понять, что обязанность каждого интеллигентного человека состоит в том, чтобы работать над облегчением материальной нужды народной массы и духовным просветлением ее...», – писал Я. Абрамов в статье «Малые и великие дела». Находясь под обаянием его идей, тысячи молодых людей шли работать народными учителями, деревенскими врачами, агрономами, техниками и т.д. А.П. Чехов в повести «Дом с мезонином» описал это ширящееся движение, работу интеллигенции, которая, откликаясь на призыв Я. Абрамова, «посвящала себя распространению... знаний, подъему производительности народного труда... народно-просветительской, организационно-врачебной и иного вида культурной деятельности земских учреждений» («Малые и великие дела»).

Бескрылому эмпиризму и разрозненным действиям, при которых игнорируются законы развития общества, Я. Абрамов противопоставлял такую системную, «кропотливую работу», которая бы обеспечивала прогрессивное развитие всех сторон общественной, народной жизни – экономики, культуры, образования, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законодательства и т.д.

И в художественном творчестве в объекте внимания «писателя-социолога» находился именно «существующий строй жизни» («Бабушка-генеральша»), «строй общественных отношений» («Ищущий правды»), а не отдельные его составляющие. Как и другим демократам-просветителям, Якову Абрамову была близка идея пропаганды всего «добытого и усвоенного европейской цивилизацией» (И.С. Тургенев). Его многочисленные научно-попу-

лярные и публицистические работы подчинены именно этой цели: («Вселенная: популярный астрономический очерк»), «Два великих француза: благодетель человечества Луи Пастер и апостол образования Жан Масэ», «Стефансон и Фультон: изобретатели паровоза и парохода; их жизнь и научная деятельность», «Фарадей: его жизнь и деятельность», «В чем сила Соединенных Штатов», «Народное образование в Японии» и т.д.).

Герой одного из ранних рассказов Абрамова – Востряков («Мещанский мыслитель») не случайно стремился «знакомиться с биографиями благодетелей человечества» – выдающихся писателей, ученых, общественных деятелей и т.д., поскольку «всем своим существом чувствовал»: «надо что-нибудь придумать» в целях приближения к идеалам гуманизма, правды и справедливости. Я. Абрамов собственной биографией подтвердил известную истину: писатель способен предсказывать свое будущее потому, что сам начинает жить по законам создаваемого им художественного дискурса. Спустя полтора десятилетия для таких, «ищущих правду», как «мещанский мыслитель» Востряков, он начал выпускать в издательстве Ф.Ф. Павленкова книги серии «Жизнь замечательных людей», продолженной уже в 1930-е годы М. Горьким.

Яков Абрамов обладал талантом особого рода. Активное просветительство обусловило ведущую роль «мысли» в его художественных и публицистических произведениях. «Невыдуманность», достоверность, документальность сюжетного материала в художественной прозе писателя, создававшей на очерковой основе, являются следствием того, что «фантазия» в его творческом процессе была явлением факультативным. Установка на «правду факта» всегда открыто выражена в произведениях Абрамова. Развитие коллизии в каждом из них мотивируется реальными фактами жизни автобиографического героя-повествователя. «Много лет подряд мне приходилось проводить лето в селе Круглая Балка. В этом селе жил мой родственник, богатый сельский торговец, и у него-то я жил... в качестве приказчика “по овечьей части”» – так реальными биографическими данными сюжетно мотивируется развитие действия в повести «В степи». Завязкой в рассказе «Механик» является встреча автора-повествователя с героем его сюжета Зацепиным у профессора духовной семинарии, прототипом которого является реальный учитель Абрамова, в годы юности бывшего ставропольским семинаристом. Таких примеров можно привести немало. Документальное начало, очерковость прозы Якова Абрамова обнаруживается даже в топонимике его произведений: Круглая Балка – это название села такого типа, которое распространено в Ставропольском крае (Ладовская Балка, Горькая Балка, Каменная Балка, Николина Балка и т.д.). Ладовская Балка, судя по всему, была «прототипом» Крутлой Балки и Шалашной, в которых происходит действие в повести «В степи» и рассказах «Ищущий правды» и «Бабушка-генеральша».

Ведущая роль «мысли», анализирующей и обобщающей, определяла особенности творческой манеры Я. Абрамова: органическим единством все-

проникающего авторского комментария, пояснений, оценок и художественной образности создается интегративная система повествования, придающая неповторимое своеобразие стилю писателя.

Литературная работа Я. Абрамова в центральных журналах и газетах способствовала тому, чтобы внимание российского общества концентрировалось на самых важных, значительных для социального и культурного прогресса страны проблемах. Не случайно М.Е. Салтыков-Щедрин дал высокую оценку «Программе вопросов для собирания сведений о русском сектантстве» Якова Абрамова, где речь шла о путях преодоления социальных противоречий «нового порядка». Щедрин писал Н.К. Михайловскому 18 февраля 1881 г. о том, что после публикации «Программы» Абрамова «неприменно останется впечатление и мнение». А в феврале 1884 г. он обращался к тому же адресату с предложением поручить рубрику «Внутреннее обозрение» в журнале «Отечественные записки» Я. Абрамову. Написанная им к мартовскому номеру статья дала повод М.Е. Салтыкову-Щедрину сделать вывод о том, что «Абрамов будет дельнее Кривенко и в тысячу раз талантливее Южакова». Это очень высокая оценка. Редактор «Отечественных записок» имел в виду как аналитические способности нового сотрудника журнала, лишённого доктринерства в предлагаемых решениях проблем «переходной эпохи», так и его идиостиль, особенности языка, мышления, аргументации, умение оперировать «фактами» и обобщать их.

О том, какое «глубокое впечатление» произвели на читателей абрамовские статьи и брошюры, исполненные «мыслей о народе... заботой и попечением о нем», можно судить по мемуарам Х.Д. Алчевской «Передуманное и пережитое» (1912), вспоминавшей о большом успехе брошюры Абрамова «Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще» на Всемирной Парижской выставке 1889 года. Или еще пример: «правдивый обзор истории гонений на духоборов», данный Яковом Абрамовым в специальной статье на эту тему, высоко оценил в 1895 году Л.Н. Толстой. Подобных подтверждений можно привести немало.

В 1890 году Я. Абрамов неожиданно покинул Петербург. Отъезд писателя, находившегося «на пике славы», в провинциальный Ставрополь был, скорее всего, обусловлен двумя основными причинами.

Первая из них – это отсутствие понимания и поддержки в тех общественно-литературных кругах, в которых вращался он. Абрамов тяжело переживал одиночество и недоброжелательные выступления тех идейных оппонентов, со стороны которых в его адрес – и в те годы, и значительно позже – раздавались упреки по поводу «проповеди “малых дел”» и невнимания к «идеям высшего порядка» (Н.В. Шелгунов). Эти упреки чаще всего были предвзятыми и необоснованными. А критиковали его и марксисты, и народники, и хранители революционно-демократического «наследства», и даже люди из его ближайшего корпоративного круга... Многими тактика «скромной деятельности» в социально-философском истолковании Якова Абрамо-

ва воспринималась односторонне, не соотносилась с обозначенными им же перспективами прогрессивного развития России.

Вторая причина – стремление к практическому осуществлению целей «полезной работы». Показательна творческая траектория Абрамова: от беллетристики (1881–1885) – к публицистике (1882–1900), от публицистики – к журналистике (1900–1906) и реальной общественной деятельности. В Ставрополе он активно включился в работу в качестве гласного Ставропольской городской думы, становится сотрудником и постоянным автором газет «Северный Кавказ» и «Приазовский край», членом «Общества для распространения народного образования». При этом он продолжал публиковаться в столичных журналах и газетах, выпуская массу научно-популярных книг и брошюр в разных петербургских издательствах. Много внимания уделял совершенствованию местного управления, привлекая внимание общества к вопросам внутренней и внешней политики, «осуждая правительство» за войну с Японией 1904–1905 гг. Как писал один из жандармских чинов в очередном донесении, Абрамов «являлся руководителем всех антиправительственных проявлений». Документы, хранящиеся в фондах ГАСК, показывают, что активная просветительская деятельность Я. Абрамова вызывала раздражение властей: его обвиняли в знакомстве с «политически неблагонадежными» людьми, в публикации статей «тенденциозного содержания», а самого относили к «категории лиц, крайне вредных в политическом отношении».

Но примечателен и такой факт, о котором сообщается в одном из документов, хранящихся в ГАСК. В 1906 г. «городская Голова Н.Т. Иванов предложил собранию Думы почтить вставанием память скончавшегося 18-ого сентября Я.В. Абрамова, состоявшего несколько четырехлетий гласным Ставропольской Городской Думы. Затем, имея в виду, что Я.В. Абрамов за время своего служения гласным принимал всегда самое живейшее участие в городских делах, посвящая им массу времени, труда и знаний своих, совершал на свои средства, в качестве представителя Думы, разного рода поездки в Москву и по Ставропольской губернии, вообще, как выдающийся деятель, оказал городу много важных и полезных услуг, и что продолжительнаяи тяжкая болезнь поглотила все, какие у него могли быть сбережения, так что после его смерти у семьи его, кроме дома, не осталось никаких собственных средств к жизни, Городской Голова полагал, что Городское Общественное Управление почтет своим долгом, помимо принятия устройства похорон Я.В. Абрамова на городской счет, оказать семье его единовременное пособие (12 очередное собрание 22 сент. 1906 г. № 173:ГАСК. Ф. 95, Он 1, д. 8695, л. 387).

Поскольку Я.В. Абрамов много внимания уделял деятельности библиотек как учреждений просветительского характера, а в журнале «Русская школа» в 1890–1905 годах вел «Хронику народного образования» и «Хронику народных библиотек», то в материалах этого же собрания Думы, посвященного памяти писателя, сохранились решения по вопросу о «бесплатных народных читальнях»:

«Ввиду сказанного, я (Н.Т. Иванов) имею честь предложить Думе возбудить пред г. министром внутренних дел ходатайство об устранении одной противозаконной меры, принятой 15 лет назад и тяготеющей с тех пор над народным просвещением в нашем отечестве. Я имею в виду «Правила о бесплатных народных читальнях и порядка надзора над ними», изданные 15 мая 1890 г.

Организация народных бесплатных библиотек является в интересах «просвещения массы городского населения неизбежным и еще более важным шагом, нежели учреждение школ, и без библиотек самое существование школ в значительной мере теряет свое значение. Многие книги не попадают в каталоги не потому, чтобы они не заслуживали внесения в него, а просто потому, что ученый комитет не удосужился рассмотреть этих книг». «Тот, кто может платить за чтение, может пользоваться всеми книгами из платных библиотек, тот же, кто за чтение платить не может, должен довольствоваться скудной умственной пищею, которую только сможет предложить ему бесплатная народная библиотека»» (ГАСК. Ф. 95. Оп.1, д. 8695, л. 388).

Как можно судить по приведенным данным, Я.В. Абрамов и в последние годы жизни оставался верным своим идеалам, разделив судьбу тех русских писателей-разночинцев, бескорыстных и преданных своему народу, деятельность которых определяла характер общественной жизни России с начала 1860-х годов до первого десятилетия XX века.

Яков Абрамов, безусловно, был очень крупной фигурой в общественно-литературном движении своего времени. Его художественное и публицистическое наследие объективно способствовало активизации социальных функций искусства. «Злободневная» проблематика произведений поднималась писателем-ставропольцем на уровень рефлексии общечеловеческих ценностей, актуализирующихся в любую переломную эпоху.

Этим близок он нашему времени, «перевалу истории» конца XX – начала XXI века. Для нас чрезвычайно важны итоги и результаты мыслительности Якова Абрамова, до недавнего времени «опального» мыслителя, прозаика и публициста, шедшего вразрез с утверждавшейся концепцией революционного «обновления мира» и с «почвеннической» идеализацией крестьянской России, объективно анализировавшего процессы развития буржуазных «рыночных отношений». В наши дни стране «на новом витке» истории навязывается повторение того пути «рыночной экономики» и исповедование частнособственнической морали, несостоятельность которых показывал писатель в процессе художественного анализа всего «строения жизни» между второй революционной ситуацией и революцией 1905 года.

Богатое теоретическое, публицистическое и художественное наследие Якова Абрамова – это достояние нашего народа, это феномен интеллектуальной истории, масштабы которого еще нашими современниками оценены далеко не в полной мере.

Литературно-публицистический журнал «Сияние» №1(1) 2011.

Губин Андрей Терентьевич (17.10.1927 – 6.03.1992) – писатель-прозаик, поэт, журналист, член Союза писателей СССР. В 1995 году стал (посмертно) лауреатом литературной премии им. М. Шолохова.

Андрей Терентьевич Губин родился в станице Ессентукской. Предки его пришли на Кавказ из-под Великого Новгорода. Дед Андрей Николаевич имел большую семью, где было девятнадцать детей. Отец Терентий Андреевич Губин, мать Мария Васильевна Губина (в девичестве Тристан).

Детство прошло в Кисловодске. В годы Великой Отечественной войны Андрею пришлось работать с 15 лет. Сменил много профессий: был пастухом, молотобойцем, пожарником, кочегаром на паровозе. Дни проводил за чтением книг в библиотеке. Стремясь увидеть мир, отправился в город Ригу, где служил на морском транспортном судне. Здесь же получил аттестацию о среднем образовании. Затем – жизнь в Москве, Находке, Владивостоке и возвращение на землю предков.

В 1951 г. в газете «Искра» Предгорного района появляются первые публикации стихов Губина, после чего писатель сразу становится литературным сотрудником этой газеты, а также корректором в типографии. Первая большая повесть – «Созвездие Ярлыги». Рассказы и повести Губина печатались в журналах «Октябрь», «Смена» и альманахе «Ставрополье».

В 1953 году по направлению газеты поступил на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии, который окончил в 1959 году, получив квалификацию драматурга. После этого занимался только литературной деятельностью. Первая книга новелл «Афина Паллада» вышла в 1966 году в Ставрополе. Одним из крупных произведений писателя становится роман «Молоко волчицы», над которым Андрей Терентьевич работал около 20 лет. Повествование охватывает более чем столетний период жизни терского казачества, многие человеческие судьбы. Роман «Молоко волчицы» имел большой успех и издавался более 15 раз не только в нашей стране, но и за рубежом.

Последние годы жизни писатель провел в Москве. Скончался 6 марта 1992 года. Похоронен в городе Ессентуки. На Кавказских Минеральных Водах именем Андрея Терентьевича Губина названы улицы, школы, библиотеки, в городах, где он жил, установлены мемориальные доски. После смерти писателя в его архиве почти в идеальном порядке были обнаружены рукописи 10 томов, среди которых очерки, эссе, рассказы, повести, романы, драмы, стихи, поэмы.

* * *

У подножия горы и детства

Грех немалый – пересказывать стихи, многоцветный музыкальный строй – деревянной дробью ложек. Но и того коснется перестройка, а его как повелось.

«Славит древнюю степь, пашут, а поле славит ржаное, хлебное. Не электромагнитное, не гравитационное, не футбольное даже, а Поле Хлеба, Деревьев, самое таинственное из всех, тайну же рассказать непросто, как и в заповедной Стране Детства. Трагически сказал о нем поэт Федерико Гарсиа Лорка еще в молодости: «Как жаль детства, осталась высохшая шкурка». У поэта Станислава Подольского свое: «Ах, воздух детства, древней территории»... Тематика, экзотика, глобальная поэзия не спасут. Другое дело – язык. Но язык Подольского знаком, традиционный поэтический язык: «И колымский закат пахнет шафраном», «сиреневое облако горы», «жадно по пляжам рыщут белые львы. Но почему тогда стихи Подольского рождают ощущение непривычного? Потому что язык его – язык глубокого молчания, подводных вихрей и течений при гладкой, общепринятой поверхности; это иное мироощущение и мировидение, острота ощущений непрочности современного и детской ясности будущего человека; это язык судьбы – Гремела мне – Судьба моя – не Лира», – и потому стихи эти теряют многое на эстраде, при чтении их вслух и всем, их надо молча впитывать, наедине, ибо это самый непередаваемый язык – глубокого, кричащего молчания.

Подольский скуп на так называемую тематику – как будто видит в мире совсем немного, это и есть одно из качеств поэта: рыть в одном месте, чтобы добраться до воды или нефти, скифских черепков или осколков древнейших звезд. Деревья, Дорога, Гора, Он и Она, обезлюбившая Любовь... Но это его, Подольского, темы, его в том, как он их выражает музыкай стихов. И в этом он – автор, открыватель жестоких и мудрых драм в мире беззащитно гордых, преданных и в смерти Жизни деревьев; переводчик откровений Горы, Облака, пересказыватель песен Дождя, толкователь сказок Снега – и все это части симфонии человеческой Души, яростной, гневливой, непокорной, нежной и беспомощной, жестокой и могучей, смертной и, нерасторжимой с Космосом и Вечностью.

Миллионы людей пишут стихи. А поэзии – раз-два и обчелся. Пишет стихи – или записывает под диктовку Природы? – и Станислав Подольский. По времени – не оригинально: с детства. Уже лет тридцать с лишком пишет этот крепкий, синеглазый, рыжий, как викинг, грузчик, токарь, монтажник, учитель. Разумеется, все эти высокие звания тоже не спасут поэзию, если ее нет. В стихах Подольского – есть эта тайна, которую психологи пытаются постичь с помощью сверхматематики, но пока – не тут-то было, не дается. Было бы неестественно, если бы тайна, поэзия была сразу и всем внятна и понятна на всех меридианах, как сигарета, соль или банан.

Выше я сказал: поэт... Сознаю ответственность за сказанное. Поэт – не просто рифмующий куплеты или строфы. Нет и должности такой по штату. Поэт тот, кто мощью вдохновения открывает в мире Красоту, намечает пути к ней.

И этим он обязан жизни, людям, земле – « в немалой степени родной, кисловодской, где он как книга вышел в свет, где у него есть собственная Гора, с которой он смотрит на мир. Она всегда с ним рядом, как Мать с детьми, даже ушедшая уже в землю или к звездам – кому как угодно. Редкий день поэт не идет к ней – дела житейские не обходят его стороной, советуется с ней, учится, хотя учитель сам, ищет, открывает красоту в травинке, камне, роднике, заботливо хранимого для себя же деревьями в потайной балочке, а если мало их – то выше и ниже каменная стража скал с щитами и ликами химер, доисторических перволюдей, чудовищ, первокниг. Поэт не замечен ни в какой мистике, но уверен, что Гора – она при въезде в Кисловодск справа дает ему силу жить, что немало, и приносит он с Горы не кизил и барбарис, не фиалки и не ландыши, а строчки с терпкой свежестью горных, ягодных, реликтовых лесов.

Печатают Подольского не часто, будем думать, что издатели приберегают его на какой-то редкий случай, к какому-то особенно праздничному Дню поэзии, как подарок ко дню рождения читателей. Пока – отдельные публикации, циклы в коллективных сборниках, две книги стихов: более ранняя «Весенняя мастерская» и «Древо Дороги», выпущенная Ставропольским книжным издательством в 1986 году. Здесь уместно высказать читательскую благодарность издателям за то, что увидели, прочли, не прошли мимо Поэзии. Есть молодежная поэзия, есть – молодая, не в пользу первой. Поэзия Подольского молодая, юная, для молодых душой – и в светоносном восприятии мира, и в развитии лучших достижений поэзии прошлого, двух последних веков, что, к великому читательскому сожалению, игнорируется многими поэтами «по штату», полагающимися лишь на древний ямб, хорей и Дактиль, Не желающими помнить, что форма-это содержание.

В книгах Подольского особенно удачны и выразительны верлибры – они ему особо свойственны. Было бы действительно подарком читателю увидеть цельную Книгу свободных стихов. Жанр этот не нов, как все под Луной, но он всегда в становлении. Пока я рекомендую читателям «Древа Дороги» стихотворения из этой книжки.

Дерево и дорога – ориентиры поэзии Подольского в беспредельном мире. Два символа извечной красоты, труда, любви к земной нелегкой пашне, к самой Земле – крохотному зеленому листку на необъятном, тихо и грозно шумящем древе Вселенной. Столь часто славит поэт – он именно славит, воспевает гимнами – дерево, что невольно вспоминаешь и совет автора бессмертной «Синей птицы» Метерлинка перенимать мудрость бытия именно у деревьев, и гениального Фета: «Учись у дуба, у березы», фантастически прекрасные слова великого Достоевского из романа «Подросток»: «Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с” которой они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами». Именно так, и без всякой натяжки, рисовки, позы, говорит о деревьях и с деревьями Подольский в своих стихах.

«Дерево детства», «Вот дерево стоит» – прекрасное стихотворение, «Яблоня в горах», «Деревья коренятся в снеге», «За землю цепляюсь, как тополь и хмель»... Не в страхе и подавленности, а в животворном поиске красоты.

Древо Дороги... Истинная Дорога растет, как все живое, ветвится, обнимая мирозданье. «Высокий тополь вышел в путь тростинкой, малой и, белесой» – чтоб возвратиться взрослым, умудренным, избитым молниями, в шрамах, в корявой – жизнь нелегка – броне, но и со светлыми избушками гнезд в ветках, в музыке птичьего щебета, в обновленной его рабочими корнями земле, отзывчивым к дождинкам и лунному лучу, к вьюгам и ветрам, дающим тень и прохладу в тяжкий зной, защищающим в жестокую стужу, как может, всех, кто тоже выходит в тяжкий и благодостный путь.

Все о том же: не убивайте, обнимитесь друг с другом и матерью, сестрой, возлюбленной природой, не давайте ходу сорнякам. Не покорять варварски природу, а явить милость и сострадание к ней – то есть к самим себе, неотрывной части природы. Как на Колымской ГЭС – стихотворение «Синегорьев»: «была тень – осветлилась сама». Почти сама, мощная ледяная река греет, освещает поселки и города, крутит станки, здесь человек разумно вмешался в жизнь реки, стал частью её разума, а она – частью разума человека, что почти идеал: стать разумной природой, сделать всю материю разумной, светлой, о могущей во Вселенной, единой не дающей себя в обиду никаким вспышкам новых и сверхновых звезд – это мировые катастрофы, вспышкам ядерных, химическим, бактериологическим, материей, вечно борющиеся за лучшую жизнь, все более полную и цветущую, за новое, а не модное в угоду извращениям цивилизации.

Подлинная книга лирики – некая волшебная страна, населенная людьми лучшими, чем мы. Там есть и высочайшие вершины, и мрачные впадины с мрачной змеей подземной реки, где деревья, травы, небо новые, – которые видит путешествующий в незнакомом крае, не скучающий турист с путеводителем и говорливым экскурсоводом, а путешественник, прорубающий дорогу в дебрях, ночующий на оторвавшейся от берега льдине, познавший надежду, отчаяние, радость и потерю спутников и вышедший из страны – книги иным, поздоровевшим. Нельзя же пересечь Тихий океан или снега Гималаев – и остаться тем же, ничего не поняв, не познав, тогда и жить не стоит.

Все дороги людей относительны. Та, что в сердце, абсолютна – тропа поэзии. Дорога не стоит на месте. Промелькнул «Убитый сад», и осталась сладкая грусть узнавания истины в последний миг – миг расставания, и боль утраты нам дает на краткий миг ещё одну частицу света на бегущей меж звезд дороге. Она, Дорога, всегда «у подножия Горы и Детства». Шагнуть с вершины горы можно только вниз или идти на другую вершину, и тогда Гора – опять подножие, начало. Вершины Детства недостижимы, они тоже подножие Вечного Восхождения, и они самые м огучие, главные корни-стволы Дерева Жизни...

Кавказская здравница. – 1986. – 21 окт.

Егоров Иван Яковлевич (25.05.1900 – 05.04.1971) (псевдоним И. Чилим) – русский прозаик, публицист, член Союза писателей СССР, специальный корреспондент «Литературной газеты» в Ставропольском крае и Волгограде. Автор очерков, фельетонов и книг «Именная земля», «Узорчатая рама», «Ярлычок», «Кругая громадка», «Буйные травы», «Третий эшелон», повестей «Море Сарматское», «Роза – дочь Алана» и др.

Иван Яковлевич Егоров родился в селе Быково Царевского уезда Астраханской губернии (ныне Волгоградской области) в семье крестьянина-бедняка. Окончил Астраханское училище садоводства и виноградарства. Получив агрономическое образование, работал директором совхоза, добился успехов в этой области, однако стремление к творчеству никогда не оставляла Ивана Яковлевича.

Писать начал в 1920 году, находясь в рядах Советской Армии. Его стихи и рисунки помещались в армейских газетах. После демобилизации Егоров в течение многих лет занимался журналистикой, работая в областных газетах «Резервы», «Борьба», «Поволжская правда», «Молот», «Уральский рабочий», «Ставропольская правда», «Литературная газета». В течение нескольких лет возглавлял Ставропольскую писательскую организацию.

В 1937 году «Орджоникидзевская правда» опубликовала актуальный для нынешнего времени очерк Ивана Яковлевича Егорова с незамысловатым названием «Город Ворошиловск». Автор показывает нам две планетарно враждебные эпохи. Рисует сюжетную линию так уверенно, будто и не было октябрьских событий. В этой простоте, органичном стремлении к созиданию – всем миром – и кроются преемственность, сила и мощь Ворошиловска-Ставрополя, его прочные традиции.

Умер писатель в 1971 году в Волгограде.

* * *

Город Ворошиловск

Крепко строили этот город. Закладывали глубокие фундаменты. Неторопливо тесали пористый известняк-ракушечник, удобнейший строительный материал, и возводили стены такой хозяйственной добротности, что дома из поколения в поколение переходили по нотариальным записям без всяких изъянов, выражая в полной мере понятие «недвижимое имущество».

Никакие предшественники Карбюзье (французский архитектор, один из создателей своеобразного утилитарно-урбанистического стиля в архитекту-

ре. – Ред.) не тревожили ставропольскую инженерскую мысль беспокойными исканиями. Инженеры тут, по-видимому, были толстые, благодушные, спокойные; они отлично знали свое дело, а по окончании стройки, после молебна, несомненно, пили рябиновку, ели баранью ногу с кашей и цельных осетров, а потом дулись в преферанс до следующего подряда.

Капитальные строения степенны, но не однообразны – иногда с фигурными венецианскими окнами, с витыми колоннами под кудреватými капителями, с растительно-русалочными кариатидами. Самые богатые дома отделявались – особенно внутри – с восточным привкусом, с примесью красот от Василия Блаженного, с купечкой истовостью, в коей благолепие и долголетие сочетались неразрывно.

Мостовые же клали, как бы готовясь сопротивляться любому землетрясению. Однажды, когда Ставрополь был объявлен второй нефтяной столицей государства Российского, здесь было решено построить некое величественное здание, способное затмить красоту бакинской Девичьей башни и сделать вызов башне Эйфелевой.

Нефть нашли в одном колодце между Ставрополем и Александровском. Отцы города решили отпраздновать великое событие. Приказали звонить во все колокола. Пили шесть дней и шесть ночей. Потом запрягли в огромный тарантас двенадцать коней цугом, на каждого коня посадили обнаженную деву; сидящие в тарантасе тоже наполовину обнажились, объявили себя чистокровными эллинами и, как таковые, подбехали к дому губернатора с криками: «Зевс! Сойди с Олимпа и прими дары наши!» При этом губернатору поднесли на золотом блюде камень, пропитанный нефтью.

Губернатор приказал нагих дев прикрыть хотя бы жилетками, а камень, пропитанный нефтью, понюхал и сказал: «Да, знаете ли, это дело пахнет миллионами!» После этого авторитетного заключения эллины и двенадцать коней, и двенадцать дев нанесли визит архиерею и еще послали уничтожительную телеграмму Нобелю: «Нобель, кобель, чихать мы на тебя хотели». Однако Ставрополь не вышел в нефтяные столицы по той простой причине, что камень, пропитанный нефтью, оказывается, был нечаянно обронен в колодец одним машинистом локомотива, обслуживавшего молотилку. Машиниста побили, колодец почистили, Эйфелева башня не состоялась, да и не очень-то она нужна была, если принять во внимание, что колокольня ставропольского кафедрального собора видна в ясные дни за 30 километров.

Город скупщиков зерна, крупных животноводов и сановного духовенства – 18 церквей и два монастыря – жил сытно, уютно, богато, вел торг с тремя морями, с горами и степью, строил триумфальные арки по случаю приезда царей, крепко выпивал по этому поводу, закладывал монастыри и семинарии, завоевывал Кавказ, имел в свое время крепостцу и во все времена – огромный гарнизон. Но на тучном курдючно-пшеничном теле города быстро зарубцовывались следы казарменного бытия, оставались только выра-

зительные названия окраин и слободок: Первая солдатская, Вторая солдатская, Третья солдатская. Потом стерлись и номера.

До предоктябрьских времен Ставрополь был благоустроенным, большим, чистым губернским городом. Его разномастные жители – от купцов и помещиков до окраинных козоводов – имели одну хорошую склонность: сажать как можно больше деревьев – тополей, акаций, лип, вязов, кленов, конских каштанов. Все это выросло могуче, широко, крепко, толстокоро – на столетия.

И о нынешнем Ворошиловске можно без натяжки сказать: он утопает в зелени. Уличные аллеи, бульвары, деревья перед окнами, сады во дворах, общественные сады и парки, просторные, тенистые, без единого сухого сучка, чуть запущенные и оттого еще более выразительные. Каждое тутовое дерево с его баобабовым размахом за глаза может обслужить полдюжины отдыхающих единиц.

В годы войны, когда красные партизаны Ставрополя (а их было круглым числом сто тысяч) выбивали из Ставрополя ожиревших «эллинов», много упало в город снарядов. А он, этот крепкий каменный город с его толстокорыми садами, только покрякивал, чуть шелушился, не рушился и после советизации потребовал лишь текущего ремонта.

На место исчезнувших «эллинов» он легко принял свыше десяти тысяч советской учащейся молодежи, мускулистых парней и девушек в майках. Здесь обособились три вуза, пять техникумов, 40 школ, многочисленные лаборатории и научные кабинеты, опытные станции и т.д.

При первом знакомстве Ворошиловск производит впечатление города молодежи, среди которой изредка проплывают архивные старцы с невиданными бакенбардами, старушки в шляпах времен севастопольской кампании. Они продают на базаре хитро открывающиеся шкатулки, бронзовые подсвечники, веера из павлиньих перьев и прочие, не больно интересные предметы, назначение которых дискуссионно.

Ворошиловск за годы социалистического строительства обогатился восемью крупными предприятиями: здесь мясокомбинат, один из самых мощных в Советском Союзе, танкостроительный завод, биофабрика, здесь крупная мукомольная промышленность и т.д.

При всем этом город остается просторным. Чтобы не создалось впечатления запущенности, дворники по указанию горсовета выковыривают столовыми ножами нахальную зелень, кое-где предательски вылезавшую из-под шлифованного камня мостовых. Мероприятие трогательное, хотя и не столь радикальное.

В многочисленных столовых и кафе могут, если посетитель усидчив, плотно накормить, но категорически откажут, если он потребует стакан чаю или молока – хоть залейся. А пьют его, молоко, дома. И чай тоже. Столовая такими мелочными делами не занимается. Вот приедут краевые, они наладят, они умеют. А мы люди простые.

Именно в этих мелочах улавливается налет «провинциальности» нравов города Ворошиловска. «Вот приедет край...»

Сегодня это – тема неустанных разговоров во всех общественных местах и частных домах Ворошиловска. Приедет край, по-другому заживет, захочет город.

Предстоящий переезд краевого центра ворошиловскими гражданами в частной оценке воспринимается оживленно-радостно. В служебном, учрежденчески-ведомственном отношении люди почему-то чувствуют себя... демобилизованными. «Надо бы подтянуться, да ведь все равно край приедет – и все будет по-новому».

Краевые работники приезжают пачками, критически осматривают город, в большинстве случаев остаются довольны. «Большой, хороший город. Надо только привести его в порядок, кое-где починить, кое-где покрасить, подасфальтировать». Любители надстроек с удовольствием осматривают могучие стены двухэтажных зданий, их вековечные фундаменты: можно надстраивать хоть до пяти этажей – и не пошелохнется. Крепкий, устойчивый город!

Хороши лесистые окрестности Ворошиловска с их размашистым зыбким рельефом, с их многопланностью, совершенно исключаящей представление о Ворошиловске как о степном городе. А к удовольствию любителей больших прогулок, гребного спорта и рыбалочных дел – в восемнадцати километрах от города раскинулось Сенгилеевское (оно же рыбное) озеро с зеркальной площадью в 30 квадратных километров. Быть тут яхт-клубу и самой боевой автостанции.

Заикина Светлана Андреевна (1935-1980) – прозаик, публицист, журналист, член Союза писателей СССР.

После окончания Московского государственного библиотечного института, Светлана Андреевна увлеклась журналистикой. Впечатления от многочисленных путешествий по стране и Ставропольскому краю нашли отражение в сериях публикаций в журналах: «Огонек», «Полярная звезда», «Советский шахтер»; в газетах «Кавказская здравница», «Ставропольская правда» и другие.

В 1970 году Заикина С.А. закончила Литературный институт им. Горького и окончательно определилась с выбором профессии, решив писать о том, что было ближе всего ее душе – о родном Ставропольском крае. В течение многих лет Светлана Заикина в качестве сценариста активно сотрудничала с литературно-драматической редакцией Краевой пятигорской студией телевидения. Коллеги ценили ее за профессионализм, высокую работоспособность и умение образно и ярко подать материал. Её биография – это пример не только успешной профессиональной карьеры, но и яркий пример постоянного самосовершенствования и целеустремлённой социально ориентированной деятельности.

Жизненное кредо Светланы Андреевны выражено в знаменитой строке поэта Бориса Пастернака: «Во всём мне хочется дойти до самой сути». Она никогда не уставала не только работать, но и учиться Заикина С.А. была интересным человеком, ищущим и многосторонним. Она была большим ценителем классической музыки, балета, оперы. Любила читать русскую классику и экономическую литературу.

С.А. Заикина всегда считала своей прямой обязанностью заботиться о духовности будущих поколений полагая, что помощь нуждающимся и стремление поддержать духовную культуру – естественные желания всякого нормального человека.

В 1980 году, на самом взлете творческой деятельности жизнь ее трагически оборвалась.

* * *

Командировка в детство

В станице Александрийской я не была лет двадцать с хвостиком. Уехали мы отсюда в тысяча девятьсот сорок втором, следом за отступавшими войсками.

Ночью спали под телегой. Пахло лошадьми и пылью. И каждое утро снова сулило жару и бесконечную дорогу.

С тех пор в станице я не была. Иногда приходилось близко проезжать по этой дороге. Но поезда были скорые. Не останавливались. И мелькала где-то около горизонта укрытая лесом станица.

И вдруг командировка сюда – в Александрийскую.

Я в поезде... Мелькают знакомые места. Через несколько минут я сойду на разъезде, откуда начнется дорога в мое детство.

Вокзал. Мы часто сюда прибежали смотреть, как грузят зерно и кукурузу в вагоны. Потом, пролезая под вагонами, уходили на холмы, где весной росли «толкачики» – синенькие, усеянные бусинками цветы. А осенью трусили боярышник. Лазить на деревья нам было еще не способно, а потрусив, ползали, собирая опавшие ягоды. Наедались до отвала. Ягода крупная, черная. Вечером пылили по дороге вместе со станичным стадом...

Я спешу по той самой дороге. Вот прошла лесок. Скоро должен быть мост, деревянный. С него мы прыгали в мутную Куму.

Мост. Деревянный. Теперь, если я поверну вправо и пойду по-над берегом, то будет наш дом... Он так и остался в моей памяти с закрытыми ставнями, одинокий, покинуты. Дом моего детства. Там оно, детство, и осталось... Постояв, я беру влево и иду к центру станицы. Я встречаюсь с людьми, вместе с ними уезжаю в поле, много хожу по станице.

Мимоходом вспоминаю фамилии, знакомые мне, но никого уже из этих людей нет. Узнаю, что в нашем доме живут люди. У этих людей выросли дети. Теперь это их дом, их детство.

К вечеру я уезжаю из станицы другой дорогой, которой раньше не было. Провожает меня мальчишка чуть старше меня той, прежней.

Он рассказывает, как они ходят ранней весной за «толкачиками» на холмы, летом «дерут» раков на Куме, а сейчас, осенью, ходят за бояркой. Ягода нынче крупная, черная.

Вечереет. Где-то кричит паровоз, который увезет меня, оставив навсегда в памяти дом с закрытыми ставнями и дорогу, уходящую в мое детство.

Альбом со старыми фотографиями

Они есть в каждом доме – семейные альбомы с фотографиями. Их предлагают гостям, чтобы развлечь, и семья хором объясняет все степени родства запечатленных на этих снимках лиц. Это скучный ритуал, который покорно выполняют и гости и семья.

Человек тонет в массе имен, ничего ему не говорящих и с облегчением вздыхает, когда закрывается последняя страница. Но вольно или невольно он приобщается к родословной семьи.

В нашем доме тоже есть несколько таких коллекций. Я больше всего люблю отцовский – так мы его условно называем – альбом со старыми фотографиями. Достаяю его из видавшего виды письменного стола, удобно уса-

живаюсь и в который раз медленно перевертываю страницу за страницей. Есть среди них такие, на которых я подолгу останавливаюсь.

Ефросинья Терентьевна

Вот моя бабка, мать отца. По единодушному утверждению родственников, я на нее очень похожа. Может быть. Я ее почти не помню. Отличалась она крутым и несговорчивым нравом. Мать мою невзлюбила сразу: иногороднюю привел отец в древний казачий род.

Издалека-далека видятся ее непрощающие глаза, смуглое лицо в родинках и низко повязанный клетчатый платок с бахромой.

...Вечер. Плавно и сильно несет бабка воду из реки. Ведра на коромыслах на шелохнутся. Вода в них не плещется, прикрытая лопухами. Во дворе горит костер: варится в большом деревянном корыте, обитом железом, коричневый арбузный мед. С пылу с жару бабка наливает его нам в глубокие миски, и мы едим, обжигаясь, деревянными ложками, закусывая орешками – соленым домашним печеньем с запеченными кусочками сала. Наевшись, прыгаем через костер и слышим ворчливый голос: «Допрыгаетесь, ночью рыбу ловить будете».

...Эвакуация. Подводы, подводы. В полусне слышим: бабка прощается с матерью, оставаясь в родной станице, и в темноте навсегда исчезает из нашей жизни.

Потом отцу писали на фронт родственники: бомба упала прямо во двор, убила корову, которую загоняла бабка, а ей самой оторвало ноги. Она долго умирала под старой грушей, кричала, что болят ноги, которых уже у нее не было, и все звала Веру, мать нашу, свою нелюбимую невестку. Похоронили ее по военному времени в огороде, у дома. Могила – круглая клумба, заросшая петушками. Позже гроб перенесли на кладбище, и странно было смотреть на фотографию со слишком коротким гробиком, а в памяти по-прежнему стояли горячие глаза бабки, властно поджатый недобрый рот.

Морозкин и Секрет

И, конечно, больше всего в этом альбоме фотографий моего отца. Детских только нет. Какие там фотографии в затерявшейся среди лугов и полей станице! Поэтому знаю я отца, по фотографиям взрослым и сразу же в военной форме. С тех пор – двадцать пять лет военной кочевой жизни: сначала фронт, потом Дальний Восток, Сибирь. А потом снова и снова чемоданы, чемоданы. Но это все позднее, после войны.

Я помню отца только седым и не знаю цвета его волос. Но когда я смотрю на фотографии отца в военные годы, вижу его на гордом коне Секрете, признававшем только своего хозяина, то откуда-то неизменно возникает рядом маленькая, сугубо гражданская фигурка коновода отца Морозкина. Ему уже было под пятьдесят. Он частенько бывал у нас – жили мы тогда в Тамбове, где

отец служил замполитом в кавалерийском училище, – любил сидеть с бабушкой Федосеей на кухне и вести нескончаемые разговоры о своей деревне со смешным названием Селезни. Я, прислонившись к нему, слушала его байки, и казалось, что деревня эта где-то на краю света и не доехать до нее, не дойти. Не верилось, что у Морозкина есть уже взрослые дочери, а он их отец – так он прилепился к нашей семье, что своей, вроде, у него и быть не могло. А еще любила его рассказы о лошадях. Да и сам Морозкин пропах сухими травами и чем-то еще для меня невыразимо приятным: он пах лошадиным духом. Бабушка с удовольствием слушала рассказы Морозкина о его деревенском житье-бытье, сочувственно кивала головой и щедро подливала борща в алюминиевую солдатскую миску. Потом они долго и истово пили чай, а я вся изнывала, томилась от нетерпения. Я хотела к лошадям, в конюшню. Уже с вечера мною был припасен кусок сахара, а Морозкин, разомлевший от еды, кажется, никуда и не собирался идти да еще и всхрапывал. С отчаянием я тянула его за рыжие усы и канючила со слезами:

- Ну, Морозкин, ну миленький, ну пойдем.

Тогда тот, стряхнув дрему, надевал старенькую до полу кавалерийскую шинель и, окончательно утонув в ней, шел вперед. Я семенила за ним. Его валенки расчищали мне дорогу, по которой я радостно топала в не очень ладных сапогах, сшитых военным сапожником.

И вот они – длинные кирпичные конюшни. Я уже знала, что они знамениты, потому что много-много лет назад здесь служил русский поэт Лермонтов. И училище, и эти конюшни горожане называли Лермонтовскими. Замирая, входила в одну из них, в ту, где стоял папкин Секрет, и медленно шла к загородке.

Бог мой, как он был прекрасен! Робея, смотрела на это гордое животное. Утонувший в солнце, он был весь золотистый. Секрет косился на меня горячим длинным глазом, жевал сено и его бархатные губы вновь и вновь находили только ему ведомую сладкую травинку. Сахар в моем кармане начал таять, а я все не решалась протянуть его коню. «Морозкин, – шептала я, – отдай ты ему сахар, я боюсь».

- Не бойсь, моя ласточка, – звучал тенорок Морозкина, – отдай ему сама, мила. Он дите не тронет.

И тогда, дивясь своей отчаянностью, я протягивала руку в щель перегородки, а Секрет поворачивал голову, смотрел на меня, потом на ладонь с сахаром и, плавно сделав шаг, осторожно, не прикасаясь к моей руке, брал сахар: прикрыв глаза, похрумкивал им. Я готова была плясать от радости. Секрет, неприступный и любимый мой Секрет взял сахар с моей ладони! А потом, еще долго оглядываясь, нехотя уходила из конюшни.

А однажды... Что произошло однажды! Об этом я не могла и мечтать. Отец прискакал домой на Секрете. Он собирался куда-то за город по делам. Наскоро пообедав, он вышел, и тут я, дежурившая возле коня, подняла та-

кой крик и рев, что ему ничего не осталось, как взять меня с собой. Еще утирая нос, но уже надменно посматривая на окруживших нас и, конечно, лопающихся от зависти мальчишек, я медленно выехала с отцом со двора, и мы поскакали через весь город, куда-то далеко-далеко. За нами трусил бедный Морозкин, который так и не смог привыкнуть к верховой езде.

Я скакала на самом прекрасном в мире коне, и у меня был самый сильный и красивый отец! Я всегда знала, когда папка идет домой. Его шпоры с малиновым звоном были для меня лучшей музыкой в мире. Я до слез гордилась им, и во всех уличных потасовках больше всего доставалось мне в силу моей непомерной хвастливости и неуступчивости, когда дело доходило до похвалы отцами. Шмыгая носом, приходила домой с разбитыми коленками, синяками и в разорванном платье.

Бабушка только всплескивала руками, тащила меня умытья и сама потихоньку до прихода матери штопала и стирала платье. Морозкин гладил меня по голове, слушая угрозы всем моим врагам, и неизменно говорил: «Терпи, казак, атаманом будешь». А в минуты особых горестей старый коновод доставал громадный коричневый сухарь с крошками махорки и, сунув мне, говорил: «Это тебе от Секретова обеда осталось. Велел передать». И не было для меня тогда большего счастья, чем грызть этот сухарь и мысленно видеть его, спасителя моего отца. Да, так оно и было, отец рассказывал. На фронте, в одной из атак, Секрет спас его, прикрыв контуженного, с перебитыми ногами от осколков. С тех пор у коня были две отметины – шрамы. Отец не расставался с ним до самого расформирования училища. Тогда же уехал и Морозкин в свою далекую деревню на Волге. И больше мы о нем ничего не слышали. Только и остался на фотографии пожилой, совсем не военный человек, тосковавший по своим, где-то затерявшимся в волжских лесах, Селезням.

Бабуля

Так мы с братом называли другую бабушку, по материнской линии. И только когда она умерла, узнали, что звали ее Феодосией. Меня всегда охватывает чувство поздней жалости и любви к каждой морщинке на ее лице, которое ласково смотрит на меня с маленькой и поблекшей с фотографии. Ничего не помню так ясно, как бабушкины руки, когда, уткнувшись в подол ее передника, поверяла ей свои горести, а руки гладили и гладили меня. Словно птица вилась она над большой семьей, стараясь укрыть всех от горестей своими слабыми руками,

И кисти винограда на ее могиле, которые протянуты каждому, напоминают мне их.

И в счастье и в горе

А эту фотографию я могу рассматривать часами. Почему? На ней мои мама и папа. Оба в военной форме, только мама без погон. Всю войну до

тысяча девятьсот сорок четвертого мать прошла с отцом. И здесь, с этой фотографии, она смотрит на меня задумчиво и серьезно, словно спрашивает. Ей здесь еще меньше, чем мне сейчас. И перед этой фотографией я как на духу. Горько мне от всего неправого, что я делаю, от своих ошибок и неудач, от того, что еще многое не то и не так у меня, и лучшее пока, что я сделала на этом свете, это дала жизнь сыну, на удивление схожему с дедом. И когда я всматриваюсь в ее красивое лицо, в ее спокойные глаза с круто поднятыми бровями и крупным ртом, то снова и снова стараюсь понять, откуда взялось столько мужества у нее? Ведь за этими, по-девичьи тонкими плечами был и тридцать седьмой с его пустотой и одиночеством, были мы, маленькие и голодные, и был страшный черный провал могилки третьего сына, родившегося, когда отец был там. Он никогда не узнал и не понял слова «отец». А мы так и не осознали его появления в нашей семье, испуганно промелькнувшего в лихие для нас годы. И все снесла, выдержала и победила эта женщина. С тонким прекрасным лицом, будто сошедшим с икон, моя мама.

Зубенко Иван Михайлович (17.06.1936 -24.02.2009) – публицист, 20 лет возглавлявший краевую журналистскую организацию.

Иван Михайлович Зубенко родился в селе Шведино Петровского района. Военное детство без отца, погибшего на фронте, ранний крестьянский труд, мальчишеская жажда силы и правды – так начиналась его жизнь. В седьмом классе, не желая мириться с тем, что в родной школе учат «вражеский» язык, Ваня Зубенко сочинил для школьной газеты стишок: «Зачем народ советский учит язык немецкий?». После этого случая его исключили из школы. В 1955 году он окончил Терский сельскохозяйственный техникум. В 1960 году Иван Михайлович занял должность агронома колхоза «Родина» в родном селе. Первая публикация Ивана Михайловича в «Ставропольской правде» появилась в 1962 году за подписью: И. Зубенко, редактор стенгазеты «За урожай» колхоза «Родина» Петровского района.

В 1965 году стал литературным сотрудником газеты «Советское Прикумье», а ещё через год его острое перо оказалось востребованным в краевой газете «Молодой ленинец». В 1970 году Зубенко перешёл в газету «Ставропольская правда». Работал в отделе сельского хозяйства, заведовал отделом информации, а в 1984 году возглавил редакцию. По его признанию, «душа пела» – он опять вернулся в журналистику! По итогам первого же года работы, в 1985 году, газета была представлена на ВДНХ, а Иван Зубенко, как главный редактор, награжден «Золотой медалью». Через год «Ставрополка» наряду с «Известиями» и «Комсомольской правдой» выходит победителем Всесоюзного конкурса «Все выращенное сохранить».

Его газетные и журнальные публикации нередко были нелицеприятны для власти, но объективны и честны. Однажды, еще в молодости, когда Зубенко работал агрономом, председатель колхоза задумчиво сказал: «Голова у тэбэ, Ваня, ны дурна, но язык будэ мишати усю жизнь». Так Леонтий Одукалец предсказал судьбу земледельца, ставшего, в конечном счете, журналистом, издателем высшего класса. С 1975 по 1984 гг. Зубенко был инструктором отдела пропаганды и агитации Ставропольского крайкома КПСС, затем помощником первого секретаря крайкома, сначала М.С. Горбачёва, затем – В.С. Мураховского. В 1987 году он стал директором Ставропольского укрупнённого книжного издательства. С 2001 года являлся помощником члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Анатолия Коробейникова.

Умер Зубенко Иван Михайлович в 2009 году, похоронен в Ставрополе.

Сразу же после ухода из жизни Ивана Михайловича Ассоциация районных и городских газет учредила конкурс его имени – для журналистов, пишущих на аграрные темы и диплом Памяти имени И.М. Зубенко. Решено, что первой его обладательницей по праву должна стать его вдова – Валентина Васильевна Зубенко.

* * *

Газетный пахарь

Наверное, кое-кого из читателей такой заголовок о моем коллеге-журналисте удивит. Дескать, пахари есть только на земле... Но я уверен, что своим трудолюбием Юрий Рудометкин такую оценку заслужил. Он ежедневно выполнял по две три нормы, готовя материалы для публикации в каждый номер краевой газеты. Причем не только на первую и вторую страницы, но и для сменной сельскохозяйственной полосы, которая печаталась по четвергам каждую неделю.

Впервые я познакомился с Юрием осенью 1969 года, когда работал в газете «Молодой ленинец». Он зашел неожиданно и спросил: «Иван, ты еще долго будешь здесь в коротких штанах? Ты – агроном, поднимаешь довольно острые проблемы. В «Ставрополке» действенность твоих материалов будет значительно выше. Да и лет тебе уже немало, кажется, 33-й пошел? Я к тебе зашел по просьбе редактора Дубинина. Нам в сельхозотдел нужен такой журналист».

Вскоре я действительно был принят корреспондентом «Ставрополки» в сельхозотдел. Было это в январе 1970 года. Около четырех лет поработал с Юрием бок о бок. Он для меня был негласным наставником. Зоотехник по образованию, Ю. Рудометкин в проблемах села буквально купался. Его знали сотни специалистов и руководителей аграрного Ставрополя. В своих корреспонденциях, репортажах, рейдовых материалах Юрий по-доброму рассказывал об успехах земляков, объективно оценивал и достижения, и упущения своих героев. И никто не обижался на его критику. Я не помню ни одного случая, чтобы в газету пришло опровержение или несогласие с тем, о чем написал специальный корреспондент «Ставропольской правды» Ю. Рудометкин.

В нем подкупало уважительное отношение к авторам писем. Готовя их к печати, максимально соблюдал стиль и фразеологию обращений в газету. И обязательно после их публикаций писал этим авторам пожелание сотрудничать с газетой, сообщать обо всем интересном и злободневном.

Когда он был назначен заведующим сельскохозяйственным отделом, то стал приходить на работу раньше и уходить значительно позже. Многие сборкоры в своих приписках просили его лично готовить их материалы. Не отдавать «на растерзание» Ивану Зубенко, ибо он безжалостно черкает написанное. Юрий брал на себя эту ношу. Я часто удивлялся терпению Юрия, его весьма уважительному отношению ко всем, с кем приходилось ему общаться. Сборкоры

Иван Ромасев, Иван Васильченко, Геннадий Куликов, Виктор Филипенко, Иван Цырульников были благодарны за такое доброе к ним отношение.

И еще, у Ю. Рудометкина не было в коллективе недоброжелателей. В своих отношениях с сотрудниками уже в должности заместителя редактора «СП» он никогда никого не унижал. Тональность в общении у него была как счастливо найденная мелодия. Даже после совета переработать тот или иной материал автор уходил из кабинета замредактора окрыленным, уверенным, что публикация получится значительно лучше первого варианта.

Юрий Рудометкин не только часто и профессионально писал в «Ставропольку». Он подготовил для Ставропольского книжного издательства добротную рукопись о знатном овцеводе Владимире Песчанском. Книга «Профессия – чабан» – настоящий гимн степнякам, памятник их неброскому, но очень важному делу. Читая ее страницы (а она вышла в 1981 году), по-доброму завидуешь тому времени и тем руководителям, кто заботился о подъеме на большую высоту прежних, так называемых рабочих профессий.

У Юрия Рудометкина было много друзей. В их числе – дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Путь к коммунизму» Николай Терещенко. Дружили они десятилетия, подпитывая один другого опытом и знаниями сельскохозяйственного производства. Я уверен, имя Юрия Рудометкина, к сожалению, рано ушедшего из жизни, осталось в памяти сотен его ровесников, товарищей и друзей. Он был настоящим пахарем газетных полей «Ставропольской правды».

У знаменитого Пифагора есть философское утверждение: «Жизнь – это театральное зрелище, в котором очень часто весьма дурные люди занимают престижные места». Это никак не относится к талантливому журналисту, моему другу Юрию Рудометкину.

«Ставропольская правда» от 25 июля 2007 г.

Илиади Илья Харлампович (род. 01.01.1946 г.) – общественный деятель и политик, президент Союза греков-предпринимателей России, бывший председатель Кавминводского окружного отделения “Партии пенсионеров”, меценат, член союза писателей России, скульптор, учредитель и издатель газеты «Время Минеральных вод». Награжден почетным знаком орла; почетными дипломами «Человек на своем месте» и «Человек политической элиты»; почетной грамотой губернатора Ставропольского края.

Илья Харлампович Илиади родился в поселке Иноземцево Ставропольского края в семье Харлампия Ильича и Лукерии Исаковны Илиади. В 1963 году окончил школу №5 в п. Иноземцево. С 1965 по 1967 служил в вооруженных силах. После армии длительное время работал художником. В 1978 году окончил Московский кооперативный институт, получив квалификацию «экономист-организатор торговли». Работал руководителем торговых предприятий. Постоянно занимается благотворительной деятельностью – принимал участие в строительстве храмов в селах Санамер, Дубовая балка, в колонии строгого режима села Александрия, Греческое, реконструкции храма в с.Ульяновка, в восстановлении Второ-Афонского Успенского Общежительного монастыря расположенного на горе Бештау в г.Пятигорске Ставропольского края; могилы Генерал-лейтенанту первому наказному атаману Терского казачьего войска Х.Е. Попандопуло; могильного памятника Генерал-губернатору Ставропольской губернии Никифораки Н.Е.; возглавил творческий коллектив по установке памятника генерал-губернатору Никифораки Н.Е. в г. Ставрополе и мн.др.. В настоящее время предполагается создание галереи скульптур выдающихся личностей России греческого происхождения.

Автор книг «Самый блистательный губернатор (Н.Е.Никифораки)», «Свято-Успенский Второ-Афонский Бештаугорский монастырь», «Кавказская Эллада (в двух томах)», «Наследники Орфея», «Дети Гиппократы», «Меценаты России», «Искры Аполлонова огня».

* * *

Самый блистательный губернатор

(Отрывки из книги)

«Самый блистательный губернатор», – так отозвался о Николае Егоровиче Никифораки известный ставропольский краевед Григорий Николаевич Прозрителев.

Николай Егорович Никифораки родился в 1838 году в Екатеринославской губернии в дворянской греческой семье. Учился в Санкт-Петербургском Михайловском артиллерийском училище, затем – в военной академии. В составе Кавказской гренадерской артиллерийской бригады участвовал в Кавказской войне, проявил героизм и знание дела и был удостоен ордена Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». В 1867 году, с завершением сражений с горцами, был назначен попечителем черноморских военных поселений, а затем – начальником Черноморского военного округа. К тому времени мундир генерал-майора Никифораки украсили ордена Белого Орла, Св. Анны всех степеней, Св. Владимира II, III, IV степеней, Св. Станислава с Императорской короной и другие.

За время пребывания Никифораки на посту начальника Черноморского округа здесь произошли большие перемены. Некогда населённый в основном горцами край этот стал стремительно заселяться переселенцами из России, а также греками из Турции и Закавказья. Здесь стало развиваться земледелие, прежде всего связанное с выращиванием табачного листа и виноградной лозы, животноводство. Развивались промышленность и торговля, особенно после прокладки железной дороги от Екатеринодара до Новороссийска. Вчерашние форты, такие, как Новороссийский, Туапсинский, Сочинский, были преобразованы в города.

Блестящие способности Николая Егоровича Никифораки, проявленные в Черноморском округе, и послужили основанием для Высочайшего правительственного указа от 12 марта 1887 года, по которому Никифораки был назначен ставропольским губернатором.

В апреле 1887 года Николай Егорович Никифораки прибыл в Ставрополь, заняв апартаменты в старом и неказистом губернаторском доме на Николаевском проспекте. Новые хоромы сразу городить не стал. Лишь в 1902 году, отслужив 15 лет на благо губернии, он вселился в новый дом, который и сегодня украшает Ставрополь.

К концу девятнадцатого века Ставропольская губерния, занимавшая территорию площадью в 53 тысячи квадратных вёрст и населённая 875 тысячами человек, делилась на четыре уезда: Ставропольский, Александровский, Новогригорьевский и Медвеженский. В губернию входила также территория кочующих инородцев: Турухменское и Ачикулакское приставства и Боль-шедербетовский улус. Генерал-губернатор занялся «разукрупнением» губернии, образовав новый, пятый уезд – Прасковейский – из частей Александровского и Новогригорьевского и одновременно переименовав последний в Благодарненский.

Чтоб сыта была губерния

Особое внимание Никифораки обращал на развитие сельского хозяйства губернии, в том числе на производство зерновых и продуктов животноводства.

Устройство всё новых и новых предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья впрямую связано с резким подъёмом сельскохозяйственно-

го производства. В нашей губернии в сравнении с концом XIX века почти в два раза увеличились площади посевных культур, чего не наблюдалось в других регионах Европейской России. Так, в среднем по Ставрополью крестьяне собирали с десятины по 60–65 пудов озимых и 35–40 пудов яровых культур. В 1902–1904 гг. среднегодовое отправление хлебных грузов со всех железнодорожных станций губернии составляло более 37 миллионов пудов. Половина этой пшеницы и весь ячмень шли на экспорт в страны Европы.

В губернии процветало животноводство. В то время по всей России на 1000 жителей приходилось 320 голов скота, на Ставрополье же – 4230, а кроме того, на одно крестьянское хозяйство – по 4 лошади и 2 вола. К этому надо добавить резко возросшее число сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий, в том числе паровых молотилок.

В период правления Никифораки наблюдался промышленный бум: повсеместно вступали в строй большие и малые паровые вальцовые мельницы, заводы – винокуренные и маслобойные, кожевенные, свечные, мыльные.

Еще в 1891 году в Ставрополе открылась первая в губернии скотобойня, имеющая специальное оборудование для определения заражённости мяса, благодаря чему местному населению перестала угрожать опасность заразиться туберкулёзом и прочими болезнями, переходящими от животных к людям.

В 1896 году в Ставрополе заработал первый в губернии бактериологический кабинет по обнаружению заболеваний скота и его лечению, а во многих селениях при волостных правлениях стали открываться ветеринарные пункты или ветеринарные аптеки по лечению больных животных.

Наконец, в 1897 году в Ставрополе прошёл первый съезд ветеринарных врачей губернии. На съезде рассматривались такие злободневные вопросы, как выявление заболеваний животных и борьба с ними путём вакцинации.

Стоял вопрос об усилении разъяснительной работы о необходимости ветеринарной службы через газеты, журналы, специальные учебные предметы в воскресных и народных школах.

Генерал-губернатор отлично понимал, что для развития сельскохозяйственного и промышленного производства губернии необходим капитал. И здесь огромную роль могли играть банки и банковские конторы. Первый такой банк в Ставрополе открыл Арутюн Попов, выдававший ссуды под проценты.

Вскоре в Ставрополе открылись филиалы Российского государственного, Азовско-Донского, Российского торгово-промышленного и Камско-Волжского банков. Начал работу Ставропольский городской общественный банк, директором которого на протяжении 25 лет был потомственный почётный гражданин города, много сделавший для его процветания – Сергей Иванович Ртищев. В доме братьев Леонидовых на Николаевском проспекте ещё в 1896 году обосновалось «Ставропольское общество взаимного кредита», объединившее капиталы местного купечества в деле оптовой закупки зерна и другой сельскохозяйственной продукции и продажи её за границу.

Капиев Эффенди Мансурович (23.02.1909 – 27.01.1944) – дагестанский советский писатель, прозаик, литературовед, публицист, поэт-переводчик, писавший на русском, лакском и кумыкском языках.

Эффенди Капиев, лак по происхождению, родился в дагестанском селении Кумух в семье мастера-кустара, гравера и ювелира. Детство Эффенди Капиева прошло в Сальских степях, в равнинных станицах Ставропольского края. После Октябрьской революции в 1919 году семья вернулась в Дагестан. Учился Эффенди Капиев в городе Темир-Хан-Шуре (теперь Буйнакск). Здесь в 1928 году он окончил

школу-девятилетку. В 1928 году, после окончания Буйнакского педагогического техникума, он работал учителем русского языка в Аксайской семилетней школе. Однако, учебный год Эффенди не закончил, был арестован в апреле 1929 года, по подозрению связи с одним из жителей селения – Будай-Ханом, бывшим царским офицером. В 1930 году, Капиев продолжал учебу в Ленинградском машиностроительном институте, но из-за болезни прервал учебу и вернулся в Дагестан. Работал в редакции кумыкской газеты «Товарищ» (кум. Елдаш), потом – ответственным секретарем журнала «Строительство Дагестана» и «За коммунистическое просвещение».

Началом литературной деятельности Эффенди стал 1931 год, когда в газете «Красный Дагестан» был опубликован его рассказ – «Приговор приведён в исполнение». Эффенди Капиев знал три дагестанских языка, но писать начал на русском языке. Всем сердцем любя и принимая, как родное, кровное, все русское, Эффенди Капиев так же горячо любил и свой маленький народ, дагестанские горы, их природу, историю, их древнюю прекрасную устную поэзию.

Совсем еще молодым начал работу собирателя, переводчика, издателя дагестанской поэзии, прозы и особенно фольклора. Под его редакцией и в его переводах вышли многие поэтические сборники; из них наиболее полный «Песни горцев». Ряд лет Эффенди Капиев работал в творческом содружестве с Сулейманом Стальским, являясь его переводчиком и советчиком («равие»). Впоследствии этот опыт во многом помог в создании лучшей книги Эффенди Капиева – книги новелл «Поэт», вышедшей в 1941 году и после этого много раз переиздававшейся.

В годы Великой Отечественной войны Эффенди Капиев, несмотря на давнюю тяжелую болезнь, добровольцем ушел на фронт. Был корреспондентом газеты Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину!».

В 1944 года писатель скончался после неудачной операции в одном из госпиталей Пятигорска.

* * *

Легенда и жизнь

Гвардии капитан Хазаев – молод, ему всего двадцать три года. Но имя его знают далеко в горах Осетии, и народ издали следит за героем. Это его, Хазаева, отряд в сентябре прошлого года принял на себя главную силу удара у Вознесенска. Девяносто пять танков и мотопехоту дивизии СС бросил тогда враг на Вознесенск. Наши части стояли треугольником, причем на западном углу, направленном острием в грудь врага, находился Хазаев со своим отрядом. Ни шагу назад не отошли в те дни герои. Дышащий огнем и смертью, железный вал немецкой атаки разбился об их волю. Именно с этого, с катастрофы у Вознесенска, и начались тогда для немцев сплошные беды на Кавказе. Отряд Хазаева вошел в историю, он отмечен командованием Северо-Кавказского фронта, и почти все бойцы его ныне награждены орденами и медалями. Но речь сейчас не об этом...

В те дни, когда один за другим освобождались города Северного Кавказа, капитан Хазаев и его бойцы познали однажды великое счастье воинов, доступное лишь тем истинным бойцам, что до конца верны своему народу. Оказывается, о них, об отряде Хазаева, в тылу у немцев, в народе ходила легенда-песня, возникшая еще в тяжелые дни отступления, и в легенде этой воспевалась их героическая гибель.

Где и когда это было? Хазаев будто бы со своими русскими друзьями и гвардейцами, окруженный в лесу несметными черными полчищами врагов, не сдался и принял бой. Десять дней длился небывалый поединок горсточки храбрецов с морем немецких войск. Наконец, на одиннадцатый, гласила легенда, патроны у бойцов кончились, почти все они были перебиты, и оставались в живых только командир отряда Хазаев и его верный друг, комиссар Василий, оба смертельно раненные, истекающие кровью...

- Сдавайтесь, – кричали немцы, – мы вас пощадим как храбрецов! Вы чудовища!

Сдадимся, – ответили Хазаев и Василий. – Подойдите поближе...

И когда немцы, в надежде взять умирающих героев живыми, подошли ближе, Хазаев и Василий, собрав воедино всю оставшуюся волю, рванулись вперед и впилась зубами в горла офицеров. Так и окоченели их трупы...

Легенда эта потрясла народ, и целые толпы девушек и стариков ходили в те дни в тылу у немцев, по окрестным лесам, выискивая место гибели героев, чтобы с почетом предать их земле.

Но жизнь оказалась чудесней легенды, и герой Хазаев со своим отрядом вернулся к народу не мертвым, а живым. С какой великой радостью встре-

чал народ храбрецов, вступавших в числе передовых частей в станицы и села Осетии! Русские бойцы Хазаева в эти дни научились осетинскому языку, так много спрашивал и хотел поделиться с ними народ!

- Братья наши, – шептали старики, – как нам вас называть?

И вот в одном из селений после многолюдного митинга в круг вышел седобородый старик и спел бойцам Хазаева легенду об их неравном поединке с немецкими полчищами, о дивной храбрости русских, о преданности их своему командиру-осетину, о беззаветности и хладнокровной кончине всех до одного.

Песня малость ошиблась, – сказали бойцы, выслушав старика с веселой улыбкой. – Но насчет характеров наших все, кажись, правильно! Так оно и должно было быть, отец. Если б нас и вправду окружили, то мы все приняли бы смерть точь-в-точь, как сказано в твоей песне. Поэтому не стесняйтесь, продолжайте петь эту песню о нашей смерти, будто в самом деле так и было.

И весь народ, собравшийся вокруг, разом, как по команде, захопал в ладоши. Ура! Слава героям!

И бойцы на руках донесли плачущего старика до самого его дома...

Так жизнь переплелась с легендой.

С тех пор испытано и пережито немало. Отряд капитана Хазаева прошел с боями от Вознесенска, через ставропольские степи, до низовьев Кубани, и не раз вместе с другими частями вступал он первым в освобожденные города и села. Но Осетия осталась в памяти бойцов как песня, и о ней они вспоминают с радостной любовью и сыновним чувством. Произошла странная вещь. Осетин Хазаев, единственный горец в отряде, воспринял от русских своих бойцов русскую волю и думу, русское спокойствие и широту души, русскую жизнерадостность, а русские бойцы в его отряде в свою очередь восприняли от командира-горца осетинское упорство и гибкость, осетинскую нетерпеливость. Народы наши взаимно дополняют и обогащают друг друга. Сформировалась многогранная, испытанная и великая в каждой мелочи общая душа нашего обновленного советского народа. Именно это и есть одна из тайн непобедимости нашей страны.

Из «фронтовых записей»

(1941-1944)

Завтра едем на фронт. Чувства такие: тревожное любопытство, уважение к самому себе и в то же время зависимость (или подавленность, что ли) оттого, что близится, втягивает тебя то самое неумолимое и неведомое чудище, что называется фронтом.

Так никогда в жизни я не мерз. После того как вошли наконец в штабную хату, буквально полчаса на мне прыгал и дрожал каждый мускул в отдельности.

А как там, в блиндажах? Боже мой, да ведь каждый, кто лежит сейчас в эту адскую погоду там, на передовой линии, независимо от его подвигов –

герой и сверхчеловек. А эти регулировщики, стоящие в степи на каждом перекрестке с флажками?

Да, регулировщикам прохладно, – ответил равнодушно комиссар на мой вопрос.

По льду разведчики. Приказ молчать, ни в коем случае не кричать, не то обнаружит враг дивизию. Провалился в прорубь один горец. Полчаса боролся со льдом молча, так и утонул, не издав ни одного звука.

Легли в грязь. Лежим целый день. К ночи замерзла земля. Бойцы вмерзли – нельзя шевельнуться. Рванулись – остались на земле вмерзшие клочки одежды.

Бомбардировка леса. Лес горит в воздухе. Столетние сосны пляшут в небе, ибо не успевают упасть, как следующий взрыв подбрасывает их еще выше. Ад!

В Ростове на улице поймали немца артиллериста. Наш артиллерист измерил его глазами. Ставрополец, богатырь.

Шо это там ваш Гитлер задумал? Эй, тля? А ну, давай померяемся...

Когда говорят «фронт», в тылу екает сердце. Людям кажется, что здесь сплошной огонь и нужно сквозь него добираться _до фронтовиков. А на самом деле здесь все гораздо проще, чем в тылу, и люди и дела. Есть какая-то граница – не географическая, а психологическая граница. Для рядовых она наступает с того момента, как оденут в обмундирование, для нас же, командировочных корреспондентов, – с момента, когда, покинув последнюю станцию, вступаешь в полосу фронта.

- Семья, личные интересы – все позади. Отныне ты песчинка в буре – втягивает, – ты немислим один, без всех.

Перевязка раненому. Кость перебита, нога висит на мякоти. Ступня оторвана. Из спины вырван кусок, и там застрял осколок. Врачи советуются, делать или нет наркоз.

Не надо. Делайте что надо, только дайте закурить.

В самую трудную минуту, когда перепиливали кость, вдруг запел, сначала тихо, потом громче и громче: «Раскинулось море широко... И волны бушуют вдали... Товарищ, мы едем...»

Ты что, Сергеев, немного того?

Стыдно, товарищ комиссар! Я в своем уме.

Метель. Сильнейший ветер при солнце. Я никогда не видел такого. Земля летит, как трансмиссия, безостановочно. Это летит пленка снега, гонимая ветром, – если стать в нее и глядеть, кажется, что тебя несет куда-то стремительная белая платформа. Это похоже на бушующее, пенное море, на безграничную ревущую пучину – белый океан...

Скажите, были ли случаи трусости? Кроме героизма?

Понимаю. Вот на нашем фронте, скажите, пожалуйста, хоть бы один не то что струсил, а хотя бы один шаг дал назад. Или уж герои все такие, или знают, что земле русской угрожает кат, а что правда, то правда! Не было трусов, не видал.

Раненый боец здоровой рукой швыряет гранату и теряет сознание. Очнувшись, он видит вокруг себя шесть немецких трупов.

На поле боя санитарка, маленькая девушка, вся в поту, тащит раненого.

Как тебя зовут?

Э... Забыла. Хоть убей.

Больше всего поразило то, что люди не боятся смерти. Тут тебе ад и снаряды, а люди заботятся друг о друге, а самим хоть бы хны.

Дети в колхозе – как мужчины: расписываются, за ними закрепляют коней, берут задание.

А жизнь идет, идет... Кажется, я еще и не начинал жить, а уже близится ее конец. Что делать?

Друзья мои! Мы живем в суровое, великое время. Оно настолько необычайно и неповторимо, что каждая правдиво написанная строка сегодня принадлежит истории. Будем честны. Позор и презрение тому подлецу, кто сфальшивит, кто вздумает кривить душой! Будем честны перед своей совестью, ибо совесть наша отныне есть совесть свидетелей на суде, к которым будут обращаться грядущие люди.

О, если бы осуществились наши мечты! И велики и торжественны судьбы моего поколения.

Вот еще тема для новеллы: Кофанов. Тип жука во время всеобщего бедствия.

В Ленинграде был поэт. Он попал на фронт, стал командиром батареи. В дни обороны Ленинграда прославился. Бойцы любили его команду. Разгорячась, он кричал:

За великую русскую литературу! (Залп.)

За Ивана Сергеевича Тургенева! (Залп.)

За «Войну и мир»! (Залп.)

Из моей маленькой жизни я вынес одну мудрость: Ничто не пропадает в мире даром – ни хорошее, ни плохое. Все учитывается и все когда-нибудь да отзовется.

Маленький мальчик в госпитале. Подобран на большой дороге войны. Он без руки (рука оторвана бомбой). Бегает из палаты в палату. Всеобщий любимец. Глаза козлиные, глядящие прямо, смело, по-детски чистые, но в то же время по-взрослому скорбные.

Идет жестокая, беспощадная, самая справедливая из всех войн. Здесь выбора нет. Здесь нельзя оставаться в стороне. Профессия писателя, считалось, мирная профессия («Когда говорят пушки – музы молчат»?). Но теперь, и писатели в бою... (Толстой, Шолохов Тихонов).

Нельзя оставаться в стороне. И если есть кто-либо: «Я такой хитрый» и т. д. – он ошибается...

Над нами снуют самолеты. Идут вдаль эшелоны – бесконечные, облепленные людьми. Машины, тракторы, конные – вся страна тронулась.

Возле оборонительного рубежа женщины чинят и белят хибарку. Может, они и окажутся правы?

Надпись на машинах: «Вперед, вперед, только ингрэд! Ни шагу назад!» – и все мчатся назад.

Нас обгоняют события. Мы никак не можем выйти из их власти.

Вот оно, море! Вот она, моя молодость!

Притча о камнях, которые варила мать, усыпляя детей.

Не торопись, не торопись! Когда время торопится, величайшая мудрость – уметь быть медленным. Никогда не торопись с высказываниями, с решениями, с поступками. Время часто само решает за тебя, и решает умнее, целесообразнее, – умей согласовывать свои порывы и инстинкты с доверием ко времени...

Декларация

Я возлагаю эти легкие листы на священный алтарь истории в твердом убеждении, что когда минует буря времени, найдется достойный жрец этого храма, который тщательно приобщит их к летописи испытаний жизни народов. Когда наступит суд потомства, да будут изъяты из обвинительного приговора те, которые мужественно противостояли потоку испорченности и верно, как святыню, сохраняли в своей груди чувство долга.

Я отрекаюсь:

от легкомысленной надежды на спасение рукою случая;

от неопределенных ожиданий в будущем, которого не хочет разгадать тупоумие;

от детских расчетов смягчить гнев тирана добровольным сложением оружия и заслужить его доверие низкопоклонством и лестью;

от фальшивого смирения и духовной подавленности;

от неразумного недоверия к дарованным нам богом силам;

от греховного забвения всех обязанностей по отношению к общему благу; от постыдного принесения в жертву всей чести государства и народа, всего личного и человеческого достоинства.

Я верю и признаю, что народ ничего не может почитать выше достоинства и свободы своего существования;

что он должен защищать их до последней капли крови; что нет для него более священного долга и высшего закона;

что постыдное пятно трусливого подчинения никогда не может быть стерто;

что эта капля яда в крови народа переходит в потомство и подтачивает силы позднейших поколений; что честь может быть потеряна только однажды; что честь вождя и правительства неотделима от чести народа и является единственным обликом нации;

что народ в большинстве случаев неодолим в великой борьбе за свою свободу;

что даже гибель этой свободы в кровавой и почетной борьбе обеспечивает возрождение народа и явится зародышем жизни, который даст могучие корни нового дерева.

Я объявляю и свидетельствую перед современниками и потомками, что я считаю наиболее гибельным из того, к чему только может привести ужас и страх, ложную мудрость, стремящуюся избежать опасности, и что я буду считать более разумным самое дикое отчаяние, если нам не суждено встретить опасность мужественно, то есть со спокойной и твердой решимостью и ясным сознанием;

что я не забываю предостерегающих примеров старого и нового времени, мудрых уроков целых столетий и благородных примеров прославившихся народов;

что я чувствую себя чистым от эгоистических помыслов и готов исповедовать с открытым челом перед моими согражданами каждую мою мысль и чувство, и что я буду счастлив найти славную смерть в величественной борьбе за свободу и достоинство моего отечества!

Все возможно на земле – надо лишь сильно захотеть.

Хасав-Юрт! Это четвертый раз мой путь пролегает через тебя в трудные дни моей жизни. Все такой же чужой, все такой же мертвый...

Как мне забыть твои пропахшие бездумной дремой, молчаливой, покорной, равнодушной нищетой и увяданием хатенки? Ничто не меняется в твоём облике, и печать разбитой некогда молодости и цветения ничем- ничем уже не стереть: она навеки осталась на тебе...

Так бывает и с людьми. Страшное горе обрушится однажды на человека, сомнет его – и больше уже человек не встанет до смерти своей, не зацветет, и без улыбки, покорно будет ходить он среди людей и делать вид, что живет, – скорее по привычке, чем по необходимости...

(26/XI-1942 г.)

Мальчик лет пяти, сын, вконец, замученной многодетной колхозницы. Он не спит один из всей семьи и сидит, притихнув, на печи. Все – и старшие и младшие – давно уже сопят, укрывшись лохмотьями...

Мальчик не спит, потому что стоящие в хате на постое красноармейцы принесли хлеб.

И вот я даю ему кусок хлеба и посыпаю ложечкой сахара. Мальчик заплакал от счастья. (Опустив голову, прижал кулаки с хлебом к глазам.) Потом я украдкой наблюдаю, как мальчик, сидя один, сидя среди спящих сестер и братьев и, то и дело улыбаясь про себя, облизывает сахар... Как он был счастлив, Боже мой!

Слышали ли вы, как стенают в своем молчании сиротливые, безглазые руины? Слышали ли вы вопли, звучащие забвеньем, которые исходят от обгорелых стен и труб?

Мы обратили внимание на множество книг, которые были рассыпаны по дороге. Это было на подъеме у выхода из города. Липкая осенняя грязь здесь была особенно глубока. Заинтересовавшись, мы слезли с мотоцикла. Это была наша редчайшая библиотека по кавказоведению, которой немцы, покидая город, гатили дорогу, чтобы не буксовали машины...

Похороны жертв гестапо в Пятигорске. Страшный холод, мороз, туман. И вот из-за поворота снизу медленно начинают подниматься вверх гробы на плечах людей – гробы, гробы, десятками. Гробы начинают стекаться по всем улицам, со всех сторон сюда, на площадь. Величавое, плавное движение этих гробов на плечах черного людского потока. Вот они все выше и выше восходят на площадь... На руках несут детские гробики – один, другой, пятый... Да что это? Ужели им нет конца?

- Милый мой, деточка, Ваня! – плачет старуха, наклоняясь и идя за гробом. – За что ж ты погиб?! Ой, люди!

Знамена, знамена, знамена... Венки – зеленые, из елей, со всякими цветами – они странно играют в этом седом снегопаде. Гробы красные. На венках надписи... Идет старик и приговаривает только одну фразу: «Дорогие товарищи, дорогие товарищи!» Идет мальчик и плачет, и слезы мерзнут на его щеке.

Грянул похоронный марш.

Что это такое?

Время касается меня своим холодным крылом. Сердце мое стынет.

Это жизнь!

Маленький, трех лет, мальчик. Отец на фронте. Каждый раз письмо от отца – «Папа!» – и сын ходит с письмом: «Это папа!» Он понимает отца как письмо.

Сердце, как поздней осенью на ветви сухой лист, крутящийся на паутине, – от дуновения ветра вот-вот сорвется...

«Нас было девятнадцать человек, никому нет старше восемнадцати лет. Сейчас нас ведут убивать. Отомстите за нас». (Надпись на стене.)

Спасаясь от бомбежек, мы бросились в поле, где колосилась высокая рожь. Приветливо кланяются колосья. Цветы – васильки и ромашки – смотрят на нас недоуменно.

Гармонист на передовой. Когда он играет, немцы перестают стрелять. Ну, прямо бог! Вот мы под его игру разведчиков посылали. (Он однажды сам вышел из жаркого дела невредимым и хвастается: немцы меня, мол, за игру щадят).

Однажды сидел на пригорке. Стали бить по нему. Он гармонь поставил, на гармонь свою фуражку: мол, это я! Гармонист!.. Однако ранили. Он ранен был в бок, схватил гармонь, играет и шагает по передовой. Все бойцы изумлены, выходят из окопов. Чудо... А потом упал, гармонь так жалобно застонала, скончался.

Кто ты?

Умирающему, раненому бойцу у дороги.

- Русский, – прошептал боец, и это было его последнее слово.

Он умер. Это был, по всему видимому, азербайджанец, но он прошептал: «Русский».

Кашпуров Иван Васильевич (1926-1997)

– ставропольский поэт, член Союза писателей СССР, ответственный секретарь Ставропольского отделения Союза. Награжден орденом «Знак Почета», удостоен звания заслуженного работника культуры РСФСР, за активную общественную деятельность и заслуги в области развития культуры присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Автор около 30 книг.

Иван Васильевич Кашпуров родился в селе Калиновском на Ставрополье. От отца поэт воспринял любовное отношение к умельству в крестьянском труде, от матери-казачки – нежную влюбленность в родную природу. С 1943-1949гг. служил в Советской Армии, после демобилизации учился в вечерней школе рабочей молодежи, а затем в Ставропольском педагогическом институте. В 1959 по рекомендации Ставропольского отделения Союза писателей Кашпуров поступил в Литературный институт имени Алексея Максимовича Горького, который окончил в 1957 году. В том же году начал работать в редакции Карачаево-Черкесской областной газеты “Ленинское знамя”. Бытовая неустроенность вынуждает поэта уехать в Запорожье, где он прожил 9 лет. Там он работал в газете «Запорожская правда», был создателем и руководителем литературной студии «Металлург». Печатаясь в издательствах Запорожья, Днепропетровска, он продолжает писать о Ставрополе, о родной Калиновке. Образ южного края воспроизведен в стихах «Ставрополье», «Поющая степь», «Баллада о степи», «Стрижамент» и др. Находясь с 1979 года на посту ответственного секретаря краевой писательской организации, он сделал очень много для развития культуры, а главное – литературы края, где каждый год проводились Дни литературы.

В 1989 году по приглашению Союза писателей Украины Кашпуров принял участие в торжествах, посвященных 175-летию со дня рождения Т.Г.Шевченко. Присутствовали делегации из многих стран мира. Теплые отношения сложились у Кашпунова с японским писателем Такаюки Мураи, который впоследствии перевел на японский язык сборник стихов поэта.

Многие стихи Кашпунова переведены на болгарский, английский, французский, монгольский, украинский языки. Сам поэт на протяжении многих лет занимался переводческой деятельностью. В его переводах печатаются стихи ногайских, черкесских, кабардинских, осетинских, карачаевских, украинских и др. поэтов.

Умер И. В. Кашпуров в 1997 году. Похоронен в селе Калиновском, рядом с родителями. В местной школе установлена памятная мемориальная доска, одна из улиц села названа его именем. Имя И.В. Кашпунова носит литератур-

ное объединение при редакции районной газеты «Александровская жизнь», библиотека села Калиновского и одна из библиотек города Ставрополя.

* * *

От людей к людям

Лет 10 назад довелось мне выступать со стихами в одной из Бердянских школ.

После выступления к мне подошла ученица этой школы, краснея и заикаясь, попросила ознакомиться с ее творчеством. Это была Лариса Прайсман, ученица 9 класса. Я прочел ее стихи и обнаружил, что имею дело с по-настоящему талантливым человеком. Меня смущало одно: способных людей в таком возрасте много, но часто случается так, что проходит несколько лет, и от таланта ничего не остается. Но с Ларисой Прайсман этого не произошло.

Я взял несколько стихотворений и предложил запорожской молодежной газете «Комсомолец Запорожья». После этого Лариса Прайсман с отличием закончила школу, затем – Ставропольский пединститут. Работала учителем, журналистом, и все время писала стихи. Она неоднократно участвовала в краевых, республиканских семинарах молодых литераторов, ее стихи печатались в коллективных сборниках, альманахе «Ставрополье», в газетах. Сейчас в нашем книжном издательстве выходит первый сборник стихотворений Ларисы Прайсман. Ее поэтический голос год от года становится увереннее и крепче. Все чаще и чаще молодая поэтесса уходит от интимной лирики к темам общественного звучания.

И еще – в стихотворениях поэтессы нет пустых строк. Каждая полна глубокого смысла. И если в чем-то можно упрекнуть Прайсман, так это в том, что пишет она маловато. Пожелаем же Ларисе Прайсман чаще радовать читателей своими поэтическими удачами.

Сердца, открытые братству

Сегодня Ставрополье сердечно встречает дорогих гостей-участников Дней литературы и искусства грузинской ССР, посвященных двухсотлетию Георгиевского трактата. Двести лет грузины живут в большой семье народов-братьев, двести лет русский и грузин идут в ногу, деля пополам и хлеб радости, и вино печали. Веками проверены искренность и глубина этого братства.

Особую страницу в истории нашей дружбы открыл Великий Октябрь. Лучшие сыны Грузии принимали активное участие в подготовке вооруженного восстания, сражались на фронтах гражданской войны в России, как и русские революционеры, боролись за установление Советской власти в Грузии. Павшие в этой борьбе лежат в одной братской могиле. Пали они за общее дело рабочих и крестьян, за свободную Советскую Родину.

Как отмечалось в докладе К.У. Черненко на июньском Пленуме ЦК КПСС, «интернационализм советских людей всегда активен». Яркое доказательство этого – наше братство, прошедшее суровые испытания. С любого конца Ставрополя вид-

ны величественные горы Кавказа. За их вершинами, сверкающими вечными снегами, раскинулась древняя и прекрасная страна Грузия. Но горы не разъединяют нас, а сближают. Они – немые свидетели невиданного героизма советских воинов – защитников перевалов Кавказа, сражавшихся в Великую Отечественную войну с отборными горно-стрелковыми дивизиями фашистской Германии. За спиной у наших бойцов была цветущая Грузия, и плечом к плечу стояли здесь насмерть представители многих народов страны, защищая свою единую и неделимую Родину – Союз Советских Социалистических Республик Горы Кавказа, горделивые горы Кавказа! До сих пор еще не одна мать глазами, затуманенными горячими слезами, смотрит русская с севера, грузинка – с юга на неприступные вершины, вспоминая своих сыновей, оставшихся там навсегда. Горы Кавказа – родные горы, как для грузина, так и для нас, жителей Ставрополя.

Сегодня в наш край приехала большая группа работников литературы и искусства братской Грузии, чтобы познакомиться ставропольцев со своим самобытным творчеством. Мы от всей души приветствуем их и говорим: добро пожаловать, дорогие друзья, дорогие наши соседи! Мы откроем для вас все двери, а души наши открыты для вас всегда!

Мы с великой радостью познакомим вас с нашей землей, покажем вам наши цветущие села и города, мы преломим с вами хлеб дружбы и подарим вам наши песни. Мы сделаем все, чтобы вы чувствовали себя на Ставрополье, как дома. Ведь гость в доме – хозяин дома. Наш союз имеет начало, но не будет иметь конца. Наша дружба будет такой же вечной, как вечны Кавказские горы. Ибо в дружбе, в единстве, сплоченности – залог нашей мощи, нашей силы, нашего процветания.

Тропинка и солнце

Так назвала молодая поэтесса Валентина Сляднева свой первый сборник стихов, который готовит с печати Ставропольское книжное издательство. Если бы меня, как редактора этого сборника спросили, о чем эти стихи, я бы затруднилась ответить. Автора волнует буквально все, обо всем, что она хочет сказать, и стихотворения рождаются также естественно, как дыхание.

Когда читаешь строфы Валентины Сляднейвой, то ощущаешь то запах летнего ветра, то звон кузнечика в траве; стихи полны света и чистой синевы неба, хрустящей свежести снега и смутной тревоги осенней рощи; стихи о молодости и любви, о матери и Матери-России. В творчестве поэтессы больше чувства – это от юности. С годами придет жизненный опыт, но пусть годами не иссякнет взволнованность. Там, где кончаются чувства, замирает поэзия и никакой опыт не поможет тогда.

Я не хочу в этих строчках говорить о недостатках в стихах Валентины Сляднейвой и не потому, что их нет. Сейчас это не главное. Главное заключается в том, что на наших глазах растет одаренная поэтесса, и мы искренне радуемся этому. От всего сердца пожелаем ей творческих удач на ее многотрудном пути.

Красуля Василий Александрович (род. 12.01.1952) – организатор демократического движения на Ставрополье, активный участник митингов и голодовок, публицист, лауреат краевой премии им. Героя СССР А.Скокова за достижения в области литературы и искусства, член Союза российских писателей.

Василий Александрович Красуля родился в Грузии в селе Шинда, в семье офицера Советской Армии. В 1976 году окончил экономический факультет Кубанского сельскохозяйственного института.

С февраля 1977 года работал корреспондентом газеты «Комсомолец Кубани». В 1978 году помощник первого секретаря

Краснодарского крайкома комсомола. В 1979 году переехал в Ставрополь и возглавил отдел редакции газеты «Молодой ленинец». С июля 1983 по июль 1988 года в краевой газете «Ставропольская правда» корреспондент промышленного отдела, заведующий агропромышленным отделом, первый заместитель главного редактора.

В декабре 1987 года опубликовал антикоммунистическую статью «Мы родились, чтобы быть свободными». Публикация вызвала широкий общественный резонанс и ярость партийных органов. Летом 1988 года был уволен из газеты.

В ноябре 1988 года начал издавать самиздатовский журнал «Гражданин». Многократно участвовал в выборных кампаниях.

Подвергался репрессиям. Отстаивая свою правоту, дошел до Страсбургского суда и выиграл. Участвовал в создании Демократической партии России, движения «Демократическая Россия», партии «Демократический выбор России». В 1990 году организовал независимую газету Юга России «Гражданский мир», был главным редактором.

В 2000-2003 после реорганизации ДВР возглавлял региональную организацию «Союза правых сил». В 90-е годы издал несколько художественно-публицистических книг: «Диссидент из номенклатуры», «Другие берега», «Когда же придет настоящий хозяин?», «Часы пущены», сборник лирических рассказов «Мужские разговоры, роман «Женщина в августе».

С апреля 2006 года по настоящее время – исполнительный директор ООО «Центр Информационных технологий «PR-Проект», занимается политическим консультированием, помогает активистам правозащитных организаций проводить PR-акции. Регулярно выступает с публицистическими статьями

на страницах местной прессы. Активно участвует в жизни регионального отделения Союза российских писателей; руководил секцией прозы на крайнем семинаре молодых писателей, работает с начинающими писателями.

* * *

Мы родились, чтобы быть свободными!

Мы вообще мало задумываемся о такой вещи, как свобода, полагая, что здесь все давно решено.

В Вашингтоне подписан первый в истории Договор о ликвидации целого класса ядерного оружия. Трудно переоценить его международное значение. Снизилась угроза ядерной войны. Пробита брешь в одном из бастионов «холодной войны», которая продолжается пусть и не так яростно, как тридцать лет назад.

Наметилось потепление отношений между двумя сверхдержавами. Нам предстоит по-новому взглянуть на своего великого заокеанского соседа. А если точнее, не столько по-новому, а так, как подсказывает здравый смысл, без дымовых завес предубеждений и предрассудков. Это потребует известного усилия, чтобы избавиться от многих обветшалых догм.

На днях наша газета рассказала о визите делегации из штата Айова. Познакомившись с заметкой, ставрополец Е. Книшко позвонил в редакцию и упрекнул журналистов в притуплении классово-бдительности. Почему?

Корреспонденция называлась «На пути к содружеству».

- Какое же содружество с классовым врагом? – недоумевал читатель.

Сквозь амбразуру догмы мир видится черно-белым. Сказавший первым: кто не с нами, тот против нас, – верил в свои слова. Движимый лучшими побуждениями, он рисовал картину завтрашнего дня, опираясь на мечту. Он не мог предвидеть, что спустя два десятилетия смоленский крестьянин, обнимая канзасского фермера в сорок пятом на Эльбе, не потребует от него справки о доходах. Но мы-то знаем, что это факт. И судить о мире должны, опираясь на факты и реалии.

Если можно, проливая кровь в борьбе с общим врагом, защищать мир, то разве нельзя так же дружно перестраивать, улучшать его – пусть и каждый на свой лад? Выступая перед представителями американской общественности, Михаил Сергеевич Горбачев утвердительно ответил на этот вопрос: «Америка и Советский Союз должны найти способ сотрудничать, сближаться, а в будущем и дружить». Каждая сторона должна честно пройти свою половину пути, и советский народ, заметил руководитель нашей партии, готов это сделать.

Не воевать, не угрожать друг другу атомным грибом – сегодня этого уже мало. Мы разные, но мы – экипаж одного корабля по имени планета Земля.

Гласность гласностью, а мыслить по-новому и откровенно высказывать, чего «намыслил», нелегко. В особенности, когда затрагиваешь так называемые свя-

ценные темы. Скажем, никто не возразит против фразы: советский образ жизни имеет равное право на жизнь с американским. А вот формулу «не все советское лучше американского» окопавшийся во мне внутренний цензор рекомендует развернуть в «не все американское хуже советского». Уклончивый стиль эпохи застоя. Вроде бы одно и то же, однако как посмотреть. Привычку смотреть не все так, как есть, то есть прямо, еще предстоит воспитать в себе.

Непреклонная убежденность в том, что только наш путь является истинным потому, что открытые Марксом исторические законы как бы автоматически работают на нас, не раз выручала в трудную минуту. Но все же она оказалась бессильной остановить ослабление сел, предотвратить массовый алкоголизм, насытить рынки качественными товарами.

В нелегких раздумьях и сомнениях постигаем новое мышление. Помогает вдохновляющий пример Ленина. Всякий раз обращаясь к нему, по-новому прочитывая его работы, особенно последние, учимся у него проникать в суть явлений, видеть сложнейшую диалектику мировых процессов. Будучи вождем партии пролетариата теоретически и политически обосновывая его революционные задачи, Ленин умел видеть дальше, выходить за их классовые пределы и не раз высказывал мысль о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми.

Политические и экономические успехи исторически преходящи. Вечен лишь человек и непреходящи его нравственные ценности. Дом и семья. Память предков. Дружба. Честность, порядочность, справедливость. Любовь. Вера в доброе. Многие из них – общие для всех времен и народов, без различия национальных, классовых, религиозных, партийных, профессиональных принадлежностей. Если бы было иначе, зачем бы я следил за скитаниями рабовладельца Одиссея, восхищался рабом Спартаксом, сочувствовал помещику князю Андрею Болконскому?

К общечеловеческому началу во мне обращены слова М.С.Горбачева на встрече в верхах: «Мы не претендуем на истину в конечной инстанции».

В речи президента Рейгана меня заставили задуматься следующие слова: «Томас Джефферсон, один из основателей и философов нашей страны, когда-то сказал: «Бог, который даровал нам жизнь, даровал и свободу». Он имел в виду, что мы родились, чтобы быть свободными, и что потребность в свободе является такой же насущной, как и потребность в пище. И он как великий революционер, каковым он был, также понимал, что прочный мир наступит только тогда, когда отдельные люди обретут свободу, к которой они стремятся».

Наверное, многим читателям, как и мне, никогда не пришло бы в голову рядом со словом «революционер» поставить имя Джефферсон. У нас свои герои. Но незнание, как известно, не аргумент. Мало что зная о самом Джефферсоне, мы почти ничего не знаем и об американском идеале свободы. Мы вообще мало задумываемся о такой вещи, как свобода, полагая, что здесь все давно решено.

В не столь отдаленные времена вышеприведенная цитата вызвала бы сопротивление. Знаем, мол, ваши американские свободы. Истинная свобода – у нас, лучшая демократия – советская.

Не собираюсь умалять эти тезисы. Просто хочу напомнить, что лозунг «Больше социализма, больше демократии!» стал политическим стержнем перестройки. И раз сегодня вопрос ставится предельно откровенно, значит, вчера этого не хватало. Значит, во всех монографиях и статьях, опубликованных до апреля, состояние нашей демократии отражено, мягко выражаясь, в избыточно оптимистическом духе. И мы понимаем, что корень зла не в отдельных недостатках и не в злых кознях нехороших людей, не оправдавших доверия коллектива и общества.

Демократические права граждан подавляла бюрократическая система, в которой легко дышалось чиновнику, партийному или советскому функционеру, огражденным от контроля снизу. Отсутствие реальных, а не декларативных гарантий демократии привело к произволу и массовым репрессиям. Из униженных и оскорбленных, просто вычеркнутых из списка живых, можно было бы составить население среднего европейского государства. Мало кто из молодежи знает, что лет тридцать назад сельские жители не имели паспортов и что колхозник, надумавший выехать в город, не смог бы этого сделать без справки из сельсовета, то есть жил под фактическим надзором чиновника.

Сам я тех времен не застал. Сужу по рассказам бабушки, родственников. И больше всего поражает то, что они не очень-то задумывались о тогдешнем своем положении. Нетребовательность, уступчивость, покорность крестьян разжигала аппетиты администраторов, развращала их. А они своей безнаказанной сверхактивностью развращали народ.

Предприимчивый американский фермер более неуступчив в вопросах личной свободы и независимости. Это объясняет раздражавший, наверное, многих из нас обостренный интерес американских участников телестовов к вопросам прав человека, свободе передвижения, слова и так далее. Задумавшись над вышеприведенными словами президента, я лучше понимаю, почему их не удовлетворяли обтекаемые ответы в духе азбучных истин об эксплуататорской сущности капитализма, о безработице «у них» и праве на труд «у нас».

По замыслу нашего революционного учения социализм должен быть сложнее капитализма, демократичнее, давать больше по части гласности, самовыражения, творчества, разномыслия. Так думал и Владимир Ильич Ленин. Новая экономическая политика означала переход от состояния гражданской войны к состоянию мира. Все силы нации, все разнообразие инициатив и предприимчивости, все интеллектуальное многоцветье призывалось под знамена строительства нового строя. Страна при Ленине и какое-то время после его смерти переживала подлинный расцвет экономических, политических, социальных свобод.

Сегодня, спустя почти семьдесят лет, многое в той жизни кажется непонятным, неприемлемым, даже невозможным с точки зрения нынешних пред-

ставлений. Разберемся, например, в таком историческом эпизоде. Летом 1922 года в Москве проходил процесс над группой членов ЦК партии правых эсеров, обвиняемых в контрреволюционной деятельности. Среди обвиняемых были такие, кто порвал со своей партией, осуждал террор, саботаж. Коммунисты не спешили каждого без разбора прижечь клеймом «враг». «Мирных» эсеров на процессе защищал член ЦК большевистской партии, ее крупнейший, по словам Ленина, теоретик и любимец партии Николай Бухарин. Наверное, это и есть социалистический плюрализм в действии.

Кому не приходилось размышлять над таким обоснованием необходимости «единогласия», «монолитности»: в нынешней сложной международной обстановке иначе нельзя? А эпизод с эсерами и многочисленные ему подобные из ленинской эпохи опровергают кажущуюся правоту таких выводов. Неужто же в те годы ситуация не была сложной? Вот поживем, укрепим, тогда и за демократию возьмемся – излюбленная присказка поборников «дальнейшего совершенствования». Большевики же понимали по-другому: надо начинать с демократии.

Это соответствует сути ленинского видения мира. Вспомним, что на заре века Г.В.Плеханов в предложенном им проекте программы партии формулировал основную задачу так: обеспечить благосостояние всех членов общества. Ленин возразил: это и трест, то есть капитализм, даст. Надо создать условия для всестороннего и свободного развития каждой личности.

Мы неспроста ломаем сегодня копыя о такие понятия, как демократия, гражданские свободы. Воскрес, правда, на новый лад, вековой давности спор между «славянофилами» и «западниками» о том, нужен ли нам западный опыт. Не сосредоточиться ли на своих исконных ценностях? Схема рассуждений такова. Россия продирается в будущее по своему, особенному пути. Народ издревле подчинялся централизованной государственной власти, демократические права западного бюргера ему непонятны. Культ индивидуальности нам неведом, личность растворялась в общине, коллективе. Разговоры об индивидуальном предпринимательстве, рыночных отношениях, аренде, прибылях, свободных выборах сбивают нас с толку. Только единая воля нас сплотит, государство научит, обогреет, позаботится о нас.

От этой логики за версту несет тоской по «железной руке». Но зачастую вся аргументация преимуществ социализма замешана на такой философии. Доведись мне сразиться с зарубежным оппонентом, за что я первым делом ухвачусь? Нет безработицы, самая низкая в мире квартплата, бесплатное образование и медицина. На ум явится все то, что проходит по графе: заботы государства о человеке.

Говорят, добрый хозяин заботится о своем работнике. Кто погрубее, заменит работника на скотину. Ленин, не отвлекаясь от забот о хлебе насущном, мыслил о свободном, инициативном, одаренном чувством собственного достоинства человеке.

Как с этим? И квартир настроили за 70 лет, и пиджаков нашили, и хлеба напекли, и грамоте обучили. А вот в отношении достоинства, чтобы не в рот начальнику заглядывать, свернув при этом кукиш в кармане, за семьдесят лет наработано меньше, чем мечтали большевики. Не претендуя на окончательную истину, выскажу такое мнение: на предшествующем историческом этапе, который закончился в апреле 1985 года, понимание социализма, как радеющего обо всех государства, не выдержало проверку временем. И не потому, как думают некоторые, на всех не хватило. При всем нашем нынешнем недовольстве гастрономовскими полками. Маркс, оценивая наше материальное положение, надо полагать, не в этом усмотрел бы отклонение от социалистического идеала.

Классики предвидели ассоциацию свободных производителей. Не государство, не тонкий бюрократический слой нации решает, что производить, в каких масштабах и как распределять. Это право самих производителей. Точнее, свобода их выбора. А свобода выполнять производственную норму на сто или сто пятнадцать процентов – это, извините, еще не свобода.

О предкризисном состоянии сказано много. Можно было бы и сказать о том, что дело социализма проиграно и подлежит сдаче в архив, если бы не одно обстоятельство. А именно: то, что мы прежде именовали социализмом, не совсем таковым является. Ленин задумывал не это.

Отвергнутый Сталиным ленинский замысел созидать социализм как строй цивилизованных кооператоров вновь поставлен на повестку дня. Кооперативы как раз и есть те свободные ассоциации производителей, которые по мысли Ильича должны стать экономическим стержнем общества. Идею кооперативов нам еще осмысливать и осмысливать. Это, между прочим, не только точка общепита. По мнению академика О.Богомолова, кооперативным может быть и такой гигант, как ВАЗ, практически любое предприятие, «выкупленное, трудовым коллективом, самоуправляемое, действующее в соответствии с законом. В кооператив, кстати, идут не за одним лишь длинным рублем. Здесь шире возможности для самореализации. И, самое главное, члена кооператива не гнетет унижающая его достоинство забота о нем. Он сам о себе позаботится. Отчисления от его доходов кормят государственный аппарат.

Есть основания предполагать, что рост числа кооперативов, массовой вовлечение в них представителей самых разных слоев общества создадут в стране принципиально новую хозяйственно-политическую ситуацию. Ведь на наших глазах заявляет о себе новый тип работника, который принципиально иных, не иждивенческих началах связан со средствами производства и участвует в распределении продукта. Он, естественно, потребует скорректировать и свои отношения с государственными, политическими и общественными институтами. Такая тенденция к сдвигам в расстановке социальных сил уже уловлена. Известный советский экономист Л.Абалкин пишет в шестнадцатом номере журнала «Коммунист» о том, что «экономи-

ческие преобразования, особенно рассчитанные на коренное улучшение дел в экономике, не могут быть достигнуты без одновременных и соответствующих изменений в политической системе...»

Человек самостоятельный, независимый проще и честнее смотрит на себя, менее болезненно реагирует на откровенное проявление симпатий и антипатий к себе со стороны. Вспоминаю студенческие годы, споры со сверстниками из развивающихся стран. Теперь я понимаю, почему беседы часто обрывались на обостренной ноте непонимания. Подводила моя несокрушимая уверенность в том, что я представляю самую совершенную политическую систему, самую эффективную экономику, самую научную идеологию. Оппоненту отводилась скромная участь: завидовать и восхищаться.

Это сегодня я могу хладнокровно спросить себя: ну, а если бы Страна Советов была поменьше размерами, скажем, как Швейцария? Или, не дай бог, не производили бы мы больше всех в мире чугуна, цемента, угля, вагонов, неужели я меньше любил бы свою Родину? Землю, где я родился, где мама учила меня азбуке, где отец отвел за руку в школу, где могилы моих пращуров? Вопрос нелеп. А ведь зазубрили в отрочестве строки великого поэта: «Ни слава, купленная кровью...», да ничего не поняли.

Октябрь 1917 года возвестил миру о начале новой эры. О неоспоримых завоеваниях советского народа М.С.Горбачев убедительно сказал в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Мы с полным основанием гордимся тем, что наша революция, труд и борьба продолжают оказывать глубочайшее воздействие на все стороны мирового развития.

Но осознание всего этого ни в коей мере не освобождают от необходимости глубокого и беспристрастного анализа экономических и политических процессов. «Эра» преподнесла и сюрприз. История – в который уже раз – продемонстрировала, что она не Невский проспект. Обманув надежды на скорую мировую революцию, она пошла по иному руслу, чем предполагали Маркса и Энгельс. Крах капиталистической системы до сих пор не состоялся. Капитализм оказался жизнеспособнее. Он противоречив, временами его лихорадит – возьми хотя бы недавнюю биржевую панику, но он не похож на загнивающего старца.

Судя по всему, в мире складывается принципиально новая социально-политическая ситуация. Можно предположить, что проявляются более общие и глубинные, еще не осмысленные нами законы эволюции человеческого сообщества. По-видимому, земная цивилизация на современном этапе может существовать и развиваться только в диалектическом единстве двух противоположных общественно-экономических формаций. Не противостоящих, а взаимопроникающих. Они без нас уже не могут, Октябрь сказался и на них. Но и нам без них, видимо, не обойтись. В таком двуедином расщеплении человечества заложены и соревновательный импульс, и определенная гарантия от крайностей и той, и другой систем.

Распоясавшийся, рвущийся к абсолютной личной свободе индивидуализм – с одной стороны, и еще недавний, душащий любую личную инициативу, не укладывающуюся в предписанные рамки, бюрократический централизм – с другой. У меня мурашки по коже пробегают, когда представляю, что в результате непредвиденного исторического зигзага в тридцатые годы сталинизм монопольно утвердился бы на всех пяти континентах...

Значит, будем сближаться, сотрудничать, дружить.

От сближения выигрывают не только наши страны в целом, но и каждый из нас. Наверное, мало кто сомневается, что знакомство с политическим, социальным, духовным опытом Америки может стать существенным фактором формирования нового мышления и даже перестройки в целом. Представляю теле рассказ из американской семьи, школы, с избирательного участка. Сопоставления побудят нашего человека по-иному взглянуть на свое житье-бытье, выскателнее оценить хлопоты хозяйственного, партийного, советского деятеля. Он потребует на каждом рабочем месте, в каждом коллективе создать условия для высокопроизводительного труда. Да еще лучше, чем у них.

Журналисты часто встречаются с животноводами, которые, как рекордсмены, похваляются надоями в три тысячи килограммов. Думается, им очень помогло бы покритичнее подойти к себе знание того, что на фермах Айовы, например, нет ни трехтысячных, ни даже четырехтысячных надоев. Таких коров просто не держат. В среднем же по стране надаивают по 6 000 килограммов. Может, не все согласятся со мной, но выдвину предположение: если бы наш колхозник видел своими глазами, как работает американец, соревновался бы с ним заочно, мы не вздыхали бы сегодня о колбасе и масле.

Знаю, что так думают не все.

- Несерьезные вещи вы предлагаете, – укоризненно оборвал мои рассуждения знакомый ученый-обществовед. – Никогда на наших телеэкранах не появятся американские передачи. Даже если это не будет порнография, садизм, антисоветизм. Наш народ пока не созрел до этого. В нынешних условиях это было бы идеологической диверсией.

Мне же сдается, что диверсия – нечто иное, а именно – замалчивание.

Не праздный интерес представляет вопрос: а кому невыгодно, чтобы каждый из нас мог запросто, минуя фальсифицированные источники, узнавать о жизни в той или иной стране, читать ее ученых, экономистов, философов, политологов? Ведь кто-то же боится, что тракторист или слесарь, которым двадцать пять лет назад прожужжали уши лозунгами насчет «догнать и перегнать», ненароком проведает, что не только перегнать не получилось, но есть основания предполагать, что даже разрыв не сократили. Кто конкретно от этого выигрывает? Давайте думать.

Но раз такое положение существовало, значит, оно играло на чьи-то личные интересы.

Мне думается, есть люди, есть слои, олицетворяющие сложившиеся в тридцатые годы командно-бюрократические методы управления государством.

Они сильны и по-настоящему еще не начинали сопротивление перестройке. Видимо, они пока не очень-то верят в необратимость перемен. Как организованное начало они могут заявить о себе тогда, когда почувствуют, что им приходит конец. Это надо помнить. И знать, что предотвратить реставрацию застоя может только одно: гласность и демократия.

И еще: надо помнить исторические уроки.

Размышляя о плюсах и минусах сближения с капиталистическими странами, о сотрудничестве с западными фирмами, создании смешанных компаний, проводя лозунг «Учиться у американцев!», Владимир Ильич Ленин, диктуя одно из последних своих писем в Кремле в декабре 1922 года, горько обронил:

«Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ безнадежно народ дураков».

Ильич имел право на такие жесткие слова. Но он, наверное, не поверил бы, если бы мог узнать, что мы вновь столкнулись с теми же проблемами, решение которых он предложил в своем политическом завещании.

Перелом в общественном сознании неоспорим. Растет политическая активность советских людей. Перестройка, вступив во второй этап, набирает силу. Мы осваиваем новое политическое мышление, лучше понимаем природу социализма, его преимущества. Реализация программы ускорения выводит их на деле, мы в этом убеждены.

«Ставропольская правда», 20 декабря 1987 года

Непрочитанный Солженицын

Творческая судьба Александра Исаевича Солженицына до сих пор складывается очень драматично. Как никакой другой писатель, он гражданственен, обращается к политически активному ядру в человеке, рассчитывает на активный отклик. И так случилось, что дважды, по сути, он был отлучен от народа.

Первый раз насильственная депортация и налаженный тоталитарной системой запрет начисто отсек его от российского читателя. Второй раз, когда вулканические процессы, начавшиеся по инициативе КПСС и закончившиеся антикоммунистическим взрывом, открыли шлюзы правды, вернули народу и забытые, и скрываемые имена, Солженицын по-настоящему не вернулся на родину, к читателям.

В 1989 году Солженицын начал возвращаться на страницы журналов. В «Новом мире» был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ», другие произведения. Не говорю уж о самиздате, неформальных издательствах. Но Солженицын, по-моему, остался непрочитанным, а по существу, и не открытым для большинства российского населения. В конце 1989 года, как мы помним, началась «бархатная революция» в Чехословакии. Потом Германия, Румыния, потом забурлило и у нас. Начался практический процесс слома коммунистической системы, в который втягивались миллионы граждан. Процесс, требующий конкретных действий именно сейчас и не оставляющий времени для глубокого осмысления

происходящего. Читать Солженицына было некогда. Да вроде бы, казалось, и не совсем уж актуальным. С коммунистической системой все ясно, чего агитировать. Поэтому, мне думается, ни народ, ни его политически активная, организованная часть очень и очень многое не успели обдумать, продумать к моменту, когда мы наскочили в 1991 году на необходимость быстро и резко проводить реформы. И особенно не востребованными оказались многие идеи, предостережения, предложения Солженицына.

Ключ к пониманию творчества Солженицына, впрочем, как и любого крупного писателя – это поиски смысла жизни, поиски правды. «Бог – это правда». «Само слово правды весь мир перетянет». Эти русские пословицы вполне могли бы стать концентрированным выражением кредо писателя.

Духовность, нравственность в повседневных делах, в семье, государственных заботах – без этого писатель не мыслит жизни человека, и воинственно порою борется за каждое нравственное, культурное приобретение человечества перед лицом наступающего материально-технического прогресса, цивилизации, оборотной стороной которых очень часто оказываются дегуманизация, растрение духа, подмена подлинных человеческих ценностей комфортом, материальными приобретениями.

В ответном слове на присуждении литературной награды американского национального клуба искусств он открыто сказал об этом:

“Увы, при небывалом росте цивилизованных благ и во все более благополучном течении физической жизни – также и на Западе происходило выветривание и затмение высоких нравственных ориентиров. Затмилась духовная ось мировой жизни – и глазам иных потерянных художников мир предстал в мнимой бессмысленности, несуразном нагромождении обломков”. И далее: “Мы можем пристально уследить, что в этих повсеместных и как будто невинных опытах по отказу от “застарелой” традиции заложена в глубине враждебность ко всякой духовности. Что за этим неутомимым культом вечной новизны... – скрывается упорный, давно идущий подрыв, высмеивание и опрокид всех нравственных заповедей. Бога – нет, истины – нет, мироздание хаотично, в мире все относительно...”

Собственно, на этой базе покоится политическая программа писателя. Из этих принципов он исходит, когда задумывается над вопросами организации государства, институтов власти, выдвигает определенные политические задачи. Будь это его знаменитые «Посильные размышления о том, как обустроить Россию» или публичные выступления, публицистические статьи.

По сути, по глубинному своему мировосприятию Солженицын – фундаменталист. Образованный, достаточно гибкий и мудрый, чтобы избежать крайностей, демонстрируемых отдельными, определяющими сегодня политический облик ряда стран, лидерами-фундаменталистами.

В принципе, если глобально, если отвлечься от частных, национальной специфики, исторически преходящих деталей, политический процесс на

земном шаре развивается в рамках двух мировоззрений, усилиями двух основных, скажем так, партий – фундаменталистов и новаторов, либерально ориентированных демократов-реформаторов. Главное, на мой взгляд, различие между ними состоит в следующем: фундаменталист полагает, что человек является в мир готовых ценностей и традиций и, чтобы сохраниться как личность, должен служить Богу, идее, государству. Новатор, вольнодумец-демократ, наоборот, отдает инициативу самому человеку, в его постоянном развитии видит самодовлеющую ценность.

В этом сила, но в этом и слабость Солженицына, как политического мыслителя. Не случайно, например, он не переносит самого слова демократия, видя в нем не более чем вольтерианские выверты развращенного наукой нового времени просвещенного европейского меньшинства. Александр Исаевич не принял февральскую революцию 1917 года, не принял попыток демократически устроить Российское общество, потому что все-таки не доверяет в глубине души свободной личности, не верит, что человек, представленный сам себе, освобожденный от опеки не только идеологического партийного начальника, но и религиозной инквизиции, пусть самой снисходительной и доброжелательной, от опеки мудрецов и нравственных бессребреников, сможет жить не по-скотски, не в разврате, а нравственно и осмысленно. Поэтому во всем освободительном движении в России он видит сплошные заговоры, измены, предательства. Отсюда, например, такой чрезмерный и не всегда простибельный для художника перекокс в сторону преувеличения значения чисто национального. Ведь личность надо чем-то связать. Что ж, пусть будет соборность и особенный русский путь.

Но с этим можно поспорить. Да, у России свой особый путь, своя миссия в этом мире. Но точно также, для решения уникальных задач Бог призвал в этот мир и Японию, и Индию, Китай и Германию, Америку и Пакистан и так далее. И так же уникальны, особенно дороги неповторимые черты не только русского характера, но и характера татарина и корейца, венгра и афганца, эфиопа и карачаевца. И совсем другой вопрос – судьба тех русских и русскоязычных, которые остались за границами России, в ближнем, как сегодня модно выражаться, зарубежье. Которым сегодня нелегко, а многих из которых попросту оскорбляют и унижают, и к которым сегодня активно апеллирует господин Жириновский. Их надо защищать, в этом долг Российского государства. Но защищать не потому, что они русские, а потому, что их обижают.

Солженицын предполагает строить государство на принципах правды, нравственности, верности идеалам. На идее служения Родине, верховным ценностям. И здесь я полностью с ним согласен. Я думаю, все подлинно демократические устроители государства согласятся с ним. Подлинный демократ согласится с фундаменталистом Солженицыным в том, что родина – выше личности. С одним уточнением: я сам это решаю. Эта готовность пожертвовать своей жизнью ради общества – мой личный выбор, мой личный долг, который я

сам предпочту в нужный момент. Но не навязанная от рождения установка. Партии ли, церкви, другой инстанции. Человек рождается не для того, чтобы служить государству, обществу, а чтобы быть свободным и счастливым. Но свободный человек, подлинная личность – как раз и почитает за высшее благо добровольно служить отечеству. Между прочим, об этом различии двух мировоззрений говорил еще Перикл за 300 лет до нашей эры, проводя различие между моральными устоями свободных граждан демократических Афин, весело идущих на бой за родину, и бойцов суровой диктаторской Спарты.

Здесь можно было бы только добавить, что в нынешней политике очень часто пренебрегают нравственными заповедями. Сегодня в государственных структурах власти всех уровней очень много подлости, нечестности, лицемерия, коррупции, откровенной ставки на золотого тельца. Да, мы строим рыночную экономику, где не обойтись без погони за прибылью, без конкуренции, без жажды наживы, где командует рубль и так далее. Но это, на мой взгляд, вовсе не означает, что мы должны возводить рубль в культ, считать взятку образцом гражданского поведения. Рынок, деньги, биржа, дивиденды, со всеми присущими им пороками – не более чем средство вести наши материальные дела, решать проблемы обеспечения жизнедеятельности человека и созданного им сообщества: пища, жилье, энергетика, транспорт, обмен информацией и так далее. Но есть вещи духовные, нравственные, подлинно человеческие, культура – и никто не доказал, что в нищем, материально бедном, суровом государстве духовный мир человека богаче, человек более нравственен.

Поэтому я не могу принять враждебного отношения Солженицына к европейскому опыту демократического устройства, в частности, торжествующему на протяжении 300 лет либерализму. Да, масса недостатков, да, такое общество не застраховано и от поражений и от нравственных потерь. Но еще Черчилль очень точно заметил: «Демократия – вещь довольно дрянная, но остальные способы управления государством еще хуже».

Памяти академика Сахарова

14 декабря день смерти академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

Сегодня, после шести лет тяжело идущих реформ, метаний и шатаний, понимаешь, какую утрату понес наш народ декабрьским днем 1989 года, когда не стало Андрея Дмитриевича.

В демократическом движении, набравшем силу и авторитет, было два явных, бесспорных лидера: Ельцин и Сахаров.

Первый олицетворял собой управленческий опыт, волю к власти, связи в государственном аппарате. Второй – интеллект, духовность, совесть. Они дополняли друг друга.

После смерти Сахарова, Ельцин как бы прихватил себе оба эти начала. Его книга «Исповедь на заданную тему» сигнализировала, что он против коррупции, против самой сути номенклатуры – привилегий.

Увы, аппаратное, партнократическое начало Ельцина, не имея противовеся в лице интеллекта и совести Сахарова, взяло вверх.

Именно поэтому сегодня так вольготно чувствует себя бывшая партноменклатура. Для нее режим Ельцина – свой. Они, с благословения Ельцина, захватили провинцию, окопались в Белом доме и в Кремле. И везде они приносят дух подкупа, взяточничества, номенклатурной корпоративности, вытесняя подлинных сторонников демократии и реформ. Их стараниями дискредитировано само слово «демократия».

Так происходит и в Ставрополе.

В Москве я многим задавал вопрос: кто назначает представителей Президента в регионах? Вы разве не видите, что это за люди? Они пожимают в ответ плечами.

Деньги застилают глаза многим, в том числе и бывшим демократам.

Говорят, в политике важна целесообразность. Понятия нравственности в политике не существует.

Ерунда. Честность в политике – это не просто вопрос личной щепетильности. Это вопрос политический. Воровство и ложь рано или поздно вылезают наружу, разрушая веру у людей. Сегодня в российской политике очень много лжи. Намного больше, чем необходимо житейского лукавства для смазки политической телеги.

В России ничего не получается потому, что бессовестная и безнравственная номенклатура взяла власть и навязывает всем свои принципы и свою мораль, которые сформировались еще при Сталине и Брежневле.

Против этого боролся Андрей Дмитриевич Сахаров.

Против этого боролись, боремся и будем бороться мы.

Спустя одиннадцать лет после написания этих строк, я не могу добавить ничего нового по существу.

В своих мемуарах Андрей Дмитриевич вспоминал эпизод из конца пятидесятых годов. Где-то на казахстанском испытательном полигоне производился очередной подземный ядерный взрыв. В бункере собрались военные, партийные, ученые. И тогда “отец” водородной бомбы решил поделиться с высоким военным начальником своими сомнениями о целесообразности дальнейшего развития ядерного оружия. В том смысле, что это таит угрозу для человечества. Генерал, – сидели за общим накрытым столом, обмывали, – подцепил вилкой соленый грибочек и хохотнул:

- Вы, ученые, сделали бомбу, а дальше уже нам решать, как ее использовать. Мол, и без вас справимся.

Цитирую по памяти, не дословно.

Но суть ясна.

Примерно то же случилось и с реформами в стране. Новая народившаяся номенклатура, убедившись, что коммунисты больше не страшны, самоуверенно отпихнула тех, кто, собственно, и свалил старую власть и создал

новую власть – единомышленников А.Д.Сахарова с их идеями и принципами – и принялась рулить по своему разумению.

Обошлись своим умом.

Куда они вырулили, мы видим.

Вопрос сегодня уже не в том, чтобы признать нынешний политический курс бесперспективным, – с этим все ясно. А а в том, – сохраняются ли у страны шансы выжить...

Чудак

ОН МНЕ очень интересен и мил.

Многие считают его чудачком и при этом придают слову «чудак» предостительный оттенок. Что ж, и я в чем-то считаю его чудачком, но не нахожу в этом ничего зорного.

С чего же начинается «его чудачество? Точнее, то непохожее на выработанный нами стереотип нормального человека, такого современного комильфо?

Внешность, жесты, манера разговора, манера выражения мыслей и, самое главное, сами мысли, – всюду хоть маленькая, но своеобразная, ему только присущая черточка.

Непонятное в его характере начинается в отношении к вещам. В хаотическом мире достижений ремесла и торговли он ориентируется по своему компасу. Ну, скажите, стали бы вы приобретать за двадцать рублей фломастеры, когда, в общем-то, не рисуете? А он купил. Думаете, стал заниматься рисованием? Нет, так, изредка черкнет, и все. Глупость, подумаете. Кто знает. Зато теперь, если кому нужно – бегом к нему: дай голубенький карандаш! Дай красненький! Он даст. Наверное, мы скорее изведем его приобретение, чем он надумает заняться художеством. А может, и не надумает. Может, эта покупка – блажь... Может, завелись деньги, увидел фломастер, загорелся что-то сочинить на бумаге, взял, а потом охота прошла... Хорошего, конечно, немного вот в таком безрассудстве... Но я понимаю его; был замысел – и он не пожалел средств, от чего-то, может быть, урвал. А потом что-то помешало... Мне нравится в нем эта воспламеняемость... Между прочим, от нее и одержимость, а одержимых всегда считали чудачками...

Мы упражнялись в остроумии, когда привез он с базара аквариум. Пустая стеклянная коробка уныло стояла на столе и не ждала, видимо, светлого будущего. Мы «подкалывали». Строили серьезные рожи, задавали «рыбьи» вопросы.

Кто-то с ученой миной давал советы впрок. Он отвечал, что знал, внимательно выслушивал чушь о способах кормления мальков и о гибридизации рыбных пород. Он не замечал насмешки за нашими словами, не чувствовал издевательства, того добродушного издевательства, которое под дружеской улыбочкой порой в ходу среди молодежи. Не догадывался, что собрало нас вовсе не любопытство к аквариуму: «... он-то опять фортель выкинул, – аквариум купил. Ха-ха!»

И не только тогда, с аквариумом, а почти всегда, он не замечает, что его разыгрывают. Потому что он как ребенок: все принимает за чистую монету. Иногда только, когда фантазия шутника ускачет слишком уж далеко, он становится невнимательным и в лице его появляется обида: неужели человек может так нахально и бессовестно лгать?

С аквариумом возился он долго. Было к лету. Отправился в лес, на озеро. Наловил козьяков, развел растительность. Получилось красиво. Хоть и надо-едал иногда своими знаниями об аквариумном деле – он прочитал несколько книг об атом, – нам нравилось смотреть рыбок. Вскоре аквариум стал частью комнаты. И мы уже снисходительно перемигивались, когда он посвящал нового человека в тонкости своего увлечения. Говорить о любимом занятии он мог часами.

Кое-кто из тех, кто поначалу в смех встретил рыбок, и сам обзавелся домашним «океанариум».

Эйнштейн в свое время высказал сожаление: люди мало удивляются и почти растрачивают любопытство к двадцати годам. А без любопытства познание невозможно.

Некоторым личностям, которые всерьез полагают, что они сформировались окончательно и что они могут начать передачу жизненного опыта менее искусственным, это его любопытство не нравится. Не нравится, потому что любопытство – это беспокойство мысли. А беспокойство раздражает тех, кто уже «все знает», кто никогда не переживал и не понимал прелести поиска нового.

А он беспокоен. Он, наверное, и во сне над чем-то размышляет. Голова его начинена идеями. Он постоянно думает: анализирует и синтезирует. Он словно торопится постичь тайну окружающего, словно боится не успеть.

Идеями он делится с товарищами. Многие откровенно похохатывают в ответ. Где там чепухой заниматься!. Надо проблему решить: где убить вечер – в «Авроре» или «Кубани»?.. Он обижается. Не за себя, а за мысль. А мысли у него бывают довольно оригинальные.

С ним что ни день, то новость.

Как снег на голову – известие: он собирается перекочевать из общежития на квартиру. «Что, опять вывих?» – понимающе улыбались самые здравомыслящие.

Нет. Просто, взвесив и оценив, он решил, что в общежитии тратит попусту много времени: ежедневные сборы за чаем по вечерам, пустая болтовня, нескончаемые визиты порой незнакомых и ненужных людей: «Сахар есть?», «Закурить не найдется?», «Колька не тут живет?». Все это отвлекало, мешало работать. Да и раздражало порядком. Он ушел. И не жалуется. Сессию сдал на четверки и пятерки...

И опять возвращаюсь к чудачествам. Нет его, чудачества. А есть странности. Да и то, если смотреть на него глазами человека, все раз и навсегда определившего и оценившего. А если согласиться, что человек должен постоянно быть в

поиске, постоянно напрягать мозги, определять постоянно свое отношение к миру и мира к себе, устанавливать принципы своего поведения и ломать их же, когда они устареют,- одним словом, жить напряженной внутренней жизнью, то странности рассеются. Все станет само собой разумеющимся.

Ведь внутренняя жизнь человека скрыта от глаз постороннего. Многие поступки наши, логичные для нас, другим кажутся странными.

Но именно такой он – Женя Тимченко – беспокойный мыслитель, не побоюсь слова.

А чудачки, наверное, те, кто не хочет этого понять.

Люди – не боги

Полтора века назад Чаадаев предрек России послужить страшным уроком для человечества. Урок состоялся. Наш народ поставил на себе чистый эксперимент и получил чистый результат: насилием ни одной человеческой проблемы не решишь.

Многие в наши дни берутся ответить на вопрос: почему же Россия докатилась до такой убогой жизни, до разорения экономического и оскудения духовного? Причин тому называется немало, и каждое объяснение по-своему приближается к истине. Но если брать не в частности, а в самом широком смысле, наверное, наиболее точный диагноз поставил великий русский писатель и мыслитель Александр Солженицын:

- Люди забыли Бога!

Я понимаю это утверждение не в узком, религиозном контексте, а, скажем так, в основобьгтийном.

В нашем обществе утвердилась и доминировала идеология отрицания выработанных тысячелетиями духовных основ совместной жизни людей. Отрицание было возведено в метод.

Поколения философов, писателей, историков, социологов обосновывали правомерность сознательного и насильственного вмешательства в ход истории для того, чтобы разрушить цельный и органичный мир, взорвать наличный космос, в котором каждому человеку и народу было определено – Богом ли, природой ли, это уже другой вопрос – свое место, своя ответственность, свои обязанности перед дальними предками и не менее далекими потомками. Этот мир, конечно же, не претендовал на титул самого совершенного, но это был живой, постоянно развивающийся организм, который жил по своим законам, гармоничным с природой.

И вот этот мир был разрушен.

Я не намерен исследовать практическую сторону революции и последовавших за ней потрясений. Сосредоточу внимание исключительно на ее внутренней, духовной стороне, на той разрушительной мыслительной работе, которая предшествовала разрушению практическому. Ведь разрушение сначала должно быть санкционировано в сознании и отдельного человека, и народа в целом.

Распад нравственного ядра начался с обоснования и последующего осуществления принципа необходимости и неотвратимости разрушения старого мира. Богу, природе был брошен вызов: мы способны придумать и воплотить нечто более совершенное, чем то, что получилось в ходе многовековой эволюции. Мы посмели изъять из оборота один, реально сущий космос и подменить его другим, нами измышленным.

Вот в этой гордыне и самоуверенности, с какими часть человечества, объявившая себя лучшей и передовой, вознамерилась по своим проектам и чертежам строить новую вселенную, новый мир, прорисовывается смысловой стержень солженицынского утверждения: люди забыли Бога.

Забыли потому, что сами стали равны Богу. Или посчитали себя таковыми. Узурпировали себе право по своему усмотрению устроить мир, поворачивать реки, распоряжаться жизнью и смертью миллионов себе подобных. “Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики” – совсем недавно было нашей нормой сознания.

Мы возмущаемся неисчислимым жертвам и разорениям, которые постигли нашу Родину. Но это всего лишь следствие.

Мы должны поставить вопрос более принципиально: какова мера ответственности и тех, кто открыл и обосновал саму возможность подобного вызова Богу, и тех, кто соблазнился этой возможностью? Кто в сознании своем перешагнул Рубикон задолго до того, как раздались первые выстрелы.

За полвека до революции прозорливый Достоевский, подвергший мучительным нравственным испытаниям своего героя Родиона Раскольникова, уже исследовал состояние человека, осмелившегося задать себе вопрос: тварь ли я дрожащая или право имею?

Писатель сделал вывод, всей глубины которого мы до конца не осознали: человек не имеет власти над другим человеком. Тем более не имеет ее он над природой, народом, его историей. Попытки присвоить себе функции творца Вселенной ведут к катастрофическим последствиям.

Человек не может, не должен, не имеет права переступить некую заповедную грань, определенную Богом ли, моралью ли. Не может, даже если технически это осуществимо. Техническое могущество, питающее наши иллюзии о собственном венценосном месте в природе, должны стимулировать не приступы своеволия, а вести к сознанию своей ответственности, осторожности в действиях. Не случайно все настойчивее звучат требования запретить исследования целых направлений генной инженерии. Люди понимают, что есть тайны природы, к которым опасно прикасаться, потому что это может поколебать фундаментальные характеристики организованной материи. И тогда неизбежен хаос, распад миллиардов связей, крушение мира. Как ответ на эту опасность, набирает силу понимание, что высшее проявление воли и свободы состоит в умении наложить узду на свои волю и свободу.

Не дело человека перекраивать данный ему мир. Человек – часть мира, и ему природой предназначено жить в согласии с природой, жить в послушании, приспособливаться к природе, но не иначе.

Мир прекрасен, и он сам совершенствуется, без революций и насильственного вмешательства.

В еще большей степени это относится к социальным явлениям.

Наше же общественное сознание буквально пронизано идеологией бунта и насилия, непослушания и своеволия. Истоки бессмысленной непокорности восходят к знаменитому тезису Маркса о Фейербахе, который мы зазубривали в студенческие годы: “Философы до сих пор объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменить его”.

Эта маниакальная нацеленность на изменение мира, готовность переделывать окружающую среду, перековывать человеческие характеры, все эти БАМы, целины, повороты рек, мичуринские эксперименты, весь этот знакомый с детства пафос так называемого преобразования мира – наша религия неустроенности и смятения в душах. Это – продолжающаяся перманентная революция, до которой не дожил Троцкий, но которая-таки состоялась в поражающих воображение масштабах.

Наивно полагать, что нам сравнительно легко удастся выбраться из этого капкана. Мало признать порочность воинственного тезиса, который стал основой целого мировоззрения. Мало опровергнуть его и научно доказать, что исповедание перемен и революций, увлечение идеями прогресса, понимаемого, прежде всего, как научно-технические усовершенствования, рано или поздно приводит к катастрофе. Это часть дела. Предстоит еще понять, что этот марксов тезис не только ошибочен, он еще и антигуманен. Он развязывает в человеке колоссальные силы, но это не светлые, добрые, созидательные силы, тождественные согласию с природой и Богом, а разрушительные, стихийные силы.

Человек не должен ставить перед собой нечеловеческие задачи, потому что, напрягаясь над их решением, он попусту растрчивает свои силы и утрачивает человеческое начало.

Каков практический вывод из подобных рассуждений? Меня интересует вопрос об исторической ответственности интеллигенции, потому что, прежде всего от нее зависит уровень и интенсивность взаимоотношений народа с Богом, природой. Трагична судьба российской интеллигенции, которая в середине прошлого века сделала нравственный выбор в пользу атеизма, исторического материализма, в пользу ненависти.

Марксовский тезис, кабинетная заготовка неизбежно обосновывает классовую борьбу, баррикады, ревтрибуналы, расстрелы. Насилие как принцип решения всех проблем закладывается в фундамент марксистско-ленинского мировоззрения. Но еще до Маркса русская интеллигенция соблазнилась легкой возможностью безответственного вмешательства и подправления истории, ложно понимаемого спасения России через призыв «к топору». Она пошла не по пути, предлагаемому Чаадаевым и Гоголем, а позже Достоевским и Толстым, – пути углубленного самопознания и личной ответствен-

ности, обращения к внутренним силам человека, упрочения семьи и веры как главных ценностей жизни, поиск согласия и примирения – а ввязалась в политические схватки, политическую борьбу, в передел имущества как средство решения нравственных проблем. «Жизнь есть действие, а действие есть борьба», – заявлял не знавший Маркса и марксистов Белинский.

Не вся, но доминирующая часть интеллигенции увлеклась ложными идеалами внешне политической активности и забыла, что ее главное предназначение – сохранение, производство и накопление духовных и культурных ценностей, религиозный поиск. Не революционные потрясения, не механическое шевеление миллионных толп, а неслышная мыслительная работа – вот локомотив истории. Мыслители, большие и маленькие, производящие оригинальные идеи и трактующие их, связывают пласты различных эпох, благодаря их трудам бытие человечества приобретает протяженность во времени, а культурные традиции одного народа переплетаются, взаимообогащают традиции другого народа. Большевики пожали свою обильную кровавую жатву потому, что сорные семена классовой ненависти и розни были брошены в российскую почву задолго до того, как вождь мирового пролетариата оседлал броневик на Финском вокзале. И в этом нам предстоит разобрататься основательно, и не для того, чтобы выискивать крайних и виновных, а чтобы снова не попасть в ту же самую ловушку.

Прогресс заложен в исходной сути материи. Он не нуждается в опеке тайных обществ и прогрессивных организаций и в искусственном понуждении. Прогресс, то есть то, к чему сознательно стремились социалисты всех стран, – равноправие, благоденствие, свобода, гармоничное развитие личности – это всего лишь следствие нормальной жизнедеятельности нормального общества. Он придет в назначенное время без заговоров и революций. В этом убеждает опыт развитых стран.

Концы и начала прогресса – в личности, живущей в согласии с Богом и природой. Об этом приходится настойчиво напоминать потому, что наше общество решает задачи, во многом сходные с теми, которые так и не были решены и сто, и семьдесят лет назад. Интеллигенции, народу вновь предстоит совершить выбор.

Кустов Виктор Николаевич (род.09.06.1951) -прозаик, публицист, драматург. Главный редактор литературного журнала «Южная звезда», исполнительный директор некоммерческого литературного фонда «Слово и дело», член Союза писателей России. Лауреат премии Союза журналистов СССР. Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в 2011 году в номинации «Драматургия» имени А.Грибоедова за пьесу «Время шутов». Автор повествования «Провинциальцы» (романы:«Одинокое плавание», «Уроки истории», «Гамлетовский вопрос», «Неестественный отбор».)

Виктор Николаевич Кустов родился в Смоленской области. В городе Велиже закончил семь классов, затем родители переехали в Красноярский край, в поселок Снежногорск, недалеко от Норильска, на строительство Хантыйской ГЭС, где и закончил школу. В 1974 году окончил геологоразведочный факультет Иркутского политехнического института по специальности горный инженер. После института работал корреспондентом многотиражной газеты Иркутского политехнического института, затем заведующим отделом промышленности и строительства Саяногорской городской газеты «Огни Саян», заведующим отделом газеты «Молодой ленинец» (Ставрополь), корреспондентом, заведующим отделом, заместителем ответственного секретаря «Ленинское знамя» (Черкесск), заместителем ответственного секретаря газеты «Ставропольская правда», заместителем директора научно-технического творчества молодежи в Черкесске, заместителем директора фирмы «Курьер», генеральным директором Северо-Кавказского информационно – рекламного агентства, директором издательства «Югрос».

Первые литературные зарисовки были опубликованы в многотиражной институтской газете в студенческую пору. Газетных публикаций литературных произведений было много. Первая книга вышла в издательстве «Молодая гвардия» после VIII Всесоюзного совещания молодых авторов в 1984 году. Затем: публикация повести «Повторение аксиом» в коллективном сборнике Ставрополя, собственная книжка «Охота в пугоранах» (Ставрополь), роман «Давай полетим», сборник «Игра», сборник «Ни белых, ни красных», книга публицистики «Не праздное слово», книга повестей «Комплекс невесты». На Ставрополье с 1980 года. Живет в Ставрополе.

В настоящее время – директор издательства «Интеллект» и главный редактор журнала «Южная звезда». С 2006 года шеф-редактор журнала «Сельское Ставрополье».

* * *

Непраздное слово

Как слово наше отзовется (Вместо вступления)

Нашему поколению (да и отцам, и дедам) выпало жить без душевного обращения. В прошлом остались: кокетливо-зазывное «барышня», уважительное «госпожа (господин)», ласковое «сударыня (сударь)». Даже отстраненное и разделяющее «гражданин (гражданка)» не удержалось в обиходе и на многие десятилетия жителям СССР досталось шипящее и гремящее – «товарищ».

Понятное дело, каждому времени свое обращение.

«Господа» и «судары» были сметены революционным переворотом и неприятие этих слов революционными массами вполне объяснимо: и в первом, и во втором обращении в корне приближение к Господу, к Государю...

Недолго продержалось растерянное от невиданного смещения всех устоев, цепляющееся за память о старом добром времени обращение «барышня». В начале прошлого века в первом социалистическом государстве не безобидный флирт, а социальное положение стало определяющим в отношениях, и важнее всего было знать, кто в разделившемся, разбредшемся обществе друг, единомышленник, а кто враг. Эта необходимость определила главное слово классовой борьбы, так удачно найденное и апробированное во Франции во времена тамошней революции. Это универсальное бесполое слово «гражданин», которое, с одной стороны (по соображению революционеров всех времен и народов), должно было объединять (независимо от национальности, цвета кожи) проживающих в государстве, с другой – разделять, исходя из социального статуса и идейных убеждений.

В российской истории объединения в государство посредством именно этого слова разных сословий, правда, не получилось, и отчасти по этой причине в стране с начала новой постреволюционной эпохи (эпохи строительства коммунизма через социализм) параллельно существовали спаянное единоверием «товарищ» и заведомо ставящее по другую сторону «баррикад» слово «гражданин»...

С годами накал социального противостояния поубавился, жизнь смягчилась и упорядочилась, обращение «гражданин» вошло в жесткую сцепку с иными словами, создавая сочетания типа «гражданин следовательно», «гражданин пассажир», а слово «товарищ» разлетелось по огромной державе, продолжая сплачивать и уравнивать.

Но декларируемое равенство скоро стало вызывать сомнения, да и женщина (все же немалая составляющая общества) перестала быть только боевым другом, а превратилась в представительницу прекрасного пола, и по этим причинам обращение «товарищ» все меньше и меньше устраивало и на короткий период вывернулось из прошлого редкое (в новой среде несущее скорее иронию, нежели романтический призыв к знакомству) «барышня», сентиментальные представители советской интеллигенции попытались

вернуть в обиход монархически-благозвучное «сударыня (сударь)», но и оно не пришлось ко двору и скоро уступило место кличкообразным: «девушка», «женщина», «бабка», «мужчина», «юноша», «дед», универсально несущим одновременно и половую, и возрастную характеристику.

Вернулось в более широкий обиход и слово «гражданин», продиктованное, прежде всего, расширением сферы услуг и несущее оттенок подбострастия и отстраненности в одно и то же время. И все реже и реже звучало в обиходе боевое, пахнущее дымом былых сражений, а по отдалении от этих событий приобретающее интимно-дружеский оттенок («были ведь и мы молодыми») слово «товарищ». Теперь оно набрало монолитное звучание и стало неподъемным для личности. Им пользовались либо во множественном лице: «товарищи делегаты», «товарищи партийцы»... Это помпезно-торжественное «товарищи»... Либо конкретно и указующе: «этот товарищ...», «товарищ Иванов (Петров, Сидоров)»...

Но вот пришло иное время, время выброса накопившейся за годы застоя не востребованной энергии, эпоха бездумного энтузиазма, соприкосновения с ранее запретным, а теперь свободно импортируемым капитализмом, – и с завидной смелостью многонациональное советское общество сделало попытку зацепиться за «господство». Но, увы, за минувшие с момента социальной революции в России десятилетия качество отношений между людьми, отражаемое этим словом, настолько вымылось из массового сознания, что подобное обращение оказалось чужеродным и так и не было принято большинством.

Вращенное несколькими поколениями на безродности да безверии постсоциалистическое общество уже не могло постичь глубинный смысл этого слова.

...Право, напрасно мы не задумываемся о силе слова.

Ведь СЛОВО является тем самым атомом в информационном поле, в котором мы (наш дух) и существуем.

Слово, как вполне материальное действо, упоминается в Новом Завете, так или иначе, сорок девять раз. Прежде всего, естественно, как Слово Божье, слово Истины.

«В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (*Евангелие от Иоанна*).

«Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца, как возрожденные не от тленного семени, а от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего вовек... (*Первое соборное послание святого апостола Петра*).

«Ибо, кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей... (*Первое соборное послание святого апостола Петра*).

«Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (*Евангелие от Матфея*).

«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (*Евангелие от Матфея*)...

Человечество вероятнее всего и существует лишь с единой целью – производить и выдавать в информационное поле (или ноосферу, по Вернадскому) единственный необходимый для Вселенной продукт человеческой деятельности: СЛОВО-МЫСЛЬ. И наши, плохие и хорошие, грязные и светлые, оптимистические и пессимистические мысли и слова уносятся, соединяются с множеством иных слово-мыслей, объединяясь по своему заряду, помыслу, и материализуются, возвращаясь к нам нашими же деяниями...

К сожалению, не так уж много профессионалов в отрасли работы со словом отдает себе в этом отчет. Но порой вдруг даже далекие от этой сферы люди осознают, какова мощь слова изреченного, и соглашаются с тем, что *«чужие языки страшнее пистолета»*, и делают неожиданное открытие, что киллеру (а по-русски – убийце) совсем необязательно иметь материализованное оружие для физического уничтожения себе подобного...

Слово изреченное несет в себе энергию. Эта энергия бывает созидательной и разрушительной. И соответственно, материализуясь, служит тому или иному деянию. В век стремительного развития средств массовых коммуникаций, мощнейшего психотропного воздействия телевидения, любительского, бесконтрольного со стороны государств или обществ использования возможностей мировой паутины, вовлечения в среду производства тиражируемых текстов (и прежде всего рекламных) полупрофессионалов или даже дилетантов (не понимающих силы слова) растет, и это сегодня очевидно – негативное воздействие слова изреченного на человека. Именно сфера информационного обмена стала полем сражения двух энергий. И именно там, в невидимом нам мире, посредством СЛОВ-МЫСЛЕЙ конструируются, зарождаются будущие реалии земной жизни.

Не понимать этого, значит, не понимать значения и воздействия на общество представителей профессий, занятых в этой отрасли (в первую очередь писателей, журналистов). Это важно понять обществу. И это четко должен знать каждый, кто работает со словом. И, понимая это, взяв на себя профессиональную ответственность, нужно уметь оценивать, что слово изреченное несет людям, чему оно способствует и что проецирует в будущее...

Естественно, убежденных проводников разрушительной энергии, служащих распаду, не переубедишь. Такова их роль в этом мире единства и борьбы противоположностей, в мире двух полюсов, в мире *инь* и *ян*, добра и зла, света и тьмы... Но, к сожалению, в их стан забредает по недомыслию немалое количество не разобравшихся, не понявших роли и значения Слова, но соблазненные либо блеском ложной (геростратовой) славы, либо деньгами (сребреником), они неразумно помогают силам разрушающим: средь ли, в которой мы все живем; страну ли, служить которой наше предназначение; свет ли, который греет нашу душу...

И об этом стоит задуматься каждому и прежде всего тем, кто избрал делом своей жизни работу со словом.

Главный вопрос

Поколение за поколением человечество отвечает на этот вопрос. Он вечен и всегда нов для живущих. Хорошо помню дебаты в юности под расхожей темой «В чем смысл жизни?». И по сей день не могу однозначно сказать, в чем же конкретно этот самый пресловутый смысл... А если без всякого смысла, то в принципе и вопроса-то нет: пришли, отжили и ушли... Но тогда встает другой, не менее трудный: «Куда ушли?».

В памяти, как шрам на всю жизнь, остался страх первого детского осознания смерти, конечности бытия. Помню, именно от этого страха, я не был на похоронах своего деда Ивана Савицкого. По этой же причине плакал по ночам, жалея родителей, соседей-старичков, собачек и кошечек... И конечно же, себя...

Поиск ответа на вопрос, куда уходят из этой жизни, особенно интенсивным был в студенческие годы. Учась в политехническом институте, делать это можно было лишь в свободное время, ибо основными и единственными философскими дисциплинами в учебном процессе были истмат (исторический материализм) и диамат (диалектический материализм). А наиглавнейшей – история КПСС. Я начал с того, что было доступно и не запретно, но и не обязательно, с сочинений Гегеля. Это было трудное и неусвояемое чтение. (До сей поры для меня остается загадкой, столь обтекаемо неясно мыслил сам автор или же переводчик нарочито витиевато изложил философские постулаты.) Одним словом, опыт самообразования оказался тем самым первым «блином комом», который надолго отбил у меня охоту к трудам мудрецов. И тем не менее я еще по инерции помусолил Платона. Но он тоже тогда показался скучным, а тут подвернулся Сартр с его экзистенциализмом, свободой от общества, затем Кант с «вещью в себе». Но ближе всего лег к душе того периода дзэн-буддизм, с которым мы знакомимся по невесть откуда добытой перепечатке книги (не помню автора) в пестром самодельном переплете.

Дзэн-буддизм помог защититься от прессинга системы, не увлечься погоней за материальными благами, но не ответил (во всяком случае, мне) на искомый вопрос. Первой книгой, которой я если не поверил до конца, то, во всяком случае захотел это сделать, стала столь же невесть откуда залетевшая «Тибетская книга мертвых», поразившая меня посильнее всяческой фантастики, ибо рассказывала о переселении душ, о новых жизнях и о том, что вернуться в человеческий облик – самое нежелательное из возможных загробных путей души...

Не только проповедником, но и носителем таких идей в обществе сугубо атеистическом, материальном быть было непросто. Отчасти по причине таких интересов в студенческие годы я удосужился стать белой вороной, а затем долгие годы ощущал на себе пристальное внимание комитета государ-

ственной безопасности, благодаря чьей опеке пару раз лишился стремительного карьерного взлета: в Красноярске, когда было предложение пособкорить на одну из центральных газет, и в Ставрополе, когда поздравление первого секретаря крайкома комсомола с началом деятельности в роли инструктора крайкома по работе с творческой молодежью оказалось преждевременным...

Непросто было и постигать вызвавшие интерес идеи, ибо литературы подобной тематики легально не было, а нелегально – в очень ограниченном количестве. Да и среда не стимулировала этот интерес, а всячески уведила в иную сторону...

И не только среда, в молодости и зрелости материальный мир весьма жестко держит нас: собственная карьера, материальное благополучие семьи, подрастающие дети, зависимость от чужих оценок... Духовное незаметно отходит на задний план, о собственной смертности как-то забывается... Но приходит время, и детский страх возвращается. И вновь пробуждается желание ответить хотя бы самому себе, что же там, в неведомом, но и существующем... ли...

Реалии среды

Комплекс недоучки

Сразу после явления на просторах российских демократического шабаша (хотя изначально будущее никак не виделось сторонникам смены режима шабашем) в производственной сфере (прежде всего в столице) родилось новое определение и новая прослойка, которую окрестили «гоблинами». Так стали называть наемных работников (в столице – прежде всего провинциалов), которые за мизерное содержание готовы были трудиться не покладая рук на своего новоявленного хозяина-нувориша.

Схема эксплуатации была проста и сверхприбыльна. Работника брали на мизерную зарплату с немаленьким испытательным сроком, сдобривая подобные условия щедрыми обещаниями карьерного и материального преуспеяния в не очень отдаленном будущем. Но, как правило, накануне наступления этого долгожданного праздничного дня вдруг выяснялось, что работник, увы, не соответствует требованиям, и поэтому испытательного срока не прошел.

А на столе хозяина уже давно ждала пачка резюме новых претендентов, и оставалось лишь выбрать очередного «гоблина»...

Конечно, эта схема широко использовалась и эффективно работала, прежде всего, там, где не требовалось особых знаний и умений. Например, в торговле... При найме уличных, лотошных или палаточных продавцов.

Но на самые низшие, «побегайловские» должности вполне можно было нанимать «гоблинов» и в несолидных и не особо заботящихся о своем имидже, но, тем не менее денежных изданиях или фирмах. (В той же желтой прессе.) Главное, чтобы их, жаждущих скорого материального изобилия, поток не иссякал...

...Шли годы, спрос на подобных «специалистов» то уменьшался, то увеличивался, но не исчезал. И даже приподнимал профессиональную планку

их использования. Отчасти этому способствовал выброс на рынок труда большого количества выпускников частных вузов, выросших за считанные годы, словно грибы после благодатного дождика. Многие из них, несмотря на наличие дипломов, влились в колонны «гоблинов». Такое отношение к молодым специалистам было продиктовано не только меркантильными соображениями работодателей, желанием сэкономить на их заработной плате, но и уровнем профессиональной подготовки, который имели обладатели дипломов, полученных не столько за знания, сколько за плату. Уровень этот был весьма далек от требуемого.

Но настало время, когда для большинства (уже определившихся в своей направленности и специализации) предприятий кадровую проблему не могли решить никакие «гоблины». И именно профессиональный уровень стал напрямую влиять на прибыль. Развивающейся новой экономике требовались подготовленные и способные к дальнейшему практическому обучению специалисты. Спрос на них стал стремительно расти. Но спрос именно на качественно подготовленных, пригодных к самостоятельной работе, а не носителей дипломов. Колоссальное количество вузов в стране (частное образование оказалось делом прибыльным) продолжало штамповать профессиональные полуфабрикаты. И в то же время множество фирм постоянно объявляло о своей потребности в специалистах. (Особенно это видно по самым «одипломленным» профессиям юриста и экономиста.)

Стремительное развитие рынка средств массовых коммуникаций требовало выпускников университетов, специалистов новых профессий, предоставляя рабочие места тем, кто являлся, не имея возможности отвергнуть некачественное предложение. Спрос превысил предложение, а выбрать было не из кого. По этой причине уровень печатных изданий, теле- и радиопрограмм неизбежно должен был и становился все ниже.

Это закономерно.

И сложившаяся ситуация вполне объяснима.

Разрыв между уровнем подготовки специалистов, требующихся обществу, работодателю, и уровнем тех, кого готовили учебные заведения, становился все больше. Это касалось всех отраслей, и СМИ в первую очередь. И в конце концов традиционные СМИ, нуждающиеся в журналистах с хорошей профессиональной подготовкой, стали уступать более примитивной, менее затратной желтой прессе, охотно использовавшей профессиональные полуфабрикаты, которая в свою очередь начала активно формировать свою, уже менее притязательную и интеллектуальную аудиторию, прежде всего из подрастающего поколения.

Причина подобных изменений (помимо коммерциализации учебных заведений) была еще и в том, что в вузах либо остались старые кадровые преподаватели, не знающие, не понимающие, порой не желающие понять глубинных процессов, происходящих за стенами вуза, и продолжающие излагать

неактуальные знания, либо пришли новые, обжегшиеся на практическом бизнесе, не вписавшиеся в новые обстоятельства жизни и знающие реальную экономику, производственные отношения либо понаслышке или по давнему, еще советскому опыту, либо по неудавшейся собственной попытке. (Теоретических разработок, а, следовательно, учебников, позволивших хотя бы излагать происходящее в обществе и экономике, еще не было.) Изменения в реальном производстве были столь стремительны, что их не могла догнать ни методологическая наука (да, собственно, и некому было ее создавать: организаторы новых производственных структур трудились не покладая рук, а у преподавателей вузов не находилось времени, да и не было особого желания вникнуть в происходящие процессы и перемены), ни высококобыте теоретики.

Единственно верным решением было использование в высшем учебном процессе практиков. Что собственно и стали делать многие вузы.

Есть и еще один немаловажный фактор.

Теперь уже очевидно, что динамика развития общества потребления (в которое мы все столь благополучно вляпались) повысила производственную стоимость каждой минуты нашей жизни. Праздность в студенческие годы, которая вполне допускалась и даже в какой-то мере поощрялась в обозримом прошлом (участие в общественной деятельности, занятия спортом, участие в кружках, клубах по интересам и т. п. в ущерб учебному процессу), стала материально невыгодной. Универсальность, как эталон качества обучения, когда студент факультета журналистики проходит практику после каждого курса на новом месте и в новом амплуа, экскурсионно знакомясь поочередно с работой радио, телевидения, пресс-служб или газет, нынче абсолютно не нужна. И даже вредна. Специализация с первого же курса и стабильное параллельное вхождение в практику выбранной профессии – вот что необходимо в таком обществе. В этом случае выпускник к получению диплома приобретает необходимый минимум практических навыков и будет востребован как специалист.

Но такая ранняя и целевая специализация требует иного уровня подготовки старшеклассников. Они должны, уже поступая в вуз, четко знать, чем будут заниматься после его окончания, и быть уверенными в правильности сделанного выбора. А это возможно лишь в том случае, если еще до поступления или на первом курсе до практики будущий специалист получит исчерпывающую информацию о профессии и утвердится в принятом решении.

Пока столь ранний профессиональный выбор делают единицы. Система среднего и высшего образования все еще по инерции продолжает пичкать всем, что подворачивается под руку. А практики в большинстве вузов, как и прежде, носят экскурсионно-ознакомительный характер и поэтому ничего не дают. Основная масса студентов и к пятому курсу не уверена в правильности своего выбора специализации или даже профессии. Но и определившиеся не всегда четко представляют, каким образом, за счет чего будет строиться их карьера.

Есть еще одна немаловажная проблема, которую не следует игнорировать. В гуманитарных вузах преобладает женская аудитория. И каждая студентка в свое время должна ответить на вопрос, что для нее главнее – семья или профессия. А исходя из изменений усредненного типажа мужского пола (дает о себе знать многолетнее воздействие женщин на подрастающих мужчин: с детства до университета именно они воспитывают словом и примером, кстати, и дедовщина в армии в свое время возникла как нецивилизованная система перевоспитания слишком оженственных (обабленных) ребят), который становится все более женоподобен, главенствующую роль в семье готова взять на себя именно молодая женщина.

И в этом случае профессиональная карьера в подобной дилемме становится главной.

Но для того, чтобы ее сделать, необходимо как можно раньше разобраться в своих способностях и склонностях.

Основная часть студенческой аудитории в карьерных устремлениях видит три направления: наука или преподавание в вузе (ученые степени, в первую очередь, преподавательский опыт и должности – во вторую); специализация (цель: подняться на верхнюю ступеньку карьерной лестницы, в частности, в журналистике определяются две престижные роли: обозревателя и телеведущего); управленческие функции (должностной рост без обязательного профессионального мастерства).

Науку выбирают немногие. Менеджмент в силу общности понятия, нескрываемости в процессе обучения (в непрофильных вузах это далеко не главная дисциплина) и из-за недостатка конкретной информации кажется туманным.

Создание собственного дела (требующего сочетания всех факторов) практически никого не привлекает. (Я имею в виду рядовые, не элитные вузы, где заведомо формируются управленческие притязания.)

Вот эта неопределенность молодых специалистов и является одной из главных причин профессионального разочарования или несостоятельности в дальнейшем и краха карьерных мечтаний.

Немаловажный аспект в трудовой сфере – это отношения между работодателем и работником. Большинство нынешних выпускников покидает вуз с явным или скрытым комплексом недоучки и вызванной этим неуверенностью. Везет лишь целеустремленным, рано сделавшим выбор и приходящим в коллектив, где его уже знают. И, тем не менее, даже в этом благоприятном случае работодатель, естественно, установит с ним дискриминационные отношения.

Опыт показывает, что редко кто из молодых специалистов, уже работая, может четко объяснить, на каких условиях он участвует в производстве, какими правами обладает, каковы реальные перспективы роста, да и есть ли они вообще. Выпускник приходит с настроением доучиваться (если не переучиваться), и работодателя этот подход вполне устраивает, и он старается закрепить подобное положение.

Чем дольше будет ощущать себя учеником молодой специалист, тем выгоднее работодателю. Это позволяет ему экономить на заработной плате. (Если это конечно не чиновничья среда, где прибыль – понятие абстрактное, но, правда, и там существуют мотивации для замораживания такой ситуации.)

Как правило, редко кто из работодателей сразу же предлагает молодому специалисту заключить контракт, в котором четко оговариваются обязанности обеих сторон. Зачастую по старинке пишутся заявления о приеме на работу – и сообщается заработная плата. А далее работодатель поступает так, как считает нужным.

В средствах массовой информации значительную долю заработка составляет гонорар. Он в принципе и должен стимулировать качественный рост специалиста. Но именно гонорар и есть та самая неопределенность, которая не всегда изначально оговаривается и остается на совести работодателя. К сожалению, для молодого специалиста, даже спустя годы, набравшись опыта и умения, он очень редко (лишь в том случае, если действительно представляет из себя ценного, незаменимого работника) может диктовать свои правила в этой деликатной сфере, и определение суммы вознаграждения за творчество остается прерогативой работодателя.

Контракт, как правило, предусматривает все стороны отношений, включая и творческую, а также, что не менее важно, срок его действия. Указание срока – это мотивация ожидаемых перемен для обеих сторон, и поэтому его перезаключение по окончании срока воспринимается менее болезненно и проходит более компромиссно.

И все же нужно всегда помнить, что заключение контракта – это торг, в котором обе стороны (держа в уме желаемое и объявляя либо завышенные притязания, либо заниженную оценку) пытаются переторговать друг друга. И в данном торге, естественно, более опытным является и в более выгодной ситуации находится работодатель.

Таким образом, можно сделать вывод, что система «гоблинов» в какой-то мере жива и по сей день, видоизменившись и обрядившись в модные наряды мелких, хотя порой и частых подачек. Но противостоять этой системе можно, лишь имея объективную самооценку своего умения и своей практической подготовки.

И должен быть спрос на это умение.

Маркелов Николай Васильевич (род. 30.05.1947) – писатель, публицист, главный хранитель Государственного музея-заповедника М.Ю.Лермонтова в Пятигорске. Автор ряда книг о Лермонтове и Пушкине в их связи с историей Кавказа и более 300 статей и публикаций о русских писателях на Кавказе и о событиях Кавказской войны XIX века.

Н.В. Маркелов – лауреат премии журнала внутренних войск МВД Российской Федерации «На боевом по-

сту» – за серию очерков военной истории Кавказа, лауреат премии имени Германа Лопатина Ставропольской краевой организации Союза журналистов России – за цикл статей «Кавказские силуэты», лауреат премии губернатора Ставропольского края в области литературы имени А.Т. Губина. Награждён медалью Лермонтова, учреждённой Российским Лермонтовским Комитетом, и Золотой медалью Международного фонда имени М.Ю. Лермонтова. Ему присуждён грант президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства.

Николай Васильевич Маркелов родился в Минеральных Водах в семье известного на Ставрополье журналиста В. С. Маркелова. В 1950-м семья переехала в Пятигорск, где Василий Семенович долгое время возглавлял редакцию газеты «Пятигорская правда». Еще в школьные годы Николай увлекался чтением книг, прекрасно писал сочинения. Уже в шестнадцать лет его небольшие заметки и рецензии публикуются в местной прессе. Будучи учеником пятигорской средней школы № 1 имени М. Ю. Лермонтова, Николай с друзьями-одноклассниками участвовал в создании школьного музея поэта. Увлечение творчеством М. Ю. Лермонтова определило его дальнейшую судьбу. Окончив филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Николай Маркелов возвращается в Пятигорск.

С 1988 года работает в должности главного хранителя Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова, прилагая усилия к сохранению и приумножению музейных коллекций.

Николай Маркелов свободно владеет материалом, насыщенным именами, событиями и живописными подробностями минувших эпох. Это составляет совершенно особую манеру повествования: неторопливую и достоверную, без лишнего пафоса, с полным и уверенным знанием и основных положений, и всех мелких деталей, с доверительной интонацией и беспристра-

стием историка, пристально и внимательно перечитывающего вместе с нами страницы кавказской старины.

Писатель предполагает опубликовать еще несколько книг, посвященных Кавказу.

* * *

Где рыскает в горах воинственный разбой...

Белинский, как никто другой, восхищался «Кавказским пленником» Пушкина и под впечатлением от поэмы называл Кавказ страной широкой, раздольной воли. Однако в одном из пятигорских писем критик обмолвился, что черкес, плен и мучительное рабство для него синонимы. Это же противоречие подметил и Лев Толстой, писавший о Кавказе, что «действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода». Но следствием войны зачастую оказывалась как раз несвобода, плен. Наш рассказ – о пленниках гор, реальных и литературных, ибо вымысел всегда порождается жизнью, а жизнь иногда превосходит самую причудливую фантазию.

Гнездо разбойничьих племен...

Первая, нечаянная поездка Пушкина на юг подарила читающей России «Кавказского пленника». Почти все лето 1820 года поэт провел на Горячих Водах. Сюда он приехал с семьей генерала Н. Н. Раевского, младшего сына которого, Николая, знал еще в лицейские времена. «Два месяца жил я на Кавказе, – сообщал он в письме от 24 сентября 1820 года брату Льву, – воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных. Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор».

Молодой курорт, расположенный близ Константиногорской крепости, имел довольно живописный вид. «Вообще картина, – замечает современник, – которая представлялась взорам новоприбывшего на воды при въезде в Горячеводскую долину, поражала своею необыкновенностью: она зараз напоминала и военный лагерь, и шумную провинциальную ярмарку, и столичный пикник, и цыганский табор.

Вид Кавказских гор на горизонте, казавшихся Пушкину «недвижной цепью облаков», произвел на него неизгладимое впечатление. В письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 года поэт с оттенком сожаления вспоминал, что «с вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса». Не имея возможности приблизиться к этим главным исполинам Кавказа, Пушкин все же не упустил случая покорить все доступные ему тогда вершины Пятигорья. Несмотря на летний зной,

он проявил себя как неутомимый путешественник и всходил, как сам отмечает в упомянутом письме к брату, «на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной». Подобные экспедиции были в те времена небезопасны и совершались, разумеется, не в одиночку и, как правило, верхом. Семью генерала Раевского в поездке на воды сопровождал, например, надежный казачий конвой.

Здесь же, под сенью покоренного Бештау, Пушкин пережил минуты нового вдохновения. В Посвящении к «Кавказскому пленнику», обращенном к Николаю Раевскому-младшему, он вполне определенно говорит, где возник замысел поэмы.

*...Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аул и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души молодые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?*

Работая над «Пленником», Пушкин часто возвращался мыслью к тем дням, что провел среди картин «природы дикой и угрюмой», и перо его не раз выводило на полях рукописи то дорогой сердцу профиль, то очертания крутых, каменистых склонов Бештау. Сюжет поэмы ему подсказала разгоравшаяся на Кавказе война. Русский пленник, которого на аркане приволокли в черкесский аул, едва находит в себе силы, чтобы осмотреться вокруг.

*И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада,
Гнездо разбойничьих племен...*

Последняя строка, звучащая, казалось бы, как поэтическая метафора, на самом деле приоткрывает реальные обстоятельства, сложившиеся в районе Пятигорья. Еще в 1777 году Екатерина II подписала указ о строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии, дабы оградить южные российские пределы от набегов и разбоя. В состав линии первоначально входило десять крепостей. Однако время и первый же опыт пограничной жизни в предгорьях Кавказа заставили сделать незамедлительные дополнения. На имя светлейшего князя Г. А. Потемкина последовал рапорт о необходимости сооружения крепости в районе «Бештовых гор»:

«Хотя при поднесении всеподданнейшего Ея Императорскому Величеству от вашей светлости доклада о заведении линии и не полагалось крепости при Бештовых горах по неизвестности испытанных дерзновений кабардинского народа и в рассуждении подданства к Самодержавному Ея Вели-

чества скипетру, но как по обстоятельствам открылось, что кабардинцы, соединяясь каждый раз под теми горами с кубанцами, беслиненцами и прочими своими соседями, все советы, все приготовления свои к злодейству устраивают там и в случае погони находят свое закрытие в ущелинах их, то для пресечения таковых скопищ и для предудержания от злодейства весьма за нужное полагаю я там построить сверх прежде апробированных одно укрепление, сообразное прочим крепостям...»

Репорт подписал астраханский губернатор генерал-поручик И. В. Якоби. Крепость же, воздвигнутая вскоре на берегу Подкумка у склонов пятиглавого великана Бештау, получила название Константиногорской (по имени второго внука Екатерины). Близ крепости, там, где высится Машук – «подаватель струй целебных», возникло поселение Горячие Воды, ныне всемирно известный Пятигорск, дальнейшая слава которого связана была уже не с успехами русского оружия, а с успехами отечественной словесности.

Название Бештау несколько раз встречается в планах и черновиках пушкинской поэмы. Сколь можно судить, первоначально и место вынужденного пребывания пленника должно было находиться где-то вблизи этой горы. Вот один из черновых вариантов, в котором приводится окружающий героя ландшафт:

*Порою вечера ненастной
В пещерах дикого Бешту
Любил он ветров вой ужасный
И бури мрачной красоту.
Когда [над ним] [густели] тучи,
Волнуясь вокруг пяти холмов,
И по пустыне прах летучий
Вился, как сумрачный покров,
И в полукруге их двуглавый,
Блестя ледяным челом,
Эльбрус [огромный, величавый]
Белел на небе голубом*

Однако нахождение русского в неволе, практически у самых стен русской же крепости, выглядело бы явной натяжкой, и автор, видимо, по этой причине отказался от уточняющих топонимов.

В глухих ущелиях Кавказа...

Основные события войны разворачивались все же в некотором удалении от Горячих Вод, и, понимая это, Пушкин признавался в уже цитированном письме к Н. И. Гнедичу, что «Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущелиях Кавказа – я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца – где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа <...>».

К счастью для русской литературы, сам Пушкин в глухие ущелья так и не попал, но что там творилось на самом деле, мы попробуем себе представить.

Справедливости ради отметим, что литературную моду на кавказских пленников открыл для русской читающей публики французский писатель. Звали его Ксавье де Местр. Уроженец Савойи, с присоединением последней к Франции Наполеоном он эмигрировал в Пьемонт, откуда в 1800 году попал в Россию вместе с армией А. В. Суворова, возвращавшейся из Итальянского похода. Стал офицером русской службы, участвовал в кампании 1812 года. Несколько лет воевал и на Кавказе, где его внимание привлекла история офицера, побывавшего в плену у чеченцев. В ноябре 1808 года майор Каскамбо и несколько других офицеров, сопровождаемые небольшим казачьим конвоем, отправились из Моздока в Ларское укрепление на Военно-Грузинской дороге. Путешествие длилось недолго: в двадцати верстах от Моздока команда была атакована крупной партией чеченцев, достигавшей четырехсот человек. Многие наши были убиты на месте, другие ранены и захвачены в плен. Каскамбо и его денщик, увезенные чеченцами в горы, провели в неволе больше года. Военные сводки сохранили некоторые подробности этой драматической истории. Вот что сообщалось в рапорте командовавшего тогда на Кавказе генерала А. П. Тормасова в Петербург:

«По переправе Майора Каскамбы на нашу сторону объявил он Полковнику Тарасову, что он избавлением своим обязан Сотнику Чернову, который чрез мирных чеченцов нашел способ открыть с ним сношение и, истощив все средства, чтобы избавить его чрез своих приятелей, послал ему туда по требованию его железную пилочку, чтобы он ею перепилил железа и приготовил себя к побегу в назначенное от него место, что употребивши в пользу, Майор Каскамбо принужден был, наконец, решиться с помощью денщика убить во время ночи хозяина, где он содержался, и жену его собственным того хозяина кинжалом, дабы обеспечить побег свой...»

Повесть де Местра «Пленники Кавказа» опубликована в Париже в 1815 году на французском языке. События здесь представлены еще более жестко, чем это было в действительности: верный денщик Иван хладнокровно убивает старика-хозяина, его невестку и спящего внука – восьмилетнего Мамета, любимца майора. Беглецы, вырвавшись из недр ущелий и находясь уже у заветной цели – берега Терека, вынуждены были все же прибегнуть к помощи здешнего чеченца, согласившегося за 200 рублей укрыть у себя обессиленного в пути Каскамбо.

Отголоски истории Каскамбо, или генерала И. П. Дельпоццо, пробывшего в плену у чеченцев больше года, или какой-то другой, услышанной Пушкиным на юге, и дали, вероятно, первоначальный толчок к замыслу поэмы «Кавказский пленник». В давнем романе Д. Л. Мордовцева «Железом и кровью», посвященном ермоловским временам на Кавказе, приводится эпизод, когда Пушкин вместе с Николаем Раевским слушает в духане на Кислых Водах поразивший его рассказ бывалого казака. Ветеран, на деревяшке и с солдатским Георгием на груди, поведал поэту, как его горцы арканом перетасили за Кубань.

Свободу ему вернула черкешенка Зюльма, сама распилившая узнику кандалы. Как считал Мордовцев, «рассказ этот и послужил темою для знаменитой поэмы Пушкина». В подтверждение автор добавил от себя особое примечание: «В детстве, в 40-х годах, я знал одного донского войскового старшину, который рассказывал мне об этом пребывании Пушкина в Кисловодске».

Ваша слава принадлежит России

В ходе Кавказской войны XIX века ничьё имя не прозвучало так громко и не вспоминается сегодня так часто, как имя генерала Ермолова. Чеченские события последних лет невольно выдвинули из исторического небытия циклопическую фигуру этого главного нашего покорителя Кавказа. Человек громадного роста невероятной силы, Алексей Петрович Ермолов мог одним ударом сабли отрубить голову буйлову. Свой первый Георгиевский крест он получил по представлению самого Суворова. Во время Бородинского сражения он отбил у французов батарею Раевского и тем спас свою армию. Преданность, которую он внушал, была беспредельна. Лучшие русские поэты посвящали ему стихи. Упомянув имя Ермолова в эпилоге «Кавказского пленника», Пушкин ещё много лет держал в центре своего творческого внимания. Его часто упрекают в чрезмерной жестокости к горцам. Но о жестокости Ермолова пусть помнят его враги. Мы же постараемся не забыть того, что этот человек сделал для России.

Вопреки устоявшемуся мнению впервые на Кавказ Ермолов попал задолго до основных событий горской войны – ещё в царствование Екатерины, едва начав свою боевую карьеру. «Двадцать лет назад, – вспоминал он впоследствии, – проезжал я Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодых весьма летах и служа под начальством генерал-аншефа графа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796-м году».

10 мая 1796 года граф Валериан Зубов взял Дербент, издавна считавшийся воротами в Персию. За штурм города Ермолов получил владимирский крест и повышение в чине. Много лет спустя побывав здесь уже как полноправный правитель края, Ермолов невольно вернулся памятью к событиям своей боевой юности. «В Дербенте, – пишет он, – с удовольствием взглянул я на развалины одной башни, где 24 года тому назад устроена была брешь-батарея, которою командовал я, будучи артиллерии капитаном. В положении моём не мог я быть равнодушным к воспоминанию, и если бы не хотел признаться, никто не поверит, чтобы не льстило оно честолюбию». Впоследствии и писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский в одной из своих повестей описал даже холм, откуда ермоловская батарея громила мощные дербентские стены. Кто знает, может быть уже тогда Ермолов пришёл к мысли, которая легла в основу его кавказской стратегии. «Кавказ, – говорил он, несмотря на вздымавшиеся перед ним горы, – это огромная крепость, защищаемая многочисленным, полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать её или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведём же осаду».

Воспоминания кавказского похода ещё долго тревожили Ермолова. В 1812 году (до вторжения Наполеона в Россию) он писал военному министру о необходимости лечения кавказскими минеральными водами и просил определить его на Линию бригадным командиром. Позднее, уже в 1816 году, вернувшись из побеждённой Франции, Ермолов вновь имел намерение отправиться к «минеральным водам на Кавказ», но был вызван императором Александром в Петербург.

Молодые курорты Кавказских Минеральных Вод многим обязаны именно Ермолову, прекрасно понимавшему значение этой лечебной базы для войск Отдельного Кавказского корпуса. В стихотворении, написанном здесь в 1820 году, Пушкин отметил присутствие на водах и «юных ратников на ранних костылях» (так же, как потом и Лермонтов в «Княжне Мери»: в Пятигорске у источника Печорин замечает, что «несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобранных костыли, бледные, грустные»). Когда в 1826 году в городе началось строительство каменного здания Николаевских ванн, то под фундамент была заложена плита с высеченным на ней именем Ермолова. В Пятигорске и по сей день одно из лучших ваннных зданий носит название Ермоловских.

... Самый известный портрет Ермолова был выполнен английским художником Джорджем Доу для галереи Зимнего дворца. Именно об этом портрете вспоминал А.С. Пушкин, рассказывая о личной встрече с пребывающим в отставке консулом Кавказа: «С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом». Вариант этого портрета, где герой изображён на фоне Кавказских гор, на его плечи накинута черкесская бурка, а левая рука опирается на восточную саблю, был весьма популярен благодаря гравюре, сделанной с него Теодором Райтом.

... Ермолов умер на 84-м году жизни и был похоронен в Орле. Перед могилой установили лампаду, устроенную из чугунной гранаты, - скромный дар с надписью: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты». Высокогорный Гуниб – последнее пристанище Шамиля, там он был пленен спустя тридцать лет после того, как Ермолов навсегда покинул Кавказ. И всё же когда Шамиля привезли в Москву и спросили, что он хочет увидеть, грозный имам не задумываясь, ответил: «Прежде всего – Ермолова».

«Ермолову нет нигде памятника, – воскликнул военный историк В.А. Потто, завершив «ермоловский» том своей знаменитой «Кавказской войны». – Но гордые скалы Кавказа составляют несокрушимый пьедестал, на котором истинно русский человек вечно будет видеть величавый образ Ермолова, окружённый лучами бессмертной славы».

Панаско Евгений Викторович (01.06.1946-13.03.2003) – русский советский писатель-фантаст, переводчик с украинского, литературный редактор, издатель, журналист.

Евгений Викторович Панаско родился в Тбилиси, работал токарем на заводе, учился в Куйбышевском авиационном институте (там же работал в институтской многотиражке). Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова.

Евгений Панаско был начитан, эрудит, страстно любил фантастику, прекрасный

фотографировал, талантливо пел, слыл заядлым шахматистом.

Переехав жить в г. Ставрополь, работал в редакциях газет «Молодой ленинец», «Ставропольская правда», «Вечерний Ставрополь» и «Ставропольские губернские ведомости», главным редактором при Ставропольском Фонде культуры. Одним из первых в стране основал инициативное издательство («Кавказская библиотека»), возвратив читателям множество звездных и забытых имен XIX века и подарив неизвестных авторов века двадцатого.

Работая в «молодёжной газете», Панаско собрал вокруг себя книголюбов, впервые за всю историю газеты организовал при ней краевой клуб фантастики «КЛЮФ». Был участником Всесоюзного семинара молодых писателей-фантастов (знаменитой «Малеевки»), а также первого областного семинара КЛФ в Перми в 1981 году. Посещал фестивали «Аэлига-82», «Соцкон-89», «Волгакон-91» и др.

В 1991 году после многолетнего перерыва (с 1949 года), благодаря энтузиазму и усилиям Е. Панаско, подготовлен сборник фантастики «Украсть у времени», собранный из произведений ставропольцев.

Евгений Панаско преподавал в Ставропольском государственном университете на отделении журналистики курс «Техника и технология СМИ», перевел на русский язык роман украинского писателя Юрия Смолича «Падение доктора Гальванеску», а в последние годы работал над созданием региональной украинской газеты. Его творчество прервалось внезапно. Последний (неопубликованный) рассказ писателя – «Из любви к искусству».

Евгений Викторович Панаско неожиданно умер в 2003 году.

Похоронен в селе Сенгилеевское (в последнее время он жил в деревенском доме, как любил говаривать, – «на природе»).

Евгений Панаско пытался выявить основы и сферы человеческого бытия, индивидуальности и уникальности человеческой личности, ее творческих возможностей, смысл бытия.

* * *

Это Вам не заграница – это Ставропольский край!

В 80-е годы XIX века население Советского Союза ощутило ветры грядущих перемен. В свет начали выходить книги известных диссидентов. Но в Ставропольском крае партийная цензура действовала неумолимо. Об этом периоде – письмо журналиста Евгения Панаско писателю Александру Солженицыну.

Вместо предисловия

В 1989 году в Ставропольском книжном издательстве вышла знаменитая книга Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Вслед за ней планировалось – еще до выхода «Архипелага ГУЛАГ» в «Новом мире» – издание книги Александра Солженицына «Август 14-го». И это в то время, когда партийно-советское чиновничество крепко держало в руках поводки писательских упряжек!

Разразился скандал. «Возмутитель спокойствия», заместитель главного редактора книжного издательства Евгений Панаско, потерял работу.

Изгнанный, но не сломленный журналист пишет Александру Солженицыну полное горькой иронии письмо, которое до адресата не доходит.

Много лет спустя мне в руки попала копия того послания. Думается, что история, рассказанная опальным журналистом, актуальна и сегодня – как документ нашего недалекого прошлого, когда подавлялась всякая неугодная власти творческая инициатива. И как память об одном из порядочных и талантливых наших земляков, Евгении Викторовиче Панаско.

*Герман БЕЛИКОВ,
член Союза писателей России*

Круг расколдован?!

*История о том, как впервые в СССР,
на родине Александра Исаевича Солженицына,
готовился к печати роман “Август 14-го” и что из этого вышло*
...Фрагмент беседы с редактором книжного издательства

Евгением Панаско:

- Евгений, известно, что все права на издание своих книг в СССР А. Солженицын доверил “Новому миру”, то есть своей литературной родине, в лице сотрудника журнала В. Борисова, которому писатель, безусловно, доверяет ещё со времён Твардовского. Как же случилось, что рукопись получили вы?

- При нашей встрече в Москве Вадим Михайлович уважил просьбу земляков Александра Исаевича. Сейчас В. Борисов в США. Там он, в частности, определяет с автором детали и этого издания. Однако некоторые условия ясны уже сейчас. Книга не будет содержать иллюстраций, предисловия

и послесловия. Никаких комментариев. Только краткая справка об авторе. Читатель должен, по его праву, остаться наедине с текстом.

- *Можно предположить, что возникнут трудности даже с краткой справкой. Вокруг этого имени столько легенд, в том числе, конечно, и в крае...*

- Да. В частности, довольно устойчивый апокриф, бытующий на Ставрополье, связывает Александра Исаевича с селом Саблинским Александровского района. Я там бывал... Один из двух родовых домов Солженицыных, каменный, сохранился. Это довольно большое здание с шестью окнами по одному фасаду, с тремя – по другому. Там сейчас медицинское учреждение. Старожилы, по их словам, помнят Александра... По другим сведениям, по-видимому, более близким к истине, Александр Исаевич наиболее тесно связан всё-таки с Кисловодском, откуда впоследствии уехал в Ростов. А в Саблинском либо вовсе не бывал, либо бывал наездами.

- *А почему при публикации на Ставрополье был избран именно “Август...”?*

- В романе 75 глав. В девяти из них действие происходит на территории края. Саблинское, Пятигорск, территория нынешнего Александровского района, Минеральные Воды... Колоритная ставропольская речь. Прекрасно выписанные характеры.

- *Несколько слов об истории романа.*

Работа над ним была начата ещё в 1937 году, в Ростове-на-Дону. Там, во всяком случае, автор начал собирать материал. Впоследствии, по известным причинам – война, лагерь – работа приостановилась до 1963 года. Но черновики чудом сохранились. Вдобавок Солженицын получил уникальную для того времени возможность работать в отечественных архивах, где до него не работал практически ещё никто. В 1971 году, без разрешения автора, роман был впервые издан на Западе. И работа над книгой Александр Исаевич продолжил уже за рубежом, после высылки из СССР.

Тогда, семидесятые, будучи студентом факультета журналистики, я был на встрече с А. Чаковским. Редактор “Литгазеты” крайне неодобрительно отозвался о романе, в котором увидел преклонение перед немцами, издевательство над русским народом. Слова Чаковского показались мне весьма убедительными, хотя книги, конечно, я не читал. Помню, говорилось ещё о неблагодарности Солженицына, которого первым из советских литераторов допустили к уникальным архивным источникам...

Теперь я вижу, что Александр Исаевич глубоко и весьма концептуально воспользовался такой возможностью.

- *О чём же роман?*

- Читая сейчас эту эпопею о разгроме армии генерала Самсонова в первой мировой войне, я нахожу немало аналогий с “Войной и миром”. Внимательный читатель заметит и полемику с Л. Толстым. Например, роль масс и личности в истории Солженицын трактует по-своему, в пользу личности.

Теперь мне кажется, что тогда, на встрече, А. Чаковский мог и покривить душой. Он не мог не понять, что это весьма патриотическая книга. Да, в ней отдаётся должное порядку и организованности немцев. Но в не меньшей степени – и героизму русского солдата, отчаянию офицерства, отдающего себе отчёт в выдающихся качествах наших воинов, но пасующего перед продажностью и бездарностью высшего руководства.

- Многих удивляет, что Солженицын молчит, не делая заявлений по поводу того, что происходит у него на родине.

- В ответ на примерно такой же вопрос в интервью журналу “Тайм” наш земляк ответил, что замолчал ещё в 1983-м, когда в стране не было и намёка на изменения. И что не видит причин теперь прерывать работу, чтобы выступить в качестве политического комментатора. Автору уже за 70. Он торопится завершить эпопею “Красное колесо”, частью которой является “Август 14-го”... Абсолютно уверен, что все произведения Солженицына будут опубликованы на родине. “Архипелаг ГУЛАГ” уже начал открытое шествие в восьмой книжке “Нового мира”.

*Беседовал Марк Шкляр
“Ставропольская правда”, 15 октября 1989 года*

Е. В. Панаско – А.И. Солженицыну.

Необязательное приложение к письму от 22.09.94

Ставропольское книжное издательство, в котором я проработал несколько лет, с трудом вырвавшись из газетной лямки, было и есть издательство ничем не выдающееся, провинциальное, находившееся тогда под пятой Госкомиздата РСФСР, ну и, конечно, крайкома партии. Директора менялись там примерно в два года раз, и то неполных: на мою долю пришлось их трое.

Подписывая моё заявление об уходе из газеты, тогдашний редактор “Ставропольской правды” Иван Михайлович Зубенко, в недавнем прошлом – помощник первого секретаря крайкома партии М. С. Горбачёва, напутствовал меня так:

- Ты подумай ещё, подумай, куда ты идёшь. Ведь там же пьянь одна, в этом издательстве, туда идут те, кому идти уже некуда, несостоявшиеся люди, это же кладбище журналистов, отбросы общества! – Года через два сам он, вывалянный в грязи очередным “первым”, выброшен будет из “Ставрополки” на это самое кладбище и станет моим третьим директором. Но мы оба этого ещё не знали.

Всё же мне показалось вначале, после газетчины, что в издательстве – свободнее, спокойнее, что не *достаю*т там так, как в той же “Ставрополке”.

Как раз повеяло чуть каким-то ветерком – земляк наш провозгласил перестройку. И мы в издательстве, преодолевая не только госкомиздатовское самодурство, но и местную инерцию, которая в коллективе сложилась, невзирая на смену директоров, давно и прочно, тоже начали *перестраиваться*.

Это означало некоторый поворот к общественному, так сказать, мнению, к формированию издательского плана с учётом того, чего хочет читатель. Правда, лозунг об издании того, чего ждёт читатель, провозгласить было легче, чем осуществить, потому что читатель, конечно же, хотел и ждал живого автора, а не мёртвого, но ведь Тургенев, Толстой и Дюма денег не просят, а живому – платить! Ну – одну, одну хоть позицию! Выбили. Читателя опосили. Читатель – выбрал.

Читатель выбрал знаменитый в то время роман “Дети Арбата” Анатолия Рыбакова. Вокспопули – воксдеи! Так что рассказ о том, почему не вышел в Ставрополе “Август 14-го”, начинается с “Детей Арбата”.

Проблема была – протащить Рыбакова в план в обход госкомиздата. Было совершенно очевидно, что реакционный российский комитет вырубит “Детей Арбата”, и вырубит с треском. Пошли на хитрость. Чтобы не подставлять директора (второго по моему счёту), я от своего имени, оставшись “на хозяйстве”, написал письмо в “большой” госком, союзный, и моментально оттуда разрешение получил. Тотчас заключили договор с Рыбаковым; “наш” комитет был поставлен перед фактом.

За этот факт, разумеется, издательству попало крепко, да и на моей судьбе вся эта история сказалась, но рассказать следует о другом.

Я к этому времени уже не раз ездил в Москву по текущим делам, в том числе и пробивать те или иные позиции темплана, преимущественно по художественной литературе. Ну, например, затеваем серию “Зарубежный антивоенный роман” – а как иначе протащить хоть Хемингуэя? Никак! Серия была утверждена, любили тогда все “засеривать”, но вот какую-нибудь “Триумфальную арку” вырубают. На каком основании? Письменно отвечают: время действия романа не относится де к военному периоду. Батюшки! Да читали ль они там, наверху, пресловутого бульварного Ремарка? Ну, еду. Встречаюсь с главным редактором главной же редакции художественной литературы всей матушки России товарищем Свинниковым Валентином Михайловичем. Небольшой такой мужичок, физиономия дулей. Первый раз меня видит, объясняю вопрос.

- Старик, – говорит он мне развязно, – ты что, сам не понимаешь? Ну на хера тебе этот Ремарк? Где Ремарк, там переводчики, Шрайберы всякие, космополиты, у них же родины нет, сегодня здесь, завтра в Израиле; что ты ему, в Израиль валютой гонорар платить будешь? Ты, старичок, бери “Всемирку”, тут всё уже выверено, и любой текст переиздавай. Вот, бери Ивашкевича!

Такой вот уровень.

На этот раз, после нашего финта с “Детьми Арбата”, приезжаю в Москву – в кабинете главного редактора новый хозяин, некто Владимирский. Я – решать обычные вопросы, он же сразу набрасывается: почему через голову получили разрешение на Рыбакова? Как договаривались, отбрёхиваюсь неопытностью. Ладно, говорит, мы запретить уже не можем, но всё же

очень рекомендуем снять, снять Рыбакова, найдите другой роман, столько вокруг авторов, произведений – Иванов, Проскурин... “Да вот, понимаете, читатели высказались, просят... мнение масс...” – бормочу я. Владимирский наседаёт: вы не подумайте, говорит, что здесь какая-то политика, просто очень слабый роман! “Да? Это, – говорю, – совсем другое дело. Я хотел бы вас послушать, набраться опыта”.

- А я, – говорит он, – не читал. Но есть, – говорит, – такое общее мнение. Вы к куратору своему подойдите, к Елене Михайловне, она вам объяснит.

Ну, так и так мне идти к куратору, по своим рабочим вопросам. Беседуем. Она довольно толковая, вежливая, очень красивая, но совершенно мёртвая женщина. Ледяным безразличием так от неё и веет при разговоре. Дочь автора “Белой берёзы”, между прочим.

Разговариваем мы о книжках местных авторов; мало издать, их и потом ещё защитить надо.

Вдруг – с внезапным оживлением, куда и лёд делся, не закончив фразы:

- Да!.. Зачем вы “Детей Арбата” издать-то хотите? Это ведь очень, очень художественно слабый роман!

Я не спорю, я спрашиваю: чем именно?

- Да я, – говорит, – не читала, но это же все знают!

Дословно!

Конечно же, этим не кончается. Вдруг оживает крайком партии. Директора – на ковёр. Рыбакова – снять!

- Нельзя, – говорю я директору, – снимать Рыбакова. Стыдно будет. Надо бороться! Да что, в конце концов, это *Солженицын*, что ли?! Роман напечатан в журнале, издан в центральном издательстве, я у Рыбакова заключил договор уже четвёртый из местных издательств, за рубежом чуть не в каждой стране издан!

- А мне в крайкоме знаешь что сказали? Вот за рубежом, говорят, пусть и издаётся, а у нас тут – Ставропольский край.

Недели две выматывающей обработки. Директор ходит в крайком – стоять там навывтяжку перед секретарями, а мне, на моём, так сказать уровне, по телефону *вставляет дыню* зав сектором печати Иван Шляхтин.

Наконец начальство моё сдаётся. “Ну, всё, – говорит директор, – надо снимать”. Да ведь набор уже готов! И по договору – всё равно платить! Значит, план не выполнен, весь коллектив – без премий. А престиж издательства? Ну – ладно, тогда позвоню Рыбакову, надо же и автору сказать.

А вот Рыбакову, говорит директор, звонить не велено. Сам узнает. Со временем.

Потом мы всё-таки договариваемся: убеждаю, что автору надо сообщить о судьбе издания, остатки приличия того требуют.

Звоню. Рыбаков ничуть не удивляется. Реагирует совершенно спокойно. Это, говорит, происки сталинистов. Уже седьмой случай. Но вы, говорит,

передайте вашему секретарю обкома, что я всемирно известный писатель, и скандал я подниму на весь свет, и весь мир узнает, что ваш обком... крайком?... что ваш крайком противодействует политике перестройки, запрещая издание романа, одобренного политбюро ЦК КПСС.

Вот так, дословно.

А всё же задело. Минут через двадцать сам звонит из Перedelкина.

- Вы знаете, – говорит, – побеседовал я со Скляровым... как то есть кто? Это заведующий отделом пропаганды ЦК... Он будет звонить вашему первому.

На другой день с утра: директора в крайком! Ушёл. Через часок по селектору: ну-ка зайти! И все документы по Рыбакову, – ну, договор там и прочее.

Открываю дверь в кабинет директора. Сидят вдвоём с завсектором печати. Понятно – всё с тем же Иваном Шляхтиным. “Ну, заходи, – весело говорит крайкомовский гость, – сейчас мы твоё персональное дело рассматривать будем”. Шутил, шутил завсектором, но я-то этого наверняка не знал.

- Ах, вот как! – говорю. – Персональное дело! А не ваше ли? Не вы ли, Иван Иванович, противодействуете политике перестройки, запрещая к изданию роман, одобренный ЦК КПСС?

Эх, хороша была фраза! Сейчас так не скажешь...

- Ну, не кипятись, не кипятись... Это что, договор? Давай вот договор и посмотрим, какая тут ставка... А почему максимальная?

Тут я почему-то смутился. Да вот, говорю, как-то так... сложилось так, что ли. Если уж писатель лауреат госпремии...

- А он разве лауреат? – вырвалось тут у Иван Иваныча.

Сошло с меня смущение. Утрись, говорю, Ваня. Он – дважды лауреат...

Короче, наказали нас за то, что мы неоправданно долго тянули с выпуском в свет романа всемирно известного автора, дважды лауреата, романа, одобренного политбюро ЦК КПСС.

...Ободрённые успехом этой борьбы, на следующий год мы ведём себя, по прежним понятиям, просто нагло. Ещё только готовится к публикации в “Новом мире” “Архипелаг ГУЛАГ”, а мы уже читателя опросили, а мы уже с Борисовым Вадимом Михайловичем заключаем договор на издание “Августа 14-го”.

Будем печатать Солженицына!

Кричим об этом, что называется, на всех углах: в печати, в публичных выступлениях. Краевой бибколлектор тут же сгоряча, на подвернувшейся выездной ярмарке, заранее оптом продал чуть не весь тираж.

И точно так же, как год назад с уже вполне безобидным романом Рыбакова, – грянул звонок.

История повторялась почти с зеркальной точностью. За исключением нюансов. Роскомиздат, например, сыграл значительно меньшую роль, потому что над его собственным существованием внезапно сгустились тучи: запахло упразднением сего ведомства! Ну и такой нюанс: когда пришла пора звонить, мы позвонили, естественно не в Вермонт, а в Москву, Борисову, как представителю Солженицына.

И тут уж пошёл разнотой с прошлогодней историей. Куда мог позвонить сам Борисов? В ЦК?

Стало ясно: и Залыгин крайкома не переломит. Это вам, братцы, не заграница, это – Ставропольский край.

Опять я говорю Ивану Михайловичу:

- Нельзя отступать. Стыдно будет!

- Да, старик... Да.

Но мрачен был Иван Михайлович, и не понял я тогда, что за *внутренняя* борьба шла в нём в то время. А она шла. И не то чтобы струсил он врага своего – тот же первый сидел в крайкоме КПСС (*последний первый секретарь*, ах, кабы знать!) Но не об этом, мне кажется, думал Зубенко. Одна, одна мысль из солженицынского романа точила его. Кто виноват? Тот, кто выдвинул *преступный* лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Твёрдости у Зубенко хватало. Вот и такой пример, может, и мелкий, но для меня – существенный. Меня-то, год назад, не дал он в обиду! А давили сильно (как выяснилось для меня позже), требовали моего увольнения с волчьим билетом. А Зубенко сказал им тогда: кончилось ваше время. И трубку повесил.

Но тут – тут шла борьба несравнимая. С самим собой боролся. С Лениным, чёрт возьми, потому что Ленин был – и верой, и правдой, и частью души, и камнем – тем, краеугольным, тронь который – и покатится всё!

...По смешному и дикому случаю вдруг попадаю в больницу. Промедол, баралгин, недели две полной отключки. Но в гипсе ещё правая рука – а я мчусь на работу.

Солженицын – снят.

Влетаю в кабинет директора.

- Старик... – говорит Зубенко, глядя в сторону. – Бумаги, понимаешь, всё равно нет.

Да... была такая проблема. С бумагой – всегда была проблема.

Ну, ничего. Листочек найдётся.

Корявым, не своим почерком, левой рукой пишу заявление.

...Из-за Вас, Александр Исаевич, я всего лишь лишился работы. И поэтому:

- Простите меня!

Попутько Андрей Лаврентьевич (03.09.1920-07.02.2004)- писатель, журналист. Член Союза журналистов России. Участник Великой Отечественной войны, капитан запаса. Кавалер четырех орденов и множества медалей, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат многих журналистских премий.

Андрей Лаврентьевич Попутько родился в селе Никольском Александровского района Донецкой области. В 1941 году ушел на фронт с третьего курса института. После войны приехал в Кисловодск, где с 1949 года работал редактором газеты «Советская здравница».

Впоследствии был редактором районной газеты Благодарненского района, областной газеты КЧАО «Ленинское знамя», директором Пятигорской студии телевидения, позже главным редактором краевой газеты «Ставропольская правда».

В 1963 году вышла главная книга Попутько, написанная в соавторстве с В.Г. Гнеушевым «Тайна Марухского ледника». В процессе работы над книгой журналист Попутько и поэт Гнеушев подключились к исследовательской работе школьных следопытов и написали документальную эпопею о малоизвестной странице Великой Отечественной войны на Ставрополье. Книга имела ошеломляющий успех. Авторы продолжили свои исследования и написали вторую и третью части трилогии под названием «Дыхание лавин» и «Партизанский заслон». Трилогия многократно издавалась и переиздавалась большими тиражами многими областными, краевыми и столичными издательствами страны.

Позже Андрей Лаврентьевич в соавторстве со ставропольским журналистом Ю.Н. Христининым написал книгу «Именем ВЧК». За это произведение авторы получили Почетный диплом Комитета государственной безопасности СССР «За лучшее произведение литературы и кино о чекистах и пограничниках».

Последние годы жизни Андрей Лаврентьевич провел в Пятигорске, работая над книгой воспоминаний «Исповедь журналиста», которая вышла в Ставрополе в 2003 году, за несколько месяцев до его кончины. В этой книге он рассказал не только о своем жизненном и творческом пути, но и нарисовал широкую картину жизни Ставрополья и Карачаево-Черкесии во второй половине XX столетия.

Умер Андрей Лаврентьевич Попутько в 2004 году в Пятигорске.

* * *

Жизнь в аду

Мы, пятигорчане, любим свой город с его роскошными каштанами, с его вечными стражами – Машуком и Бештау, главенствующими над просторами Пятигорья, с причудливо-белоснежной цепью Кавказского хребта на горизонте, увенчанного блестящими ледниками величественного Эльбруса. Особенно хорош и наряден Пятигорск в августе, в дни бабьего лета, когда стоят теплые, солнечные, но не жаркие дни, а по ночам ощущается прохладное дыхание гор. И не случайно это золотое время издавна называют бархатным курортным сезоном. В августе в Пятигорске, как и во всех городах-курортах Кавминвод, особенно многолюдно, шумно, весело. Тогда наш город-курорт – подобие рая земного. Совершенно иным стал Пятигорск в августе 1942 года, оккупированный фашистами. Над ним висел дамоклов меч «акции устрашения», и вся жизнь превратилась в кромешный ад. ...Опустели, стали мертвыми улицы и парки. В городе – редкие прохожие. Спешила мрачные, безликие люди, боязливо обходя развязных и самоуверенных гитлеровцев, считавших себя хозяевами, принесшими на своих штыках «новый порядок». Лихо проносились по улицам легковые и крытые грузовые автомашины с таинственными номерными знаками – ЕК-12-СД.

Никто тогда не знал, что кроется за этими буквами и цифрами. ЕК – сокращенное слово «эйнзацкоманда», что в переводе на русский означает «оперативная команда», а цифра 12 – ее номер. Отсюда и наименование команды ЕК-12-СД. Еще до вторжения в Советский Союз в Германии была создана специальная карательная служба из 12 команд, в каждой из которых было подобрано по 100-150 специально подготовленных

отъявленных головорезов. Команду ЕК-12-СД возглавлял Густав Гент, а затем уже в Пятигорске штурмбаннфюрер СС Винц. Стратегическим планом немецкого командования «эйнзацкоманда-12 СД» предназначалась для широкой карательной акции в Грузии, но так как немецкие войска, рвавшиеся через Марухский, Клухорский, Санчарский и Махарский перевалы в долины Грузии, не прошли, а в Сталинграде назревал разгром

армии Паулюса, «эйнзацкоманда – 12 СД» вынуждена была временно остановиться в оккупированном Пятигорске. И здесь она с размахом развернула свой кровавый «фронт работ». Для проведения широкомасштабных карательных операций эйнзацкоманде требовались надежные исполнители, которых они нашли в лице изменников Родины, деклассированных элементов и уголовников. В Пятигорске гестапо создало так называемую «роту резерва» и конный взвод, которыми командовали бывшие военнослужащие, предавшие Родину, П.В. Пузак и Ф.М. Шнянов. Сама «эйнзацкоманда – 12 СД» расположилась в Пятигорске на улице Советской (ныне проспекту имени Кирова). Подвалы нескольких домов были превращены в тюрьмы, где в нечеловеческих условиях содержались советские активисты и партизаны. Каждую из шести камер набивали жертвами так, что людям невозможно было не только сидеть, но даже нормально дышать. Первую камеру называли камерой смертников – отсюда заключенные шли толь-

ко на казнь. «Эйнзацкоманда – 12 СД» периодически проводила дни так называемых «разгрузок» и «расчисток» тюрьмы. Под предлогом поездки в баню обреченных грузили в специальные машины. Загрузив душегубки сотнями людей и герметически закрыв двери, шоферы включали моторы и направлялись в сторону кирпичного завода, в район так называемой Дубровки, где сваливали в ров трупы удушенных газом. Душегубку сопровождала похоронная группа из заключенных, отобранных в тюрьме. Они выгружали трупы, а затем их самих расстреливали, чтобы замести следы преступления. В августе 1942 года было четыре таких «разгрузочных дня», в результате которых в районе Дубровки зарыли во рву двести человек, отравленных в газовых камерах. Но, пожалуй, самыми страшными днями за все время оккупации Пятигорска стали 5 и 6 сентября 1942 года, которые заранее были тщательно спланированы начальником ЕК-12-СД Винцем. В конце августа он провел в Пятигорске оперативное сверхсекретное совещание, на котором был рассмотрен план кровавой операции по массовому уничтожению евреев, коммунистов, советских

активистов. В своем выступлении Винц, кроме изложения конкретных планов массовой экзекуции населения, с чисто немецкой педантичностью остановился на методике расстрела: «Жертвы ставить лицом к яме. По приказу офицера шутцполиции или войск СС стрелять из винтовок на расстоянии десяти метров. Трупы должны падать в яму вниз лицом. Из душегубок выгружать непосредственно в яму. Тоща все будет зер гут!» – уверенно подчеркнул Винц. Утро 5 сентября выдалось мрачным. По мостовой улицы Советской толпами шли люди. Шли целыми семьями – с узлами, чемоданами, вещмешками и кошелками. Многие женщины несли на руках младенцев, а рядом шагали притихшие, встревоженные дети постарше, держась за руки и юбки матерей. Шли люди молча, в тяжелом предчувствии смертельной опасности, которую приготовили им фашисты. Роберт Пфайфер, известный фашистский специалист по еврейскому вопросу, выполнил приказ Винца: вовремя подготовил текст «Воззвания к еврейскому населению», которое задолго до дня казни было расклеено во всех людных местах Пятигорска. В «Воззвании» к еврейским гражданам предлагалось 5 сентября 1942 года собраться в кавалерийские казармы города с трехсуточным пайком и 30-килограммовой поклажей для переселения в другие места. Чтобы обмануть несчастных людей, фашистский головорез и антисемит Пфайфер с иезуитской хитростью писал: «Население города Пятигорска ставится в известность, что виновные в расхищении еврейского имущества будут без всякого следствия расстреляны». Таким подлым приемом фашисты рассчитывали создать у горожан иллюзию, что евреев собирают не для отправки в душегубки, а для временного переезда «в места, более свободные от населения». Многие и не подозревали, что это их последний путь. Гестапо заранее готовило эту кровавую акцию. Еще в августе оккупационные власти предписали евреям, коммунистам и советским активистам пройти регистрацию в управлении полиции, после чего подвергли евреев общественному унижению, обязав их хо-

доть в городе не по тротуарам, а только по мостовой. В боевую готовность были приведены все карательные части, в том числе и рота резерва Пузака, и конный полицейский резерв Шиянова. Рано утром к кавалерийским казармам, где были собраны тысячи людей и намечалась «загрузка» душегубок, прибыла группа ведущих офицеров гестапо, 15 солдат экзекуционной команды, палачи из «кавказской роты». Вскоре сюда подъехали и душегубки.

По приказу Винца пьяные гестаповцы подводили к машинам небольшие группы людей, отбирали у них вещи, до отказа загружали душегубки и отправляли одна за другой к месту казни в Минеральные Воды. Известная в истории своими ужасами Варфоломеевская ночь меркнет перед жестокостью того зловещего дня 5 сентября. Это было новая Вар-Фоломеевская ночь... только днем.

С утра до вечера на окраине города Минеральные Воды работала дьявольская человеческая мясорубка. Только за один день было уничтожено в душегубках и расстреляно около трех тысяч человек, привезенных из Пятигорска. Целый день над противотанковым рвом слышались душераздирающие крики и истерические вопли обреченных, жесткие команды и окрики карателей, стоял неумолчный шум работающих двигателей машин-душегубок, гремели выстрелы. Одни группы обманутых, ни в чем не повинных людей, среди которых были женщины, дети и старики, поспешно зверски уничтожались на глазах других обреченных, так называемых похоронных команд, которых расстреливали последними. И за всей этой кровавой бойней с садистским спокойствием наблюдал штурмбаннфюрер Винц. О страшных экзекуциях во время отступления фашистов из Кавминвод подробно рассказал на суде в 1948 году военный

преступник Георг Майер. Последнюю партию заключенных, содержащихся в тюрьмах Пятигорска, они второпях погрузили в душегубки и вывезли в район старых каменоломен у подножия Машука, неподалеку от известного Провала, где сбросили трупы с обрыва в карьер. Фашисты спешили, готовясь бежать – ведь к Минеральным Водам подходили наступающие советские войска. Им некогда было рыть ямы. Чтобы замести следы своих преступлений, каратели взорвали уступ карьера и под обломками камней погребли свои жертвы. Таков последний траурный аккорд людоедов из команды ЕК-12-СД.

Полностью «разгрузив» перед бегством тюрьмы, уничтожив узников и похоронив их под Машуком, оккупанты и каратели были твердо уверены, что вместе с телами жертв предали земле и свои чудовищные злодеяния. Но такие кровавые преступления требовали возмездия, палачи должны быть наказаны. Оперативные работники Управления Комитета государственной безопасности по Ставропольскому краю проявили поистине титанические усилия, чтобы поднять завесу над мрачными событиями августа-сентября 1942 года в Пятигорске и других городах края, найти палачей и предать их суду военного трибунала. Как известно, начальник эйнзацгруппы «Д», Отто Олендорф предстал после поражения Германии перед Нюрнбергским международным судом. Первый начальник эйнзацкоманды 12-СДгруппенфюрер Густав Гент был арестован в городе Акен (Саксония-Анголет) в августе 1946 года. Этот сорокалетний эсэсо-

вещ надеялся незаметно раствориться в трудовой массе небольшого немецкого городка и уйти от наказания. Но отвечать все же пришлось: он осужден военным трибуналом на 25 лет тюремного заключения.

Пытался спрятаться в Германии и палач, грабитель Роберт Пфайфер. Но чекисты нашли и этого специалиста по еврейскому вопросу. При аресте в сентябре 1946 года были изъяты часы, различные мужские и женские вещи, награбленные в Пятигорске и Эссентуках во время казни мирного населения. В тайнике Пфайфер хранил и гитлеровскую награду – железный крест, врученный ему в Пятигорске.

Военный трибунал 25 апреля 1947 года приговорил Пфайфера к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение. Шарфюрер СС Герберт Драбант много лет скрывался от возмездия, но был арестован. Суд состоялся в Берлине, куда прибыл ставропольский следователь с семью свидетелями казней.

Среди множества фактов злодеяний один эпизод потряс всех сидящих в зале. Эта трагедия свершилась в балке недалеко от Буденновска. Туда были вывезены более 150 граждан еврейской национальности. В балке их раздели, поставили на край оврага и хладнокровно расстреливали. Очередь дошла до супружеской пары с двумя пятилетними девочками-близнецами. Душераздирающими криками отец и мать умоляли карателей оставить в живых хотя бы маленьких несмышленных близнецов. Их крики были прерваны выстрелами, и оба супруга замертво свалились в овраг. Оцепеневшие от всего происходящего девочки даже не плакали: в их детских головках увиденное, надо полагать, просто не подвергалось осмыслению. Они спокойно, по примеру взрослых встали на колени у края оврага, и одна из них, обернувшись вдруг к карателю, робко спросила: «Дяденька, мы правильно сидим?» Этот простой детский вопрос потряс даже видавшего всякие виды дяденьку. Он вдруг потерял самообладание, зарыдал и, отбросив в сторону автомат, побежал к легковой машине, возле которой стоял, спокойно покуривая, шарфюрер СС Герберт Драбант.

- Что, струсил? Нервишки не выдержали? – со снисходительной улыбкой упрекнул он карателя.

Отбросив окурки, Драбант вынул из кобуры пистолет и поспешил к оврагу. Подойдя вплотную к детям, он выстрелил им в затылок, а затем продолжал стрелять в головы взрослых... Герберт Драбант приговорен к пожизненному тюремному заключению.

...Великая Отечественная война была неимоверным испытанием, когда решалась судьба жизни и смерти нашего государства и нашего многонационального советского народа. Весь цивилизованный мир живой свидетель тому, что мы с честью и достоинством выдержали это испытание. Несгибаемое мужество, самоотверженность, высокий боевой и моральный дух, настоящий патриотизм советских людей непререкаемы...

Пятигорская правда, 2004 года

Пухальская Галина Николаевна (1944–2004) – педагог, театральный критик, член Союза журналистов России, собственный корреспондент газеты «Литературная Россия», художественный руководитель Ставропольского муниципального литературного тетра «Гармония», директор Центра духовно-патриотического воспитания молодежи «Славянский мир».

Галина Николаевна Пухальская родилась в Пятигорске. Рано осталась без родителей. Окончила музыкальное училище и педагогический институт в Ставрополе, аспирантуру в Ленинграде.

Первые стихи были опубликованы в газете «Пятигорская правда».

Слово, глубина и красота русского языка и литературы стали ее профессией.

Преподавание эстетики и культуры речи, работа на краевом радио – основные этапы трудового пути Галины Николаевны. И все время параллельно основной работе – большая общественная и литературная деятельность.

Ее талант проявляется и в поэтических произведениях, и в прозе. Она писала книжки для детей и серьезные эссе, принимала участие в создании летописи парламентаризма на Ставрополье.

Галина Пухальская – автор книг «Встречи с А. И. Цветаевой», «Театр: время перемен», «Мой город – моя судьба» (в соавторстве с М. Кузьминым), «Серебряная дудочка», «Мой сладкий плен» («Восемь стихотворений о восьмом чуде света по имени Театр»), «Бабушкины сказки», многочисленных очерков. Галина Николаевна создала и много лет возглавляла как художественный руководитель муниципальный литературный театр «Гармония» – уникальное явление культурной жизни краевого центра. Одновременно она являлась руководителем центра духовно-патриотического воспитания молодежи «Славянский мир».

Галина Николаевна Пухальская скоропостижно скончалась 6 ноября 2004 года на 61-м году жизни. Похоронена в Ставрополе.

* * *

Молитва поэта

Моя детская и отроческая жизнь прошла на фоне этого замечательного памятника. Точнее сказать, памятник Лермонтову, воздвигнутый в пятигорском сквере скульптором Опекушиным, был действующим лицом в судьбе

послевоенного поколения. Это было чудесное время, когда кассетная культура еще не теснила домашнее чтение. В то время семья по вечерам собиралась не у телевизора, а за круглым столом. И кто-нибудь из взрослых открывал книжку сказок Пушкина или роман Толстого, но чаще других авторов читали Лермонтова, потому что его упругим, напряженным и страстным словом был пронизан сам воздух Пятигорска. Это о нем молчали горы, о нем грезили гроты, его шаги хранили тропинки окрестных холмов, о нем пела Эолова арфа. Он был всем, и все было им.

В Лермонтовский сквер водили на прогулку малышей, и, обходя памятник поэту, поднимая голову вверх, чтобы рассмотреть его лицо, ребенок с интересом спрашивал: «Кто это?». И с этого вопроса начиналось его знакомство с Лермонтовым.

Помню, как моя бабушка, Ирина Васильевна, взяв с собой, кроме меня, еще двух соседских девочек, водила нас в этот сквер. И когда мы, наигравшись и набегавшись, усаживались рядом с ней на скамейку, она читала нам “Дары Терка”. Читала наизусть, с неожиданно молодыми, горячими интонациями:

*Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят...*

И мы замирали, околдованные, очарованные кружением лермонтовских ритмов и рифм и этим взрывным драматическим подтекстом, который так легко угадывался детским сердцем.

*Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.*

С тех пор все блондинки с косами вызывали во мне острое чувство жалости. Оно коренилось в этих строчках, где «светло-русская коса» привела к гибели какую-то не знакомую мне, но несчастную девушку. Жаль было и «гребенского казачину», который хоть и не подавал виду, что тоскует по утопленнице, но стремился «на кинжал чеченца злого» сложить голову свою, причем сложить не случайно, а сознательно ища смерти. Этот мотив сознательного поиска развязки с детства вошел мне в плоть и кровь. Я с наслаждением читала отечественную и западную литературу, в которой он присутствовал. А если в книге, которую я открывала, его не было, она сразу казалась мне скучной и пресной. Таким образом моя любовь к Хемингуэю, Ремарку, Бёлли была продиктована Лермонтовым. Атмосфера фатальности, так или иначе присутствующая во всех лермонтовских произведениях, окрашивала окружающий мир в сложные, неоднозначные тона. И когда я задавала бабушке вопрос: «Кто же виноват в том, что казачка бросилась в реку?» – я уже знала, что она ответит: «А никто, внучка, жизнь. Жизнь –

она такая, что может убить, а может и помирить. Это уж как Бог даст».

Это была сложная теория, которая не вмещалась в мой детский ум. Но сердце принимало ее легко и естественно.

У памятника Лермонтову я написала первое свое стихотворение, которое ему же было и посвящено. Сложилось оно февральскими сумерками. Шел мелкий снежок. Сквер был пуст, и никто не мог разделить моего одиночества, кроме поэта, сидящего на своем пьедестале.

*И, как живой, он сейчас с книгой раскрытой сидит,
Взором задумчивым вдаль, в горы Кавказа глядит...*

Эти корявые, неловкие, неумелые строки, которые тем не менее лились прямо из сердца, дали мне все же ощущение радости приобщения к творчеству.

Я училась в восьмой школе, расположенной на улице Буачидзе, рядом с Домиком Лермонтова, поэтому уроки литературы, связанные с творчеством поэта, часто проходили не в классе, а в музее. Анна Ивановна Гусева водила нас нередко и в Лермонтовский сквер и вместо нудных опросов на оценку читала там его стихи.

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко -
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Не знаю почему, но эти строки запали мне в душу. В них слышался другой Лермонтов – не бунтарский, не горький, не фатальный, а нежный и умиротворенный.

Видимо, таким он родился на свет, но жизнь внесла в естественный, природный образ свои поправки.

Когда мы возвращались домой, я спросила Анну Ивановну:

- Как вы думаете, почему Лермонтов написал “Молитву”?

- Он был раненый человек, – ответила она, – он рано потерял внутреннюю гармонию.

- Как это? – не поняла я.

- А так. Каждый, кто прошел войну, кто убил хоть раз, кто понес утрату, – ранен на всю жизнь. Лермонтов рано осиротел. Остро перенес трагедию пушкинской гибели. Остро ощутил несовершенство жизни и стал стремиться к развязке. Война усугубила драматическую канву его судьбы. Он был сыном

России, но и сыном свободы тоже, и эта двойственность разрывала его на части. Что ему оставалось? Молиться! И все его стихи – своеобразная молитва о прощении и отпущении грехов всех людей в целом и каждого в отдельности, ибо каждый грешник несчастен по-своему, но молитва – одна на всех.

Серебряная дудочка

Бабушка моя, Ирина Васильевна, была человеком удивительным. Не имея никакого образования, она самостоятельно выучилась читать и писать, знала наизусть стихи Пушкина, Тютчева, Есенина и умела рассказывать их эмоционально и выразительно, как никто. Всю жизнь прожила она в бедности, в голод ходила вместе с подругами собирать колоски на полях, в войну работала санитаркой в госпитале. Всегда кусок хлеба доставался ей непросто, а, что называется, с потом и кровью. Но при этом была она добра, делилась последним с теми, кто беднее, и никогда не жалела копейку на то, чтобы купить любимую книгу.

А уж сказки сказывать бабушка была мастерица. Андерсена и братьев Grimm читала она с удовольствием, но и свои собственные сказки любила рассказывать тоже. Вечером, закончив ужинать, перекрестясь на икону, садилась она рядом с моей кроватью и начинала:

“В некотором царстве, в некотором государстве жил-был один человек по имени Кирилл. Жил он в бедном жилище, носил бедную одежду, ел простую пищу, и той не всякий день вдосталь было. Но, несмотря на это, был Кирилл незлобив по натуре, на судьбу свою не сетовал, и Божий мир был ему в радость.

Однажды, ближе к ночи, когда на улице было уже не видать ни зги, кто-то постучал к нему в дверь. Кирилл зажег свечу и крикнул: «Входите, не заперто!». Он и вправду никогда не запирался. «Меня Господь пуще всяких замков охраняет, – говорил он, – а с ним мне ничего не страшно!»

Дверь скрипнула, и в дом вошел высокий человек с седой бородой.

- Мир твоему дому, Кирилл, – сказал он.

- Спасибо на добром слове, мил человек. Только откуда тебе известно мое имя?

- Мне много чего известно, – сказал поздний гость. – Например, я знаю, что ты в детстве любил на дудочке играть.

- И правда! – воскликнул Кирилл. – Однако ж откуда ты узнал об этом? Сам-то я давно позабыл о своем увлечении.

- Нельзя талант свой в землю зарывать. Не для того Господь награждает им человека. Пора тебе снова браться за дело, но прежде чем мы поговорим об этом, дай мне чего-нибудь поесть: проголодался я в пути, озяб и устал.

- К сожалению, нечем мне угостить тебя, добрый человек, разве что черствым куском хлеба да глотком воды. Больше-то у меня ничего и не найдется.

- А сам-то ты что же завтра есть будешь, ведь последней пищей делишься со мной?

- Как не поделиться? Ведь ты гость, а мудрая пословица гласит: гость в дом...

- ...Бог в дом! Ну а завтра Бог даст день, Бог даст пищу, глядишь – и не околею!

- Правильно рассуждаешь, Кирилл, видно, добрый ты христианин, праведно живешь, душа у тебя чистая, кроткая, значит, я могу доверить тебе вот это.

С этими словами протянул пугник хозяину серебряную дудочку.

- Вот, возьми, играй на ней всегда, когда попросит тебя об этом больной, бедный или страждущий человек, о котором станет сокрушаться твое сердце. Дудочка поможет всякому, чьи помыслы чисты. Она может сделать немало добрых дел. И через нее прославится имя твое. Станут называть тебя Кириллом-музыкантом. Жить станешь безбедно и радостно. Но остерегайся соблазна. Стоит хоть раз взять в руки дудочку с корыстными помыслами, и пропадет ее волшебная сила.

Сказав это, седобородый исчез, будто его и не бывало. А Кирилл поднес дудочку к губам, тотчас полились чудные звуки. Была в них тихая печаль и кроткая радость, серебряная грусть и хрупкая надежда, неземная красота и земная боль. Многое увидел Кирилл, пока наигрывал свой мотив, – родную деревню, глаза покойной матери, леса и озера, пушистые белые облака и цветущие сады. Долго играл Кирилл, до самого утра, а когда ночь отступила, изнемог музыкант, опустил дудочку и крепко уснул. Не слышал он, как подходили к его жилищу благодарные люди. Многим помогла чудо-музыка пережить темноту, многих исцелила, отвела от края, даровала прозрение. Жестокосердных смягчила, совершившим грех дала раскаяние, а в маловерных укрепила дух. Люди несли дары музыканту, складывали их у порога и спрашивали друг у друга: “Вы слышали музыку?” И читали утвердительный ответ в сияющих глазах собеседников. Этой ночью никто не умер, никто не преступил закона, никто не замышлял зла против ближнего, и у всех было легко и радостно на душе.

А Кирилл, проснувшись, отправился странствовать. Много стран повидал он, и в любой город раньше него приходила слава о его прекрасной музыке и добрых делах. Многим помогла выздороветь дудочка Кирилла, многих наставила она на путь истинный. Сам же музыкант жил как птица Божья: ни в чем не знал нужды, но и на богатство не зарился.

И вот однажды довелось ему исцелить дочь очень богатого человека. Открыла она глаза и глянула в самое сердце музыканта. И сжалось его сердце, и почувствовал Кирилл, что не властен больше над собой: пленила его Красавица, и позабыл он обо всем на свете. День пирует в ее шатре и ночь, и еще два дня и две ночи, а затем, на исходе третьих суток, говорит Красавица Кириллу:

- Хочешь, Кирилл, пойду за тебя замуж?

Не успел он и слова молвить, как она добавила:

- Только сделай так, чтобы все богатства отца моего мне одной достались: не сестрицам, не братьям, а мне одной! Сможешь?

- Зачем тебе они? – печально спросил Кирилл. – Разве счастье само по себе не есть богатство? И разве мало у тебя злата-серебра, камней драгоценных, парчи, бархата и всяких других нарядов?

- Ты говоришь пустое, Кирилл! Лучше ответь на мой вопрос: сможешь сделать то, о чем я тебя прошу?

- Да как же сделать это?

- А дудочка твоя на что?!

- Нет, дудочка здесь ни при чем. Мне нельзя играть на ней ради грешного дела.

- Нельзя? Да кто же тебе запрещает?

Молчит Кирилл, в сторону взгляд отводит, а сам все грустней становится, все пасмурней.

- Разве не ты хозяин дудочки? Разве она тебе приказывает, а не ты ей? – не унимается Красавица. – Так ты раб, а я-то тебя за господина принимала...

Не выдержал тут Кирилл, хлестануло его по сердцу злое презрительное слово, и взбунтовалось сердце, возгордилось, возвысилось. Засмеялся он громко, дерзко и надсадно, взглянул на нее, как безумный, и поднес дудочку к губам. Но не послушались его губы, и вместо волшебной музыки раздался дикий свист, и визг, и немощное шипение.

Разгневалась тут Красавица, закричала, затопала ногами, и все увидели, как из-за нежных черт ее лица проступила страшная уродливая личина. Увидел эту метаморфозу и Кирилл, понял все и упал как подкошенный. Долго ли он пробыл в забытьи, нет ли – никто не ведает. Только очнулся он опять в своем бедном жилище, в родном селении. Дудочки рядом с ним не было, да он о ней и не помнил. С тех пор никто больше не слышал ее серебряной печали и светлой радости...

«Так-то вот на земле заведено, – заканчивала свою сказку бабушка. – Все прекрасное и доброе должно быть бескорыстным. Красота, если она настоящая, поверху плывет, над нами, грешными, точно облачко светлое простирается, а корысть – та по оврагам стелется, по темным уголкам, по закоулкам души. Разные дороги у них. И никогда им не пересечься. Скорее небо рухнет на землю и ворона соловьиные трели издавать начнет. Истинная красота – всегда от Бога. А корыстью князь Тьмы ведает, потому-то красота и талант лечат, а корысть губит душу».

Крестный

Крестный... В этом слове слышится мне радостный смех дня моего рождения, Рождества, Нового года, Крещенских праздников и Пасхи. В эти дни появлялся он в нашем доме и, прежде чем сесть за стол, читал молитвы и пел церковные гимны, а потом вынимал из холщовой торбы подарки.

Вообще мой крестный Тимофей Васильевич Перов был человеком по своему интересным. Когда его спрашивали о роде занятий, он отвечал лаконично и с достоинством: «Мастеровой». И, действительно, он был масте-

ром, что называется на все руки: пилил, строгал, клеил, занимался сваркой, электропроводкой и многим другим, все и упомянуть трудно. Столяры считали его столяром, жестянщики – жестянщиком, слесари – слесарем.

В свое время окончил он ФЗУ и рано начал сам зарабатывать на хлеб. Трудился от зари до зари, а когда выпадала свободная минутка, брался за кисть. Темный, сыроватый подвал, в котором он жил вместе с женой Анной Федоровной, был заставлен подрамниками и холстами. Были среди полотен Тимофея Васильевича пейзажи окрестных лесов и гор, Эолова арфа и Академическая галерея, но мне больше всего запомнился скромный тенистый уголок двора, стена из пористого, ноздреватого серого камня, увитая плющом, одинокий флигель и свет, горящий в его окошке. Говорят, что работа эта нравилась Наталье Калиевой, жене знаменитого писателя Эффенди Капиева, тоже писательнице, живущей в одном дворе с крестным. Анна Федоровна ходила к Капиевым помогать по дому и частенько показывала картины мужа. Наталья Владимировна хотела купить некоторые из них, но крестный отказался от денег. «Дайте срок: посмотрюсь и сам подарю. А продавать – увольте! Господь не для того дал мне дар, чтобы я им торговал».

Вообще Перов умел заработать копейку, умел и скопить кое-что, но как истинно русский человек был подвержен внезапным душевным порывам. Бывало, мимо троих нищих пройдет спокойно, кинет им мелочь в шапку и дальше путь держит. А иной раз приглянется ему какой-нибудь пропащий, юродивый, бездомный, так он ему все снесет – и одежду, и пищу, и впрок денег даст, чтобы не бедствовал. Горяч и пристрастен был Тимофей Васильевич в своих симпатиях и, вспыхнув дружеским чувством, мог потратиться на полюбившегося ему человека без оглядки. А когда жена начинала пенять ему на расточительность, он спокойно отвечал ей цитатой из Евангелия: «Не собирайте сокровищ на земле».

Однажды я спросила его, о каких сокровищах идет речь и почему их не надо собирать. «Видишь ли, каждый человек приходит в этот мир богатым, – отвечал он, – потому что Господь наделил его и слухом, и зрением, и душой, которые позволяют наслаждаться красотой Божьего мира. Ты только посмотри, сколько цветов в полях, сколько деревьев в садах, сколько звезд в небе, – и все они твои. Но человеку становится мало этой бесценной красоты. Хочет он серебра и злата, мехов дорогих, камней драгоценных, томит его жажда обладания, и начинает он маяться в поисках земных сокровищ. Там обманет, там предаст, там честью поступится, там грех на душу возьмет – и все из-за богатств из-за этих. Нахалпает, наворует, набьет сундуки, подвалы да сараи, а сам ночью глаза сомкнуть боится: ну как воры сунутся? А уж воры тут как тут – изловчились и украли нажитое. А не воры – так роса источит драгоценные металлы, тля изъест пушистые меха, пожар или потоп погубит их; на земле ведь все так непрочное, так временно... Да и мы сами не вечные, пока хапали да пока тряслись над призрачным добром, жизнь-то и прошла, и помирать время настало, и перед Господом ответ держать за грехи свои. Оглянется че-

людей назад и спросит себя – на что жизнь потратил? И горько ему станет, и заломит он руки в тоске, и охватит его душу смертная печаль...»

Крестный замолчал и задумывался, глядя на огонь...

А я терзалась вопросом: «Почему же все так глупо и грустно устроено в жизни, и неужто нет иного пути, неужто нельзя жить иначе, лучше, чище, осмысленнее, добрее?»

Будто услышав мои мысли, крестный завершил:

- Мудрый же человек, знающий Бога, живет иначе. Он не золото собирает, а добрые дела множит. Сегодня ты отдала нищему последний грош, а завтра Бог тебе подаст от щедрот своих. А предстанешь перед Ним в смертный свой час, Он начнет жизнь твою ревизии подвергать: грешные дела на одну чашу весов класть, а добрые на другую, – и посмотреть, что перетянет...

- А добрые дела совершать трудно? – допытывалась я.

- Нелегко, малышка, нелегко. Особенно нелегко со злом бороться. Для того Господь с небес каждому человеку Ангела-хранителя посылает. Когда очень трудно станет, ты помолись ему усердно, он и поможет...

И крестный научил меня молитве, которая и сейчас, много лет спустя, трогает душу до слез, потому что звенит в ней пронзительная хрупкость человеческой сути и наше вечное смятение, и блуждание среди земных соблазнов, и жажда вечной жизни, жажда добра и света.

- Ангел Божий, святой мой хранитель, – читал крестный, – данный мне от Бога с неба в охранение, прошу тебя усердно: Ты меня сегодня вразуми и сохрани от всякого зла, научи меня доброму делу и направь на путь спасения...

* * *

Тимофей Васильевич умер внезапно, от апоплексического удара. Случилось это в жаркий майский день, разразившийся под вечер первым грозовым дождем. Помню, как вся мокрая и заплаканная вбежала к нам в дом Анна Федоровна...

После похорон она передала мне письмо, написанное мелким убористым подчерком крестного, и трилогию Максима Горького: «Детство», «В людях», «Мои университеты».

В письме, написанном задолго до смерти, Тимофей Васильевич говорил о той глубокой духовной связи, которая существует между крестным отцом и крестной дочерью. «Я всегда отвечаю перед Господом за твои грехи, – писал он, – и молюсь о спасении твоей души».

Потом я узнала, что Тимофей Васильевич завел сберегательную книжку на мое имя и положил туда 700 рублей. «Копейку береги, – писал он, – не трать зря, на пустое, но коли встретишь на пути человека в нужде, отдай ему, что имеешь, без сожаления, потому что дороже человеческой души нет ничего на свете».

Сейчас, когда я сама стала крёстной и мне часто приходится отвечать на вопросы моего духовного сына, я все чаще вспоминаю наши беседы с Тимофеем Васильевичем и черпаю из них, как из колодца, в котором никогда не убывает сила, мудрость и вдохновение.

Воронья слободка

Коммуналка, в которой прошло мое послевоенное детство, негласно называлась «Вороньей слободкой». Ее обитатели проживали в комнатах гостиничного типа, отделенных друг от друга весьма тонкими перегородками. И поскольку изоляция была чисто символической, то все 13 семей – настоящая чертова дюжина – были в курсе всего, что творилось у соседей.

Самой пролетарской в этом коллективе была семья слесаря Михарева. На четырнадцать с половиной квадратах их размещалось пятеро: сам дядя Паша Михарев, его жена Анна Петровна, или Нюся, как ее все называли, шестнадцатилетний сын Юрий и две его пятилетние сестренки-близняшки Ира и Кира. Всю неделю дядя Паша молчал, словно глухонемой, а по субботам напивался до поросычегего визга и тогда уж говорил все, что думал.

А думал он, надо сказать, нехорошие думы и даже опасные. Во-первых, что все жильцы в доме натуральные стукачи и евреи, и он, дядя Паша, еще доберется до них, раскроет и посадит. Во-вторых, что его Нюся форменная проститутка, потому что, прежде чем выйти за него замуж, любила офицера Балтийского флота Петьку Лушникова, который сейчас гниет на Колыме, в то время как дядя Паша кует могущество Родины с помощью серпа и молота. Дальше шли совсем уж неприличные стихи о серпе и молоте, заканчивающиеся утверждением, что, мол, «хочешь – жни, хочешь – куй, хозяину – слава, рабочему – ...» Тут дядя Паша почему-то всегда замолкал, точно с разбегу наткнулся на что-то, что сковывало его красноречие и затыкало весь этот словесный фонтан.

Всю вышеописанную тираду подвыпивший оратор произносил в коридоре, поскольку Нюся, зная агрессивный характер мужа, крепко запирала дверь, едва услышав на лестнице его нетвердый синкопированный шаг. После недочитанных стихов дядя Паша обычно начинал икать и ломиться в запертую дверь, повторяя одну и ту же фразу: «Нюся, тварь, открой дверь, открой сейчас же, я же люблю тебя, подлюга, как Отелло Джульетту».

При этих словах обычно открывалась дверь бывшей актрисы театра оперетты, а ныне билетерши филармонии мадам Климанской. В проеме появлялась ее высокая тощая фигура в цветном шелковом халате до пола. Голова, украшенная папильотками, была надменно поднята вверх, откуда она, смерив Михарева презрительным взглядом, театрально произносила: «Идиот! Да они даже знакомы не были! Они вообще никогда не встречались, потому что жили в разных пьесах. Шекспира надо читать, а не водку глушить!»

Произнеся свой монолог, мадам Климанская скрывалась за дверью, словно за сценической кулисой, а пристыженный Михарев сползал на пол и мгно-

венно отключался. После этого Нюся и Юра втаскивали его в комнату, зная, что вреда от него уже не будет, и, кроме храпа из их квартиры, ничего не было слышно до самого утра. Зато мадам Климанская еще долго восклицала за дверью: «Нет, вы только подумайте, «Отелло любил Джульетту»! Да это же просто дурдом какой-то!»

Раньше всех поднималась торговка тетя Гриппа. Сморкаясь и кашляя, она пробиралась к умывальнику и, хлопая водой, начинала петь «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля». По этой песне можно было сверять время, ибо тетя Гриппа начинала ее петь ровно в шесть. Допев куплет и припев, она начинала разжигать примус, потом ставила чайник и, напившись чаю со смачным причмокиванием и прихлопыванием, слышным, как минимум, в трех ближайших квартирах, уходила на рынок. Торговала она всем, чем придется: жмыхом, вареной кукурузой, жареными семечками, сахаринном, спичками и кое-каким стареньким барахлом. Товар у нее, прямо скажем, был неказистый, однако деньжата водились всегда, и поэтому именно к ней половина жильцов бегала занимать деньги до зарплаты, а заняв, каждый бубнил себе под нос: «У, торговка несчастная!» Но тетя Гриппа несчастной себя не чувствовала и, закончив рыночные дела, надевала «крыпдышиновую платью» и шла гулять в парк «Цветник», где пила нарзан и наслаждалась вальсами Штрауса наравне с прочей интеллигентной публикой, чем очень гордилась.

В самом углу, возле кухни, жил художник Моня вместе с женой и дочкой Инночкой. Моня был тихим и застенчивым человеком с голубыми глазами и доброй улыбкой. Он писал свои картины на чердаке, который оборудовал под мастерскую и откуда спускался поздно вечером перед самым сном.

Туда же приходили его клиенты, с которых он писал портреты. Фира провозжала их наверх и, если среди прочих попадались молодые привлекательные дамочки, закатывала мужу сцены, обзывая «местечковым жидом и гением из Житомира». Моня краснел и, глядя жену по плечу, умоляюще говорил: «Фирочка, не надо, успокойся, Инна же услышит!» Но Фирину тираду слышала не только Инночка, но вся «Воронья слободка», и, когда, войдя в истерический раж, Фира, отталкивая руку мужа, призывно орала: «Соседи!», – двери всех квартир мгновенно распахивались, и люди, высовывавшие из них головы, точно восклицали: «Мы здесь!» – «Милицию! – не унималась Фира. – Он меня убивает!» – «Что ты говоришь, Фирочка, успокойся!» – жалобно просил Моня, но было уже поздно. Милиция появлялась довольно быстро, и толстенький участковый Фролов, поднося руку к козырьку, устало говорил: «Ну, что тут у вас стряслось, граждане, опять беспорядки?»

- «Он ее бьет», – выступая впереди, угрожающе тыча в художника костылем, заявляла седая грузная тетя Роза.

- Кто, он? – недоверчиво спрашивал Фролов, глядя на сконфуженную физиономию Мони.

- Он! – хором отвечали жильцы.

- Тогда пройдемте в участок и заполним протокол, – заявлял участковый и, тронув впавшего в апатию Моню за рукав, строго говорил: – Следуйте за мной, гражданин!

Но когда Моня, очнувшись, покорно сделал шаг вперед, Фира зычным голосом произносила:

- В какой участок? Кого? Моню? Да он мухи никогда не обидит, товарищ милиционер!

- Но вы же говорите – бьет? – недоуменно спрашивал милиционер.

- Кто говорит? Армянка эта хромая, Роза? И вы ей верите, этой полоумной? Вы у меня спросите, я его жена и я вам говорю: они все врут, подло клеветают, потому что завидуют нашему счастью. Вот их следует взять в участок и посадить за клевету, правда, Монечка?

Моня покрывался краской и, обращаясь к Фролову и к соседям, сдавленным голосом просил: «Простите нас за беспокойство, все в порядке, просто у жены сдали нервы, нужда постоянная, заботы, дочка, а у меня сплошные неудачи... простите, пожалуйста. Это я во всем виноват, я плохой муж, невнимательный, все занят работой, которая не дает ни гроша...»

- Ты – плохой муж? – вскидывалась Фира. – Нет, вы только на него посмотрите! Да ты самый лучший, самый талантливый. А деньги эти треклятые пусть горят синим пламенем. У нас когда-нибудь их будет куча, вот увидишь. Твои работы еще будут стоять на выставке в Москве, а товарищу Фролову будет стыдно за то, что он хотел тебя арестовать. Тоже мне, нашли хулигана! Хулиган и Моня – это две большие разницы! Это я вам говорю, его жена!

И, взяв Моню под руку, Фира победно скрывалась за дверь. А Фролов еще долго призывал бурлящих от возмущения жильцов разойтись по квартирам.

Подобная сцена повторялась каждые три-четыре месяца и была похожа на спектакль с одними и теми же действующими лицами. Но однажды финал его, изменив стандартному течению, ошарашил всех. В припадке ревности Фира схватила портрет дочери, которым Моня очень гордился, и порезала холст кухонным ножом, приговаривая: «Вот тебе твои шедевры, вот, вот! Я тебе покажу талант! Я тебе покажу выставку!»

Потрясенный Моня сбежал по лестнице и, выскочив из парадного на дорогу, угодил под колеса проезжавшего автомобиля.

В больницу, куда его поместили, прибыла вся “Воронья слободка”. Дядя Паша Михарев предлагал свою кровь, тетя Роза принесла целебный куриный бульон, тетя Гриппа совала Фире дневную рыночную выручку, а самая богатая и грамотная жилица, Ада Бараз, у которой были в комнате свой личный водопроводный кран и кожаное кресло, пошла в кабинет профессора вести переговоры о здоровье Мони.

У его постели дежурили все по очереди, и только Фира находилась при нем бессменно. Соседи таскали в палату ветчину и яблоки, мясо, рыбу и даже паюсную икру. Для этих целей сбрасывались, кто сколько может. А

кто был совсем на мели, тот помогал по хозяйству: ходил на рынок, готовил, гулял с Инночкой. Выписавшись, Мона говорил, что за все 32 года не ел так сытно и вкусно и не получал столько тепла и заботы.

Вскоре после этого случая я закончила школу и уехала учиться в Ставрополь. А когда приехала на каникулы, «Вороньей слободки» уже не было. Жильцов переселили в новый район, предоставив каждому отдельную квартиру. Узнав адреса, я навестила всех по очереди, и, каждый раз, вспоминая прежнюю жизнь, кто-то из них восклицал: «А славное было житье: голодное, скудное, но радостное. Ведь мы были словно одна семья, и хоть и ссорились, но по-своему любили друг друга». И это была правда!

Розенфельд Борис Матвеевич (род. 01.10.1933) – искусствовед, заслуженный работник культуры, член Союза композиторов России, директор и основатель театрального музея музыкальной культуры на КМВ. Автор 17 книг и более 350 публикаций в периодической печати. Награжден медалью «За заслуги перед Ставропольским краем», медалью М.Ю. Лермонтова, учрежденной Российским Лермонтовским комитетом и золотой медалью к 100-летию со дня рождения С.А. Есенина, лауреат всероссийской премии «Александр Невский».

В каждом городе есть люди, которые являются его гордостью, пользуются безграничным уважением, занимают значительное место в его истории, олицетворяя те или иные аспекты жизни региона. Для знаменитого Кисловодского курорта таким человеком стал Борис Матвеевич Розенфельд.

Он не любит вспоминать свою малую родину Сибирь, где в пять лет остался без отца, которого арестовали и расстреляли. Не любит он и сибирские холода, от которых на улицах всегда замерзали очки. Воспитанием малыша занимались работавшая в библиотеке мама и любимый дед – известный скрипач и дирижер, что, собственно, и предопределило путь подраставшего молодого человека сначала в театральную студию, а после нее – на эстраду.

Борис Розенфельд переехал в Кисловодск 50 лет назад и с тех пор неистово служит культуре Кавказских Минеральных Вод. По твердому убеждению Розенфельда, Кисловодск – это город легенд, которыми курорт прирастает и благодаря фантазии самого Бориса Матвеевича.

Борис Матвеевич принимал участие в изданиях: «Встречи у источников», «Дорогие адреса» (соавторстве с Е. Польской и Л. Польским), «Ессентукские встречи», «И звезда с звездой говорит...», «Кавказские Минеральные Воды 1903 – 2003», «Кавказские Минеральные Воды. Наследие народов РФ», «Лермонтовская энциклопедия», «Малознакомый Кисловодск», «Мои друзья – мое богатство», «Памятники Отечества. Земля Ставропольская», «Этот гений – Федор Шаляпин», «Шаляпин на Кавказе», Лермонтовский текст «Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова».

В 2011 году Борису Розенфельду исполняется 78 лет. Да только кто в это поверит, видя неистовое подвижничество искусствоведа, чей рабочий стол завален рукописями будущих книг, а сцены санаторных клубов федеральных курортов встречают маэстро несмолкаемыми аплодисментами.

* * *

Отрывки из книги «Малознакомый Кисловодск»

А. С. Пушкин

Среди местностей, городов и уголков России, которые обессмертил Пушкин своим посещением, особое место отводится Кавказу. Край – им воспетый и горячо любимый. В русской поэзии он – поистине его первооткрыватель. «Судьба, – писал Н. В. Гоголь, – как нарочно забросила его туда, – где границы России отличаются редкою величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России прерывается подоблачными горами и обвеивается снегом. Исполинский, покрытый вечным снегом, Кавказ среди знойных долин поразил его: он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые его тяготели на свободных мыслях».

В первый раз Александр Сергеевич Пушкин прибыл на Кавказ в 1820 году с семьей героя Отечественной войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского. С его младшим сыном Николаем поэт подружился еще в лицейские годы в Царском Селе.

По пути на Кавказские Минеральные Воды в Екатеринославе 25 мая Раевские отыскали Пушкина в жалкой лачуге, лежавшего с тяжелым приступом лихорадки. Отец Николая обратился к начальнику Пушкина, генералу И. Н. Инзову, с просьбой отпустить больного с ними для лечения на Водах. Инзов позднее писал почт-директору К. Я. Булгакову: «Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в коем он по молодости лет находится, требовали, с одной стороны, помощи, с другой, – безвредной рассеянности, потому отпустил я его с генералом Раевским».

Теперь известно, что встреча Пушкина с Николаем в Екатеринославе была не случайной, а заранее условленной. Для обоих юношей Кавказ был «страною вольности», и поездка туда являлась особенно желанной.

Дорога к «Бештовым горам» пролегла по степям Таврии, бассейна Дона и Северного Кавказа. Кавказский тракт к Водам проходил тогда через станции Северную, Александровскую, Саблинскую и Георгиевск. По пути домашний врач Раевских Е. П. Рудыковский вылечил поэта, и путешествие было приятным.

На Горячие Воды, как до 1830 года назывался Пятигорск, приехали после 11-дневного пути 6 июня и остановились в заранее снятом старшим сыном генерала Александром пятигорском доме Реброва на Большой Средней улице. Этот длинный одноэтажный дом сохранился до сих пор. По тому времени усадьба была весьма удобна: кухни, ледники, конюшни, сеник, уборные и прочее. Молодой курортный городок усилиями А.П. Ермолова, командующего Кавказским отдельным корпусом, еще только благоустроивался.

Состояние Горячих Вод в 1819 году описала в воспоминаниях девица Анна Стрелкова. Посетители сначала прибывали в Константиногорскую крепость, у подошвы горы Бештау, в нескольких верстах от серных горячих источников на отроге Машука – Горячей горе. Возле самих целебных ключей они

жили в летних калмыцких кибитках «с тремя окончинами и дверями». Место, где располагался курорт со старыми Александровскими и новыми Ермоловскими ваннами, называлось «Лагерь».

Но даже в такой неустроенной глуши гремела полковая музыка, и юная девушка «не упущала время наслаждаться всеми удовольствиями, которых здесь не имело недостатка». Молодежь танцевала прямо на плоских скалистых площадках. Ездили в шотландскую колонию Каррас с ее прекрасными садами. Стрелкова описала и поездку в аул «у самой подошвы горы Верблюды», и встречу с дервишем из Персии, и «ужаснейший Провал», и поход «ползком» на «ужаснейшую крутизну» горы Машук. Туда продирались среди колючих кустарников и диких виноградных лоз, а с вершины перед ними «предстал, как на блюдечке», вид долин и гор до самого Георгиевска. Год спустя и Пушкин увидел те же «ландшафты неизъяснимой прелести, превосходящие, всякое описание», как восторженно рассказывала Стрелкова.

«Воды горячие... истекают из подошвы небольшой долины, на которой все селение расположено в две улицы, – писал Н.Н. Раевский дочери Екатерине. – Я заметил до 60 домов, домиков и лачужек, и как сего недостаточно для приезжающих, то нанимают калмыцкие кибитки, палатки и располагаются лагерями, где кому полюбится... Ванны старые, хотя стоят казне довольно дорого, ни вида, ни выгод не имеют, новые же представляют и то, и другое: и возможную чистоту, и опрятность».

На вершине Горячей горы (там, где теперь скульптура орла) находились старые Александровские ванны, состоявшие из трех ветхих зданий и узкой крытой галереи.

Старший Раевский писал дочери, что часто приходил «пользоваться с галереи видом наиприятнейших гор и забавным сего селения и жителей; карикатурных экипажей, пестроты одеяний, смесь калмыков, черкес, татар, казаков, здешних жителей и приезжих – все это под вечер движется, расходится, сходится и все до безделицы с галерей новых ванн глазам вашим открыто». Раевский имел в виду не закрытую галерею Александровских ванн, а открытую галерею новых, возведенных в 1819 году по распоряжению А.П. Ермолова. Ванны эти, получившие название Ермоловских, располагались на первом уступе Горячей горы. Они были сооружены из сосновых брусьев, покрыты железом, украшены по фасаду шестью колоннами и имели шесть ванн. Здесь находились открытая галерея и смотровая площадка с железными перилами, к которой вела сооруженная в 1813-1814 годах каменная лестница из 68 ступенек – первое капитальное строение на Горячих Водах. По этой лестнице Пушкин взбегал к ванным зданиям.

Позже ванны снесли, а лестница, хотя и переделывалась, но охранилась до наших дней. Расположена она за Лермонтовскими ваннами в зарослях кустарника.

21 июня Пушкин вместе с Н.Н. Раевским-младшим и офицером князем С. И. Мещерским навестили жившего в доме А.П. Макеевой чиновника ан-

глийской миссии в Персии Эдуарда Виллока. Это был визит вежливости, после того как дипломат, тоже лечившийся на Горячих Водах, посетил генерала Раевского в усадьбе Реброва. На Горячих Водах Пушкин принимал горячие серные ванны и теплые кислосерные. В 1820 году они находились в домике на месте нынешней Академической галереи.

«При первом хорошем дне, – писал генерал Раевский дочери, – положено ехать наверх шпица Бештового, с которого верст на 100 открывается вид во все стороны». Из письма Пушкина брату Льву узнаем, что он с Раевскими восходил на «острый верх пятихолмного Бешту и Машука». «Мы ездили, – сообщал Раевский, – в называемую неправильно шотландскую колонию, ибо их только две фамилии, кои миссионеры Лондонского библейского общества, остальные же – разные немцы».

8 июля Пушкин с Раевскими переехал с Горячих Вод на Железные. Поселились у источника № 1 в калмыцкой кибитке под охраной казаков и солдат. «Здесь мы в лагере, как цыгане, – писал Раевский, – на половине высокой горы. Десять калмыцких кибиток, 30 солдат, 30 казаков... Места так мало, что 100 шагов сделать негде, или лезть в пропасть, или лезть на стену... Картину перед собой имею прекрасную, то есть гору Бештовую». Отсюда они предпринимали восхождения на горы Железную, Каменную (очевидно, нынешнюю Развалку), Змеиную. В середине июля Пушкин и Раевские приехали на Кислые Воды, и здесь поселились в офицерских домах Кисловодской крепости, возведенной на берегах речки Ольховки в 1803 году. «Богатырскую воду» – нарзан они пили из устроенного в 1813 году георгиевским архитектором Мясниковым колодца – «Мясниковского сруба» – первого по времени каптажа нарзана. Нарзанные ванны принимали в соседнем с ним павильоне, где минеральная вода подогревалась раскаленными пушечными ядрами.

Местность вокруг Кислых Вод была совсем глухая, поросшая травой столь высокой, что в ней скрывался всадник.

Все это восхищало поэта. Однажды Пушкин с Николаем Раевским на казачьих конях без охраны поехали по балкам, лугам и ущельям окрестных речек, не предупредив генерала. До вечерней зари друзья не вернулись. Встревоженный их долгим отсутствием старый Раевский попросил коменданта крепости, смотрителя Кислых Вод майора Тенгинского полка И. А. Курило, отправить конных линейных казаков на поиски затерявшихся в травяных чащах сына и юного поэта. Время было военное, тревожное, их могли взять в плен абреки, блуждавшие вокруг русских поселений, редутов и крепостей. Они потребовали бы за плененного сына известного русского генерала огромный выкуп. Подобные случаи в те времена были нередки. На Кислых Водах у Пушкина родился замысел поэмы «Кавказский пленник».

Приезжавший каждое лето в Кисловодск и хорошо знавший его прошлое исторический романист Д.Л. Мордовцев в романс «Железом и кровью» дал воображаемую картину беседы Пушкина с казаком-инвалидом в духане Нар-

кизова. Духанщик разостлал на траве ковер, поставил миски с ухой и несколько бутылок кахетинского вина. Подошел старый казак с деревянной ногой. На груди у него был Георгиевский крест. Разговорились, «А за что получил Георгия?»

- Вот за эту самую деревяшку, – бойко отвечал казак, выставляя вперед деревянную ногу.

- Значит, был в горячем деле?

- Бывал не раз, да и черкесского хлеба-соли испробовал. В полону побывал, ваша милость.

- А, это интересно, – засуетился Пушкин. – Расскажи, сделай милость, как там все у них, – сказал он, подавая инвалиду стакан вина. – Садись, кавалер, и расскажи».

И казак сообщил, как его в «бекете» (пикете) на Кубани заарканили черкесы и увели в горы. Полюбившая казака черкешенка Зюлька дала ему возможность бежать из плена. Все были тронуты рассказом инвалида. «Что же наконец старина? – спросил Пушкин, когда все немного успокоились.

- Да тем, ваше благородие, дело и кончилось, – отвечал старик. – Вывела она меня до Кубани, простилась со мной, и вот теперь я здесь, а что с ней, Богу известно».

К этому эпизоду своего романа Мордовцев сделал примечание: «В детстве в 40-х годах я знал одного донского войскового старшину, который рассказывал мне об этом пребывании Пушкина в Кисловодске». Так возникла фабула «Кавказского пленника». «Сцена моей поэмы... – писал поэт в 1821 году Н. И. Гнедичу, – на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца, где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа...».

В письме к П. А. Вяземскому Пушкин заметил о герое поэмы: «Другим досадно, что пленник не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку – да, сунься-ка, я плавал в кавказских реках, – тут утонешь сам, а ни черта не сыщешь: мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку – он прав, что не утопился». Видимо, Пушкин сам плавал в разлившихся после июльских гроз и ливней водах Подкумка: другой более полноводной реки, кроме Кубани, видеть ему на Кавказе в тот раз не пришлось.

Сам поэт строго оценивал эту поэму: «...Отечественная нежность не ослепляет меня насчет «Кавказского пленника», но, признаюсь, люблю его сам, не зная за что, в нем есть стихи моего сердца». На титульном листе первого варианта поэмы, носившей вначале название «Кавказ», рукою Пушкина сделан рисунок: фигура вооруженного черкеса на характерном фоне Бештау и набросок казачьего поста на кургане. Еще один рисунок к поэме сделан на полях эпилога: фигурка грузинки в черкесске, три вершины Бештау и вольный очерк облаков. В рисунках Пушкина отражены его первые впечатления на Водах.

Но самые первые стихотворные строки Пушкина о Кавказе появились в эпилоге к «Руслану и Людмиле», сочиненному вскоре после знакомства с краем гор и напечатанному во втором издании поэмы. В нем даны героические образы борьбы за прекрасный, поэтический и «негодующий» Кавказ.

Посвященная другу юности Н.Н. Раевскому («Прими с улыбкою, мой друг, свободной музы приношение...») поэма «Кавказский пленник» была восторженно принята читателями. В ней, по словам В. Г. Белинского, в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже известным России по военным действиям.

Выход поэмы в свет стал важным этапом и в творчестве самого Пушкина. В путешествии по Кавказу перед ним открылся новый мир, напитавший и несказанно обогативший его творчество на всю жизнь. Среди гонений, которым его подвергли в юные годы, эта поездка была как глоток вольного воздуха. Живая картина Минеральных Вод дана поэтом в стихотворном наброске «Я видел Азии бесплодные пределы»:

... Ужасный край чудес!..

Там жаркие ручьи

Кипят в утесах раскаленных,

Благословенные струи!

Надежда верная болезнью изнуренных.

Мой взор встречал близ дивных берегов

Увядших юношей, отступников пиров,

На муки тайные Кипридой осужденных,

И юных ратников на ранних костылях,

И хилых стариков в печальных седилах...

Проведя на Водах два месяца, Пушкин с Раевскими 5 августа покинул их, направившись в Крым, в имение генерала в Гурзуфе. «Жалею, мой друг, – писал поэт брату Льву 24 сентября 1820 года, – что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор, ледяные вершины их, которые издали на ясной заре кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми... Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением».

Плоды огромной созидательной деятельности А.П. Ермолова по благоустройству Вод Пушкин увидел, когда летом 1829 года вторично на один день приехал в Горячеводск по пути в Закавказье. От дикого вида, какой он имел прежде, не осталось и следа. В «Путешествии в Арзрум» он писал: «...Нынче выстроены великолепные ванны и дома.

Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красавость».

Пушкин бегло осмотрел все новое на Горячих Водах. Стараниями А. П. Ермолова были построены казенная гостиница «Ресторация», Николаевские

ванны, устроен парк «Цветник», разбит бульвар, появились новые улицы с частными домами. По пути к Провалу Пушкин на отроге Машука у Михайловского источника увидел красивый легкий деревянный павильон в виде китайской беседки. Его возвели братья Бернардацци в 1828 году. Отсюда Пушкин любовался видом на горы и новый курортный городок, раскинувшийся в Горячеводской долине. Эту беседку с сидящим на ее скамейке франтоватым господином тогда же зарисовал художник Н.Г. Чернецов. Есть и более поздний вариант того же рисунка, где на скамье мы видим самого поэта.

13 августа 1829 года Пушкин из Закавказья в третий раз приехал на Горячие Воды вместе с дорожными спутниками, декабристом М.И. Пущиным, братом его лицейского друга, и с офицером Р.И. Дороховым. Остановившись в «Ресторации», он провел на Горячих Водах целую неделю, до 21 августа. На этот раз Пушкин прибыл для лечения и отдыха после утомительной поездки по Закавказью и в Арзрум. Он предпринял ее ради встречи с братом Львом, другом юности Н. Раевским и сосланными на Кавказ декабристами. Н.Н. Раевский к тому времени в свои 28 лет уже дослужился до генеральского чина.

То с оказией, то верхом в одиночку пробирался поэт через самое сердце горной страны, ее перевалы, дикие и опасные ущелья. Наблюдая за одним из сражений, он однажды вместе с казаками бросился в схватку с турецкими делибашами.

Общеизвестны его стихи о Кавказе, написанные во время и после этой поездки, и незаконченная поэма «Тазит». «...Более недели Пушкин и Дорохов,- писал М.И. Пущин, – не являлись в Кисловодск, наконец, приехали вместе, оба продувшиеся до копейки». Здесь тоже произошло много перемен. Возле «Мясниковского сруба» возвели к сезону 1829 года новую полотняную купальню с 16-ю ваннами. В ней Пушкин принял 19 подогретых нарзанных ванн, оставив об этом собственноручную роспись – единственный дошедший до нас местный документ-автограф о пребывании на Водах.

В 1823 году братья Бернардацци неподалеку от источника нарзана построили казенную гостиницу «Ресторация» на Кислых Водах – первое общественное здание для посетителей. Тогда же на берегах Ольховки был разбит молодой парк. Годом позже А.Ф. Ребров вблизи нарзанного источника поставил свой красивый особняк, сдававшийся летом посетителям. На Кислых Водах Пушкин несколько дней провел в номерах «Ресторации», а затем вместе с приятелем, офицером П. В. Шереметевым, поселился в доме Реброва. В нем Шереметев, богат и гурман, держал стол для приятелей, имея своего повара.

В Солдатской слободке, возникшей в 20-е годы у стен Кисловодской крепости, жил еще один приятель Пушкина, офицер В.В. Астафьев. На Горячих Водах он обыграл Пушкина в карты, и теперь поэт ездил к нему на квартиру в надежде отыгратья. М. И. Пущин вспоминал: «Пушкин приказал моему Кириллову приводить ему по утрам одну из лошадей моих и ездил кататься верхом... Но скоро я узнал, что в Солдатской слободке около Кисло-

водска поселился Астафьев, и Пушкин всякое утро к нему заезжал». Тем летом во время лечения и отдыха у Пушкина возник замысел прозаического «Романа на Кавказских Водах» с очень сложной фабулой. В сохранившихся набросках плана названы имена многих живших на Водах лиц, большое количество реальных деталей курортной жизни тех лет. Замысел свидетельствует о глубине и точности наблюдений автора. Роман он намеревался «населить» различными представителями тогдашнего общества, собравшегося на Водах. Все это могло бы стать реалистической картиной жизни.

Однако Пушкин был, видимо, отвлечен иными темами. Роман остался не написанным. Сохранился лишь отрывок его первой главы, датированный 30 сентября 1831 года.

Имя поэта теперь звучит в названии Пушкинских ванн в Пятигорске и галереи в Железноводске. В городах-курортах всюду есть Пушкинские улицы. В зале Пушкинской галереи стоит большая скульптура С.Д. Меркурова «Пушкин у моря». В дни двухсотлетнего юбилея центральную аллею Кисловодского парка украсила скульптура молодого А.С. Пушкина работы скульптора Г.В. Курегяна. Но прижизненных «памятников» ему немного: бывшая «Ресторация» и дом Реброва в Пятигорске, старинная каменная лестница на Горячую гору в «Цветнике». Черты времени Пушкина сохранила бережливая природа: так же великолепны цепи гор, ледяные их вершины. Так же стоит на страже вечности «пятихолмный Бешту» – «новый Парнас» поэта.

В Пятигорске в 1982 году, в 145-ю годовщину гибели Пушкина, его пребывание на Водах отметили открытием памятника работы известного советского скульптора М. К. Аникушина. К прежде украшавшим Пятигорск лермонтовским памятникам – творениям А.М. Опекушина и Б.М. Микешина – присоединился еще один в новом Пушкинском сквере у здания «Ресторации», представляющий собой одухотворенный образ молодого Пушкина.

В последние годы жизни мысль Пушкина снова обратилась к Пятигорску. Он узнал, что в этом городе живет декабрист Василий Дмитриевич Сухоруков, с которым поэт подружился в 1829 году на Кавказе. Служа в Пятигорске в Донском казачьем полку, Сухоруков занимался и коммерческим делом: содержал почтовые станции на Кавказском тракте. В письме от 14 марта 1836 года Пушкин поздравил Сухорукова с женитьбой, кланялся жене, сожалел, что не может высказать ей все, «что про вас думаю, и все, что знаю прекрасного».

Далее Пушкин продолжал: «Писал ли я вам после нашего разлучения в Арзерумском дворце?.. Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам «Современника»; извините, - постараюсь загладить мою вину). Итак, сделавшись собратом Булгарину и Полевому, обращаюсь к вам с удивительным бесстыдством и прошу у вас статей. В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут до-

суг, и вдохновение». В юности в посвящении к поэме «Кавказский пленник» поэт говорил:

*...Пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины...*
Письмо В.Д. Сухорукову свидетельствует: нет, не забыл!..

М. Ю. Лермонтов

Трагическая гибель Лермонтова навсегда связала Пятигорск и его окрестности с памятью о великом поэте. Это – город-мемориал, где все проникнуто его именем. Скульптурная бронзовая фигура поэта в центре города как бы венчает заветные уголки, старинные дома, сохранившиеся от его времени. «Последний приют поэта» – музей «Домик Лермонтова» является местом паломничества многих десятков тысяч людей. В Пятигорск едут не только лечиться, но и за обогащением духовным – соприкоснуться с Лермонтовым.

Лермонтовские места на Кавказских Минеральных Водах – это местности и здания, где поэт жил и бывал, которые видел и описал, где действовали герои «Княжны Мери». Это памятники, что создали в честь Лермонтова благодарные потомки, объединенные сейчас в Государственный лермонтовский заповедник. Летит время. И город, и окрестные пейзажи неузнаваемо изменяются, неизменна только воспетая Лермонтовым природа:

*... Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.*

Такие удивительно точные описания природы Пятигорья созданы им еще в юношеских кавказских поэмах. Попытаемся представить Пятигорск таким, каким его видел Лермонтов. Впервые он увидел курортные города совсем неустроенными, собственно, городов еще не было: несколько усадеб и мазанок вокруг источников, охраняемых выстроенной в 1780 году поближе к Бештау Константиногорской крепостью (район Новопятигорска). Кругом – болотца свободно текущей минеральной воды. На обнаженных скалах рос колючий дикий терновник.

Слабого здоровьем Мишеля его бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева, заменившая рано умершую мать, привозила к целительным ключам летом в 1820 и 1825 годах. Самобытная военная жизнь Кавказа, его природа и люди произвели на ребенка глубокое впечатление. Вернувшись в Тарханы,

он продолжал играть в Кавказ и черкесов. В 1825 году Лермонтов сделал рисунок Горячих Вод с очертаниями горы Бештау.

На плане Кислых Вод 1822 года рядом с «колодезем нарзана» обозначен дом Хастатова. Здесь постоянно жила на Кавказе бабушкина сестра Екатерина, у которой они гостили. А на Горячих Водах усадьба Хастатовых находилась в глубине ущелья, между двумя отрогами Машука, примерно там, где теперь Пушкинские ванны. Над усадьбой, на горе, куда взрослым Лермонтов приходил в беседку с Эоловой арфой, был казачий сторожевой пикет, и ночью мальчика будила переключка часовых: «Слушай! Кто идет?»

Маленький Миша карабкался по крутым откосам скал, поросших терновником, взбирался на сохранившуюся в нынешнем «Цветнике» каменную лестницу к Ермоловским ваннам. Стихотворение «Утро на Кавказе», сочиненное им пять лет спустя после поездки 1825 года, – одно из самых первых его поэтических описаний Пятигорска:

*Светает – вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч.
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там...*

Случилось мальчику побывать и на праздновании байрама в мирном Аджи-ауле близ Бештау. Он видел «сакли дымные и простые», пляски горцев, джигитовку, слушал их песни. Поэтому так конкретны образы его юношеских поэм. С годами воспоминания о «священных горах» Кавказа не тускнели. Ему было 14 лет, когда «в Чембаре за дубом», как помечено им самим в тетради, он сочинил первую поэму «Черкесы». За нею последовали «Кавказский пленник», «Каллы», «Исмаил-Бей», «Аул Бастунджи» с чудесным посвящением Кавказу. В «Хаджи Абреке» – первой напечатанной его поэме – много подмеченных еще в детские годы особенностей быта горцев: лексика, вооружение, обычай кровной мести, культ коня, похищение женщин, гостеприимство. Да и сами события порою близки к действительности. Герои поэм – реально существовавшие исторические лица: Исмаил-Бей Атажукин, Росламбек Мисостов, Бей-Булат Таймазов. Рассказы о них он мог услышать от своих родственников, живших на Кавказе.

Любовь к стране гор у Лермонтова – не только дань детским впечатлениям. Для юного поэта, наследника декабристских идей, родина горцев, их борьба за свободу олицетворяют вольность. В юношеских стихах он восклицает: «Прекрасен ты, суровый край свободы!» или «Кавказ! Далекая страна! Жилище вольности простой!» Так же воспринимал Кавказ и Пушкин.

В 1837 году за стихотворение «Смерть Поэта» Лермонтов был выслан из Петербурга в Нижегородский драгунский полк, находившийся тогда в Кахе-

тии. По новым зрелым кавказским впечатлениям создает он «Дары Терекка», «Мцыри», «Тамару», новую редакцию «Демона» и роман «Герой нашего времени», где в главе «Княжна Мери» зарисован «чистенький городок», к тому времени уже названный Пятигорском.

По дороге к новому месту службы Лермонтов заболел и из Ставрополя был направлен в военный госпиталь Пятигорска для лечения минеральными водами. Он прибыл в конце мая 1837 года и находился на Водах до сентября. «Простудившись дорогой, я приехал на Воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, в месяц меня воды совсем поправили», – пишет Лермонтов другу Святославу Раевскому.

Взволнованный, он подъезжал к городку, который знал и любил в детские годы. Вдали показались силуэты Машука и Бештау, «гора глядела из-за горы». Восточный пологий склон Машукского отрога заслонил дальние вершины, и новая для него дорога протянулась вдоль Горячей горы. Слева шумел и сверкал серебряными развилинами Подкумок. (По этому пути можно и теперь ехать в Пятигорск автобусом из Георгиевска или Константиновки.) Потом дорога пошла улицей солдатской слободки с убогими, редко стоящими домиками, из окон которых с любопытством выглядывали квартирующие посетители Вод.

Повернув направо, поэт обогнул остро выступающий край Горячей горы и попал в самый центр совсем новенького, незнакомого города. Прямо сквозь листву молоденьких липок бульвара виднелось на углу поднимающейся вверх улицы большое прекрасное здание в стиле русского ампира с классическими колоннами. Это была «Ресторация», там помещалась гостиница арендатора Найтаки и Благородное собрание. Напротив, через улицу, высились колонны дома Арешева, далее находились дом Орлова для донских офицеров и Дом неимущих офицеров. Все оказалось новым.

Вспомним, как в 1829 году чистота и благоустроенность Пятигорска поразили и Пушкина.

Далее его возок проехал мимо грота «Эльбрус», названного позднее гротом Дианы. Он был возведен по случаю первого восхождения на Эльбрус экспедиции генерала Г.А. Емануеля в 1829 году. Затем миновал новенькое здание Николаевских ванн и остановился у подъезда комендатуры, находившейся тогда в Доме неимущих офицеров (теперь курортная поликлиника). Выше в гору тянулись обсаженные виноградом тропинки, ведущие к Елизаветинскому источнику с деревянной галереей над ним. После отметки в комендатуре экипаж поднялся еще выше по Горячей горе к госпиталю, в помещение Оборонительной казармы. Строители всех этих зданий, братья Бернардацци, заканчивали планировку улиц, рабочие-солдаты тесали камень, подсаживали липки на бульваре, копали землю.

Лермонтова направили в офицерское отделение военного госпиталя, помещавшегося тогда в доме генерала П.С. Верзилина на углу Нагорной и Церковной улиц. Посылая отсюда сестрам Лопухиным черкесские туфельки, 31

мая 1837 года Лермонтов писал: «Я теперь на Водах пью и принимаю ванны, словом, веду жизнь настоящей утки...».

Николаевские ванны, которые исцелили поэта, теперь называются Лермонтовскими. Еще до Великой Отечественной войны в городском архиве (погибшем во время оккупации) лермонтовед С.И. Недумов обнаружил «Книгу отпуска билетов на ванны» за 1837 год. В ней значатся и билеты, проданные Лермонтову в июне и июле.

Место, где жил Лермонтов, было окраиной городка. Выше, к Машуку, строений не было, только виднелись кресты и памятники кладбища. К югу из окон открывался вид Пятигорска и окрестностей, описанный Лермонтовым в «Княжне Мери» и в упомянутом письме Лопухиным: «У меня здесь славная квартира; каждое утро из окна я смотрю на цепь снежных гор и Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я то и дело останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны... Ежедневно брожу по горам, и одно это укрепило мне ноги; поэтому я только и делаю, что хожу: ни жара, ни холод меня не останавливают...».

Для дальних горных прогулок у Лермонтова был конь Черкес, и совершал он эти поездки с местным жителем, обрусевшим горцем-проводником, которого все в городе звали просто Павлом Петровичем (предположительно его фамилия Шелаев). Через несколько лет после смерти Лермонтова в тифлисской газете «Кавказ» появился очерк некоего И. Д-ва «Пятигорск и его окрестности». Автор рассказывал о Павле Петровиче, коренном кавказце, жителе Пятигорска, который хорошо знал местность, ее историю и находился при Лермонтове во время его кончины. Быть может, он и сопровождал поэта на передовые военные русские посты на Бермамыте, Рим-горе и Бичесыне. Там поэт мог делать зарисовки.

Известно, что Лермонтов был одаренным художником. Есть у него картина «Вид Пятигорска»: грот на Горячей горе и вьющаяся к нему тропинка. Копия с нее экспонирована в «Домике Лермонтова». В Стокгольме обнаружен карандашный эскиз для нее. Отыскали и место возле Академической галереи (Елизаветинской), с которого Лермонтов рисовал этот пейзаж.

С середины августа Лермонтов лечился в Кисловодске и жил в доме А.Ф. Реброва. Соседняя с ним «Ресторация» была центром развлечений «водяного общества». На ее месте сейчас обзорная Лермонтовская площадка со скульптурным портретом поэта в нише и его стихами. Внизу в сохранившемся гроте изваяние Демона работы скульптора Г.В. Курегяна.

В Кисловодске уединенная жизнь Лермонтова была нарушена: в «Ресторации» и у Реброва он попал в шумную компанию столичных знакомых. И в результате нашел много точных деталей для будущего романа. Все вместе они ездили к Кольцо-горе. В «Княжне Мери» есть описание такой прогулки к оригинальной скале на склоне Дарьинских высот: «Это ворота, образованные природой; они подымаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд».

В окрестностях Кисловодска приезжим показывают «Лермонтовскую скалу». Она будто бы служила местом поединка Печорина с Грушницким. Давно замечено, что описание скалы в романе не совпадает с ее действительным видом. Однако по многолетней традиции скалу считают одним из лермонтовских мест.

Повесть «Княжна Мери», созданная на основе местных реалий, с обилием точных деталей, может служить поэтическим путеводителем по Пятигорью, особенно, если сопоставить это произведение с воспоминаниями и путевыми записками современников поэта. У него все достоверно: и типы «водяного общества», и нравы офицерства, и способ лечения и питья воды, при котором каждый пил из своего стакана, висевшего на тесемочке у колодца; и балы в «Ресторации»; и облик города с магазином Челахова, в котором Лермонтов «перехватил» у Литовских ковер; и даже представления фокусника Апфельбаума, в то лето действительно выступавшего на Водах.

Много позднее художник М. А. Зичи писал: «Путешествуя по Кавказу с целью изучить природу и типы страны для иллюстрации сочинений Лермонтова, я был поражен необыкновенной точностью его описания весьма даже не живописных местностей, а также строений, где по его рассказу как бы происходило действие романа «Княжна Мери».

Хотя жизненные факты переплавлены писательским воображением, читатели верят в реальное существование персонажей книги. В этом особая ценность бессмертного романа: его герои вошли в мир как живые люди. Не случайно кисловодский дом Реброва издавна считают «домом княжны Мери». Он описан в сцене свидания Печорина с Верой. Так же называют и старинный дом № 12 в Пятигорске на проспекте Кирова: мимо него будто бы слуга Печорина провел скакуна, накрытого купленным у Челахова ковром.

Лермонтовский грот в Пятигорске уместнее было бы назвать гротом Печорина: он описан в сцене первой встречи героя с Верой. Современница Лермонтова Эмилия Александровна Шан-Гирей в свое время заметила, что этот грот, расположенный возле многолюдной и шумной Елизаветинской галереи, никак не мог служить поэту «уголком уединенных размышлений». Однако его почему-то стали называть Лермонтовским. В 1878 году грот закрыли решеткой на средства тамбовского помещика И. Алексеева. Внутри он поставил мраморную доску с собственными очень слабыми стихами.

«Алтарем священных вдохновений» поэту мог служить другой грот, позади Академической галереи. Укрытый пышной зеленью, он назывался «Грот под флагштоком». В правой стороне этой неглубокой пещеры под слоем мха были обнаружены высеченные в скале крест и дата: 1841 год. Вероятно, кто-то, знавший это место уединения поэта, пометил грот после гибели Лермонтова.

Флагшток стоял на высоченной точке Горячей горы. Это была мачта, на которой вывешивался флаг для указания времени приема ванн и колокол, повторявший бой часов городской церкви. К гроту под флагштоком шла тропинка от так называемой «мизантропической дорожки» между Елизаветинским и Александровским ключами (на месте нынешнего Орла). Вдоль до-

рожки в 1829 году были посажены сосенки. Из 210 до наших дней дожила одна, растущая недалеко от галереи. Ее называют лермонтовской не потому, что, как многие полагают, она воспета в стихотворении «Сосна» (в то время она не была одинокой), а потому, что она современница Лермонтова. Дерево берегут. Специалисты-дендрологи считают: три старых дуба позади северного крыла галереи тоже растут с тех времен.

Академическая галерея также лермонтовское место, хотя в камень она одета в середине XIX века. Прежде называвшаяся Елизаветинской, как и источник под нею, галерея описана в «Княжне Мери». Поэт и сам пил целебную воду этого ключа из колодца под полотняным навесом с деревянной оградой – дело рук братьев Бернардацци.

В так называемом «Чеченском альбоме» Лермонтова, относящемся к 1840 году, есть его набросок Пятигорского бульвара. Это целая жанровая картинка: вдоль Верхнего бульвара с еще молодыми деревьями и виднеющейся вдаль галереей, за которой на флагштоке реет флаг, бредут посетители Вод – огромный тучный генерал, изящные дамы в шляпках, а навстречу им спускаются с горы три офицера в черкесках и папахах. Миниатюрный рисунок, сделанный беглыми штрихами, очень выразителен: передан и широкий шаг идущих под гору офицеров, и медленная поступь важного генерала, и хрупкость дамских фигур.

На Воды в 1837 году приезжал В.Г. Белинский и сосланный на Кавказ Н.М. Сатин – соученик Лермонтова по Университетскому пансиону. Сатин вспоминал, как на его пятигорской квартире в доме Арешсва поэт увиделся с Белинским. Не сойдясь во мнениях, они расстались весьма холодно: в те годы Белинский еще увлекался идеями просветительства, Лермонтов же имел более крайние политические взгляды. На месте памятной усадьбы Арешева теперь находится санаторий «Руно».

Наступила пора отправляться в полк, и Лермонтов в сентябре уехал из Пятигорска. Через два года в «Отечественных записках» стали печататься главы «Героя нашего времени». В апреле 1840 года роман был издан полностью.

Дуэль с Барантом в 1840 году стала причиной новой ссылки поэта на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Лермонтов вернулся сюда уже известным писателем, преемником Пушкина. У него появились новые друзья, люди передовых убеждений, близкие литературе. Незадолго до отъезда Белинский посетил поэта, сидевшего в ордонанс-хаузе под арестом. На этот раз они встретились дружески, долго говорили о литературных делах. И в статьях Белинского о творчестве Лермонтова преобладают восторженные тона.

В Ставрополе Лермонтова прикомандировали к отряду генерала Галафеева, действовавшего на левом фланге Кавказской линии, в Чечне. По-иному теперь воспринимает поэт Кавказскую войну, жестокость которой он ощутил в сражениях. В автобиографическом «Валерике» есть строки:

... Я думал: «Жалкий человек.

Чего он хочет!..

Небо ясно,

*Под небом места много всем.
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»*

После сражений, в которых Лермонтов показал себя отчаянным храбрым, – а в наградах ему было царем отказано – он в августе – сентябре 1840 года приезжает отдохнуть на Воды. Сведений об этом приезде сохранилось немного, но известно, что Лермонтов здесь встречался с сосланными на Кавказ декабристами. Кровавая война по-прежнему владеет его мыслями.

В Кисловодске Лермонтовым вместе с художником Г.Г. Гагариным написана акварель «Эпизод сражения при Валерике». Очертания горы на ее заднем плане повторяют контуры Бештау, которые можно видеть из Пятигорска. Э.А. Шан-Гирей вспоминала, как впервые увидела поэта во время бала в Кисловодской «Ресторации» 22 августа 1840 года. Не имеющая парадных мундиров военная молодежь на бал не допускалась. «Молодые люди, в числе которых был и Лермонтов, стояли на балконе, стараясь установить свои головы так, чтобы вышла пирамида, а так как Лермонтов по росту был ниже всей компании, то голова его пришлось в первом ряду, совсем на подоконнике, и его большие выразительные глаза выглядели так насмешливо. Это всех забавляло, и знакомые подходили к нему разговаривать».

Заботливая бабушка вместе с поэтом В.А. Жуковским хлопочет перед императором Николаем I о прощении внука, но им удалось добиться для него лишь короткого отпуска в столицу. Сильный поэт «имел дерзость» появиться на петербургском официальном балу, после чего ему тотчас же приказали выехать к месту службы.

Эти три месяца в Петербурге и Москве в начале 1841 года были счастливейшими в жизни Лермонтова. Он получил признание, стал знаменитым, его стихи нарасхват, у него сложился круг литературных знакомств, но надо ехать на Кавказ. После «резни» у Валерика Лермонтов знает, почему в народе его зовут «погибельным». Современники вспоминают, с каким тяжелым предчувствием уезжал поэт.

Он отправился на Кавказ вместе с двоюродным дядей и приятелем Алексеем Столыпным, известным в дружеском кругу под именем Монго. По пути к своим полкам они заехали в Пятигорск. В «Книге отпуска билетов на ванны» за 1841 год отмечена продажа Лермонтову билетов на ванные процедуры в Пятигорске и Железноводске.

Сперва приятели остановились в «Ресторации». Встреченный в комендатуре майор В.И. Чилаев предложил им квартиру во флигеле своего дома. По соседству жили знакомые офицеры: С.В. Трубецкой, М.П. Глебов, Н.С. Мартынов, столичный приятель А.И. Васильчиков. Лермонтов обрадовался: «Мартышка здесь!» – так он звал приятеля по юнкерскому училищу Н.С. Мартынова.

Летняя жизнь в Пятигорске обещала много удовольствий. Перу Лермонтова приписывают экспромт, иронически рисующий быт офицеров на Водах:

*Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадит нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам – клопы.*

В семье соседа, генерала Верзилина, были молодые хорошенькие дочери; роem вились офицеры вокруг красавицы, жены священника Александровского, заказывали даже молебны, чтобы, пока батюшка занят, поухаживать за нею. По более поздним воспоминаниям, Лермонтов охотно навещал хорошеньких провинциалок в слободке. Тут не было столь раздражавших его рисовок и светского тона. Он поддразнивал слободских дам: рябую «кукушечкой» нарекал, маленькую – «перепелочкой», а они его называли «шалапут-кыргиз». Горько оплакивала слободка молодого офицера, когда он погиб на дуэли. Гроб его весь был усыпан цветами из слободских садиков.

Записанные позже воспоминания о Лермонтове простых местных жителей, быть может, не во всем достоверны, но они единодушно рисуют его добродетельным и славным человеком. Внуки извозчика Кузьмы Чухнина вспоминали, как тепло их дед отзывался о поэте. Имена жителей Пятигорска православного вероисповедания, составлявших окружение М.Ю. Лермонтова, мы узнаем из ценного церковного документа: «Исповедальной росписи Скорбященской церкви», найденной С.И. Недумовым в местном архиве.

Военная молодежь в Пятигорске искала развлечения. Где только можно она старалась устраивать, по выражению Чилаева, «плясы». Обычно большой летний бал на свежем воздухе давал князь В.С. Голицын в Казенном саду. Он располагался далеко от центра, поэтому трудно было отыскать дрожки, чтобы ночью везти дам домой, и Лермонтов с офицерами решили устроить свой бал в гроте Дианы с танцами на просторной площадке. Этот праздник надолго запомнил город. О нем с восторгом вспоминала Е.Г. Быховец и Э.А. Шан-Гирей.

Искусственный грот служил Лермонтову и его веселым друзьям постоянным местом встреч. Для бала его задрапировали коврами, яркими тканями, украсили гирляндами. Огни цветных фонариков отражало большое круглое зеркало, прикрепленное к потолку. Колонны были увиты цветами. Всюду стояли в вазах букеты роз. Было весело!.. А когда погасли бальные огни, офицер П.А. Гвоздев, поклонник лермонтовской музыки, встретил поэта ночью одиноко бредущего по утихшему бульвару. Лермонтов был грустен. Он признался товарищу, что его томит предчувствие близкой смерти.

Для увеселения молодежи служил и Провал. В детстве он казался Мише таинственным и страшным; в народе говорили, что там обитает огромный летающий змей. В 1837 году братья Бернардацци сделали в Провале спускной механизм. По преданию, Лермонтов был одним из первых смельчаков, кто отважился спуститься сверху в корзине в воронку Провала и принять там минеральную серную ванну. Устройство это к 1841 году обветшало и бездействовало. Эмилия Шан-Гирей рассказывала: «Лермонтов, любивший затевать

развлечения, бывало велит настлать доски над Провалом, призовет полковую музыку, и мы беззаботно танцуем над бездной, точно в комнате. Сначала многие из нас, барышень, боялись ступить на помост, но, глядя на Лермонтова, с увлечением носившегося в мазурке, и мы набирались смелости».

В светских гостиных Пятигорска, в которых Лермонтов бывал по своему положению офицера, его саркастический ум, острая насмешливость, усиленная все растущей внутренней Тревогой, были непонятны. Все помнили его желание «бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью!..», помнили, как после смерти Пушкина он «оскорбил» высшие круги российской аристократии. Он был под надзором, и его не любили. Лермонтов часто подшучивал над поручиком С.Д. Лисаневичем, и недруги поэта советовали Лисаневичу вызвать Михаила Юрьевича на дуэль. Молоденький Лисаневич испуганно отвечал: «Да у меня рука не поднимется на такого человека!» Нашелся, однако, «друг», подстрекаемый недоброжелателями, вызвавший Лермонтова на поединок. Это был Мартынов.

В Пятигорске Лермонтов написал одно из самых последних стихотворений, прекраснейшее создание мировой лирики «Выхожу один я на дорогу...». «Кремнистый путь», блестящий сквозь туман, – это тропинка вокруг Машука, подернутая легкой дымкой испарений. Великолепна картина южной звездной ночи, когда, слушая разговор звезд, одиноко, в тоске и смятении поэт размышляет о вечности.

Однако судьба в последние дни послала Лермонтову друга, с которым не было скучно, с которым он мог свободно говорить о том, что волновало. Это был профессор медицины Иустин Евдокимович Дядьковский, один из замечательных врачей России, приятель Гоголя, Белинского, Станкевича. Приехал на Воды, он привез Лермонтову посылку от бабушки из Москвы. Дома Дядьковский его не застал, но Лермонтов сам прибежал к профессору в дом Христовой, и они беседовали целую ночь. Литература, философия были темами их разговоров. Лермонтов для него у Верзилиных читал свои стихи, восхитившие Дядьковского. Эту расцветшую было дружбу оборвала гибель поэта. Дядьковский умер через шесть дней после дуэли, и его могила находится вблизи места первоначального погребения Лермонтова...

Все в Пятигорске знают дом, принадлежавший генералу П. С. Верзилину По воспоминаниям местных жителей, оказался дворцом» среди домишек, покрытых камышом или соломой. Теперь внутри дома все восстановлено по сохранившимся зарисовкам, в нем помещается литературный отдел музея-заповедника «Домик Лермонтова».

13 июля 1841 года у Верзилиных были Лев Пушкин, Лермонтов, Столыпин-Монго, Мартынов с огромным кавказским кинжалом у пояса, как всегда рисующийся перед дамами. Сергей Трубецкой играл на рояле. И с последними звуками музыки в гостиной громко прозвучала острога Лермонтова в отношении Мартынова. Тот гневно сказал: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах». Когда гости выходили, на ступеньках в се-

нях он повторил свой упрек, Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?» Мартынов ответил: «Да!»

На другой день после ссоры Лермонтов и Столыпин уезжали на лечение в Железноводск. На Железных Водах Лермонтов бывал еще в детстве. Окрестный пейзаж им описан в «Измаил-Бее». Лечился поэт в Железноводске и в 1837 году, и единственный дом лермонтовского времени там – бывшая гостиница К.И. Карпова. Здесь поэт провел свой последний день.

По дороге к Железноводску есть еще один лермонтовский адрес. Это кофейня немки Анны Ивановны Рошке в Инозмцево, бывшей колонии Каррас, или Шотландке. Дом Рошке сохранился, реставрирован и тоже теперь является достопримечательностью. В этой кофейне в день дуэли Лермонтов обедал вместе с навестившей его кузиной Катенькой Быховец и приехавшими с ней юнкером А.П. Бенкендорфом, чиновником М.В. Дмитриевским и майором Львом Пушкиным. В их кругу Михаил Юрьевич провел последние часы жизни. Прямо из Шотландки он отправился с секундантами к месту поединка.

В протоколе Комиссии по установлению места дуэли в 1881 году записаны показания бывшего крепостного Хастатовых Евграфа Чалова, который давал дуэлянтам лошадей и держал их за кустами во время поединка: «В день дуэли два офицера наняли лошадей». Чалов поехал сопровождать их. В колонии Каррас офицеры эти встретили Лермонтова и еще одного или двух офицеров, и после некоторого пребывания в доме Рошке все вместе поехали из колонии по дороге к Пятигорску.

Кофейню Рошке Лермонтов посещал и прежде, любил сидеть в уютном садике этого рестораника в компании и за разговорами рисовал или записывал стихи. Отдыхающие часто устраивали поездки верхом в эти места. На рисунке Лермонтова 1837 года «Бештау близ Железноводска» изображена улица колонии, по которой мчатся всадники.

До сих пор неясны многие обстоятельства этого трагического поединка. Его условия были очень тяжелы, но все, кто о нем знал, относились к предстоящему как к очередной забаве. Успел ли Лермонтов выстрелить или почти в упор был убит Мартыновым? Как долго он лежал, быть может, еще живой под проливным дождем? Об этом до сих пор спорят исследователи его жизни.

Поздно вечером бездыханное тело поэта привезли на квартиру в усадьбе Чилаева. В смятении плачущие навзрыд слуги Иван Вертюков, Иван Соколов и Христофор Санкидзе стянули с тела окровавленную красную канавусовую рубашку; после весьма небрежного медицинского освидетельствования обмыли и в последний раз одели своего доброго барина. Во дворе толпились любопытствующие, заглядывали в щели захлопнутых ставень. Художник Р.К. Шведе успел сделать рисунок убитого Лермонтова. Весь Пятигорск был в волнении. Враги радовались, что навеки умолк насмешливый голос «несносного» офицера, другие жалели и плакали. И совсем немногие тогда понимали, кого потеряла Россия в тот грозовой вечер 15 (27) июля 1841 года...

В Пятигорске от времени пребывания здесь Лермонтова еще сохранилось несколько жилых домов. Сейчас создается заповедный Лермонтовский квартал вокруг домов Чилаева, Верзилина и Уманова. Дом Верзилина с чилаевским флигельком, в котором жил Лермонтов, теперь соединяет сад. Из мемориальной гостиной, где произошла ссора, спустившись по трем уцелевшим с тех пор ступенькам, на которых Мартынов сделал вызов Лермонтову, мимо цветущих клумб, мы проходим к маленькому домику под камышовой крышей. Этот домик одухотворен как живое существо, у него есть своя биография. На многие годы даже место последнего приюта поэта было позабыто, как и место дуэли, их с трудом находили почитатели Лермонтова. После гибели беспокойного постояльца Чилаев продолжает сдавать флигель внаем. Последующие владельцы, перестраивая, все тут изменили. В 1912 году, когда по настоянию общественности дом был приобретен городом, он сделался неузнаваем.

Теперь это национальное достояние обрело новую жизнь. Восстановлен первоначальный облик домика-музея, даже его камышовая крыша. По рисунку современника Лермонтова А. И. Арнольди реставрирован балкончик, выходящий в сад с бережно хранимыми деревьями того времени. Старательно и любовно воссоздана обстановка комнат. Круглый преддверный столик стоял здесь и при нем. Из Петербурга привезены письменный стол и кресло поэта. В буфетной – принадлежавшее ему полотенце...

Священна земля, приютившая поэта! На Пятигорском кладбище над местом первоначального погребения стоит памятник (тело Лермонтова его бабушка перевезла в Тарханы). Долго не могли отыскивать подлинное место дуэли. На предполагаемом месте возникали памятники, сначала в виде простого белого камня, потом пирамиды с бюстом. В 1914-1915 годах был, наконец, поставлен прочный каменный обелиск работы Б.М. Микешина с оградой В.В. Козлова и Л.А. Дитриха. На народные средства, по подписке, в центре города в 1889 году воздвигнут первый в России бронзовый памятник Лермонтову, созданный скульптором А.М. Опекушиным, автором памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве. По замыслу скульптора Лермонтов задумчиво глядит на любимые им Кавказские горы.

Ежегодно в день рождения поэта у подножия этого памятника приезжающие со своей страны поэты читают стихи. А в день смерти, 27 июля, во дворе музея перед фасадом «Домика Лермонтова» устраиваются открытые вечера с докладами лермонтоведов и концертом. В сумерки при зажженных в доме свечах в окнах видны скромное убранство комнат, висящие на стене офицерская шинель и фуражка... И представляется, что поэт еще живет в этом домике, как живет среди нас его бессмертная поэзия. На одном из таких вечеров один из современных поэтов прочитал:

Поэты не гибнут, а гаснут, как солнце, Лучи их бегут сквозь столетия и дали.
Полночной порою их свет к нам несется, Который при жизни они расплескали...

Сахвадзе Николай Николаевич (род. 7.02.1950) прозаик из Солнечнодольска Ставропольского края, член Союза писателей России.

Николай Николаевич Сахвадзе родился в Моздоке Северо-Осетинской АССР. Его отец – Николай Иосифович Сахвадзе был военным летчиком. С 1943г по 1948г. проходил службу в Иране. В 1948 году приехал на жительство в Моздок, где встретил мать будущего писателя Любовь Николаевну, почтовую служащую. Семья Любови Ни-

колаевны в Моздоке оказалась поневоле – отец бежал от раскулачивания из села Соломенское Степновского района, но все же был арестован за плиточный чай, который он приобрел у калмыков.

В 1967 году Николай Сахвадзе получил аттестат зрелости и осенью попал на незабываемый семинар молодых писателей в г. Пятигорск.

В шестнадцать лет Николай Сахвадзе написал «первую часть историко-приключенческого романа «Правитель Карибского моря» и показал ее писателю Е.В. Карпову, жившему в то время в Моздоке. Е.В. Карпов «доходчиво объяснил подражательность и вторичность написанного» и посоветовал Николаю обратиться к современности. Так из личного опыта появилась повесть о десятиклассниках «Натюрморт любви». Она откроет в августе 1968 перед Н. Сахвадзе двери Литературного института им. Горького. Первая публикация Н. Сахвадзе появилась в начале марта 1968 года в газете «Молодой ленинец». Это была новелла «Угощение». В то время Николай был рабочим сцены в Ставропольском драмтеатре им. Лермонтова. «С тех пор литература и физический труд неразлучно сопровождают меня по жизни до сего дня, уже более сорока лет, – говорит Николай Николаевич. – Был слесарем химцеха на ГРЭС, слесарем газового хозяйства в поселке, свыше пятнадцати лет работал сливщиком мазута. С 2004 – дежурный слесарь топливно-транспортного цеха Ставропольской ГРЭС. Первый авторский сборник «Калейдоскоп», вышедший в свет в 1983 году, автор посвятил маме и сестре. А в 1991 году вышел «Его последний вечер».

Писатель издал немного книг, но все, написанное им, сделано основательно и талантливо, поскольку преломлялось через его духовное и нравственное состояние, выявляя высокую эрудицию и образованность автора. Н. Сахвадзе в соавторстве с писателями Н.Ляшенко и Д. Барановым выпустил юбилейный одностомник «Ставропольская ГРЭС – 25 лет», в журнале «Южная звезда» опубликовал роман «Период полураспада». Затем вышел из печати его одностомник «Избранное». В автобиографии, опубликованной в книге «Зем-

ля изобильная», он пишет о себе: «Литература не дала мне ни славы, ни денег. Но я не считаю, что потратил время зря. Процесс создания книги сам по себе настолько увлекателен, настолько возвышает в этот момент человека и уводит в такие сияющие высоты и такие зияющие пропасти его собственной души, что мне остается только благодарить судьбу за то, что она подарила мне трудное, ни с чем не сравнимое счастье литературного творчества».

* * *

Портрет

Это был портрет Эрнеста Хемингуэя.

Я увидел его сразу, едва мы вошли в райунивермаг «Моздокские узоры», – и предложил купить. Люда согласилась. Мы еще не были мужем и женой, и даже не знали, поженимся ли когда-нибудь, но теперь, когда мы женаты, я вижу, что этот портрет – первое, что мы купили для своей семьи.

Потом, когда я поехал к ней в Нальчик и мы расписались в загсе и жили на квартире у скупой молодящейся женщины, этот портрет висел в узком простенке между двух окон и снисходительно наблюдал нашу жизнь.

Была поздняя холодная осень. В окна был виден большой голый сад, щедро устланный пожелтевшими листьями, и узкая асфальтированная дорожка в дальнем углу сада. Между деревьев бегала огромная собака Сильва, глупая, не обученная делу охотная сука. Она громко лаяла на озябших воробьев и размахивала толстым, скверно обрубленным хвостом.

В комнате стояли кровать, круглый стол, две старенькие голубые табуретки и совершенно пустой книжный шкаф. Хозяйка на днях развелась с мужем, тихим вахтером на фабрике игрушек, и он ушел от нее, взяв лишь книги. Постель, белье, одежда и портрет Хемингуэя были наши, остальное принадлежало хозяйке.

Комната была большая и выглядела пустой; стекло в правой стороне одного окна кем-то разбито. Мы были молодые, недавно поженившиеся и не замечали неудобств. Но хозяйка постоянно бурчала, что из нашей комнаты дует. Можно было съездить на рынок и купить у стекольщика нужный прямоугольный кусок стекла, но у нас не было времени. Иногда, в субботу или воскресенье, мы даже забывали поесть. Я заделал оконный проем куском фанеры и картоном, и в комнате стало теплее. Но это я сделал ради хозяйки, а нам с Людой было все равно.

Мы работали с ней на одном заводе и после работы доезжали до центра города и шли до дому пешком, заскакивая по пути в магазины, чтобы приобрести чего-нибудь съестного, или просто заходили в приличное кафе, чтобы выпить пива или сухого вина и хорошо пообедать. А иногда мы ехали домой сразу: закрывались в комнате и любили друг друга, не дождавшись ночи.

Мы были так молоды, что не верили в возможность смерти, и так счастливы, что хотели умереть сейчас.

В начале декабря, когда установились ясные морозные ночи и в окна светила громадная апельсиновая луна, в доме испортилось паровое отопление. Батареи были холодные, как бетон. <...>

Я вспомнил это сегодня, когда увидел, что угол на портрете Хемингуэя потерялся, взял иголку с короткой белой ниткой и аккуратно заштопал угол.

Почтовая марка

В апреле 1969 года я сделал вторую попытку закрепиться если не в Ставрополе, хотя бы на Ставрополье, и навестил в те дни писателя Вадима Куропаткина.

Он обрадовался, увидев меня, и предложил поехать на главпочтамп вместе. В руках у него была толстенная папка с его романом.

- Что за спешка? – поинтересовался я.

- Понимаешь, Николай, – охотно стал рассказывать Вадим, обычно более спокойный и сдержанный, – недавно вернулся из Москвы. Был на Пятом всесоюзном совещании молодых писателей, в семинаре Франца Таурина. Не слышал о таком?

- Нет, не слышал, – признался я.

- Это довольно известный сибирский прозаик. Пишет объемные романы. Как принято говорить – «на производственные темы». Но, уверяю тебя, не конъюнктурщик. Старается быть по возможности честным.

- Верю, верю, – перебил я. – Уж ты-то знаешь сибирскую жизнь досконально, а я знаком с ней лишь понаслышке. Лучше скажи, как прошло совещание?

- Таурин сравнил меня с молодым Достоевским. «Обратите внимание, – говорил он на семинаре, – как естественно вводит автор в ткань повествования новых героев. Женщина пошла взять сена, ткнула в стог вилы, а оттуда выскочил Кузьма. Очень эффектное появление. Дай Бог каждому такую редкую, в общем-то, способность!»

- Мне тоже нравилась эта сцена, только я не смог бы объяснить ее так точно и популярно.

- Таурин – профессионал, – успокоил меня Вадим и, хлопнув ладонью по папке, поделился главной радостью: – «Синь-ягоду» рекомендовали к печати в издательстве «Молодая гвардия». Знаешь, там еще серия такая есть – «Молодые писатели»?

- Знаю. Недавно прочел в этой серии «Теорию невероятности» Михаила Анчарова. Замечательный прозаик.

Но Вадим не был расположен сегодня говорить о других. И теперь я хорошо понимаю его. Ведь это и вправду был самый звездный час писателя Куропаткина, когда все вокруг казалось возможным и благополучным. <...>

Притча о двух братьях

– Пошли наберем вина, пока накроют на стол, – пригласил Лери. Он хорошо и правильно говорит по-русски, потому что учился в Тбилиси в строительном

техникуме. Но так и не стал прорабом. Познакомился с сомнительной компанией, научился играть в карты и колесил на электричке до Рустави и обратно, обгрывая попугачиков. За ним стали охотиться конкуренты. Арчил приехал и увез сына в село. Два года назад Лери вернулся из армии, но пока еще ни разу не рискнул съездить в столицу. О этом я узнал во время нашего пребывания в подвале. Мы спустились сюда по шаткой деревянной лестнице из четырех ступенек.

- Один кувшин остался, – с ноткой легкого сожаления произнес Лери. – В остальных давно дно показалось. Немного раньше приехал бы, лучше было.

Он присел на корточки перед земляным бугорком и очень бережно стал сгребать его в сторону.

Я огляделся. Подвал длинный, сумрачный, с паутиной по углам. У стенки – старый кухонный стол с раскрытыми ржавыми тисками. Вверху идет толстая, как шпала, деревянная балка. В балку вделаны железные крючья, на одном из них гирлянда крупного чеснока, на другом – чистые резиновые сапоги. Осенью Арчил с сыном по очереди обуваются в них и дают собранный виноград в самодельном деревянном ящике, откуда сок, который даже в начале этого процесса называют молодым вином, сбегает по приготовленному желобу в закрытые здесь кувшины.

- Попробуй, – предложил Лери.

Он уже открыл кувшин, убрал слой виноградных листьев, собрал в кружку плесень и с короткой молитвой вылил в угол. Кувшин огромный – горлышко у него как колесо телеги. Запах вина ароматной волной распространился по подвалу. <...>

Прощание с Грузией

Я проснулся среди ночи и понял, что пора уезжать. Необходимый ритуал поездки был выполнен: отдохнул, повидался с родственниками, пора и честь знать. Зыбкая же надежда, которая грела на уровне подсознания, растворилась, как таблетка от кашля. Грузия никогда не станет моей родиной.

Нелегко было убедить Арчила в том, что пришел момент расставания. Ему нравились мгновения встречи, и он люто ненавидел процесс прощания.

Мы стояли на обочине. Мимо стремительно неслись машины. У многих на лобовом стекле красовался портрет И. В. Сталина. Так Грузия утверждала свое право на развенчанного «отца народов».

Вряд ли еще хотя бы один грузин достигает такой известности и такой власти. Досадно, конечно, что его слава масштабнее славы Руставели, но тут уж ничего не попишешь. Хвалиться приходится тем, что есть, а не тем, чем хотелось бы.

Показался автобус. Лери проголосовал, но автобус не остановился. Еще один промчался мимо, а третий, наконец, притормозил. Шипя воздухом в шлангах, открылась задняя дверь.

Я торопливо перецеловался со всеми. Вскочил на ступеньку. Арчил подал рюкзак.

- Коля, – сказал он. – Извините, если было не так. Приезжайте. Осенью хорошо – урожай убираем. Другой раз лучше будет.

- Больше никто не едет? – крикнул шофер.

- Мы поедем одно место, – торопясь говорил Арчил. – Там мой друг. Там хорошо. Лучше, чем Шавшвеби. Красивее. Там есть это... Как сказать по-русски? Лери! Как это будет по-русски?..

Автобус тронулся.

- Водопад! – закричал Арчил. Водопад, Коля! Очень красиво! Там вам будет хорошо писать! Слышите?!

Я кивал и смотрел сквозь обширное заднее стекло на их удаляющиеся фигурки. <...>

Молодой человек в эпоху Брежнева

За год до начала этой истории различные события не то чтобы масштабно сотрясали страну и ее устои, но пикантно нервировали население, обдувая народ сквозняком испуга и придавая обыденному потоку жизни колкий привкус нарзанной свежести.

Сначала состоялся суд над писателями Синявским и Даниэлем, назначивший им за их творчество тюремные сроки в семь и пятнадцать лет соответственно.

Михаил Шолохов, выступая на XXIII съезде КПСС, посчитал приговор слишком мягким.

Впечатлительная и честная до одури Лидия Чуковская в открытом письме Шолохову, которое бродило по стране в «самиздате», пообещала нобелевскому лауреату, что литература отомстит за себя сама и приговорит Шолохова к высшей мере наказания – к творческому бесплодию.

Стрела попала не в бровь, а в глаз! Только ленивый не знал, что Шолохов вот уже двадцать лет усердно и безуспешно пишет роман «Они сражались за Родину» и никак не может закончить.

На этом фоне даже смерть Анны Ахматовой 5 марта 1966 года в подмосковном санатории произошла как-то не очень горько и не очень заметно. Страна, как всегда активно, включилась в празднование Женского дня, и ее тело доставили в Ленинград только 10 марта.

Вот уж действительно год так год! Сплошная писательская лихорадка буден в миноре траура и грызни.

А что сказать о нынешнем? Пятидесятилетие Октябрьской революции? Так ведь юбилей будет осенью, а на дворе весна-красна на излете.

Хотя главное для меня и моих друзей вовсе не эпохальные события, не разломы советской истории, а ожидание предстоящих экзаменов. Время, о котором школьные учителя настырно твердили нам изо дня в день, на протяжении всего учебного года, – это время подступило.

Чем дальше ты ждешь чего-то, тем внезапно оно грядет для тебя!

Отрывок из романа «Период полураспада»

Скрипаль Сергей Владимирович (род. 14.02.1960) – писатель, педагог, служил в Демократической Республике Афганистан.

Сергей Владимирович Скрипаль родился в г. Темиртау, Карагандинской области, Казахской ССР. Дед по материнской линии, Иван Фёдорович, ветеран Великой Отечественной войны умер в 1967 году, дед по линии отца, Максим Иванович, погиб под Калининградом в 1942 году. Отец, Скрипаль Владимир Максимович, горнорабочий Казахской Магнитки, варил сталь, умер в 1995 году. Мать, Валентина Ивановна Скрипаль,

бухгалтер. В 1972 году Сергея семья переехала из Казахстана Невинномысске.

В Невинномысске Сергей Скрипаль закончил 8 классов и поступил в Невинномысский химико-механический техникум. В 1979 году был призван в армию. Служил в вертолётном полку в Афганистане, побывал в Шинданде, Кандагаре, Кабуле, Пандшере, Джелалабаде, Газни. После демобилизации хотел завершить своё первое химическое образование и учиться в Московском нефтехимическом институте им. Губкина, но поступил на филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института. Закончил его и проработал в школе с 1987 по 1999 год. Был учителем русского языка и литературы, завучем по учебно-воспитательной работе, заместителем начальника районного отдела образования, директором школы. Основными направлениями педагогической деятельности Сергея Владимировича были организация военно-патриотического воспитания и воспитание разносторонне развитой личности. Скрипаль С. создал клуб патриотического воспитания «Контингент-Олимп».

В 1985 году Сергей Скрипаль написал повесть «Контингент». Затем в соавторстве с Геннадием Рытченко написал книгу «Шурави», которая была продолжением первой книги, позже переименованную в «Афган». Обе книги, объединившись, получили общее название «Контингент».

После смерти отца в 1995 году Сергей возвратился к теме Великой Отечественной войны. Результатом размышлений стала повесть «Солдат», в которой воплотились воспоминания отца, мамы, бабушки.

Живет в Невинномысске.

* * *

Оккупация Ставрополя – Ворошиловска: войны хватает на всех

Не так давно пришлось мне прогуливаться возле Дворца детского творчества в Ставрополе в ожидании деловой встречи. Со временем – полный цейтнот, а тут еще партнер явно задерживался. Что поделать, ритм современной жизни сумасшедший, на дорогах пробки. Нервно поглядывая на часы, я подошел к памятнику «Юным защитникам Отечества 1941 – 1945 г.г.», установленного по инициативе сына полка В. Мовзалева.

О задумке памятника и его воплощении в камне можно рассуждать и спорить, однако одно бесспорно – памятник нужный, он должен напоминать всем нам, ныне живущим, о подвиге, который совершали совсем юные люди, дети, прожившие первые десять-пятнадцать лет своей жизни. Очень хорошо, что в России увековечены и те, кто добывал Победу в сражениях, и работники тыла, и маленькие защитники Родины. Но, наверное, не стоит забывать и тех, кому в годы войны было совсем уж мало лет, кто полной мерой хлебнул тягостей лихолетий.

Несколько лет назад судьба подарила мне встречу с уроженцем Ставрополя Николаем Шавыревым. Еще в начале шестидесятых годов прошлого века его семья переехала в Курскую область. Николай Петрович приезжал в город своего детства просто для того, чтобы побродить по старым улицам, постоять у своего дома где-то за Нижним рынком, освежить в памяти то, что на протяжении многих лет потускнело, истерлось. Познакомились и разговорились мы с ним в кассах железнодорожного вокзала. Мой новый знакомый оказался интересным собеседником и занимательным рассказчиком. На его предложение подняться на троллейбусе до улицы Советской, а затем спуститься вниз по проспекту, я охотно согласился.

В день оккупации Ворошиловска (бывшее название Ставрополя) 3-го августа 1942 года Николаю исполнилось 9. Ни о каких подарках или праздновании речи, конечно, не шло. Отец, рабочий завода «Красный металлист» уже несколько месяцев был на фронте, мать, напуганная происходящим, не отпускала сына на улицу. Однако Николай все же выбрался из дома и вместе с другими мальчишками побежал к проспекту Карла Маркса, к своей 4-й школе. Хорошо, что не дошли тогда пацаны, поскольку прямо на их глазах здание вспучилось и стало оседать в облаке пыли. В школу попал фугас, сброшенный фашистским бомбардировщиком. Вой налетавших на город самолетов, страшный грохот, свист осколков и пулеметных очередей отогнали мальчишек назад, бросились они бежать к своим домам. Николай только запомнил, что осколками бомбы задело лошадь, запряженную в телегу, она дико ржала, билась в постромках и, наконец, затихла.

Надо же, Николай Петрович рассказал эпизод, знакомый мне давно. В предисловии к моей первой книге, повести «Контингент» известный ставропольский журналист и писатель Вадим Белоусов писал: «...настоящую войну я

видел. Не из солдатского, конечно, окопа, а из сугубо штатской щели, что наскоро вырыли во дворе взрослые при первом налете бомбардировщиков. Но свист бомб над головой слышать довелось, и прятаться от пулеметных очередей тоже, и видеть горящие дома на своей улице, а также лошадь с развороченным брюхом в изломанных оглоблях от колченогой телеги без укатившегося неведомо куда переднего колеса рядом с присыпанным известковой пылью неподвижным человеком, лицо которого было смято в багровую кашу...»

Чтобы проверить свою догадку, я спросил у Николая Петровича, где это было, хотя бы приблизительно, не помнит ли он?

– Да вот тут и было, – он махнул рукой в сторону гостиницы «Интурист». – Чуть ниже перекрестка.

Именно на это место указывал когда-то и ныне покойный Вадим Александрович Белоусов.

На месте цирка во время войны был небольшой клочок земли, засаженный кукурузой. Странно, но много стеблей уцелело после бомбежки и обстрелов. Мальчишки собирались тут иногда, если удавалась охота за дикими голубями. Добывали птиц на чердаках домов, школ, больниц.

– Не понятно, как нас не постреляли немцы, – удивлялся Николай Петрович. – Ведь почти на глазах у них лазали на крыши по внешним металлическим лестницам. Некоторые смеялись, тыкали в нас пальцами, кто-то грозил автоматом, приказывая слезть сейчас же, кто-то даже целился.

Потом жарили голубей на костре, разведенном среди кукурузных стеблей, иногда находили целые початки кукурузы, в общем, пировали мальчишки, но не забывали и о своих семьях, обязательно уносили домой добрую половину.

А потом в одночасье немцы закончили эти посиделки. Видимо, запах приготовляемой дичи привлек внимание оккупантов, расквартированных в одноэтажных домах на проспекте, вышел из дома фашист, что-то крикнул, а потом поднял автомат и крест-накрест засадил пару очередей по кострищу. Мальчишки бросились вон, немец подошел к месту пикника, собрал зажаренных голубей и ушел назад в дом. Очень скоро кто-то поджег остатки высушенных стеблей кукурузы.

В тот раз встреча у Дворца детского творчества так и не состоялась, зато я укрепился в мысли – мне хочется узнать что-то еще о детях оккупированного Ставрополя, о военном детстве ровесников Николая Шавырева.

Фашисты вошли в село Михайловское летним днем, с лязганьем танковых траков, с завыванием моторов грузовиков, с редкой стрельбой. Взрослые женщины были в поле. Услышав шум в селе, бросились домой, там ведь дети. Быстро прятали хоть что-то более-менее ценное. Кур закрывали на чердаках, пришлось жертвовать петухами, чтобы своим кукареканием не выдали места схронов. Вымазывали дегтем редких в хозяйствах поросят, выдавая их за больных. Оккупанты, обходя село с целью добычи продуктов, брали всё, что нравилось, а этими поросятами пока брезговали.

В небольшой хате, где жили мать с тремя детьми, поселился солдат вражеской армии, сам себя он называл поляком и довольно сносно мог общаться. Солдат был спокойным, многого не требовал, только раздражал его ночной плач младенца: не давал отдохнуть ночью голодный мальчонка. Поляк вышел из положения – всучил хозяйке хлеба и сахара, велел подкармливать мальчика. Мать экономно расходовала подаренный хлеб, разжевывала мякоть, добавляла в него сладкого порошка, заворачивала в марлечку и вместо соски давала ребенку. Мальчишка успокоенно засыпал. Но в это же время некуда было деваться матери от огромных голодных глаз трехлетней дочери, в них дрожали слезы обиды и непонимания:

– Ваньке даваяааааа, а мне не даваяаааа... .

А что было давать, кроме хлеба вперемешку с лебедой, распаренных зерен кукурузы да пары сваренных картофелин на всех?!

Валентина Кныш рассказывала, что ходила изредка с подружками на вокзал. Смотрели на эшелоны, уходящие со станции. Иногда из вагонов теплушек немцы бросали что-нибудь съестное под ноги детям. Разные люди стояли под ружьем: кто посередобольней – и кусок сала давал, кто хлеба, а кто-то презрительно выплевывал изо рта конфету-леденец.

Голодно и холодно во время оккупации. Летом хоть что-то можно было добыть в поле, в лесу, а с наступлением холодов и на это рассчитывать не приходилось.

Когда активизировались в лесах партизаны, стали наносить все более и более ощутимые удары по врагу, жизнь в захваченных населенных пунктах вообще становилась невозможной. Лютовали фашисты, бесконечно проводили обыски, прочесывали чердаки, погреба, постройки. Давно не стало припрятанных кур, сожрали оккупанты и «больных» кабанчиков. По ночам стала слышна приближающаяся и приближающаяся канонада артиллерийских орудий. И вот 21 января немцы побежали. Отступление было таким же молниеносным, как и наступление Советской армии.

Жители села Московского рассказывали, что уходили фашисты быстро. Грузились в машины, на телеги, навьючивали на верблюдов свое и награбленное имущество и двигались в сторону дороги на Ростов. Вездесущие мальчишки уже бежали к околице, откуда слышался победный рев советских танков.

«Война – это продолжение политики иными средствами». Слова принадлежат немецкому писателю Карлу Фон Клаузевицу.

Что же за зверь, эта самая политика, которая позволяет достигать поставленных целей любыми способами, включая войну? Неужели недостаточно других средств: договоренностей, пактов, иных возможностей, лишь бы избить бряцания оружием?

Неужто нельзя сделать так, чтобы никакой войны никогда не было?!

Отрывок из повести «Осколки»

Двадцать два года минуло с окончания Афганской войны. Она уходит в историю, но не вычеркнуть сто тринадцать месяцев боев из памяти участников, их родных и близких. За почти десять долгих лет той войны было много рейдов, стычек с врагами, радостных встреч и горьких прощаний. Через все прошли. Только страна пыталась забыть, вычеркнуть «неизвестную» войну, поскорее сделать ее «забытой». Не получилось. Память людская не дала этого сделать. В разных городах бывшего СССР появлялись и появляются памятники, обелиски и стелы, увековечивающие героизм моих сверстников. Наверное, есть за что. Но не только в камне, граните или мраморе память живет, есть еще память слова, она-то и не дает покоя людям, владеющим в разной степени пером, из-под которого появляются строки об Афганской войне, о солдатах и офицерах, об их ежедневном тяжелом военном пути, об их судьбах, по-разному сложившихся в гражданской, мирной жизни. Вот небольшой эпизод, отрывок из повести «Осколки», которая в этом месяце выходит из печати в одном из московских книжных издательств.

Ненаписанные письма погибших солдат

Теперь я знаю, почему молоденькая цыганка на осенней привокзальной площади Армавира как-то неловко отодвинула, почти отбросила мою ладонь от себя, несмотря на мятый рубль, обещанный ей за гадание. Вокруг гоготали, громко переговаривались, толпились такие же призывники, как и я, какие – то взъерошенные, хоть и стриженные накороть, возбуждённые и неестественно весёлые. Цыганка долгое время крутилась в толпе будущих солдат, переходила от одного к другому, профессионально выуживала деньги и весело предсказывала парням их близкую и далёкую судьбу. Когда я протянул ей руку, в её чёрных глазах мгновенно пробежала серая рябь. Девчонка отшатнулась и, перешагивая через рюкзаки и чемоданы, торопливо ушла в вокзал. Я так и стоял с зажатым в ладони рублём, не зная, как реагировать. Парни хлопали меня по плечам, шутили, а потом затащили в кафе.

Интересно, почему именно сейчас глаза той цыганки всплыли в памяти. Прошёл целый год после проводов в армию, долгой и нудной езды в воинском эшелоне, где пили все беспробудно и отчаянно, с песнями и бешеными танцами, напоминавшими лезгинку и гопак, на станциях. Начальник эшелона запретил выходить из вагонов, но проводники, щедро оплаченные за поставку водки, не сильно сопротивлялись уговорам парней и открывали двери. После более жёсткого распоряжения начальника, у выходов стоял караул из таких же пьяных, как и мы, сержантов и офицеров. С ними было сложнее договориться. В соседнем от нас вагоне везли горячий народ из республик Северного Кавказа. Недолго думая, они высадили несколько стёкол

и всё равно плясали странный танец на перронах, вводя в ужас вокзальных начальников и пассажиров...

.....
...Меня зовут Илья Глазунов. Нет, нет, никакого отношения к великому художнику я не имею. Так сложилось. Хотя, по-видимому, если бы Бог дал мне хоть малейший дар рисования, я бы писал величественные полотна с горами, пустынями, рассветами и закатами, озёрами и бурными реками, днями и ночами, лицами и глазами, подобным тем самым цыганским, что западало в душу с первого взгляда, и любоваться этим можно было часами, но не всегда удавалось...

Как я уже сказал, никакого родства с известным художником у меня нет. Хотя, по утверждению некоторых философов, все люди – братья. Так вот, один из этих братьев и всадил в мою грудь сдо неприличия близкого расстояния с десяток горячих акэемовских пуль. Я сразу понял, странно, почти без сожаления, что если бы не снял осточертевший бронезилет, то всё равно не спасся бы от ревушей очереди.

.....
Я знаю, что будет дальше. Пока не закончится бой, я буду лежать возле дувала. Мимо пробегут ребята из моего взвода. Остановиться у них не будет времени, поскольку духи всерьёз решили выбить нас из этого кишлака. Вряд ли им это удастся. Парни наши разъярены потерями и предательством старейшин, которые неделю назад с поклонами и заверениями в вечной дружбе, взяли несколько бочек керосина и консервы в ящиках в обмен на условие, что их кишлак теперь “договорный”, и стрелять из него не будут. Что – то не спеклось видать...

Вчера мы вошли сюда, как только спустились с гор после поиска, потные, грязные, взвинченные бесполезностью недельного рейда и глупыми потерями двух ребят. Одного снял снайпер, как только он выглянул из – за гребня скалы, а другой сорвался в пропасть и долго кричал в полёте. Мы с наслаждением мылись холодной водой из колодца, пили студёную воду до ломоты в зубах, я даже успел постигнуть свою хэбэшку, и, когда она высохла, с удовольствием влез в уже ветхую, но приятно пахнувшую чистотой материю. Недолго пришлось радоваться... Перед рассветом духи атаковали. Мы – отбились. Они атаковали ещё раз, уже посерьёзней, но мы успели вызвать вертушки...

Потом настала тишина.

Я курил в тени дувала. Ветерок приятно обдувал. Вот и подумалось, что неплохо было бы обсушить гимнастёрку на ветру. Снял бронезилет, уселся на него и расстегнул куртку. Даже задрёмывать стал, так меня разморило. Шорох за поворотом дувала только чуть встревожил меня. Сквозь ленивую одурь я предположил, что кто – то из наших идёт, но всё же отогнал дрему и встал... Тут – то в меня и всадил очередь мой философский брат...

Теперь я лежу в пыли под стеной дувала. Когда меня подберут и кто – не знаю. Если духи, то непременно отрубят голову, гениталии, вспорют живот, а потом может быть подбросят в расположение наших частей, а может, просто выбросят на потеху шакалам и прочей нечисти.

Если наши, то долго будут ждать вертолёт, загрузят в него, отвезут в часть, а там закупорят в цинк и – домой... Дай Бог, чтоб хоть так!

Что будет дома, я тоже знаю. Плач и слёзы, проклятия и стенания, потом молчание и неизбывное горе на всю жизнь маме и папе.

Я вас люблю, дорогие мои!

.....
И всё же странно, почему в последний миг я увидел те самые чёрные цыганские глаза?!

Штык-нож

Не везло Федюне со штык – ножом почти до самого дембеля. Как только он к нему не прилаживался, всё шло отвратительно. Причём даже на учениях, когда приходилось присоединять ножны к лезвию, резал проволоку, как и все остальные, втыкал его в чучела, набитые соломой. И ничего. Абсолютно! Всё было в порядке. Но стоило... Впрочем, всё по порядку.

В самом первом наряде по роте, стоя на тумбочке, Федюня, дождавшись отбоя, вынул штык – нож из чехла, покрутил его так и сяк, полюбовался матовой поверхностью, поелозил пальцем по тыльной стороне, где имелаась насечка “для пилки дров”, так её называл сержант взвода. Провёл ногтем по лезвию, убедился, что резать таким ножом практически ничего нельзя, вздохнул и всунул штык обратно в ножны.

Кто стоял по молодости лет дневальным на тумбочке, тот знает, что хуже ничего нет. Все дрыхнут, только дежурный по роте Борисыч сидит в канцелярии, позёвывая, читает книгу и курит. Федюне тоже хотелось курить, но долг обязывал стоять ещё полчаса. Это потом уже можно будет пару часов прикорнуть и опять на пост. Эххехехехехе... Тягомотно! Федюня заинтересовался кольцом на ручке штык – ножа, погладил его гладкую поверхность, слегка источенную от времени. Чёрт его знает, как указательный палец попал в это кольцо?! Федюня потянул палец на себя. Ага. Не лезет назад. В суставе застрекает. Федюня засопел, потянул сильнее, придерживая нож другой рукой. Никак!

- Борисыыыыч... Борисыыыч, – потихоньку позвал Федюня, не смея отойти ни на шаг от боевого поста, вытягивая шею, пытаясь заглянуть за угол, откуда видна открытая дверь канцелярии. Не удалось, и Федюня позвал громче:

- Борисыыыч...

Где-то на первом этаже казармы гроыхнула дверь. Федюня от ужаса вспотел. А вдруг это дежурный по полку?

- Борисыыыч... – уже почти в полный голос всхлипнул Федюня.

- Ну, чего тебе, – злобно зашипел появившийся, наконец-то, Борисыч, запанно шурясь в полумраке коридора. – Чего орёшь?

Федюня ткнул левой рукой в капкан.

- Тут, понимаешь... Это... Как его...

- Ах, ты, – Борисыч матюкнулся от неожиданности – Ну, Федька, ну, гад! Ты специально?

Федюня только жмурился в ответ, что-то бормотал, жалко оправдываясь и дёргая рукой.

- Да погоди ты, – соображал Борисыч. – Не дёргайся! – пытался круговыми движениями стянуть штык с заметно припухшего пальца Федюни.

- Вот же хрень какая! – Федюня осмелел. – Слышь, Борисыч, давай я слюной натру.

Федюня плюнул на палец, растёр слюну. Но палец никак не хотел вылезать из тисков кольца. Наконец Борисыч сообразил, сбегал в кубрик, приволок кусок мыла. Федюня опять наплевал на палец, намылил погуще, и кольцо почти без усилий покинуло пострадавшее место.

- Иди, спи, – буркнул Борисыч, – Балбес!

За всей этой вознёй время пролетело незаметно. Федюня разбудил второго дневального и, не раздеваясь, лёг.

Уже утром, после подъёма, когда рота ушла на завтрак, Федюня стоял в очередную смену на тумбочке, предвкушая, как он вскинет руку к виску и заорёт хорошо поставленным голосом при появлении командира: “Рота, смирно! Дежурный по роте, на выход!”. Федюня даже разволновался, представляя себе эту замечательную картину. Начал одёргивать китель, чтобы ни одна морщинка не выглядывала, поправил галстук, подравнял фуражку. Уже на втором этаже слышались чьи-то шаги. Федюня резко опустил руки вниз, принимая стойку “смирно”, и палец сам влетел в растреклятое кольцо штык – ножа. . .

В общем, когда вошёл командир роты, он был озадачен видом дневального, согнувшегося задом к двери, пыхтящего, бормочущего что-то невнятное, дёргающего локтями.

- Дневальный, – негромко окликнул капитан.

Федюня дёрнулся, повернулся красным потным лицом к командиру, роняя фуражку, и пролепетал ненужное:

- Рота, смирно... Дежурный, на выход, – при этом тщетно дёргая правой рукой с намертво зажатым в кольце штык-ножа пальцем.

Эхххх... если бы только это. Ну, посмеялись в роте, позабавились над Федюней и забыли. Так нет же. Дальше было хуже.

Находился взвод в карауле. Федюне достался пост на учебном аэродроме, обнесённом колючей проволокой, с прожекторами по углам квадратной территории. Декабрь. Снегу намело полно. Вроде бы и мороз с ветром сырым, промозглым, Прибалтика ведь, а снег всё равно подтаивает. То сосулька звякнет сорвавшаяся с крыла самолёта, то снег зашуршит и гулко рух-

нет с крыши мастерских. Федюня кутается в караульный до пят тулуп, тяжело ходит в валенках, натянутых прямо на сапоги. В общем-то, Федюне не страшно. Скучно только, развлечься нечем. Курить не хочется, да и по уставу нельзя. Ходил так Федюня, ходил, изредка вздрагивал от непонятных звуков. Прицеливался из автомата на воображаемого врага, резко высовывался из-за углов строений, перебегал от самолётов к вертолётам, представляя, как будет задерживать забравшегося на пост злодея с обязательным криком: “Стой, кто идёт!”, досылом патрона в патронник и следующей командой: “Стой, стрелять буду!”, затем выстрелом вверх, а потом всё как-то невнятно представлялось в сладкой мути. Понятное дело, что злодей взят в умелом бою, ну, там слава, может быть награда и обязательный десятисуточный отпуск с поездкой домой. А там... Федюня аж зажмурился от представленных удовольствий. Ясное дело, поход в клуб на танцы в парадной форме, с тускло мерцающей на груди наградой. Федюня её ещё не представлял, успокаивая себя, что потом разберётся, что за награду ему присвоили.

Яростный стук поезда, пробежавшего по недалёкому железнодорожному пути, помешал размышлениям. Федюня вновь заходил по надоевшему посту. Подошёл к огромному тополи и, шепча: “Стой, кто идёт!”, нанёс примкнутым к автомату штык-ножом удар в ствол. Штык покорно вошёл в древесину. Федюня потянул оружие на себя. Неа... Штык сидел прочно. Федюня потянул ещё и ещё. Результат тот же. Тогда он принялся раскачивать автомат, потихоньку пытаясь высвободить лезвие. Еле слышное “кряк” судным колоколом раздалось в голове часового. Безобразный обломок ножа торчал из дерева, а над стволом автомата торчала такая же безобразная ручка...

Что уж тут рассказывать, как дальше было дело. На губе трое суток Федюня отбарабанил час в час.

“Дальше что было?” – спросите вы. Да так и было дальше. Однажды, уже на другом посту, огороженном двойным рядом колючки, Федюня пострадал из-за комбата Халеева, вздумавшего проверить молодого бойца.

- Рядовой, – размышляя, чего б такого сказать, произнёс майор, – даю вводную. Противник нападает вот из-за тех кустов, – уже уверенно Халеев ткнул пальцем на густой ольховник, росший неподалёку от входа на пост.

Федюня рухнул плашмя на землю, срывая предохранитель автомата и передёргивая затвор, лихо перекрутился через спину к опоре прожектора и, конечно же, ударяя по ней сразу отскочившим обломком штык-ножа.

Ещё хотите? Пожалуйста! Уже в Афгане Федюня сломал не меньше пяти штыков. Парни развлекались, по-детски играя в ножички, втыкая в песчанопыльную мякоть земли штык-ножи. Федюня вошёл в азарт, плюнул на зарок не прикасаться к этой хрупкой вещи. Бросил штык, и он попал в камень, предательски лежащий под тонким слоем грунта.

В рейде все открывали консервы именно штык-ножом. И ничего. Стоило то же самое сделать Федюне, Борисыча рядом не оказалось, о результате нет смысла говорить!

Вот ведь какая война нешуточная разгорелась между неодушевлённым предметом и вполне даже сообразительным и хорошим солдатом!

Поэтому Федюня таскал с собой маленький консервный ключ и перочинный нож неплохих размеров. А штык-нож носил, как и все. Положено по уставу, что ты тут поделаешь?!

Случилось так, что на прочёсывании кишлака Федюня оторвался от своего напарника Борисыча, скользящего во дворик за высоким дувалом. Федюня видел, что Борисыч исчез, и двинулся вдоль глинобитной, покорёженной пулевыми отверстиями и выбоинами стены назад, чтобы в случае чего прикрыть друга. Борисыч уже смело топал по двору, давая тем самым понять, что здесь всё в порядке. Федюня выдохнул успокоенно, поправил ремень выставленного вперёд автомата и устало оперся плечом о тёплую стену. Тут-то и навалился откуда-то сверху на Федюню дух. Выбил из расслабленных рук оружие, зажал рот солдата горячей ладонью, а другой рукой схватил Федюню за горло, пытаясь вырвать кадык. Федюня даже и не думал кричать, отдавая все силы тому, чтобы как-то вывернуться из жёсткого захвата, дать возможность воздуху прорваться в лёгкие. Он яростно вцепился в душившие пальцы, но не смог отлепить их от горла. Наконец, Федюня сообразил каким-то уголком подёрнутого туманом сознания и, с трудом разлепляя раздавленные в кашу губы, грызнул передними зубами мизинец напавшего. И тут Федюне не повезло. Как раз на мизинец духа красовался серебряный перстень с камнем. Зубы Федюни ломаясь от силы челюстей соскользнули с него и уже острыми обломками впились в палец.

Дух отдернул руку, но тут же сдавил ею шею шурави, помогая другой руке, уже давно душащей Федюню. Этого времени Федюне хватило, чтобы перевернуться на бок и всадить в спину афганца непонятно как попавший в руку штык-нож. Дух завизжал, отталкивая от себя Федюню, но тот ещё и ещё раз воткнул штык в уже ослабленное тело врага. Федюня поднялся на колени, душман ещё был жив, изо рта его текла кровь со слюной. Он потянул руки к Федюне, страшно блестя белками глаз. Федюня как-то равнодушно ткнул его в живот штыком несколько раз, не замечая бьющейся блестящей внутренности, пульсирующе выползающей из живота, распространяющей жуткое зловоние.

Борисыч оттащил Федюню за плечи от трупя.

- Федюня, Федюня, ты цел?! – Борисыч ощупывал окровавленного Федюню.

- Ты глянть, Борисыч, – хрипло отплёвываясь кровью, пробормотал потерянно Федюня. – Нож-то... не сломался...

Сутулов-Катеринич Сергей Владимирович (настоящая фамилия Сутулов, вторую часть фамилии взял в память о матери) (род. 10.05.1952) – российский поэт, журналист, киносценарист, по его сценариям снято свыше тридцати документальных фильмов, член Союза писателей XXI века, Союза российских писателей и Союза журналистов России, главный редактор международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2007», премии жур-

нала «Зинзивер», Международной литературной премии «Серебряный стрелец», конкурса имени Петра Вегина. Трижды становился лауреатом премии имени Германа Лопатина, учреждённой Ставропольским краевым отделением Союза журналистов России.

Сергей Владимирович Сутулов-Катеринич, родился в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области (ныне он находится в Республике Казахстан), куда ещё в самом начале Великой Отечественной – из Кривого Рога – сослали его деда, хирурга (чистокровного немца). Дед умер в 1956-м, не дождавшись известия о реабилитации. В 1965 году его родители переехали в город Пятигорск, Ставропольского края. В 1977 году окончил историко-филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы в средней школе хутора Васильевского Кочубеевского района Ставропольского края, позже – штатным корреспондентом Пятигорской краевой студии телевидения. С 1980-го по 1990-й – работа в редакции краевой газеты «Ставропольская правда» на разных должностях: от корреспондента до специального корреспондента и заведующего отделами новостей и культуры. В этот же период заочно окончил (в 1986-м) сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова. Первые публикации стихов и новелл в региональной периодике – к концу 70-х – началу 80-х. Из поэтических проектов разных лет самыми значимыми для себя поэт считает коллективные и авторские сборники «Гончарный круг», «Моё мгновенье в мире этом», «Дождь в январе», «Дикоросы. Приют неизвестных поэтов», «Азбука Морзе», а также публикации – в общероссийской газете «Трибуна» и международном литературном журнале «Сетевая Словесность».

Ввёл в литературный оборот новый термин «поэллада» (от слов «поэма» и «баллада») – в этом жанре написал ряд произведений: «Небо в разную по-

году), «Ангел-подранок», «Пушкин. Осень. Шевчук», «Русский рефрен», «Остров Скрытень», «Космодром для дураков», «Остров Скрытень», «светожизнисмертотень», «Ореховка. До востребования», «Камыш отшумел, шумер!..».

* * *

Бегущий по небесам

Что общего между поэтом и пилотом? Пока читатель размышляет над ответом на этот достаточно неожиданный, но отнюдь не риторический вопрос, поспешу ошарашить его своей версией: «Машук!» Та самая легендарная гора, на склоне которой убили поручика Михаила Лермонтова. Тот самый Машук, у «Провала» которого продавал билеты незабвенный Остап Бендер сотоварищи. Ну а о городе, уже почти опоясавшем Машук, отдельная песнь. Пятигорск – город моей молодости. Пятигорск – город молодости моего героя.

А какие дивные облака кочуют над Кавказским хребтом! Казбек чаще всего терется в дымке, зато ослепительно прекрасен Эльбрус, розовеющий в лучах рассвета. И кажется: он совсем рядом, в часе ходьбы, не больше, а долететь до исполина и за пять минут сумеешь – были бы крылья...

Оговорюсь: поэтом меня считают не только друзья – иначе бы и не заикался на столь деликатную тему: публикации по всему миру, полагаю, корректное тому доказательство... Алло, небеса! Ау, Саша! Мой герой – авиаконструктор Александр Бегак, он же – лётчик-испытатель и путешественник, прославивший родной город на всех широтах.

– *Поэта долой из дома!..*

– *Ату его, участковый!..*

Сто лет такого Содома

Не слышал мент бестолковый.

– *Поёт, не имея сраму,*

Про жёлтую субмарину:

Пилота – на пилораму!

В придачу ему – Марину!

– *К поэту – куча претензий:*

– *Короче: бзыкует малый!*

– *Две-три поклонницы в Пензе:*

– *На Темзе не принимали.*

Ох, и досаждал соседям мальчишка Сашка Бегак! Он ещё в школу не пошёл, а успел пожар в родительском доме учинить – взорвалась самопальная ракета. «Фаустпатрон», именуемый «Фазтон-1» и запущенный с оголода, разбил стекло и любимый аквариум...

Свой первый самолёт семиклассник *А&Б* испытывал на кукурузном поле: конструкция с мотоциклетным моторчиком тоже наделала шороху! Правда, сам пилот в небо не поднялся. Земля-матушка смягчила удар после разгона, но Саша расшиб «пятую точку» изрядно, а потому неделю кушал стоя... Возможно, тогда мой герой понял: полёт больше рации, чем эмоцио. Это только Маленький Принц мог свободно парить. Ну и поэты кружат над планетой – им крылья не нужны.

Мы ходили с ним по одним и тем же улицам, поднимались на одни и те же горы – Машук, Железную, Бешту. Правда, в совершенно разные эпохи. Александр, родившийся в 1973-м, на двадцать годков меня моложе. Так что в сыновья вполне годится.

– *Однажды прогневал Бога:
Видала – раскинул руки
И сиганул с порога,
И сверху буровил: «Буки...»*

– *Азы забывает парень.
– Летает и застит солнце.
– Гекзаметром мозги парит.
– Убьётся! Или – сопьётся:*

– *«Бутырка» по нём тоскует!
И нечего нас дурачить:
Поэт всегда паскуден –
По чайнику врежь без сдачи!*

Поэт романтичен и непрактичен, пилот романтичен и прагматичен. Мой поход в знаменитую Бауманку окончился очень быстро, хотя я поступил туда, мечтая о космосе. Ну а мальчишка, который старше моего сына всего на пяток лет, окончил престижный Московский авиационный. Но ещё задолго до студенческой скамьи Саша увлёкся парашютным спортом, позже выполнял головокружительные трюки, работая каскадёром. Он – участник крупных международных парашютных акций, десантировавшийся и на Северный, и на Южный полюс, и на вершину Эльбруса. Не утаю от читателя и весьма драматичный момент: однажды Александр разминулся с лукавой тёткой с косой в нескольких сантиметрах от земли. После чего стал сигать с небес с третьим запасным парашютом...

Сенсация из мая-2010. Вездеход, собранный в Пятигорске, в авиалаборатории «Скарабей», которой руководит Александр Бегак, умудрился «вскарабкаться» на Эльбрус! Мои земляки проехали по местам жестоких боёв за Кавказ на машине, параметры которой впечатляют. Вес вездехода – в пределах тонны, скорость на марше – 60 километров в час, расход топлива – четьре литра на 100 километров. И это авто-чудо-юдо поднялось до «Приюта

одиннадцати», расположенного выше четырёх тысяч метров над уровнем моря! На Эльбрусе заалело знамя Победы – точная копия того, что взметнулось над рейхстагом в мае сорок пятого. Вот вам и очередная метафора. Поэтическая – в полном смысле слова.

Но конструктор *А&Б*, не забывайте – прагматик. В экспедиции на Эльбрус он занимался испытаниями нового вездехода, предназначенного для... Антарктиды. А ещё, как утверждает Александр, его детище способно передвигаться по воде.

Давно заметил: конструктор Бегак увлечён идеями, связанными с гибридами различных средств передвижения. Один его новорождённый «Сталкер» чего стоит!

Сенсация из апреля-2009. Молодёжная команда из Пятигорска, которую Александр и его единомышленники окрестили «Небесной одиссеей», приняла участие в ряде экспериментов в рамках программы ПАЛЭКС – Панактической ледовой дрейфующей экспедиции. Авиаконструктор решил испытать в экстремальных условиях свой «Бегалёт-Эволюция-арктик-1», получивший и второе имя «Бегарк-1». Арктический микросамолёт поднимался в нижние слои тропосферы, кроме того с его помощью производились заборы воздуха на различных полярных высотах... Первый в истории человечества высокоширотный полёт СЛА-мото в районе полюса...

Конструктор и его товарищи благополучно вернулись на малую родину. Их встретили как героев. Что ж: по заслугам и честь. Приезжал Александр и в Ставрополь, где его встречали губернатор края и депутаты регионального законодательного собрания. Журналисты, к коим и автор этих строк причастен, ценят шутки. Ну что ж – признаюсь: фраза, вызвавшая горький смех в кулуарах, принадлежит мне. Изначально она выглядела так: «Только Северный полюс способен растопить чиновничьи льды!»

Дело в том, что один из вариантов «Бегалёта» Александр привозил в Ставрополь году этак в 2005-м, но его в нашем белом Доме и слушать не стали! А ведь в конструкции пятигорчанина сочетаются элементы автомобиля и самолёта. Аналогов ему в мире нет: вес – всего 140 килограммов, пилотная скорость – до 200 километров час, аэродромная полоса не требуется, достаточно площадки размером, что называется с носовой платок.

Да, вниманием «государевых мужей» *А&Б* нынче трудно удивить, поскольку он знаком со многими яркими личностями новейшей отечественной истории. К примеру, мой земляк принимал участие в уже давней «Антарктической одиссее-2001», руководимой прославленным Артуром Чилингаровым: Александр тогда выступал в роли помощника начальника комплексной экспедиции.

Сенсация мая-2003. Свой «Бегалёт» – аппарат, вобравший в себя твёрдый корпус, мягкое (на ту пору!) крыло и винт, – Александр явил народу весьма эффектно. Он пролетел на нём 350 километров, стартовав с Дворцовой площади

и приурочив акцию к 300-летию Северной Пальмиры. А какая рифма случилась: 300 лет Питеру – 30 лет пилоту. Но репортёры её не заметили! Не поэты, однако, не поэты они!.. Кстати, модификацию первого бегалёта, названную «Эволюция», Александр Бегак представил в рамках авиасалона «МАКС-2007».

Подчас журналисты спрашивают Александра, не занимается ли он дешёвой саморекламой, на что конструктор очень спокойно отвечает: «Лозунг “Во славу России!”» – для меня не пустой звук! Каждый из полётов, удостоившихся по тем или иным причинам резонанса в прессе, мы проводим именно под этим девизом. Мне важно осознавать, что наше дело приносит славу нашей стране. Кстати, я бы давно уже работал за “бугром” – приглашений от западников выше крыши. Но повторять судьбу Сикорского не намерен...»

На одной из недавних пресс-конференций в Пятигорске Александр Бегак презентовал новые проекты – четырёхместный экологический бегалёт «Лемуру» (на электрической тяге!), «Сталкер-1» который может летать как беспилотник, и «Сталкер-2» для сельскохозяйственных работ, обучения и мониторинга.

По прикидкам автора, последний из названных вариантов обходится менее чем в полтора миллиона рублей, и его смогут приобретать не только крупные аграрные фирмы, но и ставшие на ноги фермеры. Пригодится «Сталкер-2» с жёстким – делаю акцент, жёстким крылом! – вне сомнений, нефтяникам, газовикам, рыбакам, пограничникам. Многие его элементы изготовлены из углепластиков и кевлара. «Сталкер» способен пролететь без дозаправки полторы тысячи километров и даже более. Скажем, по маршруту «Пятигорск – Краснодар – Ставрополь – Пятигорск»...

Мне понятно стремление Александра к участию в громких акциях. Ибо только таким способом – газеты, радио, телевидение, подогревающие интерес и широкой публики, и власть имущих, – можно обратить внимание на своё изобретение.

Вспоминаю, что четверть века назад в Перми объявился мужичок, придумавший двигатель, работающий на... воде. Мой близкий друг, профессиональный журналист и блестящий поэт Юрий Беликов, опубликовал в «Комсомолке» зарисовку об уникале, который наотрез отказался от продажи патента иностранцам. Фишка там была следующая: при попытке разобрать «водяной двигатель», он самоуничтожился! У меня нет оснований не верить Юрию Александровичу, но изобретение, поражающее воображение, так и оказалось невостребованным.

Сенсации из прошлого века. Гибрид авто и самолёта?! О, сколько людей мечтали запрячь в телегу «коня и трепетную лань»! Генри Форд на своей конструкции SkyFlivver разбился в 1926 году. Насмерть! В начале семидесятых его тёзку, Генри Смолински, ожидала та же участь: конструктор погиб вместе с пилотом на «крылатом авто» AVE Mizar.

Aerobile, разработанный Уалдо Уотерменом, совершил успешный полёт в марте 1937-го. Скорость трёхместного моноплана по земле – 110 километров-

час, а по воздуху – все двести. Дальнейшие испытания и доработки Aerobile шли вплоть до начала Второй Мировой...

Конструктор Молт Тейлор свой вариант гибрида, названный им Aeosar, построил в середине пятидесятых. Как утверждают американцы, отдельные машины сохранились до сих пор. И до сих пор летают!

Пол Моллер, наверняка вдохновлённый примером своего соотечественника, почти полвека доводил до ума свой Skucar. Если Федеральное авиационное агентство США, изобретение сертифицирует, то... Правильно: начнётся серийное производство «небесных машин». Интересно, опередит ли американец россиянина?! Ведь Бегак тоже бьётся о чиновничьи барьеры, мечтая о серийном запуске «Сталкера»!

Да, Александр продолжает искренне верить, что его разработки пригодятся Отечеству. И уже рождённые, и те, что едва-едва проклюнулись – желторотыми птенцами в черновиках...

Эх, мне бы жить без печали –

Жевать, как вы, антрекоты:

Стучите – отцы стучали.

Скучайте под анекдоты:

– Эвклиды красиво ввали.

– Эйнштейны поохренели.

...Черчу на полях спирали,

Окружности, параллели.

– Юродивый беспредельник,

– Довольно заумных песен!

Пилот – всегда без денег:

Соседям неинтересен.

Соседям нынешним Бегак интересен, да ещё как! И бабушки, и мальчишки наперебой начнут объяснять дорогу к его Пятигорскому дому. Правда, его коттедж виден издали благодаря огромному логотипу «Aerolab».

Тот, кто бывал у Александра в гостях, знает: здесь его штучное производство размещено на первом этаже, а тихая обитель на втором, куда – что правильно! – «Посторонним **В.**» Надо же пилоту от земной суеты отдохнуть! Без взглядов досужих и зачастую недоброжелательных...

Зато всегда приветливы и понимающи самые дорогие глаза – глаза мамы, Людмилы Михайловны, удивительной женщины.

Вы только представьте: она не возражала против занятий парашютным спортом, которым «заболели» сначала дочь, потом – сынишка. Да, старшая сестра Саши тоже – прыгунья с небес. Светлану брат рекомендует так: «Гений в области математики, программист высшего класса, на её счету 2560

прыжков с парашютом! Перепрыгала меня сильно и стильно – мастер спорта, однако...»

Ну а мама у них, конечно же, особая! Ещё и потому, что Людмила Михайловна всерьёз занималась мотокроссом, отправляясь на старты уже и в статусе молодой родительницы, матери двоих детей. Она – трёхкратная чемпионка СССР в этом, говорят, мужском виде спорта, естественно, со званием «мастер», опытный тренер. (В скобках замечу, что в отличие от автора эссе ЛМ успешно окончила «Бауманку»!)

Об остальных секретах семьи А&Б, коих, как и в любой другой, немало, хорошо осведомлён Машук-батюшка. Но он умеет хранить чужие тайны, за что особо любим моим героем. Да и мною, грешным...

Что общего между поэтом и пилотом? Небеса обетованные! В том давнем-давнем своём стихотворении я переплёл судьбы двух людей. Только не понимайте меня буквально: мол, пилот это – Александр, а поэт – Сергей. Ибо сложны метафоры земного мира. А уж образы воздушных облаков – тем паче.

– Летальный шалун, пройдёмте! –

Мрачнеет ментальный чижик. –

Рисунок измажем дёгтем:

Терпеть ненавижу рыжих...

И всё же, и всё же – снова:

Кружите, весна и вьюга.

Ликуй, золотое слово!

Рифмуй, квадратура круга!

P.S. На счету Александра Бегака – двадцать проектов, связанных с небом. И каждый из них можно смело сравнить с поэмой. За моими плечами поэм никак не меньше. Но ведь у А&Б – двадцать лет форы! Как говаривал, Евгений Евтушенко, «я знаю, что живёт мальчишка где-то, и он добьётся большего, чем я!»

Туз Галина Георгиевна (род.23.07.1958)

– писатель, член Союза российских писателей и Союза журналистов, преподаватель журфака СГУ. Член 5 творческих Союзов: Союза журналистов России, Независимой ассоциации писателей «Апрель», Союзов писателей Москвы и Санкт-Петербурга, Союза российских писателей. Участник I Конгресса интеллигенции. Лауреат краевой журналистской премии им. Германа Лопатина за 1996 г. Награждена грамотой Губернатора. Автор 70 журналистских эссе.

Галина Георгиевна Тузродилась и проживает в городе Ставрополь. В 1990 году окончила Литературный институт им. Горького в городе Москве по специальности «Литературная работа».

Печататься начала рано, в 1975 году. Её произведения издавались в газетах «Ставропольская правда», «Литературная газета», «Культура», американской газете «Вместе», сборнике «Нужен ли Гитлер России?» и др.

Работала корреспондентом краевого радио, литературным редактором альманаха «Ставрополье» Ставропольского союза писателей и краевого книжного издательства, старшим преподавателем кафедры СМИ СГУ.

Творческие интересы Галины Григорьевны чрезвычайно разнообразны как по направлениям, так и по жанрам. Ее деятельная натура находится в постоянном поиске новых тем, идей, связей. Проблемы края, его жизнь и конфликты совершенно неожиданно пересекаются в ее деятельности с общероссийскими и международными.

Галина Григорьевна Туз – участник российско-американских программ «Открытый мир» (поездка в США, штат Нью-Йорк, с целью изучения образования, 2002 г.) и «Климат доверия» – (поездка в штат Калифорния в 2005 г. с целью изучения взаимодействия правоохранительных органов, педагогов, общественных организаций и средств массовой информации в вопросах межнациональных отношений). Выступала в прямом эфире Би-Би-Си и «Голоса Америки».

В настоящее время Галина Георгиевна является литературным редактором издательского Дома МедиаPRO (журналы «PRO-Край», «PRO-Кавминводы») и PRO-Сочи. Колумнист журналов «PRO-Край» и «PRO-Сочи», ведет секцию «Журналистика» в Малой академии наук и искусств ставропольского Дворца детского творчества и литературную студию при 7-й школе Ставрополя. Руководитель литературной студии «Ассонанс» Ставропольского отделения Союза российских писателей.

* * *

Не обижайте писателя

Никогда не приглашайте писателя к себе в гости. Он будет с вами разговаривать, а сам “сечь” что и как, иногда даже против своей воли. Он будет вам улыбаться, а сам подмечать детали, которые, может быть, вы хотели бы скрыть. Он будет пить кофе, а сам наблюдать – за выражением лиц, расположением предметов, а главное – за словами, которые произносите вы и ваши гости. И не то что бы писатель – такое уж лицемерное существо, ничуть не более других. Просто кредо у него такое: подмеченные детали помогают ему выявлять сущность бытия, кроме того, писатель, как и шпион, всегда на работе.

И сами к писателю в гости не ходите. Во-первых, вы его отвлекаете от создания текста, что для него невероятно огорчительно – будь его воля, он бы век из-за компьютера не вставал. Во-вторых, в доме у него всегда черте что (правда, если у писателя жена жертвенно служит ему верой и правдой, то это замечание снимается), и он будет комплексовать. В-третьих, обращать внимание на детали вашего поведения и разговора писатель будет точно так же, как и если бы он пришел в гости к вам.

Бойтесь подпускать к себе близко людей Слова, а если уж подпустили – не забывайте: через ваши проговорочки по Фрейду они составляют себе довольно точно вашу внутреннюю картину – каков вы на самом деле, а не каковым вы хотите казаться.

Им портят жизнь исключительно слова, ко всему остальному они почти научились относиться философски. И украшают их жизнь тоже слова, потому что радость и интерес для писателя – только в этом. Найдут в книжке умную мысль, и носятся с ней как с писаной торбой, развивают, осматривают со всех сторон – и так, и эдак. Додумаются до умной мысли сами – и бегут делиться с подобными себе (недаром литературное братство – самое крепкое в мире, правда, и самое иллюзорное – во всем, что не касается слов). И вообще, слова – это и есть их жизнь. Иногда кажется, что вместо крови по сосудам писателя тяжело движется густая масса перемешанных букв, слов, обрывков фраз и выражений.

Больше всего они не любят, когда за поеданием арбуза кто-то скажет: “Хорошо почки промывает!” или в глубокомысленной личной беседе вдруг провидчески воскликнет: “Самое главное в жизни – это дети!”. Писателя убивает банальность и убогость мысли. Он может даже заорать: “Не дети самое главное в жизни! Не дети! Слова, слова самое главное в жизни!”.

Наверное, мир слов писатель любит так же, как – писатель же – Дик Френсис любит мир скачек.

Но на самом деле, есть только один человеческий тип, который для писателя, с одной стороны, просто клад, потому что он кладезь всевозможных ярких поступков, так зажигательно лежащих на бумагу, а с другой – он совершенно противопоказан для общения с писателем лично – потому что

может его унижить, оскорбить, обидеть, хотя потом и попадает прямым в роман, повесть или, как у меня, – в такую вот эссешку. Этот тип – бессовестный наглец, законченный эгоист, некультурный в житейском смысле прохвост, а проще говоря – жлоб. Встречи с ним всегда чреватые для писателя обломами, слезами и даже сердечными приступами, но потом он очень радуется тому, как ловко засовывается жлоб в его текст.

Итак, однажды попросился к нам на два дня – пожить по приезду в наш город – один знакомый художник со своей новой женой. Мы о нем когда-то писали, и он нам представлялся если и не приятнейшим из всех людей, но зато талантливым, а значит, вполне извиняемым за всякие поведенческие отклонения. С нашей стороны удовлетворить эту просьбу было чудовищным легкомыслием, потому что жить под одной крышей с двумя мало-знакомыми людьми оказалось нам не по силам. То есть, пока мы с мужем Колей, по совместительству украинско-русским поэтом, не сводили вместе наши наблюдения, терпеть еще было можно. Но когда я вдруг не выдержала и поделилась с ним тем, что насмотрела, а он тут же выдал мне свое, все и покатило как снежный ком. А не выдержала я по одной простой причине: художник искал работу и звонил по междугородке по нашему телефону как по своему собственному, совершенно не предполагая, как я поняла, каких-то материальных возмещений своей телефонной активности. Жили мы тогда чуть ли не впроголодь, и мне растущий телефонный счет представлялся будущим крахом нашего и без того скудного бюджета.

И вот, сказала я это Коле, и нас как прорвало: мы вдруг осознали, что художник-то с женой живет у нас вовсе не два дня, а поди уже третью неделю. Что стеснили они нас невероятно, потому что дочка с сыном вынуждены были спать в одной постели валетом, так как гости заняли дочкин диван. Ну и в одной комнате с гостями – тоже не очень клево. Я-то, честно сказать, вообще собиралась уступить им нашу комнату и наш недавно купленный вельветовый диванчик, который я называла “пони” за “повышенную лохматость” и серенький непретенциозный цвет. Но муж Коля был человеком более дальновидным и объективным, поэтому подобный альтруистический поступок, слава богу, мне запретил.

Чтоб хозяин не стрелял у гостя дорогие сигареты, которые тот курил, художник сам вызвался сбежать за дешевыми Колиными: “Давай деньги, я мигом!”. Женка аккуратно съела крем со всех принесенных нами к чаю пирожных – прямо ложкой из коробки, сказав при этом, что, мол, у вас тут бедно, но весело. А навязывая нам смотреть только что купленную дорогую книгу, спросила: “Руки-то хоть у вас чистые?”. Кроме того, всегда обедая где-то “в городе”, по ресторанам, наши гости “усталые, но довольные” возвращались домой, чтобы разделить с нами наш скромный ужин, становившийся день ото дня все скромнее и скромнее. А когда гостя раз вознамерилась скакого-то перепугу испечь для нас что-то – из нашей муки, с на-

шим маргарином, в нашей духовке, но со своим маком – она, чуть отсыпав его в готовку, всю остальную пачечку аккуратно упаковала к себе в багажную сумку. Может, вы скажете, что такие подсчеты с моей стороны – это и есть жлобство? Да, мне такое в голову приходило. Но справиться с собой я не могла. Я все подмечала и из всего делала выводы.

Закончилось это полным крахом дружеских отношений. Муж очень мягко спросил у гостей: “Ребята, а вы когда домой едете? А то у нас дети вон спят в тесноте, и вообще мы на два-три дня договаривались...”. И тут в минуту наши постояльцы собрались и, на ночь глядя, как мы их ни уговаривали подождать до утра (“Да мы вас вовсе не выгоняем!”) в грандиозной обиде демонстративно удалились в гостиницу. Оставив нас при этом с носом, с огромным междугородным счетом, при этом очень расстроенных: они прекрасно знали, что отомстив нам подобным образом, заставят нас мучиться утрызениями совести, страдать и рефлексировать.

И все же я была счастлива, как в анекдоте про козла, когда перенаселенность дома дополняется в хате козлом, а потом его оттуда убирают, и кажется: каков простор! Так получилось и у нас: просторно нам теперь казалось не только в смысле жилплощади, но и в смысле отсутствия на этой жилплощади козлов, да простят мне эту грубость небеса.

... Да, и вот еще что: никогда не обижайте писателя. Себе дороже выйдет.

Странно устроен путь...

Сколько себя помню – у нас с ним всегда были общие интересы. Мы дружили, когда мне было 8 – нас объединяла страсть к коллекционированию значков. Мы дружили, когда мне было 15 – тогда я обожала фантастику, он тоже. Потом я ходила к нему в литобъединение. Когда оказалось, что из всех многочисленных моих интересов я, кажется, выбираю журналистику – дрейфую потихоньку от архитектуры и прочего – он взял меня за руку и отвел сначала на радио, а потом – в краевую молодежку. Вот тогда-то я и поняла, что уже неловко мне называть его дядя Вадим, о чем ему и сообщила. А он мне: «Галя, да пожалуйста, называй просто Вадим!». Но такое обращение попахивало панибратством. И я стала называть его Вадим-Саньч. Вадим Александрович Белоусов.

А интересы в любой точке нашего пространства и времени продолжали оставаться общими. У нас были наши барды и семейные походы в лес, треп о литературе – часами, у нас был общий дорогой нам человек – его друг, мой отец Георгий Шумаров.

Уже потом, когда мы стали коллегами-литераторами и я как редактор могла даже делать ему замечания по тексту, вдруг оказалось, что мы как бы сравнялись в возрасте. Мне в блокнот он на память записал: «Я люблю все то, что не могу понять у людей моложе меня. Потому что это то, что не любят у меня люди старше меня. Тот, кто этого не понимает, дуб» и пририсовал какую-то смешную рожицу со стрелочкой к ней: «Тот, кто не согласен».

Он обожал читать свои свеженаписанные произведения вслух – не всем это нравилось, а я его понимала: почувствовать слово не только на взгляд и на ощупь – ручкой по бумаге, но и на вкус, на слух: а вдруг – фальшиво, вдруг – неточно?

Своего сынка я долгое время называла Финтипупель Бесстрашный – по прозвищу его забавного героя из детской книжки «Пленники добрых знаков», Вадим-Саныч написал ее по заказу Ставропольского ГАИ – о правилах дорожного движения. Многие считали, что зря он берется за заказные книжки, пишет что-то журналистское – ведь сатирик, мол, неплохой, критик в Ставрополе известный, однако бывали и такие времена, когда своим голосом не поговоришь, «бегство в подтекство», как сказал его друг Шумаров. Кто-то так «бежал», кто-то иначе. А Финтипупель все равно получился забавным. До сих пор его книжку читаем. Теперь уже с внучкой.

Познакомились они с моим отцом совершенно не случайно. Наверняка сотни дорожек, по которым они ходили в пока еще незнакомом состоянии, все равно свели бы их вместе рано или поздно. Но случилось так, что жена Вадим-Саныча, Таисия Викторовна, работала медсестрой в железнодорожной поликлинике. В этой же поликлинике хирургом работал Шумаров. Однажды он сидел на работе и в минуты передышки рисовал на полях своей рукописи медицинские хохмы: стоят вокруг стола в морге врачи, на столе – вскрываемое тело, а один, радостно воздев руки, восклицает: «Диагноз подтвердился!» Эта самая рукопись и попала к Вадиму-Санычу через Таисию Викторовну. Естественно, и автор, и читатель захотели побыстрей познакомиться. И познакомились. А потом стало много всего совместного случаться. Например, Вадим-Саныч руку сломал, отец с ним возился – лечил, водил на консультации. Потом Белоусов стал работать в альманахе «Ставрополье» и уже возился с рукописями Шумарова. Вообще, Вадим-Саныч написал столько критических и литературоведческих работ о прозе Шумарова, сколько никто – ни до, ни после. Одни названия чего стоят! «Предъявите свой позвоночник», «Доктор всматривается в лица»...

...И пошли оттепельные разговоры, самый разгар – похолодание уже вместе переживали, не догадываясь тогда, что их дружба будет тем «неприкосновенным запасом» прошлого, на который каждый из них может рассчитывать в течение всей последующей жизни. И даже после нее. Как потом написал знаменитый Виктор Некрасов, определяя к этому именно их, поколенческое отношение: «Выяснилось, что самое важное в жизни – это дружба. Особенно когда их лишаешься. Для кого-нибудь деньги, карьера, слава, для меня – дружба... те, тех лет, сложных, тяжелых и возвышенных. Те, с кем столько прожито и пережито...». Да уж, пережито... То Шумарова за повесть «На самом берегу Стерляжьей речки» по инстанциям таскают, то Белоусова «за тунеядство» собираются «привлечь». Тогда, надо отдать должное нашим писателям, далеко не всегда, как мы знаем, проявляющим корпоратив-

ную солидарность, Белоусова быстренько ввели в редколлегию альманаха «Ставрополье» (стараниями Игоря Романова и Карпа Черного), тем самым позволив ему спокойно «тунеядствовать», занимаясь любимым литературным, ничуть не менее тяжелым, чем все остальное, трудом.

На самом деле, мало кто будет спорить с тем, что дружбу романтиков-шестидесятников (термин, насколько мне помнится, введен критиком-шестидесятником Станиславом Рассадиным) во многом определила книга Ремарка «Три товарища». Забавно, но, перечитав во взрослом состоянии этот текст, понимаешь, что вообще-то роман слабый: характеры прямолинейны, девушка Патриция вообще – как из картона вырезанная, поступки героев обусловлены романтическим настроем самого автора и с реальной жизнью имеют мало общего. А вот поди ж ты, гораздо более циничный, чем шестидесятники, человек, литератор уже из нашего поколения, написал на собственном экземпляре «Трех товарищей»: «Евангелие от Ремарка...»

Отношение к дружбе у Белоусова было именно таким, «ремарковским».

Жили мы тогда в комнатке общежития строительного техникума, и все тыщу раз описанные «шестидесятнические» сборы на кухне под магнитофон «романтика» – с бардовскими гитарными переборами – происходили у меня на глазах – кухни, правда, как таковой не было, был маленький уголок в комнате, где стоял смешной ломберный столик с зеленым сукном, на котором вместо карт громоздились чашки-ложки – углый уют не привыкших к роскоши повзрослевших ленинградских студентов. Они с отцом очень любили Галича, Андрея Поздняяева, Кима – записи бардовских концертов присылал им с пылу с жару московский друг отца, ракетчик Володя Чураков. И вот... «Мы сидели с другом на кухне, уткнув не только уши, но и глаза в бело-красную «Романтику» (так, кажется, назывался этот магнитофончик). Казалось, что, если не отрывать глаз от пленки, будет лучше слышно.

*Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни – в никуда,
а другие в ...зья...*

Мы вопросительно взглядываем друг на друга: «Куда другие-то уходят? Ты разобрал?» «Кажется, в князья», – шепчет друг. И мы опять вперяемся в ползущую из кассеты на кассету пленку, чтобы побольше выловить слов в море шорохов, хрипов, странных взвизгиваний... Мы даже водку наливаем и берем стаканы, почти не отрывая взгляда от магнитофона. Ведь там поет Галич!». Это фрагмент одной из последних публицистических работ В. Белоусова.

Он не оставлял попыток рассказать своим читателям о любимых им, о восхищавших его людях, о тех, кого считал настоящими героями: Галич, Галина Вишневская, Лидия Чуковская... Он не довольствовался собственными знаниями о них и эмоциями по этому поводу, он хотел, чтобы с ним поделили восхищение те, кто следит за его публикациями и верит его слову. Не знаю, становилось ли таких раз от разу все больше – откат от «идеалов сво-

боды» стал слишком явным в конце 90-х. А может, просто мы все – и шестидесятники, и семидесятники – постарели, может, внутренне утихомирились, погрустнели. Как пел когда-то в своей «Балладе о пантомиме» любимый Белоусовым Андрей Поздняев: «Странно устроен путь. Лишь в начале хочется петь. В середине хочется пить. А в конце уже хочется спать...»

На стеллаже я безошибочно, с первого взгляда нахожу его «Под полом шуршат мыши». В детстве мне ужасно нравилась эта книжка – не то, чтобы я ее читала – она все-таки была для взрослых, но выглядел сборник весьма для меня, восьмилетней, привлекательно – на ярком красно-белом фоне смешной человек в черной пиджачной паре – и почему-то с зонтиком – прислушивался к тому, что, видимо, происходит под полом. Эта «оттепельная» сатира сейчас может показаться совершенно «несатирической», мягкой и робкой, но ведь это 65-й, год «великого перелома», отката от идеалов XX съезда. Но Белоусов пишет, скажем, о проведении митинга на городском стадионе: «Один из седеющих мужчин привычно говорит о плане, о вале, производственных мощностях. Затем другой рассказывает о пудах, гектарах и кадрах механизаторов. Третий повествует о настригах, привесах и кормах. В конце слово предоставляют мальчику в красном галстуке (он определенно выдающийся мальчик), который что-то обещает, клянется... Плохо слышно, так как микрофон начал хрипеть и кашлять. В колоннах давно жуют бутерброды». Не знаю, как вам, а мне – так это чистой воды «очернительство советского строя». И как тогда его крайком не унюхал, с их-то носами? Нет, это вовсе не «фига в кармане», зря гонители шестидесятников нынче кроют их последними словами. Это такой способ жизни, под названием «стремление к свободе». Да, не сама свобода, а только ее желание, однако где бы были нынешние самые свободные из нас, не вертись мы у отцовских кухонных застолий, не нахватываясь (уши на слуху) всякой такой «инакомысленной» всячины...

С Шумаровым они написали и напечатали в альманахе «Ставрополье» единственное совместное произведение – пародию на шпионские романы «Окуроч падает мимо урны», которое цитирую до сих пор: «Ваша игра проиграна, Гильза фон Шнапс, она же Жозетта ги де Потенуз, она же Хуанитта Матадор Фарандолла де Батисфера, она же Мэри Патисон, она же Дебора Хлюпанюк» – этим текстом я себя обычно подбадриваю в особо удручающих ситуациях...

Вообще что касается всяких хохм в том числе и довольно острых, – с этим у них было все в порядке – процветал культ иронии, так сказать. Однако кое за какие из этих хохм можно было схлопотать по шее не только от писательского начальства. Шумаровское посвящение 40-летию Белоусова «Ода на восшествие на диван», в частности, гласила: «Я верю, что все мы, трудясь на кушетке, решаем проблемы своей пятилетки». Шутники!

А вот антиутопия Вадим-Саньича «Великий тренер», которую в перестроенные годы я напечатала в альманахе «Ставрополье», как оказалось, ходила

таки в самиздате. Информация об этом до Белоусова дошла с некоторым опозданием – лет этак на двадцать. А дело было так: по просьбе Вадим-Саныча, будучи в Москве, я передала альманахи с «Великим тренером» заводу одного из московских театров, миниатюрной, очень красивой девушке, жене актера Александра Пороховщикова, с которой Вадим-Саныч познакомился, когда театр был в Ставрополе на гастролях. Она пробежала при мне первую страничку публикации и воскликнула: «Но я это уже читала! Определенно читала – в самиздате!» А дело в том, что Вадим-Саныч в либеральные годы оттепели отправил свою повесть в один из московских журналов, кажется, в «Дружбу народов», повесть не напечатали – климат в стране сушел день ото дня, – но рукопись, как водится, не вернули. Она пошла ходить по самиздату. Интересно, когда я приехала из Москвы и рассказала об этом Белоусову, он как-то внезапно погрустнел и посерьезнел – видно, задним числом представил себе, какая ожидала бы его участь, если бы компетентные органы не дали сбой на каком-то этапе и не спустили это дело на тормозах. О том, что отец Вадим-Саныча, известный адвокат, был репрессирован, мы узнали только после смерти Белоусова.

С повестью «Великий тренер», которая рассказывала о фантастической стране Футболии, где все от мала до велика должны были ежесекундно пребывать на тренировках или соревнованиях по футболу, связана еще одна история. Перестройка. Уже напечатаны «Дети Арбата» и «Белые одежды», уже со всевозможных трибун и со страниц средств массовой информации разоблачают коммунистический террор, уже повсюду бушует «демократизация» и «гласность», наш маленький альманах тоже со скрипом поворачивается и следует за старшими братьями – толстыми столичными журналами, начиная публиковать то, что лежало у либералов-шестидесятников в столах. Я несу «Великого тренера» на подпись к заму главного редактора нашего издательства (через некоторое время после этого он уедет в Израиль). Зам читает, тычет пальцем в рукопись, где говорится о какой-то «Великой стене», и вопрошает: «Уж не кремлевскую ли стену автор здесь имел в виду?!» Я смеюсь, решив, что это шутка. «А вот ваша улыбка тут неуместна!» – заявляет мне начальство. Однако повесть тогда все-таки напечатали.

В моем архиве сохранились разнокалиберные листочки бумаги с отрывочными – по разным поводам – записями Вадима Белоусова. Он восхищался, негодовал, удивлялся, констатировал – во многом по поводу каких-то политических синоминутных дел. Романтический городской герой, шестидесятник Белоусов с восторгом принял перестройку и уже никогда не отступался от ее идеалов – отступался от тех, кто, по его мнению, эти идеалы предает, – причем решительно и навсегда. Так в опале оказались у него Евгений Киселев и «Итоги», газета «Новые известия»: на первой полосе одного из ее номеров Вадим-Саныч записал: «На этом подлом материале данная газета для меня умерла. До ее сведения это доведено. 20.11.97 г.». А материал назывался «Пи-

сатель Чубайс и его команда». Вообще реакции Белоусова на разные вещи – политические, литературные или жизненные иногда было трудно понять не слишком хорошо его знающему человеку. И в жизни, и особенно в своих публицистических материалах, он был искренним, резким, иногда – безапелляционным, от этого его терпеть не могли его идеологические противники и обожали единомышленники. Он и ушел так – поспорив на политические темы во время демократической сходки, посвященной очередному Дню независимости России, разволновался, ему стало плохо...

Белоусов ненавидел насилие – и более всего – над собственной личностью. Работать предпочитал там, где начальство на него не станет давить – причем вовсе не из-за привычки побездельничать (Вадим-Саныч был очень обязательным человеком и если за что-то брался – на него всегда было можно рассчитывать), а потому, что все свои дела вел сам и не нуждался в начальственном допинге. Однажды я пришла к нему на радио – Белоусов время от времени замещал там редактора литературно-музыкальных передач. Тут всех стали звать на субботник. И вдруг я, сама не терпевшая подневольный физический труд и любые другие «бесполезные телодвижения», однако безропотно посещавшая все подобные мероприятия, потому что «положено», с изумлением и удовольствием обнаружила, что на субботник, оказывается, можно не пойти, достаточно лишь с достоинством сообщить вышестоящим инстанциям, что это не входит в твои прямые обязанности. После этого случая я совершенно спокойно заявила своей классной руководительнице, что не пойду на ленинский урок, потому что не имею возможности тратить собственное время так бездарно...

Там, где раньше стоял его дом – одноэтажный, с выходом в сад – теперь заасфальтированная площадка. Новая девятиэтажка стоит рядом, в ней Белоусову не дали квартиру, когда стали сносить его жилище – предложили переселиться в Юго-Запад. Он согласился. Потом шутил: «Я живу у трех шампуров» (есть в Ставрополе такая стела, иногда ее «три штыка» называют). Теперь, проезжая мимо этих «шампуров», слышу его голос, такой характерный, ни с чем не сравнимый: «Галя, при-и-ве-ет!» И сердце тоскливо сжимается. Чувство вины перед ушедшими – что может быть естественней для того, кто потерял близкого человека? И утешить себя, в общем-то, нечем. Странно устроен путь...

Лучший в школе англичанин

Локальная слава настигла каждого из нас. Локальная слава – это такая ловушка, цап – и ты уже у нее в лапах, а большего не проси, не положено. Если ты кумир своего ближнего круга, значит, не выйти тебе за этот круг ни в темный день, ни в светлую ночь. Если ты городская знаменитость, сидеть тебе в этом городе – не пересидеть.

Братья Соловьи заслуживали славы отнюдь не локальной. В школе им было тесно, как десятикласснику в прошлогодней курточке, да они как раз

и были десятиклассниками – рослыми, кудрявыми красавцами, рок-музыкантами, отличниками и лучшими школьными “англичанами”. Наверное, не стоит уточнять, что в Соловьев были влюблены поголовно все девочки с первого по десятый – начиная с “первых красавиц королевства”, заканчивая последними замухрышками вроде меня. Да нет, разве я могла себе позволить любить этих сверхчеловеков? Этот вопрос даже не рассматривался. Я просто дивилась им, как инопланетянам трехметрового роста, с глазами-звездами. Это чувство забивающего дух восторга не требовало ответа или выхода – на школьных вечерах я разглядывала их, чуть не отвесив челюсть – благо, это не возбранилось – Соловьи выдавали свои трели с балкончика в актовом зале, где помещалась для выступлений их рок-команда. Я стояла, задрав голову, в своем несуразном красном платье с вышитым воротничком и была абсолютно счастлива – как, наверное, чувствует себя счастливым человек, который всю жизнь мечтал посмотреть на Мону Лизу в подлиннике, и вот, стоит перед картиной, испытывая такое острое счастье, что это уже чистое мучительство – ты просто не в силах его пережить. Я не представляла себе, какой должна быть девочка, чтобы эти идолы спустились с небес на Землю – с кем они дружили, с кем водились, с кем целовались после школьных вечеров? Да, честно говоря, меня это и не занимало. Вне школы я тотчас забывала о Соловьях, потому что мои мысли были заняты совсем другими героями – книжными, конечно. Роберт Джордан, Селинджером и только переступала порог своей пропыленной квартиры-библиотеки – тут же ныряла носом в очередную “Иностранку”. Тогда уж мне было не до Соловьев. Но как только я наутро оказывалась в школе...

Старший Соловей, Богдан, был больше музыкант, чем ученик, его мне почти что не было видно за облаками – “Лестница в небо” увела его высоко-высоко. Говорят, он потом закончил ЛГУ, организовал группу “Керогаз” и локально прославился среди рок-фанатов. Младший, Тарас, Тарасик, – был чуть попроще, более успешным в науках, в частности, в английском языке. Однажды меня бросили на прорыв – я должна была представлять класс на конкурсе чтецов – тексты читались исключительно на английском. Я выучила Роберта Бернса “My Hart in the Highlands”, отутюжила воротничок на кофте и отправилась сдаваться. И вот он, мой гроб с музыкой: в жюри конкурса сидел Тарасик и смотрел на меня так ласково-равнодушно, что было ясно – он смотрит внутрь себя, и ты можешь не трепыхаться, не страдать и не краснеть – твой заслуженный провал его трогает не больше, чем твоя новая глупая в цветочек кофточка и твои ручки-ножки-спички, а также великие глазки и великий подростковый носок. Нос, в смысле.

Ну откуда же я знала, что я не должна так убиваться! Если б мне хоть кто-то сказал: “Да еще годик, и ты станешь другой, совсем другой! Ты глазки увеличишь с помощью туши, а нос как-то сам уменьшится, что ли, и

вообще, нос на лице не живет, живут глаза. И ты сошьешь себе сама много хипповых одежек, и на тебя станут оборачиваться и говорить, что ты главная хипповочка города. И ты вышьешь на кармашке своего жилета название любимой песни, и “Лестница в небо” поведет тебя – не вслед за Богданом – совсем в другие небеса, но все же, все же...” Эх, кабы знать... Но тогда казалось – это мне на всю жизнь.

...Мы зашли с отцом в магазин, где было дымно, муторно и голо. У перевернутых конусов с томатным соком (поди ж ты, тогда и соль в стаканчике рядом ставилась!) отец столкнулся с приятелем. У приятеля было экзотическое имя Василь – вот именно так, а не иначе, – в прошлом – какая-то мутная история с публикацией стихка в оккупационной газете, при немцах, за что случилась отсидка... Это я потом узнала, а пока он поволок нас с отцом к себе, познакомил с мамой – очень интеллигентной старушкой, которая похвалила мой жилет и спросила, что это там на кармашке вышито. Яковыряла вилкой совсем не вкусную кильку в томате, разговоры Васыля с отцом мне были совершенно не интересны, политика какая-то... В это момент возле стола бесшумно вырос сын Васыля: “А это Тарас”. Я подняла глаза. На меня во все глаза смотрел Соловей из моей детской фантазии. И я вспомнила свой провал. Но Тарасик не вспомнил. Он вообще меня не вспомнил, а сказал: “Пойдем отсюда! Я тебе на скрипке сыграю”. И сыграл. И под гитару спел “Горы далекие, горы туманные” – ну это ж код у нас такой бардовский был. Мы просидели в Тарасиковой комнате целый вечер, и были уже почти что не-разлей-вода, пока наши папани- шестидесятники квасили на кухне и ругали коммунистов. Я решила, что Тарасик должен писать песни на мои стихи, и он был готов... И никакого провала в моей жизни никогда не происходило, и не было кофточки в цветочек, и тоскливых школьных вечеров... Но он, наверное, все-таки был, провал, потому что “продолжения банкета” не последовало. Я больше не увиделась с “юношей моей мечты”, да и закружили меня совсем другие вихри, и я забыла про Соловьев накрепко и навсегда. Так казалось.

Но тут – еще один поворот сюжета, на этот раз последний. Я приехала в Санкт-Петербург, в гости к подруге. Поджидая ее с работы, стала листать подвернувшийся под руку рекламный журнал. В журнале давали объявления о поиске работы и поиске спутника жизни. Новаторство издателей было в том, что объявления печатались с фотографиями и именами претендентов. И вот со страниц этого странного печатного органа – ордена неудачников – на меня во все глаза смотрел Соловей из моей детской фантазии. Причем его фотка была помещена как в раздел по поиску работы, так и в раздел по поиску спутника жизни. И мне стало очень грустно. Вот такая локальная слава Тарасику точно была не по рангу. Он заслуживал большего, мой кумир. Но ни рассмотреть меня, ни окликнуть из своего глянцевого бытия он уже не мог. Я тогда пожалела, что не сперла журнальчик у подружки. Естественно, звонить

бы я Тарасику все равно не стала, разве что на работку позвать в издательство, где я главредом. Жаль, в личной жизни предложить мне ему нечего – все у меня как у людей, и растет в моем доме рослый, кудрявый красавец, рок-музыкант, отличник и лучший школьный “англичанин”.

С крыльями в голове

В юности у меня были странные мечты. Я мечтала, например, увидеть северное сияние, попробовать настоящий, выпеченный в русской печи, хлеб, проверить, правда ли, что из колодца днем можно увидеть звезды. И не то чтобы эти мечты были абсолютно невыполнимыми – ну, подсуеетиться, подкопить денег, съездить на Север, вряд ли северное сияние принципиально не желает показываться жителям благословенного юга. Хлеб можно было бы, наверное, в селе купить... В колодец залезть там же – при наличии минимального мужества и ловкости.

Но я не спешила исполнять свои желания. Я плыла потихоньку на спинке, как ежик в тумане, с узелком на груди – плыла по житейскому морю, не тратя ни малейшей энергии, чтоб все это реализовать. Я прекрасно обходилась мечтами.

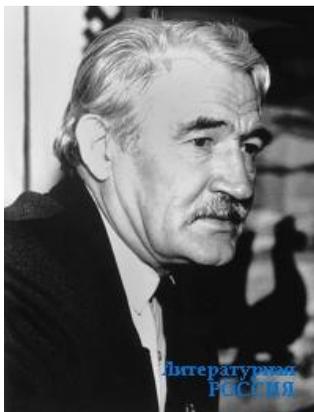
Со временем, правда, я немножко спланировала на землю, и мои чаяния утратили свою заоблачную высоту: «Леви Страус»... «Белый альбом» Битлз на «дискотеке» (так называлась толкучка стихийная, молодежная, где фарцовщики продавали фирменные джинсы и диски), поцелуй с мальчиком, пригласившим потанцевать... Но вот о чем и мечтать-то не смела, так это о путешествиях... Мне удобно было думать, что дальних стран и в природе-то не существует, а карта мира нарисована каким-то безумным географом, таким же, как и я, мечтателем. Может, поэтому в предмете под названием «география» я волокла не очень, мне казались абсолютно бесполезными эти абстрактные знания: «Лондон – это столица Парижа, а Париж – столица Рима. Ого-го, попробуем спеть. Ой, что-то и голоса нет...». Естественно, географичка терпеть меня не могла. Ее прямо трясло, когда я выходила к доске и наугад тыкала указкой в разрисованную зелеными и коричневыми пятнами, пересеченную голубыми линиями хрусткую бумагу. То же самое было и с английским. Я тупо пыталась выпевать неправильные глаголы, а учитель с ужасом, граничащим с отвращением, взирал на мои безуспешные попытки и не думал меня приободрить. Однажды даже сказал в сердцах: «И что только у тебя в голове? Путаница такая, как будто кто-то крыльями там у тебя машет».

Вообще, что касается английского, многих старшекласников в те годы выручала любовь к рок-музыке: они разбирали тексты «Лед Зеппелин» или «Криденс», начиная при этом любить и понимать язык как предмет. Многих выручала, но не меня. Мне для полного счастья вполне хватало «музыки музыки» и «музыки слов». Понимать же эти слова мне казалось совершенно необязательным.

Но когда я вдруг очутилась на другом конце Земли – без малейшего понятия о географии и со знанием английского на уровне «Май нэйм из Галя» – я вовсе не почувствовала себя лишней или обездоленной – как, например, на тех же школьных уроках. Я слушала чужую речь, держа уши на слуху, и рассматривала чужую жизнь, широко раскрыв глаза – а ведь раньше была уверена – вот дурочка-то! – чудес на свете не бывает, и дальние страны даже в фантазии опасалась к себе пускать. А теперь я шла по розовым плиткам тротуаров Вашингтона, под пальмами Лос-Анжелеса, по бережку Лэйк-Плэсида и Тихого океана, как будто попав в заэкранье голливудского фильма. Когда же оказалась в Диснейленде, этом прибежище всех фантазеров мира, так просто как дома себя почувствовала, в смысле, у себя в мечтах. Тут тебе и хлеб (ну, или там мороженое – самое твердое в мире, его грызешь, как яблоко, даже пар от тебя под этим солнышком струится), и северное сияние (столько ярких красок вокруг, что глаз не успевает фиксировать их переливы), и колодец со звездами (или дом с привидениями). Тут тебе твой и общий «Маленький мир», где чарующая, кукольная, совершенно неземная музыка доносится со стороны странного замка. Он словно собран из детсадовского конструктора – кубики и кирпичики цвета свежераспиленного дерева. Башенки, шпили, розетки – золотые. Где-то – листик, где-то – цветочек, цифры, шарики, мельнички, сеточки. Какие-то ящички, стрельчатые арочки, воротца и дверцы. И все это одновременно ажурно и монолитно, все движется, тикает, отсчитывает секунды и поет. Тут и Эйфелева башня, и православные купола, и пагоды, и костелы, и мечети, и еще одна башня – Пизанская. В самом центре – хитрая круглая буратинская рожица огромных размеров качается туда-сюда, громче всех распевая свою песню.

Мы плыли на лодке мимо замка по ослепительно сверкающей воде. Над нами – пушистый зеленый лось, под машинку выстриженный из самшитового куста, почти что достает рогами небо. И мы вплываем прямо в замок. Минута за минутой – и песенку подхватывают куклы, наряженные по образу и подобию всех жителей Земли. Тут северяне и южане, горцы и жители долин, горожане и крестьяне, землепашцы и скотоводы. Все – в своих ситуациях, все занятые своими делами. Вот только песенка на всех одна.

Да, наверное, любая песенка на всех мечтателей одна, – «музыка музыки» и «музыка слов». Ага, наконец-то все стало понятно! Пусть теперь кто-нибудь передаст моим географу с «англичанином» – это песенки, мечты и фантазии машут крыльями у меня в голове.

Ходарев Витислав Васильевич (род. 19.09.1939) – терский казак, литератор, активный общественный деятель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный член Пазарджикской писательской организации Союза писателей Болгарии. Стоял у истоков возрождения казачьего движения на Ставрополье, депутат Ставропольской городской Думы, член краевой комиссии по помилованию при губернаторе. Много лет возглавлял писательскую организацию края. Автор более 14 книг. Лауреат литературных премий С.Бабаевского и Николы Фурнаджиева (Болгария).

Витислав Васильевич Ходарев родился в станице Зольской Кировского района Ставропольского края. Детство, юность поэта прошли в станице Лысогорской Георгиевского района. Закончил горнопромышленную школу, служил в ракетных войсках, был корреспондентом газеты «Ленинская правда» в Георгиевске. После окончания вечерней школы окончил юридический факультет Кубанского государственного университета. Долгие годы работал в органах МВД СССР. Подполковником отставке возглавлял бюро пропаганды художественной литературы Ставропольской краевой писательской организации.

Стихи он начал писать еще в детстве. Уже в восемнадцать лет, после окончания горнопромышленной школы, Ходарев – проходчик и забойщик на шахтах Донбасса. С лихвой получил молодой горняк шахтерскую закалку, побывал под обвалом и позже поведал: ...О, это давнее, святое. В себе храню не кое-как! Я знаю, что это такое – Катать к забою порожняк. Его творчеству присущи пристальное внимание к сельскому пейзажу, бережное отношение к истории Отечества, к вчерашнему и сегодняшнему дню Ставрополья.

Главная тема поэтического творчества – родное Ставрополье, история Отечества. Написал сборник казачьего фольклора, сделал переводы с болгарского. Казачеству в разные годы посвящены поэмы «Высота Толстова», «Фронтальная полоса», «Станица», «Казачий круг», многие стихи и песни. Поэзия Витислава Ходарева наполнена правдой, благородством и добром, неподдельной честностью.

* * *

Т.С. Шелухин

На карте Ставропольского края отыщется не много точек, где проживают известные в России писатели. В основном это Ставрополь и некоторые города Кавказских Минеральных Вод. Но есть одна из таких точек и в сельс-

кой местности края, и ею помечена красивая и богатая своим историческим прошлым казачья станица Баклановская. Здесь живет яркий представитель ставропольского писательского цеха Тимофей Шелухин. Он автор многих романов, повестей, очерков, в которых рассказал читателям о своих земляках-станичниках, о людях, кто прославил Ставрополье своим трудом. Т. Шелухин сумел создать незабываемые образы своих героев, чьи имена хорошо знакомы и вовсе незнакомы в нашем хлеборобном крае.

К 75-летию Тимофей Семенович Шелухин пришел с большим писательским опытом. Его книги «Люди моего юрта», «Второй фронт», «По обе стороны дороги», «Прощённый день» и многие другие утвердили счастливую писательскую стезю известного писателя Ставрополя.

Когда я стал писать эту статью, то родились поэтические строки. Я записал их в свой дневник. Они обращены и посвящены моему товарищу и собрату по писательскому труду Тимофею Шелухину.

*...Ах, дружище, уверовать смею
Ты казачьих, крестьянских кровей.
А писательской жизнью своею
Сделал край Ставропольский светлей.
Жизнь свою ты венчал колосками,
Строчкой честной судьбу создавал.
Закружился туман над висками
И твоими сединами стал...*

Да, Тимофею Шелухину 75 лет! Много это или мало? Конечно же, много.

Родился наш известный писатель 6 марта 1927 года в станице Баклановской, да так и не покинул ее до сих пор. Поначалу эта станица входила в Александровский, Егорлыкский, Изобильненский районы Ставрополя. «Такое обстоятельство, – вспоминает писатель, – говорит о жизненной драме, которая была уготована Баклановской, когда до основания рушились и традиции, и многовековой быт казачьей вольницы».

Тимофей Шелухин помнит годы коллективизации, раскулачивания, репрессий. Он видел наводивших страх на родную станицу, пришедших к власти людей. Видел, как орудовали острыми, очень похожими на железные копыя «щупами» станичные и приезжие «активисты». Они протыкали землю-кормилицу за дворовым базом и глиняный пол под загнившей, потрошили сенники в поисках спрятанного зерна. И сейчас Тимофей Семёнович с грустью вспоминает, как он со своей бабушкой Анной Михайловной плакал по сведенной со двора кормилице-корове этими же «искателями-комсодойцами».

На станицу надвигался мор. Глава семейства Шелухиных Семён Афанасьевич – отец будущего писателя – ищет спасения от голода и приближающейся гибели. Для него стало удачей, что спасение семьи он нашёл на далёкой железнодорожной будке, став путевым обходчиком. Это его спасло от репрессий, а ещё судьба даровала ему так называемый «пай» – нищенское про-

питание для семьи. И всё же в тридцать седьмом Семён Афанасьевич был уволен с работы и объявлен врагом народа. Семья Шелухиных «пристала» на окраине хутора Передового, что ютился рядом с Баклановской.

В школу будущий писатель Тима Шелухин пошёл, когда ему исполнилось восемь лет. В тайне от родителей стал октябрёнком, пионером, а в шестнадцать лет после окончания «семилетки» он, как самый грамотный во всём хуторе человек, направился в станицу Григорополисскую в школу крайзо, по окончании которой в 1943 году сел за штурвал комбайна Егорлыкской МТС.

У Тимофея Шелухина была своя война, как и у многих его сверстников, только, наверное, во многом ярче потому, что он ещё мальчишкой освоил дело комбайнерское, взглянул на землю глазами своей мальчишеской души, познал высокую ответственность хлебопашца. Романтика? Не думаю. Это была рутинная, тяжёлая работа: почти круглосуточная, на скудной пище, с почти до кипятка нагретой питьевой водой, шлейфами колючей пыли, которая разъедала тело, воспаляла и слепила глаза.

Здесь шло рождение писателя, открывателя своего и только своего мира. Мира, который через многие годы не удержится в душе и прольётся мощным потоком к душам читателей.

Надо сказать, что Тимофей Шелухин не совершил греха – не забыл своего прошлого и прошлого своих станичников, сельских жителей земли изобильненской и земли ставропольской. Созданные им книги – это его откровение. Он из давних дней принёс для читателей бесценный материал, который ему вручила сама война, также как и её участникам, известным писателям России: Василию Быкову, Константину Воробьёву, Вячеславу Кондратьеву и другим.

К Тимофею Шелухину уже в послевоенные годы придут и новые познания сельской жизни. Он будет работать партторгом колхоза «Красный Октябрь», долгое время возглавлять редакцию газеты «Знамя труда». Первые его книги – это очерки о станичниках и хуторах, об их огромной любви к земле, родительскому очагу. Писатель говорит и размышляет об их бедах, заботах, мастерски вырисовывает разновременных партийцев и их железную волю. Такими были уже первые книги писателя «Там, где Лебязьи острова» и «Отчая земля». Эти доверительные произведения подпали под цензурные шлагбаумы. А вот книга «Белокониха», вышедшая в московском издательстве «Современник» и в Ставропольском книжном издательстве как-то миновала цензуру, видимо, причиной тому стало начало перестройки в восьмидесятые годы. Книга порадовала читателей своей правдой и тепло была встречена критикой.

Станичная жизнь, исковерканные временем судьбы людей, боли и лишения народа, лютовавшее зло описаны талантливо и многоцветно Тимофеем Шелухиным в романе «Отцово родство», вышедшем в 1992 году.

Три года потребовалось после «Отцова родства», чтобы увидел свет его знаменитый роман «Прощённый день». Редактор этого романа Евгений Па-

наско в своём заключении отмечал: «Тема не частая в современной литературе. Но это не просто роман, это ещё и свидетельство очевидца, это художественный, эмоциональный документ, без которого будет неполно и наше, и потомков представление пути, пройденном народом в советскую эпоху».

В девяностые годы и, особенно, во второй их половине одна за другой рождаются книги Т. Шелухина: «Люди моего юрта», «Второй фронт», «По обе стороны дороги», «Три дороги к Шуйскому», «От Кубани до Чограя» – итог многолетних странствий автора по южным просторам России.

Вне сомнения то, что в этот творческий период Т. Шелухин, покорив многое в писательской судьбе, стал на Ставрополье ведущим писателем художественно-документальной прозы, мастером слова, сельского очерка. Это яркое и знаменательное явление на нашем писательском поле.

Богатый опыт селянина, видение окружающего мира, многообразии героев, выкованные веками характеры станичников позволяют творцу в свои семьдесят пять лет быть «в писательской упряжке». И не только быть, но и «везти» тяжелый воз творческих мучений и замыслов.

Тимофей Шелухин в настоящее время ведет значимую общественную работу, являясь членом правления краевого отделения Союза писателей России, оказывает огромную помощь молодым литераторам, радуясь их победам.

За книгу «Второй фронт» Тимофей Семёнович Шелухин в 1999 году стал лауреатом престижной краевой литературной премии им. Семёна Бабаевского. Его по праву можно поставить в один ряд с известными писателями-деревенщиками России Фёдором Абрамовым, Виктором Астафьевым, Евгением Носовым.

Черный Карп Григорьевич (26.10.1902 – 18.09.1985) – русский писатель, педагог, первый декан филологического факультета Ставропольского педагогического института (ныне СГУ), сотрудник «Ставропольской правды». Участник Великой Отечественной войны. Заслуженный работник культуры. Член Союза писателей СССР.

Карп Григорьевич Черный родился в 1902 года в станице Новоджерелиевской Краснодарского края. Окончил высшее начальное училище. В 1922 году экстерном сдал экзамены за среднюю школу и поступил в Краснодарский педагогический институт на филологический факультет. Окончив его, работал учителем в школе.

В Ставрополе с 1933 года, где после окончания аспирантуры работал преподавателем Ставропольского педагогического института, читал курс зарубежной литературы средних веков и эпохи Возрождения. Его лекции для многих выступали эталоном по свободе владения материалом, богатству фактической основы, красоте русской интеллигентной речи. Он был средоточием многих первых организаторов высшего образования на Ставрополье, кто осуществлял становление вуза. Еще до войны он стал деканом факультета, долгое время заведовал кафедрой литературы. За педагогический труд награжден орденом Ленина.

Воевал с 1941 по 1945, награжден орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны» II степени и медалью «За победу над Германией».

Карп Григорьевич начал писать в 20-е годы XX столетия. Первая повесть «Бабы». Наиболее известен сборник избранных произведений «Звенья», вышедший в свет в 1972 году. Автор книг «Кавказ подо мною», «У истоков подвига», «Идеалы и люди», «Сегодня, завтра, всю жизнь», «Там, вдали за рекой», «Несколько дней жаркого лета», «Путешествие в страну запрещенных улыбок», множества статей о классической и современной литературе в периодической печати.

Вместе с В. Воронцовым, И. Егоровым, Э. Капиевым, В. Хохловым он был основателем и редактором альманаха «Ставрополье», руководил краевой писательской организацией. Литературоведческие работы Карпа Григорьевича по творчеству А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова вошли в научный оборот, используются в качестве дополнительных пособий литературоведами, преподавателями и студентами.

Умер Карп Григорьевич Черный в 1985 году в Ставрополе.

* * *

Сегодня, завтра, всю жизнь.

От автора.

Я многие годы общался со студенческой молодежью... Мне дороги стремление молодежи ко всему хорошему, ее поиски, понятны неизбежные в этих случаях промахи и заблуждения. И постепенно желание поговорить с молодежью об ее исканиях стало моей настоящей потребностью. Так появилась эта книга.

Это не повесть, не роман. Вообще не беллетристика. Да, по правде сказать, я и не ставил перед собой задачу написать литературно-художественное произведение. Задача моя скромнее. Попытаться ответить на некоторые вопросы, волнующие молодежь, без вымысла, через ее же собственные раздумья, споры. Так родилась форма этой книги.

Мне очень хотелось бы услышать отклик читателя.

* * *

– «Жениться надо, закрыв глаза и целуя землю. За счастье женатого человека никто уже не может поручиться».

Все в аудитории засмеялись. Начало лекции было необычным.

– А теперь я вам расскажу, что скрывается за этой веселой и мудрой историей женитьбы Панурга.

Так, в нарушение всех норм «лекторской этики», началась у нас лекция о великом французском вольнодумце шестнадцатого века, щедром на веселье и добром писателе Франсуа Рабле.

И мне почему-то стало легче.

В последнее время я, должно быть, перегрузил себя всякими сомнениями и, наверное, мысль моя стала работать с переборами, как перегретый мотор у машины.

В общем, начну сначала.

Я решил писать записки, что-то вроде дневника. И никак не мог перейти от решения к делу. Вести записки в наш век, век межпланетных кораблей, полупроводников, кибернетики, - не сентиментально ли? Вернуться к занятию слезливых барышень восемнадцатого века?

А мне, оказывается, давно-надо было как следует рассмеяться. И все стало на место.

Что же плохого в записках? Вчера было солнечное затмение. Это очень интересно. И очень редко. Запиши.

Следующее затмение будет в 2027 году. Хорошо бы дожить.

Сегодня встретил Варю. Она посмотрела на меня грустно и холодно, будто я ее обидел. Это тоже надо записать, потому что это очень важно.

А раньше? В армии я был агитатором и вел дневник международных событий. Это здорово мне помогало.

В школе я делал записи из любимых книг. Учителям это нравится. Например: «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя». Или: «Превосходная должность – быть человеком на земле».

Нужно думать о том, что происходит вокруг. И бывают счастливые минуты, когда раздумья приводят к такому, чего никогда у тебя в голове >не было, и тогда поражаешься: вот так штука! Как же ты жил до сих пор?

Писал я стихи. Кто не пишет их в шестнадцать-семнадцать лет! Но я доволен, что вовремя понял простую вещь. Поэтическое настроение – это одно дело, и живи ты с ним хоть до глубокой старости. Но если у тебя нет поэтического таланта, брось писать, не надо. Есть много хороших поэтов. Им и карты в руки. Если бы парни без поэтического дара не лезли в поэзию, может, тогда и не было бы дискуссий о том, кто важнее в наш атомный век – физики или лирики.

Жизнь прожить на плохоньких стихах? Нет, это не дело. Надо найти дело, для которого ты рожден. Пусть простое, скромное, но такое, чтобы мог ты с удовольствием отдать ему все свои силы. Тогда жизнь будет иметь смысл. А стихи, которые нужны главным образом самому поэту?..

Я запомнил 2 января 1959 года. 2 января 1959 года наша ракета стала спутником Солнца. Каждый переживал это событие по-своему, а мне захотелось запомнить все, что произошло в тот день. Конечно, писатели напишут (и уже написали) об этом художественные произведения, ученые – фундаментальные труды, художники – картины. А я не знал, чего я хотел. Но об этом событии я тоже записал. Так просто, от радости, от того, что хорошо жить на свете, когда делаются такие дела.

* * *

Поглядишь вокруг – жизнь необъятная, в ней столько дорог и тропок, что встаешь в тупик: по какой идти?

По-разному живут люди на земле. Иные больше для себя. Из них прет сытость. Посмотришь на такого – не человек, а мурлыкающий кот. Не люблю.

А есть другие. Хочу идти рядом с ними. Но что мне делать сегодня, завтра, всю жизнь, чтобы назвали они меня “своим товарищем”?

В одной статье М. Горького я прочитал слова: «Не жалей себя – это самая гордая, самая красивая мудрость на земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя!»

Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное».

Это, по-моему, самые главные слова в жизни.

Завтра мы, молодые, начнем самостоятельную жизнь. Будем стоять у станка, обучать детей в школе, строить заводы и электростанции, делать точные расчеты полета на Луну и писать стихи, лечить людей, рисовать картины и

на дне океана искать разгадку тайн природы. Завтра мы будем сидеть на тракторе, писать симфонии и у приемника слушать голос Вселенной. Завтра мы будем творить жизнь.

Чтобы творить жизнь, надо уметь не жалеть себя. Хватит ли для этого сил? Хватит, должно хватить. Сил ведь у человека много. Все дело в том, чтобы знать, на что их отдать. А иначе зачем тебе, человек, жизнь?

* * *

О нас, молодых, говорят много. На разные лады нам твердят: «Нет, не та пошла молодежь, нет, куда там...» Но это совсем не ново. Из поколения в поколение отцы говорили: «Вот мы... в наше время... а теперь...» Это должно означать, что раньше все было лучше.

Но если бы это было верно, люди давно превратились бы в дикарей. Дети становятся хуже отцов, дети детей еще хуже и так без конца.

А разве жизнь пошла вспять?

Должно быть, и я скажу своему сыну, который принесет двойку из школы:

– Разве так учатся! Вот мы учились...

Думаю, что все это говорится из добрых побуждений: все родители хотят, чтобы дети их были Циолковскими, Пушкиными, Чайковскими. Поэтому любят поучать.

А я никогда не слышал отцовских назиданий. И я готов отдать за одно отцовское поучение – каким бы оно ни было – полжизни.

Как же сделать доклад?

Раз взялся за доклад, надо сделать так, чтобы он достиг свое цели. Но доклад – это слово. А можно ли словом переделать человека? Способно ли оно вызывать желание исправиться, понять ошибку? Но ведь говорят е, что словом можно убить человека, словом можно и сплотит людей, зажечь их.

Я прочитал недавно у Мопассана: «У слов есть души». Где мне найти это слово с душой? Такое слово о труде, наверное, знают те, кто выносил его в себе, сам того не замечая. Те, для кого главное в жизни – труд.

Хорошо говорят китайцы: «Слово – тот ключ, которым открываются сердца».

Вот если бы все говорили такими словами! Мне кажется, это немислимо трудно, чтобы люди полностью и до конца поняли друг друга. Даже друзья, даже любящие. Ведь это самое сложное и самое тонкое из всех искусств на земле – искусство открывать человеческие сердца! Им владеют немногие. Им владел Ленин. Как научиться так владеть словом?

Ночь. Тишина. Мне приходят на память стихи Пушкина, которые любил Ленин.

Встань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполни волею моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей.

Но если жить, как Ленин, нужное, главное слово, которое открывает человеческие сердца, придет?

Маленький человек

В фантастическом романе Г. Уэллса «Машина времени» есть живые существа, лишенные плоти – элои, не люди, а медузы с костями. Они отдельные потомки эксплуататорских классов. Многовековая праздность из поколения в поколение лишала их красоты и силы, присущих физически здоровому человеку. Они противны, прикоснуться к ним все равно чем взять лягушку в руки.

«Машина времени» – это фантастика. Но одна мысль у писателя-фантаста очень верная – я потому его и вспомнил: праздность ведет к выражению. Тут Уэлс прав.

Труд – это великая и добрая сила.

И вера человека труда в свои силы – тоже. Я даже думаю, что не будь этой веры, жизнь утратила бы смысл. А то, разве не правильно? Вот Горький, по-моему, подобные вещи хорошо понимал. Потому он и не писатель, а писателище. Есть в «Итальянских сказках» слова простого рабочего, строителя туннеля:

«Человек – умеет работать!.. О, синьор, маленький человек, когда он хочет работать, – непобедимая сила! И поверьте: в конце концов, этот маленький человек сделает все, чего хочет». Какие слова! А! Земля застроена огромными городами, в воздухе летают огромные самолеты-птицы, в океанах плавают гигантские корабли. Кто все это сделал?

Очень здорово быть маленьким человеком. Складываются силы маленьких людей, и возникает чудо!

* * *

Прочитал роман Э. Золя «Труд». Роман не понравился. Но выписал оттуда хорошие слова о труде. Их произносит ученый химик Жордан: «Труд! Труд! Ему я обязан жизнью. Вы видите, какое я несчастное, хилое существо; помнится, в те дни, когда дул сильный ветер, моей матушке приходилось закутывать меня в несколько одеял; и все же именно она приучила меня к труду, как к верному залогому здоровья... Она приучила меня к регулярной, но разнообразной и привлекательной работе. Я выучился работать, как люди выучиваются дышать, ходить. Труд сделался функцией моего организма, естественным и необходимым упражнением моего мозга и мускулов, целью и условием моего существования. Я жил, потому что трудился...»

И еще:

«А как великолепно направляет труд нашу жизнь, какой он вносит всюду порядок!.. Я поражаюсь, когда вижу, что люди презирают труд, ненавидят его, смотрят на него как на позор или наказание. Он не только спас меня от верной смерти, но и дал мне все то хорошее, что есть в моем существе, укрепил мой ум и благородство...»

Но я тут не все понимаю: почему Золя заставляет своего героя поражаться, откуда возникает отношение к труду как к наказанию, позору? По-моему, это ясно.

Старшеклассник на уроке истории расскажет, что это собственники превращали и продолжают превращать труд для простого человека в каторгу. Приковывают труженика к станку и заставляют до изнеможения работать – по 16 и 18 часов в сутки. Разве неправда? Заставляют ткать ткани и ходить голым, сеять хлеб и оставаться голодным, строить дворцы и ютиться в землянках.

У каждого есть свой любимый писатель. Мой – Горький. Он умел писать слова правильные и ясные. «Капиталистический строй преступен тем, что, безжалостно растрачивая рабочую силу на защиту своей власти, заставляя рабочих производить пушки и ружья, из которых собственники в любой момент могут уничтожить тысячи и тысячи тех же рабочих, миллионеры, миллиардеры и прочие «великие» грабители мира сделали труд подневольным, рабским, заразили «маленьких» людей равнодушием к труду, лишили труд радости, убили в нем личное творческое начало».

Тут все ясно. Ясно и кого судить.

* * *

Я не жил при капитализме, но на суде над ним я бы тоже мог выступить с обвинением. За деда, за отца, за других людей.

Я не видел своего отца с шести лет, но то, что он рассказывал мне в детстве, я помню и сейчас.

Дед брал мальчишку за руку и вел на базарную площадь. На площади стоял гул, у «казенки» орали песни загулявшие казаки, рядом, в церкви, трезвонили колокола, у отпряженных возов лошади шумно жевали сено. Дед подводил мальчишку к навесу, который именовался противным словом – обжорка. Там сидели люди в лаптях, в холщовых штанах и таких же холщовых, пропитанных потом и горькой солью рубашках. Люди пели:

Ревела буря, дождь шумел...

Дед подводил мальчишку к людям и говорил:

- Смотри, это мои братья! Все мои братья! – И не грусть, но скорее-какая-то затаенная, чуть-чуть печальная и гордая радость звучала в его голосе.

Я никогда не видел своего деда. Но, вспоминая рассказ отца, я совершенно явственно представляю большую, лохматую голову деда, его зоркие, по-мужички мудрые глаза, его высокую грудь, которую не придавило никакое батрацкое лихо. Он был большой и неуклюжий, с длинными, корявыми, как корни могучего дуба, руками. Но и в руках, и в глазах, и в голосе, и во всей его непокорной осанке жила та самая вера в силу маленького человека, в его честную неумирающую доблесть: а ну, попробуйте-ка потягаться с нами!

В один из черных голодных годов Украины он пришел на Кубань за куском хлеба. Подвыпившие кулаки, нанимавшие в страдную пору рабочую силу,

заглядывали ему, как лошади, в глаза, поднимая веки, шупали у него мускулы, с гоготанием мутузили его в грудь и спину, одним словом, проверяли здоровье и силы, которые за лето надо было оставить на кулацких полях.

Дед водил мальчишку на эти праздничные торжища, глядел на людей, которые принесли сюда могучую и голодную силу своих мускулов, радовался и говорил:

– Смотри, парень, какие богатыри, ох, какая у людей сила!

И сам садился рядом с ними и густым низким басом подтягивал:

Во мраке молнии блистали...

Мальчишкой, бродившим с дедом по базару, был мой отец, которого я не видел с шести лет. Отец! В памяти живут его слова. Но как мало было этих слов!

Дед погиб еще молодым. В дороге, с брочки, груженной зерном, которую тащили степные красные волы, соскочило колесо. Дед, чтобы не рассыпалось зерно, полез под задок брочки и держал ее на себе, пока не надели колесо. А когда это сделали, дед упал на землю весь багровый и больше не поднялся.

* * *

Досадно и противно, когда у тебя не хватает знаний, не хватает примеров, не хватает слов. Учиться? Да, конечно, учиться. Но это легче сказать, чем сделать.

Человек – маленькое существо: полтора метра роста, шестьдесят-семьдесят килограммов веса. И все. Ну что такое его сила по сравнению с силой атома? Да что там атома, с силой самого маломощного паровоза, даже лошади, уже выходящей из употребления? Но человек сильнее и паровоза, и атома. Человек сильнее всего на свете. Труд и знания делают его таким... Впрочем, я отвлекся. Сколько раз ловлю себя на этом. Будь сосредоточенным. Тебе надо подготовиться к докладу. Думай об этом. Думай, думай! Вот я и думаю. И снова возвращаюсь к тому же: не хватает примеров, не хватает слов. Надо много, ох, как много учиться. Надо много читать. Так и сейчас: надо порыться как следует в книгах и как следует посмотреть вокруг. Главное в том, чтобы слушатели после беседы о труде стали хоть немного другими, чтобы стали немного лучше, чем были до этого.

* * *

«Труд является естественно потребностью человека». А я вспоминаю своего школьного учителя. Он уходи на пенсию, проработав в школе пятьдесят лет, и мы его чувствовали. Мы писали ему поздравление в стихах. Это потому, что хотели, как лучше выразить свое отношение к нему. И все было тогда необыкновенно, что я в докладе хочу рассказать об этом. Сказать так, чтобы все почувствовали: никто на свете не заслуживает большого уважения, чем человек труда.

Ученики чувствовали своего учителя. Он боялся чествования и очень долго не приходил. А когда прошел в зал, непрошенное явилось к нему волнение.

Он нем говорили много хорошего. Речей было тоже много, и, чтобы преодолеть свое волнение, он попытался шутить сидевшим рядом с ним представителем собрания.

Затем слово предоставили учителю. Он подошел к трибуне и... заплакал.

В зале наступала тишина. Все замерли, пораженными этими слезами старого учителя. Кое-как подавив волнение, он сказал: «Не подумайте, товарищи, что и я на самом деле такой хороший. Самое верное из того, что было здесь сказано, заключается вот в чем: я действительно проработал пятьдесят лет и все пятьдесят лет старался трудиться честно».

В зале снова разделись аплодисменты. Ученики встали, и учитель долго не мог говорить. А когда после долгих и шумных аплодисментов снова сделалось тихо, он добавил:

-Дорогие друзья и товарищи! Нет большей радости на свете, чем та, которую приносит труд.

Учителю долго пожимали руки, обнимали, и волнение, которое, казалось, уже прошло, снова заставило сердца сильнее стучать в груди.

Но вот чествование закончилось. Ученики попросились проводить учителя домой, он попросил их не делать этого. И так как он был их учитель и к тому же старый человек, они с уважением отнеслись к его просьбе.

Он шел медленно, руки и ноги слегка дрожали от неопределенного волнения, с которым он никак не мог справиться.

Дорога к дому вела мимо рыночной площади. Там, за невысокой деревянной оградой стояли деревья-саженцы.

Повинуясь какому-то почти неосознанному, но сильному чувству, он повернул на площадь, и купил маленькую яблоню. А придя домой, вырыл яму, посадил в нее яблоню, принес ведро воды и полил деревцо.

Старый учитель устал от работы, но, несмотря на усталость, руки и ноги его не держали, как прежде, а в душе было торжественно и радостно. Учитель присел на скамейку, посмотрел на молодую яблоню и подумал, что это его благодарность людям за любовь, которые они сегодня проявили к нему.

Душевное благородство

Я случайно услышал, кто-то сказал в разговоре: «Душевное благородство». Все время хожу с подслушанными словами в голове и думаю: что это? Я никогда не думал о такой вещи. Спросил Сергея:

– Сережка! Что, по-твоему, такое душевное благородство?

Он этак посмотрел на меня, будто я задал праздный вопрос, и ядовито ответил:

– А ты обратись к Варе, комсоргу. Она даст тебе любое разъяснение.

Потом, видно, сам понял, как это глупо, прикусил язык и уже другим тоном сказал:

– Ну, понимаешь, ну, когда человек весь загорится, о себе забудет и делает что-нибудь необыкновенное, совершит мужественный поступок, подвиг. Ну как Зоя или Матросов...

Конечно, правда в его словах есть. Зоя и Матросов – герои. Но вразумительно сказать он ни черта не смог. ...Разве можно об этом рассуждать, словно читаешь таблицу умножения?

А я действительно поговорю с Варей. Почему бы и не потолковать о том, что такое душевное благородство?

Я очень люблю Бетховена. Когда-то по радио был передан рассказ, как на квартире Горького Ленин слушал музыку. Известный пианист сыграл бетховенскую сонату «Appassionata». Прослушав ее, Ленин сказал: «Изумительная, нечеловеческая музыка! Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Было время, когда я не понимал Бетховена, даже не то что не понимал, а не знал. Имя Бетховена слышал, и довольно часто, но с этим именем не связывались никакие мысли, никакие чувства, никакие понятия, словно ты не человек, а так, полено. Теперь я понимаю: это плохо – не знать. А тогда не знал, и был спокоен. Это хуже трижды. Самая страшная нищета – нищета духа. Когда у человека пусто на душе. Я прочитал книгу Р. Роллана «Жизнь Бетховена». И вот что мне запомнилось: Р. Роллан пишет, что учитель Бетховена влиял на своего ученика не только умением глубоко проникать в искусство, но и своим душевным благородством, А нам, наверно, не хватает в наших отношениях душевного благородства. Взять недавний случай в институте. Во время лекции одного преподавателя студенты все время галдели. Преподаватель, уже не молодой, а главное, очень нервный человек, покинул аудиторию. После звонка староста группы спросил у него, будет ли продолжаться лекция. Преподаватель ответил: «Если будете держать себя прилично». Староста молча удалился. Кончился перерыв, преподаватель пришел в аудиторию – она была пуста. Переговоры, как говорят дипломаты, не привели к желательным результатам. У ребят не хватило душевности и сердечности.

Смешно и грустно! Говорили у нас потом долго по этому поводу. Все виноватых искали. А у меня опять как возник вопрос, так с ним и хожу. Что же оно такое, душевное благородство?

Помню еще, когда на факультетском комсомольском собрании обсуждался вопрос о воспитательной работе, один наш делегата – ему бы только лысину – с умным видом развивал мысль, что для поднятия политико-воспитательной работы на должный уровень необходима детальная на этот счет инструкция.

Нет, дело не в инструкциях. Душевное благородство возникает не по инструкции.

Фашисты во время оккупации Франции расстреляли множество участников Сопротивления, коммунистов. Вот что писал один из них, рабочий-металлист Морис Лака-зет, перед расстрелом своей жене: «Прощай, детка... Про-

щайте все милые сердцу места, где мы любили друг друга. У меня не хватает сил отдать тебя другому, но если у тебя когда-нибудь родится сын, назови его моим именем, если тебе, конечно, это захочется, милая. О, пойми меня правильно, я этого не требую, но если тебе захочется и это никого не обидит...»

Сколько в этом письме душевного благородства! Душевное благородство возникает из труда, из борьбы, из больших стремлений, из общения с хорошим и высоким. Читай и перечитывай Пушкина, Толстого, Горького, Шолохова. Когда придет усталость, слушай Бетховена и Чайковского. Поднимайся в горы, броди по лесным тропинкам, смотри пейзажи Левитана, снова и снова читай и смотри «Судьбу человека».

А во мне часто душевное благородство хотят воспитать вывешенным на стене плакатом. Плакат – это сила. Ну, хотя бы «Окна РОСТА» Маяковского. Или еще плакат Д. Моора: «Ты записался добровольцем?» Хороший плакат может остановить даже равнодушного. Плохо другое. Некоторые воспитатели хотят плакатом и откупиться, скрыть за плакатом свою лень, свою бездарность и равнодушие к воспитанию молодежи.

Сейчас, наверное, нет школы, где не было бы плаката с чудесными словами Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». В одной школе, во время практики, я остановился у такого плаката и стал спрашивать у всех проходящих учеников от пятиклассника до выпускника: кто и в каком произведении Чехова произносит эти слова? Некоторые пожимают плечами и проходили мимо, некоторые смотрели на меня как на сумасшедшего. А преподавательница литературы пошла к директору и заявила: «Нам не нужны студенты-практиканты, учиняющие в школе допросы». Кстати, плакат висел у двери директорского кабинета. Есть же еще учителя! Малыш приходит в школу с открытым сердцем. А такой вот учитель его обворовывает. Десять лет в школе – самых лучших, самых чистых, самых чутких. И если за эти десять лет малыш не станет настоящим человеком, то когда же он им станет?

В школе надо бы поменьше цифр. Ну, в математике – там дело другое. А то показатели в учебе, показатели в успеваемости... И глядишь, ученик уже не живой растущий человечина с умной башкой, а только статистическая единица. А где проверка на внутреннюю доблесть, на душевное благородство, на смелость ума и сердца?

В чем она – красота?

Есть люди, от общения с которыми становится хорошо на душе. Вот такая Варя. Я могу подолгу смотреть на нее, когда она молчит. Мне очень приятно смотреть на Варю. Я могу с удовольствием слушать, когда она говорит. Мне очень приятно ее слушать.

У нее есть завидное качество. Трудно определить его. Это... я бы сказал, масштабность души. Все вмещает ее душа: любовь к детям, к музыке, к книге, к природе. Когда я слышу слова Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно...», я думаю о Варе.

Вчера вечером она мне сказала: «Хрустьев несчастный человек. Он обрадывает себя и бахвалится еще при этом. Красота всегда приносит радость!»

Я невольно повторил:

– Красота приносит радость.

Разговаривали мы о музыке. О музыке одни говорят «понимаю». Другие – «не понимаю». Но язык музыки никогда нельзя понять с точностью таблицы умножения. Да это и не нужно. Я так считаю: если музыка волнует меня, если, слушая ее, я думаю, что не должен

зря жить на земле, значит, я Музыку понимаю. Я так и сказал Варе. Она ответила:

– Я с тобой согласна. Но ведь есть люди, которые ее отрицают. Ну, возьми хотя бы Хрустьева...

У нас был спор с этим типом. Он создал целую «теорию» о том, что век симфонической музыки прошел. То был девятнадцатый век, а двадцатый век – это век легкой музыки. У него и «доказательства» имеются. Симфоническая музыка, по его словам, занимала в девятнадцатом веке главное место потому, что тогда праздные люди от безделья копались в душе и разводили симфонию. А теперь другое дело. Теперь человек занят, некогда ему тратить время на симфонию. Музыка должна действовать, как аттракцион. И все. Доказательствам этим, правда, грош цена. Я сказал ему тогда: «Чего ты напал на девятнадцатый век? Откуда ты взял, что праздные люди творили тогда жизнь? Задавали тон? Праздные люди не построили бы пароход и железную дорогу, не изобрели бы электричество и радио. И я думаю, что мы не смогли бы строить у себя коммунизм, если бы в девятнадцатом столетии не появился «Манифест коммунистической партии».

А насчет музыки вот что. Я люблю и симфоническую музыку, и легкая пусть себе живет на здоровье. Я только против плохой легкой музыки. Я так себе представляю. Идет, допустим, человек по лесной тропинке, идет и мурлычет себе под нос песенку. Ему легко, весело. Вот он услышал шорох, остановился. Что это? Может, упал лист с дерева, может, вспорхнула птичка. Поднимает глаза вверх, а там в сплошной зелени деревьев голубеют чистые прогалины. Это небо. Человек отдыхает и радуется отдыху – он его заработал. Так вот, если музыкант передаст это настроение человека в гармонических звуках, я думаю, и будет легкая музыка.

А твоя легкая музыка – вот что. Идет человек по улице вразвалку, ноги у него заплетаются, гнусавит он что-то вроде «Ландыши, ландыши...» и носом водит из стороны в сторону: куда бы зайти выпить или другую бы какую пакость устроить – задеть встречного, заорать на всю улицу, в чужой карман залезть. Такого человека я, как дружинник, обязан призвать к порядку. А творцов подобной «легкой» музыки почему-то не призывают к порядку, даже деньги в издательствах платят».

Хрустьев говорит, что ценители симфонической музыки вырождаются, как древние мастодонты, и скоро их совсем не будет. Ну не чепуха ли? Дудки, брат! Ты еще сам потянешься к симфонической музыке!

Конечно, многие еще заявляют, что не понимают серьезную симфоническую музыку. Одни просто потому, что у них нет музыкальной подготовки. Это честно. Это даже естественно. И музыкальная подготовка – дело наживное. А другие бахвалятся: не понимаю, потому что ни к черту симфоническая музыка не годится. Так проще и легче для людей, которые не привыкли ни над чем задумываться, ничего узнавать. Но музыка тут ни при чем, она не виновата.

Мы говорили с Варей долго и договорились до того, что в будущем музыкантами, наверное, будут все или почти все люди, так же как и поэтами, художниками. Не просто все человечество пойдет в музыканты, поэты и художники, а в том смысле, что у каждого человека, кроме основной, будет еще другая профессия, профессия-спутник, профессия в сфере искусства. А что? Убежден. И может, не одна, а две-три. Я себе иначе не представляю гармонического человека.

Варя рассказала мне, что шесть раз ходила слушать Пятую симфонию Чайковского. И она тоже сразу ничего не понимала. «Гляжу, а вокруг у людей на глазах слезы. И я тоже плачу, плачу потому, что не понимаю, потому, что как глухая. А потом что-то произошло. Я сама не знаю что. Может, я и сейчас не понимаю музыки, а только слушаю теперь и слушать хочется. Такое творится в душе – слов нет, а самой очень, очень хорошо. И кругом все лучше становится, и в себя и в людей больше верить начинаешь».

Мы долго молчали. Где-то в надвигающихся сумерках родился далекий, приглушенный высотой, тревожный крик птицы. Музыка – она всюду. Ты слушал, как под лучами зимнего солнца осыпается с высоких сосен снег? А осенью высоко в небе тревожно кричат дикие гуси? Когда их слышишь, обязательно вспоминаешь детство, морозную зиму, старую бабушку, сказки: «Гуси-лебеди, возьмите меня с собою...» Слушаешь и веришь: поднимут тебя на крыльях гуси-лебеди и унесут, унесут...

Варя призналась: «Я и сейчас, как в детстве, верю, что можно взлететь в небо. Смешно, да?»

Нет, это не смешно. Совсем не смешно. Дорогая, милая, Варя, если бы ты знала, как это не смешно! Как это хорошо...

Вопрос трудный и легкий

Прибегал к нам в группу шустрый паренек из профкома. Для помощи «треугольнику» в воспитательной работе. Он предложил составить план воспитательной работы и упорно советовал включить в план беседу о счастье. Здорово! Провернем «мероприятие», в профкоме похвалят, поставят «птичку» – и со счастьем будет полный порядок. Как с эстетикой.

У «ас была беседа по эстетике. Поднимая наш эстетический вкус, нам сообщили, что уже у первобытного человека было тяготение к красоте, сообщили, что эстетикой много занимался Гегель, и после этого, должно быть, решили – наш эстетический вкус поднят на должный уровень. А Семен на другой день явился на занятия в новой рубашке. Не рубашка, а зоопарк. Гляди и изучай фауну знойных тропиков и холодной Антарктиды. Слоны, жирафы, удавы, пингвины...

Счастье, в чем оно? Что такое счастье? Родители – детям, а дети – родителям, народы – народам – все желают друг другу счастья. Во имя счастья живут и борются люди, о счастье поют песни и во имя счастья льется кровь. Что же оно такое, счастье?

По-моему, это самый легкий и самый трудный вопрос. Легкий потому, что каждый ищет на него ответ, и трудный потому, что ответы получаются разные.

Сколько их может быть, ответов? Один, десять, сто? Не знаю. Вот знаю, что хорошо сказал Аркадий Гайдар:

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

* * *

На встрече Нового года было все: концерт, лотерея, аттракционы, танцы, даже выставка самодеятельных художников. Сергей выставил свои картины. Я пошел посмотреть. У картин стояли Сергей и Владимир Петрович, одни. Они меня не заметили. Владимир Петрович говорил Сергею «ты», вопреки обычному «вы», с которым он обращался всегда к студентам. Я невольно остановился у двери.

Подслушанный разговор. Говорил Владимир Петрович, а Сергей сначала молчал.

– ...Не старайся нарисовать все, что видишь. Это не задача художника. Вот у тебя на заднем плане горы. Оттуда течет горный ручей, на переднем плане гряда камней. А на чем сосредоточено твое внимание, внимание художника, я не знаю. Зачем, например, тебе вырисовывать это обилие камней? А может, нужно нарисовать один камень, но так, чтобы я почувствовал и мысль твою, и чувство твое, заставившее тебя взяться за кисть? Вспомни: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом» – только и всего, а какой за этим необъятный мир смятенной, непокорной человеческой души.

У тебя хороши горы, хорошо небо. Да все у тебя хорошо нарисовано. Но ты ведь не только должен передать натуру. Это не задача художника. Это делается проще – с помощью цветной фотографии. Какую ты, собственно говоря, хотел выразить идею? Просто красоту передать? Но красоты вообще нет. Ты понимаешь опасность? Ты можешь стать хорошим рисовальщиком, и только. И краски будут привлекательны, и рисунок хороший, а все вместе мертво. Согрей ты все это теплом больших чувств, больших мыслей, больших идей, выношенных в сердце.

И последнее: ищи себя в искусстве. Действительность – твой материал. Прежде всего, умей отобрать из этой действительности добротный материал. Что такое добротный? Чем больше людей трогает, обогащает оно действительность, тем лучше, тем ближе ты к истинному, настоящему искусству. Но действительность сама по себе еще не искусство. Искусством делает ее образ. Образ – стихия художника. И подлинный художник неповторим. Образ его всегда нов, необъятен, а потому неотразим. Секрет долголетия художника в способности претворять действительность в образ, иначе говоря – в таланте.

Я сообщаю тебе истины общеизвестные. О них таинственным шепотом говорят только штатные докладчики.

А если по-серьезному – мистический шепот появляется даже и не без повода: создание нового образа стоит действительно нечеловеческого труда. О своем труде большие художники говорят с ужасом, называют его каторжным, хотя попробуй кто-нибудь дурно отозваться о нем – они обязательно намылят шею. И верно. Чем тяжелее творческий труд, тем дороже он, милее. Для художника так всегда было и так всегда будет. Тебе это надо знать.

Ищи в живописи свой образ. Не копируй других. Копирует посредственность, талант творит. И пусть образ твой всегда будет ярким и неповторимым, окрыленным своей светлой идеей. Слушайся жизни – она никогда не обманет. И не щади себя!

Сергей после долгого молчания спросил:

– Скажите, Владимир Петрович! Что мне делать дальше – учиться в педагогическом или уйти в живопись?

Он так и сказал «уйти». Здорово волновался.

– Задал ты мне задачу, – Владимир Петрович вздохнул. – Я тебе скажу одно. Дело свое надо любить. Жизнь становится мукой для человека, если он не любит свое дело. И ты сам себе раньше ответь на вопрос, чем хочешь заниматься.

Я стоял у двери и не вмешивался в их разговор. Боялся, что вмешательство в этот откровенный разговор двоих может все испортить. Но сам я не раз доходил до чертиков, думая о том, чем мне в жизни заниматься. Владимир Петрович прав, в руках человека должно быть любимое дело. Человек, равнодушный к своему делу, – несчастный человек, да и толку-то от его дела на ломаный грош. Придет больной к врачу с жалобой на ангину, а тот сунет ему касторку. Недаром Чехов назвал равнодушие параличом души.

Владимир Петрович спросил:

– Почему ты пошел в педагогический институт? Для работы учителем особенно нужна огромная любовь к профессии, иначе жизнь станет для тебя адом.

Сергей ответил вяло и неуверенно:

– Не знаю, люблю ли я профессию учителя, тянет меня в искусство...

«Ты не знаешь! – подумал я. – Хоть я тебе, Сергей, и друг, но помогу уйти из педагогического института». Я повернулся и вышел. В зале был концерт. Я никогда на концертах не выступал. Но тут мне втемяшилось вылезти

на сцену, хотя, откровенно говоря, с таким же правом могу называться чтецом-декламатором, как петух соловьем. Я поднялся на сцену и прочитал:

*Если в простую краску
ты кровь из груди не добавишь,
слезы из глаз не добавишь,
горсти земли не добавишь,-
нарисовать ты не сможешь
крови, –
красной, как кровь,
моря,-
синим, как море,
земли, –
земной, как
земля.*

В Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий. На совещание собрались люди, повернувшие ход истории человечества, и от имени 36 миллионов коммунистов сказали, что в центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище – мировая система социализма. Это является залогом победы в борьбе за мир, демократию, национальное освобождение, социализм и прогресс человечества.

Сто лет тому назад коммунистов считали кучкой фанатиков, мечтавших о несбыточных утопиях. Сегодня их тридцать шесть миллионов!

Мир поднимается, воодушевленный мужеством, верой, энергией коммунистов. Всем тем, кто жил под грузом нищеты, без надежды, без радости, открываются широкие горизонты. Чтобы выразить этот порыв человечества, это предчувствие грядущей победы, нужен художник, равный Толстому или Шекспиру. Наверное, мы скоро услышим его голос.

И еще одно меня радует: у этих 36 миллионов были учителя.

Русский язык

Прочитал в журнале, как в одной из шведских школ преподавательница французского языка и ярая его поборница обратилась к ученикам с вопросом:

– Дети! У нас в Швеции первый иностранный язык – английский. Но если бы вам предложили изучать другой наиболее важный язык, какой бы вы тогда выбрали?

Она ожидала ответа: «Французский». И была просто убита, когда класс ей хором ответил:

– Русский!

Шагает по Земле русский язык!

Еще в детстве, сразу после войны, я слышал один послевоенный рассказ. Тогда все возвращались с войны. У каждого было что рассказать.

Отец и девочка не виделись шесть лет. Он уходил на »войну, когда ей было полгода. И только спустя шесть лет они снова встретились. В первый же день они вышли вместе на улицу и крепко держались за руки, будто боялись, что кто-то может их еще разлучить.

Девочка и отец вышли гулять, а потому шли не спеша, наслаждаясь теплым весенним днем. И вдруг девочка спросила:

– Папа, что ты делал на войне?

Отец опустил глаза. Тень пробежала по его лицу. Что сказать этой малышке? Как рассказать ей о том, что с ним было, и не ранить рассказом детское сердце? Он тихо-тихо ответил:

— Я был в плену, – и ничего не добавил.

Она спросила:

— Папа, а что такое плен?

– Плен? – переспросил он и долго шел молча. Он хорошо представлял, что такое плен, потому что беды более страшной и горя более сильного нельзя придумать. Он очень хорошо помнил бараки, обнесенные колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток. Там, на севере Норвегии, неподалеку от бедной деревушки. Это был плен. Он помнит, как ежедневно водили их на каменоломню, и оттуда таскали они к лагерю огромные камни, в которых не было никакой надобности. Это был плен. Он помнил, как фашистские охранники запрещали им не только петь, но и говорить друг с другом. Кажется, ничего фашисты так не хотели, как заставить советских людей забыть свой язык и свою Родину. Это был плен.

И однажды случилось такое. Пленные возвращались с работы. Их товарищ по шеренге, изнемогший от голода и каторжного, бессмысленного труда, отставал, охранник уже дважды бил его прикладом автомата.

Голова пленного падала на грудь, тяжелые, онемевшие руки, будто чужие, беспомощно раскачивались вдоль туловища. Они не могли справиться с эсэсовцем.

И вдруг произошло что-то похожее на чудо. Пленный вскинул голову. Нет, он не был безоружен! У него был родной язык. Он выпрямился и громко, громко, насколько хватило у него сил, запел:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Фашист ударил пленного по голове. Тот зашатался и упал, но больше бить пленного не дали товарищи. Они подняли его, взяли под руки и, не уговариваясь, запели:

...С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

И все усталые, изнемогшие, измученные, все, кто шел в нестройных рядах, подхватили песню. Охранники закричали, но крики их потонули в звуках могучей песни. Разве можно было сейчас запугать пленных криками?

Они шли и видели перед собой Родину, забыть которую никто не мог их заставить, как никто не мог ее победить.

Тогда фашисты начали стрелять. Люди падали, поднимались, снова падали, но песня не затихала.

Это был плен.

Девочка глядела на отца удивленно:

– Папа, почему ты молчишь?

Голос девочки оторвал отца от воспоминаний.

— Что такое плен? – вслух повторил он и, глядя на нее, медленно, тяжело заговорил:

— Плен – это большое, очень большое горе, моя девочка. Плен – это страшная беда. Это как будто привязывают к ногам тяжелые камни, чтоб не мог ты сделать шагу. Это все равно, что человека лишают глаз, чтобы он ничего не видел, вырывают язык, чтобы никогда он не мог сказать ни одного слова.

Большими встревоженными глазами смотрела девочка на отца.

– И ты был в плену?

– Ты видишь, я с тобой. Я бежал из плена.

А потом они пошли дальше, и оба, как это бывает после трудного разговора, молчали.

Неизвестно, знал ли этот отец слова Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Может, он их и не знал. Но разве сердцем этого простого русского человека владели чувства менее сильные, чем те, что волновали сердце великого русского писателя? Не почувствовал ли он с той же силой, что родной язык – неумиряющее сердце народа?

Счастье – в чем оно?

«Человек рожден для счастья, как птица для полета». Крепко сказано.

Но что такое счастье? Вот Валя, например, несчастна. А ведь ей и нужно-то маленькое счастье. Но, может, и несчастна она потому, что хотела маленького счастья? Маленького? А любовь – разве мало? Нет, не мало. Не мало, потому что любовь способна творить красоту, рождать подвиг, объединять людей, приносить им счастье.

В любви всего хватает. Весь вопрос, должно быть, только в том, чего больше в ней и чтоб умели мы беречь то, что в любви возвышает человека, дает ему счастье. Но я сейчас думаю даже не об этом.

Счастье – в чем оно? В любви?

Комсомольская свадьба

Валя сидела необыкновенно красивая. Все красиво – и глаза, и губы, и прическа. Откуда эта красота? И глаза, и губы, и прическа оставались Валиными,

а не такими, как всегда. Ну, как если бы на молодую, цветущую яблоню упали лучи солнца и позолотили ее. Ах, ты Валя, Валентина! Как я рад за тебя! Пусть счастье твое будет долгим и прочным. Оно пришло к тебе нелегко.

Но трудное счастье, говорят, всегда лучше счастья легкого. И пусть минует тебя, Валя, Валентина, счастье сплошное и круглое. От него сама убежишь. При нем за счастье легко принять то, что давно умерло.

Мы подняли уже бокалы с шампанским за здоровье молодоженов, но тут – совершенно неожиданно – пришел Аркадий Степанович, поздравить молодых. Все ужасно растрогались, зашумели, отдали ему право поднять первый тост. Он встал и прочитал:

Эй, потолок поднимайте,

О, Гименей!

Выше плотники, выше,

О, Гименей!

Входит жених, подобный Арею,

Выше самых высоких мужей!..

А что? Для Вали «физик» выше самых высоких мужей.

Аркадий Степанович озорно, по-мальчишески подмигнул мне. А я посмотрел на Варю, которая сидела против меня. Она, должно быть, как и все, думала о Вале. Валя, Валентина! Личное счастье, разве оно только твое счастье?

Сейчас ко мне приходит мысль, которой не было на самой свадьбе. Для чего устраивают комсомольские свадьбы? Как для чего? Комсомольской свадьбой отмечается радостное, самое радостное событие в жизни молодых людей. Собираются друзья молодоженов, поют, веселятся, танцуют, чувствуют молодых.

Правильно. И веселимся мы здорово на комсомольских свадьбах. Но кроме веселья ведь происходит что-то гораздо большее. Двое молодых начинают строить семью. И по правде сказать, они не представляют, как ее нужно строить. Веселье это хорошо. Но важно, чтобы молодожены не только запомнили, что на свадьбе было весело, а чтобы в душах их осталось что-то большое, радостное и серьезное. Ну, как это сказать? Чтобы в душах, там, где живет любовь, поселился еще и ее верный страж. Пусть он будет называться чувством долга, что ли, ответственности друг перед другом, перед друзьями и товарищами.

Раньше существовали свадебные обряды. Теперь они устарели. Иные времена – иные песни. Но обряды нам нужны. Какие? Не знаю! А смысл этих новых неизвестных обрядов понимаю. Допустим так. В отношениях между молодыми супругами возникла какая-то трещина. Взять тех же «физика» и Валу. Не могу я никак отделаться от чувства: будет у них еще всякий ералаш, может, даже любовь пойдет наперекос, как окна и двери в доме неумелого строителя.

Так вот: предположим, в отношениях между молодыми супругами возникла какая-то трещина. И тот самый страж, оберегающий любовь, сразу подает сигнал: «Постойте, ребята! На свадьбе вас поздравляли друзья, жела-

ли вам счастья, говорили вам, чтобы всегда – и в час беды и в час радости – не изменяли вы чувству дружбы, чтоб гнали от себя недобрую раздражительность и злобу, а вы?»

Или если молодые родители забудут, что самое дорогое в их семье – дети, и станут кричать, что из-за этих постылых ребят некогда даже сходить в кино, что из-за них надрывая теперь свои силы, – пусть снова этот самый страж, оберегающий любовь, сразу просигнализирует: «Постойте! На свадьбе друзья от доброго сердца желали вам детей, веселых, здоровых и умных, а вы?»

Где-то в обряде должен гореть вечный источник добрых чувств. На всю жизнь.

На Валиной и «физика» свадьбе недоставало старших. Был только один Аркадий Степанович.

У старших есть опыт и мудрость. И еще что-то такое, чего я не могу выразить. Но важное. Может, это ощущение преемственности? Старшие уходят, молодые приходят. Вечная, неумирающая сила! Должно быть, она и дает возможность старшим спокойно уходить из жизни, а молодым продолжать ее, идти дальше.

Ну и принесли бы все это старшие на свадьбу, как подарок Вале и «физику».

День, который я не забуду

На партийном собрании меня принимали в кандидаты КПСС. Попросили рассказать биографию. А какая у меня биография? Нет еще у меня биографии. Родился. Как все ребята, играл в Чапаева и читал книги. Мать-учительница. Отец погиб на войне. После десятилетки служил в Советской Армии. А вернувшись, поступил в институт. Вот и вся биография.

Кто-то, должно быть, из тех, кто не очень внимательно слушал, спросил:

– А где работает отец?

Отец, я не видел тебя с шести лет. Я не знаю, вспыльчивый ли ты был человек или спокойный. Но я знаю – умер ты как настоящий человек, И всю краткую жизнь я вдумывался в каждый шаг твоей жизни. И одна мысль все больше и больше укреплялась во мне: я хотел бы жить и умереть, как ты.

Сегодня, отец, у меня большая радость: меня принимают в партию. Раздели эту радость со мной...

Я поднял голову и громко сказал:

– Мой отец погиб на войне...

Потом слово взял Владимир Петрович – мой поручитель.

– Отец у Алексея был коммунист. И будь он живой, он непременно порадовался бы, что у него такой сын. Отцам никогда не подняться из могил, но им спокойно лежать в земле, когда дети не обманывают их надежд...

Волнение мешало мне слушать. Я перестал различать голоса говоривших... В детстве я часто видел один и тот же сон: будто летаю по воздуху, как большая легкрылая птица. Сейчас не было ни сна, ни детства. Но было чувство полета, было чувство высоты, с которой я не имел теперь права спускаться...

...Вечером стояли мы с Варей на берегу озера, взявшись за руки. Солнце садилось. Над тихой золотистой гладью воды проносились чайки.

Мы остановились у кромки берега. Чуть слышно плескалась волна, мягко касаясь песчаного откоса.

Давай помолчим, Варя!

Грозы, ливни, сухие и горькие ветры будут бушевать над нами. Но я сберегу чувство полета, чувство высоты, с которой теперь не имею права спускаться. Только говорить об этом не надо никому. Клятвы даются молча, своей совести.

Помолчим, Варя. Мне сейчас очень хорошо.

В записную книжку давно не заглядывал. Со своей болезнью пропустил много занятий. А тут не успел вернуться из больницы – сессия. В деканате мне предлагали перенести экзамены на осень. Я подумал и отказался. Чего тянуть? По правде сказать, пришлось-таки трудновато. Но все же поднавалился на занятия – и осилил.

В конце сессии меня вызвали в профком и дали путевку в санаторий. Это, чтоб я поправлялся после болезни. Председатель профкома сказал:

– Валяй, Алешка! Закаляйся. Знаешь, какой там воздух! Санаторий «Горные вершины». Сам бы поехал, да тебе путевка нужна!

И вот я в поезде. Всю ночь проспал как убитый. Отоспался! А утром начал уяснять обстановку.

Раньше всех в вагоне проснулись старики. Потом стали просыпаться дети. Они весело болтали, смеялись, визжали, а мамы, которым хотелось поспать, ворчали. Но наступление дня уже ничем нельзя было остановить. В двери купе стучалась проводница и предлагала чай. Включилось радио. Передавали последние известия. О важности последних известий можно узнать по многим признакам, но всегда безошибочно по голосу диктора. Это точно. Я стал прислушиваться. Диктор говорил: «Сегодня все газеты опубликовали проект Программы Коммунистической партии Советского Союза».

В вагоне сделалось тихо. Мама прикрикнули на детей, старики перестали шаркать в коридоре, а в соседнем купе, где азартные игроки уже с утра «забивали козла», прекратились удары костяшек по столу. Когда нужно, люди умеют слушать. В наступившей тишине только стучали колеса: «тра-та-та, тра-та-та-та!»

Потом чей-то голос с радостным возбуждением произнес:

– Ну, братцы, задача ясна: умри, а добудь газету! Это по-военному определил задачу ехавший в вагоне майор.

Поезд подходил к большой станции. Я слез с полки. Поезд замедлил ход, и в коридоре была уже очередь. Мама и старики начали совать мне деньги.

– Молодой человек! Не сочтите-за труд!

На остановке весь поезд устремился к газетному киоску. А я схитрил и побежал в вокзал. Там у киоска меньше было людей, но киоскер только еще развязывал пачки газет, и очередь глухо на него шипела. Наконец он развязал свои газеты, и десятки рук потянулись к нему. Рядом со мной появилась ка-

кая-то пижама и, совершенно не принимая меня во внимание, наступив мне на ногу, изо всех сил стала выжимать из очереди. Я понимаю: газета нужна всем. Но мы с тобой, пижама, здесь равны, а потому не лезь без очереди. Я сделал стремительный рывок, и рука пижамы оказалась сзади. Это полосатое высокомерие проводило меня молчаливым, многообещающим взглядом... Но мне было не до него. Поезд тронулся, и я почти на ходу вскочил в свой вагон. Вагон меня ждал. Я молча раздал газеты и полез на свою полку.

Оказывается, и тишину можно запомнить, как грозу или снежную бурю. Это была такая необычайная тишина.

Я не знаю, сколько прошло времени. Должно быть, много. Потом в вагоне стали раздаваться голоса: «Здорово», в другом конце кто-то произнес: «Правильно!»

.. Из своего купе вышел майор. Он одним из первых прочитал газету и, потянувшись до хруста в суставах, сказал:

– Ну, братцы, такая жизнь идет – умирать не надо,

И весь вагон шумно, на разные голоса заговорил.

Я лежал на своей полке, не хотел спускаться. Все люди разные. Мне, например, о чем-то важном всегда хочется, прежде всего, поговорить с самим собой, разобраться, осмыслить до конца.

Я услышал сверху, как сидевшая внизу женщина произнесла, ни к кому не обращаясь:

– Предлагают вносить поправки в проект Программы. Не знаю. У меня, кажется, поправок в Программу нет, а вот Программа в мою жизнь вносит серьезные поправки.

Дорогая женщина! В твою ли только жизнь? В твою жизнь, в мою жизнь, в жизнь народа, в жизнь всего человечества.

Мне вспомнился эпизод, о котором рассказывал преподаватель зарубежной литературы. Когда пруссаки вместе с австрийцами в 1792 году потерпели в битве при Вальми поражение от революционной Франции и спрашивали себя в растерянности: «Что же это происходит?»- кажется, Гете спокойно ответил: «Происходит рождение нового мира и вы можете сказать, что при этом присутствовали».

Вот и у меня такое ощущение, что я присутствую при рождении нового мира.

...Я лежу на полке и думаю. «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Мне будет в 1980 году сорок три, Варе сорок. У нас будут маленькие ученики рождения 1970 года. Я им скажу: «Ребята! Знаете, как все начиналось? В июне 1961 года в Москве, в Кремлевском дворце, собрался Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии. На нем были лучшие люди партии. Многих из них уже нет в живых. Но посмотрите, ребята, вокруг – на дома, сады, заводы. В них живут люди, которые обсуждали проект новой Программы.

Ребята! Вы знаете, что было потом? Проект Программы обсуждали двести восемнадцать миллионов советских людей. Проект обсуждал весь мир: Европа, Азия, Америка, Африка, Австралия. Труженики всего мира поняли, что к ним обращены слова Программы: «Партия рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую интернациональную задачу Советского народа, отвечающую интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, всего человечества».

То, что вышло из стен Кремлевского дворца в июне 1961 года, становилось будущим всего человечества».

Об этом и пойдет у меня речь с учениками 1970 года рождения. Я про себя засмеялся: к уроку 1980 года начал готовиться в 1961 году!.. А что? И готовиться! Только без чернил, без пера, без бумаги. Пройдет год – с днями, трудами, переживаниями – и отложится где-то в сердце, навсегда, навечно. И другой тоже, и третий, и так все двадцать. Через двадцать лет у меня, должно быть, появится седина в голове, а в сердце шумы. Но и в седине моей и в сердце будут жить двадцать трудных и замечательных лет. Итожа их, я скажу ребятам:

– Родные мои! Чумазые! (Ребята и при коммунизме, наверное, будут чумазые?) От той кремлевской даты 1961 года начался великий поход мой, наш, всего народа за счастье людей на планете.

Тимофей Семенович Шелухин (род. 06.03.1927) – писатель, лауреат премии им. С. Бабаевского, почетный гражданин Изобильненского муниципального района Ставропольского края. Член союза писателей Ставрополя.

Тимофей Семенович Шелухин родился в 1927 году в станице Баклановской Ставропольского края. Во время Великой Отечественной войны, будучи совсем молодым, работал комбайнером. В середине пятидесятых годов заочно окончил Ставропольский педагогический институт. В 1953-1958

годах был партийным работником, затем – редактором районной газеты «Знамя труда» и многотиражки «Колхозный путь» колхоза «Путь Ленина». Первая публикация Тимофея Шелухина, небольшой очерк, вышел в 1958 году. В это же время он руководил литературным кружком, организованным при районной газете. Занимался комсомольской и партийной работой.

С 1963 года написал книги «Люди нашего колхоза», «Зарево в ночи», «Торопится солнце к человеку», «Конец Андреева детства», «Там, где лебязьи острова», «Отчая земля», «Белокониha», «Отцова радость», «Прощеный день», «От Кубани до Чограя», «Жизнь на ничейной земле», «Как стать государем», «О чем звонят колокола», «Февральские окна».

Тимофей Шелухин – признанный мастер жанра: в его книгах гармонично переплетаются богатый событийный материал, лирические описания природы, глубокие философские размышления о предназначении человека.

Сам Тимофей Семенович называет себя «приусадебным писателем». Всю жизнь он работал рядом со своими героями и неустанно писал. Автор доподлинно знаком с жизнью Ставропольского края. Публицистическая проза писателя из Баклановки – удивительная летопись нелегкой судьбы великих тружеников села, старанием коих, в общем-то, и жива Россия. По таким книгам вдумчивый читатель будет искать ответы о том, что же было с нашей страной, и народом и какая судьба уготована ему в будущем.

Однажды Тимофей Семенович сказал: «И все же больше всего я обязан самой жизни, простой и значительной. Ее свидетелем и участником мне посчастливилось быть. Моя страна, моя земля, мой народ – вот высшее, чему я служил, служу и буду служить каждым написанным словом».

* * *

Отрывки из дневника писателя «Календарь погоды»

Год 1979-й

В полдень я наведался к своим родителям, жившим на хуторе Передовом. Завидев меня, пришедшего со стороны луга, мать заулыбалась.

- Иди в хату, – сказала она, – там как раз отец полуднет. И я скоро туда же приплетусь.

Сидим в комнатке с печью. Расспрашиваю о старине.

- Что и говорить, старые люди знали, как обходиться со своими сыновьями. Знали, кого отделять, а кого при себе держать, – проговорил отец, соглашаясь с доводом матери. – Хитровка же наша пошла с кума моего Фили. А кличка у него, все знают, была Хитрый. С того и пошло про новую улицу: «Хитрая», «Хитровка»... И откуда это у людей, простых, как, скажем, я, обыкновенный путевой обходчик, этот самый интерес: приклепывать друг дружке клички?! Убей меня Бог, не найду ответа...

- Хлебом тогда дорожили, – говорила свое мать. – До войны самой. И в войну, конечно. И опосля ней. До войны пуд сеянки стоил пятнадцать рублей. А один год так тридцать стоил. Мясо же стоило дешево. Помню, до германской, той еще войны, когда жила в Темижбекской у дяденьки Павла Семеновича, меня, девчонку-подростка, всегда посылали на базар. Тогда я все цены знала наперечет. Фунт говядины по тем деньгам стоил десять копеек, баранины – двенадцать, свинины – четырнадцать...

- Жизнь наша переменялась не так уж давно. Не знали даже, что такое тяпка, и посеянные кавуны с дынями пололи руками. При ней, при маминой жизни, только стали сеять тот же подсолнух с кукурузой.

Год 1987-й

Третьего дня вернулся из Москвы. В столицу ездил в честь своего шестидесятилетия и тридцатилетия со дня первого ее посещения. Хорошо помню ту свою давнюю поездку...

Для нас, колхозников, являвшихся участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, приезжавших в Москву по путевкам, обязательным было посещение Мавзолея. Чтобы посетить его, мы, остановившиеся в гостиницах «Алтай» и «Восток», находившихся едва ли не на самом краю большого города, должны были прибыть оттуда в Александровский сад еще затемно, чтобы занять там очередь.

Посетив Мавзолей, мы не переставали удивляться увиденному, тому, что в нем лежали совсем разные люди: один в штатском черном костюме, другой – в военном мундире. Один был еще свеж и в теле, другой же поблек до яркой желтизны и здорово усох – говорят, выболел очень. Это верно – когда человек долго болеет, то очень сдает. На Мавзолее одинаковыми буквами были написаны слова: «Ленин – Сталин». За последним была популярность отнюдь не малая. У великого вождя и полководца всех времен и народов

накопилось столько нетленной славы, что никакие знаки отличия, включая погоны генералиссимуса и два ордена Победы, ничего не значили.

* * *

... В период пребывания писателей в моем крае – шли Дни российской литературы – мало было торжеств или попросту радости, довлела печаль о чем-то всеми нами утраченном. Валентин Сорокин как-то бросил секретарю райкома Василию Бондареву: «Бросьте воевать с религией, и вас станут уважать люди!».

Выходя к людям, все время сетовал на то обстоятельство, что русских с каждым годом становится все меньше. Что по численности нас уже догнала Япония. «Помните, что на планете люди боятся оставаться без русских!..» А Борис Куняев, покидая пределы нашего края после Дней литературы, мне говорил: «Знаешь, Тимофей, никакая иная встреча, организуемая вашим райкомом, мне так не запомнилась, как та самая, кратковременная и, считай, нелегальная, когда ты, рискуя потерять партбилет, пошел на мои уговоры и тайком от властей (считай, ни одного представителя в тот момент с нами не было) завернул на тихую окраину своей станицы под покровом спустившегося вечера в хату Александра, или, как его у вас зовут, Лексана Рябцева. Обыкновенного крестьянина, чудом сохранившего на своем подворье корову с лошастью и мечтавшего о том дне, когда властью будет дозволено держать худобину. И извинявшегося перед нами, зашедшими в хату и ее красный угол, по поводу находящейся там иконы Божьей Матери. «Вы – люди культурные, – обращался он к нам, – и должны простить за это мою темную жену Катерину. Я бы вынес образ куда подальше с глаз, может, в чулан, да вот она становится поперек: «Потерпи, Лексаша, пока не помру...». «Это же надо такое увидеть и услышать?! – обратился Борис Куняев ко мне. – Значит, наша Русь, Россия еще жива!».

* * *

Перед самой зарей ранним автобусом Татьяна Терентьевна отправилась в станицу Новотроицкую на богослужение по случаю Большого Спаса. Еще за день засобиравшись она в церковь. Стала готовить яблоки, подбирая их одно к другому и чтоб с разных деревьев те были. Потом все завязала узлом в белый платок и взяла с собой на освящение. И меда стакан также взяла. С самого вечера сама себя облагораживала – прихожанин должен явиться в храм чистым душой и телом. В эти минуты я вижу ее перед собой всю одухотворенную и довольную. И что бы означало ее верование в царствие небесное? Разве только богобоязнь? Или еще что-то такое, весьма значимое, что нашему сознанию не подвластно? Я все больше задумываюсь над верованием людей в существование Всевышнего, и мне сдается, что человек не может не верить в чудо (рассуждение парторга Василия Рябцева в моей

книге «Пророк в своем отечестве»), а чудо – это и есть божество. И если человек не верит в чудо, то у него душа бесплодная, и он сам бездуховен.

* * *

В один из родительских дней мы долго находились на кладбище, ходили к той или иной могиле, чтобы почтить память своих родных и близких нам людей, отошедших в мир иной, и уже собираясь возвращаться домой по извилистым, поросшим густой травой тропинкам, я услышал разговор между моей матерью и тещей.

И тут я в который раз вспомнил свою поездку в Москву с Еленой Андреевной и Татьяной Терентьевной, случившуюся два года тому назад. Оказавшись в столице, мои спутницы были несказанно рады, будто дети малые, всему там увиденному и услышанному. Они каким-то образом, не выпуская из рук мороженого, которого в наших станицах и хуторах даже по праздникам не увидишь, и не имея пропусков Моссовета, проникли на Новодевичье кладбище. При их виде совсем растерялся стоявший у главного входа постовой сержант, махнул рукой: «Не могу, не смею вас, бабушки, останавливать!». И все причитал нам вслед: «Ну надо же, за полторы тысячи верст приехали старухи деревенские, чтобы поглядеть могилы больших людей!..».

И директор Дворца съездов был также удивлен, когда в назначенный час увидел Татьяну Терентьевну вместе с Еленой Андреевной в залитом неоновыми огнями фойе дворца. Те, остановившись почти у самого входа, громко разговаривали друг с дружкой, стали с нескрываемым любопытством разглядывать украшения. Появившийся в эти минуты директор оказался возле нас и, не спуская глаз с моих дам, спросил меня:

- Откуда такие барышни?

- Со ставропольской земли, – отвечаю.

Высокий начальник царственного дворца подивился:

- Что вы говорите?! С самого дальнего юга России? И в таком возрасте?!

А возраст и в самом деле был солидный, если не потрясающий: обе уверенно перешагнули через восьмидесятилетие шесть лет тому назад.

- Таких дорогих гостей с далеких краев России в этом здании еще не приходилось видеть!

И, оставив свои дела, повел нас в глубь дворца, и мы через некоторое время оказались совсем в другом мире. Вокруг нас произрастали деревья, вились зеленокудрые лианы, а внизу, по насыпанной гальке, струился голубоватый ручей, вверху же щебетали птицы. Оказывается, в известном всем здании имеется свой зимний сад и нечто другое, которое не всякому доступно видеть. Потом мы, опять же в сопровождении директора, поднялись в Гобеленовый зал и подкрепились там за широкими столами, уставленными различными яствами.

...Внимавшие всему, что бы ни происходило на широкой сцене, мои старухи в середине спектакля, когда по ходу действия в изображенных с непод-

дельным мастерством горах вдруг засверкала молния и разразилась гроза с дождем, не на шутку всполошились. Нагибаясь друг к дружке и испуганно продолжая взирать на сцену, они громко, так, что стало их слышно в последнем ряду партера, заговорили.

- Сваха, ты в чем сюда пришла? В калошах? Видишь, какой полил! – спрашивала моя мать.

- А то не вижу! Я ить пришла тоже в лоточках, – отвечала Татьяна Терентьевна. – А какой ясной была погода, когда шли сюда, в народом. А он, вишь, дождь, ни с кем не церемонится – всем нам, как пить дать, быть в мокроте!

Год 2000-й...

Два дня, как вернулся из поездки на восток нашего края. Это обычное занятие – ездить по городам и весям, чтобы нынче напрямую выходить к читателю, собирать свежий материал, навеянный новыми переменами, для будущей книги. Так постепенно рождался замысел создать своего рода летопись, рассказать о председателях уходящего века. Так уж сложилось, что все время стоит вопрос: быть или не быть родимому полю или тому же тучному стаду. Да что там хлебному полю или стаду дойницы – самому селению с его вековечным хозяйством быть или не быть!..

* * *

В Благодарном мы остановились у председателя хозяйства «Луч» Василия Андреевича Белозерова.

Было желание также познакомиться с еще одной неординарной личностью, председателем крупнейшего в нашем крае, а не только в Благодарненском районе, колхоза «Гигант» Александром Васильевичем Ворожко, ветеринарным врачом по образованию и весьма предприимчивым хозяином по своей сути. Это он первым в нашем крае нарушил, так сказать, принцип неприкосновенности коллективной собственности. В одну из прошлых тяжелых зимовок, когда общественный скот доживал на подвозных кормах, а расплодившееся поголовье ягнят должно было пойти на погибель или, выражаясь канцелярским языком, в отход, будучи ветврачом (не председателем и даже – человеком, не принадлежавшим к партии коммунистов), он самоуправно раздал по крестьянским подворьям несколько тысяч новорожденных ягнят, сказав при этом всем: «Спасайте малюток – они теперь ваши личные, а не колхозные!». И спасли поголовье, обреченное на погибель. И разбогатели от того все селяне, а не только одни колхозники. Директор местной средней школы, вырастивший до полусотни ягнят, «Жигули» себе новые справил.

* * *

Уже не помню, в какое лето свое я стал думать об этой вершине, имя которой «2000-й год». Может, в самую раннюю свою юность, когда был комбайнером. Или в середине пятидесятых годов, когда стал студентом заочного отделе-

ния педагогического института. И после своей женитьбы в 1955-м думал. И при получении очередного воинского звания старшего лейтенанта. И, наверное, при переходе с комсомольской на партийную работу. Вот тогда я подумал впервые о том, что в 2000-м мне будет семьдесят три года. Трудно вообразить такую грудку лет, когда в твоём активе и тридцати не было. И как соразмерить время? Угадать и предвидеть пришествие XXI века и третьего тысячелетия?! Отец мой, Семен Афанасьевич, мог соразмерить, когда ему минуло более пятидесяти. То есть до названного рубежа ему оставалась меньшая часть жизни по сравнению с уже прожитыми им годами. Однако год от года приход нового века становился все ощутимее, и все больше я утверждался в мысли, что жизненный срок до большой круглой даты становится реальным...

Поэт светлый

Отмечая заслуги писателей старшего поколения и не останавливаясь на молодой, ещё не перебродившей поросли литераторов, я все держу в уме детского поэта Александра Екимцева, вышедшего в своё время на всесоюзную орбиту. Именно на нём самом и его творчестве хочется остановиться более подробно. К этому меня обязало обращение сотрудников краевой детской библиотеки, напечатанное в «Ставропольской правде», где они просили читателей, знавших лично Александра Екимцева, прислать им свои воспоминания о встречах с поэтом, которого уже давно нет в живых. В память о нём библиотека носит его имя.

В суетной жизни мы и не заметили четырнадцати лет, прошедших с тех пор, как не стало одного из видных российских поэтов, лауреата Всесоюзного конкурса на лучшую поэму о детях Александра Ефимовича Екимцева, которого в своё время напутствовала сама Агния Барто, восхищаясь его непосредственным поэтическим слогом. Часто вспоминаю завораживающее простотой начало его «Лесных зверей»: «Жарким днём, лесной тропой звери шли на водопой. За мамой-лисицей крался лисенок, за мамой-медведицей шел медвежонок, за мамой-ежихой плелся ежонок... Но вдруг налетели лесные тетери, тут бросились в разные стороны звери. В испуге лисица схватила ежонка, медведица-мама схватила лисенка...». Или стихи «Сто четыре собаки», которые всегда цитировал поэт Вениамин Ащеулов, восторгаясь избранным автором сюжетом, а также стилем. А поэма «Брянский лес», выдержавшая несколько изданий! Она написана без ложного пафоса и доступными для подростка словами: «Брянский лес молчал, головой качал...».

С Александром Екимцевым меня связывала многолетняя дружба. Её и в тридцать лет не вместишь. Помню, в конце пятидесятых годов (время появления А. Екимцева в Ставрополе, куда приехал он по распределению после окончания института культуры и стал куратором библиотек города) нас, тогда ещё молодых и подающих надежды, впервые собрали на семинар в краевом отделении Союза писателей СССР. Именно здесь я скоро сошелся с ры-

жеволосым курчавым парнем в непритязательной одежде с цигейковым воротником и в такой же цигейковой шапке. У Александра, как я заметил, еще не сложилась наша южнорусская речь, проскальзывали фразы с помещью русского с белорусским – сказывалось близкое соседство его родных Акуличей с Гомельщиной.

С той поры мы всегда искали повода повидаться друг с другом. Дело еще в том, что, несмотря на складывающуюся городскую жизнь, Александр интересовался нашим сельским бытом, хуторским говором, всякими историями, происходившими в станицах. К слову сказать, большевики пытались стереть эту самую грань между городом и деревней и, что совсем неестественно, между умственным и физическим трудом. Да мало ли дров было наломано...

С Александром Екимцевым нас объединяло одинаковое устремление – напечататься. Для меня становилось обычным, бывая по служебным делам в Ставрополе, встречаться со своим другом. А он навещал меня в моей Баклановке. Вместе ездили по районам, встречались с тамошними жителями. Особой страстью он горел к детворе. В школах, детских садах и приютах была его стихия. Им овладевал азарт, который передавался его маленьким героям.

Ездили мы и на его Брянщину с нескончаемыми дремучими лесами и бытующими там легендами о партизанах. Посещали Брянск, древний Карачев, ровесник Великого Новгорода. Были в городах Почепе и Красном Поге на родине Алексея Константиновича Толстого, автора бессмертного «Князя Серебряного». И, конечно же, наведались в родную деревню Екимцева – Акуличи, и там нас с радостью встречала его мама, сетовавшая по поводу долгой отлучки своего старшего сына.

Как и все поэты, Александр Екимцев в жизни был весьма рассеянным. Случалось, в дороге или после переезда из одной деревни в другую он вдруг меня спрашивал: «Тимофей, скажи, был я в пиджаке или в одной рубашке?» – «В пиджаке», – отвечаю. «Тогда скажи, куда он девался?». Для меня стало привычной обязанностью следить за Александром Ефимовичем, когда он в суете мог забыть головной убор или шарф, без которого, кстати, никогда не обходился.

Не могу не привести довольно забавный пример. Однажды звонит мне его жена Изолина и спрашивает, не знаю ли я, куда девался Санин пиджак недавней sprawy. «Вот как с неделю пришел из леса без пиджака», – жаловалась она. «Не могу тебе, Изолина, помочь», – отвечаю. – Мы с Сашей не виделись уже две недели». А еще вспоминаю, как Александр запинался порой при чтении своих же стихов, выступая перед аудиторией. Тогда, пребывая в растерянности, обращался ко мне, по обыкновению сидевшему рядом: «Тимофей, подскажи, пожалуйста, как там дальше?». Я знал много его стихов на память и тут же цитировал забытую поэтом строку, а то и целую строфу... Было и такое!..

И еще Екимцев, как никто другой из коллег-писателей, разумел мною написанное. Порой не скрывал своих, казалось, излишних восторгов. «Тимо-

фей, да твоя «Белокониha», – говорил он однажды при посещении центральной библиотеки станицы Курской, – тянет на «Привычное дело» Василия Белова!» Присутствовавший при этом один из известных писателей тут же ему резко возразил: «Эк, куда хватил, Саша! Сравнил классика с современным Шелухиным!» А ведь, признаться, без ложного самолюбования, Екимцев был не одинок в своих суждениях о той же моей повести «Белокониha». Его отзыв перекликался с мнением Георгия Шумарова и Василия Грязева, да и с напечатанной по такому поводу большой статьёй в «Литературной России». Но от Саши добрые слова слышать было особенно радостно.

Ничуть не сомневаюсь в главном: Александр Екимцев своими произведениями, безусловно, прославил ставропольскую писательскую организацию. Хотя всей душой любил отчий край. И не однажды собирался туда уехать. Когда читаешь его лирические сборники, перед глазами встают могучие леса Брянщины, но огнюдь не Ставрополье, как у нашего земляка Ивана Кашпурова.

Стоит добавить, что Александр Екимцев вошел в литературу не только как детский писатель. Им изданы вполне «взрослые» книги: «Светло в России от берез», «В последних числах декабря» и другие. Была у него задумка создать книгу «Города-герои». Увы, оставшаяся неосуществленной.

Бережно храню я его дружеское, несколько шаржированное стихотворение, посвященное мне. Датировано оно 1981 годом:

*Я честь и совесть
вместе сплавлю,
Твоей завидуя судьбе.
Я скоро памятник поставлю
В твоей Баклановке тебе.
Чтоб видели односельчане
С собою рядом, невдалеке
Тебя с косою за плечами
И с томом Пушкина в руке...*

Эти негромкие стихи стали для меня действительно памятником нашей долгой земной дружбы.

Живет в Изобильном поэт-островитянин

Среди многих переселенцев, объявившихся в восьмидесятые и девяностые годы в наших краях и, главным образом, в самом г. Изобильном, Дмитрий Баранов, я бы сказал, к последним не относится. Какой он переселенец, если вернулся в родной край на постоянное жительство с острова Сахалина, где провел большую часть жизни, осваивая там богатые залежи нефти и газа. Это оттуда, где проходило действие романа Василия Аджая «Далеко от Москвы», он привез кинокамеру, которой снимался одноименный кинофильм, и сдал ценную реликвию в местный музей...

И еще он славен тем, что воссоздал литературное объединение «Светелка», ставшее, спустя много лет, правопреемницей литературной группы под моим тогдашним началом. За десять лет своего существования своеобразный литературный лицей окончили и стали профессиональными поэтами Иван Блохин, Анатолий Маслов, Сергей Овсянников, Елена Звягинцева, Геннадий Набат, успевшие выпустить по несколько поэтических сборников. Особенно плодотворными были Иван Блохин и Анатолий Маслов, всегда находившиеся на стремнине жизни.

Плодотворным оказался и сам руководитель литобъединения, выдавший за это время на гора три поэтических и два, что очень важно для читателей не только нашего района, но и всего края, литературоведческих сборника «Музы не умирают» – эссе об Александре Пушкине и «Неожиданность души» – очерк о самой “Светелке”.

Я бы хотел остановиться на таком его редкостном даре отдавать себя общественно-просветительскому труду ради нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения своих земляков. Именно при его соавторстве и редакции вышли такие книги, как «Земля Изобильная», «Войной опаленная память». Последняя, дополненная новым материалом, повествующим о подвиге женщин-фронтовиков, подготовлена к переизданию. В настоящее время автор работает над написанием истории нашего района. Этот его поистине подвижнический труд, к сожалению, не оценен по достоинству теми, кто по долгу службы должен поддерживать такие инициативы.

Дмитрий Баранов вместе с писателями Николаем Ляшенко и Николаем Сахавадзе принял участие в создании большой эпопеи, посвященной строительству и пуску в действие на юге России Ставропольской ГРЭС.

Литературное творчество Д. Баранова, отмеченное пятью поэтическими и двумя художественно-публицистическими книгами с довольно знаменательными вехами «Иду по России» и «Музы не умирают», уходит в глубину минувшего века, в его возмужавшее военное детство. Или уже в зрелом возрасте там, на далеком острове, манящем во все века романтикой новых открытий. Его творчество питают долгие годы, проведенные на Сахалине, прозванном известным российским поэтом и побратимом Д. Баранова по одной и той же судьбе Иваном Белоусовым не иначе как «Берег России». Возвращенные в суровом краю музы двух этих поэтов своеобразно перекликаются, хотя и разнятся друг от дружки своим складом письма, однако исполненного с высоким патриотическим чувством и любовью «к родному пепелищу».

Наступившее восьмидесятилетие со дня рождения Дмитрия Баранова не является для него пределом, останавливающим его перо. Скорее всего, это большая узловатая станция, которая дает ему зеленый свет для его дальнейшего творческого пути.

Шумаров Георгий Михайлович (15.05.1956 – 11.02.2010) – ставропольский писатель, член Союза писателей России, детский хирург, переводчик с карачаевского. Автор 13 книг.

Георгий Михайлович Шумаров родился в селе Маис Пензенской области в семье военнослужащего. В 1956 году окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. В институте дружил с Василием Аксёновым, ставшим позднее знаменитым писателем, эмигрировавшим в Штаты. Георгий Шумаров после института попал в Орёл, а потом

в 1964 в Ставрополь. Работал детским хирургом.

Георгий Шумаров начинал как поэт, в Орле вышла книжка его стихов, но затем он обратился к прозе. Первые рассказы Шумарова напечатаны в журнале «Смена», а затем в издательстве «Советский писатель» вышел роман «Круглый стол на пятерых». В разные годы в городах Орле, Москве, Ставрополе выходили книги: «Люди молодые», «Парень, живи!», «Круглый стол на пятерых», «Письма идут медленно», «Ни эллину, ни варвару», «Такой ты мне должна присниться», «Сезон на Черном плесе», «Дороги бортхирурга Басова», «Гвозди в скрипичном футляре». Некоторые произведения автора переведены на иностранные языки.

Георгий Михайлович был известным в крае хирургом, который прооперировал сотни детей, сам почти ослеп за работой. И хоть темы произведений ставропольского прозаика весьма многообразны, однако на протяжении лет сложилась своего рода трилогия «Хирурги», герои которой, связаны с медициной. Шумаров писал «во вторую смену», после работы, перетянув уставшую голову мокрым полотенцем, при этом иногда шутил: «Хирургия – моя родная жена, а литература – любовница».

Вся жизнь Георгия Шумарова – это цепь трудных, но всегда самостоятельных решений. И выбор профессии, и смена места жительства, и отказ от любимой работы. После ухода из медицины Георгий Михайлович возглавил Ставропольское отделение Союза писателей. Георгий Михайлович – автор литературных портретов ряда писателей и поэтов Ставрополья, в которых дается тонкий и доброжелательный анализ их творчества. Он успешно переводил стихи карачаевца Мусы Батчаева, помогал многим другим литераторам.

Георгий Шумаров виртуозно владел русским языком, умел играть словами, вкладывать в них новый смысл, подчас ироничный, что почти всегда настораживало редакторов: «Знаем мы вас! Лягайте друг друга, каламбурьте,

но не трогайте советскую власть...». Постепенно вокруг Шумарова создавался ореол чуть ли не диссидента, не приемлющего советскую власть.

Георгий Михайлович Шумаров умер в 2010 году в Ставрополе.

* * *

Я сам провинциал, но друг мой – забугрянин...

*Ах, Василий, твой Техас
воспою в своих стихах-с!*

Рифма в иронических двустушиях не подыскивается, она рождается двойняшкой. Этот сrostыш вдруг возник у меня в голове, когда я узнал, что Василия Аксенова лишили советского гражданства. Он был тогда в Калифорнии. Кто-то сообщил ему об остракизме.

- Ну и черт с ними! – выругался в трубку Аксенов.

Правда, не Техас выпал на долю русского писателя Аксенова. Техас – для рифмы, мелькнувшей в моем сознании, когда я в 80-м или в 81-м году слушал «Голос Америки». Не Техас, бери выше: федеральный округ Колумбия, Вашингтон, из столицы в столицу по параболе – в небытие, в забвенье, вплоть до поздних перестроечных времен. И, прежде чем для молодых русских читателей произойдет взрыв этой «сверхновой» звезды, когда почти обо всех писателях-эмигрантах дозволено будет говорить, Аксенова зауряд с Максимовым, пряча лица, подловато изобьют в журнале «Крокодил». Такова судьба этого писателя за двенадцать лет эмиграции, если об этой судьбе сказать в одном абзаце.

Для себя я его называю прозаиком хоккейного века, давшим прекрасные образцы бегства в «подтекство». Собственно, Аксенов – типичный самоучка. Я вкладываю в это слово предельную уважительность. Означает оно и своеобразную организацию таланта, и взятую высоту. Самоучка – это хорошо и достаточно редко.

Не случайно я стал спорить с собой: не Техас, а Вашингтон. Возможно, это бездоказательное утверждение, но сдается, что Вермонтским отшельником Аксенов никогда бы не стал. Ему нужна столица, а не просто большой город: Казань, Магадан («столица колымского края»), Ленинград, Москва, Вашингтон. Когда мы в студенческую пору мыкались по хозяйским квартирам, Вася потрясал меня изумительной разборчивостью: он вел переговоры только в том случае, если в квартире был телефон. Мне, недавнему деревенскому лапотнику, такое и в голову не приходило.

Вася приехал в Ленинград из Казани и поступил на пятый курс в 1954 году. Я перевелся на четвертый курс из Крымского мединститута имени И. В. Сталина годом раньше. Насколько я теперь могу судить, у нас были сходные причины перевода – бегство от мракобесия.

Из школы N14 Симферополя в 50-м году многие собирались поступать в мединститут. Я тоже решил с приятелями. Стихи тешили душу, но, рассуждал я,

если само собой пришло умение слагать строчки разной длины, это умение и останется, чем бы я ни занимался. Умею же плавать, единожды научившись!

Должен признаться, что в своей жизни я много ответственных решений принял «компанейски», за компанию с друзьями. Этаким феномен Эриха Ремарка, ныне, по-моему, исчезающий. По характеру я не ведомый, не пасомый, – это во мне как особость одного пальца в пятерне.

Помню, как, прочитав свою фамилию в списках поступивших, я повстречался в центре города с известным крымским поэтом Алексеем Лесиным. Его любили, над ним сиял поэтический нимб, а пил он, по-моему, только хорошие вина.

- Поступил в медицинский, – поделился я радостью.

Школьниками мы с Гришкой Рубинштейном часто приходили в Союз писателей и даже что-то читали в присутствии Е. Поповкина, В. Федорова (Осинина), Б. Сермана, В. Субботина. Видели мы вальяжного Петра Павленко, с двух-, а то и трехзвонным благовестом на груди, и слышали свистящую – в зубную щербину – брань Дмитрия Холендро: «Опять этот Сергеев-Ценский басни прислал!»

Алексей Лесин окатил меня взглядом выпуклых глаз и сказал:

- Мозги засоришь! – помолчал и добавил: – Впрочем, на то ты и медик, чтобы клизмы делать...

Мединститут пришелся мне впору. Произошел тот редкий случай, когда бездумный, бескомпьютерный выбор оказался самым верным. А ведь вся «научность» примененного метода заключалась в том, что я по обычаю своих предков сказал: «А-а, была – не была!» И сказал это, стоя у колонн с каннелюрами Крымского мединститута им. И. В. Сталина. Мог бы оказаться у пед- или сельхозинститута.

Любовь с первого взгляда оказалась долгой и достаточно счастливой, если пренебречь той деталью, которая в боксе зовется концевкой боя и которая может смазать представление о бое в целом. На тридцать первом году хирургической деятельности я поддался на уговоры идеологических трубадуров и стал ответственным секретарем писательской организации. За всю свою жизнь я не сделал более грубой ошибки. Шла перестройка. Перерыли шлях соцзаказа. Начинали зарастать дивные тропы соцреализма. Привыкшие к кормоподаче – конвейеру социализма, – многие члены СП озлобились и целиком перешли на разговорный жанр – с трибуны. В общем, я частенько и только добром поминал свою медицину на посту литературного чиновника. В хирургии я считал себя богом, а в литературе не всяк проком станет. Ибо ты в своем отечестве!

Хирургия в институте начиналась с третьего курса. А пока – анатомия, анатомический театр, который в Симферополе звали анатомкой, а в Ленинграде – анатомичкой.

Неожиданно захватила общественная работа – та самая, без которой общество прекрасно обходилось бы и обходится сейчас. Меня вовлекли в ин-

ститутский комитет комсомола, а на втором курсе назначили редактором институтской стенной газеты.

Мать покачала головой и сказала:

- Гляди, дело политическое...

У матери четыре класса образования, но, несомненно, она выказала в этих словах всю тревогу пожившего человека. Я вспомнил, как однажды до войны отец, придя со службы, глухо сообщил:

- Блюхер – враг народа...

У меня была патефонная пластинка с песней о Блюхере. Я дорожил своей музыкальной коллекцией, хоть и знал, кто такие враги народа. Уничтожить всю пластинку оказалось выше моих сил, и я гвоздем стал царапать звуковые дорожки. А пластинка пела и все тут! На обороте ее была «Песня о луганском слесаре»:

Береги страну родную,
как луганский слесарь Клим!

Мать посмотрела на мои старания и решительно разбила пластинку. Значит, думал я, о пластинке надо помалкивать – дело политическое! Было мне тогда лет пять-шесть.

Надо сказать, наша стенная газета завоевала третье место среди медвузов России. Висела она на большом стенде, всегда около нее толпились хохочущие студенты. В редколлегию газеты попадали только те, у кого обнаруживался какой-то талант: печатать на пишущей машинке, рисовать или хоть канючить у начальства стайку. Редколлегию утверждали на партбюро института.

- Ну как, товарищи, доверим товарищам Шумарову и Рубинштейну? – спросила секретарь Аникина.

Товарищи члены партбюро все обмозговали: партия объявила борьбу с безродными космополитами, но партия не борется просто с евреями. Просто еврея можно поставить заместителем редактора стенной газеты нашего института. Тем более, что редактор – русский парень. Богатырь, орел, лев!

Менее чем через год Лидия Тимашук даст зловещий настрой, от которого загудят трамваи и автобусы: спонтанные митинги на площадях не практикуются, по никто не запрещал при социализме орать в трамваях насчет жидов.

Костя Знаменский, наш комсорг, сделал доклад на комсомольском собрании, где обрисовал тенденцию, наметившуюся у наших девчат: обзавестись чулками с черной, а то и с контурной пяткой. А пример надо брать не с кого-нибудь, а с нее, с Лидии Тимашук!

Мы с Гришкой все это отражали в газете. Мы были, как два зеркала русской революции. К праздникам газета выходила с двумя полутораметровыми портретами вождей: слева и справа. В иные же месяцы мы обходились одним генералиссимусом Сталиным с левой стороны. Цены не было моему художнику Саше Мельникову. На глазах у потрясенных членов редколлегии Саша макал в гуашь толстую кисть, радужина его вбирала черты любви

мого вождя с репродукции, и он переносил эти черты на большой ватман, купленный мной за деньги профкома. Когда Саша однажды обмолвился, что недурно бы ему заполучить одноместную комнату в общежитии, а то он живет в двадцатиместной, я без раздумий пошел к заму по АХЧ и добился у него такой комнаты! Там мы стали выпускать газету, там же, в условиях жесточайшей нужды в общежитийских местах, Саша Мельников угощал чужих девочек раскрепасным массандровским вином.

Весной нас послушали на партбюро. Люба Некрасова, партийный куратор младших курсов, щедро хвалила работу редколлегии. Она говорила горячо и несла в очах отсветы далеких сполохов – не иначе как видела свет в конце тоннеля. Председатель областного Комитета защиты мира, известный хирург Петр Петрович Царенко тоже одобрил работу коллективного пропагандиста и коллективного агитатора. Принципиальнейшим человеком был Петр Петрович. Когда через три года, в 1954 году, к нему обратился выдающийся хирург, лауреат Сталинской премии В. Ф. Войно-Ясенецкий с просьбой написать примечания к его книге «Очерки гнойной хирургии», и за эту помощь, будет желание, стать соавтором (Войно-Ясенецкий к тому времени совершенно ослеп, а книгу непременно надо было переиздать для новых поколений хирургов), Царенко, посоветовавшись с кем следует, ответил отказом и написал об этом письмо якобы от имени студентов. Думаю, что Петру Петровичу очень хотелось стать соавтором прекрасной книги (недавно я передал ее своему сыну, тоже хирургу), не имея на то никаких оснований. Но он боялся последствий. Последствий заседаний вот таких партбюро. Какое-то время спустя примечания написал другой мой учитель, ленинградский профессор В. Колесов. Естественно, он стал не соавтором, а всего лишь редактором. Книга, изданная давно, нуждалась в рекомендациях по новейшему медикаментозному лечению, о котором Войно-Ясенецкий в двадцатых годах ничего не знал. Уверен, что Колесов взялся за этот труд еще и потому, что редакция известного ленинградского ученого должна была облегчить выход книги. А Царенко именно этому-то и противился. Во-первых, у него не было никаких научных трудов, и поэтому он должен был быть завистливым. А во-вторых, много лет назад, еще когда оба они работали в Ташкенте, молодой Царенко пошел против Войно-Ясенецкого. Ибо Войно-Ясенецкий был не только блистательным профессором-хирургом, но и известнейшим епископом. В свое время он просил Луначарского, чтобы ему разрешили обозначить свое авторство на книге по-церковному – епископ Лука. Наивный Валентин Феликсович, чего захотел в атеистическом государстве!..

Всего этого я тогда не знал. Только ходили слухи по Симферополю, что, кажется, в госпитале, помолясь, оперирует некий попик. А вот Царенко знали хорошо – златоуст!

Пожалуй, мне нужно упомянуть фамилию еще одного члена партбюро, молчаливого фронтовика Сапронова.

Через несколько дней мы выпускали в комнате Саши Мельникова газету на два вождя – к майским праздникам. Накануне я получил письмо от Григория Тесменицкого, бывшего редактора нашей стенной, ставшего врачом и распределенного в Сталинградскую область. Он тоже был фронтовиком, но очень веселым человеком.

К Саше Мельникову набилось много студентов разных курсов, когда я вслух читал и перечитывал письмо. Будущие медики угадывали на слух латынь и хохотнули, потому что часть фамилии секретаря партбюро Аникиной была написана Тесменицким по-латыни, и означало это не что иное, как родительный падеж заднего прохода. В эпистолярном жанре автор выразил свое отношение к партийному чиновничеству, не более того. За то, что лезли во всё, ничего не зная, за то, что марксизм-ленинизм отнимал у медика основное время, за то, что на кафедре, где преподавала Аникина, был изъят курс генетики, науки «сутобо идеалистической и буржуазной».

Когда я возвращался домой после выпуска газеты, проснулась запоздалая бдительность. Враг не спит, в нем звериная злоба – смотри в оба! Много-много лет спустя известный бард Александр Дольский определит мое состояние:

Красные глаза пятиконечные
за тобой следят и день, и ночь.

На следующее утро меня вызвали с занятий в партком. Краешком сознания я отметил: не туда, не в город, а в партком.

Аникина спросила:

- Где письмо?

Я понял, что отпираться бесполезно. Всю вину решил брать на себя. Вину? А как же! Есть преданность вождю, и есть вина перед ним. Между этими полюсами разметана вся эмоциональная гамма советского человека.

- Письмо у меня дома...

К колоннам с каннелюрами была подана машина директора института. Со мной сел фронтовик Сапронов.

Я вспомнил, что двоюродный брат Сапронова – глазопалый заика-третькурсник – громче всех смеялся вчера на выпуске газеты, когда я читал письмо Тесменицкого...

Через несколько дней вновь собралось партбюро. Сапронову-старшему пришлось пересмотреть наши газеты под углом пущей бдительности. И он вдруг обратил внимание на стихи Гришки Рубинштейна «Борьба за хлеб» – в прошлый раз о них не говорили. Речь там шла об институтском подвальчике, куда приходили и горожане. А поскольку в подвале было тесно, всегда казалось, что за хлебом постоянная очередь. На сатирическом языке Гришки это без обиняков называлось борьбой за хлеб.

Аникина сидела за столом, прямая, уязвленная, хотя о письме Тесменицкого так никто и не обмолвился. Дело не в письме, говорили ее печальные, чуть повлажневшие глаза. Это же идеологические происки жалких космо-

политов, которые замахнулись на самое святое у нас – Коммунистическую партию! В таких и подобных ситуациях я остро ощущал свою абсолютную незащищенность. Живот человеческий, по замыслу Бога, нуждался хотя бы в какой-то защитной чешуе, в каких-то роговых пластинах. А ничего, кроме волосин, не обретоно в долгой эволюции.

Мне было двадцать лет. Негустой волосяной покров на моем животе ощущал проникающую радиацию взгляда Царенко через очки в золотой оправе. Люба Некрасова, еще девчонкой проявившая героизм в оккупированном Ставропольском крае, жгла меня забористым глаголом, хотя всего лишь несколько дней назад ее глагол был ласков, как банная мочалка в руках матушки.

Один Томилин помалкивал, сивая его бородка вспыхивала клочьями в лучах весеннего солнца. Дело в том, что жена Томилина была еврейка. Она преподавала у нас анатомию. Недавно в институте поработала комиссия. Выгнали на улицу профессора Браула (кафедра патанатомии) и Нацаренуса, доцента Эпштейн-Колонтай (кафедра физвоспитания). Томилину пока что пощадили. Но уже отгивали в изложнице орден Ленина для Лидии Тимашук, и евреи это чувствовали.

Аникина предложила обоим нас, редактора и заместителя, исключить из комсомола. Редактором назначить Сапронова-старшего. Ходатайствовать перед директором об отчислении из института студента II курса Рубинштейна Григория Юрьевича.

- Почему? Ведь я разрешил публикацию...

Защищать невиновных – импульс, аффект, сжатая пружина эмоций. Рванул на себе рубаху – стреляйте, гады! Нет тут никакой мудрости и даже храбрости. Мудрость заключалась в том, чтобы не созывать это стыдное партбюро, не бдеть в недреманной бдительности, не набирать очков на мелочной принципиальности. Уж если кто-то виноват, то, несомненно, одна Аникина, вообразившая себя не иначе как казенной частью самой партии.

У «ордена меченосцев» было еще «вооруженное крыло». До сих пор не знаю, почему нами не заинтересовались. Незадолго до партбюро взяли студента третьего курса, который на занятиях развернул газету и чем-то возторгнулся: «Молодцы эти дешевки американцы!» Видно, план по медикам к тому времени был выполнен.

На сессии меня срезали по основам марксизма-ленинизма. Гришку исключили из института без права поступления в медицинский. Он закончил нефтяной институт и сейчас работает в Ижевске.

Сапронов-старший спился. О младшем ничего не знаю, кроме того, что это действительно он побегал в партбюро. Правда, еще знаю, что он безуспешно лечился от заикания.

Тесменицкий гостил у своего приятеля в Подмосковье и утонул, купаясь в озере.

Аникина дослужилась до звания доцента и в обозначенный год с почетом ушла на пенсию.

Меня стараниями отца восстановили в комсомоле: «Богатырь, орел, лев!» Из-за болезни матери я все откладывал переезд в Ленинград к своей девочке, с которой дружил с девятого класса. После этой истории родители больше меня не удерживали. Я перевелся в 1-й Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова.

Я нахожусь в том возрасте, когда ежедневно не столько открываю для себя новую страницу, сколько отпеваю старую. Будкая память заставляет сиять сусальные купола прошлого. В этом тоже есть своя услада. Я над собой самый великий насмешник. Спрашиваю себя: когда у людей наступает пора возведения в перл, они становятся старперлами? И далее приходит совсем спокойная, бестрепетная мысль: старпер – это усеченный перл, старый перл...

Есть такая притча. Бежит человек, и все его спрашивают: «Куда бежишь? Куда бежишь? Куда?..» Он плюнул в сердцах: «Все спрашивают, куда я бегу, и никто не спросит, откуда я бегу!»

Меня тоже пусть спрашивают, куда я бегу, – это естественно. Не спрашивайте меня, откуда я бегу: я бегу из своего прошлого...

В том, что однажды встречаются незнакомые люди, нет ни логики, ни тайной нужды, начертанной Провидением. Наш курс большой, на два потока. Черт его знает, как мы разглядели друг друга! Я был уверен, что он пишет, хотя тогда он не писал.

Одним из первых в Ленинграде Вася обзавелся прической «калифорнийский кок» и заузил брюки – по тем консервативным временам это было молчаливым инакомыслием.

С приятием идеи общечеловеческих ценностей для большинства людей пугало космополитизма оказалось ряженым. Классовый охмуреж тех лет начался в нашем сознании до сумерек, до сомнамбулизма. А ведь человеку вообще не свойственно прилюдно божиться в любви к своей державе или бить себя в грудь из-за ненависти к иноверцам. Космополитизм – это большое сердце, которого хватает на всю землю. Когда неприязнь к космополитам возникает от наших нищесборческих поглядываний за кордон, где, чудо какое, нормально и сытно живут, я не верю в искренность тех, кто голодных людей пугает безродными, продавшимися перебежчиками.

Русские они, может, даже в деревне родились, а может, и в самом Санкт-Петербурге. Бude нужда, они стихи напишут о трех березах у околицы, а то винтовку возьмут и пойдут в ополчение.

Мои общечеловеческие устремления происходят не оттого, что я таким родился, а оттого, что я медик и велико во мне сознание всеобщности таких явлений, как жизнь и смерть.

У Василия Аксенова космополитизм сходного свойства, но сдвинут еще ближе к генетическому центру, потому что он раньше меня и глубже меня испытал ненависть к тоталитаризму, который надолго лишил его родителей.

Однажды Вася пригласил меня к себе. Жил он на Каменноостровском

проспекте. У него была крохотная комнатка: сообразительная хозяйка перегородила кухню деревянным щитом с дверьми на «бретельках». Тогда я обратил внимание: Вася почитывает журнал «Всемирные студенческие новости». В угоду квартиранту хозяйка вынесла телефон на кухню.

Мы договорились к 40-летию Октября написать киносценарий и получить первую премию. О конкурсе сообщала московская и ленинградская пресса.

Чувствуя пробел в образовании, я стал брать в Публичке статьи, освещающие теорию сценарного дела. Александр Довженко вознес меня своим пафосом в такие сферы велеречивости, в которых могли передвигаться только расписные декламирующие куклы, а не люди. Много лет спустя, когда были опубликованы его дневники, я с удивлением обнаружил, что Александр Довженко – честный, умный человек, а не штукарь («штука» – искусство попольски), каким выставлял себя в служении соцреализму.

Вася теорию сценарного жанра презирал и продолжал похохатывать над карикатурами «Всемирных студенческих новостей».

Нахлынула весенняя сессия. Я подолгу сидел над учебниками, а на ночь прочитывал хотя бы несколько страниц Александра Дюма. Его нынче прилежно ругают те, которые сами писать не умеют. И так я читал в течение шести лет, то есть в течение двенадцати сессий! Нет средства, которое обволакивало бы обнаженные нервы студента с более выраженным целебным эффектом, чем тексты Дюма-отца. Это была бальнеология, цельбоносная струя, погружение в живой источник.

После пятого курса мужскую половину института посылали в Кронштадт на военно-морскую медицинскую практику. В назначенный час надлежало явиться к пакгаузу по такому-то адресу для получения формы. Мы с женой жили на Васильевском острове. Помнится, пребывал я довольный, и мне до смерти не хотелось никуда ехать. Я рассудил, что Балтийский флот, крайне заинтересованный в моей персоне, не допустит, чтобы я ходил в штатском по закрытому городу, у которого в те времена не было советской власти и которым правил военный комендант. Но Балтийский флот рассудил иначе. Когда наутро жена проводила меня к дебаркадеру, откуда шел теплоход на Кронштадт, выяснилось, что не получившие форму будут сидеть на «губе». Но «губа» грозила только двум шалопаям: мне и Аксенову. Вася не пришел за формой, так как к нему приехала мама Евгения Гинзбург. Тогда я не знал, что после смерти Сталина она вернулась из сурового Магадана.

Наш руководитель майор Рыболовлев стал было матюкаться по нашему адресу, но разглядел двух женщин вблизи тех самых шалопаев, сдвинул на лоб фуражку и увел бесстыжие глаза. Потом, на кронштадтском пляже, он будет восторгаться своей фамилией: «Рыбаков – есть, Рыба – есть, Рыбочкин – есть, а Рыболовлева больше нет во всем Ленинграде!»

Нас все же не посадили, а выдали нам робу, в которой, как мы скоро выяснили, не разрешалось ходить по закрытому городу.

В старой записной книжке у меня сохранилась запись: «Кронштадт – город стрекоз и молодых мам». Такого количества стрекоз я нигде не видел, а такое количество молодых женщин – особенность портового города. В этой связи когда-то самым «женским» городом мне показался Севастополь.

До сих пор неведомо, из каких соображений студентам мединститута мужского пола принято было даровать в ту пору целый месяц пляжных дней с видом на дрейфующий парусник «Крузенштерн» и называть это военно-морской медицинской практикой.

Васю Аксенова и меня вживили в береговую школу связи под командованием капитана второго ранга Голомбика. Вскоре я прошел морское «крещение». Однажды, когда кто-то вошел в кубрик, выключился свет и началась потасовка. Я бросился спасать человека, на которого навалилось человек двадцать, не меньше. «Доктор, не лезь!» – сказал мне сосед. (Потом он давал мне форму, если надо было сходить в клуб.) «Темная» – нравственный университет моряков.

А в остальном жизнь была безмятежной. Утром мы заходили в свой лазарет – самое белое, самое чистое и пустое помещение во всем Кронштадте. Один раз мне доверили отвезти в госпиталь матросика с занозой. Я уже года два оперировал по мелочам, бегал на дежурства в клинику Федора Углова. Мог бы и сам удалить занозу (по науке – инородное тело), но Голомбик, изыскавшийся исключительно матом, послал меня в соответствующее место. Это означало – в госпиталь. Во всяком случае, мне очень скоро дали для этого машину.

Но чаще всего мы сразу же уходили на пляж. На КП нас пропускали свободно. («Опять эти двое в робе!»), но в городе патрули останавливали постоянно.

- Эй ты, хрен, иди сюда!

И пальчиком тебя, пальчиком... В негнушейся робе – бегом. Руку под козырек.

- Матрос Хрен явился по вашему приказанию!

Чаще всего какой-нибудь капитан-лейтенант терялся от лихой наглости, патруль начинало трясти от смеха, а мы объясняли, что идем класть печку майору медицинской службы Артишокману. Потому как являемся мастерами печного дела.

- Ага, значит, Артишокман...

На пляже гремел репродуктор. Тогда входил в моду Ив Монтан, и Образцов объявлял: Франсис Лемарк, Жозеф Косма... Я презирал балтийский загар, поскольку совсем недавно был крымчанином. Но, надо сказать, все иные атрибуты летнего приморского скопища были в порядке: у моря обдерживали истомных дамочек наши студенты в форме, у артиста Михаила Кузнецова, который тут снимался в каком-то фильме, от чудных напитков в распахнутых глазах разлилась голубизна. Матросы у магазинов просили гражданских:

- Возьми калгашник!

И показывали пальцы враспорырку. Никто тогда не боролся с пьянством, даже в закрытых городах. Но пьяных было мало.

Однажды в воскресенье нас устремили на спортивные соревнования. Как известно, нет ничего постоянного морских традиций. Уж если пляска, то «Яблочко», а если мода, то клеш. А уж если спорт, то непременно перетягивание каната. Тем, кто не очень знаком с этим видом спорта, скажу, что прикинуться в перетягивании каната, сделать вид, что выкладываешься, совершенно невозможно. Это не колхоз! По одышливому дыханию сзади я понял: Васе тяжело. Мы оба покрылись потом. Несколько минут в противостоянии сцепившихся команд наблюдалось равновесие – этакое колыхание без рокового перехода за черту. И тут Вася не выдержал. Дымя, как подбитый корабль, он отвалил из строя кильватера. Мы проиграли.

Однажды мы пошли в кино. Какая-то Аргентина. Впоследствии, в 60-е годы, Василий Аксенов в «Литературной газете» вспомнит, как он прочел роман Хуана Гойтисоло. До романа была какая-то Испания. А после романа: «Так это та самая Испания?» Вот и с Аргентиной так получилось. Фильм назывался «Возраст любви». Какой-то композитор Гонсалес. Какая-то Лолита Торрес. Но после фильма мы клямкали губами. У нас вроде как нарушилась технология соцреалистического мышления.

В Орле один бдительный деятель будет поучать меня, что нет легкомыслия в буржуазном искусстве, а есть нацеленная двустоволка. В «Тарзане», в «Индийской гробнице», в «Возрасте любви». Мы будем с ним членами жюри конкурса художественной самодеятельности. И он заклеит песню П. Аедоницкого «На седьмом этаже» как вредную, идейно ущербную. «На седьмом этаже? Это намек на нашу бедность, потому что бедняки всегда жили в мансардах...»

Я смотрел на идеолога и думал, что против его принципиальной прямо-ты всегда было только одно оружие – извилина.

Так что очень непростой фильм в идейном отношении мы смотрели в Кронштадте.

Как-то Аксенов сказал мне, что в Кронштадте хорошее кладбище. Хороший Дом культуры – в прекрасном морском соборе – мы уже посетили. Мы слушали там модного тогда Глеба Романова. «Человек с торсом элли-на!» – сказал о нем Вася.

Пошли мы на кладбище. На КП при выходе из городка нас, естественно, остановили.

- Почему в робе?

Мы сказали, что идем делать надгробие на могиле покойной жены доктора Артишокмана. Фамилия высекала слезы, расслабляла и обездвживала дежурных.

Кладбище в 300 метрах от КП, на краю кронштадтской земли, омытой свинцовой волной.

Самая распрекрасная особенность кладбища – не тишина, не зелень, не мраморная печаль архангелов, а полнейшее отсутствие зазывных лозунгов.

А ведь еще перед КП были призывы: мимо души, мимо разума – стрела политплаката, нацеленная прямоком в светлое будущее. Когда-то эту стрелу пустили в молоко... Оттого и молока нет. Надо было повышать надои, а мы всю жизнь повышали роль партии...

Этих слов я Васе не говорил, потому что они еще не родились. Я чувствовал какую-то скорбь у него на душе, но прямо о ней не спрашивал: не был приучен временем.

Мы читали стихи. Вася стеснялся:

- Там один писал...

Бронзой мускулов,
день, звени!

Будут ли тусклыми
наши дни?

Впоследствии Василий Аксенов подарил свои стихи герою своего романа «Звездный билет». Строфа была опубликована и наверняка принесла радость автору.

У меня сохранилась фотография того времени: среди справненьких, отутюженных корешей – двое в робе на скамейке. Вася забрался на скамью с ногами. Не мы ли, тогдашние, основоположили нынешнюю моду: в сущности, на нас была дивная «варенка» из первозданной джинсовой ткани. А на с теллаже у меня стоит двухтомник Валерия Брюсова. Такой же был и у Васи. Мы купили книги в магазине Кронштадта. Потом он в течение всего шестого курса маялся, пытаясь подыскать подходящего человека, которому можно бы верить Поэта. Поклонником его он так и не стал.

Вернувшись из Кронштадта в Ленинград, я остановился у газетного стенда. Бросилась в глаза траурная рамка: умер Исаак Дунаевский. Я очень люблю песню. Мне стало грустно. Как-никак, целая эпоха была связана с Дунаевским. Но должен был состояться XX съезд, прежде чем во мне что-то шевельнулось: не «Марш энтузиастов» нужен человечеству, а «Марш экклезиастов», не бодренькое «Нам ли стоять на месте», а устоявшееся: «Все возвращается на круги своя»...

Жена моя в том 1955 году окончила строительный институт и уехала по назначению в Орел: у них пятилетнее обучение. Я мыкался по углам. Собственно, из-за этой квартирной неустроенности и явилась идея уехать из Ленинграда куда глаза глядят – в Орел.

Осенний семестр я жил у одинокой бабки на Тверской улице, вблизи Смольного. Бабка была настолько говорливой, что, готовясь к зимней сессии, я однажды не выдержал и поругался с ней. Вася Аксенов давно звал меня к себе. Он снимал большую комнату вместе со слушателем военфака института им. Лесгафта. Лейтенант к тому времени окончил свое учебное заведение, и Вася искал напарника. Я сначала отказывался, потому что был повязан задатками и авансами. А потом обрадовался: не надо никого просить о помощи. До сих пор этого не люблю.

Покорных судьба ведет, упирающихся тащит. Я был скорее покорным, чем упирающимся. Вернувшись с зимних каникул, сразу позвонил Аксенову и в тот же день переехал на улицу Большая Зеленина.

Хозяйка несколько раз провела меня через кухню мимо цепкой собаки, породу которой я сразу определил – «баскервиль».

Результатом этой трепетной прогулки было доброе ко мне отношение со стороны «баскервиля». Наклонив голову, он молчаливо глядел на меня и поигрывал рыжей бровью. Но когда я пытался пройти через кухню один, мне показалось, что от злой натуги разгибаются звенья его чудовищной цепи. Как говорят современные дипломаты, мы так и не нашли никаких точек сближения.

К Васе «баскервиль» относился вполне дружелюбно.

Наконец-то мы смогли вплотную приступить к сценарию. Писали порознь на противоположных концах нашего длинного «табльдота». Потом сводили написанное воедино, если куски проходили совместный ОТК. Помню, Вася настаивал на сцене, куда бы можно было вложить подслушанный в Москве диалог. А вложить надо, чтобы бретелек не было видно, чтобы заподлицо, чтобы аж защелкивалось. Вот мы и подгоняли эпизод к диалогу, а к диалогу даже не притрагивались.

- В Дрездене был?

- Был.

- Сикстиншу видел?

- Видел.

- Ну и как?

- Сила!

Напомню, что тогда Пушкинский музей выставил припрятанные картины Дрезденской галереи, которую во время войны вывезли из Германии наши войска. Вася побывал на выставке и где-то услышал этот разговор.

Вечером мы спускались в столовую, которая располагалась прямо под нами, или покупали чего-нибудь в гастрономе – он тоже был на первом этаже. Однажды Вася пришел домой расстроенный. Оказалось, в магазине, в пригоженном месте, собирал медяки наш знакомый нищий, он же алкоголик. Мы подавали дяде медяки, и иногда ему хватало на чекушку, если в магазине было заходно. Вася подробно рассказал, как наш знакомый сосчитал выручку – еще и лишков было. Отдал деньги, получил товар и стал поноравливать доньшком бутылки в сторону кармана. Да вот беда – передоверился мышечному чувству. Под ногами были опилки, но чекунец все равно лопнул, глухо и безэффектно. Дядя наверняка бы приник к бетону и на вдохе вобрал бы сугубую влагу, но на полу были опилки, и он только рукой махнул и устремился на волю.

На такие сцены Вася был мастер. Однажды он рассказал, как в день смерти Сталина шел в институт.

- ...а навстречу лабух идет знакомый и рыдает навзрыд. Я говорю: «А чего же ты плачешь?» А он мне отвечает: «Как же мне не плакать? Ведь чувак на коду похилил!»

Я заподозрил анекдот, но мне никогда не хотелось разочаровывать рассказчика своей догадливостью.

В другой раз Вася вспомнил, как к ним в Казань приехал джаз Дмитрия Покрасса. Музыкальная Казань, избалованная джазом мукденовца Олега Лундстрема, встретила москвичей более чем прохладно. Да и то: Дмитрий Покрасс был песенником на излете, а уж джазистом – никаким. После вежливых аплодисментов на прощанье какой-то лабух подошел к сцене и громко проговорил:

- Лажуки вы, а не джаз!

Никогда Вася не говорил о своих родителях. А я, почувствовав, как некий магнетизм отводит в сторону случайное неловкое любопытство, никогда никаких вопросов не задавал. Я ждал, когда он сам расскажет. Году в 70-м он спросил меня:

- Ты знал о моих родителях?

Я ответил, как есть, что догадывался.

В недавней статье о том времени он обмолвился, что приучил себя не подчеркивать свои литературные пристрастия: это могло бы стать компрой. Но я отчетливо помню, как на Большой Зеленина Вася стал бредить стихами Бориса Пастернака, когда ему в руки попался довоенный сборник.

Красавица моя, вся статья,
вся суть твоя мне по сердцу.

Все хочет музыкую стать,
и все на рифмы просится.

Это была не просто симпатия, а влюбленность. Он сказал мне, что Бухарин, делавший доклад о поэзии на I писательском съезде, назвал Пастернака поэтом поэтов. И именно поэтому такая трудная судьба у Пастернака.

Вскоре он сел за прозу. Строфа Пастернака вошла в первый же рассказ. Насколько я помню, в рассказе трепетала жаркая, стыдная любовь, а великолепный ленинградский герой, теряя голову, выключал бра. Спустя несколько лет именно эти рассказы взяла «Юность». Вася написал мне в Орел, что в редакции журнала встретил хороших, доброжелательных людей. К тому времени он женился на Кире и стал москвичом.

Но наш писательский стаж берет начало с публикации в институтской многотиражке «Пульс» весной 1956 года. Я опубликовал там стихи, а Вася – короткий рассказ. Мы писали за славным нашим «табльдотом» в доме на улице Большая Зеленина. Сессия помешала нам написать сценарий. Первую премию, на которую мы нахально рассчитывали, получил фильм по сценарию И. Ольшанского «Дом, в котором я живу».

Весной в институте организовалось литобъединение. По предложению Аксенова на первом заседании решили обсудить мои стихи. Из горного института

пригласили уже тогда известного Александра Городницкого, будущего знаменитого барда. Через неделю я читал свои стихи и меня изрядно ругали за романтизм. Очень может быть, что именно тогда я понял, какой душевной зрелости потребуют от меня невеселые коллизии медицины. Много лет спустя, когда я работал в краевой больнице Ставрополя, романтические крылышки, которые нацепили мне на спину доброхоты-обществоведы, одной фразой сшиб некий профессор хирургии, сказавший прилюдно: «Мы-то вот социализм любим, потому что при социализме усе можно». А до этого идиотские крылышки обгорали у нас после Венгрии, после Праги. И кто-то словно приговаривал: «Порхай, мужик, дуй с кочки социализма на кочку развитого социализма!»

Неужели социализм – это когда человек меняет кожу, а потом с него три шкуры сдирают?

Романтизм в судьбе писателя должен быть, как отдельный отрезок в эстафете. Всю дистанцию ему занимать противопоказано.

Не обошелся без этого писательского эфемероида и Василий Аксенов. В повести «Коллеги», написанной вскоре после первых рассказов, много «взаклебного». Не надо требовать с нее больше, чем мог романтизм. Но в успехе книги заключалась и определенная опасность: автор мог бы посчитать благополучный, гарантийный романтизм своей филологической нишей и на том умиротвориться. Слава Богу, этого не произошло.

А институтские рассказы Аксенова мы обсуждали за чашкой чая на квартире у другой будущей знаменитости, тоже медика, Ильи Авербаха. Васины рассказы всем понравились. Романтический отрезок Вася начал в прекрасном стиле. Хозяин дома Илья Авербах читал затейно загнуденные стихи. Знал он великое множество и чужих стихов. Очень скоро, почти без разбега, Илья стал крупным кинорежиссером. Он был моложе нас на курс и, к сожалению, очень рано умер.

Третьим членом Союза писателей на нашем курсе стал Семен Ласкин. Он был самым опытным из нас, ходил в Дом литераторов и с литобъединением не связывался.

До окончания института произошло два события, которые мне запомнились. Во-первых, мы съехали с квартиры и перешли в общежитие, которое располагалось в здании долговой тюрьмы, построенной по проекту Карла Росси.

Однажды я промчался по кухне мимо зашедшегося в лае «баскервиля» и увидел, как Вася мечется по комнате и выкрикивает в сторону хозяйской половины жуткие слова, от которых ссыпалась со стен штукатурка. Надо сказать, он всегда был спокойным и негромким. Смеялся, похихикивая. Ругался лексикой, мимикой, а не децибелами. Чаще в досаде морщил лоб и отмалчивался.

Я сейчас уже не помню, что произошло: то ли хозяйка повысила квартплату, то ли не дала поговорить по телефону, то ли шарила в вещах квартиранта.

В общем, Вася, что называется, стравил давление. И мы съехали: на трамвайчике по улице Красных курсантов, по набережной речки Карповки – к себе в общагу, в долговую тюрьму, благо нашлись места.

И второе событие. Я долго ходил мимо Дома литератора, не смея туда зайти. Но однажды зашел. Отыскал комнату литконсультанта, как когда-то в Крыму, в Симферополе. Меня встретила милостивая, моложавая, но абсолютно седая женщина – Елена Вечтомова. Она по-доброму отнеслась к моим стихам и пригласила меня на областную конференцию молодых писателей. На пленарное заседание мы пошли вдвоем с Васей. Властителем дум на V областной конференции был Владимир Британишский. Он, как и Александр Городницкий, был студентом горного института. Мне запомнились стихи о том, как у нас черепные коробки обклеены изнутри передовицами газет. Прошел XX съезд, что-то разгерметизировалось в мощном идеологическом каркасе Союза. Но А. Прокофьев, писательский пастырь Ленинграда, до конца дней своих оставался бдительным и внимательно оглядывал идеологический окоем. Ему пособлял критик Дымшиц, который для страха новоявленных борзописцев возгласил, что поэт Николай Гумилев – не чета нынешним, а ведь никогда больше не будет издан. Никогда!

И все-таки наши черепные коробки больше уже не смогут обклеить изнутри передовицами газет с набором партийных лозунгов на все случаи жизни.

Уверен, что аура вокруг головы, экранирующая мозг от павломорозовщины, ждановщины и иного стыдобища, появилась у Василия Аксенова раньше и выраженнее, чем у меня, потому что ни с чем не сравнимо потрясение, вызванное арестом родителей, их долгим Магаданом и их негарантированным возвращением.

У меня не было шока, мой Берия был провинциалом с вялыми мышцами и оплывающими от жары извилинами.

И уже о своих родителях
почему-то вспомнилось вдруг.

Я процитировал стихи Леонида Агеева. Вместе с ним я был на семинаре у С. Орлова. Мне нравились его стихи, в них пульсировали боль, доброта, милосердие. Потом я скупил сборники Владимира Британишского и Леонида Агеева, читал вполне добротные стихи и прозу, но никакого со мной самовозжигания не происходило. Я виноват, оттого что перестал быть наивным, или редактор, сделавший их другими относительно себя и одинаковыми относительно друг друга?

На Ставрополье я не единожды наблюдал стрижку овец. Молодняк не узнает своих маток, блеет, мечется. Мне это всегда напоминало новобранцев после стрижки и бани: «Ванька, ты где?»

А вот, значит, и поэтов не узнать: в рукописи – такие, а после редакторской стрижки совсем другие.

Я ведь и о себе пишу. Провинция защищает, скажем, от демонстрации на Красной площади в 68 году по случаю вступления наших войск в Прагу. Или от писем в защиту Пастернака или Солженицына. Не дошли письма, и все. Но она не защищает от редактора-провинциала. В провинции бывают писатели похрабрее, но не бывает храбрых редакторов. В заводе таких нет!

«Ванька, ты где?»

Когда в «Юности» был опубликован «Звездный билет» и началось безобразное идеологическое избиение, Вася сказал мне в одну из встреч, что у него есть договор с «Советским писателем» на издание романа, но он его пока не подписывает.

- Они многого от меня хотят, – сказал он.

Вот это выдержка, подумал я.

В мае 56 г. на даче в Переделкине застрелился А. Фадеев.

В июне 56 г. мы сдали последнюю сессию и разъехались кто куда. Вася, насколько я помню, остался работать в Ленинградском порту. К сценарию в заочном порядке, о чем нам мечталось, мы так и не вернулись. У Васи вкручь пошли литературные дела. Я с головой ушел в хирургию и потихоньку готовил сборник стихов. Виделись мы редко. В 1962 году я приехал в Москву на курсы усовершенствования по детской хирургии. Пришел на Метростроевскую, где жил Василий Аксенов. Это был громадный дом, очертивший коридорами внушительный квадратный участок земли. Там зеленел палисадник и балдела молодежь. Жильцы романа «Звездный билет» звали этот дом «Барселоной». А вживе он прозывался «Парижем». Потом Аксенов купил кооперативную двухкомнатную квартиру на 2-й Аэропортовской, в писательском доме.

Осенью мы хоронили с ним Э. Казакевича. Один раз посидели в «Метрополе» с Анатолием Гладилиным. Однажды он зашел ко мне в общежитие на Беговой. Вася рассказал, что в «Новом мире» появилась необычная повесть. Ее не с чем сравнить. Такого не было в нашей литературе. Повесть называется «Один день Ивана Денисовича». Автор – какой-то А. Солженицын. Прочитав интервью с Солженицыным, я с удовлетворением отметил, что мы оба с ним избегаем ненужных собраний и на том экономим время. Тогда я не догадывался, что через два года стану земляком Солженицына.

Запомнился мне забавный случай, рассказанный в тот раз Аксеновым. Будто бы первый секретарь Приморского края прилетел в Москву и услышал, как на разных партийных форумах на все корки честят Аксенова и его друзей: шла известная шумная кампания с Хрущевым во главе.

- Господи! – воскликнул секретарь. – Ведь он сейчас у меня в крае живет, внутри меня подрывает!

И он-таки подрывал: там у него родились «Апельсины из Марокко».

Курсы мои продолжались четыре месяца. В конце 1962 г. Вася подписал мне «Коллег» (он сам к тому времени уже оставил медицину): «Герке Шумарову, хорошему другу, на память о продавленных диванах, о длинных дождливых днях и о начале начал в 1956 г. Целую. 28.XI.62. В. Аксенов».

В 1963 г. я стал участником IV Всесоюзного совещания молодых писателей. Вася пришел в гостиницу «Юность», где шло пленарное заседание, о чем я ему сообщил. Хрущевская «оттепель» теряла свое название, когда речь заходила о творчестве Аксенова, Вознесенского, Евтушенко, Окуджа-

вы. Я думал, Вася привык к битью. Нет, он всего лишь привык держать себя в руках. Интересно, что перед заседанием, в перерыве и в конце крутили марш Андрея Эшпая «Мы шагаем» на стихи Е. Евтушенко. И с меня от этой музыки ссыпалась брань К. Федина и «румяного комсомольского вождя» Павлова. «Не робей, Вася, надо выдержать!»

Помню, не по сценарию выступил Владимир Костров, тогда зав. отделом журнала «Смена»:

- Такое отношение к молодым, – сказал он, – напоминает мне известную сцену из «Поднятой целины», где Нагульнов норовил скрутить головы сельским петухам: они мешали ему изучать английский...

В 1965 г. я поехал на усовершенствование в Ленинград. Остановившись в Москве, позвонил Аксенову. Московский автомат – что за штука! Истратил все двухкопеечные монеты, которые загодя собрал в Ставрополе. Жена спросила, кто звонит и по какому делу.

- Привет, старик! – сказал он одышливо.

Я спросил, как жизнь, и все такое.

- Да вот, пьеса на выходе.

- Это «НЗ»? Кто ставит?

В свое время он говорил, что пишет пьесу, где фигурирует человеческая совесть. Потом он назвал ее «Всегда в продаже».

- «Современник». А у тебя как литература?

Я засмутился. Какая там к черту литература! Критики обо мне говорили редко, но плохо.

- «Советский писатель» роман принял, – говорю.

- Хорошо, старик. Надолго в Москве?

- Сегодня улетаю.

- Жаль. Никак мы сегодня не увидимся. Сейчас ухожу и буду в бегах.

- Ладно, приезжай в Ленинград. Я в институте усовершенствования.

- Может, и приеду...

Прощались.

1970 год. Долго не мог дозвониться до Аксенова. Однажды позвонил в 8 утра.

- Привет! Как живешь?

- Да ничего...

Долгая пауза.

- А я вот опять приехал на усовершенствование.

- Мне Гизя говорил.

Гизя – это Ильгиз Ибатуллин, доктор меднаук, приятель Аксенова по Казани и мой преподаватель в институте усовершенствования. Он рассказал мне, что Вася после того, как забрали его родителей (отец – председатель Татарского облисполкома, мать – будущая писательница Евгения Гинзбург), оказался в Казанском детдоме. Мне Аксенов об этом ничего не говорил на ул. Б. Зеленина в Ленинграде.

- Как нам свидеться?
- Я сейчас не могу сообразить. Позвони вечером.
- Ну, привет!

В тот раз мы с ним все-таки встретились. Шли к ЦДЛ. Когда проходили мимо какого-то посольства, он сказал:

- Больше всего на свете хочу быть послом Исландии в Швейцарии. Договор бы заключил на одну селедку в год и жил припеваючи...

Ему было скверно: травля продолжалась. Он много писал, но его не печатали. Вынужден был заниматься переводами. Спросил меня в тот вечер:

- А в медицину назад меня возьмут?

По правде, в медицину его не тянуло, но, видно, очень важно сознавать, что один мост позади тебя не сожжен.

В ЦДЛ мы встретили Владимира Максимова.

- Ну как, сэр, не пьете? – спросил Аксенов.
- Нет, а вы, сэр? – в свою очередь поинтересовался Максимов.
- Нет.

Аксенов к тому времени не пил два года. Больше мы с ним не виделись.

Когда он оказался «за бугром», я вспомнил эту встречу.

Кричу провин чувал,

зову вас на гулянье.

Я сам провинциал,

но друг мой – забугрянин.

Вроде существует разница между столицей и провинцией, а вроде и нет. Здесь, в моей провинции, возможна любая литература – от большой до малой. Можно пробавляться и шершавым языком плагиата – за это не сажают. Я провинциальных писателей делю на талантливых, работоспособных и просто трудоспособных. В провинции много работоспособных и много трудоспособных. Народившиеся таланты норовят в Москву, но там проще всего устроиться литературным чиновником. Новодевичье кладбище принимает без гарантий. Юрия Трифонова уже похоронили черт-те где. Впрочем, жить можно: можно на щите, можно со щитом, а можно еще под щитом на белом коне... Стиль? Ну, какой стиль – всякий! У одного писателя – это комплекс освоенных приемов, у другого – стихия авторского характера, тоже ведь не лыком шиты! Стиль – какая-то характеристика яркости. Я припоминаю писателей, средняя яркость таланта которых значительна, но их не знают даже собратья по перу. В том-то и дело, что яркость – категория суммарная, а обывателю нужна хотя бы единичная вспышка. Обыватель, конечно, не задумывается, что вспышки нередко бывают искусственными: статья в газете, большой тираж в центральном издательстве, орден в петличку – в силу престижного положения на писательском насесте.

Истинная цена писателя определяется народом. Народ думает долго и, главным образом, уже после смерти писателя, когда от него остались одни

книги. Ни про ордена никто не вспомнит, ни про поцелуй врасплох на ковровой дорожке аэропорта.

Как-то я был на сельской читательской конференции. В конце встречи встал механизатор и сказал:

- У вас хорошая профессия – хирургия, а вы ерундой занимаетесь. Я вон смотрел «Семнадцать мгновений весны» несколько раз. Оказывается, такого Штирлица и не было вовсе!

Читатель уже не верит художественному слову, скоро не будет верить вообще написанному, москвич ты или провинциал. Если хочешь сеять разумное, доброе, вечное, пользуйся квадратно-гнездовым способом. И не сажай в торфоперегнойных горшочках: вечное не будет расти, или будет расти не вечно, или вечно не будет расти...

Дуют ветры революции, которую мы прославляли, дуют, сметают все на своем пути. И только стронциевая пыль оседает, несмотря ни на какие ветры. Смехом оборачиваются нынче тексты, предназначенные для вечного хранения в анналах социалистического (по одному предложению 1934 г. – оптимистического) реализма. Патетика – порыв. Пафос проходит, от него остается чувство неловкости. Поэтому литература, как правило, не должна быть патетической.

Не думаю, что мы с тобой расходимся в оценках таких явлений.

Время бездарных кончается. То есть они будут здравствовать, но не в качестве писателей (точнее, членов Союза писателей), а в качестве обычных, простых и прекрасных землян. Впрочем, тот факт, что кончается время бездарных, не означает, что начинается время даровитых. Надо учиться жить в условиях рынка. Одна пишущая дама обратилась к администрации края с вопросом: «Надо ли становиться базарной бабой в условиях рынка? А если я давно стала базарной бабой, то ускорила ли я рыночные отношения? Увеличат ли мне за это пенсию?»

Я таких обхожу. Не замечать бездарность – дело такта. А вот не замечать талант – это слепота. К сожалению, слепыми бывают от зависти. В чужом кармане кошель толще кажется. Если бы наши писатели так относились к чужому таланту! А то ведь свой талантик малым не бывает. По этому поводу я добавлю еще вот что. В слезах, вызванных естественными эмоциями (смех, сопереживание чужому горю – эти эмоции может вызвать только настоящий талант, настоящее искусство), содержатся болеутоляющие вещества. В «луковых» слезах этих веществ нет. Значит, настоящий талант лечит!

Итак, вроде существует разница между столицей и провинцией, а вроде и нет. А не поехать ли нам к лекару в Ясную Поляну? В Спасское-Луговиново?

И за рубежом, видно, те же мерки. По ассоциации вспомнил случай. Говорю приятелю:

- Я свою рукопись отправил в зарубёж.
- Неужто в заграничном журнале читаем? – удивился он.
- Да нет, зарубёж – от слова «зарубить».

У меня большая семья, Вася, поэтому в условиях рынка мы вряд ли погибнем с голоду, но зато, я понимаю, никогда не станем миллионерами – так проявляется в быту закон больших чисел.

И я решил участвовать в приближении светлого дня капитализма, как раньше участвовал в днях развитого социализма. Я полагал, что каждое мое слово на вес золота и этого золота хватит на покрытие федерального бюджетного дефицита. Но тут выяснилось, что мое слово решительно никому не нужно. Скорее останется дырка в бюджете (или будет еще одна дырка), чем минфин согласится достойно оценить Слово.

Принадлежность к цеху словесников в настоящее время стала синонимом обнищания. У меня лично наблюдались две стадии обнищания. Первая, когда приходилось говорить: «За словами в карман не лезу: дыра в кармане! И вторая, когда я вынужден был признаться: «За словом в карман не лезу: штанов нет».

Мы, словесники, можем красиво и в больших количествах вешать лапшу на уши. Сейчас, во времена дурного рынка, я говорю себе: хорошо, если кто-нибудь будет мне и только мне вешать лапшу на уши. Уж больно дорогая она в магазине. А еще – хорошо бы кто-нибудь свинью мне подложил, как в том гексаметре:

Слышал недавно я, будто Степану свинью подложили.

Вот бы однажды свинью кто-нибудь мне подложил!

Совсем недавно мы говорили, что построили развитой социализм. Для одних это был социализм Ильича. Для других социализм магарыча, для третьих – социализм стукача. Писателям достался соцреализм Лебедева-Кумача: «Идем, идем, веселье подружки, а мы лежим, веселье мужья». Социализм учреждался у нас, я думаю, в порядке экскрементаторства – прошу прощения, это от слова «экскремент», т. е. кал, или, как говаривал наш вождь и учитель, говно. Юрий Олеша придумал для сонмища соцреалистов красивое программное определение – инженеры человеческих душ. Будучи к тяжкому своему провинциальному писательству еще и, как ты знаешь, хирургом, я вывесил на своей двери табличку: «Инженер человеческих душ – инженер человеческих туш».

Я уже упоминал о некоей пищущей даме, члене Союза писателей, членописке. Она приближала рыночные отношения тем, что была базарной бабой. Так вот, эта самая членописка в минуту редчайшей для нее скромности назвала себя, чтобы не быть похожей на других, техничкой человеческих душ.

И вот наступила пора преобразений. Пик Коммунизма на Памире переименовали в «Тупик Коммунизма». Последними лауреатами Госпремий СССР стали Виктор Астафьев, Булат Окуджава и Исхак Машбаш. СССР распался. Теперь мне не грозит, по крайней мере, союзное лауреатство. А то приставали всякий раз: «Давай присвоим, давай торжественно проткнем твой лацкан!» Дудки, теперь собственный лацкан протыкайте, если лишний пиджак есть! А свой целехонький лацкан я унесу в могилу. Вот только боюсь, что крест мне поставят не на родине, а на экономическом пространстве.

Но, слава Богу, я пока жив. Чтобы этот факт не очень бросался в глаза, взяли да и учредили белибердализацию... дебилиберализацию цен – в надежде, что я не переживу. И верно, инженерам и техничкам человеческих душ стало туго. Бумага вздорожала, типографская краска за валюту, коленкора и вовсе нет. Вот такой коленкор!

Раньше мы занимали первое место в мире по запасам баночной кильки в томате. Дешевка! Сейчас мне кажется, что политика российского выголаживания понадобилась, чтобы ликвидировать эти запасы. И ликвидировали! В числе ликвидаторов первыми были писатели.

Великий Фет так определил поэта: это человек, который верит, что, если он выбросится из окна высокого дома, у него вырастут крылья и он не разобьется. Как-то показываю своему приятелю на странные фигуры в облаках:

- Узнаешь, кто там в небе? Это наши поэты парят в условиях рынка!

Теперь многим из нас надобно не книжки писать – это слишком неприбыльное дело, а в засаде на мамонта сидеть. Егор Исаев кур на даче разводит – тоже хорошо! Но я вам скажу: все-таки лучше просить на воле, чем получать в ГУЛАГе. Не дай Бог, если в наше бедное время ударники наших джаз-оркестров пойдут по укупной цене на должности стукачей, а пенсию будут получать как ударники коммунистического труда. Впрочем, один знакомый медвежатник, не принимавший тенденцию к снижению престижности его профессии, обиделся, когда его назвали специалистом по замочным скважинам.

Вот только боюсь я, что социализм у нас вогнали в гены, в клеточный обмен. А мы, прибегая в лечении общественного организма к оперативным методам, всего лишь вырезали селезенку, которая якобы заведует социализмом. После операции, глядь-поглядь, а в крови снова плавают злокачественные клетки социализма! Опасаюсь, что тогда в Санкт-Петербурге у Собчака могут появиться собчекисты, а петербургские совки в альтернативном порядке выберут своего мэра – Совчака. Из-за этих клеток один знакомый писатель не пишет месяцами и годами, все молит: «Не манны с неба взыскую, но соцхалывы!» Морда у него вся в пуху соцреализма. Боги, не давайте ему бессмертие, ибо всю оставшуюся жизнь вам придется платить ему пособие по безработице. Ох, и научил же его социализм бездельничать – в гены вошло, в клеточный обмен! Вчера он сказал мне:

- В условиях рынка я открыл свое дело и занялся копчением.

- Копчением чего? – изумился я.

- Копчением неба! – важно ответил он.

Я подумал и тряхнул в ответ буйной головой:

- А я буду слизывать гуммиарабик с конвертов. Ибо голодно. А то еще учиню фабрику по производству бисера для свиной. Или займусь генной инженерией: буду засаживать лысины мужиков колючими кактусами.

Может, все-таки снова начнем развивать социализм? Пройдет еще лет семьдесят, и мы его реставрируем – с человеческим лицом, несколько ря-

бым и большеусым. Я как бывший хирург могу потряхнуть стариной и помочь при кожной пластике, ибо знаю, что лучше всего при исправлении дефектов лица приживается кожа с задницы.

В своих симпатиях к социализму многие шестидесятники премного обязаны своему ровеснику и земляку, бывшему Генсеку и Президенту, со школьных лет и до наших дней занимающему первые места по подводному ориентированию на социализм: его он находил в любом грязном, экологически опасном водоеме. Так что желающие могут стать с ним союзниками по социализму. Как говорит само слово, союзники – это те, кто вместе юзом пруд, дымя штанами, с высокой горы, с пика Коммунизма.

А может, желаете быть союзниками? То есть узниками одной тюрьмы... Только вот что надо помнить: не тот стал цех словесников, отвязался. Не те подручные партии, инженеры и технички душ. Я был так сказал:

Поэты партии своей не благодарны:
иные уж спились, а те – бездарны.

Когда ты в конце 89 г. впервые за десять лет приехал в Москву, к послу Метлоку понадобилось много твоих приятелей, уже забывших, кто ты такой. Я попросил одного рассказать о встрече, о которой много писали.

- Ростбиф был хорош! – вспомнил он.

А наш провинциальный Ставрополь – город тополиного пуха, шумных колесных тракторов и ярких цветов, которые продают на улицах в детских колясках.

А стадион слышен на всех окраинах города.

Яцутко Денис Николаевич (род. 16.07.1972) – российский беллетрист, публицист, редактор и критик.

Денис Николаевич Яцутко родился в Ставрополе. Окончил ставропольскую зональную школу комсомольского актива, математическую школу, филологический факультет Ставропольского государ-

ственного университета и сержантскую школу в ленинградском гвардейском артиллерийском полку. По образованию – учитель русского языка, литературы и культурологии, командир противотанкового отделения. Работает менеджером по рекламе и связям с общественностью в техноторговой корпорации.

Автор книги «Божество» (2005). Кроме одноимённой повести, в сборник вошли рассказы «Фрося», «Система и элементы», «Женя и Воннегут», «Морская» и «Память мифа». В антологию «Прозак» (2004) составитель Макс Фрай включил эссе Дениса Яцутко «Пустой город».

В вышедшем в 2008 году под грифами Минрегионразвития РФ и РАН энциклопедическом издании «Народы России. Атлас культур и религий» Денис Яцутко выступил как член редколлегии и выпускающий редактор.

Денис Яцутко писателем себя не считает. Однажды он так обозначил свою принадлежность к писателям. «Я – участник современного литературного процесса. Потому что написал книжку. И даже издал. И даже номинировался на какую-то премию. Газеты и журналы писали на меня рецензии и брали у меня интервью, а в одном клубе ко мне даже пару раз подошли за автографами. С тех пор некоторые несознательные личности называют меня писателем и время от времени приглашают на разные литературные мероприятия». Скорее, Яцутко как раз из тех писателей, которых некоторые издатели именуют «сетевиками», то есть он пишет и публикуется в основном в интернете. В последнее время – в собственном блоге.

* * *

Увидеть художника легко

Может быть, они сэкономили на натурщиках и натурщицах. Может быть, как самоотверженные врачи самые рискованные эксперименты считали правильным проводить на себе. Так или иначе, почти все великие художники в своих портфолио имеют автопортреты.

Чемпионами могут считаться Альбрехт Дюрер и Рембрандт. Дюрер написал более пятидесяти автопортретов. Первый (рисунки серебряным ка-

рандашом) был создан, когда художнику было тринадцать лет, и впоследствии Дюрер добросовестно отображал этапы своей биографии. *Рембрандт* обычно время приписывалось около 90 картин, содержащих его собственное изображение. Однако позже было доказано, что минимум 20 «автопортретов» на самом деле были выполнены другими художниками.

Особым изыском в живописном мире было придать свои черты какому-либо персонажу картины. *Боттичелли* сделал себя героем картины «Поклонение волхвов». Несколько раньше другой итальянец, *Мазаччо*, одолжил лицо одному из апостолов в росписи капеллы Бранкаччи. *Джотто* (1267-1337), вероятно, изобразил себя в сцене Страшного суда на фреске в капелле Скровиньи в Падуе: восстановленный по черепу облик художника почти полностью совпадает с предполагаемым автопортретом. Да и Дюрер на одном из автопортретов изобразил себя в образе Христа (Мюнхен, Старая Пинакотекка). И, наконец, до сих пор не опровергнута гипотеза о том, что *Леонардо да Винчи* положил в основу знаменитой картины «Мона Лиза» собственный автопортрет.

Эжен Делакруа (1798–1863) картиной «Свобода, ведущая народ» («Свобода на баррикадах») откликнулся на события Июльской революции 1830 г., свергнувшей короля Карла X и установившей во Франции буржуазную монархию. Новый король Луи Филипп купил картину за три тысячи франков, но никогда не выставлял ее. В одном из повстанцев – молодом буржуа в цилиндре слева от Свободы – художник изобразил самого себя.

Микеланджело Буонарроти (1475–1564) придал сходство с собственным лицом изображению содранной со святого Варфоломея кожи в сцене «Страшного суда» в росписи Сикстинской капеллы.

«Последний день Помпеи» стал самым известным произведением русского художника *Карла Брюллова* (1799–1852). В картине нет главного героя, но есть мотив катастрофы, неистовства сил природы, эффектное багровое освещение. Все персонажи написаны в академическом духе: их позы красивы и величественны, они похожи на античные статуи, волнение и ужас отражаются лишь на лицах. Среди многочисленных охваченных паникой героев картины выделяется фигура художника, несущего ящик с красками, – это автопортрет Брюллова.

«Явление Христа народу» – самая известная картина кисти *Александра Иванова* (1806–1858). На ней он изобразил себя рядом со святым Иоанном Крестителем, лицо которого также напоминает лицо художника. Считается, что автор картины хотел показать, что «художник тоже пророк» – он слышит голос Бога и доносит его до людей при помощи красок.

Гений заменит народ

Искусство принадлежит народу. Народом создается и народом же потребляется. Сегодня это не лозунг, а суровая правда жизни. Прошли времена, когда гений вещал с недоступной трибуны, а массы рукоплескали в паузах. Тоталитаризм закончился не только в политике.

Диктатура признания

Нет больше такой диктатуры. В этом виноваты индивидуализм и демократия. Точнее – переосмысление демократии. Раньше ее понимали как власть большинства, теперь в основном – как защиту прав меньшинств и отдельных личностей. Поэтому сегодня из того, что художник – признанный и известный, совершенно не следует, что, например, я или вы должны непременно относиться к его творчеству с уважением. Гений? Это кто сказал? Миллионы поклонников? Ну да, миллионы леммингов не могут ошибаться. . . Авторитетов нет не только среди живых, но и среди почивших классиков. Информационное поле выровнялось. Что нам Моцарт или Альбиони, когда есть миди-клавиатура, микрофон и бесплатный хостинг для музыкальных файлов? Ходишь в консерваторию? А я хожу на <http://music.lib.ru/>. Любишь Бродского? А где он выкладывается? Помер? Хм, бывает. . .

Равенству творцов способствует Интернет. Если солидное издание Гумилева в твердом переплете внушает больше доверия, чем изданный за свой счет тоненький сборник стихов Васи Пупкина, то в окне браузера и Гумилев, и Вася выглядят одинаково. Особенно если на страничке не указан автор и авторитет фамилии, слышанной на школьных уроках литературы, не давит на мозг.

А с точки зрения обратной связи Вася даже выигрывает в сравнении с Николаем Степановичем. Девушка может написать к его стихам комментарий, Вася Пупкин ответит, они встретятся в офлайне, поженятся и родят детей. С Гумилевым это по понятным причинам невозможно. Может показаться, что возможно с каким-нибудь живым идиолом. Да, возможно. Но маловероятно. Живой идол (певец, писатель, художник) – он почти как мертвый классик. Только вместо границы между жизнью и смертью вокруг него стеной стоят харизма, самомнение, свита и деньги. Через них не пробиться. А Вася вот он.

Диктатура денег и экспертизы

Кто раньше решал, что нам смотреть, читать, слушать? С кого начиналось народное признание таланта? С экспертов и денежных мешков.

Так называемые профессионалы утверждали: есть объективные критерии качества произведения искусства, и этими критериями владеем только мы. Мы сами все выберем, на ложечке поднесем, а вы хавайте. И хавали. Другого-то взять негде было.

Подход денежных мешков к искусству очень похож. Только для большинства из них основным критерием качества является предполагаемая прибыль.

Так или иначе – рукопись, музыкальное произведение, спектакль должны были сперва понравиться редактору, издателю, худсовету, продюсеру, литературному консультанту. Только в этом случае они могли увидеть свет, точнее – свет мог увидеть их. Но кто все эти люди? Они окончили консерваторию и/или заработали миллион? И только поэтому имеют право решать, что мне читать и слушать? Чуть ли какая-то.

Но и эта проблема уже почти решена. Множительная техника (от ксероксов до DVD-рекордеров) и все тот же Интернет с его бесплатными публичными

площадками для размещения чего угодно и файлообменными сетями постепенно смещают экспертов и издателей с их трона. В конце концов, компьютер есть уже почти в каждом доме, а где нет, скоро появится. Любой, если можно так выразиться, творческий продукт на домашнем компьютере можно довести до читабельно-смотрябельного состояния. Самостоятельно же его можно и запустить в Сеть или растиражировать на каких-нибудь носителях. Миллионного тиража дома не выпустишь, но это и не нужно. Если народу понравится, он сам сделает себе тираж. Как в позднесоветские годы гуляли на десятках тысяч аудиокассет записи «Аукциона» и Вилли Токарева и ходили в машинописных распечатках стихи Дмитрия Александровича Пригова. А ведь тогда были только магнитофоны, пишмашинки и ксероксы, да и то не у всех. А сегодня любая информация может быть скопирована за минуты и за минуты же передана в любую точку земного шара. Да хоть в миллион точек.

Существование издателей в такой ситуации выглядит архаичным недоразумением. Скоро оно благополучно разрешится, можно по этому поводу не беспокоиться. С одной стороны, это приведет к тому, что читателю (зрителю, слушателю) станет сложнее выбирать среди миллионов равноправных творцов, таких же, как он сам. С другой стороны, это будет именно личный выбор, собственный, а не навязанный индустрией. И если уж в этой среде кто-то завоюет всемирную известность, эта известность будет круче, чем сейчас у Бритни Спирс или Дэна Брауна.

Диктатура формы

Вообще стихи, песни и прочие жесткие формы несут на себе отпечаток тоталитарного прошлого. Почему, чтобы сказать что-то, я должен это рифмовать, класть на музыку, придумывать название, вообще облекать в какую-то жесткую, определенную неизвестно кем форму? Почему нельзя просто сказать? Чем это хуже? А ничем. Тем более что просто сказать сегодня тоже можно всему миру. Например, в своем блоге. Конечно, если хочется зарифмовать, можно и зарифмовать, никто не запрещает. Но читателей у ресурса, где только стихи (только проза, только песни), в среднем будет меньше, чем у странички, на которой человек пишет все, что в голову взбредет. Живое и настоящее – оно интереснее. Именно потому, что живое и настоящее.

Диктатура автора

Вася Пупкин со своими стихами – тоже диктатор. Как и любой автор, даже если это автор блога, пишущий о том, как у него нога зачесалась. Он вещает – остальные внимают и комментируют. Комментирующий – соучастник творческого процесса, но вторичный, почти подчиненный. Это так до тех пор, пока мы находимся непосредственно на странице автора, пока она является для нас отправной точкой для скольжения по ссылкам. Проблему диктатуры автора в Интернете решают «ленты друзей» и rss-агрегаторы. Обновляемая лента записей разных авторов – это уже демократичная среда, где выделить кого-то – привилегия читателя.

Кроме того, в книжку особенно не вмещаешься, а в текст в электронном виде – легко. Клавиатура всегда под рукой. Скопипэйстил – и вноси любые правки. Текст уже не воспринимается как нечто неизменное, принадлежащее кому-то одному.

С музыкой и изображениями сложнее, но при определенной сноровке можно справиться и с ними. Кто не видел самодельных клипов с музыкой, например, «Раммштайн» и видеорядом из какого-нибудь аниме. Я уж не говорю о гоблинских озвучках голливудского кино и модной практике «фотожабы».

В офлайн-искусстве диктатуре автора тоже приходит конец. Над каждым треком какой-нибудь Бейонс Ноулз трудился человек по двадцать, создавая их из сэмплов, каждый из которых имеет своего автора, а то и нескольких. А потом каждый такой трек переживает пяток официальных и добрую тысячу «самодельных» римейков. О диджейских сетах можно вообще только упомянуть.

Флеш-мобы и треш-мобы – абсолютно коллективное и свободное искусство. Основную тему, фишку флеш-моба, конечно, кто-то придумывает, но участники чаще всего не особо интересуются, кто. Причем случайные прохожие становятся невольными соучастниками флеш-моба.

Творцы, для которых важен скорее процесс, чем зрители, участвуют в другом виде современного безавторского искусства – ролевых играх. Пусть игра проводится по произведениям какого-нибудь писателя, пусть ее канву сочиняет игровой мастер, но характеры героев, нюансы, окончательный сюжет и, главное, атмосфера игры – это уже произведение коллективное.

Все будет хорошо

Конечно, и авторское искусство, и издательская индустрия, и экспертиза никуда не денутся, только изрядно сдуются. В пользу этого говорит исторический пример с кино и театром. Кино появилось – театров стало только больше. Тем не менее нынешний театрал – это оригинал, чудаки, любитель экзотики. Вскоре такими же оригиналами и чудаками будут казаться те, кто покупает в магазинах книги и диски. Нормой же для искусства станет свободное говорение всех со всеми без ограничения жанров и форм. Можно ли это будет назвать искусством? Вряд ли. Ведь это будет совсем не искусственно. Но этот процесс будет выполнять те самые функции, которые сегодня выполняет искусство: развлечение, концентрация рефлексий, эмоциональная подпитка, катарсис... Плюс это будет, в отличие от искусства, еще и полноценное и разнообразное общение. Словом, на смену (или на помощь?) искусству приходит естество. И это не может не радовать.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Абрамов Яков Васильевич</i>	10
<i>Бентковский Иосиф Викентьевич</i>	35
<i>Брянчанинов Дмитрий Александрович</i>	43
<i>Прозрителев Григорий Николаевич</i>	51
<i>Сургучев Илья Дмитриевич</i>	83
<i>Батурина Татьяна Петровна</i>	94
<i>Беликов Герман Алексеевич</i>	110
<i>Белоконь Сергей Владимирович</i>	126
<i>Боглачев Сергей Васильевич</i>	135
<i>Бойко Сергей Павлович</i>	143
<i>Бурмистров Федор Петрович</i>	152
<i>Бутенко Владимир Павлович</i>	161
<i>Гнеушев Владимир Григорьевич</i>	166
<i>Головко Вячеслав Михайлович</i>	183
<i>Губин Андрей Терентьевич</i>	214
<i>Егоров Иван Яковлевич</i>	218
<i>Заикина Светлана Андреевна</i>	222
<i>Зубенко Иван Михайлович</i>	228
<i>Илиади Илья Харлампович</i>	231
<i>Капиев Эффенди Мансурович</i>	234
<i>Кашпуров Иван Васильевич</i>	242
<i>Красуля Василий Александрович</i>	245
<i>Кустов Виктор Николаевич</i>	264
<i>Маркелов Николай Васильевич</i>	274
<i>Панаско Евгений Викторович</i>	281
<i>Попутько Андрей Лаврентьевич</i>	289

<i>Пухальская Галина Николаевна</i>	294
<i>Розенфельд Борис Матвеевич</i>	306
<i>Сахвадзе Николай Николаевич</i>	325
<i>Скрипаль Сергей Владимирович</i>	330
<i>Сутулов-Катеринич Сергей Владимирович</i>	340
<i>Туз Галина Георгиевна</i>	347
<i>Ходарев Витислав Васильевич</i>	360
<i>Черный Карп Григорьевич</i>	364
<i>Шелухин Тимофей Семенович</i>	386
<i>Шумаров Георгий Михайлович</i>	395
<i>Яцутко Денис Николаевич</i>	418

Редактор Т.Б. Кузнецова,
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

	Подписано в печать 11.11.11	
Формат 60x84 ¹ / ₁₆	Усл.печ.л. 24,65	Уч.-изд.л. 21,91
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Заказ 24

Отпечатано в ООО «Бюро новостей».